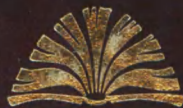

А. И. ТУРГЕНЕВ, Н. И. ТУРГЕНЕВ

Александр Иванович
ТУРГЕНЕВ
Николай Иванович
ТУРГЕНЕВ
—
ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

БИБЛИОТЕКА
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ОБЩЕСТВЕННОЙ
МЫСЛИ

БИБЛИОТЕКА
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ОБЩЕСТВЕННОЙ
МЫСЛИ

БИБЛИОТЕКА
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ОБЩЕСТВЕННОЙ
МЫСЛИ

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО НАЧАЛА XX ВЕКА

ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

БИБЛИОТЕКА
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ОБЩЕСТВЕННОЙ
МЫСЛИ
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО НАЧАЛА XX ВЕКА

Руководитель проекта

А. Б. Усманов

Редакционный совет:

Л. А. Опёнкин, *доктор исторических наук, профессор*

(председатель);

И. Н. Данилевский, *доктор исторических наук, профессор;*

А. Б. Каменский, *доктор исторических наук, профессор;*

Н. И. Канищева, *кандидат исторических наук,*

лауреат Государственной премии РФ

(ответственный секретарь);

А. Н. Медушевский, *доктор философских наук, профессор;*

Ю. С. Пивоваров, *академик РАН;*

А. К. Сорокин, *кандидат исторических наук,*

лауреат Государственной премии РФ

(сопредседатель);

В. В. Шелохаев, *доктор исторических наук, профессор,*

лауреат Государственной премии РФ

(сопредседатель)

МОСКВА

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

(РОСПЭН)

2010

ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

Александр Иванович
ТУРГЕНЕВ
Николай Иванович
ТУРГЕНЕВ

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

СОСТАВИТЕЛЬ,
АВТОР ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬИ
И КОММЕНТАРИЕВ (А. И. ТУРГЕНЕВ):

Е. Л. Рудницкая,
доктор исторических наук

СОСТАВИТЕЛИ (Н. И. ТУРГЕНЕВ):

М. П. Мироненко,
кандидат исторических наук

В. С. Парсамов,
доктор исторических наук

АВТОР ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬИ
И КОММЕНТАРИЕВ (Н. И. ТУРГЕНЕВ):

В. С. Парсамов

МОСКВА
РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
(РОСПЭН)
2010

УДК 94(47)(082.1)
ББК 63.3(2)
Т87

Долгосрочная благотворительная программа
осуществлена при финансовой поддержке
НПО «Благотворительная организация «Искусство и спорт»

Т87 **Тургенев А. И., Тургенев Н. И. Избранные труды /**
А. И. Тургенев, Н. И. Тургенев; [сост., авторы вступ. ст. и коммент.
Е. Л. Рудницкая и В. С. Парсамов; подготовка текста и сост. тома
М. П. МIRONENKO]. — М. : Российская политическая энциклопедия
(РОССПЭН), 2010. — 592 с. — (Библиотека отечественной обще-
ственной мысли с древнейших времен до начала XX века).

ISBN 978-5-8243-1146-4

УДК 94(47)(082.1)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-8243-1146-4

© МIRONENKO М. П., подготовка текстов
(Н. И. Тургенев), 2010
© Рудницкая Е. Л., составление тома, вступитель-
ная статья, комментарии (А. И. Тургенев), 2010
© МIRONENKO М. П., Парсамов В. С., составление
тома (Н. И. Тургенев), 2010
© Парсамов В. С., вступительная статья, коммен-
тарии (Н. И. Тургенев), 2010
© Институт общественной мысли, 2010
© Российская политическая энциклопедия, 2010

Александр Иванович Тургенев

Александр Тургенев принадлежит к людям, придающим духовному облику времени, в котором им довелось жить и действовать, неповторимый колорит. Без него история русской общественности во многих ее срезах — политическом, интеллектуальном и, может быть, главное, — в нравственно-этическом, была бы не только беднее, но и лишилась бы черт яркой личностной выразительности. Это тот случай, когда природные данные — ум, характер, душевный склад, — находились в глубоком внутреннем соответствии с идейным климатом, средой, которые определила для них судьба. Эти свойства находились в редкой гармонии с понятием «либерализм» и его русской модификацией.

Имя Александра Тургенева неразрывно связано с проблемой генезиса русской либеральной традиции. Хотя монографических исследований, посвященных этому видному деятелю политической и интеллектуальной истории России, на настоящий момент нет, фигура Тургенева неизбежно возникала в самых разных работах, связанных с событиями и людьми его времени. При этом вырисовывается историческая перспектива: «Та идейная пропаганда, — пишет исследователь, — которую он вел на протяжении всей своей жизни в самых различных кругах, сыграла свою роль в деле подготовки новой демократической идеологии середины XIX столетия»¹. Постараемся представить жизнь Тургенева в её связи с историей русской общественности, что позволит понять смысл и историческую значимость его убеждений и деятельности.

Московская духовность и немецкая ученость

Пушкинисты склонны считать одним из прообразов Владимира Ленского, привезшего из «Германии туманной» «учености плоды»,

¹ *Сабуров А.* Александр Тургенев // Письма Александра Тургенева Булгаковым / Подготовка текста писем, вступ. статья и коммент. А. А. Сабурова. М., 1939. С. 18.

Александра Тургенева. По-видимому, оснований для этого достаточно. Но прежде, чем погрузиться в глубины германской учености, его жизненный прототип прошел через высшую школу русской духовной культуры.

Александр Иванович Тургенев (1784–1845) происходил из старинного дворянского рода. Его отец — Иван Петрович Тургенев, богатый помещик Симбирской губернии, — до 1779 г. находился на военной службе. Биография Ивана Петровича, как деятеля русской культуры, начинается после выхода в отставку, когда, поселившись в Москве, он сближается с прибывшим сюда в том же году Н. И. Новиковым. Оба вступают в масонскую ложу кн. Н. Н. Трубецкого. С тех пор И. П. Тургенев становится одной из центральных фигур образующегося масонско-просветительского кружка, душой которого был Новиков, — организации московских мартинистов, наиболее последовательно среди масонов искавших компромисса между православной религиозностью и гуманистической культурой Запада. Символ веры мартинистов — проповедь внутренней церкви, её доминирования над внешней — была неразрывно связана с социальной и политической направленностью их вероучения: «Политические взгляды мартинистов исходили из евангелического принципа равенства людей перед Богом, неприятия любых проявлений рабства. С конца XVIII века в России мартинистами называли всех противников крепостного права»². Именно философская раскованность и этическая устремленность мартинизма привлекали сочувственное внимание Пушкина к его русским адептам: «В то время существовали в России люди, известные под именем мартинистов. Мы ещё застали несколько стариков, принадлежавших этому полу-политическому, полу-религиозному обществу. Странная смесь мистической набожности и философического вольнодумства, бескорыстная любовь к просвещению, практическая филантропия ярко отличали их от поколения, которому они принадлежали»³.

Гуманистическая направленность московских мартинистов способствовала возникновению в 1781 г. «Дружеского ученого общества», среди учредителей которого профессор университета И. Г. Шварц —

² Вишленкова Е. А. Религиозная политика: официальный курс и «общее мнение» России Александровской эпохи. Казань, 1997. С. 19.

³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В десяти томах. М.; Л., 1949. Т. VII. С. 353.

«неутомонный энтузиаст просвещения», как назвал его В. О. Ключевский, Н. И. Новиков, И. П. Тургенев, И. В. Лопухин, князя Ю. Н. и Н. Н. Трубецкие, П. А. Татищев. Ревностный мартинист И. П. Тургенев, участник «Типографической компании» Новикова, переводит и издает в ней мистические сочинения⁴. Суровый моралист, он был сосредоточен на филантропической деятельности, науке, литературе. Старый друг семейства Карамзиных, именно он вывез из Симбирска в 1785 г. молодого Николая Карамзина и его дальнего родственника, начинающего поэта И. И. Дмитриева. Карамзин и Дмитриев входят в мартинистский круг Новикова — Кутузова, где «бескорыстие было <...> естественной нормой, самопожертвование — бытовым явлением»⁵. Нравственная доминанта жизненной позиции распространялась на отношение к действиям верховной власти, к положению крепостных. Высланный в 1792 г. после ареста Новикова и разгрома его кружка в своё симбирское имение И. П. Тургенев был возвращен Павлом I. Его окружение, в которое входили и бывшие мартинисты, и дистанцировавшиеся от мартинистских литературно-эстетических установок Н. М. Карамзин и И. И. Дмитриев, становится центром московской интеллектуальной жизни. Роль И. П. Тургенева в ней ещё более возрастает с назначением его директором Московского университета (1800–1803). Его сыновья — Андрей, Александр, Николай и Сергей, духовно формировавшиеся в атмосфере мартинизма, с самых юных лет впитали укорененную здесь «науку самопознания», готовность «к принятию мудрости и ко вступлению на путь добродетели и общественного служения»⁶. Вместе с тем, они пошли навстречу тому течению русской мысли, выразителем которого стал Н. М. Карамзин. После возвращения из путешествия по Европе он противопоставляет социально-политической утопии русских мартинистов обращение к национальным ценностям и традиционным нормам русской истории-

⁴ Лонгинов М. Н. Новиков и московские мартинисты. М., 1967. С. 162, 238; О размахе деятельности «Типографической компании» см.: Никуличев Ю. Воцарённое слово — Екатерина II и литература её времени // Вопросы литературы. 2000. Январь–февраль. С. 151–152.

⁵ Лотман Ю. М. Карамзин. Сотворение Карамзина. Статьи и исследования 1957–1990. Заметки и рецензии. СПб., 1997. С. 38; А. М. Кутузов — друг А. Н. Радищева, один из основателей и участников «Дружеского ученого общества» и «Типографической компании».

⁶ Лотман Ю. М. Там же. С. 20.

ческой жизни. Синтез двух начал — европейского гуманистического и русского самобытного — определил идейное становление молодых Тургеневых. Литературный кружок Карамзина–Дмитриева стал неотъемлемой частью культурной ауры, средоточием которой был дом Ивана Петровича Тургенева.

Первоначальное образование братья Тургеневы получили под руководством женева Георга Кристофа Тоблера, родственника швейцарского проповедника Лафатера. Не без его влияния они увлекаются немецкой литературой, прежде всего Гёте, которого Тоблер знал лично, и с которым переписывался И. П. Тургенев⁷. В 1797 г. Александр Тургенев поступает в Московский университетский благородный пансион, который оканчивает в 1800 г. Именно тогда его старший брат Андрей, одаренный литератор, создает «Дружеское литературное общество»: оно объединит участников литературных кружков, ранее возникших среди воспитанников пансиона и университета. Здесь было положено начало полувековой дружбе Александра Тургенева с Василием Жуковским: «Мой брат, мой друг хранитель», — назовёт его поэт. Среди участников Общества — будущие профессор русской словесности Алексей Мерзляков, журналист и литератор Александр Воейков (в его доме на Девичьем поле проходили их собрания), братья Андрей и Михаил Кайсаровы, Семён Родзянко.

«Дружеское литературное общество» было по своему замыслу, прежде всего, просветительским объединением. Ознакомление русской читающей публики с лучшими образцами германской литературы воодушевляло всех, собравшихся вокруг Андрея Тургенева. Когда в 1836 г. Александр Иванович посетит Веймар, он впишет в книгу с именами посетителей Гёте стихи брата, сочиненные им в 16-летнем возрасте. Запись об этом в своем дневнике он сопроводил «напоминанием» о «влиянии, которое Веймарская афинская деятельность имела и на нашу московскую словесность». «Несколько молодых людей, большею частию университетских воспитанников, получали почти всё, что в изящной словесности выходило в Германии, переводили повести и драматические сочинения Коцебу, пересаживали, как умели, на русскую почву цветы поэзии Виланда, Шиллера, Гёте, и почти весь тогдашний новейший немецкий театр был переведён ими;

⁷ Дурьилин С. А. И. Тургенев и Гёте // Литературное наследство. М., 1932. Т. 4–6. С. 293.

многое принято было на театре московском»⁸. Однако, в этом едва ли не первом объединении молодых представителей дворянской элиты, с его ярко выраженными просветительскими установками, не было идейного единства. Ю. М. Лотман отмечает в связи с этим, что если для Андрея Тургенева, Андрея Кайсарова, Мерзлякова было общим «стремление рассматривать литературу как средство пропаганды гражданственных, патриотических идей, а сама цель объединения мыслилась ими не только как литературная, но и как общественно-воспитательная», то для Жуковского, Михаила Кайсарова, Александра Тургенева была характерна устремленность к философии, проповедь резиньяции. Если в позиции Андрея Тургенева и Андрея Кайсарова исследователь считает возможным видеть «ранних представителей литературно-общественной программы дворянской революционности», то Александр Тургенев олицетворил начало иного вектора русской общественной мысли. Его идейный настрой отразила произнесенная на собрании Общества речь «О том, что люди по большей части сами виновники своих несчастий и неудовольствий, встречающихся в жизни». «Источник зла, разлитого во вселенной, — утверждает молодой Тургенев, — ты сам, в тебе источник зла, испорченная воля твоя, твоё воображение»⁹.

Вместе с тем, позиция Александра Тургенева не была столь идеалистически отвлеченной, как можно заключить из этих рассуждений. Уже в первой речи, произнесенной на собрании 23 марта 1801 г. и посвященной Ивану Владимировичу Лопухину, звучали и другие мотивы. Издатель масонских книг и активный просветитель, подвергшийся, наряду с другими сторонниками Новикова, преследованиям правительства, Лопухин соединял политический консерватизм с внутренней свободой и независимостью поведения. Безупречная нравственность, неподкупность и справедливость, присущие его служебной деятельности на высоких постах (в Московской уголовной палате, Сенате), стяжали ему общественное признание. Именно нравственная сторона личности Лопухина определила отношение к нему Герцена, издавшего в своей Вольной типографии его «Записки». Историческую масштабность Лопухина отметил В. О. Ключевский именно в связи с этими «Записками»: их чтение «доставляет глубокое внутрен-

⁸ Тургенев А. Политическая проза. М., 1989. С. 115.

⁹ Цит. по: Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 689.

нее удовлетворение: как будто что-то проявляется в нашем XVIII веке, когда всматриваешься в этого человека, который самым появлением своим обличает присутствие значительных нравственных сил, таившихся в русском образованном обществе того времени»¹⁰. Речь Тургенева сама по себе есть одно из выражений этих «нравственных сил» и свидетельство его душевной чуткости. Она прославляла нравственный идеал, олицетворяемый Лопухиным. Тургенев провозглашал этот идеал целью воспитания общества, а средством его достижения видел словесные науки и, в частности, деятельность «Дружеского литературного общества». Однако, возможность наибольшего приближения к этому идеалу, к его практическому осуществлению связывается им в определенной мере с политическими условиями, в которых реализует личность свои нравственные устремления. Они легче достижимы «в республиках, нежели в самодержавных государствах <...> терпеть гонения от всего непостоянного народа гораздо сноснее, нежели от одного человека...»¹¹ В речах Тургенева нравственной ущербности противопоставляется высшая добродетель — «справедливость, кротость, любовь к отечеству» — как свойства, отличающие настоящую большую личность.

Восторженная юношеская речь, прославляющая Лопухина, содержала, как бы в зародыше, те нравственные императивы, приверженность которым Александр Тургенев пронесет через всю жизнь и которым жизнь придаст разные политические оттенки. Ими отмечена и его оценка личности и деятельности Н. И. Новикова. Когда впервые, в 1830 г., о нем было сказано в русском журнале, Тургенев откликнулся с чувством сердечной признательности: «Я всегда досадовал, что никто в истории нашего просвещения ни слова не сказал о Новикове, а он точно и просветитель и мученик»¹².

Служба после окончания университетского Благородного пансиона в Московском архиве Коллегии иностранных дел (1800–1802) стала лишь моментом в биографии Тургенева, стремившегося к продолжению образования, хотя именно здесь определился уже более

¹⁰ *Ключевский В. О.* Воспоминания о Н. И. Новикове и его времени // *Русская мысль*. 1895. Кн. I. С. 51.

¹¹ *Тургенев А.* Политическая проза. С. 248.

¹² Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. III. С. 202 (Далее — ОА).

никогда не покидавший его интерес к отечественной истории, к архивным разысканиям самого широкого плана.

Решение о поездке в Гёттинген, куда летом 1802 г. направился Александр Тургенев вместе с Андреем Кайсаровым и группой московских студентов, было принято не случайно. Гёттингенский университет был самым притягательным для русской молодежи в силу своего высокого научного авторитета. Именно это определило выбор Ивана Петровича Тургенева. Поклонник немецкой учености, он имел давнишние связи с Гёттингеном. За время своего директорства он направил туда не одного студента¹³. Среди гёттингенских профессоров были ученые, отстаивающие передовые идеи своего времени, как, например, поклонник Адама Смита, профессор политической экономии Георг Сарториус, профессора истории Арнольд Геерен, Иоганн Эйхгорн, Август Шлецер, чья отменная ученость сочеталась с высоким авторитетом в европейской политике. «Лютер в политике тогдашней», как позже скажет о Шлёцере А. И. Тургенев¹⁴. Именно в первый осенний семестр 1802–1803 гг. Шлецер начал читать «Историю северных государств. Наиболее Российской империи». Это был вообще первый университетский курс русской истории. И в том же 1802 г. вышел первый том его четырехтомного издания начальной летописи — «Nestor»¹⁵. Именно Шлецер, и в плане научном, и в мировоззренческом, оказал наибольшее влияние на студента Тургенева. Его покорила увлеченность Шлецера Россией. «Профессор Шлецер мне отменно полюбился, — писал он родителям, — за свой образ преподавания и за то, что он любит Россию и говорит о ней с такой похвалой и с таким жаром, как бы самый ревностный сын моего отечества»¹⁶. Столь же сочувственен был его отклик на трактовку ученым политических уроков истории. Делясь впечатлением от только что прослушанного курса Шлецера «Das allgemeine Staatsrecht», Тургенев писал: «основываясь на практической мудрости, следуя всю-

¹³ См.: Тарасов Е. Русские «гёттингенцы» первой четверти XIX века и влияние их на развитие либерализма в России // Голос минувшего. 1914. № 7.

¹⁴ Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники (1825–1826). М.; Л., 1964. С. 233.

¹⁵ В русском переводе: *Нестор*. Русские летописи на древнеславянском языке. СПб., 1809–1919. Ч. 1–3. Этот труд продолжал начатое Шлецером ещё в бытность его в России изучение древних русских летописей и изданные уже в Германии в 1768 г. «Опыты изучения русской летописи».

¹⁶ Архив братьев Тургеневых. СПб., 1915. Вып. IV. С. 52–53.

ду за светильником мудрости» он сказал, «что хотя страждущие от тиранства подданные имеют право на революцию и право ссадить своего тирана, но что действие сие сопряжено всегда с такою опасностью, что лучше оставить и терпеть до тех пор, пока Провидение само захочет освободить народ от железного скипетра. <...> Сколь далеко простирается история, везде почти показывает она, что, хотя мятежи кой-когда и удавались, всегда почти приносили они с собой больше пагубы и бедствий для народа, нежели, сколько бы претерпел он, снося тиранские действия»¹⁷. «Мудрость» такой оценки исторической целесообразности революций была очевидна для Тургенева, как в ранней юности, так и в зрелые годы. Именно здесь, в Гёттингене, в политическом сознании Тургенева прочно укоренилась идея верховенства закона в человеческом обществе. Рассказывая в своем дневнике (под датой: «1803 г. 19 июля/31 июля. Гёттинген») о сделанном им Шлецеру подарке — медали на коронацию Александра I, на которой «закон подписан... под короною, а не над нею» и одобрении со стороны Шлецера на его замечание — это противоречит заявлению монарха, «что он не хочет быть выше законов», Тургенев продолжал: «Я отвечал ему, что и этим обязан я Гёттингену; что здесь голова моя наполнялась мыслями, новыми не только для меня, но и для большей части моих соотечественников; что если бы я не слушал от утра до вечера о правах и должностях государя и подданного, вряд ли когда-нибудь пришло бы мне на мысль сделать это наблюдение насчет избрания медали»¹⁸.

Уже тогда, осмысливая впечатления, вынесенные из путешествия по немецким и славянским землям, где он был свидетелем острого конфессионального и национального противостояния, Тургенев утверждает на позициях космополитизма, всеобщего человеческого братства: «Для чего не стараться нам, сколько можно, получить всеобщее чувство и право называться гражданами одного мира, одной церкви? И зачем все сии расколы в христианстве? Мы живем в просвещенном веке, и должны пользоваться своим просвещением <...> Напрасно Руссо смеется над тем, кто хочет быть всемирным гражданином. Неужели человек, любящий своё отечество, свою родину,

¹⁷ Цит. по: *Истрин В.* Русские студенты в Гёттингене в 1802–1804 гг. / По материалам архива братьев Тургеневых // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. СПб., 1910. Июль. Ч. XXVIII. С. 133.

¹⁸ *Тургенев А.* Политическая проза. С. 263.

совершенно потерял всеобщее чувство братства? Неужели физические границы так сильно отделяют его от собрата его как за горами Аппенинскими, так и за ледовитым морем?»¹⁹ Эти размышления были навеяны проповедью протестантского священника. Они созвучны его собственному мироощущению. Протестантизм перекликается с воззрениями Александра Тургенева на силу разума в деле прогресса человечества. В письме из Будапешта от 10/22 августа 1804 г. он писал родителям: «Что касается протестантов и католиков, то мудрено ли, что первые умнее и трудолюбивее последних. Их свободный образ мыслей, очищенный от предрассудков, сблизил протестантов более с просвещением, и они смеют пользоваться открытиями других, между тем как католиков с намерением держат в их прежнем невежестве и успехи всеобщего образования у них гораздо медленнее»²⁰. Тот культ разума, которым была отмечена русская модификация масонства, укорененная в кругу Новикова — Тургенева и с ранних юношеских лет воспринятая Александром Ивановичем, оказался глубоко созвучен его восприятию протестантского вероучения, этические нормы которого в начале века воспринимались в русском образованном обществе в неразрывной связи с экономическим и политическим прогрессом.

Как ни существенно было для формирования личности Александра Тургенева приобщение к духу свободомыслия, политической свободы, вынесенные им из Гёттингенского университета, не менее значимы для него были определившаяся в Гёттингене направленность его научных интересов, их идейное наполнение, неотделимые собственно от гёттингенской учёности. Если московский период был отмечен увлечением литературой, нравственным самоопределением, то в Гёттингене под влиянием лекций университетских профессоров, развивавшихся ими идей национальной неповторимости каждого народа, погружения в изучение русского прошлого, определяется поворот Тургенева к осмыслению проблемы самоидентификации России и русского народа в их соотношении с европейской историей, её социальными, политическими и культурными традициями. Именно в эти годы, в Гёттингене, под влиянием лекций Шлецера, берет начало не только устойчивый интерес Тургенева к русской истории

¹⁹ Архив братьев Тургеневых. СПб., 1915. Вып. IV. С. 28.

²⁰ Архив братьев Тургеневых. Вып. IV. С. 52–53.

(наметившийся ещё в период службы в Московском архиве Коллегии иностранных дел), но и целеустремленные, получившие со временем огромный размах разыскания, собирание, публикация извлеченных им из европейских архивохранилищ источников по русской истории. Глубинный импульс этой деятельности убежденного космополита — патриотизм. Он определил, прежде всего, и само отношение Тургенева к немецкому историку. В письме к родителям из Гёттингена он писал: «...патриотизм мой заставляет меня почитать того, кто извлек из праха сперва нашу русскую правду, а потом и нашего Нестора и первый дал справедливые о нем понятия ученому свету и показал ему преимущества русской истории в богатстве источников пред всеми другими европейскими историями»²¹. И хотя здесь речь идет об одном из аспектов русской культурно-исторической традиции, нельзя не видеть в этом высказывании начатков будущей прокарамзинской позиции Тургенева, сформировавшейся под влиянием «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, его горячей приверженности утверждавшейся Карамзиным нераздельности русской традиционности и европеизма. Собственно, уже в гёттингенские годы Тургенев стал тем, кем он был до конца своей жизни: «космополит и русский в одно время», как говорил он о себе.

Статья Тургенева «Критические примечания, касающиеся до древней славяно-русской истории», опубликованная в «Северном вестнике» (1804. Ч. II), фиксировала его ранний интерес к прошлому своей страны. Наряду со стремлением ускорить своей творческой работой культурное самоопределение России, Тургенев искал в своей статье путь решения острой политической проблемы — о законности самодержавия в России. Своим «первым старанием» по возвращении в Москву он намечает поиск в архиве «условия, которое поднесли бояре Михаилу Федоровичу при возложении на него бремя правления. Оно может решить вопрос: к какому образу правления отнести русское — к неограниченной ли монархии или к ограниченной? Назначено ли там род совета или сената, с которым государь разделять должен законодательную власть, или нет? И надобно ли почитать неограниченное правление русских государей как похищение не принадлежащей им власти, или, и в самом деле, условие сие даёт право государю на неограниченное правление? Последнее сомнительно:

²¹ Тургенев А. Политическая проза. С. 127.

иначе, для чего бы по сю пору не публиковать сей интересной и важной древности?»²² Сомнение Тургенева показательно для смысла его собственной политической позиции.

Радикализация взглядов Тургенева под влиянием идей, усвоенных в Гёттингене, находила своё выражение в заинтересованности не только политической, но и социальной проблематикой русской истории. Его друг Андрей Кайсаров, как и он, увлекшись под влиянием Шлецера русской историей, распространил этот интерес на проблему крепостного права. В 1806 г. он защитил и опубликовал в Гёттингене докторскую диссертацию «Об освобождении крепостных в России», предлагая императору Александру I покончить с этим экономическим и моральным злом единым правительственным актом. Именно Александр Тургенев передаст её императору.

Идеи, излагавшиеся Андреем Кайсаровым, были глубоко родственны взглядам Тургенева. Резкое осуждение крепостничества в России содержат не вошедшие в журнальную публикацию фрагменты текста из его путевой корреспонденции, помещенной в «Вестнике Европы» под названием «Путешествие русского на Броккен в 1803 году». Касаясь пагубной склонности русских к пьянству, Тургенев видит источники его в моральных причинах, «основы которых находятся в государственной нашей конституции. Россия большею частию состоит не из подданных, но рабов, хотя не в римском и венгерском смысле этого слова, — и большая часть крестьян принадлежат помещикам. Русский мужик с молоком матерним всасывает в себя чувство своего рабства, что все, что он ни заработает, все, что он ни приобретет кровию и потом своим, — все не только может, но и имеет право отнять у него барин. Он часто боится казаться богатым, чтоб не навлечь на себя новых податей; и так ему остается — или скрывать приобретенное (оттого со времен татарского нашествия обычай русских мужиков зарывать свои сокровища в землю), или жить в беспрестанном страхе, а чтоб избежать того и другого, он избирает кратчайшее средство и несет нажитое в царев дом, как говорят наши простолюдины. Словом, гораздо большая часть русских крестьян лишены собственности. И вот одна из главнейших подпор, на которых вознесен в России престол Бахусу»²³.

²² Тургенев А. Политическая проза. С. 260.

²³ Архив братьев Тургеневых. Вып. II. С. 292.

За время обучения в Гёттингене Тургенев помещает статьи в «Вестнике Европы», в «Северном вестнике». Анализ статьи «Критические примечания, касающиеся до древней славяно-русской истории», позволил М. И. Гиллельсону считать, что отстаиваемый Тургеневым принцип исторического критицизма «на три десятилетия предвосхитил развитие отечественной исторической науки: лишь в 30-е годы XIX века в России оформилась «скептическая школа», внесшая ценный вклад в методiku источниковедения и подорвавшая многие ложные положения официальной историографии»²⁴.

Научные успехи Александра Тургенева получили самую высокую оценку гёттингенских профессоров. Аттестация, данная ему ординарным профессором логики и метафизики Буле, гласила: «Он не только лекции мои о теоретической философии, логике и метафизике в последние зимние полгода слушал с отменным тщанием и рвением <...>, но и в частном со мной обращении, беседах доказал таланты свои к высшим наукам <...>, поздравляя Отечество его с достойнейшим юношею, несомненно надеюсь, что если Бог продолжит его жизнь и счастье, он некогда будет считаться между просвещеннейшими и превосходнейшими мужами, как соотечественными, так и чужестранными»²⁵.

Шлецер, с которым Тургенев особенно близко сошелся и по научной работе, и в личном плане, не мыслил своего русского студента вне науки: он снабдил его перед возвращением в Россию рекомендацией в Российскую Академию наук на должность адъюнкта по историческому классу. Однако, судьбу Тургенева решила непреклонная воля отца, желавшего видеть сына на стезе служебной деятельности. В этом сказалась приверженность И. П. Тургенева этике дворянства, преломившейся через идеи и деятельность Н. И. Новикова. Она была основана на идеях консервативного направления Просвещения о культурной гегемонии господствующего класса, атрибутом которой являлось служение государству. Уступая, Александр Тургенев не терял надежды совместить науку и государственную службу. «Что касается до будущего моего определения, — писал он отцу из Гёттингена, — я всегда надеялся, что служба не совсем лишит меня времени занимать-

²⁴ Гиллельсон М. А. И. Тургенев и его литературное наследство // Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники (1825–1826 гг.). М.; Л., 1964. С. 446.

²⁵ Цит. по: Истрин В. Русские студенты в Гёттингене в 1802–1804 гг. С. 119.

ся и что знание наших законов поможет мне и в самой истории»²⁶. Как видно, уже тогда было определено, что служба Тургенева будет проходить в законодательной сфере.

В своё время известный исследователь Е. Тарасов, специально задавшись вопросом, насколько было существенным влияние Гёттингенского университета на развитие либерализма в России, пришёл к выводу, что «оно не было и не могло быть столь сильным, как это могло казаться и как думают иные». Согласно его анализу, из числа русских гёттингенцев 1801–1825 гг. «только немногие из них, человек пять-шесть, были истинными либералами и могли способствовать развитию либеральных идей в России»²⁷. Наряду с Андреем Кайсаровым, А. П. Куницыным, все три брата Тургеневы — Александр, Николай, Сергей, обучавшиеся в Гёттингене в эти годы, — должны быть включены в эту небольшую группу будущих деятельных русских «либералистов».

На перепутьях политики Александра I

Можно сказать, что служебная карьера Александра Тургенева началась под счастливой звездой: он был востребован временем. Молодой интеллектual, он являл собой не просто человека, находящегося на уровне современной европейской гуманитарной науки и передовых политических идей. Это был «ум пылкий», деятельный, стремящийся к практическому приложению своих знаний и убеждений. Такие люди были нужны власти, ближайшим сподвижникам Александра I, охваченного идеей реформирования политической системы России. К их числу принадлежал и Н. Н. Новосильцев, член Негласного комитета, товарищ министра юстиции, а фактически глава этого ведомства. Под его началом в 1806 г. началась государственная карьера Тургенева, — сперва в канцелярии своего шефа, в скромном чине коллежского асессора, но уже вскоре, в силу научной подготовки, зачисленного

²⁶ Архив братьев Тургеневых. Вып. IV. С. 53. Действительно, возвратившись в Россию, Тургенев не порывает со своими историческими занятиями: в 1805–1806 гг. в кн. III и IV «Утренней зари» появились в его переводе два отрывка из Шлецера: «Введение во Всеобщую историю». См. также: *Анисова И. Л.* Социальная этика просветителей XVIII в. (по материалам журналов Р. Стиля — Дж. Аддисона и Н. Новикова) // Вест. Моск. ун-та. Серия 8. История. 2/2000. С. 54.

²⁷ *Тарасов Е.* Русские «гёттингенцы»... С. 209.

помощником референдаря I экспедиции с особенным назначением — писать Историю русского права и участвовать в преподавании в школе правоведения при Комиссии составления законов²⁸. Начинающий чиновник был приближен к Александру I, исправляя при нем письменные поручения во время поездки в Тильзит на встречу с Наполеоном. Когда в 1808 г. Комиссию составления законов возглавил М. М. Сперанский, Тургенев сохранил свои функции сотрудника, занимающегося историческими разысканиями для подготовки министерством таких, например, материалов, как «Евреи в России», или «Историческое и статистическое описание Финляндии». Он с удовлетворением сообщал брату Николаю (письмо от ноября 1808 г.) о «хорошем мнении» о нем Сперанского, о своей поглощенности «комисскими работами», об испытываемом чувстве ответственности «быть законодателем»²⁹. Поэтому не случайно, когда Сперанский стал во главе Великой ложи, долженствовавшей иметь филиальные ложи по всей империи (широкомасштабный замысел включал и формирование идеологии масонских лож, и перевоспитание российского общества — создание гражданственности, и формирование кадров для государственной системы), в неё, наряду с С. С. Уваровым, П. Д. Лодием, М. А. Балугьянским, вошёл и А. И. Тургенев³⁰.

Деятельность Сперанского по укоренению масонства отвечала настроениям и пожеланиям императора. Однако, из-за консервации правительственного курса как следствия внешнеполитических неудач, император под давлением противоборствующих сил изменил отношение к намерениям Сперанского. Угроза гонений, как считает исследователь, нависшая над членами ложи, стала, скорее всего, причиной перехода Тургенева от Сперанского к кн. А. Н. Голицыну, возглавившему в ранге главноуправляющего, оставаясь при этом обер-прокурором Синода, созданное в 1810 г. Главное управление духовных дел иностранных исповеданий (со статусом министерства). Директором его, поначалу единственного, департамента становится А. И. Тургенев. Думается, что не последнюю роль в его решении имел

²⁸ Вишленкова Е. А. Указ. соч. С. 140.

²⁹ Тургенев А. Политическая проза. С. 136.

³⁰ Пытин А. Н. Русское масонство XVIII и первой четверти XIX века. Пг., 1916. С. 333–348; Вишленкова Е. А. Указ. соч. С. 28; Зорин А. Враг народа. Культурные механизмы опалы М. М. Сперанского // Новое литературное обозрение. 2000. № 41.

и давний интерес к конфессиональным делам, и его идейное наполнение. В определенной мере его настроения были созвучны тому политическому курсу Александра I, когда в качестве официальной идеологии была взята на вооружение господствующая тогда в Европе социальная утопия «евангельского государства». Спроецированная на русские политические условия, она учла и соединила исторические уроки Французской революции, наполеоновских войн, расстановку сил в посленаполеоновской Европе. Её питали и новые реалии русской государственности, требовавшей интегрирования вновь присоединенного населения западных территорий (Финляндия, польские земли) в состав империи, при стремлении Александра I сохранить либерально-просветительскую позицию первых лет своего правления. Идея «евангельского государства» была ориентирована на достижение новой гражданственности без революций и насилия, путем нравственно-религиозного просвещения и христианской веротерпимости, имеющей источником приоритет общехристианских ценностей перед узко-конфессиональными, общегосударственных — перед национальными³¹.

Идейным проводником нового политического курса стал созданный указом Александра I от 6 декабря 1812 г. Петербургский комитет Библейского общества, ставшего затем Российским. Во главе его был поставлен А. Н. Голицын. Секретарем, неизменно остававшимся на этом посту вплоть до фактической ликвидации Общества в 1825 г., стал А. И. Тургенев. Неразрывность целей и практических задач Библейского общества была четко обозначена в Проекте об его организации, связывавшем с религиозными установками политическое и экономическое развитие страны: «Опыт научает нас, что повсюду, где священное писание всеми читается, оно сильно способствует к преуспеянию в добродетелях, направляет человеческие страсти к лучшей цели, и более, нежели что другое, споспешествует к исправлению сердца. Мы видим также, что чтение священного писания действует на уменьшение пороков, на умерение роскоши и на поощрение к промышленности»³². Вся направленность Библейского общества, пронизанная идеологией «евангельского государства», де-

³¹ Вишленкова Е. А. Указ. соч. С. 97–99.

³² Пытин А. Н. Русское Библейское Общество // Вестник Европы. 1868. Т. V. С. 288.

лала его притягательным для либеральных элементов российского общества.

Отделения Библейского общества получили широкое региональное распространение, и роль Тургенева, осуществлявшего практическое руководство их деятельностью, была, несомненно, весомой. Но, реализуя правительственную программу, он далеко не во всем разделял виды верховной власти на назначение Библейских обществ в России. Его религиозно-идейная позиция ещё в гёттингенские годы была отмечена принципиальным предпочтением протестантизма католицизму, как религии, открытой просвещению и утверждающей общечеловеческое единение. Однако, сохраняя эту убежденность и видя в Библейских обществах «*protestantisme en action*» («протестантизм в действии»), Тургенев соотносил их духовное воздействие, их возвышающую роль в религиозном воспитании народа с государственной целесообразностью. Продолжая завязавшуюся между ним и П. А. Вяземским переписку по этому вопросу, он писал ему в ноябре 1819 г.: «Библейские общества сливают религии. В смысле всеобщего филантропизма эта мысль обольстительна; но в смысле государственном она вредна и допущена быть не может. Вот для чего нужны катехизисы, то есть положительные догматы, которые удерживали бы библейскую беспредельность»³³. Сама установка Библейских обществ на распространение Священного писания на «живых языках», не в виде катехизиса, как предписывалось и православной, и католической церковью, вызывала у Тургенева глубокое опасение: русский народ не подготовлен к непосредственному восприятию Библии вне положительного догмата, в данном случае православного: «Нам не время быть протестантами».

Следует признать, что Тургенев показал себя более реалистом, чем император, с его утопией социально-евангелического государства. Он исходил из понимания системообразующей роли церкви, особенно в русских культурно-политических условиях: церковь «есть закон положительный, между тем как Библия есть только закон нравственный, всеобщий источник законов частных и положительных»³⁴. Именно просветительская миссия Библейских обществ, укореняющих нравственные ценности через свободное

³³ Тургенев А. Политическая проза. С. 180.

³⁴ Там же. С. 181.

восприятие народом их проповеди, отвечала представлениям Тургенева о средствах социального усовершенствования. Широчайший размах их издательской и переводческой деятельности, образования народных училищ служил задачам не только конфессиональной интеграции, но и объединению передовых культурных сил общества. В этой сфере роль Тургенева — интеллектуала высшей пробы, энтузиаста, человека неумной энергии и самоотдачи, с его неисчислимыми связями в правительственной и литературной среде — была, конечно, первостепенной. Эти задачи соответствовали и его нравственно-этическим установкам, уходящим своими корнями ещё в новиковско-московский круг, в семейные традиции, создание многочисленных филантропических обществ, возглавленных все тем же кн. А. Н. Голицыным — «главным попечителем» Императорского Человеколюбивого общества. Тургенев не щадил сил для работы как в правительственных, так и общественных благотворительных организациях. Он — секретарь Женского патриотического общества, Комитета по устройству евреев, инициатор и участник отдельных филантропических акций.

Между тем Александр I неуклонно продолжал свой экуменический курс, закрепив его указом 1817 г. о соединении всех протестантских церквей России в единую Евангелическую церковь. Созданное в том же году соединенное Министерство духовных дел и народного просвещения уже на государственном уровне, в форме правительственной структуры, претворило в жизнь идейные установки императора, которым он следовал в своей внешней и внутренней политике. Христианская этика служила для Александра I идейной основой замысла Священного союза, политический статус которого был закреплён принципом конституционализма; она же была положена в основу создания «соединенного» министерства³⁵. Общехристианское, а не конфессиональное образование, соединение первоначального образования народа и религиозного просвещения всех сословий — эти установки верховной власти определили передачу религиозного просвещения в руки государства.

Духовный департамент нового министерства возглавил А. И. Тургенев. То, что нам известно о его деятельности на этом посту, под-

³⁵ Вишленкова Е. А. Указ. соч. С. 106–108; Гросул В. Я. Российский конституционализм за пределами России // Отечественная история. 1996. № 2. С. 172.

тверждает, насколько органично отстаивал он государственные интересы. Так, он решительно выступил против многочисленных льгот, предоставленных в 1817 г. Жалованной грамотой императора гернгутерам Остзейского края. Это берущее своё начало в XVII в. и возникшее в Пруссии пиетистское объединение, оформившееся к началу XIX в. в Общество евангелических братьев, так называемые «моравские братья», получало, согласно грамоте, не только свободу веры, богослужения и обрядов, освобождение от военной службы, но и особый статус отправления повинностей, освобождавший гернгутеров от содержания постоев, квартирования, почт и ряда других. Группа чиновников «соединенного» министерства, возглавляемая Тургеневым, сумела убедить императора, что столь широкие финансовые льготы станут стимулом для перехода крестьян Прибалтики в гернгутеры не по убеждению, а по корысти³⁶. Как видим, Тургенев был последователен в своей позиции «государственника» и в отношении религиозно-идейных установок в деятельности Библейских обществ, и в их приложении к реальной политике. Но при этом оставалась неизменной либеральная первооснова его убеждений, соответствующая курсу религиозной политики Александра I после 1812 г., проводником которой он был. Её ярким выражением стала реакция Тургенева на записку, представленную Александру I в 1818 г. чиновником дипломатического корпуса и Министерства духовных дел и народного просвещения А. С. Стурдзой «*Sur l'état actuel de l'Allemagne*» («О современном состоянии Германии»). Непосредственным поводом к подготовке записки стали волнения студентов протестантских университетов в Пруссии в связи с празднованием трехсотлетия Реформации. Изданная по распоряжению императора в виде брошюры, она получила широкий политический резонанс, будучи распространена среди участников Священного Союза, а затем была прокомментирована английской прессой. Тургенев был возмущен её общей направленностью, которую сам автор позднее разъяснял как обеспокоенность «духом либерализма, пробудившимся во Франции с падением Наполеона» и овладевшим «университетами Германии», утвердившим «тайное сообщество с недовольными всех стран Европы»³⁷. «По про-

³⁶ Подробнее об этом см.: Вишленкова Е. А. Указ. соч. С. 167–168.

³⁷ Стурдза А. С. Воспоминания // Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских. 1864. № 2. С. 81.

чтении второй половины этой книжки, — отмечал Тургенев в письме Вяземскому 11 декабря 1818 г., — меня так и обдало инквизицией, хотя и нигде это безбожное слово не употребляется. Но дух её может зародиться в началах, коими руководствуется автор»³⁸.

Тургенев не ошибся в своих мрачных политических прогнозах. Наряду «с озлоблением против нас просвещенной Европы», цепной реакцией, вызванной брошюрой Стурдзы, стал выстрел студента К. Занда, а внутри России — наступление реакционных сил. Современный исследователь подчеркивает, что вопреки устоявшемуся представлению о связи усиления реакции с деятельностью Библейских обществ, они сами пострадали от реакционно-обскурантистских тенденций в политике 1820-х гг. «Антибиблейские» настроения современников были проявлением начала кризиса теории «евангельского государства» и теории универсальности европейского развития в целом³⁹. Соотнося это общее заключение с идейной позицией А. И. Тургенева, как она определилась к началу 20-х гг. XIX века, следует заметить, что и тогда, и впоследствии он оставался верен «понятиям высшей сердечной, духовной религии», идее внецерковного «универсального христианства». Но при этом он не исключал следования Священному писанию, «послушания церкви»⁴⁰. Что же касается политической составляющей утопии «евангельского государства», то в позиции Тургенева все определеннее просматривается убежденность в невозможности подчинения государственной жизни отвлеченным идеям.

Наряду с исключительной ролью Тургенева в осуществлении правительственной религиозной политики, определявшейся, прежде всего, его должностью директора департамента духовных дел, он на протяжении почти всего Александровского царствования занимал достаточно крупные административные посты в сфере государственно-законодательной. Уже в 1812 г. он — помощник статс-секретаря Государственного Совета по департаменту законов, затем — исправляющий должность статс-секретаря этого департамента, к 1822 г. — старший член Комиссии составления законов, то есть один из тех, кто осуществлял проводившуюся в это время работу по кодификации русского законодательства. Тургенев придавал этой работе

³⁸ Тургенев А. Политическая проза. С. 174.

³⁹ Вишленкова Е. А. Указ. соч. С. 118.

⁴⁰ Тургенев А. Политическая проза. С. 205.

принципиальное значение, видя ее условием превращения России в правовое государство западного типа.

Для понимания Тургенева — деятеля правительственного либерализма, — важно раскрыть его отношение к Александру I. Наиболее эмоционально оно выразилось при известии о смерти императора. В чувствах Тургенева столкнулась боль от потери человека, к которому испытывал сердечную привязанность («Сердце не переставало верить в него, любить его, не переставало надеяться»), и обращенное к России горестное признание: «Он у себя отнял славу быть твоим благодетелем, народ в Рабстве»⁴¹. Собственно то же, но уже жестче и с большим укором в позднейшем письме к брату Николаю: «Храбрый и добрейший из царей — всего и всех боялся и все хитрил там, где мог действовать *bonna fide* с простотою величия и с убеждением, что намерение его согласно с пользою России, с любовью к человечеству, с религиею Христа-Искупителя. На что было умничать? Наказан неверием в чистоту его намерений со стороны добрых и злых, и неуспехом во многом, что лежало на душе его и прежде и во время его царствования»⁴². Царь не оправдал надежд и веры Тургенева.

«Имя наше спасётся в летописях либерализма»

Ещё А. Н. Пыпин заметил, что среда, в которую входил Александр Тургенев — государственный чиновник и один из руководителей Библейского общества, проводник правительственной религиозной политики, — была очень не похожа на круг его общественного и дружеского общения.

Друг юности Жуковский, Карамзин — эти два имени первыми возникают в его письмах по возвращении в Россию. Несколько настороженное отношение к Карамзину в прошлом сменяется восторженным отзывом о Карамзине — авторе «Истории государства Российского»: Тургенев получил доступ к подготовленным текстам ещё в рукописи,

⁴¹ Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники (1825–1826). С. 374.

⁴² Письма А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу. Лейпциг, 1872. С. 110. Тургенев плакал, когда в Лозанне, в 1827 г. Лагарп читал ему письмо Александра I о своем желании дать России конституцию. Вслед за этим, в Париже, беседуя с Лизо о влиянии Лагарпа на императора, сказал: он давал ему «уроки нравственности и правоты государственной» (Тургенев А. Политическая проза. С. 146).

некоторые из них Карамзин читал ему вслух. Тургенев был горд, что мог помочь придворному историографу в архивных разысканиях, предоставить ряд ценнейших материалов.

Письма Тургенева фиксируют сильное идейное воздействие Карамзина на его историческое сознание, понимание устоев России в её настоящем и будущем: «...История его послужит нам краеугольным камнем для православия, народного воспитания, монархического управления и, Бог даст, русской возможной конституции»⁴³. Александр Тургенев предлагал «Историю государства Российского» «как устав и программу»⁴⁴.

Свой взгляд на значение труда Карамзина Тургенев высказал под впечатлением чтения автором отрывка из IV тома «Истории», где речь шла о взятии Новгорода. Чтение состоялось в феврале 1816 г. на собрании общества «Арзамас». Карамзин впервые за 16 лет приехал в Петербург, чтобы представить императору первые восемь томов своего труда. Чтение в «Арзамасе» не было случайным. Круг людей, основавших в 1815 г. «Арзамасское братство неизвестных людей», в числе которых был и Александр Тургенев, наряду с В. А. Жуковским, Д. Н. Блудовым, С. С. Уваровым, Д. В. Дашковым, стал кругом и Карамзина, главным образом, через деятельнейшего участника «Арзамаса» П. А. Вяземского. Последний видел в петербургском объединении прямое продолжение своего московского литературного кружка, а его устав, составленный Жуковским, был сколком с устава «Дружеского литературного общества»⁴⁵, через которое прошли в юности и Жуковский, и Тургенев. С Вяземским, утверждавшим культ Карамзина, Тургенева связывала, начиная с 1812 г. и до конца жизни, глубокая дружба, в основе которой лежала близость — человеческая и идейная.

⁴³ Тургенев А. Политическая проза. С. 161.

⁴⁴ См.: Эйдельман Н. Последний летописец. М., 1983. С. 86. Насколько интенсивным и значимым для Тургенева было общение с Карамзиным, начиная с возвращения в Россию, выразительно говорят строки из его письма 1836 г. к Вяземскому: «Вчера, перебирая бумаги, я нашёл книгу с 386 письмами и записками Н. М. Карамзина ко мне <...> в них из эпохи 1803–1809 годов много любопытного и в отношении к российской истории, а для меня и в последних все важно и свято; во мне разгорелась в чистое пламя любви к нему не потухавшая никогда искра в сердце» (Тургенев А. Политическая проза. С. 221).

⁴⁵ Истрин В. Дружеское литературное общество. 1801 // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. 1910. Ч. XXVIII. Август. С. 300, 301.

Резвящийся «Арзамас» — элитная группировка молодых литераторов, с его шутками и отрицанием авторитарности, — предметом своего непрерывного осмеяния сделал шишковское «Общество любителей русской словесности», отстаивавшее консервативные начала в литературной жизни 1810-х гг. Ему противопоставлялась просветительская «французская» идеология, а в плане литературно-эстетическом — приверженность Карамзину.

Только что вернувшийся из-за границы Николай Тургенев, записывая в дневнике 12 ноября 1816 г. о своей беседе в «Арзамасе» с Карамзиным, Блудовым и другими о положении в России, резюмирует: «Они <...> желают цели, но не желают средств. Все отлагают на время»⁴⁶. На этом стоял и его старший брат, Александр Тургенев. Разность их позиций стала очевидной сразу: «Он [Н. И. Тургенев. — Е. Р.], — писал Александр Иванович брату Сергею, — возвратился сюда в цветущем состоянии здоровья и с либеральными идеями, которые желал бы немедленно употребить в пользу Отечества. Но над бедным Отечеством столько уже было операций всякого рода, особливо в последнее время, что новому оператору надобно быть ещё осторожнее, ибо одно уже прикосновение к больному месту весьма чувствительно. К тому же надобно не только знать, где и что болит, но и иметь верное средство к облегчению или совершенному излечению болезни. Тщетные покушения только что могут растравить рану»⁴⁷. Перед нами — впервые развернуто изложенное политическое credo Тургенева. Его смысл был скорректирован подготовленной Вяземским программой журнала, который должен был быть учрежден при «Арзамасе».

Сама идея журнала, горячо поддержанная А. И. Тургеневым и именно им заявленная на заседании «Арзамаса», возникла в результате изменения в расстановке сил в этом общественно-литературном объединении после вступления в него в 1817 г. участников тайных обществ — Н. И. Тургенева, М. Ф. Орлова, Н. М. Муравьева, стремившихся придать ему политический и действенный характер. Программа Вяземского исходила из идеи прогресса, как неукротимого движения народов к просвещению, и убеждения в первенствующей роли

⁴⁶ Цит. по: Арзамас и арзамаские протоколы // Вводная статья, редакция протоколов и примечания к ним М. С. Боровковой-Майковой, под ред. Д. Благого. Л., 1955. С. 33.

⁴⁷ Тургенев А. Политическая проза. С. 161–162.

верховой власти в обеспечении и осуществлении этого движения. Хотя успех его обусловлен опорой на общественные силы, но акцент делается на реформаторские действия правительства⁴⁸.

Такое понимание «средств» было далеко от «оперативного» вмешательства, отвергаемого Александром Тургеневым. Вместе с тем, и credo Тургенева, и «программа» Вяземского фиксируют становление общественного либерализма. Это был уже не дворянский либерализм XVIII в., с его ярко сословной окраской, утверждавший «привилегии развитого дворянства», как, например, либерализм В. Н. Татищева. Идущее от Радищева сочетание принципов свободы и гражданского равенства, одним из главных практических требований которого была отмена крепостного права, отныне становится приоритетным в русском либерализме⁴⁹. Не сиюминутное преобразование политической системы («Бог даст» доживем «до русской возможной конституции»), а освобождение от позорного рабства — вот неотложная задача, которая стоит перед русским обществом. В этом полностью сошлись и умеренный арзамасец Александр Тургенев, и его радикально настроенный брат Николай, для которого, по его словам, дело освобождения крестьян было «всегда важнейшим». И когда вскоре по приезде в Россию он «привел в действие либерализм свой: уничтожил барщину и посадил на оброк мужиков наших», то, по убеждению Александра Ивановича, «поступил справедливо»⁵⁰.

Между тем, Вяземский, благодаря энергичной поддержке А. И. Тургенева, получает назначение в канцелярию комиссара императора в Польше Н. Н. Новосильцева. Он надеялся найти здесь применение своим силам, участвуя в реализации реформаторских замыслов Александра I, намеревавшегося распространить на Россию конституционные учреждения, дарованные Польше. Тургенев разделял надежды Вяземского. Однако, приоритет оставался за крестьянским вопросом. Все три брата Тургеневых активно способствовали реализации замысла Вяземского о создании Общества для подготовки

⁴⁸ См.: Рудницкая Е. Л. Поиск пути. Русская мысль после 14 декабря 1825 года. М., 1999. С. 97–98.

⁴⁹ Кизеветтер А. А. Исторические очерки. М., 1912. С. 68–69.

⁵⁰ Тургенев А. Политическая проза. С. 172. Уже живя за пределами России, в 1827 г., братья Тургеневы пытались перевести своих крестьян на положение «вольных хлебопашцев», но упорное сопротивление управляющего их имениями С. П. Жихарева сорвало это намерение.

проекта отмены крепостного права. В мае 1820 г. была составлена и подана императору записка, подписанная гр. М. С. Воронцовым, кн. А. С. Меншиковым, гр. С. С. Потоцким, Н. И. Тургеневым и П. А. Вяземским, с просьбой разрешить создать «под руководством управляющего министерства внутренних дел» «общество с целью освобождения крестьян»⁵¹. Сообщая об этом брату Сергею, Александр Иванович писал: «Мы предлагаем частное постепенное освобождение, которое бы не только подготовило всеобщее, но и повлекло к оному необходимою силою вещей, la force des choses. Попытки и покушения наши не совсем останутся тщетными, и если не пойдут по нашим следам, которых мы протоптать не успели, то не устроятся первого опыта»⁵². Александр I, сначала благосклонно принявший предложение, должен был затем уступить яростному противодействию представителей реакционной части высшей бюрократии, и оно было отклонено. Но братья Тургеневы не оставляли попыток разрешения крестьянского вопроса. В декабре того же 1820 г. на заседании Государственного Совета обсуждался подготовленный Н. И. и А. И. Тургеневыми и подписанный последним, как членом Совета Комиссии составления законов, проект ограничения крепостного права — запрещение продажи крестьян без земли. Александр Иванович не сомневался, что «большинство голосов будет не в нашу пользу», противопоставлял противников ослабления крепостного права «благим намерениям высшего правительства». Он оказался прав. Проект был отклонен Государственным Советом⁵³. Несмотря на это, пользу постановления крестьянского вопроса на высшем государственном уровне Тургенев видел

⁵¹ Текст Записки, обнаруженный Е. И. Тарасовым в архиве братьев Тургеневых, опубликован им в III томе «Дневников и писем Н. И. Тургенева» (Пг., 1921. С. 480–490). О программе действий Общества и проекте обращения к царю см.: Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу. М.; Л., 1936. С. 303–304; Литературное наследство. М., 1956. Т. 60. Кн. I. С. 25; *Лотман Ю. М.* П. А. Вяземский и движение декабристов // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. 1960. Вып. 98. С. 67–72; *Пугачев В. В.* Из истории русской общественно-политической мысли начала XIX века (От Радищева к декабристам) // Уч. зап. Горьковского гос. ун-та. Серия истор.-филолог. 1962. Вып. 57. С. 58–60. Новейший исследователь отмечает, что концепция ликвидации крепостного права, изложенная в записке, была «высшей точкой либерального движения в царствование Александра I» (Давыдов М. А. Оппозиция Его Величества. М., 1994. С. 109).

⁵² *Тургенев А.* Политическая проза. С. 163.

⁵³ См.: *Семевский В. И.* Крестьянский вопрос в России в конце XVIII и первой половине XIX в. СПб., 1888. Т. II. С. 467–476; ОА. Т. II. С. 119, 441–446.

в общественном резонансе. В личном плане — «умолять соотечичей отречься от рабства» — долг чести всех приверженных делу гражданской свободы: «...имя наше спасется в летописях либерализма»⁵⁴.

В этих словах, как и в отклике на перевод Николаем Тургеневым своих крестьян с барщины на оброк — в этом «наша польза» (Н. И. Тургенев имел в виду нравственный аспект поступка) — был сочленен идейный смысл деятельности Александра Тургенева и как государственного чиновника, и как участника идейного движения своего времени. Тургенев сам это отчетливо сознавал. Так, имея в виду свою речь, произнесенную в Таврическом дворце на заседании Библейского общества (поэт И. И. Дмитриев считал её прекрасным произведением искусного оратора), он писал: в ней «вылились» «пассажи арзамасские» «о свободе и о рабстве, которого христианская религия не терпит и везде истребляет»⁵⁵. Чиновник религиозного ведомства и член «Арзамаса» в лице Тургенева проводили одну и ту же идею. В этом — ответ на поставленный Пыпиным вопрос о сочетании деятельности Тургенева на служебном и общественном поприщах. В его государственной службе, несомненно, преломились воспринятые им в юности мотивы старого масонского пиетизма, европейское образование и либеральные устремления передовой русской общественности первой четверти XIX в. Дом братьев Тургеневых, живших с 1821 г. в Петербурге в одной квартире и проводивших систематическое давление на правительство с целью побудить его к отмене крепостного права, как бы зримо олицетворял переплетение разных векторов либерализма: правительственного и общественного, умеренного и радикального (Николай Иванович входил в Северное общество декабристов).

Один из выразительных штрихов причастности А. И. Тургенева к либеральному движению времени — его деятельнейшая роль в распространении стихотворения Вяземского «Негодование» (1821) — вершины его политической лирики — стихотворения, проникнутого резким отрицанием русской действительности и демократической устремленностью. Идейная близость стихотворения с радикальным направлением русской общественной мысли ясно осознавалась самим Вяземским: «Угодил ли своим “Нетерпением” Николаю Ивановичу? — спрашивает он А. И. Тургенева. — Пусть возьмет один список с собою

⁵⁴ Тургенев А. Политическая проза. С. 163–182.

⁵⁵ ОА. СПб., 1899. Т. I. С. 122.

в diligence и читает его по дороге. Только не доехать бы ему таким образом от Петербурга до Москвы и далее, как Радищеву»⁵⁶. Именно А. И. Тургеневу доверил Вяземский распространение своего стихотворения, и благодаря ему оно получило общественный резонанс⁵⁷.

Демократизм самого Тургенева был проникнут чувством сострадания к народу. Так, проблема рекрутских наборов воспринималась им как глубоко личная: «Не могу думать без болезни о сем всеобщем бедствии. Я точно стражду, как бы поразило меня личное несчастье <...> Я хлопотал о спасении одного рекрута, который оставил кучу детей, а теперь осиротеют другие». Он видит при этом пагубность рекрутства и для экономического развития страны: «Крестьянская наша промышленность никогда не оживится, пока предприимчивость будет замерзать от неизвестности будущего»⁵⁸.

Демократическим настроем окрашено восприятие Тургеневым восстания Семеновского полка, описанного им по свежим следам событий, 20 октября 1820 г., в письме к Вяземскому в Варшаву. Обращенная к нему просьба изложить написанное Новосильцеву и вел. кн. Константину Павловичу была вызвана надеждой Тургенева повлиять на позицию властей по отношению к возмущившимся солдатам. «Сострадая о сих людях», он противопоставляет бездушию «так называемой политики» строгую справедливость, признание нравственного права выступления семёновцев, не нарушавших дисциплины, законного правопорядка — «они прежде по команде просили».

В суждениях Тургенева о современной России очевидна приверженность «конституционному порядку», «зелень» которого «везде пробивается <...> Она выживает гниль самовластия и в самой закоснелой почве». Он уподобляет конституционализм, по его значимости для человечества, появлению христианства и уповает, чтобы в России, хотя бы «дети наши дожили до этих дней»⁵⁹.

⁵⁶ ОА. Т. II. С. 137.

⁵⁷ Там же. С. 142, 153.

⁵⁸ Тургенев А. Политическая проза. С. 184–185. В бумагах А. И. Тургенева сохранился черновик его обращения в С.-Петербургский приют общественного призрения, датированный сентябрем 1821 г., с просьбой заменить «при первом из будущих рекрутских наборов <...> причитающегося с его имени Тургенево Симбирской губернии Ставропольского уезда поставку одного рекрута приобретением рекрутской квитанции с совершением купчей крепости» (ЦГИАМ. Ф. 1875. Оп. 1. Д. 8. Л. 9).

⁵⁹ Тургенев А. Политическая проза. С. 191.

Тургенев сочувствует, как и декабристы, вождю греческих революционеров А. Ипсиланти, восставшему греческому народу, с надеждой взирает на начавшуюся революцию в Пьемонте. Однако, в России, считал он, «только положительным образом можно действовать и это положительное — отрицательно. Мешать злу — есть у нас одно средство делать добро»⁶⁰. То есть бороться со «злом», не уничтожая его причины. Трагическая несоизмеримость сил «зла» и «добра» не оправдывает, убежден Тургенев, бездействия. Его личный императив: «действовать, то есть говорить и писать что думаю и чувствую...»⁶¹. Это была не просто фраза, а жизненный принцип, которому он следовал неукоснительно, поражая современников неизбывностью своих усилий оказать поддержку каждому нуждающемуся в ней: от рекрута, крепостного интеллигента, до светил русской литературы. «...Он был виртуозом и неутомимым тружеником в круге добра», — писал об Александре Тургеневе Вяземский⁶².

Поворот внутренней политики последних лет царствования Александра I в сторону реакции переломил жизнь Тургенева. Отход царя от идеи евангелического государства фактически положил конец фактическому существованию Библейского общества (окончательно закрытого Николаем I в 1826 г.). Закончило свои дни и «соединенное министерство». Тургенев был далеко не адептом князя Голицына и его политики в области просвещения; добрые с ним отношения «не мешали <...>, а ещё более побуждали огорчаться тем, что он часто по части просвещения делает»⁶³. Тургенев с гордостью говорил, что и «на Фонтанке» остался «чистым арзамасцем», сражаясь с открывшим поход на «вольномыслие» и лично на него обскурантом, ректором Казанского университета М. Л. Магницким. Реванш, который брало реакционное духовенство, донос императору на Тургенева митрополита Серафима поставили точку в его служебной карьере. Летом 1824 г. он был отстранен от должности в министерстве Голицына и отправлен в отставку. Не случайно она последовала вслед за отставкой Николая Ивановича, связанной с доносом Бенкендорфа императору о тайных политических обществах. Оставаясь членом Комиссии составления

⁶⁰ Тургенев А. Политическая проза. С. 186.

⁶¹ Там же.

⁶² Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1882. Т. VIII. С. 280.

⁶³ Тургенев А. Политическая проза. С. 195.

законов, в звании камергера (когда его сделали камергером, он был так огорчен, что хотел подать в отставку) и ранге действительного статского советника, Александр Иванович, вслед за братом (и вместе с младшим братом Сергеем), уезжает за границу. Там их настигают известия о смерти Александра I, событиях 14 декабря, казни пятерых декабристов и приговорах другим. Для осужденного по первому разряду Николая Ивановича Тургенева путь на родину стал навсегда закрыт. Сергей, разделявший его убеждения, был психически сломлен карой, постигшей декабристов, и вскоре умер. Александр Иванович ставит своей целью добиться пересмотра приговора брату. Не желая покидать его, он чередует жизнь за границей с поездками для хлопот в Россию, перейдя, по существу, на положение полу-эмигранта, политически неблагонадежного для власти человека.

Окончательно порвав с государственной службой, А.И. Тургенев оставался деятельным участником русского интеллектуального процесса последекабристских лет. Его место в этом процессе было определено приверженностью пушкинскому кругу литераторов, бывших «арзамасцев». Ближе всего ему был Вяземский. Трагедия декабризма усилила их оппозиционность по отношению к верховной власти, и к Николаю I прежде всего⁶⁴. Кроме близости общественно-

⁶⁴ Насколько сильным было неприятие Тургеневым николаевской России, раскрывается его ролью в истории создания книги маркиза Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году». Романист, автор «Путешествий», Кюстин был давним знакомым Тургенева: они вращались в одних парижских кругах, встречались в салоне мадам Рекамье, у Шатобриана — ближайшего друга матери маркиза — Дельфины де Сабран. Узнав о его замысле отправиться в путешествие по России, Тургенев приложил все усилия, чтобы придать его впечатлениям о России характер обличения самодержавия. Специально исследовавшая этот сюжет Е. Н. Цимбаева установила, что «он не только позаботился рекомендовать его всем своим московским и петербургским друзьям из числа наиболее просвещенных лиц, но и сам приехал в Россию и практически сопровождал Кюстина в его поездке от Петербурга до Троице-Сергиевой Лавры». Тургенев стремился таким образом «оказать влияние на его взгляды, помочь ему увидеть то, что определило бы нужную <...> направленность его книги». (Цимбаева Е. Н. Русские соавторы «России в 1839 году» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1994. № 1. С. 44, 46). Для этой же цели он познакомил его с П. Б. Козловским, западником и либералом, занимавшим непримиримую позицию по отношению к русскому социально-политическому строю.

По выходе книги Кюстина, А. Тургенев, разделяя в определенной мере критическое отношение к ней, — автор «душно судит о народе, не проник во все тайны рабского его положения», — считал, что он «для нас полезен, заслужил народную благодарность <...> Кто бы ни указал нам на пятна — счистим их, воспользуемся» (Тургенев А. Политическая проза. С. 169, 170).

политический позиций, общим для них был мировоззренческий подход к проблеме «Россия и Запад», соотношению национального и общечеловеческого. С особой очевидностью это выявилось в связи с польским восстанием 1830–1831 гг. Тургенев и Вяземский противостояли бескомпромиссно имперской позиции Пушкина, Жуковского, Дениса Давыдова. Тургеневу был близок взгляд Вяземского, который видел в разделе Польши «первородный грех политики <...> нельзя избежать роковых последствий преступления». Тургенев разделял его убеждение о тормозящей роли России «в движении народов к постепенному усовершенствованию нравственному и политическому. Мы вне возрождающейся Европы, а между тем тяготеем на ней»⁶⁵. Рассказывая брату о московских баталиях вокруг Польши, Александр Иванович писал: «...Вяземский очень гонял его [Пушкина. — *Е. Р.*] в Москве за Польшу <...> Как поэт, думая, что без патриотизма, как он его понимает, нельзя быть поэтом, и для поэзии не хочет выходить из своего варварства. Стихи его “Клеветникам России” доказывают, как он сей вопрос понимает»⁶⁶.

Тургенев разделяет и неоднократно высказанную Вяземским мысль, что действия России в Польше «откинут нас на 50 лет от просвещения Европейского»⁶⁷. Именно понимание или непонимание данного обстоятельства определяло позицию каждой из спорящих сторон. Тургенев убежден, что «просвещение европейское, которое каким-то чутьем у нас ненавидят, — великое, важнейшее дело: ясное доказательство сему — Жуковский и Пушкин. Последний всё постиг, кроме этого»⁶⁸. Не касаясь здесь вопроса, насколько соответствовало мнение Тургенева истинному отношению Пушкина к европейскому Просвещению и его значению для России, необходимо сказать, что проблема эта для самого Тургенева была первостепенной.

М. И. Гиллельсон, специально занимавшийся темой «Пушкин и Тургенев», говорит об их стремительном сближении в последние годы жизни поэта: «Они буквально не могут обойтись друг без друга,

⁶⁵ Вяземский П. А. Записные книжки 1813–1848. Изд. подготовила В. С. Нечаева. М., 1963. С. 207, 214.

⁶⁶ Истрин В. И. Из документов архива братьев Тургеневых // Журнал Министерства народного просвещения. 1913. Ч. XIV. Март. С. 18.

⁶⁷ Вяземский П. А. Записные книжки. С. 214.

⁶⁸ Истрин В. И. Из документов архива братьев Тургеневых. С. 18.

встречаясь по несколько раз в день»⁶⁹. Одним из связующих моментов были археографические разыскания Тургенева, столь ценные для Пушкина, погруженного в эти годы в русскую историю. Именно ему 15 декабря 1836 г. поэт читает датированное 19 октября этого года, но так и не отправленное письмо к Чаадаеву. Нетерпимости в отношении к России, её прошлому Пушкин противопоставляет историзм, идущий не от провиденциальной заданности, а от исторической конкретики. Пушкин видел историю такой, какова она есть, какой, как писал он Чаадаеву, «нам Бог её дал»⁷⁰. Такое восприятие русское истории было глубоко родственно Тургеневу. В записи 1835 г., открывающей один из его дневниковых фолиантов, он говорит о «деле отечественной истории», как главном интересе своей жизни, о намерении посвятить себя её научному воссозданию: «...весь принадлежу России и всё время, все способности посвящены её истории»⁷¹. Его исторические познания, вкус к истории и широта взгляда сыграли не последнюю роль в том, что именно Александру Тургеневу адресованы письма Чаадаева 1835 г., как бы продолжающие их московские споры. Они развивали и углубляли идеи его «Философических писем», его историософского видения судеб России. Интеллектуальная близость соединяла Тургенева и с Пушкиным, и с Чаадаевым.

Тема «Пушкин — Чаадаев — Тургенев» заслуживает специального изучения, как один из моментов, преломивший в себе движение русской либеральной мысли. Здесь же отметим только её чисто человеческий аспект. Историк русской культуры не может пройти мимо той исключительной роли, которую сыграл Тургенев в биографии национального поэта. В годовщину гибели сына Сергей Львович запишет: «Александр Иванович Тургенев был единственным орудием помещения его в Лицей, и через 25 лет он же проводил тело его к последнему жилищу. Да знает Россия, что она Тургеневу обязана любимым ею поэтом»⁷². А П. Я. Чаадаев, которого связывала с Тургеневым прошедшая через всю их жизнь нежная дружба, напишет: «В конце своих дней в особенности, его добрые качества принимали такой ха-

⁶⁹ Гиллельсон М. И. От арзамасского братства к пушкинскому кругу писателей. Л., 1977. С. 182.

⁷⁰ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. X. С. 867.

⁷¹ Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники. С. 99.

⁷² Цит. по: Эйдельман Н. «Прекрасен наш союз...» М., 1982. С. 24.

раakter чистоты и бескорыстия, что он стал для меня как бы второй совестью, куда я мог глядеть как в свою собственную»⁷³. В этих двух отзывах — отблеск того, чем был Тургенев для современников. Как никто другой, он воплощал своей личностью то этическое начало, которое в годы николаевского царствования несло в себе и политическую функцию.

Творческим вкладом Тургенева в дело русского Просвещения, вкладом по достоинству ещё не оцененным, была его литературная деятельность, его «документальная» проза. Он открывал, как некогда Карамзин в «Письмах русского путешественника», Европу для России. Но уже другую Европу, для другого русского общества. Вместе с тем, «Хроника» запечатлела восприятие и воздействие на русского «либералиста» открывшейся ему Европы, фиксируя коррективы, которые она вносила в строй его мыслей, импульсы, ею даваемые. Посмотрим на неё с этой точки зрения.

«Что хорошо для людей вообще, то не может быть дурно для русских»

Эти слова из «Писем русского путешественника» Тургенев напоминает Вяземскому, перечитывая Карамзина в Париже в 1830 г., как и слова из того же сочинения: «Главное дело быть людьми, а не славянами». Они поразили и обрадовали его⁷⁴. Тургенев нашёл в них подтверждение своему собственному пониманию России, русских, их связей с человечеством в целом. К этому времени он достаточно погрузился в европейскую жизнь и особенно остро ощутил мудрость, истинность умозаключений столь чтимого им Карамзина.

Интерес Тургенева к духовному миру Европы уходит своими корнями в самые ранние юношеские годы, во времена «Дружеского литературного общества», впитавшего в себя космополитический строй идейных установок московских интеллектуалов круга Н. И. Новикова — И. П. Тургенева. Пребывание в Гёттингенском университете сосредоточило его на ином, политическом, аспекте восприятия Европы: уроки Французской революции преломлялись в профессорских лекциях, а разыгравшаяся на его глазах историческая драма, когда

⁷³ Чаадаев П. Я. Статьи и письма. М., 1989. С. 597.

⁷⁴ Тургенев А. Политическая проза. С. 203, 204.

страны Европы становились военным полигоном армии Наполеона, давала богатейший материал для размышлений.

Война 1805–1807 гг. донесла до России холодное веяние утверждавшейся империи Наполеона. Для просвещенного, либерально настроенного русского человека начала века XIX, как и для носителей гуманистической европейской мысли века XVIII, была очевидна связь деспотизма со стремлением к завоеваниям, их родовое единство. Тургенев усматривает прямую аналогию между деспотическими государствами Востока и империей Бонапарта⁷⁵. Трансформация недавнего революционного опыта Франции в завоевательную устремленность воспринимается Тургеневым как доказательство опасности насильственных преобразований для судеб Европы, а катастрофа, постигшая армию Наполеона в России, приводит к убеждению о решающей роли народа в преодолении исторических катаклизмов. По горячим следам событий, в письме Вяземскому от октября 1812 г. он писал о разгроме армии Наполеона: «...Блистательнейшая наша победа не войсками нашими, но самим народом одержанная. Последствия сей победы невозможно исчислить. Они обратятся в пользу обоих состояний»⁷⁶. В факте национального единения Тургенев видит урок в пользу социальной стабильности, необходимой «осторожности» в перемене политической системы. И в то же время, подтекст этого письма, которое А. В. Предтеченский считает «одним из наиболее значительных документов Отечественной войны», свидетельствует об осознании Тургеневым необходимости реформ в России⁷⁷. Урок декабризма дал богатую пищу для дальнейших размышлений. В 1827 г., уже находясь в Париже и делясь с братом Николаем дошедшими до него слухами о сосланных декабристах, он замечал: «...я вижу благость и в самом бедствии. Мы должны были многое постигнуть, чего без сего опыта и без сего удаления из России, конечно бы, с такою силою, с таким убеждением, не постигнули»⁷⁸. «Сей опыт» извлекался и из новейшей истории Европы, Франции, прежде всего дававшей урок цены революции. Космополит и патриот, Александр, как и его брат Николай, искал

⁷⁵ См.: Пугачёв В. В. Из истории русской общественно-политической мысли начала XIX века (От А. Н. Радищева к декабристам). С. 35.

⁷⁶ Тургенев А. Политическая проза. С. 171.

⁷⁷ Предтеченский А. В. Отражение войны 1812–1814 гг. в сознании современников // Исторические записки. М., 1950. Т. 31. С. 238–239.

⁷⁸ Тургенев А. Политическая проза. С. 141.

«наставлений для себя, или обогащение идей, или указание общепользных открытий, заведений; от адвокатов до Гумбольдта; от богадельни — до Академии; мы никого и ничего не чуждаемся. Везде ищем пользы; везде ищем извлекать её для отечества, которое для нас выше и дороже всего...»⁷⁹ Так писал А. И. Тургенев в своем дневнике.

Размышлениями о судьбах России в связи с новейшей историей Европы и были наполнены последние 20 лет жизни Тургенева, проведенные в основном за пределами России. Постоянно возвращаясь во Францию, он исколесил Европу. Бывал множество раз в Германии, Англии, Швеции. Везде заводил знакомства со светилами науки, литературы, искусства, государственными мужами и политиками, посещал заседания парламентов и дворцы европейских властителей, доки и фабрики, пристанища для бедных и тюрьмы, училища для народа и университеты, музеи и театры, работал в архивах и библиотеках, извлекая документы по истории России⁸⁰. Круг его общения колоссален: от королей до парижских нищих. В Веймаре он беседует с Гёте и дарит ему одно из трёхсот всегда путешествующих с ним писем Карамзина. Он — один из наиболее желанных собеседников Шеллинга. «У меня здесь нет никого, кто мог бы понять меня, как Вы», — писал знаменитый философ Тургеневу⁸¹. В Англии он гостит у Вальтера Скотта. В Париже на протяжении двух десятилетий Тургенев — постоянный посетитель литературно-политического салона Жюльетты Рекамье, собраний у знаменитого зоолога Жоржа Кювье, в которых,

⁷⁹ Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники. С. 366.

⁸⁰ Документы, собранные А. И. Тургеневым в иностранных архивах, были изданы в двух томах в 1841–1842 гг. Археографической комиссией под наблюдением А. Х. Востокова — «Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А. И. Тургенева». Они включали выписки из Ватиканского тайного архива, других римских архивов и библиотек, акты, извлеченные из архивохранилищ и библиотек Франции и Англии. Это была лишь часть его богатейшего архивного собрания. Позже печатались их обзоры, отдельные документы использованы в ряде исторических трудов и его собственных исторических работах. Перечень публикаций источников и обзоров по русской истории А. И. Тургенева см.: Пугачев В. В. Указ. соч. С. 24; Гиллельсон М. И. А. И. Тургенев и его литературное наследство // Хроника русского. Дневники. С. 477–482; Яковенко С. Г. Работы российских и польских историков по изучению и публикации переписки папских нунциев в Польше // Культурные связи России и Польши в XI–XX вв. М., 1998. С. 69–70.

⁸¹ А. И. Тургенев и Шеллинг (По неизданным материалам) / Публ., пред. и прим. К. М. Азадовского и А. Л. Осповата // Вопросы философии. 1988. № 7. С. 154.

как писал Тургенев, «соединились учёные, литераторы, просвещенные бродяги со всех концов земли»⁸². Историки Франсуа Гизо, Клод Фориель, Огюстен Тьерри, философы Ф.-Р. Ламенне, Жозеф Дежерандо, писатель и критик Ш.-О. Сент-Бев, религиозный писатель, корреспондент Чаадаева Фердинанд Экштейн, писатели Шатобриан, Стендаль, Мериме, Бальзак, Ф. Вильменн, Бенжамен Констан, редактор и издатель самого авторитетного французского либерального журнала — «Revue encyclopedique», М.-А. Жюльен де Пари (в прошлом активный участник Французской революции), единомышленник и соратник Робеспьера, издатель «Эдинбургского обозрения» Френсис Джефри... Перечень можно продолжать. Всё это — люди, определявшие интеллектуальный облик Европы того времени, и все они входили в постоянный круг общения Тургенева. В салоне мадам Рекамье он был свидетелем острых политических споров, отражавших напряженную общественную жизнь предреволюционной Франции; на улицах Парижа — свидетелем народного брожения. Все это выливалось на страницы дневников и писем — этого, не имеющего аналогов по своему объему, насыщенности информацией и аналитическому осмыслению литературного наследия Тургенева. «Сочный бульон из животрепещущей утробы настоящего», — говорил о нем Вяземский. Ему была ясна его историческая значимость: «В фолиантах переписки и журнала его будущий историк нашего времени, от первых годов царствования Александра Павловича до 1845 года, найдёт, без сомнения, содержание и краски для политических, литературных и общественных картин прожитого периода»⁸³. Человек тонкого литературного вкуса, Вяземский говорил о письмах Тургенева, как «образце слога, живой речи, о владении им “русским пером”», «как немногим из присяжных писателей удастся <...> владеть». Современный исследователь ставит Тургенева в ряд первоклассных русских писателей, а по своей жанровой и идейной сущности его письма видятся как «отрасль потаенной литературы», как «автобиографическая эпопея 20–40 годов», «своеобразное “Былое и думы” пушкинской эпохи»⁸⁴. Лишь часть из них в виде заграничных писем-корреспонденций была опубликована в лучших русских периодических изданиях того

⁸² ОА. Т. III. С. 281.

⁸³ Вяземский П. М. Полн. собр. соч. СПб., 1883. Т. VIII. С. 282.

⁸⁴ Гиллельсон М. И. Указ. соч. С. 502–503.

времени. Пушкин считал письма Тургенева драгоценнейшим приобретением для своего «Современника». Именно при публикации в этом журнале они получили название «Хроника русского»⁸⁵.

Восприятие Тургеневым европейской общественной, политической, интеллектуальной жизни, отраженное в этих письмах, ложилось на очерченный выше его идейный настрой. Резкое неприятие режима Николая I («он темный человек, да ещё и самодержец», — напишет о нем Тургенев) не меняло убеждения о единственно возможном для России мирном пути реформ, об их превосходстве перед кровавым насилием революций. Это убеждение ярко запечатлено в одной из первых дневниковых записей Тургенева после того как, покинув Россию летом 1825 г., он оказался в Германии. Тургенев спешит встретиться с Генрихом Штейном, с чьим именем было связано не только восстановление прусской государственности после наполеоновского завоевания, но и проведение реформ, давших личную свободу крестьянам при выкупе ими повинностей за уступку части земли помещику. Штейн для Тургенева — «мудрец нашего времени <...> его не забудет история <...> совершенный им подвиг даёт ему право на истинное бессмертие»⁸⁶.

В 1826 г. внимание Тургенева привлекают «История французской революции» Минье и только что вышедший первый том «Истории английской революции» Гизо. Эти два крупнейших представителя французской романтической историографии опирались на идеологию доктринерства — наиболее важного оппозиционного идейного течения в среде французской интеллигенции эпохи Реставрации, противопоставляющего идею закономерного и эволюционного развития истории — революционному насилию. При этом исторический метод Минье и Гизо обосновывал в то же время правомерность появления революционных идей. Такой взгляд на общественный процесс был близок Тургеневу и стал существеннейшим моментом его миро-

⁸⁵ Под таким названием они воспроизведены и в современном издании. О его корпусе, соотношении с оставшимися неопубликованными письмами Тургенева, состоянии публикации его эпистолярного наследия в целом см.: там же. С. 46; *Батюшков К. Н.* Соч. В 3-х т. СПб., 1887. Т. 1. Приложение. Последняя публикация литературного наследия А. И. Тургенева — «Политическая проза». Составление, подгот. текста, вступ. статья и прим. А. Л. Осповата (М., 1989) — включает его журнальные корреспонденции, эпистолярные и дневниковые фрагменты и некоторые образцы других жанров.

⁸⁶ *Тургенев А. И.* Хроника русского. Дневники. С. 305.

воззрения⁸⁷. Он сочувственно излагает взгляд Минье на позитивные завоевания революции. «Революция изменила все внутреннее бытие народа, не одни политические его отношения. Произвол заменила законом, привилегии — равенством. Несмотря сперва на анархию, впоследствии на деспотизм, цель почти достигнута»⁸⁸. Столь же импонирует ему утверждение Гизо, «что ни английская, ни французская революции не прерывали хода вещей, до них начавшегося в Европе; но они ничего не возвестили нового, ни к чему не стремились, чего бы ни желали и прежде достигнуть некоторые народы в Европе»⁸⁹. Однако, он не приемлет слишком снисходительных, на его взгляд, суждений Минье о якобинской диктатуре, о Робеспьере, олицетворявших для Тургенева абсолютное зло революции. «Как назвать в авторе сие непрерывное желание умерить выражениями ужас, который должна возбуждать в сердце человеческом жажда крови? Робеспьер «не имел никакого отвращения от кровопролития!» — и только. Где же цель истории? Где святая обязанность свидетеля времен и судии людей?»⁹⁰ Даже признавая конечные результаты революции положительными, ее кровавому опыту Тургенев противопоставляет перемены «в государственном быту Англии» за последние десятилетия, и делает общее заключение: «...английские эволюции, одна из другой необходимо вытекающие, без шума парламентского, без разрушения церквей и древностей <...> без кровопролития... вот что делает непоколебимость Англии. Она привыкла к постепенному развитию и к исправлению своих государственных постановлений и привыкает к этому постепенному законному ходу с каждым годом все более и более»⁹¹.

Внутренний нерв, питающий прогресс Англии, Тургенев видит в укоренённости в жизни нации принципа свободы: «...правительство, подражая матери-природе, действует невидимо, не душит, но живот-

⁸⁷ Гиллельсон М. А. И. Тургенев и его литературное наследство. С. 456, 457; Реизов Б. Г. Французская романтическая историография (1815–1830). Л., 1956. С. 128–132; Пугачев В. В. А. И. Тургенев в 1825–1826 годах (По неизданным материалам). Уч. записки Горьковского гос. ун-та. Серия историко-филологическая. 1963. Вып. 58. С. 476.

⁸⁸ Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники. С. 431.

⁸⁹ Там же. С. 432.

⁹⁰ Цит. по: Гиллельсон М. И. А. И. Тургенев и его литературное наследство. С. 459; ИРЛИ. Ф. 309. № 7. Л. 20–21.

⁹¹ Тургенев А. Политическая проза. С. 68.

ворит или, по крайней мере, оставляется естественным силам непринужденное естественное развитие»⁹². Животворную силу свободы, уверен Тургенев, наблюдая европейскую жизнь, может обеспечить только высокая степень просвещения общества, правовое государство, и этого он желает России: «Я бы вскочил от биения русского сердца при первой книге в пользу прав и народа, при первой здоровой мысли в пользу правосудия, в пользу крестьян, при первой книге философической — при первом благородном подвиге благородного или раба русского!»⁹³

«Польза народа», — доминирующее начало общественной позиции Тургенева, не оставила его глухим по отношению к идеям социализма и коммунизма, громко заявлявшим себя во Франции и в Англии. Этот общий настрой просматривается в отзыве на книгу Адольфа Тьера «История Консульства и Империи». При высокой оценке Тьера как историка, автора «Истории французской революции», Тургенев испытывает неудовлетворенность, чувствуя изменение идейной позиции автора в его новом сочинении. «Не сравнивая таланта Тьера с другими историками животрепещущей современности, спрашиваю: так ли бы описал оную *Lois Blanc*? — Поощаил ли бы социалист то, что щадит питомец и любитель власти и настоящего порядка вещей во Франции, наперсник власть предержащих?»⁹⁴ Тургеневу явно ближе позиция критика июльской монархии, автора «*Histoire de dix ans. 1830–1840*» (Paris, 1841–1842). Но как «строитель политических теорий» Луи Блан для Тургенева — «добродушный утопист», и «неосновательность» его общественно-политической позиции «несоизмерима» с масштабом его исторических трудов.

Мимо внимания Тургенева не проходит вышедшая в 1842 г. в Лейпциге книга Лоренца Штейна «*Der Socialismus und Kommunismus des heutigen Frankreichs*» — подробнейшее изложение понятий и принципов социализма и коммунизма, учений крупнейших французских социалистов от Сен-Симона до Луи Блана. Отзыв Тургенева на эту работу вошел в состав «Хроники русского в Париже», публиковавшейся в 1845 г. в «Москвитянине», который возглавлял в то время И. В. Кире-

⁹² Тургенев А. Политическая проза. С. 244.

⁹³ Цит. по: Гиллельсон М. И. Указ. соч. С. 477; ИРЛИ. Ф. 309. № 305. Л. 101 об. Запись августа 1835 г.

⁹⁴ Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники. С. 279.

евский. Сам по себе это существенный факт в истории проникновения социалистических идей в Россию, ознакомления с ними русской общественности. Но он интересен и в плане воссоздания целостной картины преломления их русской мыслью. В отзыве на книгу Штейна Тургенев изложил свой взгляд на социализм и его возможное восприятие в России. Не считая «существенным» влияние социалистических идей на современное западное общество, он не отказывает социализму «в будущем влиянии на европейский общественный быт». «...Социализм будет изменять общества, и изменяться сам, смотря не по состоянию тех сословий, из коих он возникать будет, а по государствам, в коих сии сословия находятся: иначе в Германии, иначе в Англии, иначе здесь. Меры или приёмы правительств с проявлениями социализма тоже могут изменить самые направления оногo. — Но сии развития разных общественных элементов ещё нам совершенно чужды!.. Где у нас — почва для социализма? Из каких элементов составиться сим направлениям сил или болезней общественных?»⁹⁵ Когда Тургенев писал о своём отношении к идеям коммунизма и социализма, он имел возможность черпать свои представления не только из книг, но и из живого общения с представителями радикальной интеллигенции, русской и западноевропейской. В доме братьев Тургеневых в Париже в 1844 г. частым посетителем был М. А. Бакунин, бывали московские друзья Герцена — участник его студенческого кружка, поэт Н. М. Сатин, писатель Н. А. Мельгунов, немецкий поэт Георг Гервег, итальянский поэт, участник революционного движения в Романьи граф Теренцио Мамини дела Ровере. На страницах дневника Тургенева появляются имена К. Маркса, А. Рюге, в связи с их высылкой из Парижа⁹⁶. Будучи в Англии, он не упускает возможности увидеть опыт практического приложения социалистических идей: посещает знаменитый Нью-Лакарт, где «фабрики содержатся компанией, в числе коей и мои приятели квакеры».

Тургеневу нельзя отказать в прозорливости в предвидении исторических судеб социализма, его трансформации в зависимости от национальных особенностей каждой страны, от позиции правительств по отношению к этому социальному учению. Для него очевидна абсолютная чуждость социализма русским социальным условиям, русской действительности. Между тем, далеко не таким был

⁹⁵ Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники. С. 244.

⁹⁶ Там же. С. 526–527.

подход к этому вопросу в среде передовой русской интеллигенции, представленной западниками и славянофилами. Не вдаваясь в рассмотрение этого вопроса, заметим только, что, не говоря об идеологах западничества — Герцене, Огареве, Белинском, для изысканий которых социалистическая идея была центральной — она учитывалась и представителями славянофильской мысли. Именно книга Штейна привлекла пристальное внимание одного из её молодых adeптов — Ю. Ф. Самарина. Он откликнулся на неё вдумчивыми размышлениями о социализме, решении им проблемы «личность и общество»⁹⁷. Однако, следует заметить, что при всем несовпадении отношения к социализму и будущего идеолога «русского социализма» Герцена, и славянофилов, и Тургенева сближало представление о христианско-философской первооснове социализма, представление, связанное с идеей «нравственного общества», стремление найти высокий этический смысл истории человечества. Эта устремленность у Тургенева просматривается совершенно отчетливо. Так, познакомившись со статьей французского автора о Лерминье, где христианство определяется как «социальная философия» («Христианство — это само общество <...> Крещение приняли не только люди, но и идеи. Вглядитесь в любую ересь — и вы увидите на челе её стертый след креста»), Тургенев восклицает: «Как это справедливо! Как это верно отражается во всей истории! Разве сен-симонисты не христианству обязаны тем, что в них было не нелепого? Разве не оно воспитало, образовало всех и каждого: философов и народ, врагов и друзей своих?»⁹⁸

Усматривая в социализме одно из отражений христианства и вытекающей отсюда его общечеловеческой значимости, Тургенев видит реальный исторический путь прогресса в направлении, уже определившемся в европейской цивилизации: просвещение, христианская нравственность, право, обеспечивающее свободу личности и неприкосновенность собственности, развитие промышленного произ-

⁹⁷ Отсылаю читателя к посмертно опубликованным работам проф. С. С. Дмитриева, где рассмотрен весь этот комплекс вопросов: *Дмитриев С. С.* Раннее славянофильство и утопический социализм / Публ. Р. Г. Эймонтовой. Вступление Е. Л. Рудницкой // Вопросы истории. 1993. № 5; Он же. К вопросу о происхождении «русского социализма» А. И. Герцена (Герцен и славянофильство) // *Рудницкая Е. Л.* Поиск пути. Русская мысль после 14 декабря 1825 года. М., 1999. Приложение. С. 227–265. Подготовка текста Р. Г. Эймонтовой.

⁹⁸ *Тургенев А.* Политическая проза. С. 90–91.

водства. Для него очевидна неразрывность всех этих компонентов. Во Франции его внимание привлекла деятельность основанного в 1789 г. «Общества ободрения национальной промышленности». Делясь своим впечатлением, Александр Тургенев писал брату Николаю из Парижа в ноябре 1827 г.: «...не могу без некоторой зависти, смешанной, однако же, с космополитическою радостью об успехах политического просвещения, видеть деятельность сих частных обществ, заменяющих медленную и всегда расточительную, убыточную деятельность правительства. Существование сих обществ свидетельствует бытие некоторой свободы гражданской, и там, где их больше, там больше и свободы. Отсутствие оных означает противное. И верх деспотизма есть гонение на участие частных людей, частных обществ в улучшениях, в усовершенствованиях, до всего государства касающихся...»⁹⁹ В этих суждениях четко просматривается аллюзия на положение дел в современной для Тургенева России, актуальные проблемы действительности. Пагубный для поступательного движения общества «страх частной деятельности, частных усилий к общему благу», убежден Тургенев, «принадлежит характеру правления» и органичен для деспотической его формы. Его впечатляет промышленное развитие Англии, – зримое выражение связи гражданской свободы и экономического преуспевания. В Бирмингеме перед ним открывается широчайшая панорама, бесконечные огни раскинувшихся на необозримом пространстве металлургических предприятий: «С небольшой горы, на которую мы поднялись, огни сии ещё умножились и взор мой терялся в туманных отдалениях и в мраке, который невольно сравнивал я с нашей будущностью и видел в сем пожарище дорогу жизни, очищенной в горниле бедствий»¹⁰⁰. Как бы продолжая эту мысль, он запишет в дневнике после посещения Манчестера: «Больтон и Ватт открыли паровую машину — и Манчестер процветает <...> Гений творит и разрушает; и разрушает часто и самую творческую своей силою»¹⁰¹. Не требует пояснения понимание Тургеневым мучительных противоречий промышленного прогресса, как и его убежденность в его необходимости. И именно такого пути, каким

⁹⁹ Тургенев А. Политическая проза. С.148–149.

¹⁰⁰ Цит. по: Гиллельсон М. И. От арзамасского братства к пушкинскому кругу писателей. С. 188–189.

¹⁰¹ Там же. С. 189.

идет Запад, желает он России. В 1836 г., в один из приездов на родину, он напишет Вяземскому: «Как мое Европейское обрадовалось, увидев в Симбирске пароход, плывущий из Нижнего к Саратову и Астрахани. Хотя на нем сидели татары и киргизы! Отчизна Вальтера Скотта благоденствует родине Карамзина и Державина. Татарщина не может долго устоять против этого угольного дыма Шотландского; он прост ей глаза, и они прояснятся»¹⁰². Только на путях общеевропейской цивилизации, соединяясь с ней духовно и материально, Россия обретёт, уверен Тургенев, достойное будущее. Ближайшими же задачами для России являются: ликвидация позорного крепостного права (что откроет простор свободному труду и частной инициативе), безотлагательное создание правовой основы жизни государства путем кодификации законодательных норм и актов (а не составление свода законов), с учетом «просвещенного опыта других народов».

В лице Тургенева выявила себя уже на начальном этапе становления русского либерализма та демократическая тенденция, которая, размывая сословный эгоизм, распространяла ценности свободы личности, её правовую гарантию на всю массу народа. Благо народа — доминанта всей жизни Тургенева. В последние годы, продолжая свои исторические штудии, он все острее ощущает нравственный смысл исторической памяти, нравственную связь прошлого и настоящего. Память о декабристах, об «оклеветанных» проецируется на настоящее, пронизывается демократическим началом. Он отдает силы и время для посещения ссыльных в этапной тюрьме на Воробьевых горах, хлопочет об их судьбе, помогает им деньгами, едой, тёплыми вещами для детей. «Спешу, отъезжая на Воробьевы горы к Сибирским труженикам...» — пишет он П. А. Плетнёву 30 августа 1842 г. и далее: «Иван Вел[икий] с товарищами гудит во все тяжкие, и сердцу тяжело от воспоминаний давно минувшего, от молитвы сей в Кремле тяжело очень! — Особенно рисуются тени прошедшего на Воробьевых горах и душу волнуют». И, смыкая прошлое с настоящим, продолжает: «Через час предо мною предстанут труженики иного рода — может быть также оклеветанные!»¹⁰³ «Я был свидетелем его пламенных порыв-

¹⁰² Литературный архив. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 85.

¹⁰³ Цит. по: *Проскурина В. Ю.* Неизданные письма А. И. Тургенева / К истории публикации «Хроники русского» в «Современнике» // Известия Академии наук СССР. Серия лит. и языка. 1984. № 4. С. 338–339.

вов к утешению, успокоению и часто спасению погибших», — писал современник¹⁰⁴. Тургенев как бы материализовал некогда высказанное им убеждение, что «законы нравственные, самые отвлеченные, также верны и положительны как законы мира вещественного»¹⁰⁵. Через всю свою жизнь он пронес усвоенные ещё в новиковском, масонско-просветительском кругу «законы» милосердия, «практической филантропии» и, как писал Пушкин, «бескорыстную любовь к просвещению». Он установил высокий нравственный ориентир, присущий лучшим представителям русского либерализма, его последующим идеологам и деятелям. Духовная доминанта определяет личность Тургенева-либерала. Вместе с тем, в его жизни персонифицировались две изначальные формы русского либерализма: правительственный и общественный. Его деятельность в кругу правительственной либеральной бюрократии и его живая сопричастность либеральному общественному движению своего времени демонстрируют размытость границ, подчас слияние этих двух струй на практике. В самом Тургеневе они цементировались вопросом о народе, его освобождении. В условиях русской социальной действительности, ассоциировавшейся с рабством, утверждение гражданских прав крепостного крестьянства воспринималось не просто как утверждение норм буржуазной юрисдикции: оно принимало нравственно-демократическую окраску. В этом смысле либерализм Александра Ивановича Тургенева нес в себе элементы идеологии русского крестьянского демократизма.

На долю Тургенева выпало пережить крушение либерализма правительственного и, в определенной мере, общественного. Но оно стало только контрапунктом в истории русского либерализма. «Летописи либерализма», как не сомневался Тургенев, сохраняют имена его первого призыва, имена «либералистов» александровской эпохи.

Александр Иванович Тургенев умер 3 декабря 1845 г., простудившись на Воробьевых горах. Он был отпет при большом стечении народа. Панихиду служил митрополит московский и коломенский Филарет. Похоронен на кладбище Новодевичьего монастыря.

Е. Л. Рудницкая, доктор исторических наук

¹⁰⁴ Кн. Дм. Шаховской. Из последних дней жизни А. И. Тургенева // Голос минувшего. 1914. № 4. С. 226.

¹⁰⁵ Тургенев А. Политическая проза. С. 43.

Николай Иванович Тургенев

Николай Иванович Тургенев (1789–1871) происходил из культурной дворянской семьи, принадлежащей к тонкому слою интеллектуальной элиты России конца XVIII в. Все три его брата оставили след в истории русской культуры. Старший, Андрей, рано умерший гениальный поэт, предвосхитил многие направления в развитии русской литературы. Следующий, Александр, был видным общественным и литературным деятелем. Младший, Сергей — дипломат и политик, по своим взглядам ближе всех стоял к Николаю.

Первоначальное воспитание Николай Тургенев получил дома, затем окончил пансион при Московском университете и завершил свое образование в Гёттингенском университете сразу по трем специальностям: истории, праву и политэкономии. Разносторонние интересы Тургенева, впитавшего в себя все достижения европейской культуры, первоначально базировались на французской просветительской литературе XVIII в. с ее благородными идеями добра и справедливости, высокими представлениями о человеческом достоинстве и разуме. Но события и процессы, происходившие в политической жизни Франции и Европы на рубеже XVIII–XIX вв., опровергали многое из того, о чем говорилось в книгах. Чтение Вольтера и Руссо сменялось у юного Тургенева кошмарными видениями санюлотов на улицах Москвы. 9 декабря 1806 г. он записал в дневнике: «Мне кажется все, что Бонапарте придет в Россию; я воображаю сан-кюлотов, скачущих и бегающих по длинным улицам Московским; а что мне кажется, и что я воображаю, того никогда не случается. След[овательно] и этого не будет». Однако несколько месяцев спустя, 14 июля 1807 г., Тургенев, чувствуя себя оскорбленным только что заключенным Тильзитским миром, сделал приписку: «Это пророчество сбылось, ибо теперь с нами мир»¹.

Эти кошмары были вызваны, конечно, в первую очередь военными успехами Наполеона, а не чтением произведений французских

¹ Архив братьев Тургеневых. Дневники Николая Ивановича Тургенева. СПб., 1911. Т. 1. С. 15.

просветителей. Но определенная связь, тем не менее, просматривалась. 3 апреля 1807 г., записав в дневнике общее мнение, возможно, им впервые услышанное: «*Вольтер и Руссо были причинами Французской Революции*», — Тургенев, подумав, добавил: «Это быть очень может. Я заметил из сочинений Вольтера, что он по крайней мере способствовал к сему»². Руссо с его стремлением к целостному и органическому восприятию мира, к растворению личности в природе и социуме, с одной стороны, и Вольтер с его едким скепсисом, разрушающим как веру, так и безверье и заменяющим и то, и другое «леденящим душу деизмом» (Чаадаев), — с другой, ставили Тургенева перед глобальными вопросами бытия, на которые он не находил ответа.

Чтение политической литературы накапливало культурный опыт юного Тургенева и вместе с тем обостряло восприятие событий в революционной и наполеоновской Франции. Последнее обстоятельство несло разочарование в самом опыте и порождало желание избавиться от него. «Мне кажется, — пишет Тургенев в дневнике 5 апреля 1807 г., — что люди до тех пор не могут быть счастливы (я разумею вообще, а не в особенности, т. е. род человеческий), пока они не придут в натуральное существование, т. е. пока все их поступки, дела важные и мелкие, одним словом *все* не будет согласоваться с Природою»³. Влияние Руссо здесь чувствуется скорее на уровне терминологии, суть же продиктована собственными внутренними ощущениями. Это хорошо почувствовал и выразил дореволюционный исследователь М. О. Гершензон: «Не в книгах Руссо, а в собственном чувстве нашел он мерило для расценки человеческих дел»⁴.

В силу невозможности бегства от культуры как таковой, вина была возложена на французскую культуру, т. е. на то, что находилось ближе всего и полнее всего отождествлялось с культурой вообще. Молодой Тургенев, таким образом, объявил войну галломании и в поисках союзника обратился к произведениям А. С. Шишкова. Чувствуется, что с немалыми усилиями над собой начал он читать шишковские «Рассуждения о старом и новом слоге». «В сей книге есть *очень* много *очень* глупого», — пишет он 4 марта 1808 г. Но тут же, прочитав письмо

² Архив братьев Тургеневых. Дневники Николая Ивановича Тургенева. СПб., 1911. Т. 1. С. 54.

³ Там же. С. 50.

⁴ Гершензон М. О. Н. И. Тургенев в молодости // Гершензон М. О. Грибоедовская Москва. П. Я. Чаадаев. Очерки прошлого. М., 1989. С. 228.

Шишкова в «Вестнике Европы» М. Т. Каченовского «о привязанности Русских ко всему Французскому», Тургенев с радостью спешит согласиться с автором: «Письмо в своем роде превосходно и исполнено справедливости, и очень, так сказать *потрафлено*»⁵.

Спустя два года, находясь в Гёттингене и испытывая чувство тоски по родине и русскому языку, Тургенев совершенно под другим углом зрения прочел книгу Шишкова. «С некоторого времени читаю я с очень большим удовольствием Шишкова *“Рассуждения о слоге Р[оссийском]”*», ложась в постель. Я нашел, что Шишков очень твердо знает Русский язык, и что намерение его, при издании сей книги, было точно то, как он говорит: желание быть полезным. И подлинно: можно многим воспользоваться в его умной книге. Нехорош, скажут, слог. Совсем неправда: слог точно таков, каким он воображает самый лучший; и в сем случае частью можно с ним согласиться. Конечно инде не гладок, но везде чист, кроме некоторых мелких ошибок, кот[орые] скорее можно причесть наборщику нежели сочинителю»⁶.

Националистические и галлофобские идеи Шишкова привлекли Тургенева в первую очередь своей непохожестью на ту культурную среду, в которой он был воспитан. Его поверхностный и непродолжительный «шишковизм» был своего рода подростковым бунтом против культурного мира отцов: «Напрасно пристрастные, умные и обезьяны-дураки нападают на Шишкова: мнение его о Славянском языке и о Французском совершенно справедливо и не может быть подвержено благоразумной критике». Однако, записываться в «дружину славян» (Кюхельбекер) и вставать под знамена Шишкова и К° Тургенев все-таки не стал. Изначальное воспитание в традициях европейской культуры в конечном итоге взяло верх и заставило его признать Шишкова «идеалом откровенной глупости и откровенной подлости»⁷.

Три года, проведенные в стенах Гёттингенского университета, необычайно много дали Тургеневу и в плане практического знания европейской жизни, и в плане научного развития. До конца жизни он

⁵ Архив братьев Тургеневых. Дневники Николая Ивановича Тургенева. Т. 1. С. 97–98.

⁶ Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева. Т. I. СПб., 1911. С. 282.

⁷ Архив братьев Тургеневых. Дневники Николая Ивановича Тургенева. СПб., 1913. Т. 2. С. 154.

сохранил пиетет перед своими немецкими профессорами, в первую очередь историком А. Г. Л. Геереном и экономистом Г. Сарториусом. Их влияние долго будет сказываться в историко-политических и экономических работах самого Тургенева.

Вернувшись в Россию в феврале 1812 г., Тургенев был поражен ее отсталостью от Европы. Его дневники запечатали состояние растерянности и душевной подавленности. Он не знает, за что взяться и находится перед сложной дилеммой: остаться на родине или покинуть ее навсегда. Война 1812 г., обострившая в Тургеневе чувство патриотизма, вывела его из состояния душевной подавленности, а в 1813 г. с началом заграничных походов русской армии он получил назначение на должность русского комиссара при Центральном административном департаменте, образованном правительствами стран антинаполеоновской коалиции для управления освобожденными от французов территориями. Во главе департамента стоял прусский государственный деятель и реформатор барон Г.-Ф.-К. Штейн. В его взглядах и деятельности причудливо переплетались аристократические убеждения с демократическим характером проводимых им в Пруссии реформ. В частности, им была осуществлена реформа местного самоуправления на основе бессловесных выборов, ликвидирована личная зависимость крестьян от помещиков, уничтожено различие между помещичьим и крестьянским землевладением.

Общение со Штейном открыло Тургеневу глаза на то, что следует сделать в России. Отныне и навсегда мысль о реформах «сверху» становится своего рода тургеньевской *idée fixe*. «Все в России должно быть сделано Правительством; ничто самим народом»⁸, — записывает он в дневнике. Он убежден в том, что главная реформа — отмена крепостного права — должна предшествовать введению конституции. Не договор монарха с нацией, а петровский путь преобразований кажется Тургеневу оптимальным для России. Он создает своего рода «миф» о Петре I как либерале, противнике если не самого института крепостного права, то, во всяком случае, его наиболее бесчеловечного проявления — торговли людьми. В качестве пропаганды антикрепостнических идей Тургенев использовал слова Петра, запрещающие «продавать людей, как скотов, чего во всем свете не водится, и от чего

⁸ Архив братьев Тургеневых. Дневники Николая Ивановича Тургенева. СПб., 1921. Т. 3. С. 332.

не малый вопль бывает»⁹. На этом основании Тургенев делает вывод, что «Петр I был либеральнее всех прочих императоров и императриц в сем указе»¹⁰.

Петр I, в представлении Тургенева, — не только либерал, но еще и тираноборец. Николай Иванович ассоциирует его с Брутом. «Новейшие народы так исказили свои понятия о праве, что сами не знают, где патриотизм, какие деяния принадлежат ему. Древние передали им уважение, удивление к Бруту, и они ему удивляются; но при том даже не хотят признавать поступков, похожих на поступки Брута, но случившихся в новейшие времена. Они удивляются слепо по привычке Бруту, но не по рассуждению, иначе бы Петр I стоял в одном отношении наряду с Брутом. Мы прославляем патриотизм Брута, но молчим о патриотизме Петра, также принесшего своего сына в жертву отечеству. Voilà de conséquence¹¹!»

Является инверсия: в Древнем Риме сын убивает отца, в России отец убивает сына, — и для Тургенева она весьма символична. Идеи свободы в России исходят «сверху» и встречают глухое непонимание в обществе. Это явный намек на Александровское царствование. Эта параллель усиливается мрачным подтекстом: Александр I — косвенный убийца своего отца Павла I — еще один «непризнанный» Брут. Далее выстраиваются два любопытных параллельных ряда: «Я удивляюсь, — продолжает Тургенев свою мысль, — Гомеру, Кесарю, Волтеру, Невтону, Петру I, но не в этом, что тут; но не удивляюсь Леониду, Бруту, Курцию, Катону, потому что чувствую в себе силу подражать им»¹².

Здесь интересно все. Во-первых, Петр, который только что уподоблялся Бруту, оказывается в одном ряду с Цезарем и противопоставляется Бруту. Во-вторых, само противопоставление. Если единство второго ряда представляется очевидным — это люди, вошедшие в историю благодаря своему патриотизму, — то с первым рядом дело обстоит сложнее. Что может объединять Гомера, Вольтера и Ньютона, — понять можно. Отчасти можно понять и объединение Цезаря и Петра, хотя в связи с тургеневской ассоциацией Петра и Брута это

⁹ Архив братьев Тургеневых. Дневники Николая Ивановича Тургенева. СПб., 1921. Т. 3. С. 222.

¹⁰ Там же. С. 311.

¹¹ Вот следствия! (*фр.*).

¹² Там же. С. 94.

сделать сложнее. Еще сложнее понять, что общего у них двоих с Гомером, Вольтером и Ньютоном? И каков смысл противопоставления этих двух рядов? И почему Тургенев «удивляется» первому списку и как бы включает себя во второй? Самое простое объяснение, напрашивающееся само собой: в первый ряд включены гении, прославившие себя в различных областях деятельности и знания. Тургенев удивляется их гениальности и осознает невозможность с ними сравняться. Для себя он как бы выбирает другой путь в историю, по его мнению, открытый каждому — отдать жизнь за родину. Поэтому неудивительно, что Петр в этом смысле оказывается и гением и патриотом, Цезарем и Брутом. А это значительно расширяет его права как исторической личности. Характер его власти, в которой было столько неприемлемого для людей самых разных политических убеждений, и в первую очередь для либералов, Тургеневым оценивается безусловно положительно. Такое отношение к петровскому правлению со стороны русского либерала также нуждается в пояснении.

Тургенев, европеец по убеждению, не считал Россию европейской страной, во всяком случае, изначально: «Россия не Европа. Европейские известия пролетают через Россию и теряются в ней или в степях ее окружающих», — писал он в дневнике 29 августа 1820 г.¹³ Но вместе с тем прививка в России европейских либеральных ценностей казалась ему единственно возможным условием цивилизованного существования страны. Россия — не просто неевропейская страна, но и страна, в которой отсутствуют внутренние потребности в европеизации, и на время здесь полагаться бессмысленно: «Дворяне за картами и в привычке своей праздности, не будут чувствовать и не чувствуют нужды в просвещении»¹⁴. Поэтому выход один — насильственная европеизация «сверху». Правитель, который постиг благотворность европейского пути развития, должен обладать чрезвычайными полномочиями для того, чтобы направить Россию по этому же пути.

¹³ Архив братьев Тургеневых. Дневники Николая Ивановича Тургенева. СПб., 1921. Т. 3. С. 236. У Тургенева встречается, правда, и противоположное, или, во всяком случае, почти противоположное высказывание: «Мы стали Европейцами, останемся Европейцами, и никакая сила человеческая не может сделать нас Азиатцами» (Там же. С. 376). Это писалось в 1819 г. для предполагаемого журнала в составе редакционной статьи и отражало не личные взгляды Тургенева, а позицию журнала, который задумывался как журнал европейско-либерального типа.

¹⁴ Там же. С. 135.

«Направление народным умом, — пишет Тургенев, — как слово сие не противно для ушей благомыслящего человека — нужно в России, хотя это и опасно, ибо направление редко бывает хорошее; но оно нужно потому что вы исторгнуты из обыкновенного хода вещей, и должны там, где вещи не могут быстро идти сами собою, как, напр[имер], в промышленности и торговле, идти путем искусственным. Естли спросят, полезно ли, хорошо ли сие изторжение? Я не медля скажу: да! конечно. И Россия обязана вечною благодарностию за сие Петру 1-му. Естли мы вперед и медленно подвигаемся, то по крайней мере Петр I заградил нам дорогу идти назад: он сжег флот, привезший нас с земли невежества на землю образованности. Как мы ни будем вертеться, а вплавь домой не пустимся!»¹⁵.

Особенность России, в представлении Тургенева, заключается в том, что к европейскому просвещению она движется неевропейским путем. «Я давно заметил, — пишет он брату С. И. Тургеневу 1 февраля 1821 г., — что Россия идет к просвещению совсем не тем путем, каким дошли до него другие народы»¹⁶.

Идеалом государственного устройства для Тургенева всегда служила Англия. Поэтому в своих оценках политического состояния России он исходит из английской практики. Различие между Англией и Россией, по мысли Тургенева, заключается в частности, в том, что в Англии просвещение народа и правительства всегда шло синхронно, поэтому чисто монархическое правление для Англии так же пагубно, как и конституционная монархия для крепостнической России, где «правительство просвещеннее народа». Петровская эпоха является ярчайшим тому примером. В трактате «Политика» Тургенев, явно имея в виду Петра I, писал: «Чистая монархическая власть, сделавшись достоянием государя мудрого и народолюбивого, может быть весьма благодетельна, направляя народ в успехах гражданственности, искореняя своею силою варварские обыкновения, поддерживаемые эгоизмом, невежеством, предрассудками, созида я тою же силою новое и прелестное здание общего благополучия народного».

Таким образом, не формальное разделение властей, а выработка механизма, способного с максимальной эффективностью обеспечить управление государством и препятствовать тем злоупотре-

¹⁵ Там же. С. 109.

¹⁶ Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С.И. Тургеневу. М.; Л., 1936. С. 211.

блениям, которые могут быть внедрены в жизнь конституционным путем, является в глазах Тургенева важным признаком благополучия государства. В Англии это обеспечивается ее конституцией. В России это не обеспечивается ничем, кроме личности монарха. Поэтому не формальное подражание английским принципам, а поиск адекватной им формы государственного правления, пригодного для российской действительности, должно, по мнению Тургенева, способствовать движению России по пути прогресса. Однажды он саркастично заметил, что закон «в России играет роль английского короля»¹⁷. Таким образом, Россия оказывается как бы антиподом Англии, и, по обратному принципу, русский царь должен выполнять функции английского закона. Петр в этом отношении, соединяющий в себе, по мнению Тургенева, силу и разум, и был наиболее адекватным русским «аналогом» английскому политическому строю.

Характерно, что русское самодержавие противопоставляется французскому деспотизму так же, как и английская свобода. «Самовластие тогда только может быть полезно для народов, — пишет Тургенев, — когда при недостатках общего устройства, власть верховная соединена в руке умного и народолюбивого государя. Тогда власть сия может называться важным именем самодержавия. Но, когда неограниченная власть государя слабого и непатриотического переходит в руки нескольких вельмож или любимцев царских, даже в руки их любовниц, тогда власть сия не может иметь ничего, кроме ненавистного и презрительного. Умные самодержцы возвышали Россию. Слабые самовластители губили Францию в течение нескольких столетий»¹⁸.

Сопоставление Англии, Франции и России для Тургенева имеет основополагающий смысл. Англия — страна классического парламентаризма, Франция до революции 1789 г. — страна классического абсолютизма. Россия противостоит им обоим как некое неоформленное явление. Задача реформ заключается в том, чтобы придать России облик цивилизованного европейского государства. И хотя идеалом государственного устройства для Тургенева является Англия, он понимает необходимость для России сильной власти, со-

¹⁷ Архив братьев Тургеневых. Дневники Николая Ивановича Тургенева. СПб., 1921. Т. 3. С. 152

¹⁸ См.: *Бешенковский Е. Б., Билинжис М. Я., Пугачев В. В.* Неизвестная рукопись Н. И. Тургенева «Сопоставление Англии и Франции» // *Освободительное движение в России*. Вып. 2. Саратов, 1971. С. 119.

средоточенной в одних руках, способных провести преобразования. Поэтому опыт Франции может в какой-то мере также быть полезен для России. При этом Тургенев считает важным учитывать не только исторический опыт, но и возможные перспективы развития Англии и Франции. Он уделяет большое внимание циркулирующим в Европе слухам о приближающейся революции в Англии¹⁹.

В Англии действительно было беспокойно. «28 января 1817 г., когда управляющий Англией сын сумасшедшего короля Георга III, принц-регент Георг, крайне непопулярный в стране, ехал открывать парламент, его карета была заброшена камнями, и сам он подвергся тяжким оскорблениям. По предложению правительства парламент постановил приостановить действие закона о неприкосновенности личности (Habeas Corpus Act) до 1 июля. В стране поднялась волна протестов и манифестаций. В графстве Йорк и Манчестере было проектировано движение в Лондон 100 тыс[яч] чел[овек] с петицией к парламенту. Вожаки движения были арестованы, клубы закрыты. Но после этого были раскрыты заговоры в Бирмингеме, Ноттингеме и Дерби, и постановлением парламента от 3 июня срок приостановки действия Habeas Corpus Act был продлен до 1 марта 1818»²⁰.

Эта тема возникла в переписке Н. И. Тургенева с братом Сергеем, который разделял общеевропейские опасения за судьбу Англии. Тургенев из России, задаваясь вопросом «чем все это в Англии кончится?», уповал на английскую конституцию и на ее незыблемость: «Я думаю, что все обойдется без больших потрясений и без вреда свободе англичан и их несравненной конституции»²¹.

Слухи о возможной английской революции Тургенев считал не только безосновательными, но и вредными: «Опасение революции, долженствующей потрясти, разрушить Англию, не совсем основательно, и тщетно в частных людях, непростительно в английских министрах (oiseuse dans des particuliers est inexcusable dans les ministres anglais). Оно может их подвигнуть к средствам избежания ожидаемой революции, кот[орые] несовместимы с благополучием Англии,

¹⁹ Алексеев М. П. Этюды по истории английской литературы. М., 1959. С. 361–365; Далин В. М. Люди и идеи. М., 1970. С. 101.

²⁰ Шебунин А. Н. Братья Тургеневы и дворянское общество Александровской эпохи // Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу. С. 401.

²¹ Там же. С. 212.

средствам, могущим причинить действительный вред для избежания предполагаемой опасности. Те, кои с некоторым самодовольствием (contentement) предсказывают бедствия для Англии, не подозревают, какие несчастья от того неминуемо произойдут для всей Европы, не подозревают, что они даже и своим печальными предсказаниями причиняют истинный вред всем государствам, кот[орые] не дошли еще до той степени свободы гражданской, каковою Англия пользуется. Они останавливают их на благородном пути их, и за каждый потерянный шаг вперед, еще должны ответствовать пред священным судилищем разума и человечества. Что будет с Европою, когда падет Англия! Все сыны тьмы заревут тогда, что Англия пала от свободы, и свобода, священнейшее благо смертных, будет страшилищем. Французская революция сделала уже много вреда свободе (à la cause de liberté). Какой вред причинит сему делу несчастная революция в Англии? Во Франции по крайней мере революция ясно для всех произошла от деспотизма. В Англии нет деспотизма; но там есть зато правительство, стремящееся к деспотизму, там есть министры, неспособные исполнять с пользою для отечества мест своих. Кастельре ускользнет от глаз современников, и они его и ему подобных будут обвинять в несчастьях и в революции. Пока беспристрастное потомство произнесет приговор свой, вред будет уже сделан и будет уже иметь свое действие»²².

Итак, если во Франции деспотизм породил революцию, то в Англии, наоборот, нагнетание слухов о революции способно породить деспотизм, к которому и без того склоняется кабинет Каслри.

«Революция, происшедшая во Франции, — пишет Тургенев, — обошла более или менее всю Европу, произвела много зла, но вместе с тем посеяла в умах народа неувядаемые семена добра и гражданского благополучия»²³.

Тургенев, как и многие его современники, считал, что Французская революция завершилась в 1814 г. реставрацией Бурбонов на французском престоле. До этого момента его оценки происходящего во Франции были крайне негативны. Не правительственный деспотизм, а «искаженная образованность», «ложное просвещение», «переро-

²² Бешенковский Е. Б., Билинжис М. Я., Пугачев В. В. Указ. соч. С. 125.

²³ Там же. С. 111.

дившийся народ Французский»²⁴ послужили причинами революции. 1814 г., который Тургенев провел во Франции, вызвал у него сложные чувства. С одной стороны, он явно рад тому, что «религия и свобода восторжествовали»²⁵, надо полагать, над революцией, но с другой, — он не очень ясно представляет себе будущее Франции, точнее каким это будущее должно быть. Возвращение Бурбонов его явно не радует: «Какое несчастие, какой стыд для целого народа! драться, резаться, убить Короля за свободу, и потом, после жесточайших войн, притти на то же место, с которого пошли за 25 лет»²⁶.

Не вызывает у него энтузиазма и октроированная Хартия, «ибо подлые сенаторы при составлении оной, всего более думали о своих доходах, а о многом совсем не думали. Бог знает как это сойдет с рук Франции», — писал он братьям из Парижа 19 апреля 1814²⁷. Хартия была оружием, которое различные политические партии пытались использовать в своих интересах. В 1815–1816 гг. это оружие находилось в руках ультрароялистов.

Для Н. И. Тургенева было очевидно, что в России, где сильно противодействие либеральным намерениям Александра I со стороны «наших ультра», преждевременное принятие конституции пойдет во вред необходимым преобразованиям и в первую очередь будет препятствовать освобождению крестьян. «Прежде, нежели все сие будет приведено в порядок, нельзя думать о конституции, ни о репрезентации народной», — писал он в дневнике 1 января 1816 г.²⁸

В России даже в первые годы после Отечественной войны когда популярность Александра I была на пике, наверное, немного нашлось бы людей столь же лояльных по отношению к нему, как Н. И. Тургенев. Он так высоко ставил долг перед царем, как и любовь к отечеству: «имя России не должно быть разделяемо с именем Александра». И, тем не менее, именно в это время он ведет активную работу по созданию тайного общества. Общество это не только не должно было быть антиправительственным, напротив, оно должно было способ-

²⁴ Архив братьев Тургеневых. Дневники Николая Ивановича Тургенева. Т. 2. С. 202.

²⁵ Там же. С. 251.

²⁶ Там же. С. 253.

²⁷ Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу. С. 124.

²⁸ Архив братьев Тургеневых. Дневники Николая Ивановича Тургенева. Т. 2. С. 307–308.

ствовать правительству в проведении реформ. В этом Тургенев опирался на опыт немецкого тайного общества Тугендбунд, стремившегося к возрождению и объединению Германии и содействовавшего правительству в проведении реформ. Стоит отметить, что тайным Тугендбунд являлся не столько от прусского правительства, сколько от французов, оккупировавших во время наполеоновского владычества германские княжества.

От кого же должно быть тайным общество, замышляемое Тургеневым? Под влиянием демократических идей XVIII в., и в частности Руссо, Н. И. Тургенев заметил, «что между простыми людьми гораздо более хороших и добрых людей, нежели между людьми, принадлежащими к высшим классам»²⁹. Эту мысль он пронесет через всю свою жизнь, как и убеждение в том, что «русское дворянство уподобилось племени завоевателей, которое силой навязало себя нации». В этом плане оно вполне сопоставимо с французами, оккупировавшими Германию, и является главным врагом на пути процветания отечества. Против них в первую очередь и должно быть направлено тайное общество, состоящее из людей, которые, подобно Тургеневу, не желают мириться с сохранением крепостного права. Поэтому его конспиративная деятельность вполне уживалась с лояльностью по отношению к царю.

По возвращении в Россию в 1816 г. Тургенев был назначен помощником статс-секретаря Департамента экономии Государственного совета. Это назначение ввело его в круг бюрократической элиты страны. Общаясь с ее представителями, он еще раз убедился, насколько далеки они от «либерального образа мыслей». В их среде либерал Тургенев прослыл якобинцем. В это время он вместе со своим другом генералом М. Ф. Орловым пытается создать тайное общество, еще не зная, что такое общество под названием Союз спасения уже существует в России. В 1818 г. Тургенев и Орлов, вместе с членами уже распавшегося к тому времени Союза спасения, организуют новое общество — Союз благоденствия. С этого момента Николай Тургенев становится одним из главных идеологов декабризма и останется им до своего отъезда за границу в 1824 г. Его истинная роль в тайных обществах до сих пор до конца не выяснена. В существующих источниках слишком много противоречий. Однако, исходя из политиче-

²⁹ Архив братьев Тургеневых. Дневники Николая Ивановича Тургенева. Т. 2. С. 316.

ского мировоззрения и психологического склада Тургенева, можно полагать, что идея военного переворота в России им, если и рассматривалась всерьез, то как крайнее и нежелательное средство. Свою главную цель как идеолог общества он всегда видел в пропаганде либеральных и освободительных идей в России.

Однако, в отличие от французских либералов, сдержанно относящихся к идее немедленного освобождения русских крепостных, Тургенев был сторонником самых решительных действий в этом направлении: «Все эти люди, которые таким образом говорят о свободе, не знают, не понимают свободы; они не чувствуют, что свобода так натуральна, так свойственна человеку (*si naturelle, si humaine*), что нельзя произнести слово человек, чтобы не иметь вместе с сим понятия о свободе. Все равно естли бы кто сказал о людях между снегов, в вечной ночи живущих: они еще не созрели для того, чтобы греться на солнышке»³⁰. Просветители XVIII в., не допускавшие саму мысль о праве одних людей владеть другими, казались Тургеневу либеральнее современных ему французских либералов: «Политические писатели того времени <...> либеральнее наших»³¹. В другом месте дневника Н. И. Тургенев писал: «каждый век имеет особенную печать свою. Прошедший век отличается тем, что все рассуждали и писали о достоинстве человека, о самостоятельности и независимости государств; о свободе граждан относительно их лиц и относительно их собственности. Это был век благородства, в коем царствовали чувствования сердца и понятия рассудка»³².

Как известно, каждый период истории порождает свои культурные мифы, и современная Н. И. Тургеневу эпоха в этом смысле не была исключением. Из приведенных дневниковых записей видно, как либеральный миф переносится на эпоху Просвещения, и просветители представляются не только предшественниками современных либералов, но и творцами классического либерализма. Как и просветители, Тургенев был убежден, что не просвещение является источником свободы, а наоборот — свобода ведет к подлинному просвещению:

³⁰ Архив братьев Тургеневых. Дневники Николая Ивановича Тургенева. Т. 3. С. 170. Ср. в дневнике от 24 декабря 1821 г.: «Свобода есть что-то родное человеку» (Там же. С. 309).

³¹ Архив братьев Тургеневых. Дневники Николая Ивановича Тургенева. Т. 2. С. 335.

³² Там же. С. 212.

«Свобода, устройство гражданское производит и образованность и просвещение»³³. Отсюда мысль о возможности немедленного освобождения крепостных. «Время плохой врач в болезни нещастия народного»³⁴, — писал Н. И. Тургенев брату Сергею Ивановичу.

Конспиративная деятельность Тургенева в тайном обществе, сколь бы значительной ни пытались представить ее недоброжелатели Тургенева и позднейшие историки, в действительности была ничтожной по сравнению с его общественной и научной деятельностью, преследующей те же освободительные идеи. В 1818 и 1819 гг. вышло два издания его книги «Опыт теории налогов». Как установил авторитетнейший знаток мировоззрения и жизненного пути Тургенева А. Н. Шебунин, эта книга «представляет собой переработку слушанных им в Гёттингене финансовых лекций проф. Сарториуса»³⁵. Для русского читателя, по большей части далекого от немецкой учености, это обстоятельство значения не имело. Книга Тургенева произвела большой резонанс в русском обществе, несмотря на то, что в ней крайне мало говорилось о России. Речь в книге велась о европейском опыте налогообложения. Значение книги было в том, что Тургенев на ее страницах последовательно проводил идеи экономического либерализма. На примере средневекового хозяйства он доказывал, что крепостное право способствовало упадку земледелия в силу незаинтересованности крепостных в результатах своего труда. И хотя в книге не шла речь специально о России, автор не смог не высказаться по поводу русского крепостничества: «Успехи России при таком духе народа и Правительства, каковой существует в Отечестве нашем, были бы еще совершеннее, если бы общей деятельности, общему стремлению к образованности и к благосостоянию, не препятствовало существование рабства»³⁶.

Любое принуждение в хозяйственной деятельности снижает ее производительность. При этом налоги должны платить не те, кто непосредственно занимается производством, а те, кто получает доход. Применительно к России это означало, что не крестьяне, а дворяне должны стать податным сословием. Противопоставляя представите-

³³ Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу. С. 241.

³⁴ Там же. С. 199.

³⁵ Шебунин А. Н. Н. И. Тургенев. М., <1925>. С. 54.

³⁶ Тургенев Н. И. Опыт теории налогов. СПб., 1819 (2-е изд.). С. 239.

лей двух экономических систем XVIII в.: меркантилистов, видящих основу национального богатства в деньгах, и физиократов, видящих его в земле и получаемом с нее продукте, Тургенев отдает полное предпочтение последней. Дело не только в том, что истинное благосостояние заключается не в деньгах, а в заменяемых ими предметах непосредственного использования, но и в том, что меркантилизм с его протекционистской политикой по отношению к национальной экономике закрывает перед ней перспективу здоровой конкуренции, а, следовательно, искусственно сдерживает ее развитие. «Рассматривая систему меркантилистов,— пишет Тургенев,— невольно привыкаешь ненавидеть всякое насилие, самовольство и в особенности методы делать людей счастливыми вопреки им самим»³⁷. Этому принципу Тургенев противопоставляет принцип свободной торговли и невмешательства государства в экономику: «В делах управления, как и в делах таможенных, самое мудрое и верное правило — *laissez faire, laissez passer*. Но правительства, кажется, испытывают своего рода зуд (да простят мне такого рода выражение): им неймется распределять и упорядочивать, и тем сильнее, чем менее правительство к этому способно»³⁸.

Вскоре после выхода второго издания «Опыта теории налогов» Тургенев подал Александру I записку «Нечто о крепостном состоянии в России». В ней не содержалось ничего такого, что не соответствовало бы взглядам самого царя, и даже известно, что на царя эта записка произвела самое благоприятное впечатление. В теоретической части записки автор развивал идеи об экономической неэффективности крепостного хозяйства. Что касается практической стороны вопроса, то Тургенев, учитывая, кому записка была адресована, высказывался крайне осмотрительно и не требовал освобождать крепостных немедленно. Он лишь обращал внимание царя на то обстоятельство, что крестьяне в России никогда законодательно не были прикреплены к личности помещика, а прикреплялись лишь к земле, и поэтому все операции по продаже и покупке безземельных крестьян являются незаконными. Для продвижения вперед крестьянской реформы, помимо запрета продавать людей поодиночке и без земли, Тургенев предлагал ввести в крепостных деревнях чиновничий надзор за со-

³⁷ Тургенев Н. И. Опыт теории налогов. СПб., 1819 (2-е изд.). С. IV.

³⁸ Тургенев Н. Россия и русские. М., 2001. С. 200.

блюдением интересов крестьян, подтвердить указ Павла I, запрещающий крестьянам работать на помещика более 3 дней в неделю, уточнить закон о вольных хлебопашцах (20 февраля 1803 г.) и ясно прописать условия, на которых помещики могут освобождать своих крепостных. И, наконец, разрешить открыто обсуждать крестьянский вопрос в печати, оставаясь при этом в рамках действующего цензурного устава. «Я стремился обратить внимание царственного читателя, — вспоминал позже Тургенев — на тьму, окутывающую Россию в вопросе о крепостном праве, и на причины этого; показывал, что все те, кто создает и направляет общественное мнение, пишет историю, составляет и исполняет законы, будучи рабовладельцами, заинтересованы в том, чтобы этот вопрос обсуждался как можно меньше»³⁹.

Подав записку императору и узнав о его согласии с высказанными предложениями, Тургенев напрасно ждал от него практических шагов. Причины бездействия царя он склонен был объяснять активным противодействием либеральным идеям со стороны высшей бюрократии. Этому негативному воздействию на царя и должно было противостоять Тайное общество через сеть своих легальных филиалов: литературных обществ, журнальных редакций и т. д. Однако, эти попытки оказались столь же безрезультатными, как и прямые обращения к царю. Тайное общество в новых условиях эволюционировало в сторону ставки на военный переворот как главное средство достижения своих целей. Тургеневу этот путь никогда не казался перспективным. Разочаровавшись как в своей общественной деятельности, так и в деятельности тайного общества, он в 1824 г. отправился за границу (официально для поправления здоровья), но уже в следующем году восстание на Сенатской площади закрыло перед ним дорогу обратно. Верховный уголовный суд заочно приговорил его к смертной казни.

До 1830 г. Тургенев не терял надежды вернуться на родину и оправдаться перед правительством. С этой целью он написал ряд оправдательных записок, в которых с позиций современной ему европейской правовой мысли, а также при непосредственном участии видного французского юриста О. Ш. Ренуара пытался обосновать собственную невиновность. Тургенев доказывал, что суд должен судить поступки, а не намерения, а его неучастие в вооруженных восстаниях делает его автоматически невиновным. В одной из оправдатель-

³⁹ Тургенев Н. Россия и русские. М., 2001. С. 254.

ных записок говорилось: «Николай Тургенев приговорен к смертной казни за то, что он был лично знаком с некоторыми обвиняемыми, разговаривал с ними о самых обыкновенных вопросах философии или политических вопросах, мечтал (если хотите) о преобразовании Суда и Народного Образования, но находил осуществление их невозможным и торжественно от них отказался»⁴⁰.

Оправдаться важно было не только в глазах Николая I, но и в глазах европейской общественности. К этому примешивался и глубоко личный мотив. В 1829 г. Тургенев попросил руки дочери английского помещика Гарриэт Лоуэлл и получил отказ⁴¹. Отец невесты потребовал от него оправдательного приговора. С этой целью в 1830 г. осужденный декабрист намерен был приехать в Россию и представить суду доказательства своей невиновности. Однако Николай I дал ему понять, что никакого «пересуда» не будет и что скорее всего его ждет Сибирь. Он отказался гарантировать Тургеневу безопасность при пересечении границы, и лично от себя («как человек, а не как император») велел передать, что не советует ему приезжать в Россию. Таким образом, в одночасье рухнули надежды декабриста и на возвращение, и на семейное счастье. Впрочем, не навсегда. В 1833 г. Тургенев сошелся браком с Кларой Виарис, дочерью ветерана наполеоновских войн, а возможность вернуться на родину появилась спустя долгих семнадцать лет.

Тяжело переживая судьбу вынужденного эмигранта, Тургенев писал: «Убедившись, что доступ в Россию закрыт для меня навсегда, я постарался оторваться от нее духовно, подобно тому, как уже был отторгнут физически. Я старался думать о ней как можно меньше, стереть самое воспоминание о ней; быть может мне удалось, сумей я забыть о несчастных, томившихся в Сибири, и о рабах, населяющих империю»⁴². Последнее обстоятельство оказалось решающим. Забыть Россию для Тургенева означало не только вычеркнуть из памяти родину и все, что с ней связано, но и примириться с тем, что он ненавидел больше всего на свете: рабством и беспорядком. Он решил

⁴⁰ Цит. по: *Пугачев В. В.* Изображение декабристов Н. И. Тургеневым и английское правосознание // Россия. Запад. Восток. Встречные течения. СПб., 1996. С. 354.

⁴¹ Подробнее об этом см.: *Мильчина В. А.* Николай Иванович Тургенев в 1830 г. // Знание — сила. 1997. № 11. С. 95–96.

⁴² *Тургенев Н.* Россия и русские. С. 170.

продолжать борьбу и по-прежнему настаивать на собственной невинности. Но теперь из ответчика он превращается в истца, и перед лицом всей Европы предъявляет иск российскому государственному строю. Однако, только судить родину, не оставляя никаких надежд на изменение ситуации в ней, для ностальгирующего Тургенева было невозможно. «Впрочем,— писал он,— если я с полным правом мог проклинать официальную Россию, эту варварскую власть, осудившую меня на смерть, то разве я обязан был считать олицетворением родины лишь этот узкий круг причастных к власти? Разве должен был я переносить на всю страну законное отвращение, какое внушали мне некоторые люди, считавшие возможным представлять Россию только потому, что они управляют ее и говорят от ее имени»⁴³. Таким образом, к критике режима Тургенев, как и в былые времена своей политической активности, добавляет так называемые *pia desideria* (благие пожелания), т. е. план реформ, направленных на включение России «в поступательное движение европейской цивилизации».

Тургеневские обвинения и инвективы составили три тома его главного литературного труда «Россия и русские», вышедшего в 1847 г. на французском языке во Франции, Бельгии и Голландии и на немецком — в Германии. Первый том повествовал о декабристском прошлом Тургенева. Он важен как либеральная версия декабристского движения, происхождение которого Тургенев напрямую связывает с либеральным курсом политики Александра I первой половины его царствования. Автор не только отказывает декабристам в революционности, но и вообще исключает из их деятельности антиправительственную направленность. Инициатором реформ, согласно рассуждениям Тургенева, выступило правительство, а члены тайного общества поверили ему и пошли за ним. Когда же Александр I отказался от преобразований, декабристы лишь продолжили начатое им дело: «Нация шла вперед, государь же, наоборот, двигался вспять». Поэтому в действиях тех, кто не принял участия в восстаниях, нет состава преступления не только с точки зрения европейского правосознания, но и с точки зрения российских законов.

Почему же члены тайных обществ были осуждены? Ответ на этот вопрос читатель должен был получить во втором томе «России и русских». Россия — страна рабов. Эту мысль Тургенев последовательно

⁴³ Тургенев Н. Россия и русские. С. 13.

проводит, анализируя положение всех сословий России. Ни одно сословие не может считать себя по-настоящему свободным, т.е. защищенным *законодательно* и *судебно* от произвола правительства. У высших сословий: дворянства, духовенства и отчасти купечества — свобода заменена привилегиями, существующими по милости царя. Крестьяне же, составляющие подавляющее большинство населения, мало чем отличаются, несмотря на некоторые различия в своем положении (государственные крестьяне, удельные, арендные, крепостные и т. д.), от настоящих рабов. Венцом этой социальной пирамиды является абсолютный монарх, «который нередко оказывается рабом в еще большей степени, чем последний из его подданных»⁴⁴. Декабристы пытались разорвать этот порочный круг. Они выступали против рабства во всех его проявлениях, но рабство оказалось сильнее. В ходе следствия над ними варварство, свойственное рабскому состоянию, восторжествовало над всеми нормами морали и права, принятыми в цивилизованном обществе.

Какой выход из этой ситуации видит Тургенев? Поскольку рабами в России являются все от царя до последнего подданного, то в стране нет таких сословий или даже групп людей, чьим бы интересам не отвечали реформы, избавляющие их от рабского положения. Другое дело, что для представителей привилегированных сословий привилегии нередко оказываются важнее свободы, и они субъективно настроены против реформ. Но даже среди них немало здравомыслящих людей, руководствующихся не узкокорыстными соображениями, а интересами страны. Такими были декабристы, на таких людей следует и в дальнейшем опираться при проведении реформ.

Начинать реформы необходимо с отмены крепостного права — этого чудовищного и самого опасного для государства вида рабства. Тургенев снова и снова настойчиво повторяет свою излюбленную мысль о том, что крепостничество не только морально разлагает общество, но и препятствует экономическому развитию страны. При этом крепостная зависимость — тот вид рабства, в котором наименее всего заинтересовано правительство. В историческом экскурсе «Введение рабства в России» Тургенев еще раз подчеркивает, что самое ужасное право крепостников — продавать и покупать людей без земли оптом и в розницу — никогда законодательно не было

⁴⁴ Тургенев Н. Россия и русские. С. 276.

оформлено. «Роковой закон» царя Федора Иоанновича, принятый под влиянием Бориса Годунова (1593), «навсегда прикрепивший крестьян к земле <...>, не установил, однако, то жестокое крепостничество, какое существует в настоящее время. Крестьяне были прикреплены к земле, подобно приписанным к земле (*glebae adscripti*) в феодальной Европе; но помещик не мог по своей воле отнять их от земли, на которой они жили. Все, что отличает человека, приписанного к земле, от раба — нынешнего русского крестьянина, было установлено позднее»⁴⁵. При этом цари, начиная с Петра I, обращали внимание на недопустимость продажи людей без земли, но практика всякий раз оказывалась сильнее.

Тургеневу это дает основание считать, что самодержавное правительство не заинтересовано в сохранении рабства. Ряд законодательных актов, начиная от указа Александра I о вольных хлебопашцах (1803) и вплоть до указа Николая I об обязанных крестьянах от 2 апреля 1842 г., лишь подтверждал его уверенность в этом. Поэтому бывший декабрист по-прежнему убежден, что только правительство в России должно проводить реформы. Процесс реформирования всегда представлялся Тургеневу как развертывание во времени хорошо обдуманного широкого плана преобразований. Каждой отдельно взятой реформе должно быть отведено свое время и свое место в общей системе преобразовательных проектов: «Ни одна частная мера не должна вводиться, пока не будет обдуман вопрос о том, какое воздействие она окажет на тех, кто будет ее исполнять. Мало того, что реформа хороша сама по себе, она еще должна оказаться кстати, то есть проводить ее надо в нужное время и в нужном месте; иначе мы не только не извлечем из нее всю возможную пользу и уменьшим ее добрые последствия, но задержим и испортим то, что должно ее увенчать»⁴⁶.

Все реформы Тургенев делит на гражданские и политические. Первые не только вполне совместимы с абсолютизмом, но и при наличии твердой воли в монархе-преобразователе сама неограниченность его власти может ускорить процесс реформирования. Вторые, затрагивающие саму верховную власть, с абсолютизмом несовместимы, но и в этом случае монарх, осознавший реальную ограни-

⁴⁵ Тургенев Н. Россия и русские. С. 213.

⁴⁶ Там же. С. 377.

ченность номинально неограниченной власти, захочет сделать ее более эффективной и прочной. А этого можно достичь лишь путем законодательного ограничения самодержавия и введения принципа разделения властей при наделении монарха всей полнотой исполнительной власти. Таким образом, реформы в России, по Тургеневу, должны осуществляться в два этапа. На первом этапе отменяется крепостное право и проводится ряд реформ сопутствующего характера: судебная, военная, образовательная, административная, касающаяся местного самоуправления, и другие более мелкие реформы. На втором этапе вводится принцип разделения властей и представительное правление.

Вопросом номер один для Тургенева всегда был вопрос крестьянский. «Если у людей есть понятие *отечество*, — писал он, — если идея соотечественника связана с мыслью о родной земле, то я без колебаний могу сказать, что всегда видел своих соотечественников в крестьянах и особенно в крепостных». В «России и русских» Тургенев анализирует два возможных способа отмены крепостного права в России. Первый — безусловное или личное освобождение. Крестьянин получает свободу, а также то, «чем он обладал, будучи рабом», т. е. «дом, где он живет, домашнюю утварь, лошадей, коров и пр.». Второй способ освобождения Тургенев называет *квалифицированным*, «и состоит он в том, что вместе со свободой крестьянину даруется в собственность или хотя бы в пользование тот участок земли, который он, будучи рабом, орошал своим потом»⁴⁷. Поскольку «освобождение должно не только разбить цепи рабства, но и привить рабам человеческое достоинство», то Тургенев заявляет себя сторонником квалифицированного освобождения. Однако, он отдаст себе отчет в дополнительных трудностях, связанных с наделением крестьян землей и считает, что без проведения ряда сопутствующих реформ такое освобождение будет невозможным, а, следовательно, задержит весь эмансипационный процесс. Поэтому он предлагает проводить реформу постепенно. Сначала крестьяне освобождаются без земли. На практике это сводится «к предоставлению крепостному права свободного передвижения, к разрешению покидать одного господина и отправляться жить на земли другого или же искать занятия для обеспечения своего существования». Затем по мере проведения сопут-

⁴⁷ Тургенев Н. Россия и русские. С. 259.

ствующих реформ крестьяне могут наделяться земельными участками и становиться полноценными собственниками. Одним из главных аргументов в пользу освобождения крестьян без земли для Тургенева было существование общинного землепользования. Земля, которая будет передана крестьянам немедленно, поступит не в личную, а в общественную собственность. Это не решит проблемы частного землевладения и не приведет к развитию свободной конкуренции, в которой Тургенев видел неперемненное условие успешного развития не только сельского хозяйства, но и всей экономики страны.

Второй по важности для Тургенева была судебная реформа. «В России и русских» он предсказал многие черты будущей судебной реформы 1864 г. Это введение независимости судей, гласности судопроизводства и института присяжных. Судебная реформа влечет за собой реформу местной администрации. Крестьянам необходимо предоставить возможность участия в мировых судах и местном самоуправлении. Значение последнего все время будет расширяться за счет децентрализации власти. Превращение крестьян в полноправных граждан предполагает предоставление им возможности получить полноценное образование, что неизбежно влечет за собой реформу образовательной системы. То же касается и армии. Рекрутские наборы должны быть заменены всеобщей воинской повинностью. При этом в армии, как и везде, должны быть отменены телесные наказания, а срок службы сокращен до восьми лет.

Завершающим этапом реформ должно стать уничтожение абсолютизма. Отмена крепостного права, реформа суда, местного самоуправления и т. д. должны продвинуть Россию по пути к правовому государству и подготовить ее переход к представительному правлению. Поскольку Тургенев предполагал, что и политические реформы будут проведены действующим правительством, то Россия, по его мнению, станет конституционной монархией наподобие Англии. Царь сам дарует стране конституцию, введет принцип разделения властей и установит избирательную систему. Тургенев был сторонником прямого, но не всеобщего избирательного права. Он считал, что избирательные права можно даровать лишь людям, имеющим образование и собственность. Их общее количество он предлагал ограничить миллионом человек. Таким образом, в пятидесятимиллионной России лишь каждый пятидесятый по проекту Тургенева мог получить право голоса.

С увенчанием здания реформ представительным правлением, должен был, по мнению Тургенева, завершиться процесс вхождения России в число цивилизованных государств. В дальнейшем Россия должна развиваться наряду с передовыми европейскими странами на условиях свободной конкуренции на внутреннем и внешнем рынке. Все попытки контролировать промышленность или социальные отношения со стороны государства он считал недопустимыми и вредными. Принцип *laissez faire* (не мешайте им) он противопоставлял как стремлению самодержавного правительства вмешиваться во все сферы государственной жизни, так и популярным в тогдашней Европе социалистическим идеям.

Книга Тургенева «Россия и русские» не имела успеха ни за рубежом, где она свободно продавалась, ни в России, куда проникала контрабандой. А. И. Герцен объяснял это тем, что Тургенев «не знал *той* России, которая развилась *после* 1825 года. Образ мыслей г. Тургенева, к несчастью, не позволяет понять положение вещей в России». В этом Герцен был прав и неправ. Действительно, Россия 1840-х гг. с ожесточенными спорами западников и славянофилов, увлечением интеллигенции немецкой философией, а части ее — социалистическими учениями — никак не отразилась в книге Тургенева. В отличие от Герцена, только что покинувшего навсегда Николаевскую Россию, Тургенев был недостаточно информирован о происходящем на родине. Но в то же время Тургенев в чем-то оказался прозорливее Герцена. Если у последнего к тому времени уже не было никаких иллюзий относительно реформаторских намерений Николая I, то Тургенев, исходя из слухов и отдельных мероприятий правительства в области крестьянского вопроса, вполне серьезно воспринимал желание царя отменить крепостное право. Основанием для этого Тургеневу служила вся история крепостного права, подтверждавшая, что русское самодержавие не заинтересовано в его сохранении. Три исключения: указ царя Федора Иоанновича (инспирированный Борисом Годуновым) 1597 г., отменивший право крестьянского перехода от одного землевладельца к другому, ряд указов Анны Иоанновны, предписывающих помещикам покупать людей без земли, и распространение крепостного права на Малороссию при Екатерине II — лишь подтверждают, в силу своей случайности, общую тенденцию противостоять закреплению личности крестьян помещиками. Годунов, по мнению Тургенева, «вскоре умерил и ограничил» постановление царя

Федора, и тем самым не закрепостил крестьян, а «подал так сказать только повод к закрепощению». Указы Анны Иоанновны по крестьянскому вопросу Тургенев называет «бестолковыми», а ее правительство «кровавым и тупым»⁴⁸. Труднее всего Тургеневу объяснить действия «либеральной Екатерины II», закрепостившей малороссийских крестьян, или Александра I, учредившего военные поселения. Но и здесь Тургенев находит причину в недостатке гласности: «Если бы в России была какая-нибудь гласность при Екатерине II в эпоху закрепощения Малороссии, или при Александре I во время учреждения военных поселений, то, судя по возвышенности души и бабки и внука, нет сомнения, что они с негодованием отвергнули бы и то и другое и тем спасли бы память свою от справедливых укоризн истории»⁴⁹.

Этим случайным действиям русского правительства Тургенев противопоставляет «постоянное стремление умерить зло рабства и защитить рабов», идущее от Петра I. Незаинтересованность русского правительства в сохранении крепостного права Тургенев объясняет исторически. Само это право как институт феодализма возникло в результате завоеваний. Классическим примером для Тургенева служит завоевание норманнами англосаксов в 1066 г., когда вся земля была объявлена собственностью короля, а крестьяне оказались на положении крепостных. Земли король дарил за службу своим вассалам, и таким образом возникла классическая феодальная система. В России же «феодального права никогда не существовало, потому что не было завоевания. Напротив, русский народ сам сверг с себя иго завоевателей-татар и, — что особенно непостижимо, — покоренные магометане и впоследствии разные чухонцы и латыши, все вошли в ряды людей свободных, между тем, как православные русские крестьяне или, — как называли их татары, — христиане, соделались жертвой крепостного права!» (С. 416.) Существование крепостного права при отсутствии феодализма для Тургенева является историческим парадоксом. Такое право не может, собственно говоря, являться правом, оно всего лишь случайность, обусловлено корыстью помещиков и попустительством правительства. Интересы помещиков и правительства в этом вопросе не могут совпадать, из чего следует, что правительство рано или поздно должно будет отменить крепост-

⁴⁸ Тургенев Н. И. Взгляд на дела России. Leipzig, 1862. С. 25.

⁴⁹ Там же. С. 34.

ное право. Поэтому аболиционистские намерения Николая I представлялись Тургеневу вполне серьезными и закономерными. Главное препятствие, которое он видел на этом пути, — отсутствие гласности. Поэтому своей книгой «России и русские» он хотел обеспечить гласность если не в России, то за ее пределами. Причем, по мнению, В. В. Пугачева, Тургенев ориентировался в первую очередь на английского читателя и «хотел, чтобы все англичане, в том числе и поклонники русского императора, приняли участие в поддержке вновь оживившейся в 1840 г. борьбы за уничтожение крепостничества. Ее возглавил сам император и министры П. Д. Киселев и Л. А. Перовский. Тургенев хотел, чтобы западные читатели посмотрели на это как на продолжение дела декабристов. Ему представлялось важным, чтобы о его товарищах писали не только как о мучениках, но и как о людях, борющихся за идеи, которые надо осуществить»⁵⁰.

В своем желании привлечь внимание европейской общественности к режиму Николая I Тургенев предвосхитил Герцена. Но, несмотря на сближающие их черты: политическую эмиграцию, ненависть к произволу, царящему в России, стремление к установлению в ней законности и порядка, уничтожению крепостного права и т. д., — они расходились по ряду основополагающих вопросов. Тургенев был чужд малейшей склонности к социалистическим идеям, разделявшимся Герценом. В свободной конкуренции, существующей во всех сферах, он видел залог общественного прогресса и основу цивилизации вообще. Но в еще большей степени их разделял вопрос об освободительном движении в России. Герцена на рубеже 1840–1850-х гг. все чаще посещают мысли о русской революции. Он пишет книгу «О развитии революционных идей в России», не лишённую внутренней полемики с «Россией и русскими» Тургенева⁵¹.

Если для Тургенева правительство и общественное мнение являются естественными союзниками в деле освобождения крестьян, то для Герцена русское правительство — главный тормоз общественного прогресса и главный поработитель русского народа. Их интересы настолько несовместимы, что само правительство в глазах Герцена не является русским: «Русское правительство — не русское, но вообще

⁵⁰ Пугачев В. В. Указ. соч. С. 353.

⁵¹ См. об этом: Оксман Ю. Г. Вступительная статья к письмам Н. И. Тургенева А. И. Герцену // Литературное наследство. М., 1955. Т. 62. Кн. 2. С. 584.

деспотическое и ретроградное»⁵². Отсюда расхождение и в оценке декабризма. Существующее в историографии противопоставление герценовской и тургеневской концепции декабризма как революционной и либеральной не способно вместить в себя всех аспектов этой проблемы. Оставляя в стороне споры о происхождении самого слова «декабризм» и его различных трактовках⁵³, отметим, что практически все исследователи, пишущие на эту тему, признают, что именно Герцен закрепил за этим словом терминологическое значение. Для него декабрист — прежде всего участник восстания 14 декабря 1825 г. Но декабристами Герцен называет не только участников восстания на Сенатской площади, но и других членов тайных обществ, тем самым подчеркивая, что своей конспиративной деятельностью они так или иначе способствовали подготовке восстания. Следовательно, само восстание признается высшей точкой всего движения декабристов.

Тургенев же настаивал на том, «что восстание явилось результатом стихийных действий нескольких лиц, а не было подготовлено обществом». Его непосредственной причиной стало междоусобица, «когда из-за отказа великого князя Константина возникла неясность, кто займет престол. Таким образом, восстание не было заранее намеченной целью общества, а стало следствием совершенно исключительного события, которое по сути своей, несомненно, могло вызвать у людей, недовольных существующим строем, мысль о восстании»⁵⁴.

Таким образом, круг людей, действительно виновных в вооруженном выступлении, ограничивается теми, кто принимал в нем непосредственное участие, но и для них Тургенев находит смягчающие вину обстоятельства. Большинство же членов тайных обществ, особенно те, кто стояли у его истоков, не должны нести никакой ответственности. Они желали того, чего хотел и сам Александр I, — уничтожения рабства в России. Анализируя по пунктам «Донесение следственной комиссии», Тургенев показывает его полную юридическую несостоятельность и прямо заявляет, что «в цивилизованной Европе не бывало подобного уголовного процесса»⁵⁵. Можно сомне-

⁵² Герцен А. И. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 7. С. 255.

⁵³ См. об этом: Фельдман Д. М. Декабристоведение сегодня: терминология, идеология, методология // Декабристы. Актуальные проблемы и новые подходы. М., 2008. С. 663–714.

⁵⁴ Тургенев Н. И. Россия и русские. С. 139.

⁵⁵ Там же. С. 107.

ваться в искренности Тургенева, стремящегося максимально сгладить антиправительственный характер декабристских организаций (сам жанр оправдательных записок не располагает к искренности), но нельзя не согласиться с ним в том, что вина тех членов тайных обществ, которые не участвовали в восстании, юридически доказана не была. Авторы «Донесения следственной комиссии» совершали чудовищную подмену понятий: участие в разговорах о восстании они подменяли составлением планов восстания. Между тем, совершенно очевидно, что план восстания никогда не ограничивается лишь идеологическим обоснованием. Гораздо более важно решение практических вопросов и в первую очередь — организационно-финансовых. Но ни одного доказательства шедшей в этом направлении работы в ходе следствия добыто не было. Таким образом, не было доказано главное, а именно — то, что цель общества состояла в подготовке вооруженного восстания, а значит не был доказан преступный характер этого общества, и все лица, не участвовавшие в восстании, были незаконно осуждены на смерть и длительные сроки заключения.

Герцена, в отличие от Тургенева, меньше всего интересовал вопрос о юридической стороне процесса декабристов. Он подходил к этой проблеме с нравственными и политическими критериями. Поэтому декабристы, в его представлении, выглядели как мученики и борцы с самодержавием. Таким образом, злейший враг николаевского режима, Герцен невольно для самого себя следовал его судебной логике, путая намерения и деяния, слова и поступки.

Тургенева не могла устроить герценовская концепция. Она подмывала его всегдашнюю убежденность, что единственно возможным путем реформ в России может быть только путь «сверху». Сформулировав еще в молодости вышеприведенный принцип о том, что «все в России должно быть сделано Правительством; ничто самим народом», он так и остался верен ему. К тому же революционная легенда Герцена, пусть косвенно, но подтверждала вину декабристов, а значит, и вину Тургенева, меньше всего желавшего иметь репутацию беглого преступника. И наоборот, в качестве обоснования юридической несостоятельности обвинения, выдвинутого против декабристов и против него лично, Тургенев представлял своих товарищей по тайным обществам борцами против рабства и беззакония, преследуемыми на родине по политическим причинам.

Прошло десять лет со дня выхода в свет «России и русских», и страна, как в дни тургеневской молодости, опять вступила на путь либеральных реформ. При этом давление на власть со стороны общественного мнения после поражения в Крымской войне было несравненно сильнее, чем после победы над Наполеоном. Во втором случае сама ситуация общей победы примиряла общество с абсолютизмом. Теперь же поражение было воспринято в первую очередь как поражение самодержавия, и раскол между правительством и обществом был значительно глубже. Страну наводнила рукописная литература в основном публицистического характера, откликающаяся на злободневные вопросы современной жизни. На первый план вышел крестьянский вопрос. 30 марта 1856 г. Александр II, выступая перед московским дворянством, заявил, что если придется отказаться от крепостного права, «то гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, нежели снизу». Эти «великодушные, незабвенные, — по словам Тургенева, — изречения императора <...> раздались в России и в Европе. Мысль народная устремилась к великому делу освобождения. Начали об этом говорить, толковать, писать»⁵⁶.

В 1858–1859 гг. на страницах «Русского заграничного сборника», а также герценовских изданий Тургенев включился в обсуждение конкретных планов крестьянской реформы. Его взгляды на этот вопрос мало изменились с Александровской эпохи. Моральный аспект проблемы рабства для него по-прежнему оставался на первом плане: «Во главе всех моих предположений всегда было: оградить, прежде всего, личность русского крестьянина». (С. 465.) Поэтому любое освобождение — как с землей, так и без земли — кажется ему предпочтительнее сохранения status quo. Однако, это не мешало Тургеневу составить свой собственный детальный план освобождения крепостных. Над этой проблемой он продолжал думать все время, находясь в изгнании, внимательно изучая европейский опыт отмены крепостничества.

Несмотря на всю обширность познаний Тургенева в этом вопросе, намного превосходившую познания большинства современников, его реформаторские идеи и предложения практически оказались невостребованными. Дело было не только в том, что он, по словам А. Н. Шебунина, «отвык от русской жизни и плохо разбирался в но-

⁵⁶ Тургенев Н. И. Пора! // Русский заграничный сборник. Ч. 2, Тетр. 1. С. V.

вейших общественных течениях»⁵⁷. Вопрос реформ, став достоянием гласности, вместе с тем стал одной из форм политического самодовольствия различных идейных группировок, которые при первых же признаках политической оттепели стали стремительно появляться на свет. Среди этих группировок и идейных течений открытых защитников крепостного права практически не было. Высокопоставленные «плантаторы», боясь потерять свое влияние при дворе, вынуждены были, зная серьезность царских намерений, молчать. Но в их среде зародились проекты безземельного освобождения крестьян в обмен на введение аристократической конституции. Либеральный лагерь — в лице самых разных его представителей (от просвещенных бюрократов, отцов реформ, до тверских дворян-прогрессистов) — выступал за постепенное освобождение крестьян с землей. И, наконец, радикально-демократические круги, сторонники Герцена и Чернышевского, пытались дело освобождения подменить воплощением в жизнь социалистических утопий. За жаркими спорами, развернувшимися в печати между этими группировками, собственно крестьянские интересы зачастую тонули в политической саморекламе.

Тургенев, со свойственной ему трезвостью суждений и действительно искренним желанием освобождения крестьян, естественно, не стремился нажить на своем участии в спорах об отмене крепостного права личного политического капитала. Считая гласность необходимым спутником реформ в России, Тургенев видел в ней отнюдь не самоцель, а способ оказания общественной поддержки преобразовательным действиям правительства. Когда же вопрос реформ решен и механизм их проведения запущен, то появляется опасность того, что гласность, превратившись в болтовню, станет тормозом реформ. Освобождение крестьян он считал делом двух сторон, непосредственно в этом заинтересованных: крестьян, которым нужна свобода, и царя, который эту свободу может им предоставить. Поэтому, поверив в искренность намерений Александра II, Тургенев сначала считал излишним широкое обсуждение крестьянской реформы в печати и хотел, по его словам, «вместе с крестьянами, в молчании ожидать того, что неминуемо должно последовать». Но развернувшаяся в печати полемика, способная не столько ускорить, сколько «заболтать» освобождение, заставила его высказываться по

⁵⁷ Шебунин А. Н. Н. И. Тургенев. С. 57.

этому вопросу. «...Одни толкуют, — пишет он, — о постепенности в действии, о мерах приуготовительных; другие требуют выкупа или правительством или крестьянами, иные в предоставлении крестьянам их усадеб и в предназначении им для пользования половины помещичьей земли, находят какие-то социалистские начала, *le droit au salaire*⁵⁸ и пр. и пр.; встречаются даже такие доброжелатели бедных русских крестьян, кои заступаются за Годунова, разглагольствуют о законности его избрания». Этим и другим предложениям Тургенев противопоставляет «освобождение единовременное, полное и без потери времени»⁵⁹.

В отличие от правительства, для которого вопрос о средствах освобождения крестьян был важнее самого освобождения (из чего следовало, что если неясно, как освобождать, то значит, освобождать вообще не надо), для Тургенева сам факт освобождения был важнее конкретных путей проведения крестьянской реформы. Правительство, и Тургенев это знал, никогда не пойдет на безземельное освобождение. Сам же он, по его собственным словам, предпочел бы «видеть в России несколько миллионов пролетариев, бобылей, нежели столько же миллионов крепостных людей»⁶⁰. Поэтому он и боялся, что бесконечные разговоры о способах освобождения могут в очередной раз похоронить реформу.

Отмена крепостного права всегда представлялась Тургеневу как результат доброй воли правительства. И чем больше у правительства полномочий, тем проще ему провести крестьянскую реформу. Поэтому Тургенев никогда не был решительно настроен против самодержавия как формы правления в России. Этот стереотип, сформировавшийся в сознании Тургенева еще в эпоху Александра I, сохранился у него вплоть до Великих реформ. Поэтому он явно переоценивал личное желание царя заниматься реформами и недооценивал степень влияния на него общественного мнения. Полагая, что правительство «одно только имеет голос в России», Тургенев в своих многочисленных статьях и брошюрах по вопросам реформ обращается прежде всего к самому правительству, как в свое время он обращался к Александру I.

⁵⁸ Право на заработную плату (*фр.*).

⁵⁹ Тургенев Н. И. Пора! С. 24–25.

⁶⁰ Там же. С. 26.

«Внепартийность» Тургенева, с одной стороны, давала ему возможность быть независимым от групповых суждений, но с другой, делала его проекты мало востребованными в России. Кроме того, его обширные статьи с обилием материала по истории отмены крепостного права в Западной Европе напоминали скорее научные диссертации, чем практические советы. Наиболее приемлемым для России Тургеневу представлялся прусский путь реформ, осуществленных в начале XIX в. бароном Штейном, «коему Пруссия, после Бога всемогущего, обязана более нежели кому-либо своим перерождением»⁶¹. Опыт Пруссии важен для Тургенева не только потому, что там реформы проводил человек, олицетворяющий в его глазах идеал государственного деятеля, но и потому, что Пруссия накануне реформ находилась примерно в таком же положении, как и Россия. И в Пруссии в начале XIX столетия, и в России в середине того же века толчком к преобразованиям послужили крупные военные поражения, подорвавшие государственное могущество. В первом случае это поражение под Йеной и Ауэрштедом 14 октября 1806 г., когда Наполеон фактически уничтожил прусскую армию. Однако Пруссия, как пишет Тургенев, «завоеванная, разоренная, связанная тракатами, надзираемая со всех сторон суровым неприятелем <...>, не уныла. Добросовестный король понял смысл народного движения. Он вручил власть человеку, к которому обращалось доверие народа. Барон Штейн с помощью нескольких сподвижников <...> управлял Пруссией не более как 9 месяцев, и в короткое время Пруссия переродилась и достойно приготовилась к незабвенным событиям 1813, 14 и 15 годов, к событиям, кои не ограничивались военною славою, но имели последствием и правильное гражданское благоустройство. Таким образом, Пруссия не только не погибла от ужасного испытания; но и сумела извлечь из него самые блистательные и самые существенные блага величия народного и устройства гражданского»⁶².

Поражение в Крымской войне также, по мысли Тургенева, дает России уникальный шанс нравственного и гражданского возрождения. Главную заслугу Штейна перед Пруссией Тургенев видит в том, что он подготовил отмену крепостного права, которую сам, будучи отстраненным по требованию Наполеона от власти, не успел прове-

⁶¹ Тургенев Н. И. Пора! С. 15.

⁶² Там же. С. 5–6.

сти в жизнь. Это сделали его преемники законом 14 сентября 1811 г. Основные положения этого закона, по которому «земледельцы получили в собственность одни (наследственные *Erbbauern*) две трети, другие (срочные, *Laszbauern*) половину земли, за пользование коею они были прежде обязаны работами, и продолжали пользоваться остальною частию посредством покупки или вольного найма», Тургенев считал возможным применить в России. Иными словами, речь шла о том, что часть обрабатываемой ими земли крестьяне получают в полную собственность безвозмездно. Но поскольку этого надела недостаточно для прокормления, то недостающую часть крестьяне получают за выкуп либо берут в аренду.

Во всех проектах, связанных с выкупом земельных наделов крестьянами у помещиков и предполагающих временнообязанное состояние, в котором будут пребывать крестьяне до окончательного выкупа, Тургенев не только не видит полного и окончательного освобождения личности крестьянина, но даже в самом наделении крестьянина землей видит определенное лукавство. Поскольку большинство крестьян не в состоянии заплатить даже минимальный выкуп, они остаются фактически на положении крепостных.

Обращаясь к авторам подобных проектов, Тургенев восклицает: «Вы хотите освобождения с землей? И так дайте крестьянину клочок земли, самый малый, потому что вообще он не может приобрести его выкупом. Этот клочок будет несколько более там, где земли много и менее там, где ее мало. Но везде он будет недостаточен для полного продовольствия крестьянина. Эта недостаточность укажет крестьянину на необходимость искать продовольствия в найме земли помещицкой, но в найме вольном, как следует вольному человеку. Равенство невозможное в самом наделении, найдется в пропорциональности, предписываемой самой силой вещей и обстоятельств, коей никто преодолеть не может». (С. 411.)

Основные контуры крестьянской реформы, а также реформ, которые неизбежно должны будут ей сопутствовать, у Тургенева сложились еще во время его работы над «Россией и русскими». По-прежнему считая, что освобождение крестьян соответствует как их интересам, так и интересам помещиков, Тургенев верил в то, что реформа может быть проведена с соблюдением интересов обеих сторон: «Доброжелательство мое к крестьянам конечно беспредельно. Но это ни мало не мешает мне видеть и уважать выгоды помещиков, ибо я убежден,

что благо крестьян не может быть основано на разорении помещиков». (С. 391.)

Для этого он предлагает выделить крестьянам треть помещичьих угодий из расчета максимум три десятины на тягло. Понимая, что этого недостаточно, Тургенев сознательно идет на занижение крестьянского надела, чтобы стимулировать крестьян арендовать землю у помещиков и тем самым сохранить общее количество прежней запашки. Никакого выкупа ни за землю, ни тем более за собственную личность крестьяне платить не должны. Государство берет на себя компенсацию помещикам их земельных потерь. Для погашения этого долга Тургенев предлагал использовать заложенные дворянские имения. Благо крестьян Тургенев видит в личном освобождении, благо помещика — в повышении цен на землю, которое неизбежно произойдет в условиях свободного найма и возросшего спроса: «Стоимость земель, по освобождении, сильно возвысится. В сем то возвышении ценности их земель помещики найдут неминуемое и справедливое вознаграждение». (С. 415.)

Моментом огромной значимости в жизни Тургенева стало издание Манифеста 19 февраля 1861 г. Для него это событие было не менее важно, чем собственная реабилитация в 1857 г. Сбылась мечта всей его жизни: правительство само даровало народу свободу. Вся долгая жизнь старого декабриста, его участие в тайных обществах, попытки оправдаться, политическая эмиграция, работа над книгой и проектами — все это озарилось неким высшим смыслом. Не случайно общественное мнение в Европе воспринимало Тургенева как патриарха в деле крестьянской эмансипации. В 1861 г. в православной церкви русского посольства в Париже на торжественном молебне по случаю реформы 19 февраля присутствовали два декабриста: Тургенев и не любивший его С. Г. Волконский. Когда подошло время приложиться ко Кресту, то все присутствующие единодушно, включая и Волконского, предложили Тургеневу «прикладываться к кресту первому, как человеку положившему почин этому святому делу»⁶³. При-

⁶³ *Свербеев Д. Н. И. Тургенев* // Русский архив. 1871. Стлб. 1978. Ср. воспоминания внука декабриста С. Г. Волконского С. М. Волконского «Когда весь в слезах с трясущимися ногами он <С. Г. Волконский> подходил к кресту, он столкнулся с Николаем Тургеневым, которого декабристы как эмигранта и человека, когда-то к ним близко стоявшего, а потом от них отделившегося, — не любили. Столкнувшись с ним здесь перед крестом, в такой день, в такую минуту, Сергей Григорьевич, забыв все прошлое и уступая ему дорогу, обратился к нему со словами:

существовавший при этом И. С. Тургенев писал: «Нам редко случалось видеть нечто более умилительное, как Н. Тургенева, предстоявшего с бегущими по щекам слезами в церкви парижского посольства, во время молебна за государя, когда пришло известие о появлении манифеста 19 февраля»⁶⁴.

Тургенев недолго умилялся дарованной крестьянам свободой. Его далеко не все устраивало в положениях 19 февраля. Он не мог согласиться с неопределенностью установленных «взаимных отношений между помещиками и крестьянами не только в продолжение первых 9 лет, но и впоследствии, до самого выкупа земель крестьянами». По его мнению, такая неопределенность больше отвечала интересам помещиков, чем крестьян, в то время как его собственный проект немедленного полного освобождения был «для крестьян <...> решительно выгоднее». (С. 478.)

Таким образом, отношение Тургенева к крестьянской реформе было двойственным. С одной стороны, он видел в ней первый шаг на пути дальнейших всесторонних преобразований России. Так, в своей новой брошюре «Взгляд на дела России» (Leipzig, 1862), написанной вскоре после отмены крепостного права, он говорит о продолжении реформ, совместимых с самодержавием. О необходимости и содержании этих реформ Тургенев писал и раньше, но теперь он стремится дать целостное понимание реформирования России и роли власти в этом процессе с учетом уже совершившихся в стране перемен. По-прежнему считая, что «одно правительство в теперешних обстоятельствах может в России действовать с успехом для блага и для пользы всего государства»⁶⁵, Тургенев предлагает сосредоточить общее государственное управление в Комитете министров, придав его деятельности больше самостоятельности, стройности и согласованности. В местном самоуправлении он предлагает расширить крестьянское представительство на всех уровнях от волостного до губернского. В судебной сфере — ввести принцип независимости и несменяемости

«Тебе, Николай, тебе первому подходить». Этим он хотел выразить, что старое забыто, а кроме того и то, что как писатель, он <Н. И. Тургенев> все же сослужил службу делу освобождения. Но Тургенев отступил на шаг, окинул его взором и сказал: «Кто вы такой?»» (Волконский С. М. О декабристах (по семейным воспоминаниям). Пг., 1922. С. 131).

⁶⁴ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. М.; Л., 1967. Т. XIV. С. 221.

⁶⁵ Тургенев Н. И. Взгляд... С. 30.

судей, а также суд присяжных. В сфере образования Тургенев требует автономии университетов, выборности ректоров, уничтожения должности попечителя. Для повышения качества среднего образования он предлагает усилить во всех гимназиях преподавание древних языков и т. д.

С другой стороны, Тургенев всё больше убеждался, что положения 19 февраля не решили окончательно крестьянского вопроса и крепостнические отношения в том или ином виде все еще живы в российской деревне. Причину этого он видит в бюрократическом характере реформ. Министры-реформаторы не смогли обеспечить в должной мере интересов ни помещиков, ни крестьян, а главное — они не смогли преодолеть существующей пропасти между ними. Тургенев понимал, что этот основополагающий для России вопрос не может быть решен бюрократическими методами. В брошюре «Чего желать для России», написанной в 1864 г., а опубликованной в 1868 г., он предлагает созвать Земский собор, чтобы представители от всей России сами смогли принять окончательное решение по крестьянскому вопросу. Правда, Тургенев специально оговаривается, что предлагаемый им собор — не парламент, так как «политических партий у нас нет». Он даже не претендует на то, чтобы «достигнуть равновесия между властями законодательной и исполнительной, потому что в России власть государя так огромна и основывается, сверх усвоенного ему законом государственным самодержавия на такой беспредельной вере и преданности освобожденных миллионов и сочувствующих сему освобождению, что сила этой власти никакой иной силою — кроме силы самого государя — умерена и уравновешена быть не может»⁶⁶.

Тургенев предлагает для начала ограничить Земский собор совещательными функциями с правом законодательной инициативы. Это позволит со временем, не нарушая естественного хода истории, подготовить страну к конституционному строю. Таким образом, созванный по инициативе царя Земский собор станет последней реформой, совместимой с самодержавием, и первым шагом на пути к правовому государству.

Тургенев прожил долгую жизнь. Рожденный в год Великой французской революции, он дожил до Парижской Коммуны. Последние

⁶⁶ Тургенев Н. И. Чего желать для России. Лейпциг, 1868. С. 71–72.

месяцы его жизни были омрачены не только этой «междоусобной войной». Еще большие опасения внушали ему немецкая оккупация Франции и усиление Германии. С юности сохраняя самые лучшие воспоминания о Германии, Тургенев всегда желал ее объединения. Однако, дожив до этого события, он с присущей ему пронизательностью почувствовал, какая страшная угроза исходит от немецкого объединения. «Я всегда, — писал он Д. Н. Свербееву, — видел в объединенной Германии залог мира европейского. Теперь вижу противное. Немцы подражают Наполеону I, которого всегда справедливо проклинали! Такое разочарование для меня истинно горестно»⁶⁷.

Умер Тургенев 27 октября 1871 г. на своей даче под Парижем. По воспоминаниям Д. Н. Свербеева, «за несколько часов до смерти с жаром он беседовал с доктором о предстоящей реформе во Франции народного просвещения»⁶⁸.

В лице Н. И. Тургенева русская общественная мысль тесным образом переплетается с европейской. Воспитанный в Европе и проживший там большую часть своей жизни, но при этом постоянно думающий о России, он пытался совместить европейское правосознание с российскими реалиями. Парадокс Тургенева заключался в том, что, часто опережая свое время, он воспринимался современниками как человек, отставший от своей эпохи. Еще с юности усвоив мысль о том, что в России нельзя ничего изменить, не отменив крепостного права, он вступил в тайное общество, чтобы содействовать уничтожению рабства. Другие декабристы, избрав путь вооруженной борьбы, смотрели на него как на умеренного члена общества, не сумевшего подняться до борьбы с самодержавием. Когда же перед лицом всей Европы он заявил о юридической несостоятельности приговора, вынесенного декабристам, а следовательно, об их невиновности, которая согласно нормам права автоматически вытекает из недоказанности вины, сами декабристы восстали против него, увидев в его мыслях стремление принизить их подвиг. В эпоху Великих реформ, когда многие идеи Тургенева были воплощены в жизнь, он опять остался на обочине событий, потому что не принял участие в политической борьбе. Он, несомненно, был либералом, но с русскими либералами у него было мало общего. Их политическую тактику лавирования

⁶⁷ Свербеев Д. Указ. соч. Стлб. 1983.

⁶⁸ Там же. Стлб. 1984.

между правительством и революционным лагерем, шантаж правительства возможной революцией, которая вспыхнет в случае отказа от политических уступок, Тургенев считал для себя неприемлемыми. Понимая, что логика политической борьбы почти неизбежно заставляет ее участников выходить за пределы правового поля, он предпочитал в ней не участвовать, и, добиваясь от правительства отмены крепостного права, никогда не прибегал к угрозам. Тургенев высоко ценил историческую роль российского самодержавия и до конца своей жизни не считал ее завершенной. Самодержавие в России должно было, по мысли Тургенева, умереть естественной смертью, предварительно исчерпав свои возможности в реформаторской деятельности. Эти идеи не находили отклика ни у защитников режима, ни у борцов с ним.

Закрепившаяся в 1860-е гг. за Тургеневым репутация «старейшего борца за освобождение крестьян» так и осталась его визитной карточкой. Но то, что в уничтожении крепостничества в России он видел первый шаг по пути медленного превращения монархического государства в правовое, так и не было воспринято.

В. С. Парсамов, доктор исторических наук

А. И. ТУРГЕНЕВ

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

I. ХРОНИКА РУССКОГО

I. ПИСЬМО ИЗ ДРЕЗДЕНА (Извлечение*)

23/11 декабря 1826

О русском журнале. О парижских периодических изданиях: «Католике» (“le Catholique”), «Британском обозрении» (“la Revue Britannique”), «Глобусе» (“le Globe”). О Дюгальде Стюарте, сочинителе книги «Сокращенная история наук метафизических, нравственных и политических». О духе журнала и критике. О Шатобриане и новом издании его сочинений. О Вальтере Скотте и сочиненной им «Истории Наполеона». О Козлове.

Спешу отвечать тебе первоначально наскоро и поверхностно на некоторые из твоих литературных запросов и объявленное тобой намерение участвовать в издании журнала. Письмо твое обрадовало меня и развеселило надеждой твоей деятельности, хотя и журнальной. Я сообщил Жуковскому желание твое и получил в ответ, что он по возможности будет сообщать тебе статьи и материалы для статей журнала; что он позволяет тебе взять, где хочешь, все, что попадает к его ещё не напечатанного, и употреблять, по твоему расположению. Готов и я служить и гримствовать**¹ для тебя и даже пилигримствовать, для того, чтобы делиться с тобой котомкой пилигрима-Гримма. В голове моей теперь много планов и беглых мыслей от чтения, уже

* Это письмо писано не автором и не для печати. Решившись на приятельскую нескромность, я надеюсь на снисхождение дружбы и благодарность читателей, которые, вероятно, пожелают, чтобы многое из того, что у нас записными авторами неминуемо печатается, имело достоинство и занимательность сего рукописного отрывка, случайно попавшего в печать. — *Примеч. П. А. Вяземского.*

** Гримм был род литературного лазутчика в Париже, в последнюю половину прошлого века, в связи со всеми писателями и примечательными людьми той эпохи. После него осталась «Переписка литературная, философическая и критическая», в 16-ти томах. «В». — *Примеч. П. А. Вяземского.*

не беглого, но методического, и с помощью его и моих ученых и полуученых корреспондентов и моего трения здешнего с юристами и литераторами я мог бы быть в самом деле деятельным тебе сотрудником...

...Получаю Парижский журнал "le Catholique", о котором ты меня спрашиваешь. Его издает барон Экштейн, читающий немецкие книги, и темно, но иногда глубокомысленно и не совсем по-французски, пишущий². Со временем сообщу тебе историю сего журнала и сведения о личности издателя. Тут есть все и обо всем. Много или почти все серьезно, ибо религия занимает первое место в его журнале. Издатель — друг иезуитов и сражается под знаменами Мейстра, Ламене и Бональда; но мнения его отличаются от их немецким просвещением, или лучше, немецкой начитанностью. Его нельзя переводить: для этого слог Экштейна не довольно классический. Мысли или полу-мысли его не довольно ясны и в его сочинениях, как и в его жизни и происхождении, есть какой-то *clair-obscur*³; но он не всегда неприятен и есть выходки примечательные и суждения справедливые, хотя иногда и резки à la Вяземский. У него в Париже, особливо между дамами, много читателей, хотя и не совершенных почитателей, ибо для этого нужен ещё и характер чистый и ясный, а он изменял партии, пока в «Католике» не выставил собственного знамени, если только ультрамонтанизм можно назвать независимым или собственным мнением. В "Revue Britannique"⁴ много хорошего; но она не дает полного понятия об английском просвещении и о степени, на которую многие науки там возведены. Это взгляд с одной стороны, а в Англии, собственно так называемой, свет не под одним окном и темных мест мало, хотя и не все лучи света там в полном блеске. Некоторые не доходят ещё или не вполне дошли, хотя и никто не закрывает окон. Там философия умозрительная слабо светит; но зато практическая в полном, ярком свете. Я читаю Дюгальда Стюарта и не нарадуюсь ясностью идей и языка, и чистотой его нравственной и практической философии. Но и он не знал немцев, темных, но глубоких, и только изредка встречается с нелюбезным ему незнакомцем, Кантом; но где они встречаются, там, не зная друг друга, подают друг другу руку и сливаются для нас в одном свете, благотворном и все оживляющем и сохраняющем все хорошее, спасительное для человечества. Когда-то с непростительной для шотландца легкостью, Дюг[альд] Стюарт трунил над Кантом⁵; но Шлегель, в предисловии к одному каталогу

немецких книг, в Лондоне изданному, прекрасно и убедительно для беспристрастных, отвечал ему и старался вразумить английскую публику насчет немецкой словесности. С тех пор Д. Стюарт стал осторожнее. Он переведен и на французский: не знаю, хорошо ли? Есть другие журналы об Англии, французские и немецкие, которые я здесь пробегаю. Они могли б быть обильными запасами для русского журнала. В свое время я назову их. Но прежде всего советую подписаться на "Globe"⁶, французский, под фирмой Кузенья (Cousin), а иные думают и Гизо издаваемый. В нем почти одна литература, но серьезная и важная. О политике только тогда, когда она имеет отношение к литературе или к какой-либо книге. Я не весь образ мыслей, в сем журнале господствующий, одобряю, но привожу его в пример рассмотрения литературы и наук, со стороны их влияния на гражданское общество. Например: там недавно была статья о темной и светлой или просвещенной Франции. Красноречивый пример влияния доброго просвещения на промышленность и нравственность народную и даже на финансы правительства! Числами показывается ясно и доказывается то, что по сию пору доказывали одними теоретическими соображениями или умозрением: настоящая нравственная статистика королевства! К ней приложена и карта, иллюминированная по просвещению. Результаты удивительны и основываются на фактах, самим правительством доставленных автору! Кто бы подумал, что в той же пропорции, как благосостояние гражданское улучшается в провинциях, как подати лучше и больше платятся, так и просвещение сильнее и повсеместнее. Один пример вместо многих: из темной Франции, коей население втрое многочисленнее, поступает 17 членов во французские академии, а из светлой, втрое меньшего населения, 65. В такой же соразмерности и число учащихся и неучащихся в народных школах. Вот к каким последствиям приводят цифры и вот как могут быть наставительны таблицы статистические! Законы нравственные, самые отвлеченные, также верны и положительны, как и законы мира вещественного, то есть тем же верным расчетам подвержены случайные, по-видимому, явления нравственного мира, каким и явления видимого мира. Правительство французское имеет, то есть может иметь, правила, коими должно руководствоваться для своей цели, какова бы она ни была, и выбирать лучшую, зная, в чем состоит сие лучшее. Когда оно знает, что 32 светлые департамента, в коих не растет ни виноград, ни шелк, несмотря на то, платят ему

второе больше, нежели 54 департамента, богатые шелком и вином, но скудные промышленностью и во мраке состоящие под светлым небом, то оно знает: и какими средствами и к какой цели идти. От его воли все зависит, все, кроме времени. Я желал бы, чтоб в сем смысле издавался и журнал, в котором ты участвовать намерен: без сердца, но с душой, благом государственным и уважением к порядку дышащей; без полемики, оскорбительной для кого бы то ни было, но с примерами лучшего во всяком роде. Сердитые и разгоряченные советники и критики нам надоели, и всегда, а особливо теперь, подозрительны читателям. Скромное, хотя и сильное выражение и представление всего полезного, одушевленное снисходительностью к слабым и любовью ко благу людей, убедительнее действует на них и побеждает все противное. Это есть характер истинного беспристрастия (не равнодушия), и этот характер замечаю в «Глобусе», хотя иногда не без досады читаю некоторые статьи его. Но кто без греха? Мне кажется, журналист не должен слишком увлекаться тем, что ныне почитается духом времени, и им одним ценить настоящие произведения. Пусть бережет его от сего поползновения история разных духов, в разные времена господствовавших. И тогда он не будет, подобно некоторым из русских читателей, сердиться на Карамзина за то, что в Несторово время исцеляли больных не магнетизмом, а «травмами и молитвою». И в магнетизме и в сухих травах, оживленных верой, найдет он историческую истину, которая переходит из века в век и всегда священна для мудрого, испытующего времена и лета. Это нимало не помешает его критике, если она будет только благоразумна. Вот ссылка из французской книги: «la Critique consiste à sentir dans le présent les arrêts de l'avenir. Elle est une prophétie et c'est pourquoi elle est essentiellement contemporaine»⁷. Это не противоречие, а, по моему мнению, глубокая истина. Пусть критик угадает, отыщет в настоящем то, что подтвердит в нем и потомство, и тогда, оказав услугу современникам, получит он право на признательность тех, кои после нас его читать будут; между тем как то, или те, к коим он прилагал общие истины, останутся только в сих приложениях и будут обязаны ему своим постыдным бессмертием.

Ты спрашиваешь меня о новом издании сочинений Шатобриана. Доставлю тебе разбор его примечательного предисловия⁸, в котором часто не у места важничает он: и своим бывшим величием министерским и тем, что посидел над всеми развалинами (Je me suis assis

sur toutes les ruines): то есть на развалинах египетских, греческих, иерусалимских и — на государственных французских. Но как думать о своей ничтожной, крошечной личности (чья бы она, впрочем, не была) при виде сих несокрушимых, утомивших время!

Leur main indestructible a fatigué le Temps.

Но талант автора виден у него и в слабостях человека. Мы ещё не все томы получили, но уже прочли «Абенсерага», которого в изгнании мучило отечество (la patrie le tourmentoit). Прелестное и счастливое выражение несчастья, непобедимой тоски по отчизне! Loin des tours vermeilles, il n'y avoit ni fruits agréables, ni fontaines limpides, ni fraîche verdure, ni soleil digne d'être regardé. Si l'on montroit a quelque banni les plaines de la Bagrada, il secouit la tête et s'ecrioit en soupirant: "Grenade"⁹. Счастлив, кто может только вздохнуть при этом, а не плакать безутешно! Вся душа рыцарства выражена в следующем ответе. На вопрос Бланки, отвечает Мавр: "Je t'aimerai plus que la gloire et moins que l'honneur"¹⁰. Я послал Шатобриану Дашкова книжки о Иерусалиме и о Серальской библиотеке¹¹.

Истории Наполеоновой, Вальтера Скотта, выходит, как слышу, шесть томов¹². В Париже открыли ему архивы. Он пополняет теперь ими недостатки своей рукописи. Будет издавать весной. И в ней, вероятно, так как и во всей истории, будет Гетево: Dichtung und Wahrheit¹³. Постараюсь сообщить тебе или оригинальное, или копию с оригинального письма В. Скотта, к одному англичанину писанного, которое распространяет исторический свет на его авторство. Тут есть ошибки против языка, коих нет в его сочинениях, и не может быть в таком классическом авторе, каков он; следовательно, он не один автор своих сочинений: есть исправительный редактор. Прежде он был больше поэт в своих романах; теперь, сказывают, он истощается в воображении, и принялся за историю, для коей оно, однако ж, также нужно. Но он, а, следовательно, и его воображение теперь зреее, если и не блистательнее. "L'imagination est comme ces sources, qui ne coulent que le matin et que dessèchent au milieu du jour les ardeurs du soleil"¹⁴. Так, или почти так, говорят о нем где-то. Один наш Козлов делает исключение из сего правила: его воображение воспламенилось, когда солнце зашло для него и видимый мир скрылся¹⁵.

II. ПИСЬМО ИЗ ДРЕЗДЕНА (Извлечение)

Декабрь, 1826 г.

Съезд германских натуралистов в Дрездене. Об энциклопедиях и предисловии Гизо к новой энциклопедии. О лекциях исторических. О французском журнале, до немецкой литературы относящемся. О книге Бутервека. О графине Рек и поэте Тидге.

...Пришло при первом случае описание бывшего здесь в сем году съезда естествоиспытателей из всей Германии, с исчислением всего, что читано или о чем рассуждаемо было, и надежд для будущего, от сей умственной деятельности в Германии. Сколько открытий в первом зародыше, сколько новых метод, трудолюбием и гением германским усовершенствованных! Эти семена не затеряются: они сохраняются в журналах, созреют и принесут плод во время свое неуклонным стремлением немецких ученых к расширению области наук и к улучшению метод, столь сильно содействующих порывам гения...

Можно написать прекрасную статью (и назвать её предохранительною) о разных энциклопедиях, в Германии, Франции и Англии ныне выходящих. В "Revue Encyclopédique" есть предисловие Гизо к "Encyclopédie progressive", издаваемой во Франции, и сравнение плана сей книги с другими того же рода, английскими и немецкими. Он умно, и для француза довольно беспристрастно, судит; но все ещё нам не должно увлекаться его рассуждениями о пользе энциклопедий и беречься их. Я не в обыкновенном смысле, страха ради д'Аламберта, охуждаю их, а в отношении к роду познаний, чтением энциклопедическим приобретаемых, и к слишком легкой удобности знать о многом очень мало. Статья об энциклопедиях привести может ко многим полезным рассуждениям о народном воспитании и просвещении. А если захочется покритиковать, то и Гизо упрекнуть можно, что сколько он ни желает отстать от французского чванства, все ещё думает об одних французских философах, когда говорит, что в XVIII веке философия умозрительная не шагнула, а только пустила в ход свою мелкую монету. А когда жили Кант, Шеллинг, Фихте, Гегель, Якоби, с братией в Германии, а Дюгальд Стюарт в Англии? Но для Гизо Европа во Франции, а Франция в Париже...

Доставлю также для журнала исчисление предметов (*table des matières*), по коему профессор Гассе преподает нам здесь историю. Можно видеть из происшествий и лиц, коими оттеняет и отличает он каждую эпоху, образ и методу его преподавания. К тому же можно самому наполнять его рамы и выводить свои заключения. Точки, на которые он указывает, лучезарны, и его исторический фарос довольно верен. Жаль, что для слушателей своих он должен читать по-французски, а не на природном языке.

В Париже и Страсбурге выходит на французском языке «Германская библиотека», литературный журнал (*“Bibliothèque allemande”*). Участники в издании большей частью адвокаты. Тут и старая и новейшая литература, и, кажется, все довольно беспристрастно. Вышло уже девять книжек, в коих я не нашел много нового, но в русский журнал почти все годится...

Хорошей жатвой для русского журнала может быть и книга Бутервека «Мелкие сочинения философского, эстетического и литературного содержания». Вышла только 1-я часть, и в ней литературная аутобиография самого Бутервека: образец сочинений в сем роде и истинно авторское самоотвержение. Он говорит о себе, как о другом; критикует и ценит свои творения строго и осуждает весьма здраво и основательно то, что всей публике в нем нравилось. Тут же есть статья о Шиллере и его сочинениях, прекрасная. Вот что говорит он между прочим: «Поэзия Шиллера родная сестра философии. Она основывается на понятии о бесконечном. По истинному праву слышит он сердцевозносителем (*der Herzerhebende*). Учители его были Шекспир, Гёте. Шиллерова Муза пребывает уныло-задумчивой и тогда, когда улыбается (*Schillers Muse bleibt melancholisch auch wenn sie lächelt*)». Но главная статья в сей книге для перевода на русский язык: Мысли о литературе. Роды словесности прекрасно означены; замечательно также тут и рассуждение о журналах, разделении их, влиянии на литературу и на народ, различии их от газет, как литературных, так и политических. Автор говорит, что «Английский зритель» и другие английские периодические листы, в том роде писанные, должны служить примером журналистам, желающим придать изданиям своим прочное достоинство, особливо же, если хотят они соединить эстетический интерес с нравственным. Чем более обзреваю область наук и литературы, тем более удостоверяюсь, что весьма легко, с пользой для читателей, действовать благонамерен-

ному журналисту и при самой строгой цензуре. Кажется, Карамзин говаривал, что цензура для таланта то же, что рифмы для истинного поэта...

Когда-нибудь ознакомлю вас и с графиней Рек и с вечерами её. Она известна своим авторством («Путешествием в Италию» и сочинением о Каллиостро) и радушием, с коим собирает у себя здешних ученых, литераторов, музыкантов и чужестранцев. У неё живет поэт Тидге, который вчера прочел нам две первые песни своей «Урании». В них много прекрасных стихов и высоких мыслей¹⁷...

Э. А.

III. ПИСЬМА ИЗ ДРЕЗДЕНА (Извлечение)

*О типографической деятельности немцев и материалах для иностранной библиографии. Об исторических *Résutés*, немецких и французских. О пользе немецких и английских биографий; о биографиях немецких ученых и академиков французских. О путешествии французского консула Гамбы по Южной России и за Кавказом. О сочинениях Эйро, «Затисках» Увара и Огинского, новых «Мессеньенах» Казимира Делавиня; новом портрете Жуковского. Об итальянской опере «Петр Великий» и благородном спектакле в Дрездене. О Китайском романе, изданном Абель-Ремюза. О новых письмах Вутье о Греции. О нападках журналиста Кинда на Гёте. Об «Истории революции французской», сочинение Минье. О молодом русском поэте Беке.*

15/3, 21/9 января, 1827 г.

...Передо мною лежит кипа немецких объявлений о разных книгах, издаваемых на разных языках. В некоторых из этих типографических афишек находятся выписки и краткие известия об авторах. Сообщу их при первом случае. В них увидите главнейшую часть всей германской учёной и литературной деятельности. Все это может пригодиться, пополнит библиографические статьи журнала, а читателям русским, желающим выписывать книги, даст знать о цене оных и о качестве издания. Желательно, чтобы в каждой книжке журнала была библиографическая статья об иностранных книгах, но универсаль-

ная, до всех отраслей наук и словесности относящаяся*¹⁸. Для нас и не совсем новое ново. В больших изданиях немецких классиков, например: Гердера, Гёте и проч., нужно только предостеречь, что они долго, часто год, два, три года, выходят, часто долее, чем иной автор живет в потомстве. Мы подписались на Гердера и Гёте, но Бог знает, когда увидим последние части оных. Издания в 16-ю долю очень дешевы, но не милы, отдаленностью окончания оных. Не худо бы исчислить все издания многотомных авторов, в одном томе издаваемых: Вольтера, Шекспира, Вальтера Скотта, Байрона и проч. и *Résumés*, кои теперь во Франции и в Германии, в разных видах, выходят и носят на себе печать национальности¹⁹. Тут любопытно было бы сравнить *Résumés* немецкие с французскими. Немцы и в 16-ю долю листа хотят быть степенными, учеными немцами и пишут для народа и для ученых в одно время. И это смешение целей (извините) не вредит, большей частью, главной цели таких книжек, то есть народности оных; ибо и низшие классы могут читать их с пользой, а для высших и для ученых они служат повторением известного, но вкратце и в малом объеме. Так, например, профессор Гассе написал историю Ломбардии en *Résumé*²⁰, и я знаю ученых, во всей силе слова сего, кои с удовольствием прочли её (между прочими Беттихер, известный археолог), в то время, как французские *Résumés* и нашему брату не всегда в пору. Я не мог дочесть *Résumé* русской истории и бросил книжонку Раббе²¹, впрочем, и на немецкий язык переведенную, ибо немцы все, и дурное и хорошее, переводят. Это юродо-универсальность в них досадна иногда для их почитателей и читателей.

Я давно уже думал, что нашим журналистам должно знакомить нас с немецкими и английскими биографиями ученых. Они рожают жар к просвещенным занятиям, к наукам, который бдительно для ума и сердца светит и согревает в одной время. Назову биографии Геерена, Иоанна Мюллера и Гейне²². Из старика Шлецера можно и для России многое взять, любопытное и занимательное. Советую также обратить внимание и на биографии французских академиков, славным Кювье (между прочим, о Палласе) изданные, и вы обогатите нашу словесность неизвестными ей сокровищами и укажете читате-

* Это желание многих особ, которых мнение уважать почитаю долгом. В будущих книжках «Телеграфа» иностранную библиографию постараюсь сделать постоянной статьей библиографического отделения. Изд. — *Примеч. Н.А. Полевого.*

лям пути гения и трудолюбия, которое часто достигает, а иногда и обгоняет первого. Эта честь принадлежит по праву биографу Озерова и Дмитриева²³.

Я забыл указать на новую книгу, которая трепещет de l'intérêt du moment²⁴: это путешествие французского консула Гамбы в Персию, вышедшее в Париже в самое то время, как пришло туда известие о впадении персиян в наши пределы, и обратившее внимание Франции и Англии описанием тех самых земель, за кои и в коих теперь сражаются. Оно в двух частях, с атласом, видами и изображениями костюмов. Можно купить без карт и костюмов. Последние нам русским известны; но текст и предмет книги любопытны и важны указаниями и советами, кои автор даёт нам и французам о восстановлении древнего пути торгового, чтобы вырвать трезубец у Британии Нептуновны, овладеть, вопреки ей, азиатскими сокровищам и открыть путь нашим в Азию. Книга называется "Voyage dans la Russie méridionale et particulièrement au delà du Caucase, depuis 1820–1824"²⁵ (2 т.) — Гамба был два раза в России. Должно непременно перевести на русский язык существенное из предисловия, в котором объяснена цель книги, и из самого текста, где указаны средства, пути, предметы торговли: можно оживить для журнала эту мнимую сушь портретами Ермолова, Вельяминова и других. Вот книги, кои журналистам должно ловить на лету и в ту же минуту на вертел для читателей.

Есть ещё любопытная книжка "Les trios Epoques des tems modernes, ou les révolutions religieuse, politique et commerciale"²⁶. В этой брошюре, писанной Ейро, есть мысли, хотя автор и многое пустомелит о России, как и в большой 3-томной книге своей о французской юриспруденции. Недавно прочел я две части «Записок» Уврара (les Mémoires d'Ouvrard), также и две части «Записок» Огинского²⁷. Они теперь ходят по русским и дамским рукам, следовательно, не скоро ко мне возвратятся. Но когда выручу их, познакомлю вас с ними короче.

Читали ль вы новые семь «Мессениен» Казимира Делавиня? Глядя на снег, который оживил вчера холодность здешних немцев и посадил их в длинные плетеные коробки, называемые здесь санями, без подрезей, движимые лошадьми с колокольчиками, я вспомнил два стиха Делавиня:

Quel parfum de patrie apporte ce vent frais!
Que la partie est belle au moment qu'on la quitte!²⁸

Кто бы думал, что первый, свежий стих, из Делавина? Но есть и знойные, прекрасные, например о Корсике...

Идём по трескучему, шестиградусному морозу смотреть большой портрет Жуковского, вчера живописцем Боссе конченный. Жуковский представлен идущим в деревьях: вдали Монблан и его окрестности. Портрет сей выставлен будет в Петербургской академии. Сходство большое! Но я сначала не был доволен выражением. Авось Боссе исправил по моим замечаниям...

Недавно играли здесь итальянцы оперу «Петр Великий»²⁹. Музыка, краденная из Россини. Сюжет оперы несообразный, и костюмы смешные. В роле, летом Петр Великий и Головин в шубейках и в шапках; Лефорт и кн. Меншиков в старинных мундирах, а придворные и Сенат во французских шитых кафтанах, в розовых шелковых штанах и в адвокатских париках. Екатерина I в польском наряде, фрейлины её в сарафанах, с длинными рукавами. Петр I мистифирует сардамского корабельщика, который приехал навестить его со своей свояченицей. Она выходит за Головина, который ещё в Сардаме любил её, но женится по высочайшему повелению. Здесь теперь и благородный спектакль французский и немецкий, в пользу бедных, но не греков. Играют некоторые дипломаты и наш кн. М..., княжна Кауниц, графиня Пальфи и проч. Мы видели первое представление. В зале публичной устроен театр, вмещающий 500 зрителей. Давали пьесу Пикара, переведенную Шиллером: играли без претензии и слушали без строгой критики. В оркестре играли кн. Голицын, граф Гудович.

Имеете ли роман китайский, изданный Abel-Rémusat³⁰? В предисловии, о романах вообще и Вальтера Скотта, найдете поживу для журнала. На сих днях вышли в Париже новые письма Вутье о Греции. Они все принадлежат журналу, как по содержанию, так и по трепещущему интересу, коим оживлены. Любопытную статью для России можно составить из переговоров Вутье в Риме, с кардиналом, о присоединении греческой церкви к римской и о надеждах, возродившихся в ватиканской политике по сему случаю. Конечно, Греция не приняла бы никаких подобных предложений и не погубила бы души для самого спасения отечества; но любопытно видеть неизменяемость, постоянство папизма, все ещё помышляющего о завоеваниях, когда от колосса отпадают собственные члены. В этой же книге помещены и греческие народные песни, и другие опыты народной поэзии.

Вчера ввечеру были мы на литературной вечеринке у здешней живописицы m-lle Winkel³¹, которая собирает всю ученую, поэтическую и пишущую братию. Мы слышали тут журналиста Кинда, именем и ростом, который нападал на Гёте за то, что он сюжет для «Германа и Доротеи» украл у какого-то современного журналиста, слово в слово описавшего в рейнском журнале анекдот, служащий основанием сочинению Гёте. Все восстали против несправедливости нападения, как будто бы Гёте имел нужду скрывать заимствованную быль (factum), которую он возвысил, украсил. Сотворил снова в своей прекрасной поэзии. С равной справедливостью можно бы обличать в покраже мрамора для Венеры Фидиаса или создателя Аполлона. Тут дело не в глыбе мрамора, а в формах и выражении божественности идеальной. Так же, как Корреджио не краскам обязан своей мадонной, так и Доротея Гёте, вся хотя и в натуре, но Гётем созданной, им идеализированной. Скорее Корреджио мог найти вдохновение для изображения своей мадонны в богодухновенных песнях церковных, нежели Гёте в журналах современных своего Германа. Слушая крошку-Кинда, который важничал, читая нам свои исторические документы против Гёте, я невольно вспомнил нашего Крылова:

Ай Моська! Знать она сильна,
Что лает на Слона!

Вместе с тем вспомнил и стихи Шиллера и применил их к Гёте:

Und was er bildet, was er schafft,
Das dankt er seiner Dichterkraft³²,

а не повести о французских эмигрантах на Рейне. Но этой вылазке обязаны мы ответом антиквария Беттихера, который, выслушав Кинда, сел на его место и рассказал нам анекдот, коего он сам был свидетелем в Веймаре, у герцогини. В разговоре Гёте с Гердером последний однажды сказал ему, что, конечно, он заимствовал содержание «Германа и Доротеи» из анекдотов о французских эмигрантах в 1782 году. Тут Гёте с жаром отвечал Гердеру, что он почти все сюжеты свои брал из натуры и из истории, следовательно, из других, но что именно простой сюжет этой идиллии он ни от кого не заимствовал, а сам изобрёл. И в этом можно ему верить, ибо не нужно большого творческого труда, чтобы выдумать

происшествие, которое, конечно, с большим или меньшим изменением, не раз могло тогда случиться, во время походов эмигрантов французских на Рейн и во всей Германии. Теперь, и здесь и в других местах Германии, какой-то дух брани против Гёте распространился*, но враги так мелки, что их едва ли замечают в борьбе с гигантом; а они, несмотря на то, продолжают гомозиться, забывая, чем Гёте обязана Германия и что он истинный представитель не одной только поэзии немецкой, но всей германской цивилизации. Он живое выражение всей их интеллектуальной национальности, более чем Шекспир английской, а Вольтер французской, ибо он выражает немцев и в поэзии, и в учености, и в чувстве, и в философии, действует на них, а через них и на всю европейскую литературу; служит вместе и верным, всеобъемлющим зеркалом германизма, коего он сам есть создание; между тем как Шекспир создал вкус и народность англичан в поэзии, а Вольтер образовал век свой и французов, а не ими образован. Я не умаляю и не возвышаю Гёте, а ставлю его на его место в Германии, в применении к месту, занимаемому Шекспиром в Англии и Вольтером во Франции.

Я на днях перечитывал Минье «Историю революции французской, от 1789 до 1814 года», в двух частях. В ней много обозрений, портретов, прекрасных, и есть страницы красноречивые. Например: о казни Людовика XVI и в нескольких строках верный портрет коронованного праведника и мученика. Много любопытного и о живых, между прочим, об оберцеремониймейстере Талейране, который встречал и провожал все власти.

У нас здесь русский поэт, юноша Бек. В стихах его, хотя и весьма молодых, виден уже истинный талант и какой-то вкус, тем же талантом угаданный. Он же и живописец и едва ли не музыкант. Не знаю, удастся ли мне прислать тебе стихов его. Жуковский не советует ему писать стихи для печати, полагая, что это слишком рано заронит в нем искру авторского самолюбия и увлечет его к занятиям, кои должны быть для него теперь ещё чужды. Он испытывает силы свои в переводе Вергилия с латинского и образует вкус свой по древним и новым классикам...

Э. А.

* Присовокупив биографию и портрет Гёте к следующей книжке «Телеграфа», мы поместим после того одну из бранчивых статей, переведенную из нового немецкого журнала, Публике нашей должно знакомиться со всеми новостями и движениями европейских литератур. — Изд. — *Примеч. Н. А. Полевого.*

IV. ИНОСТРАННАЯ ПЕРЕПИСКА (Извлечение)

О Карамзине и молчании о нём литературы нашей; об ответе на немецкую рецензию, на него написанную. О записках Босвелля о Джонсоне и возможности составить подобные записки о Карамзине. О покойном короле саксонском; черты из характера его и жизни. О некоторых члена королевского саксонского дома. Об издаваемых Мартенсом дипломатических актах. Об издании переписки Гёте с Шиллером и переписки Якоби. О Линднере.

Дрезден, 1827

Ты прав: негодование твое справедливо. Вот уже скоро год, как не стало Карамзина, и никто не напомнил русским, чем он был для них. Журналисты наши, исчислив кратко, впрочем, не безошибочно, труды его и лета жизни, возвестив России, что наставника, дееписателя, мудреца её не стало, исполнили долг современных некрологов; но не умели или не хотели воспользоваться правом своим возбуждать народное внимание, народное чувство к важным событиям в государстве. Конечно, в числе особенностей нашей словесности можно поставить и судьбу её преобразователя, единственного, полного представителя не нашего, но европейского просвещения в России, соединенного в нем с познанием всего отечественного, с познанием, коему можно уподобить только одну любовь его к отечеству. И сей великий сын России, любивший судьбу её, и в первом мерцании нашей славы воинской, при Игоре и Святославе, и в годину искушения, при Ольговичах и татарах, и во время внутренних преобразований, при Годунове и Петре, и в блестящий век Екатерины и Александра, и, наконец, умиравший с любовью в сердце и с верой в будущее постепенное возрождение империи, — Карамзин не имеет ещё ценителя ни главного труда его, на других бессмертных его заслуг, оказанных России и языку её. По сию пору один государь, представитель народной благодарности, указал Карамзину место его в храме славы. Между тем, как во Франции часть населения Парижа подвиглась на погребение генерала-оратора (Фуа); в Англии, в журналах оппозиции и министерских, ежедневно извещают публику (письмо сие писано во время болезни Каннинга) об успехах выздоровления министра — у нас, кто по сию пору прервал гробовое молчание о Карамзине? Кто

из нас положил цветок на уединенную могилу его? Мы, жившие его жизнью, страдавшие его страданиями, мы, одолженные ему лучшими благами ума и души, что мы сделали? Опустили его в могилу, бросили горсть земли на землю его и смолкли, как умершие³³.

Ты обвинял меня в бездействии в самое то время, когда я собирался послать в немецкие ученые ведомости написанное мной возражение на одну рецензию, в «Лейпцигской ученой газете» напечатанную, в которой Карамзина хвалили за его историю и хулили за чужие ошибки³⁴. Жалею о Карамзине и о друзьях славы его, что не им, а мне досталось защищать его. Уступил бы им охотно в этом и остался бы при единственном сокровище, которого у меня, как у Карамзина славы, никто не отнимет, остался бы при моей любви к его памяти, при моей к нему благодарности, при воспоминании о последней, тихой минуте его жизни.

Мое письмо было пространнее, но, перечитав его в тишине сердца, выключил я из него все выпалки на лужницких старцев³⁵ и все, Карамзина недостойное. Да живет память его и в каждом движении нашего сердца и в каждой строке о нем! Чем иным можем доказать нашу любовь к нему, как не жизнью, его достойной, как не чувствами, подобными тем, кои сам питал он и к друзьям и к недругам, ненавидя порок, но любя и прощая всех³⁶.

ХРОНИКА РУССКОГО

Рим, апреля 20/8 1835

В самый день приезда моего сюда³⁷ я имел свидание с начальником секретного Ватиканского архива гр. Марино-Марини, и на другой день рассматривал у него списанные для меня акты. Получив потом письменное дозволение от кардинала статс-секретаря Бернет-

* Дрезденский корреспондент обещает прислать в «Телеграф» и немецкую рецензию и ответ свой, который, вероятно, теперь уже напечатан в немецких ведомостях. Кажется, часть замечаний критических рецензента падает на сказания Карамзина о Винете. Но дело в том, что Карамзин не мог знать сомнения немецких критиков об историческом бытии Винеты, ибо сии сомнения возникли в 1816 г., когда Карамзин печатал свою «Историю». Прежде никто не сомневался в существовании Винеты, и Иоанн Миллер блистательно описал её падение и поглощение развалин её волнами морскими. Изд. — *Примеч. Н. А. Полевого.*

ти³⁸ осмотреть секретный архив и хранящиеся в оном рукописи, я отправился туда с Марино-Марини, и провёл несколько часов в рассмотрении сей сокровищницы европейской и всемирной истории. Желая прежде всего удостовериться в точности списков, коих часть была уже в руках моих, я сличал некоторые с оригинальными документами, на пергаменте писанными, и не нашёл в списках никакого упущения. Я нарочно требовал не по порядку оригинальные акты для сличения с копиями. Впрочем, так как начальник архива по одним заглавиям документов назначает списки с оных, а писцы исполняют его приказания машинально, то и невероятно, чтобы с умыслом могли быть деланы в копиях упущения или перемены. Так как в первом каталоге рукописей, рассмотренном в Петербурге, находились многие не в хронологическом порядке, то я был вправе предполагать, что он был составлен слишком наскоро и что в архиве могли храниться и другие акты, к российской истории относящиеся. Заметив сие начальнику архива, я получил от него удостоверение, что вместо 91 документа он доставит мне около 140, уже якобы приисканных им в архиве. Он просил меня не обращать внимания при проверке документов на первый каталог, но иметь в виду гораздо большее число оных, кои обещал переписать по хронологическому порядку. В тот же день я получил от него 52 черновые списка для поверхностного рассмотрения и для сличения оных с каталогом ватиканских рукописей, собранных Альбертранди. С первого взгляда я заметил уже, что некоторые из новых помещены и в собрании Альбертранди, но я принял сии списки, желая лучше иметь некоторые документы вдвойне, чем подвергаться опасности не принять и того, что ещё не помещено ни в одной исторической коллекции, тем более, что один список может быть вернее другого и что по трудности разбирать старинные рукописи в списках могут быть варианты и ошибки. Через несколько дней я возвратил ему сии 52 копии с тем, чтобы по переписании оных на бело я мог получить их обратно, вместе с другими.

Между тем приехал сюда из Флоренции известный своими историческими компиляциями аббат Чиямпи, в помощь мне назначенный. Я желал знать предварительно, допустят ли и его в Ватиканский архив, но при первом слове увидел, что этого ни в коем случае не должно было надеяться. Марино-Марини отклонил всякую возможность допущения аббата Чиямпи в архив, уверяя, что и для меня это сделано из какой-то особенной личной доверенности, основанной,

вероятно, на справедливом предположении, что мои розыски не могут быть столь проникательны, как труды в архиве опытного в сем деле ученого. Я должен был принять на себя одного сношения по сему делу с архивариусом и указать другой круг деятельности аббату Чиямпи. Предметом оной будут частные библиотеки и архивы, в Риме находящиеся, в коих ему уже удалось найти, по крайней мере, в рассмотренных им доселе каталогах, некоторые рукописи, до российской истории относящиеся. По возвращении сюда из Неаполя я получил от Марино-Марини списки с 72 документов. Предоставляю себе рассмотреть акты сии во всей подробности и, как скоро представится возможность, сличить оные с актами, в печатных коллекциях помещенными, и с ватиканскими списками Альбертранди, коих у меня здесь нет. Из предварительного же поверхностного обозрения убедился я, что из числа 72 актов, мною ныне полученных, в собрании Альбертранди находится уже 11. Таким образом, если мне не выдадут ещё нескольких списков до закрытия здесь на все лето архива и библиотек, то я увезу с собою сии 72 акта и буду ожидать остальных, а между тем займусь проверкою и сличением полученных с прежде известными. Конечно, некоторые находятся уже и в других собраниях; иные из помещенных в сем каталоге не относятся до российской истории и помещены сюда по невежеству в сей части европейской истории здешних архивариусов, но при всем том, кажется, жатва довольно обильная, и материалы сии могут обогатить нашу отечественную историю. Вообще если историки других государств мало, весьма мало воспользовались сокровищами Ватиканского архива, то сие должно приписать не столько желанию скрывать оные или опасения гласности, сколько равнодушию и невежеству, с каким здешние ученые смотрят на сии предметы. Доказательством сему служат выписки из архива, сообщенные английскому и прусскому правительствам, а теперь и нашему. Со временем я надеюсь собрать любопытные сведения о сем архиве, как по внутреннему устройству оного, так и по богатствам, кои отличают его от всех других европейских архивов сего рода. Теперь достаточно упомянуть, что в архиве Ватиканском, к коему присоединены и рукописи, хранившиеся прежде в крепости св. Ангела, находится более двух миллионов папских булл, все сношения римского двора с другими государствами, донесения нунций папских, так называемые Регесты (*Res gestae*)³⁹, или события всего мира, — история всемирная или, по крайней мере, материалы

для оной. В особых кипарисных ящиках хранятся грамоты держав, даровые записи, клятвенные обещания разных государей, например королей неаполитанских и проч., и множество старинных документов, начиная с конца VII столетия до последних времен. Древнейшая же рукопись есть *codex diurnus Romanorum pontificum*, или журнал папского двора, расходов оного, и проч., писанный на пергамене в конце VII столетия. В нём вместо подписи, по безграмотности духовных, поставлены крестные знаки. Донесения епископов из разных государств, в числе коих и письма Боссюета. Акты вселенских и других соборов в особых шкафах: для одного Тридентского два шкафа⁴⁰. Акт так называемого соединения греческой и римской церкви на Флорентинском соборе за двумя печатями: папы и греческого императора Палеолога⁴¹. Копия с сего акта, современная оригиналу, с подписями. Собственноручное исповедание веры Марии, королевы шотландской⁴², перед казнию её писанное; оригинальное письмо Людовика XIV к папе, коим уничтожает он знаменитые четыре статьи галликанской церкви⁴³; любопытные для нас дела Польши, и проч. и проч. Я заметил, что дела новейшие, начиная с последней половины XVIII столетия и последующие, не приведены ещё в надлежащий порядок и даже разбросаны по столам, без реестров; так, например, я видел вместе с прусскими нотами бывшего министра Гумбольдта ноты министров императрицы Екатерины II и проч. Я читал грамоту императора Петра Великого, в коей он ходатайствует об оказании покровительства Борису Шереметьеву, отправленному в Венецию, в Рим и к «славным Мальтийским рыцарям». Грамота сия не подписана императором; я списал с оной копию. Но всего любопытнее, по богатству исторических и дипломатических материалов, бумаги нунциатур, или донесения послов папских. Акты сии расположены по дворам, между тем как буллы следуют одна за другою, по времени объявления оных, без всякого систематического оглавления по материям или предметам. Несчетные богатства для истории! Но где бенедиктинцы, где Мабильоны и Ассемани для сего хронологического хаоса! Шатобриановы необенедиктинцы⁴⁴, к коим он приобщил недавно своё имя и для коих собирает теперь пособия учения Европа — лепта от вдовицы, — сии новые Монфоконы ещё не созрели. Одна Германия в Перцовом собрании: *Scriptores rerum Germanicarum*, для коего нарочно приезжал сюда барон Штейн; первоначальный собиратель сих актов может уже гордиться некоторыми результатами

разысканий своих ученых в сих тайниках истории, на коих лежит ещё, кажется, мрак средних веков.

Полагаю уехать отсюда, как скоро начнутся сильные жары и архивы и библиотеки закроются, т. е. недели через три.

Рим, 21/9 апреля 1835

Порученное мне дело начато не без успеха; я мог бы уже отправить и самые списки с актов, переписанных в секретном Ватиканском архиве, но тогда невозможно бы мне было сличить оных со списками Альбертранди, кои я давно уже оставил в Париже, предполагая некогда там издать их и удержав у себя один каталог оным. Там во всякое время года открыты архивы и библиотеки, и, следовательно, все способы для труда исторического. Не имея перед глазами собраний исторических актов, каковы, например, Райнальди, Паги, Ассемани и проч., нельзя знать, которые из приобретенных ныне уже известны и напечатаны вполне или только в выписках. Таким образом, обязанность по делу, на меня возложенному, согласна с желанием моего сердца — провести некоторое время близ могилы моего брата⁴⁵. Конечно, не наслаждения иного рода влекут меня туда, где я ещё не совершенно одинок и где надеюсь, в тишине кабинета и в мирных исторических занятиях, коих предмет — Россия, отдохнуть хотя на время от жизни, в которой было для меня столько утрат и столько бедствий!

Париж, 12 июня / 31 мая 1835

В самый день моего сюда приезда⁴⁶ я был в отделении рукописей Королевской библиотеки, и, имея перед глазами часть каталога, в коей я мог предполагать те бумаги о России, на которые указали мне в Риме, я отложил несколько фолиантов с рукописями; разбор оных занимает меня с того времени ежедневно.

Так как здешнее королевское собрание рукописей в архиве библиотеки составлено из разных частных коллекций, то по рассмотрении общего каталога должно разбирать каждую и особенно те, в коих находятся акты по дипломатическим сношениям. Сии акты начали поступать не прежде, как при Лудовике XIV в особенный архив иностранных дел, при сем министерстве учрежденный. В сем архиве

старые дела, имеющие токмо одно историческое достоинство, не почитаются государственною тайною, и главный архивариус, историк Минье (Mignet), с разрешения министра обещал уже отобрать для меня все бумаги, в коих могут встретиться документы по сношениям Франции с Россиею, в царствовании Петра I и прежде его бывшим.

Сверх сего, есть ещё главный государственный архив под ведением министерства внутренних дел, коего главным оберегателем (conservateur) известный Дону (Daunou). Я надеюсь иметь доступ и туда.

Между тем розыски мои в архиве Королевской библиотеки не были бесплодны. Я нашёл уже много старинных бумаг и удостоверился, что в сем архиве много сокровищ для нашей истории, но при ежедневном занятии я мог по сие время только отметить и выписать для себя заглавия некоторых статей, кои показались мне любопытными. Прилагаю реестр оным в том порядке, в каком я встречал их в разных местах просмотренных мною фолиантов. Я ещё не успел сличить их ни с рукописями, ныне из Рима привезенными, ни с теми, кои нашёл в коллекции Альбертранди, остававшимися здесь с 1830 года. Отбрав все, что найду любопытного и важного для российской истории в здешних архивах, я постараюсь приискать писцов верных и исправных в своём деле.

Я купил изданную недавно здесь книгу в двух частях, о российской истории, под названием "Nestor", переведенную с перевода Шерера (а не по изданию Шлецера⁴⁷), и увидел, что сочинитель оной Парис (Paris) к переводу Нестора и к обзору российской истории приложил несколько документов, до России относящихся и найденных им в тех же фолиантах Королевской библиотеки (где брат его помощником библиотекаря), где я нашёл их. Но так как многое оставлено им без внимания, то я надеюсь, что мое собрание сохранит свою цену и после книги Париса, тем более что он не продолжает своего труда и находится теперь библиотекарем в Реймсе.

В бытность мою в Лондоне известный книгопродавец Муррай — друг и издатель Байрона — уступил мне найденную мною у него рукопись, содержащую подробный «Журнал генерала Гордона», шотландца, служившего во время двоецарствования и потом при Петре I. В сем собственноручном, как кажется, журнале означает он хронологически и ежедневно, с 1684 по 1698 год, каждое происшествие его времени, как в Москве, так и в других городах и во время путешествия его по России,

все случаи его жизни и службы, все сношения его с военными и гражданскими начальствами в России, все походы его и все управление по военной части и по разным должностям, кои на него были возлагаемы. Записки Гордона могут быть любопытны не только для истории и сего времени, и особенно для биографа Петра Великого, но и для занимающихся историею государственного управления в России вообще⁴⁸.

Не знаю, каким образом рукопись сия попала в руки английского книгопродавца, тем более, что, кажется, она принадлежала к архиву иностранных дел в Москве, ибо, сколько я могу упомянуть руку моего первого начальника по службе, на первом листе сей рукописи и в начале 1796 года отметка сделана рукою г. Бантыш-Каменского, бывшего управляющего сим архивом, или его предшественника и сослуживца Соколовского.

Возвращая рукопись сию России, желаю, чтоб она послужила материалом для будущего историка преобразований Петра I, а вместе с сим и доказательством моей преданности и любви к отечеству.

Париж, 4 июля/22 июня 1835

Я продолжаю заниматься ежедневно в Королевской библиотеке разбором рукописей, и, получив позволение от здешнего министра иностранных дел рассмотреть в архиве оного сношения Франции с Россиею, до времен императора Петра и в его царствование, я занялся сим делом с усердием, соразмерным важности и богатству сих исторических материалов. Так как мне одному, и без писца, позволено в самом архиве разбирать оригинальные документы, то я должен рассматривать, отмечать и выписывать сам все любопытное и достопримечательное в сношениях французского двора с Россиею. Ежедневно от 10 часов утра до 4 пополудни я работаю сперва в Королевской библиотеке, которая открыта только до 3 часов. А потом в архиве иностранных дел. Я нашёл в первом любопытные акты и отметил уже в 16 фолиантах все, что надобно будет выписать, приговорил писцов, но ещё не мог сообщить им самых рукописей, здесь отысканных, ибо занимаю их перепискою актов, привезенных из Рима. В архиве же иностранных дел пересмотрел я семь фолиантов, кои заключают в себе эпоху от 1660 до 1716 года включительно. Тут происшествия, особливо царствования Петра I, чрезвычайно интересны и важны, наиболее же в тех документах, в коих описана вся война

Петра I со шведами и турками, когда Россия грозно и величественно вошла в систему держав европейских и стала наряду с первейшими. Донесения дипломатов о России, о преобразованиях Петра I, о его сподвижниках, характеристика многих; первые начала наших торговых сношений с Францией, первые опыты образовать коммерческие компании в Руане и Париже, соперничество Франции с Англиею и Голландиею за Россию, описания воинских и гражданских подвигов Петра I, донесения о состоянии армии и первого русского флота, таблицы войскам, планы сражений с турками и шведами и донесения о сем разных агентов — все это теперь передо мною. Главное в первых семи фолиантах отмечено и отчасти выписано. Для разобранья некоторых собственных имен в донесениях французских и других министров нужно было составить список послам, посланникам и агентам как французским, так и русским. Я достал сии списки, весьма любопытные и нужные для определения каждой эпохи в истории наших дипломатических сношений, кои начались с Францией прежде 1625 года посольством из Франции и в 1654 году посольством из России. Сии списки служат мне указателями в разборе депешей и дипломатических инструкций. В числе актов находятся грамоты Петра I и другие бумаги на русском языке.

Здесь у меня все под рукою. Я, конечно, телом живу во Франции, но душою весь принадлежу России, и все время и все способности посвящены её истории. Конечно, я не успею всего выписать, ибо в одном архиве иностранных дел более сотни фолиантов о России, но, по крайней мере, я отмечу все важнейшее, укажу на те бумаги, кои после правительство наше может выписать отсюда, полагая, что если частному человеку, без всяких связей и только из одного уважения к трудолюбию в истории, позволили пользоваться сими сокровищами, то правительству нашему не откажут в списках с документов, имеющих одну историческую важность.

Париж, 13 июля / 1 июля дня 1835

Министр коммерции Дюшатель доставил мне сегодня представленные им королю «Статистические документы Франции». Книга сия напечатана в числе немногих экземпляров и не поступит в продажу. Администраторы и ученые отозвались о ней с величайшею похвалою. Сия книга объемлет все предметы государственного управления

и все движения и результаты оною. Каждое министерство доставляло министру коммерции материалы для сей статистики. В самом министерстве коммерции под надзором министра опытные чиновники ученые трудились над поверкою статистических материалов и над приведением оных в ясный систематический порядок; так, например, известный академик, начальник статистического отделения в министерстве коммерции, Moreau de Jones составил таблицы по торговой части, — в сей статье помещена сравнительная таблица торговли Франции с Россиею с 1821 до 1833 года.

Картины сил воинских, по части министерства военного и морского, также примечательны.

Взамен сей книги я послал министерству коммерции отчет министра финансов по департаменту внешней торговли за 1833 год, в С.-Петербурге изданный.

Поспешая теперь оставить Париж, я оставляю до другого времени уведомление о найденной мною здесь, в частных руках, переписке бывшего французского министра иностранных дел Вержена с французским послом при российском дворе маркизом Верраком во время министерства графа Панина. Эпоха сия весьма любопытна в истории нашей дипломатики. Донесение Веррака об отъезде в чужие края из Царского села 1781 5 октября великого князя Павла Петровича и великой княгини Марии Феодоровны и письмо к нему Вержена от 23 июля 1782 о пребывании их императорских высочеств в Париже заключает любопытные подробности.

Лондон, 21/9 августа 1835⁴⁹

Здесь в Лондоне рассматривал я тщательно в музее Британском каталоги рукописей и нашёл в тех, кои бывший лорд Лансдовн, отец нынешнего министра, продал правительству, множество актов, относящихся до российской истории, особливо до торговли, а именно до российско-английской компании, здесь с давних времен учрежденной; но, сообразив нумера сих документов с выпискою из каталога Румянцевского музея, которую взял с собою из Петербурга, я усмотрел, что покойный канцлер граф Румянцев выписал отсюда почти все сии рукописи, как русские, так и английские, и в музее его находятся уже те самые нумера, кои я отметил здесь. Особенно любопытны сношения России с Англиею во времена королевы Елисаветы как по делам

торговли, чрез Архангельск, так и по личной переписке с королевою царя Ивана Васильевича, коего в английских актах называют уже императором.

Так как я не мог найти здесь ничего нового в отношении рукописей, то я обратился к другому предмету, а именно к трудам здешних юрисконсультов, коим правительство поручило пересмотреть старые и особенно уголовные законы (в коих здесь хаос) и представить проект новому уложению. Часть сего дела уже кончена. Один из главных сотрудников в оном объяснил мне ход и успехи оного и необходимость исправлений в английском уголовном законодательстве, доставил мне два пространные рапорта королю об учреждении для сего дела комиссии, напечатанные по повелению правительства: 1) *First Report from His Majesty's Commissioners of criminal law* (от 24 июня 1834) in-folio. 2) *Report of the Commissioners appointed to inquire into the consolidation of the Statute law, presented by command of His Majesty* (от 21 июня 1835) in-folio⁵⁰.

При доставлении сих актов, в коих содержится уже полный обзор уголовных английских законов с указанием на недостатки оных и на неимоверную запутанность, Беллендер Кер, один из пяти членов комиссии законов, уведомляет меня, что они занимаются теперь составлением полного уложения (Code), и предлагает доставлять мне сие уложение по частям, по мере отпечатания; я принял сие предложение с благодарностию. Прилагаю у сего копию с письма ко мне Беллендера Кера.

Я снова осмотрел здешние народные училища, новый университет, гимназию, при оном учрежденную, и другие заведения, особливо по части народного просвещения и общественной благотворительности. Ничто так не радует сердце, как успехи в усовершенствовании так называемых Детских школ (Infants-Schools), где видишь всю нежную, отеческую заботливость наставников и смотрителей о малолетних и результат сих попечений. В главной из сих школ, под портретом короля Георга III, писаны слова его, сказанные Ланкастеру: «Я бы желал, чтобы в каждом английском семействе была Библия». Гейнрих IV желал, чтобы в каждом семействе, во Франции, был суп с курицею: Англии и Франции остается пожелать государя, который бы пожелал для своих подданных — и Библию для нравственного их назидания, и — курицу в суп!⁵¹

Париж, 3 сентября/22 августа 1835

На сих днях я возвратился сюда из Лондона и на другой же день начал опять работать в архиве иностранных дел, где мне по-прежнему выдают фолианты дипломатических сношений Франции с Россией. Вчера начал я рассмотрение 19-го фолианта, до восшествия на престол императрицы Екатерины I простирающегося. Я не успеваю даже всего прочитывать, а только отмечаю те инструкции, депеши и документы, кои по первому обозрению кажутся мне заслуживающими особенное внимание и, следовательно, должны быть переписаны. Я вношу в мой журнал только главное содержание и эпоху каждого фолианта. — По моему мнению, надлежало бы — если министерство здешнее позволит — переписать все сии акты, так как покойный канцлер граф Румянцев и граф Семен Романович Воронцов списали все подобны акты английского министерства иностранных дел. В них множество подробностей, драгоценных не только для истории наших дипломатических сношений, но и для истории гражданской, и особенно военной. Читая донесения французских министров из Москвы и Петербурга и инструкции, кои они получали из Парижа, мне пришло на мысль, что сия переписка может также служить практическим наставлением для молодых дипломатов, кои могли бы в оной не только наблюдать ход дел политических, но по некоторым депешам и инструкциям учиться, так сказать, практической дипломатике и образоваться в слоге, в редакции бумаг дипломатических всякого рода. Конечно, не все акты равного достоинства в сем отношении, но есть между ними и примерные в своем роде.

Так как сношения наши с Франциею касались часто и других государств, то история оных и сношения с Россией также объясняются в сих актах: например, Турции, Швеции, Австрии, бывшей Польши; а в последнее время царствования Петра I Франция была посредницею между Англиею и Россией: Петр за многое негодовал на английское правительство и даже готовился к войне, — Франция мирила нас. История представляется здесь совсем в ином виде, нежели в обыкновенных обозрениях главных событий в государствах: ясно видны тайные политические замыслы, первые, так сказать, зародыши важных исторических происшествий, пружины, коими приводили тогда в действие государственные машины, талант действовавших лиц и правила кабинетов. Для нас, русских, рисуются тени — столь слабо обозначенные в наших собственных исторических материалах — Головкиных, Ягужинских, Меншиковых, Остерманов и, наконец, Петра,

о коем говорят иностранцы: правители и министры, послы и агенты всякого рода, не всегда с равным беспристрастием, но всегда с каким-то невольным, вынужденным энтузиазмом к необыкновенному, великому, везде и во всем являющемуся. Странное действие производит явление Петра на театре мира и в постепенном наблюдателе тогдашних событий, при хронологическом чтении сих актов! Вы видите сначала, даже и при самом Петре, в Москве несколько частных покушений торговых обществ и возникающие из сего материальные интересы, покровительство, оным оказываемое, и какое-то осторожное, неохотное сближение, сперва с частными лицами, потом и с правительствами, и вдруг читаете вы депеши Потемкиных, Матвеевых, Кантемиров, Куракиных, Долгоруких и видите уже обдуманную, опытную политику Остермана и, повторяю, — везде и во всем Петра! Европейские кабинеты вдруг заговорили о нем, о России уже, а не о Московии! Назвав, по какому-то невольному движению императорами её государей прежде, нежели согласились давать им сие титуло особенными договорами. Кабинеты при Петре I заспорили о сем титуле, как бы предчувствуя в титуле будущее России и страх Европы...

Из сих актов внутренняя история России также делается нам известнее: каждая перемена в образе управления, каждая осуществленная мысль Петра были замечаемы дипломатами, и документы деятельной жизни его, внутри России и вне оной, — грамоты на бессмертие — прилагались часто к депешам. Тогдашние правители Франции дивились. То, что для них иногда помрачало исторический, нравственный характер Петра, изъясняли они необходимостью, не любили, унижали русских, но — извиняли Петра. Смерть его произвела в тех дворах, с коими он был в непосредственном сношении, необыкновенное, разительное действие. Описание последней болезни его читает русский с какою-то досадою: кажется, так легко было спасти его! Он хотел быть сам своим доктором; истинная болезнь его была долго тайною и для самых приближенных. Его лечили только наружными средствами; неосторожность его усиливала болезнь. Доктор-итальянец брался излечить его, но ему не доверяли. Приближение смерти Петр Великий ознаменовал подвигами милосердия: он велел освободить пленников из тяжкого заточения — воля его была в последний раз исполнена с точностию. Приближенные не надеялись, но страшились и за него и за столицу, ибо войско давно уже не получало жалованья. При дворе были партии. Хотя Петр и короновал

незадолго перед тем Екатерину, но не все были за неё: хотели регентства. Вероятно, пример Франции действовал тогда на государственные умы в России. В 5 часов утра Петра не стало. Провидение указало ему — не России — предел. «Европа назвала его Великим», — сказал наш незабвенный историограф⁵².

Простите мне сие невольное отступление от предмета письма моего. Мне советуют не заживаться в Париже, но я в Париже заговариваюсь о России, — заговариваюсь, но только в письмах.

К несчастью, я возвратился сюда, когда уже Королевская библиотека заперта для публики и все библиотекари пользуются вакантным временем с 1 сентября до 15 октября. — Я не могу до сего срока брать оттуда рукописей и отдавать их переписчикам, а там также много любопытных актов, относящихся до России прежде Петра I.

Париж, 18/6 сентября

В последние дни я занимался отобранием в архиве Королевской библиотеки тех документов, коих переписка должна начаться с 15 октября, когда снова библиотека откроется для публики. До тех пор начальник сего архива Шампольон-Фижак позволяет мне приходить в архив один раз в неделю, а иногда и два раза, когда он сам там бывает. Он показывал мне тот самый экземпляр записок о России Манштейна, коим пользовался Вольтер при сочинении истории Петра I. Он подарен Фридрихом II лорду Марешалу, который передал его историку Юму, а Юм подарил его известному литератору Сюару, коего рукою все сие отмечено на заглавном листе рукописи. По кончине Сюара букинист купил его бумаги и продал недавно сию драгоценную рукопись здешней Королевской библиотеке. Печатные записки Манштейна совсем не так полны, как сия рукопись, с поправками и пополнениями рукою Манштейна. Сии записки содержат любопытные материалы для русской истории в первой половине XVIII столетия. Так как действ[ительный] статский советник Аделунг имел также полный экземпляр сей рукописи, то вчера я писал к нему с попутчиком и просил уведомить меня, нужно ли, по его мнению, списывать здешний полный экземпляр Манштейна.

Вчера же получил я из Рима ещё 85 актов Ватиканского архива, при письме графа Марино-Марини. Бумаги сии лежат передо мною, но я успел просмотреть только реестры.

Теперь я должен прежде всего:

1. Сличить реестр оным, а потом и самые бумаги с теми, кои нашёл я в Королевской библиотеке, дабы не списывать некоторых вдвойне. Труд сей не может быть начат прежде 15 октября.

2. Сличить оные с прежними моими ватиканскими рукописями под названием Альбертандиевых.

3. Отметить те, кои были прежде напечатаны в каких-либо исторических собраниях, дабы не списывать второй копии с тех, кои были уже где-либо напечатаны.

4. Переписать второй экземпляр сих документов, дабы в случае затеряния оригиналов не лишиться оных невозвратно.

5. Привести все сии акты в хронологический порядок.

В архиве иностранных дел рассмотрел я 21 фолиант; в следующем уже кончина Екатерины I. Будущее России решилось в этой эпохе на долгое время. Главными действующими лицами — Голстинский принц⁵³ и министр его Басевиц, Меншиков, Головкин, Толстой, Остерман, Ягужинский и, страх двора, командовавший войсками в Украине фельдмаршал князь Голицын. Так как в совет приглашаемы были и иностранные министры на конференции по дипломатическим сношениям с их дворами, то по сему поводу министры сии угадывали и узнавали многое и о внутренних делах России и доносили об оных.

Париж, 14/2 октября 1835

Послезавтра открывается Королевская библиотека для всех, и я приговорил уже двух писцов для копий и приготовил и материалы. — В архиве же иностранных дел продолжаю работать ежедневно, отмечая важнейшее. Там три писца переписывают для меня с оригинальных депешей; так как в них перемешано важное с мелкими случаями тогдашней дипломатики, то выбор иногда затруднителен, но истинно исторических достопримечательностей так много, что труд вознаграждается с избытком. Я прошел уже царствование Петра I, Екатерины I, Петра II. Теперь разбираю — императрицы Анны. Остатки фамилии Меншикова возвращены; дочь любимца Петра I, сестру невесты Петра II, в ссылке умершей, выдают (или сватают) за брата любимца Анны Иоанновны, Бирона. Долгорукие и смелый Румянцев, наперсник Петра I, или в пытках, или в ссылке гибнут; фельдмаршала Голицына не стало; новый полк гвардии, Измайловский, учрежден в

Москве, наполнен курляндцами и финляндцами и дан Левенвольду, другу Бирона; партия старых русских ропщет, и двор из Москвы собирается снова в Петербург; политика все ещё сильного в делах дипломатических Остермана торжествует; кабинет наш снова сблизился с венским, но и с Англиею сближают нас взаимные выгоды торговли и устранение влияния якобитов. На сих днях надеюсь кончить 1731 год в 26-м фолианте.

Париж, 3 октября / 21 сентября 1835

Сегодня прочел я биографию графа Толстого, которую написал датский министр, при дворе Петра I, Екатерины I и Петра II долго находившийся. Он снабдил ею и тогдашнего французского агента при нашем дворе. Автор был отчасти сам свидетель повествуемых им происшествий и знал лично тех, коих характер и действия описывает. Я ещё ничего не читал любопытнее сей записки о сей эпохе⁵⁴. Весьма примечательны также биография Екатерины I, другим дипломатом составленная и записка под заглавием “*Réflexions d'un solitaire Russe*” 1742 года, которую на сих днях пристав Королевской библиотеки нашёл между старыми бумагами, в реестр архива ещё не вошедшими. В сих же не внесенных ещё в каталог бумагах найден в оригинале “*Journal du Sieur de Cateux mestre de camp d'un régiment de cavalerie et gentilhomme ordinaire du Roy, touchant les Moscovites arrivez en France en l'année 1668*”⁵⁵. В сем журнале описан приезд нашего первого посланника во Францию Петра Ивановича Потемкина, встреча его чиновниками Лудовика XIV и путешествие из Греньяна (*Graignan, à deux lieux de Bordeaux*⁵⁶) в Париж. Все сии бумаги уже переписаны. Но то, что случайно открывается при чтении дипломатических актов и депешей, часто важнее полных статей и биографических подробностей. В сию категорию поставляю я, например, важный для нашей истории факт, найденный в оригинальных бумагах 1728 года и теперь преследуемый мною в последующих актах с особенным вниманием; факт, что мысль о разделе Польши не только что не родилась в русской политике, но была отвергаема русским правительством в 1728 году, когда сам польский король Август и король прусский затевали раздел Польши и центром сношений своих избрали — Москву, где тогда находился двор наш; агентом же испанского посла — герцога Лирия, который тогда был, кажется, и под влиянием венского двора. Я вы-

писываю тщательно все то, что до сего факта относится. В сие время главным действующим лицом в нашем кабинете был Остерман, хотя под канцлером графом Головкиным. Теперь я оканчиваю рассмотрение 1729 года в 24-м фолианте.

Чем более работаю в архиве, тем более убеждаюсь, что мне бы надлежало, отметив и записав здесь все нужное, с помощью сих выписок и с копиями целых бумаг, кои время позволит переписать здесь, возвратиться в московский архив и там просмотреть дела тех годов, кои пройду в здешнем дипломатическом архиве, и потом уже со всеми сими сведениями снова возвратиться сюда для окончательной переписки.

Вместе с сим желал бы я иметь здесь, в пособие моим занятиям, все то, что вышло в России в печать, относительно истории Петра I и последующих времен; здешнему же архиву иностранных дел и Королевской библиотеке можно бы, я думаю, подарить, чрез меня или хотя чрез посольство наше, по экземпляру «Государственных грамот», издаваемых при архиве, в Москве, на счет суммы, завещанной канцлером графом Румянцевым. Я знаю, что множество сих экземпляров лежит в Москве без всякого употребления. Желание сие исполнено, и министерствам иностранных дел и народного просвещения в Париже доставлено от нашего двора по экземпляру сего собрания грамот.

Париж, 12/1 февраля 1836

У одного из здешних ученых собирателей рукописей, г. Монмерке, находится оригинальная переписка бывшего французского министра иностранных дел Вержена с тогдашним послом при нашем дворе маркизом Вераком, найденная им в бумагах секретаря посольства в Петербурге Кальяра, умершего здесь в 1807 году. Так как г. Монмерке намерен был напечатать любопытнейшую часть сей переписки в одном из исторических повременных изданий, то я и не домогался о приобретении рукописей покупкою. Недавно он доставил мне листы, содержащие сию переписку. Из депешей Вержена и Верака ясно видно, какое влияние имело министерство графа Панина на дела в Европе и каким уважением пользовалось оно в главных европейских кабинетах. Это была эпоха вооруженного неутралитета — система, созданная петербургским кабинетом для обуздания могущества Англии на морях. В этой переписке есть и другие предметы, на кои тог-

дашние дипломаты обращали внимание, например, виды на восток императрицы Екатерины II при рождении великого князя Константина Павловича; падение кредита графа Никиты Ивановича Панина при дворе, характеристика его управления министерством и преемника его графа Остермана; отъезд великого князя Павла Петровича и великой княгини Марии Федоровны из Царского Села в чужие края и пребывание их в Париже.

В "Bulletin de la Société de l'histoire de France"⁵⁷ напечатано несколько писем Верака и Вержена о России.

Я постараюсь, чтобы г. Монмерке показал мне и остальные бумаги, приобретенные им по смерти Кальяра, и если найду в них любопытные для русской истории акты, то употреблю все зависящие от меня средства для приобретения оных. Бумаги сии, не помещенные в «Исторический бюллетень», не имеют, может быть, довольно исторической важности для французских ученых, но для нас «и дым отечества приятен»⁵⁸.

ОТРЫВКИ ИЗ ЗАГРАНИЧНОЙ ПЕРЕПИСКИ

[1].

*[Июнь — июль 1835] Париж*⁵⁹

...Из кабинета чтения иду в Королевскую библиотеку, где я уже отыскал много любопытного для русского историка. Библиотекари — Шамполион-Фижак, Фориель, Парис — услужливы чрезвычайно. По каталогу рукописей я требую самые рукописи и замечаю все, что надобно будет переписать для пополнения моего собрания документов в русской истории. Лизо, министр просвещения, хотел предписать всем библиотекарям, чтобы они содействовали мне, а герцог Броглио обещал то же по архиву иностранных дел, и сегодня надеюсь видеть главного архивариуса, историка Минье, и архив его. Остальное утро или гуляю, или иду с визитами, то есть до обеда провожу утро часто у m-me Рекамье⁶⁰ с Шатобрианом, Баланшем и с другими авторами и людьми, учеными во всех родах; часто и у нашей С[вечиной], которой общество по-прежнему занимательно⁶¹. Иногда бываю в теат-

рах: хотел видеть французский старый театр с новыми пьесами и с новыми актерами; но видел ещё и m-lle Mars в новой пьесе⁶², а Лафона слышал у m-me Récamier, где он читал стихи на воздвижение в Реймсе памятника Корнелю⁶³. Он уже сошел с театра и целый год не заглядывал в него. Возобновил знакомство с Ламартином и встречаю у него толпу молодых и старых авторов, вижу и у гр. Ш[увалова]. Вчера слышал славную оперу и видел в ней горящий и пылающий Везувий — “La muette de Portici”⁶⁴. Танцы прелестны. Юлия и Альберт в танцах, а Nourrit и Damoreau в пении отличались. Французская музыка, однако ж, никогда мне не нравилась; оркестр превосходный. Раз присутствовал в Палате пэров при осуждении тех, которые подписали, или не подписали, как оказалось, оскорбительное для Палаты письмо к журналистам. Грустно было видеть в числе шалунов, собранных в низшем классе народа, и священника Ламене, одного из самых красноречивых писателей Франции⁶⁵. Заседание это было для меня примечательно по импровизации одного подсудимого Пакета. — Но всего занимательнее для меня богослужение в двух так называемых французских церквах; в одной служит называющий себя примасом-архиепископом Шатель, учредитель этой церкви, и проповедует против римской церкви; в другой, отщепенившийся от его церкви, священник, им же поставленный, Auzou, который, не отвергая римской церкви, хочет только служить обедню не на латинском, а на французском языке⁶⁶. Едва усидел я после обедни, которую он служил во всем священническом облачении, слушая его проповедь. Не было национальной слабости, порока, которого бы не похвалил в этой проповеди, двенадцать уже раз произнесенной, так называемый священник французской церкви. И церковь Шатель полна народу! Более двух тысяч слушателей! У Auzou менее, но и та проповедь не лучше: явно антихристианская и политическая. Более женщин, чем мужчин, в обеих церквах и из самого простого народа. Все жалче было видеть детей, девиц, слушающих не только вздор, но насмешки над нравственностью христианской и похвалы пороку, во всех видах его, слабостям, веселью, танцам, пляскам, пьянству. И архиерей, не признающий Христа Богом, в старинном архиерейском облачении, с посохом архиерейским. И какое стадо! Бабы толковало мне свой катехизис! Старухи более всего мне опротивели: их было легион. Везде натура и разум; напев из песен народных. И более двух тысяч в обширном подвале, с алтарем, украшенным бюстом Фенелона, картина-

ми из жизни Спасителя и трехцветными знаменами. Посреди церкви два бюста — Иисуса Христа в терновом венке и Наполеона! Я купил все регламенты, катехизисы и проповеди сих двух церквей и упрекал уже письменно Баланша и Шатобриана за то, что они не восстают против сих осквернений святыни. Несмотря, однако ж, на все эти отвратительные явления, должно сказать, что церкви здесь никогда не были так полны молящимися; что везде, особливо в юношестве, возникает сильно чувство религии; книг множество самых глубоких по сей части; я уже прочел две прекрасные. В самое воспитание проникает везде учение Христово, и один священник написал превосходно: *“Du Catholicisme — а для него католицизм христианство — dans l'éducation ou l'unique moyen de sauver la science et la société”*⁶⁷, все это приготовит иную генерацию для потомства, но — повторяю, — и теперь уже более религии во Франции, чем когда-либо было здесь.

Рекамье как будто постарела; но душа в ней не стареет, и сердце болит любовью ко всему прекрасному. Она всё в том же ещё аббатстве, все в той же комнате, где библиотека, кровать и шедевр Жерара⁶⁸. Недавно в своих двух комнатках дала она нам вечеринку, где я нашёл знаменитости Франции всякого рода: авторов, живописцев, экс-актёров, журналистов и старых аристократов: тут видел я Лерминье, Ste-Beuve, который печатал *la brochure-monstre*⁶⁹, Ламене, Ампера, который дал мне послание своё к отцу⁷⁰, актера Лафона с его живописцем — дочерью-красавицей. Он держится старой школы и важно, педантски судит романтическую. Опять заслушиваюсь и заглядываюсь в салонах St. Aulaire, Broglio, Guizot⁷¹. У двух последних вижу Тьера, Марк-Жирардена и министерских поклонников. Ламартина не хвалят за его расчетливую публикацию своего путешествия: 4-й том весь не его пера, а публика покупает Ламартина⁷². В книге его много прелестных описаний, много энтузиазма к святыням христианства, но мало истории, искусства, статистики; а говоря о Греции, и эти три предмета не были бы прозою! Для него человечество дело не большое: *“Dieu et la Nature: tout est dans ces mots”*⁷³. Он уехал весь и возвратился без дочери⁷⁴. Я не мог без досады читать стихов его на кончину дочери, вверенных, проданных книгопродавцу! Впрочем, Ламартин человек добрый, умный, просвещенный и религиозный.

Здесь нашёл я и старого лондонского моего приятеля Маколе, полувекового друга и сотрудника Вильберфорсу, друга негров, который посвятил всю жизнь свою на их освобождение и имел утешение

перед смертью, почти в последнюю минуту, видеть, что Англия жертвует 20 миллионов стерлингов, то есть 250 миллионов рублей, на вознаграждение помещиков за негров⁷⁵. — Он рассказал мне многое о последних минутах Вильберфорса. Умирая, он сказал: счастлив я, что народ английский смыл с себя это пятно. — Желание, цель всей его жизни достигнута им перед самой минутой бессмертия. Вильберфорс был всегда героем моего сердца, и я радовался всегда, видя портрет его в приемной князя Голицына. Я ещё слышал его, когда он ораторствовал, уже согбенный дряхлостью, но красноречиво, в библейских, в миссионерских и в филантропических обществах всякого рода — в Лондоне. — И здесь Маколе хлопочет по делам христианской благодети и прислал мне свои брошюры, в Париже изданные. Его сын оратор⁷⁶, посланный в Индию, написал на корабле биографию Вильберфорса. Вот деятельность, которой завидую: она в тишине кабинета и каюты, но разливает тихий и благотворный свет на оба полукружия, на белых и черных. Кстати, о полушариях земли: вчера водил меня академик и библиотекарь Жомар по географическому депо в здешней библиотеке и показал проект нового атласа Шуберта и первый атлас Российской империи, кажется, в 174... году изданный, с русским текстом⁷⁷. Тут же я видел редкие карты Китая; старинные чертежи Парижа; новое изобретение берлинца Куммера, en relief; шар земной, с двумя слоями: один для древней, другой для новой географии, изобретение Лудвига XVI для дофина, и познакомился с успехами лондонского и здешнего географического обществ. — Как ни весело встречать ученых и услужливых академиков, но все жаль бессмертного Кювье и его субботних собраний, в которых соединялись ученые, литераторы, просвещенные бродяги со всех концов земли⁷⁸. Я ещё не был у его вдовы, но видел уже прекрасный бюст его, поставленный в одном из углов новой залы института-академии, которой он был долго краеугольным камнем. Зала эта теперь обставлена только 4 бюстами (из них первый Кювье), двумя статуями учредителей и портретами славных мужей во всех родах. Я сидел перед Руссо, а надо мною носился дух законов — Монтескье⁷⁹.

Желал бы поговорить с вами о малых театрах, которые смешат меня. Я иногда захоживаю в них перед вечеринками Сен-Жерменского предместья. «Две кормилицы» видел я в новом для меня театре à Palais-Royal. — В серьезном роде видел только «Анжело» Гюго, где играла m-lle Mars и Дорваль. Я не воображал себе возможным романтизм на

французском театре. — Талант гибкий и всепостигающий m-lle Mars скрывал недостатки Югова стихотворения; «Анжело ou tyran Padou» заслужил превеселую пародию: «Cornaro — Tyran, pas doux de tout»⁸⁰, в этой пьесе смеются без умолку, но я ещё не успел собраться туда. Ви-дел и «Чаттертона»⁸¹ — сумасшедшего, влюбленного поэта на сцене, коего биографию я читал, кажется, в Бристоле, где и памятник ему.

Встретил пэра Вильмена, когда он шел из Палаты, судившей адвокатов и его собрата-писателя Ламене! Прошелся с ним с полчаса и болтал о его истории Григория VII⁸². Он собирается скоро издать её, но прежде издаст ещё один том лекций своих⁸³. В печати он, и по его собственному, добродушно-гордому признанию *de la lave refroidie*⁸⁴. Это сущая правда, испытанная моим журналом. Между тем как часовая же лекция Кювье или Гизо занимает в нем пять, шесть страниц, для Вильменевой и полстраницы много; а пока слушаешь — восхищаешься, часто дрожишь от восторга, и, кажется, все вспомнишь и перельешь на бумагу холодный кипяток Вильмена, но он разлетится в брызгах и только на минуту опьянит вас⁸⁵. Жирарден, Ампер, Фориель (последний также имеет адъюнкта) звали на лекции; но не мог ещё удосужиться. Ещё только обменялся карточками с Талейраном и в чужом салоне видел не потухшие глаза светильника Дино!⁸⁶

Вчера, поработав в отделении рукописей, сошел я в отделение Королевской библиотеки, где находятся древности этрусские, греческие и знаменитый зодиак и где один из библиотекарей, Рауль Рошет, читает археологические лекции. Вчера он говорил о древностях вавилонских и, к немалому моему удивлению, очень основательно, ясно и иногда даже увлекательно. Публика многочисленна: даже дамы слушали профессора со вниманием, особенно, когда он изъяснял характер вавилонской архитектуры, из самого св. писания известный. Величие вавилонских зданий поразило даже врагов Вавилона, писателей библейских и путешественников, какой, например Геродот. *Quand on lit l'Ecriture, l'idée du gigantesque se joint toujours au nom de Babylone, même dans les anathèmes des prophètes. Voyez Jérémie*⁸⁷. И все сии здания были из кирпича! Кирпичи покрыты и по сию пору, в некоторых остатках, надписями. Эти письмена, сокрытые от глаз народа, не характерическая ли эмблема всего хода или, лучше всего, окаменения тогдашнего просвещения? На обломках, хранящихся в лондонском музее, я видел краски, чрезвычайно свежие: это как будто бы одно тело. Рауль Рошет показал нам персидскую печать, найденную в Марафоне.

На этой лекции встретил я графа Б[рольо], мужа нашей московской графини, которого я встречал в прошедшем столетии на лекции П. И. Страхова, за семь лет пред этим — у Вильмена, Кювье, Гизо: где-то опять встретимся в будущем столетии⁸⁸?

Русских здесь мало. Из дипломатов видел только кн. М[ещерского] и гр. Ш[увалова], занимающегося стихами и прозой и меценатством молодых писателей⁸⁹.

Сейчас я видел Mignet-историка⁹⁰. Он теперь начальник Архива иностранных дел, и герцог Броглио, министр, уже говорил ему обо мне. Он обещал приготовить для меня дела и документы по сношениям Франции с Россией, и особенно в царствование Петра I: ибо у него только новейшие дела, начиная à peu près с Ришелье, которому Франция обязана первым устройством иностранного архива; только с Лудвига XIV велено и начали хранить в Государственном архиве акты: прежде дела разбирались по частным архивам и теми же самыми лицами, которые участвовали в тех делах. Я надеюсь найти в этих делах много неизвестного. Минье издает теперь, и первые два тома уже печатаются — о войне за наследство при Лудвиге XIV. — Он подарил мне отрывок, читанный им в Академии, о Лютере. Есть ещё архив, зависящий от министра внутренних дел, надеюсь и туда положить дорогу.

Вчера видел я на французском театре «Магомета» и «Нанину» Вольтера же. Первого играл хорошо Бовале и напоминал иногда Тальму, но слабо; но Элеонора в Пальмире более привлекала прелестным миленьким личиком, чем игрою; в глазах был огонь, но силы в последнем акте, в укоризнах злодею Магомету, менее было, чем искусства. В Нанине — нравилась одна Нанина, m-lle Plessy своею невинностью и красотой и Вольтер. Французский театр теперь *magni nominis umbra*⁹¹, но все ещё охотники до хорошего не оставляют его. Из театра прошелся по освещенным галереям и аллеям Пале-Рояля. На другом конце его, в новом театре, давали 4 пьесы, и я мог бы ещё застать две последние, но опасался заснуть в Понтинских болотах (les Marais Pontins), а вы знаете, что в них и дремать опасно.

Сегодня встретил Сент-Бева (Ste-Beuve) в библиотеке, он собирает там материалы для истории du Port-Royal⁹², которую хочет украсить особенно философическими портретами тех, которые означили бытием своим характер 17 века. В портретах будет вся история, а богословие будет занимать в ней главное место. Из библиотеки зашел

я к живописцу Горацию Верне, он живет в квартале славы и талантов — в соседстве m-lle Mars, Арно, Тальма, Марета и др. Я застал его за работой: он пишет три картины вдруг и надеется кончить их к маю 1836 года, когда собирается в Петербург. Одна из картин — Наполеон на Ваграмском побоище. Я осмотрел его рабочую. Портреты лучше исторических картин, а между портретами — Луизы, его милой и умной дочери, которая также вышла недавно за живописца Лароша. Я приходил наведываться о её приезде: она на днях сюда будет, и, надеюсь, привезёт мне весть о семействе В[яземского].

Заехал к Свечиной: там нашёл m-me Récamier с другой приятельницей и с ними Баланша и Ампера; они пригласили меня с собой в Concert-Muzard, который обыкновенно бывает aux Champs-Élysées, а в сомнительную погоду rue St. Honoré, в моем соседстве; но я дал слово Лизо быть у него, на его министерском рауте и, побывав у него, явился и в концерт, провёл в милом обществе с час, болтал, слушая музыку; толпы сидели и бродили вокруг нас в огромной зале, где прежде Шатель служил свою безбожную обедню.

Поутру, когда я ещё хлопотал с Фроже и примеривал фрак с его шитьем на обшлагах, зашел ко мне английский филантроп Маколе, и я провёл с ним наставительный для меня час. Он печатает здесь брошюру о невольничестве в колониях французских. Вообразите себе, что законы Лудвига XIV там не отменены, и негры подвергаются часто ужасным истязаниям. Здесь этого не знают, а если некоторые и знают, то равнодушны к этому делу. Министр морских сил, от которого зависят колонии, сам из колонистов и имеет плантации в колониях...

[2].

[Август, 1835] Лондон

Здесь нечего делать для истории. Польза от пребывания в Англии только для моей головы, освежаемой ежедневно чтением, наблюдением, сближением с Лансдовном, Брумом (Brougham) и возобновлением тех впечатлений, которые за пять лет перед этим продолжительным пребыванием в Лондоне, в Англии и в Шотландии тогда было укоренились, но теперь начали уже изглаживаться в душе и характере⁹³.

Мы иногда с тобой встречались в мыслях: ты советуешь собрать все дипломатические сношения с Россией Франции и Англии, но что же другое делал я в Париже, в последнее время, как не рылся в архивах⁹⁴? Я видел все источники, заметил многие из 13 фолиантов, сделал краткие выписки; Петра I узнал коротко, несмотря на то, что портреты его писаны не русскими. Но вот беда: дюк Брольи, президент министров и сам министр иностранных дел, по личной доверенности ко мне, позволил мне и предписал историку-архивариусу Минье давать мне все оригинальные дипломатические бумаги до времен Петра I; вероятно, не откажут и в следующих царствованиях, по крайней мере — до новых времен, где начинается государственная тайна и кончится история, возможная только для времен, давно прошедших. Я ходил туда ежедневно и читал более, нежели выписывал, хотя и выписок увез с собой довольно; но я могу быть историческим крохобором, сборником, указателем, выбирателем примечательнейшего, а не переписчиком, не только потому, что сил и времени не достанет, но и от того, что с некоторого времени, от простуды зимою в дороге и от римских жаров, мои глаза так испортились, что мелкое мне читать уже трудно, а ввечеру и невозможно, без сильного, вредного для глаз напряжения. Другого же, кроме меня, не пустят в архив. Я уже намекал о копийисте, но отклонили, потому что я работаю в одной из комнат архива вместе с другими, где лежат другие дела, кроме бумаг, мне доверяемых: как же требовать, хлопотать о сотруднике?

Маркиз Лансдовн, ныне председатель министерского совета и главный leader в теперешнем министерстве, всегда мне особенно благоприятствовал. Ты знаешь, что странный и не любивший его отец, известный своею расточительностью на книги и рукописи, дававший пристанище в Bowood (дача верст за 80 отсюда) всем славным людям его времени, особенно эмигрантам, каков Талейран в начале революции, и проч., продал при жизни своей всю свою библиотеку и редкое, единственное собрание рукописей в Британский музей (и срубил вековые деревья в своей даче, дабы ни то, ни другое не досталось сыну-наследнику), и эти рукописи и редкие книги и по сию пору составляют главное богатство в этом роде музея Британского. Король Георг III и парламент напечатали на счет казны огромный и многотомный каталог библиотеки и рукописям Лансдовна. Передо мною "Catalogue of the Lansdowns manuscripts in the British Museum. 1819, in folio"⁹⁵.

Как скоро Лансдовн узнал, что я сюда приехал, то, несмотря на свои необъятные для обыкновенного ума теперешние занятия (теперь дело идет об устройстве муниципальном всех городов и местечек в Англии, где веками вкрались неимоверные злоупотребления)⁹⁶, он пригласил меня поутру — поболтать с ним и тут же предложил мне свой каталог на все время моей здесь жизни. Со вчерашнего вечера я и просмотрел его; нашел множество бумаг, до России относящихся, выписал каждый номер и содержание его; но, сравнив эти оглавления с теми, которые я получил через Востокова из Румянцевского музея, увидел, что в 1817 году канцлер наш все это уже выписал отсюда, со многими другими русскими рукописями. Конечно, в лансдовнском каталоге нашел я номера, которых не вижу в румянцевском, но таких немного; может быть, и ещё найдутся, ибо я намерен, при досуге, сам сходить в музей и сравнить выписки петербургские с каталогом Лансдовна и с самим оригиналом. — Сверх того, посол наш, гр. С[емен] Р[оманович] В[оронцов], по желанию брата своего, гр. А[лександра] Р[омановича], списал здесь все дипломатические акты по сношениям России с Англиею. Я видел этот гигантский фолиант, в аршин, если не более, мелким письмом, у гр. М. С. В[оронцова]; поэтому и тут мне нечего делать в Лондоне. — Но так как я нашел в каталоге много бумаг, до торговли вообще и именно до Русской компании относящихся, то я просмотрю их и сличу с каталогом подобных бумаг у Румянцева.

Завтра, в 9 часов утра, я завтракаю с экс-канцлером Брумом, но о политике речи не будет; мы будем говорить о метафизике и о человеке вообще: он пишет теперь сочинения, где коснется всего человека; я обещал ему познакомить его с Шубертовой «Историей души»⁹⁷. У меня второе, т. е. последнее, издание. В нём обо всём; о вселенной и кой ещё о чём. Опишу вам после Брума, кабинет его, деятельность всеобъемлющую и талант всесокрушающий, но и на все действующий — день Брума был бы для иного бессмертием. В первый раз пришёл я к нему в 9^{1/2} часов утра; а в 4 только что кончились парламентские прения, в которых он главною опорою министерства. Здесь теперь все так заняты, что я более читаю и брожу по улицам Лондона и города, city, чем по гостям. Видел празднество Нельсоновой победы в Гриниче, и короля на яхте, по Темзе плывущего, окруженного на несколько миль тысячами лодок, кораблей, пароходов⁹⁸, прежняя Венеция и сочетание дождя с морем⁹⁹ живо мне представилась в этом великолепном, единственном зрелище! Осматриваю книжные лавки

и магазины всякого рода. Видел уже доки, в них отражается всё торговое могущество Англии — возьми свою котомку и плыви во все части, во все уголки света, «где только ветры могут дуть!». О книгах после: много примечательного об истории, о религии и о педагогии.

Вчера осматривал я Британский музей, где хранятся рукописи ландовнские, и получил позволение работать там от 10-го до 4 ежедневно. Музей с 1831 года, когда я в последний раз его видел, получил новые приращения, как в самом здании, так и книгах, рукописях и особенно в древностях. Новая великолепная зала, сияющая бронзою, отделана для помещения многотомной библиотеки Георга IV. Несколько зал, хорошо освещенных, построены для египетских древностей и для нового помещения эльгинских и других мраморов греческих и римских. Это не Ватикан, и даже не Мюнхен, но много прекрасного и — единственного! К последней категории принадлежат мраморы, обломки статуй и барельефов, привезенных из Греции лордом Эльгином. Не быв ещё в Италии, когда для меня, варвара-вандала, мрамор был только камнем, я в первый раз поражен был красотой и жизнью этих греческих, фидиасовых обломков: с тех пор ничто ни в Италии, ни в других музеях мне так живо жизнь не изображало¹⁰⁰! Я подошёл прямо к обломку одной статуи, без головы, которую выдают за Ирису: она, говорят, дочь Океана и бежит по мановению Юноны возвестить богам рождение Минервы. Она точно бежит, хотя и с обломанными ногами, и без головы: вы видите движение в платье, и вы угадываете сквозь это платье движение ног! Я старался передать впечатление этого искусства, этих красот одному молодому русскому, который знакомится с Англиею.

В новом здании кабинета натуральной истории вместе с портретами ученых испытателей природы — портреты и гении царственной мудрости: против Петра I Лудовик XIV, а подле них польский король Станислав Август и Карл XII. — Шекспир в costume своего времени и во весь рост встречает вас в преддверии Музея британского, за ним сибирский медведь, а в центре всего здания обгорелая Великая хартия¹⁰¹.

Из музея проехали мы в Лондонский университет, где теперь ваканция. По рекомендации Брума меня везде выводили, снабдили 20 брошюрами о лекциях университетских и уставами. Несмотря на покровительство вигов, университет ещё не процветает и с медицинского школою имеет не более 800 студентов! По населению Лондона — это

очень немного. Аристократ, сколько ни чувствует превосходства и пользы универсальности этого университета, все ещё посылает детей своих туда, где учились отцы и деда их, — в Кембридж и Оксфорд, где образовались Питты¹⁰². При университете устроена школа, род пригготовительной гимназии, какая была при нашем Московском до преобразований в 1801 и далее до 1812 года¹⁰³. Это училище весьма полезно, необходимо, особливо в Лондоне, где мало такого рода заведений. Для медицинского факультета, перед самым огромным зданием университетским, гошпиталь для бедных, где медицинские студенты соединяют теорию с практикой.

Из университета проехали мы в другую часть города, в народное, приходское училище, устроенное по методу Беля, недавно умершего, которого я знал ещё здесь в 1831 году. Учитель показал мне всю методику свою¹⁰⁴, экзаменовал мальчишек в Евангелии, и я, как некогда в Эдинбурге, не мог нарадоваться успехами в добром, христианском учении и по прекрасной методу этого бедного класса детей. Они не только 7, 8, 9 и 10 лет хорошо читают и понимают Евангелие, но объясняют слова, смысл его самым вразумительным образом, и ясно видно было, что они знакомы с Св[ященным] писанием не только памятью, но и разумением: «им не мешают приходить» к тому, кто не ставит под спудом светильника.

Как вам описать завтрак у Брума? Я провёл с ним полтора часа, и разговор самый интересный ни на минуту не прерывался. Тут был и молодой Тиводо, сын автора. Сначала, разумеется, разговор был о происшествиях Франции¹⁰⁵, но я перевел его на литературу, и Брум перебрал многих и многое, говоря очень легко и свободно по-французски и оживляя мысли анекдотами и характеристикою авторов и людей, так называемых государственных. Говоря о г-же Сталь, которую он знал в 1814 году в Лондоне, Брум сказал своё мнение о писателях в отношении только к слогу: Сталь, Шатобриана, “La Confession” de Rousseau¹⁰⁶ и — угадайте? — «Достопамятнейший год в моей жизни» Коцебу ставит он в категорию первых талантов по слогу!¹⁰⁷ Я не мог не возразить ему, хотя надобно было удушить немца! Он знал Сиеса и рассказал нам характерические слова его. После июльской революции предлагали Сиесу быть членом нравственно-политического отделения института, которого он был прежде членом. «Но я был и пэр Франции! — возразил он, — почему же не возратить мне всё?» И после, призадумавшись, прибавил: “Non, je ne suis plus bon à rien,

je ne sais plus parler, — et je ne sais pas aussi me taire!”¹⁰⁸ — Очень много трунил Брум над новейшими знаменитостями Франции. Лафит, например, говоря с Брумом, сравнивал себя то с Фоксом, то с <пропуск>. Брум издал, и во всех окнах книжных лавок видите вы, книгу о естественной религии; она служит и комментарием на книгу, которая была основанием всей нравственной догматики в Англии Paley¹⁰⁹. — Приметно, что Бруму хочется не одним названием канцлера напомнить собою Бакона. Бакон был выше Брума в сфере наук, но для народа, для масс Англии и для движения интеллектуального в нижних сферах — Брум едва ли не выше его?

В кабинете и в салоне его я нашёл приятный беспорядок: и на столах и под столом книги, подносимые от авторов здешних и континентальных; но выбор собственных замечателен. Я заметил многие. В салоне, где мы завтракали, два или три бюста; портрет Вашингтона, подаренный ему его племянником, Брума уверял он, что это единственно сходный; Джеффри, первого издателя “Edinburgh Review” и наследника его, в должности of the Lord-Advocat of Scotland¹¹⁰ Георгия Мурра, которому я обязан и знакомством Джеффри и лучшими днями в Эдинбурге. Редкий хлебосол и умный шотландец! С ними и милая Гризи! «Вы, конечно, её знаете, — сказал Брум, — и восхищались ею. Полюбуйтесь теперь хоть в портрете!» — “Comment déjeunez-vous, — спросил меня Брум, — certainement à la fourchette française?” — “Comme vous voudrez” — отвечал я. — “Vous aurez une omelette”¹¹¹, — и была яичница, только не глазунья! Чем-то угостит он меня завтра на академическом обеде?

Экс-министр Карла X Канель помешал мне сейчас фанфаронить с вами о Бруме, но я многое узнал и от этого выходца. Он был при Наполеоне префектом в Женеве и хлопотал за m-me Stahl, но без успеха. Он уговорил её поподличать перед Наполеоном и обещать Наполеону талант свой в пользу его славы. Она написала из швейцарской ссылки письмо к грозному владыке, но в это время Шатобриан сказал свою речь в Институте, рассердил ею Наполеона, который в гневе своем смешал его фразы с гермафродическим талантом m-me Stahl¹¹² и отвечал Канеле так, что тот едва не подал в отставку за обидный ответ ему на ходатайство за Сталь. Здесь вышла ещё любопытная книга в 2 частях: биографические записки Sir James Makintosh, они вроде Босвелевых о Джонсоне¹¹³. — Сын Макинтоша, лорд Голанд, Джеффри, Сидней Смит и, наконец, сам Макинтош рассказывают жизнь его, его

слова, его путешествия в Индии и в Париже, где он знал все знаменитости своего времени; ум резкий и философический, начитанность немецкая, встреча со всей Европой и в разные эпохи, стычки с Бурком за французскую революцию и со всеми славными Тори, наконец, сочинения его, написанные, начатые и задуманные, — все это предмет его биографии. Анекдоты о его знакомстве и приятелях — m-me Stahl, Талейране, Лафайете и множестве других, с характеристикой каждого — вот богатая котомка для журнала! Джонсон в Босвелле интересен также разными и знаменитыми индивидуальностями, анекдотами, портретами лиц его века; но Джонсон — уже в истории. Джонсон лексикограф, хотя, как лексикон, и он всего коснулся в жизни и в книгах: Макинтош принадлежит нашему времени.

Книга его заключает интерес современный. Я мало знаю людей, которые в такой высокой степени соединяли бы в себе разнородные цивилизации, немецкую, английскую и французскую, как Макинтош. Он ничего не оканчивал; он любил, прежде всего, пожить, но он сознавал в себе силу за все браться, и английская история была постоянною мыслию, если не постоянным занятием всей его жизни. От него осталось два тома и несколько отрывков об эпохе этой истории, которая занимала его особенно. Никто не изучивал средних веков так, как он, и если Галлам глубже знал политическую часть этого времени, то Макинтош лучше понимал часть литературную и философскую. Бывши сперва медиком и имев намерение ехать в Россию искать счастья, он с жаром занялся потом отцами церкви, и при первом моем его посещении, в первый день святой недели, в 1828 году, целые 4 ¹/₂ часа он и говорил только что об их заслугах в ученом и богословском отношении. Я слышал потом речи его в защиту негров и о парламентской реформе. Мы были вместе у Галлама, где он спорил с Брумом о заслугах Бакона и сравнивал книгу Гершеля-сына с «Органоном»¹¹⁴. Между ним и Мюллером есть заметное сходство в том, что оба они много предполагали, оба подавали самые основательные, обширные надежды, которых ни тот, ни другой не выполнили. Прочтите биографию молодости Мюллера в письмах его к Бонстетеню и сличите то, что он сделал, с тем, что он мог бы сделать: то же вы встретите в действительной жизни и в надеждах Макинтоша.

В воскресенье мы гуляли в Кенгштоновом и в Гайд-парках. Какая унылая великолепная прелесть! Я смотрел на эти тени в полях Елисейских, на красавиц неоживленных, на роскошь экипажей и на не-

обозримость парков, на мрачный памятник Веллингтону и думал — о Пресненских прудах... Товарищ мой вторил мечтам моим чтением стихов гр. Р[остопчино]й. Право, не худо, по крайней мере, она угадала мое сердце, в эту минуту тоскою по отчизне настроенное. Из парков поехали мы в Victoria-Road смотреть первый воздушный корабль, the first aerial ship называемый, и по праву, the Eagle — орел. На обширном дворе лежит одна половина, верхняя, надутого овала, во 160 футов длины, 50 вышины и 40 ширины. Он управляется поддельными крыльями, которыми опять управляют 17 воздушных матросов. Назначение его летать между Лондоном и Парижем; но он не начнет свою перелетную почту прежде, пока не испытает сил своих в окрестностях Лондона. Первый опыт его с Монмартра был не весьма удачен. Француз, объяснявший мне систему его построения, был тогда одним из воздушных пассажиров, между ними была и дама. Что сказал бы Гораций об этом корабле? Мы осмотрели каюту для пассажиров; уже два охотника явились для нового опыта. По сторонам каюты для пассажиров — места для съестных и других припасов. Добрый путь! — сказал я француз. Вы перемените систему мира общественного, образ вести войну, будете парить над городами, опускаться на крепости и на армию огонь небесный. Куда поведет такое изобретение? — К миру, как и всякий успех в науках. — Дай бог! И «ветер» к великому средство.

Я четвертый раз в Англии¹¹⁵, и в каждый мой приезд совершалась какая-нибудь великая перемена в государственном быту Англии: в 1825 году — test act, первый шаг к последующим общественным изменениям, в 1828 — эмансипация католиков; в 1831 — реформа, в 1835 — corporations-act¹¹⁶. Это, конечно, не французские революции, но анг-лийские эволюции, одна из другой необходимо возникающие, без шума парламентского, без разрушения церквей и древностей, с разбитием только стекол у закоснелых тори, без кровопролития, кроме пролитой крови кулачными бойцами, которых нанимают кандидаты избрания в разных партиях: вот что делает неколебимость Англии. Она привыкла к постепенному развитию и к исправлению своих государственных постановлений и привыкает к этому постепенному, законному ходу с каждым годом более и более. На днях были прения в парламенте о существенном изменении всего муниципального порядка во всем государстве — и на улицах тихо. Поутру народ узнает мысли вслух своих правителей, судит их, бурлит в клобах и шинках и

принимается за своё дело или дремлет за кружкою черного портера: все в порядке!

[Сентябрь, 1835] Париж

Посылаю один экземпляр академических листов¹¹⁷ для «Наблюдателя» — в них многое и нам понравится, и другой экземпляр этих же листов оставляю до будущего случая для кн. В[яземского]. Поэзия не так замечательна, кроме стихов Биньяна, в честь Кювье. В них есть и промахи, например, на стр. 5.

Après le dur granit et le schiste cuivréux
Recèlent des poissons les squelettes pierreux¹¹⁸.

И поэту непозволительно не знать, что в граните, находящемся в горах, так называемых первобытных, вместе с миром созданных, нет окаменелостей и что окаменелости — рыбы, растения и проч. — находятся только во второклассных, известковых горах, переворотами, изменениями земли созданных и вмещающих в себе разрушенные остатки из других царств природы. Ce ne sont que les montagnes calcaires qui sont les véritables mesées du monde primitif, c. à d., anti-déluvien¹¹⁹. — Гумбольдт, слушая эти стихи, заметил что-то и против первых начал астрономии. Впрочем, много и прекрасных стихов. В стихах Лебрена, в другой академии читанных, — “Strophes faites en mer”¹²⁰ есть хорошие строфы; но это море несколько холодно. Лучшее во всех брошюрах — после подвигов благодати и христианской добродетели, награжденных Монтионовым завещанием¹²¹, речь Вильменя. Много блестящих выражений, фраз вильменевских. — Но, повторяю, хроника добродетели имеет какую-то особенную прелесть, и эта проза лучше всех стихов. К одному экземпляру приложил я и портрет Вильменя. В числе дюжины других портретов, посылаемых для И. С. Ар[жевитинова], нет ни одного несходного. Я отобрал только les illustrations du jour¹²², которых лично знаю. Двух портретов из полной коллекции не мог уже найти: Шатобриана и Ламене. Ламене раскуплен по поводу процесса-monstre¹²³ и последней брошюры, т. е. предисловия к Боецию¹²⁴. Талант его, кажется, слабеет, нет прежней силы, прежнего убеждения, conviction; тексты, которые он приводит в своем 57-страничном предисловии из Боеция, гораздо красноре-

чивее и сильнее простотою выражений всех его полемических выходов. — Литература богатеет предисловиями. На днях вышла первая часть биографических записок m-me Lebun, — старухи-живописца, которая теперь в дряхлой руке своей держит и кисть и перо. M-me Récamier хвалила книгу её comme rempli de bienveillance¹²⁵. Во второй части будет жизнь её в России¹²⁶. Сказывают, что много любопытных, хотя и неважных подробностей; как скоро эта часть выйдет, пришлю её кн. А. Н. [Голицыну]: он должен помнить это время. — Забыл упомянуть и о “Mémoire de Bignon sur la conciliation progressive de la morale et de la politique”¹²⁷. Ему хочется соединить законы строгой нравственности с управлением политическими делами в сношениях между государствами. Долгая дипломатическая деятельность не мешает ему быть мечтателем. И ему-то Наполеон, с Сент-Эленского утёса, завещал написать историю дипломатических сношений в последние 40 лет; но в этой диссертации он искал примеров более в древней истории и в средних веках, чем в новейшей¹²⁸. Биньон делается настоящим анти-Макиавелем в правилах своей христианской политики.

ПАРИЖ (ХРОНИКА РУССКОГО)

1836 марта 21¹²⁹. Проживу здесь ещё недели с три или с четыре, ибо необходимо кончить переписку в архиве королевском бумаг весьма интересных и привести все в порядок с помощью одного ученого бедного немца, который делает теперь реестры моим приобретениям в Париже и пересматривает списки. У меня времени на это не станет, а он кормит и себя и семейство этим трудом.

Мне самому хотелось бы выехать поскорее. У нас весна, т. е. тепло как летом, и меня уже позывает в даль, но в даль родную: хочется опять подышать родным воздухом и попастьись на степях Заволжских. Между ними и Парижем — Дрезден, Веймар, Берлин, Лейпциг и — Москва! А в ней ожидает меня новый исторический труд: сравнение копий здешних актов с теми, кои, надеюсь, позволят пересмотреть в Московском архиве.

Скажи К[озлову], что С[вечиной] передал уже его благодарность, а Шатобриана увижу сегодня и прочту ему его строки¹³⁰. Между тем вот вам верные вести о Шатобриане, успокоительные для тех, которые принимают в нем участие. Он продал часть своих биографических

записок обществу, составившемуся (большую частью из легитимистов) для приобретения оных¹³¹, на следующем основании: «Шатобриан обязывается выдать отныне в четыре года: 1) 4 тома о Веронском конгрессе и о войне испанской (переписка его с Канингом составляет почти целую книгу)¹³²; 2) обещает, сверх того, 12 томов записок своих, из которых шесть уже готовы и находятся у нотариуса. Книгопродавец с своей стороны обязывается выдать Шатобриану: 1) 157.000 франков наличными, 2) выдавать по 12.000 франков ежегодно в течение четырех лет и 3) по истечении четырех лет 25.000 франков пожизненного ежегодного дохода, которые будут уплачиваться и жене его по смерти её». М-me Récamier и гр. St.-Pr[jest] подтвердили мне эту сделку. Последний участвует в ней на 48-ю часть и полагает ещё быть со временем в значительном выигрыше. Лучшее в этом то, что будущее жены Шатобриана обеспечено. Он, вероятно, не уплатит всего долга своего 157.000 франками, а 12.000 ежегодно в течение 4 лет для него недостаточно, следовательно, он снова надеется долгов, бросая деньги как пыль. (Ему случилось однажды продать карету, чтоб дать обед десяти приятелям.) Гр. St.-P[riest] сказывал мне, что тот же книжный откупщик предлагал ему 150.000 (!) за Мильгона и Историю английской словесности, рассрочивая платеж на несколько сроков; Шатобриан задумался: пришёл Лавока с 36.000 франков чистоганом, и Шатобриан отдал ему труд свой за эту сумму¹³³! В этом отношении он вроде Ж[уковского], с тою разницею, что он не шарлатанит и не делает расчетов за год вперед своим расходам, в белых разграфованных тетрадках красными чернилами; но в семействе и здешнего поэта «нет сирот!» Он и жена его презирают их в хорошо устроенной обители¹³⁴, как наш везде, от Белева до Дерпта. (Сироты Шатобриана старухи.)

Я уже писал вам, что я еженедельно бываю у трёх проповедников, недавно прибавил четвертого, Dupanloup, издателя «Фенелона для светских людей»¹³⁵ с прекрасным предисловием, который проповедует в St. Roch (приход Тюльерийского дворца, за упразднением de l'Auxerois)¹³⁶. Трое из 4 проповедников, коих обыкновенно слышу, восставали против Ламартина¹³⁷, каждый по-своему: иезуит Равиньян, Лакордер в одной, но сильной фразе, а Dupanloup сказал примечательную проповедь против врагов и друзей религии. Последних почитает опаснее первых, и в сем числе Пюго, коего означил падающими осенними листьями (les feuilles d'automne)¹³⁸, Ламартин и про-

чие пантеисты. И в других церквах восстали на него; один аббат Кёр (который вчера устроил нас адом и вечными муками, так что я не на шутку призадумался) ни слова не сказал против своего приятеля-поэта и осуждает собратий своих за их рвение «не по разуму». Зато Ресегье в стихах, а Aimé Martin в прозе называют Ламартина, как Платона, божественным! — В салонах, как и церквах, те же распри; в числе защитников — Шатобриан и m-me Récamier, кои не требуют от поэта строгого православия¹³⁹. “Le national” объявил его прямо пантеистом, утверждая, что он никогда иным не был. По моему мнению, Ламартин, как и другие-прочие, сам себе ещё точного и определительного отчёта отдать не может в своем катехизисе; он, вероятно, почитает себя с такою же основательностью строгим католиком, как и глубоким политиком, а он просто — поэт. В нём ни православия, ни тонкой политики искать не должно, а одной поэзии. И пантеизм его случайный, поэтический: он видит бога в натуре — и боготворит её, как видимую, осязаемую поэзию.

И что в Спинозы он попал,
Нечаянно случилось!

Вольно же легитимистам и ультракатоликам считать на него, как на каменную гору роялизма и православия: от одних юркнул он в камеру¹⁴⁰, где в некоторых речах его видны здравые начала политической экономии и ум государственный, от других — в мечеть и кувыркается перед Магометом, с коим он очень сдружился во время путешествия своего по святым местам!¹⁴¹ Не знаю, доходят ли до него все толки салонов и церквей. По субботам у него литературный раут, и я беседую иногда с милой, увядающей от тоски по дочери¹⁴², женой его: она, кажется, не совсем спокойна насчет православия мужа, ибо для неё «грех не безделица»*. — Кстати о грехе и о вечных муках: вчера, в воскресенье, из Notre-Dame, от Лакордера, зашел я к Успенью слушать Кёра и увлёк с собою моего бывшего библейского сослуживца¹⁴³. Церковь была полна по обыкновению, и мы нашли место только у подножия алтаря. Осмотревшись, я нашел себя в кругу, примечательном по разномыслию. Перед одною и тою же

* См. брошюру под сим названием, изданную незабвенным М. И. Невзоровым. — *Примеч. А. И. Тургенева.*

кафедрою, с одной стороны, были палингенезист Баланш¹⁴⁴ с примесью пантеизма; Mignet, историк революции и глобист¹⁴⁵, ныне надевающий ливрею Людовика XIV и почитатель века его; строгий галликанский католик и либерал граф Керголай, племянник известного ультрароялиста; с другой стороны — Росси, итальянский либерал и католик-профессор, но в духе XIX века; барон Экштейн¹⁴⁶, католик с примесью глубокого германского мистицизма; писатель примечательный Марк Жиарден, проповедующий с кафедры и в “*Débats*” sur les tendances religieuses de notre siècle¹⁴⁷. Во всем этом N.N. ex omnibus aliquis¹⁴⁸! И всех нас поражал проповедник громом слова своего и неизбежностью угроз божиих, доказывал необходимость такого страха для обуздания, для воспитания народов и единиц (индивидуумов). Молчание было глубокое, внимание непрерывное; проповедь продолжалась полтора часа.

В пятницу слышал я другой раз Dupanloup, в присутствии королевы и дочерей её¹⁴⁹. Декламации было более, нежели идей и чувства, но иногда проповедник возносился до крайних пределов духовного мира. Тем смешнее был приходский священник de St. Roch, который после него взошел на ту же кафедру напомнить о посте и молитве субботней, и рекомендовать тем, кои захотят рано прийти в церковь, запастись шоколадными дощечками! Я не умел скрыть смеха к соблазну благочестивых. Все сие движение парижской набожности найдете вы в “*Dominicale*” и в “*Univers Religieux*”¹⁵⁰. В них же и проповеди Лакордера. “*Dominicale*” пересмотрите сами для проповедей Лакордера и для других статей, в коих может быть Пушкин найдет покормку и для своей Review-котомки¹⁵¹. Сверх того, пошлю вам для прочтения «Акты Исторического конгресса», коих по сию пору вышел первый том; скоро выйдет и второй¹⁵². Я был раз на этом конгрессе, где мнимый казак читал рассуждение о казацкой литературе и выхвалял мнения своих так называемых соотечественников. В «Актах» есть статьи, довольно любопытные и хорошо написанные. Не худо бы объяснить неказакам, что казаки — не хозары и что хозары не славяне, и что Баян не казацкий Гомер¹⁵³. Впрочем, и в этих статьях не без исторической истины. О книге, продиктованной Маршану Наполеоном, можно сказать: это живая грамота бессмертного¹⁵⁴.

Вечер. Я провёл сего дня часа полтора у M-me Récamier и передал ей и Шатобриану всё, что писал ко мне об них Козлов¹⁵⁵. В салоне Рекамье встретил я опять Токевиля, коему недавно в нравственном отделе-

нии Института предпочли Лукаса, тюремного филантропа¹⁵⁶. Если бы не нелюбимый Кузень предлагал первого, то, вероятно, перевес был бы на стороне Токевиля, всеми уважаемого; но Кузень произвольно взял его под своё покровительство — и повредил ему. Он много говорил об Америке, где недавно умерла будто бы кормилица Вашингтона: по расчетам оказалось, что кормилица эта могла быть разве только его молочною сестрою. В другом американском царстве умерла стошестидесятилетняя старуха! Если ей и прибавили несколько десятков, то все-таки она была старше того государства, где скончалась.

Третьего дня был в домашнем театре Юлия Кастеляна, где герцогиня d'Abrantès играла Сильвию, а m-me Lafont, по Петербургу и по смычку мужа вам известная¹⁵⁷, Лизетту в "Les Jeux d'amour et du hazard"¹⁵⁸. Старуха d'Abrantès играла хорошо, но жалка своими претензиями на молодость: она старше своих записок¹⁵⁹. У m-me Lafont, по крайней мере, не погасли ещё чёрные глаза и в стане есть необходимая для горничной вострушки гибкость. Я не дослушал первой пьесы и сожалею, что не видал бывшей miss Smithson в 4-й сцене IV акта «Гамлета», который вам посылаю. Сказывают, что она играла прекрасно: а в Лондоне она никогда не нравилась! "Une soirée chez m-me Geoffrin"¹⁶⁰ написан герцогинею d'Abrantès в отмщение врагам Пюго, не избравшим его в Академию¹⁶¹. Весь XVIII век на сцене и хватает до XVII. Сама d'Abrantès играла m-me Geoffrin. Вот вам и афишка. Пьеса плохая, как слышно. Я спешил на другие вечеринки, где не нашел того, чего искал. Спектакль Кастеляна в большой моде, и добиваются билетов, как будто бы нет 12 вольных театров, каждый вечер открытых!

И Бальзак¹⁶² видит в Ламартине отступника; он сказал мне: "Il a pris le rôle de Chatel"¹⁶³ (архиепископ французской церкви, оставивший католическую, в которой был попом)¹⁶⁴. "Le National" говорит без обиняков: "M. de Lamartine est panthéiste comme la génération, à laquelle il appartient"¹⁶⁵. Тот же журнал отметил некоторые небрежности в стихах «Жослена» и сделал несколько дельных замечаний на всю поэму. Впрочем, есть и справедливая похвала, например: "M. de Lamartine a donné une nouvelle vie à la poésie française; il l'a rajeunie et enrichie. Il a trouvé une expression harmonieuse à cette grande mélancolie philosophique et religieuse qui travaille notre génération. Maître de la lanque, il l'a assouplie avec une verve toute puissante; il l'a étendue en nappes immenses où chaque vague porte d'éblouissantes couleurs, et chaque flot un reflet"¹⁶⁶. Критики не хочу выписывать.

Хотел послать “*Les cris de l’âme*” с предисловием Ламене, но оно ничтожно, и старое по-старому¹⁶⁷. Ещё появилась книга любопытная и важная для политика и географа-статистика; вышла только первая часть, и много о России в отношении к Турции и к Востоку вообще: “*L’Europe et la Turquie de 1829 à 1836*”¹⁶⁸. В первой части более о Египте. Она писана двумя французами — de Cadolvenne et de Breuvery, кои провели несколько лет в Египте и в Турции, — и во враждебном духе для России. Никогда столько брошюр, журнальных статей и книг не выходило о сем предмете, как в последние два года; даже тогда, когда Россия и Турция, в виду Европы и Азии, сражались на высотах Балкана¹⁶⁹, менее ими занимались политические компиляторы, нежели теперь. Здесь и в Англии можно накопить целую библиотеку о России в отношении к Востоку.

О мнимых наблюдениях Гершеля вы, конечно, уже слышали и читали шутливое опровержение серьезных шуток¹⁷⁰. Смешны только те, кои, не смея признаться в невежестве, не знают, как трактовать шутку, шуткой ли или делом.

Начал читать на днях вышедшую “*Correspondance inédite de Voltaire avec Frédéric II, le président de Brosse etc.*”¹⁷¹. Не хочется оторваться; но для милого дружка чего не оторвешь от себя, кроме сердца и того, что в нем есть неотрывного.

22 марта. Полночь. Возвратился из театра. M-lle Mars все ещё пленяет игрою. В старых пьесах “*l’Ecole des vieillards*” и “*Gageure imprevue*”¹⁷² она стариной тряхнула. Удивительно, как много заменяет в ней искусство. Я с 1831 года, т. е. с Лондона, не видал её. Тальма и она! С другими сравнивать их нельзя. Разве Жорж? Впрочем, Французский театр и в падении своем все ещё держится хорошими, если и не первоклассными актерами. Я охотно там бываю.

23 марта. Писать в день отправления часто некогда, а заранее как-то не хочется, да и вести теряют свежесть и увядают как цветы. Я живу в церквях столько же, сколько и в архивах и в Сорбонне, более, нежели в Ecole de France и знаюсь с католиками и с католичками более, нежели с шатлистами¹⁷³.

Слышал проповедь аббата Кёра *sur le respect humain*¹⁷⁴ в отношении к религии. Вечеру поздно собрался к Броглио, где хозяйка-протестантка¹⁷⁵ пеняла мне, что я оставил *le culte non salarié*¹⁷⁶; я

признался, что увлечен Лакордером и его товарищами, но, когда они, после праздника, замолкнут, я снова возвращусь к Гранпьеру, в храмину, где слышал и сен-симонистов. Я возобновил знакомство с баронессою Сталь, которая недавно приехала из Копета. Я напомнил ей эпоху нашего знакомства — за несколько дней до кончины мужа её. Я завтракал у них в Копете, и хозяин выводил меня по всем своим владениям, показал свои заведения, все, все — кроме того, что мне всего более хотелось видеть: гробницы прадеда и матери его¹⁷⁷ ...Вдова его была тогда беременна и родила после смерти мужа. Я обязан ему знакомством с Брумом и Макинтошем в Англии¹⁷⁸, и он же ввел меня здесь в общество библейское и в другое, где он был главным пружиною в пользу уничтожения торговли неграми. — Книга его об Англии¹⁷⁹ — одна из лучших, но не она переживет автора:

Его переживут его сердечны чувства

и биографические записки m-me Récamier¹⁸⁰ (в конце 1830 года сама она позволила мне прочесть отрывок из сих записок), оставившей Францию для изгнанницы Наполеоновой и Швейцарию для того, чтобы успокоить её насчет сына, страстно её любившего¹⁸¹.

18(30) марта. Архивы, проповеди, лекции и какая-то лень мешали продолжать отчет парижской жизни; но всего более парализован я известием газетным, что Пушкин будет издавать Review, а не журнал. Я собирался¹⁸² быть его деятельным и верным сотрудником и сообщать животрепещущие новинки из области литературы и всеобщей политики; но какой интерес могут иметь мои энциклопедические письма чрез три или четыре месяца? Вся жизнь их эфемерная, и они не выдержат квартального срока. Для Review нужны статьи, а не письма. Через 4 месяца кто вспомнит о «Жослене»? А теперь было бы интересно узнать все, что разные голоса поют о нем. Я хотел сделать эту поэму предметом целого письма и сообщить, вместе с выписками из первоклассных журналов, например из "Semeur"¹⁸³ etc., и толки салонов, и нападки проповедников. Поэма объяснила бы Париж и салоны, а салоны объяснили бы поэму и самого Ламартина. Теперь ограничусь доставлением одних журналов и указанием на те стихи, кои наиболее возбудили против поэта-католика, а ныне пантеиста, негодование тех, кои ошиблись в нем и в его катехизисе¹⁸⁴. Я

хотел также передать вам и свежие впечатления, производимые проповедниками, например Лакордером, в последней превосходной и едва ли не существеннейшей его проповеди; но между тем как это письмо пишется в ожидании случая для отправления, вы уже, вероятно, получили прежние его проповеди, а с сим письмом получите и новейшие, и проповедник будет уже в Риме. — В прошедшее воскресенье с проповеди его из Notre-Dame приехал я уже не к Успенью слушать аббата Кёра, но в театр Chaterain (улица сия прозвана Победною с тех пор, как жил в ней Наполеон) слышать и видеть знаменитого импровизатора Праделя, о таланте коего мне рассказывали чудеса. На миниатюрном театре, где я уже недавно слышал итальянского импровизатора, явился Прадель перед публикою и предложил нам задать ему сюжет для трагедии, с одним только ограничением: не касаться политических предметов. Каждый имел право задавать сюжеты, и тот из них, который будет более аплодирован, примет импровизатор для своей трагедии. Предугадать было ему невозможно. Начались крики; перебрали всю древнюю и новую (но не новейшую) историю, чужую и свою, и остановились сначала на двух предметах: St. Mars и Héloïse et Abélard; последний был ещё более аплодирован, и Прадель взялся за него и не более как через пять минут начал импровизацию. Он объяснил, что натура этого сюжета¹⁸⁵ требует немногих действующих лиц, и что он составит всю трагедию из четырех: Элоизы, Абеяра, дяди её аббата Фюльберта и его слуги, или наперсника. Он играл все роли с необыкновенным талантом; сначала импровизировал он стихи довольно медленно, но медленное течение речи было и в характере старика Фюльберта, который открыл первую сцену. Переходя с места на место, в разговоре он нимало не останавливался; иногда повторял те же выражения, иногда те же образы и мысли; но вообще было складно и иногда с проблесками истинной поэзии. Il y avoit deux ou trois vers à retenir¹⁸⁶, особливо в конце, когда совершилось над Абеяром известное мщение. Я жалею, что не взял с собою карандаша и не записал нескольких стихов. Оператор, наперсник дяди, желая успокоить Элоизу, узнавшую о кровопролитии, говорит ей: “Il vit, madame, mais sans vivre pour vous”. И потом à peu près так: “Et votre amant ne peut plus être époux!” Убеждая Элоизу не гоняться для него за славою, Абеяр говорит ей: “Des lauriers les plus beaux les feuilles sont amères!”¹⁸⁷ Остальное было плавно, хорошо, но нимало не шевелило сердца.

Вообще любопытно видеть раз усилие ума и памяти, ибо память более воображения снабжает импровизатора стихами и полустигиями; но в другой раз вряд ли я променяю проповедь на импровизированную трагедию. Зритель страдает вместе с автором-актером, следуя за его усилиями и угадывая труд и заботы его в приискании мысли, рифмы, выражения, сцены. Этот страх за импровизатора мешает наслаждению. Нет, трагедии, в тиши кабинета, на досуге и при верном вдохновении писанные, предпочтительнее. Пытка для таланта не есть наслаждение и для зрителя. Мне пришло на мысль сравнить этого рода импровизацию с обедами *la fortune du pot*¹⁸⁸: я предпочитаю те, на кои зовут за неделю печатными билетами.

В этот же день, едва ли не в первый раз, давали на одном из театров драму Абеляра и Элоизы, в которой более отступлено от исторической истины, чем в импровизации Праделя. Каноник Фюльберт не думал мешать тайной связи двух любовников — наставника и ученицы, его племянницы, не хотел и мстить первому, когда оказался первый плод уроков его — младенец Астролаб. Дядюшка желал обвенчать их, но Элоиза не согласилась, предпочитая славу учёного Абеляра своему счастью; она хотела остаться другом, не женою его. Вот à peu près слова её: “*Dulcius mihi semper extitit amicale vocabulum, aut si non indigneris, concubinae vel scorti...*”¹⁸⁹ Прадель не раз повторял в стихах эту мысль, не раз напомнил об этом самоотвержении Элоизы. По истории, Элоиза уступила настояниям дядюшки и Абеляра, вышла за него, но под условием тайны. Абеляр свез её au Couvent d'Argenteuil¹⁹⁰, но она не постриглась, а только приняла костюм монашеский. Фюльберт и его сродники, полагая, что она постриглась, возгорели мщением: “*Puisque Héloïse ne peut plus être la femme d'Abélard, celui-ci n'a plus besoin d'être homme*”¹⁹¹, и мщение совершилось! Вот был, которая сделала Абеляра баснею народов и баснею для Элоизы!

Но возвратимся к Праделю. После трагедии Прадель предложил зрителям задать *boutsrimés*¹⁹², поставив правилом, чтобы одно слово выражало предмет отвлеченный, *intellectuel*¹⁹³, другое материальный; для первого предложили *sinistre*¹⁹⁴, для другого, материальный — *ministre*!¹⁹⁵ Шутка отвержена Праделем. Он начал импровизации катренами, а кончил 12-стигиями; переменил слова *du haut en bas*¹⁹⁶, перемешал их и с неимоверною быстротою придумывал стихи для рифм; заключил пением куплетов на данные

сюжеты, без малейшего приготовления. Академик Роже знал Пруделя в тюрьме, где он за долги содержался; оттуда позволяли ему заглядывать в свет, и он собирал деньги блистательными импровизациями — одною из лучших почитают элегию на смерть Тальмы, страниц в шесть.

31 марта. Вчера, для великой среды католиков, слушал я нового для меня проповедника в церкви St. Germain des Près, Гривеля, aumônier de la Chambre des Pairs¹⁹⁷. Он проповедовал, в пользу общества “des amis de l'enfance”¹⁹⁸, о религиозном воспитании. Православные журналы расхваливали его, и я, поверив им, отправился на проповедь, но слышал одни безжизненные фразы и риторское пустословие, наполненное текстами св. писания, св. Бернарда, Фенелона и даже — Монтескье! Но с сим последним поступил он по-иезуитски, прибавив одно слово к тексту и тем изменив чистый смысл оригинала. Я не помню в точности фразы, но вы её угадаете: «Религия, необходимая для будущей жизни, и в этой служит нам лучшим утешением»¹⁹⁹, проповедник прибавил: “la religion catholique”²⁰⁰ (как будто нам шиизматикам²⁰¹ наша и ни на что не годится!). Я почти вслух отвечал ему: “Il n’y a pas de catholique dans Montesquieu”²⁰².

Вечер провёл я в театре au Gymnase. Давали три пьесы, из коих две для меня новые, и я давно так не смеялся. В “Chut”²⁰³ вы видите на сцене Потёмкина, поляка Станислава и действие в Эрмитаже. Скриб хотел изобразить Потёмкина и двор Екатерины, но без клеветы и без невероятностей не обошлось, как и везде, где дело идет о русских и о России. Портрет Потёмкина набросан в нескольких чертах довольно удачно и особенно в контрастах, из коих был составлен нравственный и политический его характер: смесь азиатской пышности, азиатских замашек с европейскою утонченностью XVIII века (не далее). Костюмы двора Екатерины так же верны, как и анекдоты о ней. Потёмкин в усах, в треугольной шляпе! Нигде не виден «великолепный князь Тавриды!»²⁰⁴ Историческая истина только в шароварах кн. Потёмкина, кои, говорят, он сам и шивал и надел на всю армию. После “Chut” давали “Gamin de Paris”²⁰⁵. Эту пьесу надобно видеть в Париже, познакомившись с парижскими гражданами: это badaud²⁰⁶ низшего класса, известный только в Париже, и он верно списан с оригинала, а ещё вернее и превосходно представлен на театре. Le gamin de Paris, всегдашний житель парижских улиц и бульваров, участвующий

во всех сшибках, во всех сценах парижских, повеса с добрым сердцем, веселого остроумия и нрава, подшучивающий над смешными оригиналами, но спасающий от беды других по первому движению сердца; добрый сын, нежный брат, готовый принести себя на жертву семейству. Он вступает за сестру, оболыщенную знатным баричем; но вступает по-своему, с чувством оскорбленного брата; сохраняет уважение к отцу оболыстителя, подагрику-генералу из эпохи Наполеоновой, который пленен его благородным и братским поступком, обвиняет сына, срывает с него незаслуженный крест, к досаде тётки его, и, в досаду её чванству, женит полувлюбленного раскаявшегося сына на бедной дочери своего сослуживца. Резвость, шалости и шутки du gamin de Paris, и особенно его парижские прибаутки, смешали нас; но в сценах чувствительных почти все ложи плакали; везде платки утирали слезы, так что иногда плач был слышим, и партер оборачивался на плачущих. Я по сию пору редко ходил в театр, за недосугом. — Сегодня проглянуло солнце, но Longchamps²⁰⁷, вчера начавшийся, ещё не оживился.

Не удалось быть на проповеди Лакордера à l'Hospice de S-te Thérèse Шатобриана. Лакордер в первый раз проповедовал перед такой блистательной и многочисленной дамской публикой. В Notre-Dame — дамы за загородкой или на хорах и в малом числе в сравнении с мужчинами; у св. Терезы они занимали всю церковь, и Лакордер едва не смутился. Мне передали только один комплимент его Шатобриану, à peu près в сих словах: "Il est beau de commencer par le Génie du Christianisme²⁰⁸ et finir par l'Hospice de Ste Thérèse"²⁰⁹. Службу отправлял парижский архиепископ.

На сих днях послал я Шатобриану статью Чанинга, американского писателя-проповедника, о Мильтоне, превосходную и оригинальную. Долго не мог я отыскать книги его²¹⁰ в Париже и не знаю, успеет ли Шатобриан прочесть её прежде издания перевода Мильтона. Хотя англичане, особливо строгие методисты, и обвиняют Чанинга в социнианизме²¹¹, но в суждении Мильтона — христианина и поэта он беспристрастен. Чанинг называет его "the sublimity of men"²¹². Говоря о слепоте Мильтона: "But though sightless, he lived in light"²¹³. Мильтон начинал терять зрение, когда сочинял «Защиту английского народа»²¹⁴, его предварили, что он совсем лишится зрения, если будет продолжать писать эту «Защиту»; но патриот Мильтон предпочел пользу народа зрению — и лишился его. Чанинг рассматривает его

во всех отношениях. Я уверен, что и для Шатобриана *Ansichten*²¹⁵ его будут новыми. Чанинг писал о Наполеоне²¹⁶ и судил его с новой же точки зрения. Третьего дня указал я Шатобриану другую книгу: три части «Путешествия в Иерусалим» траписта²¹⁷ Жерамба²¹⁸. Не знаю, найдет ли Шатобриан в этой книге много нового, но, кажется, что святые места все ещё привлекают его внимание²¹⁹, ибо он тотчас записал книгу Жерамба. Я видел автора уже после его путешествия, в Берне, у знаменитой Иды Бонштетена, дочери m-me Brun и супруги австрийского посла Бомбеля. Он жил в трактире подле меня, спал на голом полу, постился везде и носил какой-то труженический пояс для умерщвления плоти, но любезничал в салоне Иды и балагурил по-прежнему. Не знаю, возвратился ли он к трапистам? Во Франции два монастыря его ордена, как сказывал мне Шатобриан, и процветают святостию своих отшельников.

Скоро выйдет последняя часть лекций Вильменя²²⁰, лучше первых, как слышно, отделанная и содержащая, между прочим, пребывание Вольтера в Англии и влияние, которое английские и шотландские философы имели на него в то время, с новыми подробностями и документами. «Григорий VII» Вильменев давно оболванен, но не может ещё явиться скоро в публику²²¹, и биограф образует его по тем впечатлениям, кои он сам получает, обогащаясь новыми материалами, кои открывает во всемирной истории этого папы.

Толки о прежнем и новом министерстве продолжаются; но сколько я и сам ни жалел сначала о некоторых министрах, по личной старинной связи с ними, сколько ни находил я в них

Царей и царств земных ограду²²²,

не могу, однако же, не признать, что они ошиблись в форме, которую избрали в гумановском деле. Доктринеры дали промах, говоря по-русски. Им надлежало бы немедленно удалить товарища не заодно с ними или не в один шаг пошедшего, и предоставить самой камере решить вопрос: “est-ce clair?”²²³. Это взбесило многих, и Берье в ту же минуту сказал, что ответом камеры на этот вопрос будет отставка министров. Тогда бы камера сделала то же, что и теперь: согласилась бы с министерством, и кредит его от сей неудачи гумановского предложения ещё более бы усилился. Оно бы могло прожить ещё года два и не прежде как с новою камерою уступить место новой ге-

нерации, благоприятствующей более, нежели старая камера, партии движения; между тем усилия, подвиги министерства не пропали бы для Франции, умы созрели бы более для беспрестанно развивающегося нового порядка вещей. Тьер, вероятно, воспользуется их ошибкою и сделается мало-помалу представителем уже не отжившей век свой доктрины, но новой, возникающей из оппозиции партии, которая принимает прошедшее прошедшим, не желая, однако ж, оставаться неподвижною и ещё менее — возвращаться к старому. Тьеру это легче, нежели другим: он дал более ручательств новой генерации своим прошедшим и в его биографии нет ни похода в Ган (Gand)²²⁴, как у Гизо, ни в гербе его нет герцогской короны — он выходец из нового мира, ученик Манюэля, и «История революции»²²⁵ написана им по его началам. — Я бы предпочел для себя политический характер Гизо, предпочел бы и талант его²²⁶, но превосходная речь его в ответ Пажесу, которою восхищалась и сама оппозиция, от которой едва мог собраться с духом Odilon Barrot, чтобы отвечать ему, — эта самая речь была панихидою для доктрины! Она разорвала последнюю связь между новым и старым министерством. Гизо признан превосходным оратором, редким министром просвещения, даже честным человеком, — и Гизо вряд ли уже возвратится в министерские палаты²²⁷, между тем как Тьера, коего вы знаете по брошюре Лёве-Веймара²²⁸, более или менее основательной (я не сужу его, а только ссылаюсь на молву), Тьера примут в спутники, если не в корифеи, и молодые депутаты, коим суждено возобновить дряхлеющую с каждым днём камеру. Доктринёры с каждым днём теряют в ней своё прежнее влияние; уже одни чиновники, кои волею и неволею были им некоторою опорою, мало-помалу будут приставать к новому министерству и ослаблять старое, которое скажет, наконец, с поэтом: “Und einer nach dem andern wich”²²⁹!

Министерство просвещения, конечно, потеряет в Гизо знаменитого, блестящего представителя не только французской учености, но и европейского всеобщего просвещения. Он редкое явление во Франции: Гизо не чужды ни одна из словесностей, ни одна из цивилизаций, коими Европа сделалась Европою. Он знает немцев и их общие идеи, их теории; он историк Англии; он оратор и министр Франции, он выписал для неё из Италии Росси, зная, что ей нужна первая государственная наука нашего времени — политическая экономия, нужна и философия права, которой шарлатан Лерминье

французов не научит; Гизо, наконец, дал новую жизнь тлевшим французским хартиям — он учредил исторические общества, кои уже дали плод свой в короткое время их существования. Но, несмотря на все сии неоспоримые достоинства, Гизо отжил век министерский, и Пеле (третий министр просвещения протестантского исповедания, ибо Кювье, по части управления университетом, был также почти министром) — Пеле, которого ни науки не знают, ни он их, — будет по необходимости продолжать Гизо, ибо, к счастью, сущность и сила управления сею частию не в министре, а в совете²³⁰ его, который остается в прежней своей деятельности и из прежних членов: Вильменя, Кузеня, Дюбуа, и проч. и проч. — Вот вам главная мысль моя о здешней передрыге, я почерпнул её из журналов, из соображения разных мнений и из дел и действующих лиц, коих вижу с утра до вечера. Это мнение согласно со многими в главном, особливо с теми, кои по своему положению могут оставаться беспристрастными зрителями государственных и политических изменений, здесь совершающихся. Конечно, и Гизо ещё не без надежды (*il a aussi des chances en sa faveur*²³¹). Ламартин, недавно встретив его после речи его, сказал ему à peu près так: “*Cette génération vous appartient, et vous lui appartiendrez encore 10 ans; mais après ce sera au parti social*”²³² (коей он себя почитает корифеем) *à mener la barque*”²³³. Тьер, недавно встретив Ламартина и депутата Janvier (когого также причисляют к сей же новой партии), поклонился им, приветствуя: “*Je salue le parti social*”²³⁴. Доктринеры усаживались на канаве: *le parti social n’aura besoin que d’une causeuse*²³⁵. Ламартин почитает себя глубоким политиком, и Талейран, подшучивая над ним, уверял его, *qu’il étoit encore un plus profond politique que grand poète*²³⁶, но что он взойдёт на политический горизонт не прежде как чрез 30 лет²³⁷, что теперь его ещё немногие постигают, и т. д. Ламартину все льстят; недавно Гизо уверял его, что он может прочесть ему наизусть из каждой страницы «Жослена» по десятку стихов. Всего-навсего Ламартин получил до 8.000 стихов похвальных, по издании поэмы своей. Все сии панегирики могут повредить только совершенству, отделке стихов, может быть и таланту его, но, конечно, не сердцу и не благородному его характеру. Уверяют, что он сбирается весною, вместе с Берье, в Петербург²³⁸. Четыре молодые легитимиста точно едут, в числе их Labouillerie (сын бывшего интенданта дворца) и Фалу, умный и молодой литератор, он будет и в Москве²³⁹.

1 апреля 1836. Вчера был у меня Гейнрихс, издатель «Коммерческого архива». Я показывал ему русскую «Коммерческую газету»²⁴⁰; подарил ему английские приложения и предлагал и самую газету. Гейнрихс постарается приискать кого-нибудь для перевода любопытнейших сведений, а между тем просит присылать к нему хоть в literalном переводе на французском или хотя на немецком статьи из вашего журнала, кои могут иметь общий интерес для европейской или всемирной торговли. Он с благодарностию помещать их будет. Я, кажется, писал из Лондона, что Mac'Culloch, профессор политической экономии в Лондонском университете и известный писатель, издал коммерческий и мануфактурный лексикон, коего вышло уже два издания. Он желал, чтобы он сделался и в России известен. Ныне вышел перевод его на французском "Dictionnaire du commerce et des marchandises, par Mac'Culloch"²⁴¹. Оригинал в одном толстом и мелкопечатном томе, из коего выйдут, вероятно, четыре на французском. Его можно назвать коммерческою энциклопедиею во Франции, где со времен Савари начались подобные лексиконы²⁴²; лучшей книги и полнейшей по сей части ещё не было. Не желая шарлатанствовать по такой сухой материи, посылаю газетную статью о сем лексиконе. Она может пригодиться вам и познакомит вас с полезною книгою. Mac'Culloch издал уже, вероятно, статистику Англии, по официальным материалам, и она вам могла бы очень пригодиться.

Регулярно ли вы читаете "la Gazette de France" и знаете ли статьи литературные Нитманов братьев, кои прежде работали для "Quotidienne"²⁴³? Примечательнейшие о Боссюете (Bossuet Sermonnaire) в двух номерах, о Тьере как историке и ораторе и недавно о философе Лерминье. Все писаны прекрасно и дельно, хотя энтузиазм ко двору Людовика XIV в статьях о Боссюете и подлежит некоторым отметкам, но он справедлив к веку его в литературном отношении. "Le XVII-me siècle ce paradis perdu de la littérature"²⁴⁴, в который он «глазами французской газеты заглядывает» из недр нынешнего литературного хаоса. Он защищает Боссюета за его проповедь, произнесенную "pour la profession de m-me la Vallière"²⁴⁵, которую и г-жа Севинье признавала недостойною гения Боссюета. Сии статьи примечательны и тем, что они доказывают, сколько ещё здесь симпатии в умах и в сердцах не только высшего класса, но и в литераторах-roturiers²⁴⁶, к прошедшему и как ещё и теперь ослеплены писатели и даже историки блеском двора, столь чуждым нашему времени. По-

думаешь, что они хотят уверить, как будто бы религия христианская сама получила какой-то новый блеск от того, что Людовик грешный её исповедовал с великолепным двором своим; как будто бы раскаяние одной из его любовниц действовало на гений, на вдохновение Боссюета! Если в самом деле так, то тем хуже для оратора-христианина. Вот что панегирик Боссюета-проповедника (*Sermonnaire*) говорит по случаю пострижения ла Вальер: «Эта прекрасная дама с лицом, исполненным мягкой печали и искреннего раскаяния, навевала нам меланхолические мысли, когда мы, ещё детьми, играли на развалинах монастыря в Шайо. Дети редко понимают идеи, но превосходно схватывают чувства, а на этом прекрасном, залитом слезами лице, где смирение боролось со страданием, а любовь человеческая — с любовью божественной, было написано так много чувств. Позже, когда нам стали ведомы и идеи, госпожа де ла Вальер явилась нам прелестным воплощением двора Людовика XIV, который грешил по слабости, но не от рассудочной безнравственности; двор этот проводил время в бренных радостях, но подчас суровый лик религии являл себя среди его блеска, дабы напомнить людям, что и этот век, и это общество подвластны ему. Герцогиня Луиза де ла Вальер и кармелитка Луиза де ла Мизерикорд — это два имени и две судьбы одной женщины, вобравшие в себя эпоху и общество без остатка. Люди, взраставшие в роскоши и наслаждениях, на склоне лет искали спасения в покаянии. Принцесса палатинская, герцог де Ларошфуко, маркиз де Севиньи — все они принесли свою дань религии и нравственности, решительно распростились с вольнодумным прошлым, а разве сам великий король, которого слава и удача вознесли так высоко, что он сделал Европу своим подножием, а солнце — своим девизом (какой христианин!), разве король этот, лишенный возможности смирить свою гордыню строгостями монастырской жизни, не смирялся, покорствуя воле Божией, на вершине трона и не удалялся в пустыню, кою создавали ему превратности судьбы и горькие скорби?»²⁴⁷

Боссюету нужны были знатные грешники. Вспомните, для кого и пред кем проповедовал Иисус Христос, кого он навещал, кого исцелял, кто были друзья его, братья его, — и с сими воспоминаниями о друге бедного Лазаря прочтите следующие строки, кои так понравились читателям de la "Gazette de France": «В присутствии этой королевы, перед лицом которой много лет назад Боссюет произнес на том же самом месте проповедь на пострижение мадам де Буйон, в ту

самую пору, когда Мария-Терезия впервые появилась в своей столице во всем блеске королевского величия и во всем великолепии молодости, — в присутствии этой королевы великий проповедник должен был наставить на путь монашеский столь же знаменитую жертву, чьи грехи немало лет преисполняли горечи сердце государыни и обращали в терновый венец прекрасную благородную корону, кою возложила на её голову Анна Австрийская. Великая, величественная картина, достойная взоров собравшегося там общества, картина, над которой витала грандиозная тень Людовика XIV, чье отсутствие говорило само за себя!»

Ла Вальер оправдала Боссюета 36-летней жизнью в монастырском покаянии. «Итак, теснимая повсюду, она может дышать лишь воздухом небес». Боссюетовское выражение! Он писал о ней: «Я говорю, а она действует. Я проповедую словом, а она делом!» Заключу словами Нитмана, после обращения Боссюета к ла Вальер, назвавшего её сестрою: «Как чудесна религия, по воле которой во славу тех, кто смиряет себя, добродетель зовет раскаяние сестрою»²⁴⁸.

Другая статья того же автора и в той же газете — о Лерминье²⁴⁹. Она также мне очень понравилась беспристрастием и основательностью критика, но критик мог бы смелее нападать на того, кто сам осмелился сказать Паскалю: “*Vous vous trompez, Pascal*”²⁵⁰, — находить ошибки в Кювье и поправлять Боссюета! — Нитман, критикуя Лерминье, *associe à tout moment son mon à celui de Bacon, de Bossuet, de Leibnitz et le prend trop au sérieux*²⁵¹. И они так же, как и Лерминье, краткими статьями просвещали век свой и потомство. Лерминье объявляет, что хочет следовать примеру Бэкона и Лейбница, собирает все разнородные, в разных журналах рассеянные статьи свои о Пиндаре, о двухкопеечной энциклопедии, об эфемерных явлениях эфемерной литературы — и ставит их в категорию «Опытов» Бэкона, мелких творений Лейбница и полемики Боссюета! Я желал бы, чтоб критик к сильным замечаниям своим присоединил насмешку, которая вернее разочаровала бы молодую толпу, стекающуюся au Collège de France на пустословие экс-сен-симониста. Вот как отвечает критик на гордую фразу болтуна-профессора в его предисловии («я чувствую, что мне близка манера, в которой работали Лейбниц и Бэкон»): «Бэкон и Лейбниц в самом деле опубликовали в течение своей жизни много коротких, но содержательных работ, где давали глубокие ответы на вопросы, волновавшие их современников, при-

чём к этим двум авторитетам профессор Коллеж де Франс мог бы добавить имя Боссюета, который в своих сочинениях бил без промаха и расправлялся с заблуждениями, едва они появлялись на свет. Подобно Бэкону и Лейбницу, Боссюет разрешал проблемы сразу после того, как они возникали, кратко, но исчерпывающе. Его мелкие сочинения можно назвать тогдашней журналистикой. Поскольку на первом месте стояла в ту пору не политика, а философия и религия, именно философия и религия постоянно влекли к себе умы, рождали потребность в стремительном обмене мнениями, становились предметом тех горячих споров, из которых выросли газеты — эти ежедневные книги, написанные на злобу дня. Боссюет, Лейбниц, Бэкон были замечательными журналистами! — но эти великие журналисты никогда не стали бы предпосылать своим сочинениям, удовлетворяющим сиюминутные интеллектуальные нужды, монументальные предисловия, призванные уверить, что эти маленькие статуэтки образуют в совокупности одну большую статую, что за этими разрозненными произведениями скрывается одна общая идея... Почему бы не объявить, что речь идет просто-напросто о переиздании литературно-критических и философских статей, прежде уже опубликованных автором в разных периодических изданиях? На каких читателей рассчитывает г-н Лерминье, когда пытается убедить их, что трактат о Пиндаре и статья о г-не Ламенне рождены одной мыслью, а рассуждение о христианстве и портрет Саллюстия — два плана одной и той же картины?»²⁵²

Критик переходит потом к его особенным мнениям о главных вопросах истории и философии и превосходно разбирает его сенсимонистские бредни о христианстве. Вот прекрасные слова Нитмана, к коим он после применяет мнимую философию Лерминье: «Для нас философским единством является христианство. Христианство — это социальная философия, и другой мы не видим. Скажем более: христианство — это само общество. За восемнадцать столетий эта великая душа нового времени проникла во все части огромного тела, в которое вселилась. Крещение приняли не только люди, но и идеи. Вглядитесь в любую ересь — и вы увидите на челе её стертый след креста. Именно вокруг этого вечного центра вращаются нравы, законы, умы нового времени, и, если кто-нибудь пытается поджечь этот колоссальный храм, где уже столько веков обретается человечество, вы можете не сомневаться, что злоумышленники зажгли свои

факелы от того светильника, что горит на алтаре. Эти рассуждения отлично подходят к самому г-ну Лерминье»²⁵³.

Как это справедливо! Как это верно отражается во всей истории! Разве сен-симонисты не христианству обязаны тем, что в них было не нелепого? Разве не оно воспитало, образовало всех и каждого: философов и народ, врагов и друзей своих? Далее критик приводит слова Лерминье, где он уступает христианству века прошедшие, «но отнимает у него власть над живыми и, отдавая ему во владение умерших, дарует ему вместо трона могилу»²⁵⁴.

Он ставит его после Вольтера и Дидеро и сравнивает с отступником Юлианом, «который пытался задушить христианство мирным путем, поскольку до него Нерон и Диоклетиан убедились, что христианство не страшится испытания огнем и мечом и способно выжить, несмотря на львов на арене цирка, римских тиранов и пытки палачей». Он называет Лерминье «Юлианом в философии». Повторяю, много чести. Я не хочу выписывать; но прочтите Лерминье там, где он перечит Св. Павлу, который советовал женщинам молчание: «мы не скажем (вслед за апостолом Павлом), что женщинам подобает молчать, напротив, пусть говорят». По моему мнению, можно было бы весьма кстати посоветовать Лерминье поступить так, как апостол Павел велел поступать женщинам»²⁵⁵.

Вечер 2 апреля. Вчера был я два раза у Успенья, поутру и ввечеру, но поутру не дослушал проповеди Кёра от тесноты и духоты, а ввечеру не Кёр проповедовал, а другой, и очень плохо, да и публика не развлекала меня, ибо аристократки к вечерней службе не приехали, а выслали свою дворню, — и я ушёл бродить по городу, набрел на концерт Мюссе²⁵⁶, куда народ валил со всех сторон, пеший и экипажный, вероятно оттого, что шесть больших и лучших театров закрыты, а именно: Opéra, Théâtre Fr[ançais], Opéra-Comique, Vaudeville, Variétés, Gymnase — и в Palais Royal вместо театра драматический концерт; только в четырех играют: Porte St. Martin, Gaîté, Ambigu и в театре Comte; в цирке — grand manège²⁵⁷. Все полно. Но и церкви полны, и не одними женщинами? — Нельзя сказать, чтоб народ парижский был теперь “parcus deorum cultor et infrequens!”²⁵⁸

Сегодня я зачитался в новых английских Reviews и не попал ни к одной проповеди, зато прочел прекрасную статью о парижских проповедниках.

ОТРЫВОК ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ПУТЕШЕСТВЕННИКА

Веймар. Тифурт. Дом и кабинет Гёте. Письмо к нему В. Скотта.

Препровождая к вам письмо Вальтера Скотта к Гёте, списанное для меня в Веймаре с оригинала²⁵⁹, я выписываю для «Современника» то, что в журнале моем упомянуто о посещении Тифурта и городского дома Гёте в Веймаре с канцлером Мюллером, другом и многолетним его собеседником, и с Крейтером, секретарем и хранителем бумаг и книг Гёте.

*21/9 июня 1836, Веймар**

Поутру отправился я с канцлером Мюллером в Тифурт, где я бывал некогда с мечтами и воспоминаниями, с грустью по умершем брате и с благодарностию к той, которая не чуждалась этой грусти... Она все живет здесь и одушевляет, воскрешает прошедшее, олицетворяет в себе одной — Луизу и Амалию²⁶⁰, — и о ней со временем скажет Веймар, как Россия о её матери: “pertransit benefaciendo”²⁶¹. Помню, что в беседке, где Шиллер и Гердер любили и заставляли любить человечество, вырезал я на камне несколько слов благодарности.

Мы вошли во двор скромного, сельского домика, где в продолжение более 40 лет расцветал цвет германской словесности, под благотворным влиянием просвещенной хозяйки-владычицы; где жила каждое лето Виланд; где Гердер, Гёте, Шиллер, Кнебель собирались мыслить вслух при дворе, во услышание всей Европы и потомства, водворять в Германии владычество 18-го века, поэзии, философии, прагматической истории человечества и в беседах своих, в сей академии возрожденного германизма, воскрешать Древнюю Грецию, изменяя и возвышая её христианскою философию. — Паганизм²⁶² Виланда не чуждался ни библейской поэзии Гердера и «идей» его о судьбе человечества, ни Шиллеровой религии сердца христианского,

* Я писал это про себя, в тиши трактирной каморки, zum Erbprinzen [к наследному принцу — нем.], «не думая чувствовать и мыслить вслух», ещё менее льстить дружбе, или веку, или Веймару и...

Теперь — я лишь друзей хочу забавить

Александр Тургенев. — *Примеч. А. И. Тургенева.*

ни хладных сомнений всеобъемлющего, но не все постигшего гения Гёте-Мефистофеля.

В этом домике всё просто как гениальное создание, всё миниатюрно, но в миниатюрном отражается великое и возвышенное! Для Германии этот домик то же, что ботик Петра Великого для флота русского, то же, что летний домик его для России.

Тифурт — святыня германского гения, ковчег народного просвещения. Поэзия влиянием своим на современников Гердера, Шиллера и Гёте созидала историю, приготовляла будущее Германии и сообщала новые элементы для всей европейской литературы, для Байрона и Вордсворта, для исторического ума Гизо и Фориеля (о нем сказал кто-то: “C'est le plus allemand des savans français”²⁶³), для души, которая все поняла и все угадала и все угаданное и постигнутое в Германии передала Франции и Европе, для души — Сталь; наконец, для нашего Жуковского, которого, кажется, Шиллер и Гёте, Грей и Вордсворт, Гердер и Виланд ожидали, дабы воскликнуть в пророческом и братском сочувствии:

Мы все в одну сольемся душу²⁶⁴.

И слились в душу Жуковского. — Этому неземному и этому лучшему своего времени “dem Besten seiner Zeit”, этой душе вверили, отдали они своё лучшее и будущее миллионов! Гений России, храни для ней благодать сию. Да принесет она плод свой во время своё.

Веймарский мой cicerone, Мюллер, был и сам два года одним из собеседников сих корифеев немецкой словесности, и его часто приглашали в круг их. — Виланд был одним из старейших членов тифуртской беседы и написал здесь большую часть своих сочинений. Гёте провёл здесь лучшую часть поэтической и долговременной жизни своей.

Мюллер выводил меня по всем комнатам и в каждой показал мне все предметы, все бесценные безделки, кои напоминают герцогиню и друзей её, просветителей Германии. По стенам и во всех уголках, — так что нет ни одного незанятого местечка, — ландшафты, портреты, напоминающие тогдашнюю эпоху, тогдашний мир Веймарский и тифуртское житье-бытьё. Владетельный великий герцог, страстно любящий Тифурт, присылает сюда все, что имеет для него или для семьи его какую-либо цену, сливая, таким образом, родное со славою века, и священные тени минувшего сближая с милыми ближними

своего времени и своего сердца: эта кладовая гения и сердечных воспоминаний служит для него приютом и убежищем во всякое время года; здесь более, нежели где-либо, для потомка Бернгарда, воспетого Шиллером,

Много милых теней восстает!²⁶⁵

Столовая, гостиная, кабинет незабвенной герцогини — все сохранено в первобытном виде, и все осталось на прежнем месте; рука человеческая не изменила их, время их ещё не коснулось, и хозяйка и гости её как будто бы удалились в кущу рощей и в беседке забыли и время и приют свой, их ещё все ожидающий. Вы видите рукоделья, шитье хозяйки: за стекло опахало её. В верхнем этаже — комнатки-клетки, но и там все посвящено воспоминанию. Наконец, Мюллер описал мне весь прежний тифуртский быт, всю старину, указал место, где собиралось общество, где беседовала герцогиня наедине с мудрецами своими. — Оттуда провёл он меня в парк, в беседку, где она проводила с ними послеобеденное время, иногда приносили туда и обед. Мы взглянули на памятники Виланду, Гердеру, дяде нынешнего герцога, умершего на поле сражения противу французов, в саксонской службе: Гёте дал идею для памятника и сочинил надпись.

Перед вами аллея в гору, на вершине коей какая-то статуя. — Мы перешли мостик чрез неумолкающую Ильму. Здесь часто останавливались, разговаривали, мечтали поэты-философы Веймара. Гёте разгуливал на берегу Ильмы и на самом мостике одну из пьес своих.

Klein bist du und unbedeutend unter Germaniens Flüssen,
Aber du hast gehört — manches unsterblich' Lied²⁶⁶.

В рассказах и воспоминаниях о прошедшем мы обошли весь парк и возвратились в Веймар.

После обеда заехал ко мне обер-гофмаршал Белке сказать, что великая княгиня желает, чтобы на вечеринке у гр. С[анти] я остался только до 8 часов, а остальной вечер провёл бы у е[ё] и[мператорского] в[еличества].

Я успел пробежать в прекрасно устроенном музее несколько литературных и политических журналов; в 6 часов зашел ко мне Мюллер, и мы отправились в дом Гёте, где уже ожидал нас Крейтер. — Я вошёл

в святилище с благоговением; у самого входа на полу приветствие древних: “Salve”²⁶⁷. Гёте видел эту надпись в Помпее.

Кабинет Гёте о трёх окнах, низкий и без всяких украшений. Посреди комнаты крутой стол простого, некрашеного дерева, по стенам такие же шкафы с выдвигаемыми ящиками: в них бумаги, минералы, монеты и всякая всячина. На простых креслах подушка, под креслами для ног сидевшего — другая. — У стены ещё стол, на котором Гёте писал стоя; он наполнен черновыми бумагами; многие из них диктованы Гёте секретарю его. Мне позволили взять три лоскута с пометками и с исправлениями рукою Гёте: сии лоскутки в числе драгоценнейших моих автографов и хранятся с письмами Шатобриана, Александра Гумбольдта, Баланша, Кювье, Бонштетена, Иоанна Мюллера, Шлецера, Вальтера Скотта и проч.

В альбуме нашёл я имена посетителей этой святыни и русские стихи к Гёте:

Вот храм, где гений жил, где музы ликовали
И грации цветы так щедро рассыпали.
Послушный сердцу одному,
Страны далекой житель,
Войдя в твою обитель,
Бросает сей цветок к бессмертному венцу.

В. Э.²⁶⁸

В этом же альбуме отыскал я несколько милых мне имен: 25 августа 1833 был здесь и Жуковский.

В этом кабинете висят два слепка с портрета Наполеона. Мюллер рассказал мне историю одного из них. Сын Гёте был страстный энтузиаст Наполеона; он собирал все его портреты, и в 1815 году купил и принёс к отцу и этот слепок. Гёте повесил его в своём кабинете: в день Лейпцигской битвы этот слепок сам собою упал со стены и расшибся. Гёте снова повесил его на стене, надписав на нём следующий стих из Лукановой «Фарсалии» — с переменою одного только слова.

Scilicet immenso superes ex nomine multum.

(В оригинале nihil)²⁶⁹.

Гёте не хотел всего отнять у Наполеона, который всё отнимал у других.

Мы вошли в спальню Гёте, это не комната, а каморка или чулан с одним окном. Здесь его кровать, без занавеса, и кресла с подушкой, на коей он скончался. Ветхое одеяло, коего Гёте не хотел заменить другим, накрывает постель его. Вид этой спальни, как и из кабинета, в сад. — До самой кончины Гёте был в памяти, незадолго перед кончиной, заметив, что в кабинете его окна были полузавешены, он сказал своим приближенным: “Licht, mehr Licht”²⁷⁰. Это были последние слова его и как бы завет великого просветителя Германии — потомству!

Кончина Гёте напоминает и другую, также в Веймаре, и последние слова его современника, Гердера. Поэт-историк, в тоске смертной, сказал плачущему сыну: “Gieb mir einen großen Gedanken, daß ich mich erquicke” (Освежи меня великою мыслью). Гердер в сию великую минуту признавал господство мысли над тлением. — Просьба умирающего отца к сыну была и символом веры его в бессмертие: он исповедовал его, когда уже дух его парил к своему источнику.

В другой раз, также уже в минуты борения со смертью, Гёте, увидев на полу записку, упавшую со стола его, сказал с жаром: «Поднимите, это записка, это рука Шиллера! Как можно ронять её!» Казалось, что душа его в эту минуту была занята последнею мыслию о друге, с коим вскоре она должна была соединиться.

В верхнем кабинете Гёте, который можно назвать музеем, перебирали мы собрание писем его корреспондентов: между ними письма Вальтера Скотта, Байрона. Я списал письмо первого от 9 июля 1827 года; я слышал о нём (в 1828 году) от самого Вальтера Скотта²⁷¹, когда он мне рассказывал историю своего заочного знакомства с Гёте*.

Гёте любил собирать и в свободное время иногда пересматривал портреты своих приятелей: в портфеле нашли мы более 200. —

* Однажды добродушный и гостеприимный хозяин Абботсфорда показывал мне мраморный бюст, подаренный ему Байроном, стоявший в его библиотеке на деревянном пьедестале, внутри коего хранилась прежде всего переписка с знаменитыми современниками. Дочь В. Скотта подошла ко мне и просила не спрашивать у отца её о бумагах, в пьедестале хранящихся. «Воспоминание о них, — сказала она, — огорчит батюшку, ибо один из посетителей, коему также показывал он свои сокровища, украл из пьедестала — письмо Байрона!» — *Примеч. А. И. Тургенева.*

Я заказал любимому его живописцу списать портрет сына Гёте, для к[нязя] В[яземского]. В другом портфеле собственноручные рисунки Гёте карандашом (другое сходство с нашим Ж[уковским]). Большею частию ландшафты, виды тех мест, кои ему нравились в его странствии по Германии и Италии. Тут и дерево, нарисованное для Гёте нашим воином-живописцем Рейтером: он часто любовался им.

Кабинет Гёте дает некоторое понятие о всеобъемлющем его гении, о его разнородных занятиях и вкусах. Нумизматика была одною из любимых наук его, и вы видите редкое собрание древних и новых монет (одной шведской королевы Христины более 20). Все сии сокровища в самых простых ящиках^{*272}.

Город Франкфурт (на Майне), место рождения Гёте, поднёс ему лавровый венок из золота; к нему приложен был лишний, особый листочек, не приделанный к венку: этот листочек был эмблемою надежды на новое произведение Гёте, тогда ещё полного жизни. Другой подарок города Франкфурта был кубок серебряный, и при нём 48 бутылок вина — ровесника Гёте. На сем кубке стихи его. Кубок сей поднесён Гёте в 1819 году, когда ему минуло 70 лет.

Вместе с сими дарами от соотчичей видели мы и прекрасно выработанную печать из зеленого камня, на коем вырезана змея кольцом с немецкой надписью, выражающею характер Гётевой деятельности: "Ohne Rast, sonder Hast"²⁷³. «Августа 28, 1831 г.» (день рождения Гёте). На ручке вырезаны розы — символ Англии, дубовый венок — эмблема Германии, и вокруг:

From friends in England
To the German master²⁷⁴.

В числе признавших Гёте своим наставником имена Томаса Мура, певца «Ирландских мелодий», Саути-лауреата, Вортсворта, простотою

* В другое время опишу вам семь кабинетов Кювье, кои он сам мне показывал в Париже. Почти для каждой отрасли человеческих познаний особый кабинет, истинный храм наук — и в каждом особая библиотека, особые ландкарты, собрания орудий, произведений земли и глубины морской, так что универсальный гений испытателя и историка природы и собратий его — Кювье был секретарем Академии и, следовательно, биографом академиков, имел под рукою и перед глазами все материалы для совершения бессмертных трудов своих, необъятных, как сама природа. — *Примеч. А. И. Тургенева.*

возвышенного, Вальтера Скотта — некогда the great unknown²⁷⁵ — и знатнейших издателей разных “Reviews”.

Подарок сей получил Гёте в 1831 году от 19 друзей в Англии (а не от 15 только, как сказано в самом акте) при следующем письме, которое здесь прилагается²⁷⁶.

В альбуме Гёте к именам посетителей присоединил я и своё, и написал на память четыре стиха переводчика «Вертера», покойного брата Андрея, на 16-летнем возрасте им к портрету Гете написанные:

Свободным гением природы вдохновенный,
Он в пламенных чертах её изображал
И в чувствах сердца лишь законы почерпал,
Законам никаким другим непокоренный.

Здесь желал бы я друзьям русской литературы, коей некогда Москва и в ней университет были средоточием, напомнить о том влиянии, какое веймарская афинская деятельность имела и на нашу московскую словесность. Несколько молодых людей, большею частью университетских воспитанников, получали почти все, что в изящной словесности выходило в Германии, переводили повести и драматические сочинения Коцебу, пересаживали, как умели, на русскую почву цветы поэзии Виланда, Шиллера, Гёте, и почти весь тогдашний новейший немецкий театр был переведен ими; многое принято было на театре московском. Корифеями сего общества были Мерзляков, Ан[дрей] Т[ургенев]. Дружба последнего с Ж[уковским] не была бесплодна для юного гения²⁷⁷. Она увековечена в посвящении памяти его первого и превосходного перевода поэта²⁷⁸.

Не упоминая о других первых спутниках жизни, заключу словами спутника поэта: «Где время то?»²⁷⁹ ...Но кто не помнит стихов Жуковского?

ЕВРОПЕЙСКИЕ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ. ХРОНИКА РУССКОГО В ПАРИЖЕ

Париж. 1841, ноября 12 / октября 31. Я все роюсь в своих старых бумагах и нахожу беспрестанно сокровища. Передо мною два письма наших первоклассных поэтов: Батюшкова из Неаполя, от 10 ген-

варя 1820 года и Пушкина из Бесарабии, от 21 августа 1821 года²⁸⁰. Письмо Пушкина не велико, но ноготок остёр. Батюшкова письмо как-то невесело, хотя он ещё жил тогда в литературном мире и под небом Неаполя. Пеняя мне за моё молчание, он говорит: «Одни письма друзей могут оживлять моё существование в Неаполе: с приезда я почти беспрестанно был болен и ещё недавно просидел в комнате два месяца». Прочитав сии строки, я упрекал себя в какой-то виновности его последующего бедствия; но кто угадает в Петербурге, в шуму и рассеянии жизни нашей, потребность сердца больного друга на чужбине? Но, повторяю, Батюшков жил ещё жизнью души и ума в Неаполе. «Вы читаете Данта, — продолжает он, — завидую вам. Кто писал критику на Историю Карамзина в журнале Ученых? Что говорят о ней в Париже, и нравится ли перевод?» Он ещё и в поэзии, и в истории, и в судьбе отечественной литературы принимал искреннее участие! Он расспрашивает о рассеянных в мире приятелях.

Вчера я видел опять Рахель в Марии Стюарт, а Maxime в Елисавете, но не высидал всей пьесы, хотя и в обществе с умными дамами. Я дождался блистательного поединка двух королей и ушёл немедленно по одержанной победе Мариєю, в полном восторге от её таланта. Она совершенно уничтожила свою соперницу, хотя кое-где и слышны были рукоплескания Максиме²⁸¹.

Недавно был у меня Raynal, издатель дяди своего Жубера, который скоро выйдет в двух частях. Мы долго разговаривали с издателем о друзьях Жубера: знаете ли, как он ценит Шатобриана? Фонтан, восхищаясь «Гением христианства» друга своего, спросил Жубера, что он думает об этой книге. “J’y ai trouvé une belle page”²⁸², — отвечал Жубер, и Фонтан более от него не добился. Но Шатобриан может утешить себя тем, что друг его был строг и к — Расину. Письма к Моле будут также напечатаны, и особенно те, в коих он разбирает книгу его, при Наполеоне написанную, о формах правления, за которую недавно автору досталось от журналистов. Удивительно, что сам Моле спешит печатанием сих писем! Строгий приговор найдете вы и Сен-Мартеню, хотя отчасти и справедливый²⁸³.

В салоне Ансело встретил я возвратившегося из Италии Беля (Стендаля)²⁸⁴. Он постарел и едва ли не охилел и умственно, но бегает за умом и за остротами по-прежнему. Он описывал Didier, автору “De la Rome souterraine”²⁸⁵, и мне Флорентинский Собор Ученых, бывший недавно под покровительством великого герцога Тосканско-

го: хвалит его за радушие, с коим угощал он съехавшихся с концов земли ученых, литераторов и дилетантов. Дворцы, сады, музеи, галереи — всё было отдано в распоряжение комитета. Для материальной жизни устроена была дешёвизна во всем; для нравственной и интеллектуальной — свободомыслие и свободоболтание. Но почти никто не употребил этого во зло: все положили хранение устам своим.

Мне принесли каталог автографов, кои скоро будут продаваться с аукциона. На заманчивом заглавии блеснит множество знаменитых имен королей французских, министров их и писателей. Упомяну об одном. *Malessherbes*, от 20 июня 1793 года, на трёх страницах описывает сестре своей, *m-me de Senozon*, последние минуты Лудвига XVI²⁸⁶...

Не знаю, удастся ли купить один из сих автографов? Dupin на сих днях произнес *à la cour de cassation*²⁸⁷, коего он генерал-прокурор, похвальное слово сему Мал[ъз]ербу, а за пять лет перед сим другой: *Hello — à la cour royale de Rennes*²⁸⁸, был также панегиристом его и включил своё похвальное слово в *Философию истории Франции*, недавно им изданную. «*Сеятель*»²⁸⁹ отдаёт Гело преимущество пред Дюпенем. “*M. Dupin est le représentant fidèle de l’opinion de son tems; mais il s’en contente et ne va ni plus haut, ni plus loin; mr. Hello a des besoins plus élevés: il cherche davantage la raison des choses; aussi ne s’arrête-t-il pas aussi brusquement que mr. Dupin au point où l’opinion du jour s’arrête*”²⁹⁰.

14/2 ноября. Воскресенье. Был у обедни. Из церкви я поехал на выставку проектов гробницы Наполеону, *au palais des Beaux-Arts*²⁹¹. Описание сей выставки вы читали в «Дебатах». Нет ни одной мысли! кроме той, которая в смерти Наполеона! Лучшие надписи в его изречениях — у пирамид, на св. Елене, в завещании любви своей народу французскому. Один памятник мне понравился: гробница его, полунадкрытая, покрыта щитом, на коем означены главнейшие победы его. Сей щит, не совсем прикрывающий самый гроб, по четырем углам поддерживается орликами. На гробу — меч и короны его. Три залы уставлены проектами, рисованными и вылепленными. Много госсос, много повторений известных монументов, пирамид, храмов. В сенях выставлен проект, опоздавший к сроку: это один из лучших, напоминающих монумент Исаакиевской площади. В книжке сказано, что 81 проект представлен на выставку; но мне показалось, что их гораздо более. При каждом объяснении их программа. При-

мечательнейшим полагают проект Висконти, здешнего архитектора: Наполеон на коне в центре Дома инвалидов, из коего галерея ведет под самый купол храма. Галерея уставлена, в трёх отделениях оной, трофеями побед Наполеона, гробами губернаторов Дома инвалидов, тремя памятниками гражданских подвигов императора. Саркофаг из корсиканского гранита, из двух гранитных обломков. В одном прах Наполеона, прикрытый другим; над ним блещут восемь золотых букв: Napoléon. Горний свет главного купола падает на бессмертное имя. Проект корсиканца mr. de Ligny также обращает на себя внимание посетителей. Великолепный саркофаг, над коим Наполеон на коне, обставлен по четырем углам: славой, войной, законодательством, религией. Каждая из сих колоссальных статуй держит свойственные ей атрибуты, например: религия — Конкордат с Римом, законодательство — Гражданское уложение. И в самом деле, в сих четырёх эмблемах выразился весь Наполеон. На барельефах изображен Наполеон, венчающийся в Notre-Dame. На другом Лудвиг Филипп, принимающий прах его в Храме инвалидов. На многих Наполеон напоминает сокольничьих охотников, держа на одной руке сокола или орла, в другой меч. Орел его часто не парит к солнцу, а рвется из рук его или спустил крылья как мокрая курица. Не думаю, чтобы один из сих проектов утвержден был общим мнением или изящным вкусом.

15/3 ноября. Я возвратился от Рекамье, которая на прошедшей неделе пригласила меня ехать с нею и с детьми её племянницы Lenormand в Cirque Olympique — смотреть Мюрата! Я нашёл её охрипшую и не весьма здоровою; надеялся, что наша экспедиция au boulevard²⁹² отложится: но дети бы расплакались — и она едет. Предварительно прочла с Баланшем представляемую пьесу, и при сем случае разговорились о самом герое. Тут были Шатобриан и граф Пасторе, сын автора. Когда экс-королева Мюрата была здесь в Париже, года за три пред сим, то Пасторе расспрашивал её о смерти герцога д'Энгиенского²⁹³. Она приписывала всю вину Талейрану. Он первый обратил будто бы внимание на него Наполеона, первый дал мысль... Мюрата, как военный губернатор Парижа, подписал только приказ, но в тот же день был у Рекамье и с бешенством говорил о поступке Наполеона, и впоследствии не раз оправдывался в клевете, на него взведенной, будто бы он бросил горсть земли на расстрелянного! Рекамье и Шатобриан с жаром защищали память его.

Снизу доверху театр был полон, но публика — не итальянской оперы! Первой сцены первой картины я уже не застал; но скоро конный топот возвестил Мюрата, уже генералом и князем империи — на его родине в Бастиде. Посылаю вам все превращения Мюрата, от бастидского трактира до трона в Неаполе. На 33-й странице (в 7-й картине) увидите и Бородинский редут. Его брали штурмом: пехота и конница! Стрельба ужасная! Дым во всем театре! Сердце дрогнуло при виде русских солдат в редуте! Я не успел пересчитать конницы; но она скакала по театру, как на Марсовом поле. Рубились, дрались в схватку и на конях с мамелюками. Потом Мюрат в Неаполе, королева Каролина, изменник Barbara (“Celui-ci n’a pas volé son nom”²⁹⁴, — примолвил верный до смерти Мюрату Кастальян, земляк его). Рекамье оставила ложу на время, пока судили и вели Мюрата на казнь. Он был одним из её энтузиастов в своё и в её время. К апотеозе она возвратилась в ложу, и мы видели и Наполеона в сером сертучке, как живого в полях Елисейских, встречающего своих маршалов и своего короля-зятя, коего Харон перевозит к нему на барке: анахронизма не заметили, хотя Харон и прежде перевёз Наполеона. В 14-й и последней картине собраны полководцы всех времен и народов: и Кесарь, и Александр Великий, и Карл Великий, и Фридрих Прусский. Яркий свет освещает их. Все это продолжалось до полуночи. Мы усадили нашу милую Рекамье в коляску и пожелали не быть больною завтра.

16/4 ноября. Заезжал к Рекамье справиться об её здоровье: Мюрат немного расстроил его; но я нашёл её у камина, окруженною Шатобрианом, Баланшем, дамами и ещё несколькими мужчинами: она рассказывала о пожаре замка Баранта. Он загорелся в третьем часу утра, неизвестно ещё отчего. Хозяева едва успели спастись в ночном туалете. Но потеря невозвратимая в книгах, в пожитках всякого рода и в драгоценностях фамильных и свезенных туда Барантом в разные эпохи жизни его: он надеялся кончить там, “in otio cum dignitate”²⁹⁵, жизнь свою! Не погибли ли и рукописи? Никто здесь, кроме одного его родственника и, может быть, Моле, ещё не знает подробностей и всей потери. Я пошлю справиться в дом его или заверну к Гизо.

Шатобриан часто спрашивает меня о Москве, об её достопамятностях, об исторических древностях прошедшего: весною он замыслил побывать в Петербурге, в Москве и в Нижнем Новгороде.

Старую Европу он почти всю объездил — и в ней ему душно: он хочет освежиться на славянском севере?

От трёх путешественников — Ампера, Ленормана и Мериме — получены вчера письма. Они были в Смирне ещё вместе, собирались в Царьград, но там разъедутся в разные стороны, чтобы снова и скорее собраться в Париже.

Лекции в Сорбонне, au Collège Royal, уже начались. Вчера была лекция Ройе-Колара, племянника старосты доктринеров, преподающего à l'Ecole du droit²⁹⁶ народное право: он напомнил слушателям, что в Страсбурге преподавал сию науку знаменитый Кох, наставник почти всей Европы, который имел слушателей из всех наций.

Ste-Beuve читал вчера у Рекамье корректурный лист из 2-й части своего Пор-Рояля, а именно Паскаля. Шатобриан, Баланш выхваляли сей отрывок. Мне не удалось быть на чтении. К новому году 2-я часть отпечатается.

[ИЗ НЕИЗДАННОЙ «ХРОНИКИ РУССКОГО В ПАРИЖЕ»]

1841, 14/26 декабря

Мне не удалось слышать первой лекции Мицкевича²⁹⁷; но она, кажется, возбудила неудовольствие его соотечичей за то, что он занимается одной славянской словесностью, а не политикой. В польском журнале, в частных присланных ему письмах нападают на его равнодушные относительно Польши. На второй лекции он объявил, что он профессор словесности, а не политики, и начал рассказывать о каком-то Пасеке, старинном прозаисте польском, который был вместе и идеалом польского шляхтича-рыцаря: дрался везде, и за всех, и за все, и писал свои записки оживленным и оригинальным слогом. Мицкевич прочел отрывки из его биографических повестей. Лекция продолжалась не более получаса²⁹⁸.

На днях пригласили меня в Ораторский институт, коего директор и главный оратор — Дюран, а президент — академик Тисо. Я не ожидал ничего блестящего и поехал между обедом и вечеринкою. В комнате, в четвертом этаже, худо освещенной, нашёл я публику смешанную; на подмостке стояли клавикорды и вместо кафедр — столик с водою... Сперва какой-то Гино, молодой романтик, около получаса говорил

об искусстве у древних и новых и кончил панегириком романтизму в лице Гюго. Дюран отвечал ему, оживился в своей импровизации и в характеристике христианского духа в явлениях искусства возвышался до красот Шатобриана, из коего привел несколько красноречивых строк. Он тронул нас и увлѣк за собою. Гино хотел отвечать ему, горячился без успеха и только подал повод Дюрану ещё раз очаровать нас сильным возражением на возражения и чтением прелестных стихов Беранже. Тисо, который, казалось, дремал в продолжение прений, проснулся и в кратком очерке представил существо прений, коснулся романтизма и классицизма и превосходно анализировал школы и главных представителей оных. В будущем заседании предметом прений будут историки и история новейших времен. Этот Ораторский институт напомнил мне Debating-Society²⁹⁹ в Лондоне, общество, составленное из молодых ученых и журналистов, из кандидатов камеры, где я слышал прения о превосходстве Вордсворта над Байроном; но там литературные предметы редки; обыкновенно прения бывают о Corn law (закон о хлебе)³⁰⁰ и т. п. О картине Лароша вы читаете во всех журналах³⁰¹. Я любовался ею вместе с Ц[иркуром] и с индийским банкиром-миллионщиком, приехавшим сюда из Лондона и уезжающим скоро восвояси: хлопотал у английского губернатора о вознаграждении его нации (он религии гербов, парсис) за убытки в торговле с китайцами. Послезавтра он будет у нас на бале; я его везде встречаю; и король, и публика угощают его. Лицо нежно-смуглое и примечательное по выражению; костюм национальный. Климат здешний для него несносен, и он спешит к своему солнцу. Я передам вам его разговор о религии с моим приятелем Ц[иркуром]. Впрочем, он неохотно, хотя и с энтузиазмом, говорит о своей и отдает справедливость христианству. Но прежде всего он — банкир и представитель и заступник материальных интересов своего народа, коего число простирается только до 80 т[ысяч] да тысяч до 10 рассеянных в разных местах Индии.

Посылаю вам очерк Ларошевой картины с означением лиц. Представителей музыки вы не найдете в сем соборе художников. Ларош не удостоил принять в свой храм ни Моцарта, ни Гайдна.

Академия Французская приняла Токевиля. Следовало бы Балланшу заступить место Фресинуса; но Пакье, президент и канцлер, перебивает кресло у скромного философа. Хотя Пакье ничего не издал в свет, кроме протоколов по уголовным процессам, но он был пре-

фектом, министром, судьей, канцлером — и избиратели-академики помнят какое-нибудь одолжение, им или родным их оказанное, и забывают, что Академия Французская учреждена не для раздачи *des prix Monthyon*³⁰² (за благодеяние), а для венков таланту и гению.

Вчера Шатобриан предложил мне, чрез Рекамье, свои два билета для входа в здание Академии наук: отдам их гр. Т. и М., ибо я имею свободный вход всегда и во все Академии. Как Шатобриан был забавен и вместе красноречив, доказывая, что Франция от одного конца до другого не терпит свободы книгопечатания, что она противна французам, что самые, по-видимому, страстные обожатели свободоболтания в журналах в тайне сердца не любят оно и враждебны друг другу. Между тем не в оппозиции только один журнал, много два, да и те осуждают правительство за приговор журналиста на пятигодичное заключение!

Передо мною XV т[ом] Энциклопедии *des gens du monde*³⁰³. В нем краткие биографии Жуковского, Козлова, кн. Кочубея, Каменских (отца и сына), Капниста, Каподистрии, Кантемира, Карамзина, Кутузова-Смоленского, Княжнина, Крылова и проч. и проч. <...>

II. ИЗ ДНЕВНИКОВ

ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ 1823–1824 гг.

Петербург

[1].

Вопреки якобинцам всех видов, от Святого Фомы (St. Thomas d'Aquin) до известного Грегуара, народ не есть судья царей; но он их критик и, подобно прочим, может исправлять только людей с дарованием. Продолжая сравнение, мы скажем царям и авторам: не сердитесь за критику и не всегда ей верьте; но умейте слушать и понимать её. Скажем рецензентам и народам, первым: критикуя автора, не оскорбляйте человека; другим, напротив: критикуя человека, не забывайте прав государя и престола.

[2].

Давно сравнивают монархическое правление с отеческим, и это сравнение прилично всем монархиям, сколько бы, впрочем, между ними не было различия в образе действий правительства или в средствах обеспечения прав народа. Отец есть глава семейства, из младенцев ли оно составлено, из юношей или из людей, зрелых летами и опытностью. Но в попечении о младенцах отец обязан сам все предвидеть, принимать все предосторожности, одним словом, за них и мыслить и действовать. Руководствуя юношами, уже не довольно одного сведения о их главных нуждах и пользах: должно уметь, скрывая своё искусство, направлять и занимать их умы, узнавать их склонности, желания, составляющие особый род потребностей, должно бы с оными соображать свои действия. Когда же дети в зрелом возрасте, то самые их мнения имеют необходимое влияние на поступки отца, и зависимость таких детей можно назвать только зависимостью почтения. Управление в двух последних случаях и труднее и легче, нежели в первом: средства для действия не столь просты. Зато и ошибки не столь часто неизбежны. Но сей образ правления не может существо-

вать без взаимной доверенности, следственно, без взаимных, беспрестанных сношений между отцом и детьми. — Как опасно оставлять младенцев без некоторого принуждения, на жертву их прихотям и неразумию; но как же опасно неосторожным противоборством возмущать страсти юноши или, действуя вопреки советам благоразумия, унижать себя в глазах сынов, достигших зрелости! А что определяет сию зрелость в людях и народах, кроме богатства идей и сведений, кроме степени просвещения?

«Что спорить о конституциях? Всякое государство имеет свою конституцию, ему сродную». — Так часто говорит наш почтенный историограф³⁰⁴. Конечно, могли бы мы отвечать ему, и всякий человек имеет своё сложение. Но один, перенося труды, беспокойства, неприятности, только приобретает новые силы; другой, как былинка, погибает от дуновения ветра. Кому же лучше? Нельзя лечиться от сложения; но если мы изберем приличный род жизни, если будем постоянно наблюдать за собою, исправляя мало помалу свои навыки, укрепляя себя хорошею пищею и трудом, то можем достигнуть до степени здоровья, о коей прежде не смели подумать. И что же? В иных обстоятельствах хилый человек переживет Геркулеса!

ИЗ ДНЕВНИКОВ (1825–1826 гг.)

1825 год

14 июля 5 часов утра. В 6^{1/2} переехал границу и выехал в Пруссию. Прости Россия, обожаемое отечество. — Что бы ни было со мною, в тебе и вне пределов твоих, везде я сын твой, везде будет биться русское сердце во мне и жизнь 25 лет, службе твоей посвященная — тебе же посвятится, где бы я ни был. Пусть Фотий и г[осударь] А[лександр] безумствуют и преследуют сынов твоих...

Витенберг — некогда первый центральный пункт немецкого просвещения. — “Would I had never seen Wittenberg, never read book” (Marlow’s Faustus?)³⁰⁵.

В Витенберге король прусский (для чего же не один из курф[юрстов] сакс[онских] или не вся протестантская Европа) воздвигнул на площади памятник Лютеру (описание одного и надписи). Мне кажется, что гигантом славы европейской или, лучше, всемир-

ной, каков Лютер (но кого сравню с ним в бесконечном действии подвигов?), не нужно бы воздвигать монументы. Или разве только возвеличить их просто надписью, какова была богу в Афинах «Неведомому!» — Тому, кто потребовал бы в Витенберге или в Эрфурте монумента Лютеру, указал бы я на всю проч[ую] Европу, указал бы вдали, за синим океаном, свободную часть света — и повторил надпись анг[лийского] архитектора: “Si monumentum quaeris — circumspice!”³⁰⁶ Я скажу более: самые католические земли обязаны многим лютеранству — следов[ательно], и там невидимые следы реформации не исчезли. <...>

24/12 августа. Вибекинг познакомил меня с Шеллингом. Я не ожидал встретить в К[арлс]баде первую теперь мыслящую голову в Германии. Он пригласил меня к себе. Я просидел у него с час. Говорили о Бадере, а Шел[линг] рекомендовал мне участь проф[ессора] виленского Голуховского, которого очень хвалит. Я справлялся о нем у гр. Нессельроде и завтра успокою Шеллинга.

Он издает новое сочинение в 3 частях. Теперь живет, но не служит, а только учит в Эрлангене...

25/13 августа. Ввечеру Шеллинг подошёл ко мне и с таким добродушием говорил со мною о своей философии, о содержании издаваемой им ныне книги, в которой изложил он всю систему свою, как о трансцендентальной, так и о нравственной философии, и о религии, понятным образом и для дилетантов. Он избрал форму мифологических исследований — для того, что в ней все соединить можно и перейти к началу всего³⁰⁷. Обхождение его так ободрило меня, что я спросил у него о причине ссоры его с Якоби, которого люблю и уважаю за некоторые страницы в его Вольдемаре и за понятное изложение нравственной системы Канта. Якоби виноват, ибо начал нападение на Ш[еллинга] и начал в то время, когда был президентом Академии, коей Ш[еллинг] был только членом, следов[ательно] почти подчиненный ему. Не называя его, а только ясно обозначая его книгу, он называл его безбожником. Шел[линг] отвечал ему.

Теперь он является снова на поприще интеллектуального мира, с полной системой мнений своих, уже не отрывками и не в облачной терминологии изложенной, но ясно и открыто. Теперь, говорит он, пусть судят меня, мою религию, начала, на коих воздвигаю мою систему.

Я спросил его, задолго ли до своей знаменитости, или до появления первой книги его, был он учеником Фихте, полагая, по изданной о нем биографии, что он у него в Иене учился. Но Шел[линг] отвечал, что он не был учеником Фихте, а только один раз слушал его лекцию, желая воспользоваться блистательным способом преподавания лекций Фихте, что о сем ошибочно сказано было в *Conversations-Lexicon* и что он не учеником Фихте, а товарищем его был в Иене. Шел[линг] уверяет, что он совсем неожиданно для него сделался начальником филос[офской] партии и произвел в то время такое действие на умы в Германии, дав им новое направление в области метафизики, что теперь почитает он своею обязанностию предложить все начала свои удовлетворительным для всех образом и для того издает свою книгу, которую пришлет ко мне в Париж.

От философии перешли мы к другим отраслям германской словесности и признавали ощутительную скудость оной в наше время. Между историками едва можно поименовать Раумера, но и его книга наполнена рассуждениями поверхностными и полуистинами. Герен давно ничего нового не издал, а книга его о Греции — недостойна старших сестер своих, т. е. первых частей его Идей о Европе и Азии. Риттер в географии более всех теперь отличается своим всеобъемлющим взором, но и он сбился на мифологические догадки, в другой книге. Один блистает человеколюбием и обширными сведениями — Нибур, из государственных советников в Берлине сделавшийся профессором в Бонне. Он предпочел Древний Рим — кормилу правления, которое держал неверной рукой. Это явление принадлежит нашему времени³⁰⁸. <...>

26/14 августа. После обеда опять я долго гулял с цесаревичем и говорил опять много и о многом: военные поселения. Я уступил ему тетрадь о военных пос[еления]х. Кажется, он не расположен к ним. Замечания его о полку, который в сражении потеряет половину — и тогда деревня, к которой он приписан, опустеет. Неуравнительность в растрате людей. О семеновской истории. О М. Орлове и о его ланкастерских таблицах. Хвалит Воронцовские и удержал и ввел и употребляет их по сие время у себя Глинка. Не определен инспектором в Каз[анский] корп[ус], хотя цес[аревич] и представлял о нем гос[ударю] по желанию Коновницына. Я старался оправдать Гл[инку] и выставить его в настоящем виде, как энтузиаста ко всему доброму, не вмешива-

ющегося в политику³⁰⁹. — Лунин. Н. Муравьев. Поездка их в военные поселения. Старался оправдать их, особенно Мур[авьева]. — Андреевский! — Греч, которого цес[аревич] смешивал с однофамильцем его — О Сперанском. Отзывы о Карамзине. Фовицкий сказывал мне, что читает ему ежедневно его «Историю». Обед в день св. Георгия и в два полковые праздника. <...>

29/17 августа. Сегодня познакомился с Багезеном, датским поэтом, автором «Партенанцы» и разных мелких стихотворений, более эротических. Он за 34 года пред сим путешествовал с Карамзиным, помнит его³¹⁰. Знает Блудова, Мих[аила] Орлова. С восхищением, со слезами на глазах говорил о принцессе Ловиц — и теперь, по словам его, закроет глаза навеки, ибо другого, подобного ей ангела, уже более на земле не увидит. Готовит какую-то новую поэму, отдохнув 15 лет после издания последнего своего сочинения. О теперешней нем[ецкой] словесности говорит с сожалением; даже и ученые труды Гёте, о которых я ему напомнил, по его мнению не заслуживают той славы, коей возвеличили их литераторы-журналисты, ожидая такой же похвалы и от Гёте. 34 года странствует Баг[езен] по Европе и знакомится со всеми; от кедра — до пиона; от Наполеона — до меня <...>

9 сентября/28 августа... Я встретил Шеллинга на дороге к Постгофу, долго разговаривал с ним о сочинениях St.-Martin; он читал некоторые из них; нашел в них свои мысли — и не хочет читать другие до тех пор, пока не издаст полную систему свою, дабы не мешать развитию собственных мыслей своих, так как он не читает почти ничего из области философии и мистики. Он называет St.-Martin — ein geistiges Cadaver³¹¹ потому, сколько я понял, что в нем много истинного духа; но не развитого, сокрытого в мертвой шелухе. Он не успел или не мог раскрыть все, что было в нем духовного.

Шел[линг] сказал мне, что жалеет, что не может объяснить хода или, лучше, внутреннего развития своей системы, — а я ещё более о сем жалею, ибо его словесное объяснение послужило бы мне при чтении книги его в Париже <...>

17/5 сентября... Между тем как в отчизне всякий нищий, каждое поле, худо обработанное, свежие развалины или явная нищета де-

ревни, или слух о злом притеснителе-помещике смущают его [путешественника] душу и располагают её к какой-то продолжительной внутренней досаде, отравляющей все наслаждения природою и любовью, — в чужом краю те же явления не производят сего действия или по крайней мере оно слабее и умеряется или оказанною помощью, или сравнением с новыми более утешительными явлениями, или при взгляде на Божий мир, не обезображенный на ту минуту рукою человеческою! Путешествуя в чужих краях, *gazing at mankind*³¹², хотя и не так, как бы на диких зверей в клетке, то, по крайней мере, как на собрание редкостей, коим дивимся, не трогая оных — и не будучи тронуты ими! Но в России — кто проезжал в[оенные] п[оселения] и смотрел на них со спокойным духом, [не] помышляя о минутных жертвах настоящего и о ужасах будущего!.. Кто смотрел на развалины екатерининских дворцов, на сии при самом строении развалившиеся памятники необдуманных замыслов в пользу городской промышленности, — и взора горького вперед не обращал! Кто проезжал по Ярославским трактам и не думал о том, куда ведут эти дороги... Губернатора к почестям, народ к разорению! — И сии деревья, изнеможенной рукою посаженные, и негодованием опять вырванные! — или иссохшие преждевременно как те земледельцы, кои, оставив поля свои необработанными, за сто верст пришли садить их!..

18/6 сентября... После обеда ходил я сегодня (в воскресенье) в Schiessengesellschaft близ Kleinversailles и видел здешних стрелков, в цель на 200 и 100 сажень попеременно стреляющих. Общества сии существуют издавна во всей Германии. К здешнему принадлежали из русских: Петр Великий, гр. Ал[ексей] Григ[горьевич] Орлов и кн. Ф. С. Голицын. Сохраняют три меты, в кои державная рука северного героя попадала — и не без благоговения смотрел я на сей памятник забавы его. — Гр. Орлова портрет, в каске, также здесь хранится и щит, в который попал он: на нем изображен лев, с русской надписью, выражающую неустрашимость русских... Он жил здесь во время цар[ствования] императора Павла — и укрывал себя и, как скажут, богатую невесту свою от женихов того времени, сильных при дворе самодержца...

Петр I подарил стрелкам 20 ведер вина. Кн. Фед[ор] Серг[еевич] Голицын одел всех их на свой счет и угостил — или, лучше, на счет своих наследников...

19/7 сентября... Писал сегодня к Жихар[еву] и к Кар[амзину] и послал и гравюры Бруни с Тютчевым... Последнюю ночь проводил в К[арлс]баде. Вечер сидел у нас Моден и Чаадаев <...>

28/16 сентября... Во 2-м часу ночи прибыли в Нассау, жилище Штейна, коего жизнь и славу изобразил в одном стихе Клопшток (tönt unendlich fort), не думая о нём.

Рано поутру пошёл я ходить, но прежде из окна моего трактира увидел я с одной стороны живописные развалины на горе (Schlossberg) die Burg Stein, а с другой — самый замок нынешний Штейна, где патриот, cum otio et dignitate³¹³, мечтая о благе отечества, времена минувшие поминает и остатки бессмертных дней своих посвящает бытописателям и дает им новую жизнь, а чрез них и славе Германии. <...>

Развалины замка Штейна ниже нассаусских. Глубокий ров, натурой сотворенный, разделяет сии два памятника 11-го столетия. 7 веков здесь фамилия Штейна существует. — Я пошёл к его развалинам, другая картина, и не менее прелестная. Вся земля у подошвы сей горы принадлежит Штейну. У подошвы горы течет Лана, а за ней Нассау — и далее горы.

В 10 часов пошли мы в замок к самому Штейну. Он принял нас в башне, построенной им в память 1813, 14 и 15 годов; в среднем этаже башни — его кабинет, и в простенках оного библиотека для древностей германских; украшена портретами героев Германии древних и новых, от Лютера, Максимилиана, Валенштейна и проч. — до Блюхера и Гнейзенау! Тут просидели незабвенные 2 часа в жизни нашей в беседе с мудрецом нашего времени, одним из восстановителей падшей пред Наполеоном Германии. (Не забыть написать к гр. Румянцеву о присылке к нему всех актов, им напечатанных.) <...>

Его не забудет история.

В башне, воздвигнутой Штейном, вделаны статуи: св. Георга, для России, св. Адальберта, для Пруссии, и на одной двери надписано начало известной духовной песни Лютера: "Eine feste Burg ist unser Gott"³¹⁴. И Штейн имеет своего папу, от коего спасло его провидение, и свою Германию и Европу, для коих спасло его провидение. Уединенная жизнь его, посвященная снова отечеству, достойна его деятельной жизни в эпоху министерства в Пруссии, и в другую, для него, для Германии и для человечества славную. О нем можно, мо-

жет быть, справедливее сказать, чем о Фрид[рихе] Вел[иком] (сказал Мюллер): “Immaculatis fulget honoribus”³¹⁵; а в утешение себе, не видя всех плодов созревшими, может он воскликнуть: “Et voluisse sat est”. Но и совершенный им подвиг дает ему право на истинное бессмертие³¹⁶. <...>

1 октября н[ового] ст[иля]. Бонн... Узнав, что Шлегель ректор унив[ерситет]а здесь, я пошёл к нему и не раскаиваюсь, что возобновил знакомство с другом m-me Stahl, которого видел с ней в П[етер]бурге³¹⁷. <...>

Воскресенье. 9 октября/28 сентября. Шато-Тиери. <...> Не знаю, отчего жизнь, из одних наслаждений и удовольствий, хотя и весьма суетных, составленная, пугает меня. Я не привык жить для себя самого, хотя и прежде мало жил для других. Какой-то голос говорит мне: не здесь твое отечество, не здесь твои привычки, твои ближние. Я слыл любителем шумного света и долго сам думал в нем находить рассеяние; но какой свет более Парижа шумен, а меня ничего не влечет туда, хотя и сам чувствую, что он будет для меня не без прелести! но главной прелести жизни — дружбы — для меня там не будет; и где я найду дружбу и семейство Карамзина! <...>

29/17 октября. <...> кончил вечер с гр. Раз[умовской] у Гизо в кругу его семейства и друзей, между коими нашел славного Biot. — Общество сие напомнило нам семейство Кар[амзиных]. И здесь ум и благородство души отличительные черты: Гизо был factotum не столько в Министерстве внутр[енних] дел, но в Министерствах, при Деказе, не имея никакого состояния, кроме жалованья, коего получал до 60 т[ысяч] фр[анков] и квартиру и почести; и все оставил и предпочел бедность перемене правил в управлении³¹⁸. Примеры сии редки и в наше время. Теперь живет сочинениями умной жены и своими, сохраняет независимость правил при всей зависимости недостатка в средствах жизни. Предметы разговора менялись, но обращались почти всегда к России... Я рад, что мог с жаром чувства и согласно с истиною говорить об императрицах... Био сидел при нас недолго. Гизо живет в двух или трёх комнатах; в маленькой комнате, где мы едва могли уместиться, кажется, и спальня их, а подле её уютная столовая, или прихожая, как угодно. Но совесть его спокойна <...>

31/19 октября. <...> Гумбольдт зашел к нам сегодня и повел нас в Академию, усадил близ Cuvier и других должностных ученых и называл на ухо каждого известного или славного ученого, кои окружали нас. Почти все ученые — Лаплас, Дефонтен, и проч. проч. — были в собрании; по чинам — два академика и один почетный адъютант. Предметы чтения были на этот раз из анатомии рыб и о желтой лихорадке и язве. К Гумбольдту все подходили с большим уважением, и по окончании заседания он представил нас Cuvier, который пригласил нас по субботам к себе. У него собираются ученые и литераторы всех партий. Гумбольдт проводил нас до набережной и предложил познакомиться и с Газе, что в библиотеке, и ввести в Академию так, чтобы мы могли брать из библиотеки оной книги. <...>

13/1 ноября. Ныне мода на сокращения, *résumés*, так, как некогда на энциклопедии, на краткое понятие о всех науках и проч. На всех окнах в книжных лавках, у каждого букиниста, видите вы *résumés* и то, чего некогда желал Шлецер и отчасти начал уже сам приводить в исполнение изданием истории Корсики, России, Лейпцига в 12-ю долю и в одной книжке, то исполнили французы, сделав сокращения не только истории каждого государства, но и уже некоторых главных частей оной, или продолжительных происшествий, имевших влияние на участь человечества, так, например, есть уже *résumés* крестовых походов (кажется, реформации) и, наконец, сокращение истории иезуитов.

Выиграет ли от сего образа писать и читать историю самая наука или метода преподавания и обучения оной, — не знаю, но сия карманная ученость может ещё усилить вкус к чтению, и тот, кто принялся читать в 16-ю долю, может кончить фолиантом. Любопытство возбуждено, вкус изощрен и богатство идей, фактов, размененное на мелкую монету, достанется в удел не только капиталистам, т. е. кабинетным ученым, но и поденщикам и бедным торгашам *en détail*. Сокращения сии могут произвести в области ума и народного просвещения то же, что журналы произвели в политике, внешней и внутренней. Они подействуют и на ученых, кои будут соображать методы и самые сочинения свои не с вкусом писателей и читателей одного высшего образованного класса, но с потребностями массы народа, и все школьное, все, непрактическую цель имеющее, будет забыто или сохранено в других книгах. Народ получит одну эссенцию, один крепкий бульон, животворящий силы ума или убивающий...

Теперь, кажется, более 20 томов сокращений. Новейшее — история иезуитов, и заключение книги мне очень понравилось: автор кончил текст истории указом Петра I о высылки из Москвы (которому, кажется, мы дали первую гласность благодаря Каменскому, добывавшему мне копию с архивского оригинала) и приводит слова его; а своё сокращение заключает à peu près³¹⁹ так: «Тот, кто написал в десяти строках этот résumé истории иезуитов, назывался Петром Великим!». — Я прочел это сегодня в Palais Royal и не завидовал чудесам царствования Лудвига XIV.

Сегодня опять был в Лувре и в картинной галерее рассматривал уже только некоторые картины Рафаэля, Доминикина, Claude Lorrain и любовался им пристально и с большим наслаждением, чем вчера. Я начинаю присматриваться к ним и стараюсь отыскивать, чувствовать и постигать красоты, коими прежде неопытный глаз мой не наслаждался. Надобно создать себе новый мир красот, и с ними — и наслаждений, и к миру вещественному прибавить идеальный. Не менее поэта восхищаюсь я поэзией и считаю минуты чтения между немногими приятными и некоторые из них — незабвенными в жизни; для чего же и живопись не может возбудить в душе и в воображении спящей, может быть, только способности наслаждаться ею. Быть может найдутся для меня Шиллер и Гёте — в творениях Рафаэля и Корреджио!

Сегодня воскресенье, и мы нашли залы наполненными публикой из всех классов народа, ибо всем открыт Лувр. Я видел крестьян, бедных поденщиков в рубищах — перед картиною Корреджио. <...>

24/12 ноября... Я прочел в журнале о кончине Jean Paul Рихтера в Барейте 14 ноября, и это известие меня опечалило. Так недавно я его видел, и так приятно мы с ним беседовали. Шеллинг в Карлсбаде как бы предвещал меня, что скоро его не станет, зная его болезнь и его самолечение, опаснейшее самой болезни. Но наружность Рихтера, хотя и не обещавшая продолжительной жизни, и надежда его на выздоровление и в нас вселили её. Он обещал заняться полным изданием своих сочинений. Именем Шеллинга советовал я ему оставить недостатки и странности первого издания et du premier jet³²⁰ и в новом, и, кажется, он согласился в трудности исправлений оригинального, особливо же юмористического сочинения. — Теперь он сам предстал пред автором всего живущего, в новом исправленном и неизменяе-

мом издании, которому нет последующего и при котором нет страницы с опечатками. <...>

3 декабря/21 ноября. Вчера провёл вечер у m-me Récamier, и она мне чрезвычайно полюбилась. Милая, прелестная физиономия, которая носит на себе печать прекрасной жизни — и черты красоты душевной, неувядаемой. Я думал найти пожилую красавицу, строгую, неприступную, как её добродетель; а нашел добрую, ещё прекрасную женщину, для которой в нашем языке одно выражение: милой, по душе, по уму — и по глазам, в коих и душа и сердце и ум её выражаются. — Имя её напоминает век революции и империи, богатство и пышность — и безрассудность мужа; уважение и любовь всех, кто были ей близки, ненависть Наполеона и приют всех партий. Она сохранила строгий долг — чести и нравственности не только в пожертвовании всем, что имела, без расчетливости мужа, но покорила ему и чувство, один только раз, как сказывают, восплавшее в девственной, невинной груди её; превозмогла страсть — и хотела возвысить к беспорочной любви и того, кто возжег её; но Шатобриан не мог владеть собою, не мог следовать примеру слабою женщины и удалился от её неумолимых прелестей.

M-me Récamier живет в 4-м этаже, в одной комнате, в которой и спальня и приемная её. Один портрет во всю стену m-me Stahl, камин и маленькая *causerie*, около которой литераторы, журналисты, лорды, пэры и депутаты оппозиционной партии собираются два раза в неделю; милая, молодая племянница мужа её, которую она воспитала и теперь выдает замуж, сидела у ног её; а мы толпились и говорили большею частью о почестях, отдаваемых праху и памяти Генриха Фоу, коего детей призрел Орлеанский герцог, и весь народ участвует в сооружении памятника и в обеспечении всего семейства защитника конституции; говорили и о процессе против журналов, и много о поэте Пушкине, коего дядю, Вас[илия] Льв[овича], m-me Récamier знавала, о m-me Genlis, о скупости Bernardin de St.-Pierre и о его характере вообще и наконец о «Леониде».

Прием её, дружелюбное приветствие, непринужденное, ободрительное, — все влечет меня к ней, и я редко буду пропускать вечера понедельника и пятницы, в которые можно её видеть. И милой быть лишь ей пристало! <...>

9 декабря/27 ноября. <...> Странно! Cousin³²¹ не хочет нас видеть, будучи уверен, что мы посланы правительством узнавать все, что есть примечательного во Франции, и доносить ему. Мнение сие о нашем путешествии я уже здесь не в первый раз слышу. И Гизо то же думал; но он ничего не опасался. Cousin — пуганая ворона или, может быть, и — орел, но опасющийся своего двуглавого собрата! Мы лишены удовольствия и пользы, которую надеялись [иметь] от его беседы! Я честно уверял Г[изо], что одна любовь к изящному, к пользе России влечет нас всюду, где надеемся найти или наставлений для себя, или обогащение идей, или указание общепользных открытий, заведений; от адвокатов до Гумбольдта; от богадельни — до Академии; мы ничего и никого не чуждаемся. Везде ищем пользы; везде ищем извлекать её для отечества, которое для нас выше и дороже всего <...>

11 декабря. Какой-то молодой человек Marchais доставил мне знакомство Тальмы. Он принял меня сегодня в 10 часов по утру, и я просидел с ним около часу, и, вероятно бы долее, есть ли бы не пришли к нему другие. Сначала говорил он о Франции, о господствующем здесь духе, о новейших происшествиях, свидетельствующих образ мыслей нынешних французов и общее стремление к конституционному порядку вещей, которому правительство должно бы только следовать, чтобы привлечь к себе все партии или, по крайней мере, большую часть народа. Тальма путешествует ежегодно внутри Франции: при кончине Лудвига 18-го был он в Лионе. Там никто не смел надеть траура, и одна дама обратила на себя негодование публики тем, что осмелилась явиться в театр в черном платье, которое надела по причине фамильного траура. Но как скоро в Лионе узнали о первых словах (mots), которые сказал король, ou qu'on lui a fait dire³²², о цензуре, о свободе книгопечатания, — Лион обратился к королю с любовью. — Оставив политику, я спешил навести разговор с Тальмою на театр. Он спросил меня, видел ли я его в Нероне «Британника»? — «Нет, — отвечал я, — и ожидаю этого с живым нетерпением». «Я должен играть Леонида до тех пор, пока пьеса начнет упадать, а потом, вероятно, дадут другую новую пьесу, так что прежде вашего возвращения из Англии вряд ли дойдет очередь до «Брит[анника]» и до других пьес». Я заговорил с ним о его предисловии к запискам

* Я забыл, что видел его в сей пьесе. — *Примеч. А. И. Тургенева.*

Лекеня и сказал, что я постараюсь перевести или заставить перевести его на русский, ибо в самом деле почитаю сие сочинение классическим в своем роде и полезным не только для актеров, но и для драматических авторов³²³. Тальма доказал им, что он ни одной догадкой, ни одним подражанием лучшим актерам превзошёл всех их, но и тщательным исследованием действий, изменений голоса, учением древних и — сердца человеческого. — Он не столько говорит о Лекене в сем предисловии, сколько о самом искусстве, и все наблюдения его поражают истиною и даже силою и верностию слога. Он высказывает самого себя и тайну своего таланта и творческого гения; о нем с большою справедливостию можно сказать то, что он говорит о Лекене. “Lekain n'eut point de maître”³²⁴.

“Le genie ne s'apprend pas”³²⁵. <...> Кажется, что и эпоха, в которую созрел талант его, много способствовала его развитию и совершенству. Революция воспитала Тальму, и воспоминания Рима и Греции оживились в его воображении, воспламененном дружбою Мирабо, Vergniaud, Дюмуре и многих других. <...>

13/1 декабря. <...> До 10 часов пробыл Тальма: много говорил о революции. О Робеспьере и Дантоне в театре; о неудовольствии Робес[пьера] за игру Тальмы в «Нероне». Он признался, что страшился исчислять злодеяства Нерона и едва помнил, что говорил. Дантон был в театре и при каждом стихе, который напоминал злодеяство Робеспьера, сидевшего в ложе, вспрыгивал и провоцировал рукоплескания, но, повстречавшись взглядом с Роб[еспьером], робко опустился в кресла и не смел более приподнять мятежническую, но робкую свою голову³²⁶. <...>

18/6 декабря. Сердце вещун: вчера в 7-м часу вечера я записал в сем журнале, что мне было очень грустно и что какая-то неизвестная мне самому причина тоски волновала грудь мою. Я выразил это стихом, что на обороте сего листа. Сегодня, по условию с аб[батом] Николем в 9-м часу утра отправился к нему, вхожу в его комнату. Он был не один. Сажая меня у камина, он повторял слова: “C'est terrible! Quelle nouvelle!” Я спросил, что такое? — «Разве вы не читали газеты?», — отвечал он. — «Нет». — “L'Empereur de Russie est mort!”³²⁷ Вот читайте». Сперва я не понял слов его, хотя и слышал их, спросил снова и все слушал, как ошелбененный, начал читать статью dans “Les Débats” и не

дочитал. Хотел уйти, чувствовал что-то необыкновенное в душе моей. Николь хотел освежить меня стаканом воды, но я отказал; уехал к послу. Здесь всё узнал. Ещё не могу опомниться. Россия! И надежды твоей не стало! Забываю его политику — помню и люблю человека. Сердце не переставало верить в него, любить его, не переставало надеяться. Надежды с ним во гробе. Душа стремится к России, обожаемой России! Может быть, при нем — Россия! Ты не забудешь его. Мы жили спокойно. Он у себя отнял славу быть твоим благодетелем, народ в рабстве! Но не отнимал у нас надежды быть твоим восстановителем! В сердце моем бьется к нему чувство привязанности, которое таилось в последние годы его жизни и открывалось только в некоторые минуты, читая иногда решение советское³²⁸, где обнажалась душа его, близкая к справедливости и к милосердию. Тогда и у нас воскрешала любовь, оживлялись надежды. Здесь, примечая негодование к его политике, страдало сердце и народная гордость, с бытием его, с именем Александра, спасителя Парижа, неразлучная. Теперь смерть примиряет и либералов с Александром-человеком; вспомнят его — память его не с шумом погибнет, но в сердцах народа сохранится...

Вечер. Мысль о русской потере не покидает меня: она представляется воображению беспрестанно, и чем более с нею знакомишься, тем она становится мрачнее, ужаснее, неизмеримее. Я открыл в себе какую-то нежность к государю, которой не знал в его время. Теперь, когда для него настала вечность, я сделался не судьей его; но нежным другом, прощающим слабости в кладущим на весы — и самое намерение добра. Есть ли он оставил 14 миллионов ещё в рабстве, то да примет благодарность России, хотя за три примерные губернии. Да успокоится тень его наградою за желание блага, а мы будем думать, что он носил в сердце язву России и надеялся довершить и для неё то, что сделал для остзейских провинций.

Вспоминаю, где в последний раз видел его: в Царском селе, в 7-м часу утра, на большой аллее, ведущей чрез парк из Царскосельского дворца. Он скакал в коляске; за ним фельдъегерь. Увидев меня на дороге, остановил коляску, подозвал фельдъегеря, послал его зачем-то во дворец — и ускакал в П[етер]бург. Я не увижу его более.

Завтра собирался я к m-me Récamier, где должен был встретить и лорда Голанда. При жизни государя я не упрекал себя в желании видеть его пасквильанта. Теперь и не желаю его видеть и увидел бы с чувством неприятным. Не раз вспомнил и думал о Карамзиных. Они

лишились друг друга на престоле — и теперь это украшает государя в глазах моих. — При жизни его я ему не верил! <...>

25/13 декабря. 1 час пополудни. Сию минуту возвратился из русской церкви: мы служили панихиду по незабвенному императоре, — и возносили на литургии имя нового! Почти все русские были в церкви. Трудно выразить впечатление, которое произвела на меня молитва о усопшем! Я озирался вокруг себя и видел памятники, живые, царствования Александра, из коих некоторые принадлежат истории, другие останутся в записках двора или, по крайней мере, в анекдотах его. Посол, коего политическое бытие сотворил Александр всемогуществом своего сана — и стечением необыкновенных обстоятельств; за ним памятник пяти царствований — светлейший Разумовский, ещё бодрящийся, но уже не бодрствующий у чужих престолов, обязанный Александру настоящим благосостоянием своим, утратив прежнее с обгорелыми развалинами великолепного дворца своего в Вене. Далее Чичагов, непримиримый враг русского правительства, смелый говорун в собрании министров и Совета, мечтающий иметь право злословить Россию в лице её правителей и привязавший имя своё к некоторым внутренним происшествиям России и к звезде Наполеона, не от него померкшей. — Около меня барон Строганов, напоминающий пагубную политику Ал[ександра] с Турцией и с единоверными нам греками, и гр[аф] Головкин, который переносит воспоминание к первым годам царствования Александра, устремлявшего некогда взор свой и не на одну Европу, но и на неподвижный Китай. Там плачет Сеславин, которого слёз не заметили предстоявшие и не узнали в нём смелого наездника славных годов в летописях России и Александра. Кн[язь] Тюфякин, царедворец юного Александра, который доживает бесплодный век свой в праздности парижской, в товариществе Коллривого, носящего незаслуженные знаки добродушия монарха и напоминающего слабость его жизни и его сердца, в которой он пред Богом и в излияниях сердечных с теми, кого отличал доверенностию, давно покаялся и которую, может быть, искупил уже последним тяжким для отца ударом, положившим в свежий ещё гроб едва распустившийся цветок, которого назвать запрещает и скорбь и закон... Там и Свечин, скоротечность счастья при Павле и медлительность судопроизводства при Александре собой напоминающий. — Толпа молодых царедворцев, адъютантов — и женщин, кои напоминали

многое и многих и плакали по человеку более, нежели об императоре. Взглянув на четырех фельдъегерей, я живее вспомнил о государе. Я видел их обыкновенно при лице его! Они разносили веления его во все концы империи, что говорю? — в концы земли! Я видел их и у дверей его кабинета, и некогда с быстротою молнии за ним скачущих, и с трепетом, неподвижно стоявших в позлащенном дворце Царскосельском, которого сад не увидит уже в весеннем блеске своём попечительного хозяина... Я вспомнил и себя, и последнее слово его ко мне, два раза повторенное, когда я благодарил его за последние знаки благоволения: «Кто старое помянет, тому... знаешь», — сими словами начал и кончил он в Зимнем дворце монолог свой, $\frac{1}{4}$ часа продолжавшийся...³²⁹ Для чего после сего воспоминания должен сказать я и о том, что думал и чувствовал, когда запели причастный стих «Господи! Скажи мне день кончины моей!» — Есть ли бы возвещал всеведающий и от века сущий смертным число дней их и кончину, то Александр, конечно, не оставил бы по себе 14 мил[лионов] в рабстве; а нас в неизвестности. <...>

1826 год

9 января/28 декабря <...> Город наполнен вестию, что Николай I воцарился. М-me Récamier, у которой я провёл вечер, сказывала, что Шатобриан читал уже ей новое, третье, издание его ноты о грехах, переделанное на воцарение Николая. Можно удивляться не только проворству, но и силе вымысла <...>

...Вечеру узнал о кровопролитии в П[етер]бурге. Кого винить? Не уважение ли к присяге, а, следовательно, к данному слову, вооружило их? Перед сердцеведцем равнодушный ли к сему священному акту или жертвующий своему долгу жизнию и более — найдут себе помилование? <...>

11 января/30 декабря... Я видел Сену, покрытую снежным льдом, который стремится по её течению, плавно... Нева! Что с тобою? Не покрыты ли берега твои новыми жертвами? <...>

16/4 января... Мы записались в дилижанс: de l'union française et anglaise³³⁰, и завтра едем в Англию. Три месяца и неделю пробыли мы в Париже. Я старался пользоваться временем, читал, учился, смо-

трел, знакомился с людьми умными и примечательными, с учеными, и редко предпочитал одно приятное полезному; но на всяком шагу чувствовал, что мало приготовился к путешествию во Францию и к долговременному пребыванию в Париже, где многое, другим известное, было для меня чуждо. Англия ещё труднее для меня по языку — и по своим установлениям...

Вечер, последний в Париже, провёл у С. П. [Свечиной], m-me Récamier и гр. Шуваловой. M-me Récamier предложила мне прийти к ней сегодня от 3 до 6, чтобы познакомить меня с Шатобрианом, но места взяты в Англию! Britannia rule! <...>

26/14 *генваря*. Вчера отказал я послу обедать у него сегодня; но узнав от Н[иколая], что он хотел свести нас с Веллингтоном, который у него также обедает, и получив вторичное приглашение посла, я принял оное и просил Крейтона извинить меня, что я не сдержал слова ехать с ним в заседание Академии наук. Веллингтон возвратится сюда, вероятно, когда уже меня здесь не будет; Академию же могу я увидеть и после и, вероятно, с большою пользою, ибо привыкну более к языку. Лорда Бристоля не застал: он уехал вчера в Брейтон. <...>

29/17 *генваря*... Бродил по городу, был в Гайд-парке и видел тысячи прекрасных экипажей и народ — и солнце! День был прекрасный. Не видно полиции, а везде тишина и порядок, при многочисленности народа. Все одеты хорошо, и бедности ни в чем и ни в ком не заметно. Говорят, что император А[лександр] в Лондоне спросил: «Где же народ?» — В самом деле его нет здесь, в русском смысле этого слова; но в смысле английском, он везде — и одно самодержавие мешает видеть его. <...>

2 *февраля/21 генваря*. <...> В Traveller's Club нашел я английский перевод путешествия Кар[амзина] и в первый раз в жизни читал то, что он пишет об Англии. Конечно, в нем нет того, что русский в теперешнем положении будет писать в путешествии по Англии; но живо описаны первые впечатления при въезде в Лондон, и замечание о том, что надобно пользоваться сими первыми ощущениями, по моему мнению, весьма справедливо. Оно дает лучшее понятие об особенностях города и страны, которую в первый раз видишь, чем отчет путешественника, привыкшего к созерцанию предметов, кои

он описывает. То, что ново и разительно для нас, передается и в описании живее. <...>

3 февраля/22 января. <...> Прочел путешествие К[арамзина] по Англии. Многое весьма справедливо. Есть страницы, кои мог бы я вписать в журнал свой, переменив только год и месяц, и некоторые имена. Описывая заседание в British Institution, нужно только поставить Dawu на место Банка и оставить остальное без малейшей перемены. Те же обряды при выборе новых членов; та же булава лежит пред президентом и тот же образ предлагать предметы к рассуждению членов. <...>

4 февраля/23 января. <...> Всего более изумляет иностранца, особенно русского, отсутствие видимой полиции в Лондоне при таком ужасном многолюдстве и при множестве мелких и больших экипажей, которые не объезжают друг друга, а в тесноте города тащатся один за другим веревкою и часто около получаса, не двигаясь с места, ожидают движения первой навьюченной [пропуск], которая оставлена или другим рядом экипажей или каким-либо случаем. Никого не видно для соблюдения порядка и никто не нарушает его. Тысячи полицейских не увеличивают тесноты разъездов и крики их — шума. — О палашах и нагайках, разумеется, и помину нет. Здесь не нужно быть 14-го класса, чтобы быть à l'abri³³¹ кулаков офицерских. Иначе бой был бы неравный! Тот же порядок, ту же тишину примечаешь и на большом гулянье Гайд-парка. Конечно, туда не пускают фиакров или наемных карет, но тысячи кабриолет и щегольских карет и колясок всякой формы перегоняют друг друга только тогда, когда одна другой повредить не может, и лорд не теснит простого гражданина, да и в голову ему не приходит пользоваться своей первостепенностью, как разве там только, где с титулом его соединены права политические, то есть в камере пэров.

Я видел на пруде, образуемом из ручейка, который извивается близ Hyde-park'a и St. James-park'a, the Serpentine-river, толпы мальчиков, бегающих по льду на коньках, дети, особливо мальчишки, здесь, как и везде, очень резвы, но за ними нет присмотра. Они привыкают к свободе с малолетства и вкушают её с молоком материнским: их не пеленают так, как нас в младенчестве, ни в зрелых летах! Но правительство, подражая матери-природе, действует невидимо, не душит,

но животворит или, по крайней мере, оставляет естественным силам непринужденное свободное развитие. <...>

22/10 февраля... Sir Neil Campbell познакомил нас с одним богатым любителем произведений искусства и с родственником его, королевским архитектором Нешом, который отстраивал Regent-street, и самому себе и тому, у кого мы были, построил также прекрасное общее здание, образец вкуса, отделки и comfortable'ности. Полы железные, и не чувствуешь ни малейшего потрясения, когда по ним ходишь. Лестницы в обоих отделениях дома светлые, покойные, лепные и украшены итальянскими картинами и моделями римских древностей. В кабинете [пропуск] видели мы несколько итал[ьянских] моделей и в столовой картину Лагрене, точно такую, какую он написал для государя, изображающую внутренность монастыря. <...>

Из сих палат в обитель нищеты и разорения шпитальфильдских фабрикантов. Это один из самых отдаленных кварталов города и недавно прославившийся разорением его жителей, которое произошло от прекращения работ на шелковых фабриках. Ими наполнен квартал сей, и, по словам некоторых журналистов, 30 т[ысяч] фабричных вдруг очутились без дела, т. е. без промысла и, следов[ательно], без куса хлеба. Король заказал им какие-то славные обои для нового дворца, желая доставить праздным работу; британская щедрость и здесь сказалась, но бедность немногим уменьшилась, начался ропот, явились афишки на стенах, угрожавшие мятежом, если не будет хлеба у фабричных. Наружность тех, кои нам попадались в сем квартале, подтвердила нам слышанное <...>³³².

3 марта/19 февраля... Выехал из Лондона в 6 час[ов] вечера, пожав у милого брата руку, надолго ли? Не знаю. Я никогда так горько с ним не расставался. В карете — в мыслях и в душе моей прояснилось. Я смотрел в ясное небо и на его звезды! И свет их вливал утешение в грудь мою; но мысль об одиночестве Николая долго, долго не покидала меня. Я рассчитывал часы, в которые он возвращается домой, и когда наступил час ночи, и я мог думать, что усталый от парламентских прений возвратился он домой и спит спокойно, и мне легче стало до самого утра, которое настанет для него в тяжелой грусти по нас и в неизвестности о судьбе своей. Вера в провидение и в нашу невинность подкрепляла меня. <...>

10 марта/26 февраля. У m-me Récamier знакомство с Шатобрианом, разговор о его сочинениях, об имп[ераторе] Александре и его с ним переписке, о Канинге и о сочинениях, издаваемых Шатобрианом]. <...>

21/9 марта. Эльбинген. 2¹/₂ попол[удни]. Вчера минуло 8 месяцев, как я выехал из П[етер]б[урга]. Не думал я так скоро déposer le bâton et le manteau du voyageur! Я видел одни темницы, гофшпитали, богодельни, суды, казни, в Париже: грозные похороны Фоу, шумное торжество либеральных журналистов; в Лондоне: падение мелких ассигнаций и Гольдсмита и шелковых фабрик в Шмитфильде, сопровождаемое голодом для фабричных. Путешествие мое, которое забвением должно было излечить раны и горе мое в П[етер]б[урге], попало в бурную эпоху и для России — и я не унесу с собою из чужих краев ни сладких воспоминаний, ни надежд утешительных! ни даже желания возвратиться на чужую сторону, где я страдал и за себя, и за братьев, и за Россию...

27/15 марта. Понедельник. В 1-м часу пополудни въехал в П[етер]бург. — Думал ли так скоро поставить в уголок страннический посох мой!..

29/17 марта... Рескрипт Кар[амзину]. Все спрашивают: кто писал? Примечательная черта в нашей публике: не радость за семейство и за ясность последних дней Карамзина; не признательность к высокому чувству императора, умеющего ценить семейственные и гражданские добродетели, трогают наших паразитов; но они спешат узнать — к кому бы обратиться с поклоном; кто тот, который орудием таких милостей? Авось и нам перепадет малая толика? Все ищут временщика, и только одного не видят — императора и заслуг Карамзина. Впрочем, более радостных, чем завидующих лиц...

Берлин. В пять часов утра 13 июля выехал я из Петербурга — в самый день казни! <...>

Писал к Н[иколаю], послал донесение след[ственной] ком[иссии], записку о нем и приговор суда; письма мои к к[нязю] Гол[ицыну] и к государю — 3, и одно написанное, но неотправленное — к государю же. Упоминаю об отзыве гос[ударя] по прочтении оправдания.

Сообщил мнение, как писать оправдание. Каких книг прислать? Везу бумагу для него и Сергея.

Писал к Карамзиной в Ревель и просил переслать письмо и к Жих[ареву].

Дрезден. Приехал в 9 часов утра, 5 авг[уста], в воскресенье. В понед[ельник] писал к Н[иколаю] и послал выписки из доклада, манифеста и проч. <...>

30/18 сентября. <...> Читаем Mignet “Histoire de la Révolution française”³³³ и вместе с сим заглядываем и в биографию генерала Фуа и в речи его, а когда дошли до эмиграции, то прочли в Ласказе записку, которую он делал для Наполеона о кобленцских эмигрантах, кои мечтали, под предводительством своих принцев, произвести переворот в революции французской и восстановить падающую монархию. Минье более склонен в пользу революционеров, нежели монархистов, и сколько ни старается он скрыть свои мнения или казаться беспристрастным — замечания или намеки, кои он примешивает к повествованию происшествий, показывают друга нового порядка вещей. И он многое извиняет в актерах революции, чего другая партия ни простить, ни забыть не может. — Революция изменила все внутреннее бытие народа, не одни политические его отношения. Произвол заменила законом, привилегии — равенством. Несмотря сперва на анархию, впоследствии на деспотизм, цель почти достигнута.

О Лудвиге XIV. Le despotisme épuise ses moyens par ses succès, et il dévore d'avance son proper avenir³³⁴.

Минье в сих словах раздробил определение деспотизма, сделанное Монтескье, как Пристлей — луч солнца. Монт[ескье] вместо определения деспотизма говорил только, что когда дикие хотят иметь плод — они рубят все дерево, т. е. достигают до цели, плода, истощением средств и поглощая самое будущее (épuisent les moyens par le succès et dévorent d'avance leur proper avenir). Так гений освещает историю, или из мрака её выводит свет теоретической мудрости...

“Histoire de la Révolution d'Angleterre, depuis l'avènement de Charles I jusqu'à la restauration de Charles II”, par Guizot³³⁵.

В предисловии автор, полагая, что после французской революции английская есть величайшее происшествие в бытописаниях Европы, доказывает сходство оных и тождество начал, из коих произошли сии революции. Он опровергает тех, кои начала сии почитают чем-

то новым, неслыханным дотоле в Европе, — и отделяют, так сказать, сии события от всего минувшего, прежде бывшего, возлагая на них и ответственность за все последствия, бедственные и славные. Но Гизо утверждает, что ни английская, ни французская революции не прерывали хода вещей, до них начавшегося в Европе; что они ничего не возвестили нового, ни к чему не стремились, чего бы ни желали и прежде сего достигнуть некоторые народы в Европе. Беззаконность неограниченной власти; свободное согласие для законных постановлений и для налогов и право сопротивления вооруженною рукою — были и прежде началами феодального правления и правами 4-го Толедского собора, на словах св. Исидора основанные, не раз были повторяемы церковью: “Celui-là est Roi qui régit son peuple justement, s’il fait autrement il ne sera plus Roi”³³⁶.

Обе революции старались ввести более равенства в общественном порядке: к тому же стремилась и королевская власть, и успехи гражданского равенства соразмерялись успехами королевской власти. Революции требовали, чтобы общественные должности открыты были всем гражданам, раздаваемы по заслугам токмо...

Сие стремление, сии начала не только предшествовали сим революциям веками; но они те же самые, коим Европа обязана всеми своими успехами. Аристократия противилась королевской власти и поддержала свободу. За что народы благословляют королей? За ниспровержение феодального правления, аристократических привилегий; за единство в законодательстве, в управлении, за содействие успехам равенства. <...>

Европейская образованность началась феодальными отношениями, аристократией и её обычаями, законами, идеями её и самым чувством, которое тогда в ней господствовало.

Но сии самые феодальные правители тяготели над народами, и одно духовенство дерзало в пользу всех напоминанием о справедливости, о правах человечества. Одни церкви были убежищем для тех, кои не принадлежали к феодальной гиерархии, и одно духовенство открывало потребности мыслить, познавать, надеяться и верить, словом, всему возвышенному и моральному в человеке — убежище верное и постоянное. Церковь, уже и сама по себе сильная, сделалась ещё могущественнее, поддерживая власть королевскую, — и преобладание перешло из рук воинственной аристократии к духовенству. Союзом с церковью и собственною силою королевская власть возвысилась над своими соперни-

ками; но едва духовенство оказало ей деятельную помощь, как уже оно стремилось поработить оную. При сей угрожавшей опасности, короли прибегали то к баронам, уже не столь страшным, то к мещанам или гражданам, то к народу. С их содействием короли снова восторжествовали, и власть их, обличенная доверенностию народов, утвердилась и соделалась в другой раз господствующею. *Telle est l'histoire de l'ancienne Europe: l'aristocratie féodale, le clergé, la Royauté l'ont tour à tour possédée, ont successivement présidé à la destinée et à ses progrès.*

Au 17-me siècle en Angleterre, au 18-me en France, toute lutte entre ces trois pouvoirs avoit seccé; ils vivaient ensemble dans une molle paix³³⁷: аристократия уже не защищала общественных прав и вольностей, даже и своих собственных; королевская власть уже не старалась уничтожить привилегии аристократов; их раболепство, казалось, обезоружило королей; духовенство страшилось разума человеческого и, не умея управлять оным, угрозами убеждало его остановить полёт свой.

Между тем просвещение разливалось и распространялось ежедневно. Масса народа (*le public*), оставленная предводителями классов своих, взяла на себя труд их и — *réclama à la fois la liberté contre la couronne, l'égalité contre l'aristocratie, les droits de l'intelligence humaine contre le clergé.* Alors éclatèrent les révolutions³³⁸.

Они дали обществу правителей, кои были в состоянии руководствовать их успехами, точно так же, как некогда Европа по той же причине передавала власть из рук аристократов, церкви, королям.

В сем состояло дело обеих революций, сим означился характер их.

Не должно искать его исключительно в одном: в стремлении к равенству; ни в другом: в стремлении к свободе; ни в политике, ни в догматизме. Оттенки различий в их истории, т. е. во времени: в Англии свободные установления, произведение самого варварства, пережили даже деспотизм, коего отвратить были они бессильны. Революция нашла там, т. е. в Англии, в самой национальной церкви — сообщницу, которая своими нововведениями вызвала *les hardiesses de l'esprit humain*³³⁹. Напротив, во франц[узской] революции господствовало страшное единство всего нового. Au jour de l'explosion, un seul fait restoit réel et puissant, la civilization générale du pays³⁴⁰.

Можно ли согласиться на сие последнее утверждение; где общая образованность во Франции — в минуту революции? И тот ли был бы характер оной, если бы она разразилась над просвещенною во всех классах народа Франциею? <...>

31/19 октября. Сегодня праздник реформации, день, в который Лютер прибил свои положения (theses) к церкви в Вюртемберге, торжествуют лютеране по всей Саксонии; не знаю, и в других ли местах; но здесь за два года пред сим постановили включить в число праздников день сей, и все лавки закрыты...

Этот день напомнил мне и мой вечер в 1817 году, когда я сближал пасторов протестантских и реформатских и поэт Пушкин угощал их у меня пуншем и ужином, и под конец и бичевал веселым умом своим — вином разогрётю пастора. Буссе, Ласозе, Мюральт³⁴¹.

Начал читать «Историю» Карамзина. 31 окт[ября] <...>

4 ноября/23 октября. Где же иначе начиналась словесность, как не поэзией? В России, где словесность только вполовину заслуживает сие название, ибо чужда совершенно философическим созерцаниям, — поэзия с самого начала нашего государственного бытия оживляет нравственную жизнь нашу. И в заунывных песнях, вместе с народною музыкою, утешает рабов татарских или помещичьих и отличает народный характер, часто и в оковах веселый...

16/4 ноября. <...> в России министерство вздумало нападать на невинную книгу о естест[енном] праве Куницына³⁴², и угодник Лаваль, вслед за якобинцами М[аратом] и Р[обеспьером], восстал противу народного права, смешивая оное с естественным, между тем как в книжной лавке в одну неделю разошлось несколько экземпляров комментариев Траси на Монтескье, в коих публика, не приготовленная лекциями профессора, которые и яд делают или должны делать безвредным, с жадностию почерпала в книге Destutt de Траси правила, противные не только монархическому правлению, но и первым началам христианства. Строгость и другой цензуры, т. е. на иностранные книги, была уже в высшей степени; но кто из цензоров, или из министров пол[итики] и просв[ещения], коим они подведомы, знал Траси и мог предвидеть в нем врага монархизма и христианства³⁴³. Они взрывали пуховики студентов и искали в них Раупаховых тетрадей об индийской мифологии³⁴⁴, а гвардейские офицеры выкупали весь либерализм французской новейшей словесности.

Никогда не забуду вечера, который провели у меня, больного, Лаваль и Карамзин, по окончании заседания глав[ного] учил[ищ] правления и прения о книге Куницына. Он увеличил и болезнь мою силь-

ным негодованием к невеже-просветителю и спором с ним. Я просил Лавалья повторить Кар[амзин]у чтение его мнения о естес[твенном] праве, и Кар[амзин] разделил со мною мнение, что Лаваль смешал его с народным. На другой день узнал я источник Лавалевоу ошибки: он прочёл накануне франц[узскую] брошюру о правах, из Парижа ему присланную. — И там уже не был Ройе-Колар главою университета и темнело на горизонте просвещения. Лаваль слышал от нас жестокие истины и с тех пор долго не советовался со мною по занятиям главного училищ правления. Тогдашнее министерство хотело опереться на Лавалья — и скоро упало. <...>

31/19 ноября. Вчера видел я «Исидору и Ольгу», соч[инение] Раупаха³⁴⁵, на здешнем театре. Костюмы, которые должны были быть русскими, не похожи ни на какие и скорее напоминают старые польские. Играли дурно, хотя некоторые актеры и хорошие чтецы стихов; но главный характер, князь Володимер, коверкался и рисовался и декламировал без всякой меры. Зачем одели актеров в такие платья? Разве они не видят нас ежедневно? Разве мы не русские? Разве мы не помещики? И разве между нами нет уже князя Владимира, готового закабалить брата своего, ссылаясь на закон государственный, но, к несчастью и к стыду нашему, ещё существующий, ещё во всей силе своей действующий? Мы в европейском платье, мы без бороды, мы более fashionable, нежели все жители всех столиц немецких; нам обрили бороды, но нам оставили права наши, кои нас делают извергами и более несчастными, нежели те, над коими мы их имеем. Ах! Отдайте нам наши бороды и сарафаны и отнимите от нас то, что более всего разделяет нас от Европы, от просвещения и христианской религии, чем все костюмы в мире! Отнимите у нас право отнимать жениха у невесты, невесту у жениха и закрепощать брата, коего мать обольстил, изнасиловал отец наш! Что я говорю — обольстил? На что обольщение, изнасилование там, где ничто и никто не противится незаконному сладострастию, и в земле, где генерал-губернатор первой и древнейшей столицы смеет отвечать своему человеколюбивому государю, что не должно наказывать и отнимать у помещика жены его крестьянина, для того, чтобы не возбудить сим примером и в других ему подобных требовать жен своих от своих помещиков! При чтении сей трагедии я не столько был поражен истиною и справедливостию вымысла

поэта, как при представлении. Осуждали автора. За что? Писа его есть верное, справедливое и нимало не увеличенное изображение сущности. Оно тягостно, прискорбно для русского; но виноват ли в этом поэт? Разве он, вместе с сим, и не истиннолюбивый изобразитель того, что в самом деле и в законах наших существует; то, что случается беспрестанно и завтра случиться может. Разве история виртуоза Семенова, крепостного кн[язя] Кураки[на] — не хуже, не постыднее для России и человечества? Там, в трагедии Раупаха, страсть ослепляет законами необузданного помещика, и он предается ей. Князь Кур[акин] действовал из корыстолюбия или из пустого тщеславия, или по чувству, варварским правом в нем воспитанному. *Exempla sunt odiosa!*³⁴⁶ Но разве Ржевский не продавал недавно танцовщиц и театральных королей, и разве бояры наши не раздавали в великолепно-скучных гостиных своих объявления о продажной труппе актеров и поодиночке?

Трагедия Раупаха сильно действует психологическим наблюдением характера, искаженного, развращенного рабством, в помещике, а ещё более в рабе Осипе. Я понимаю чувство сего несчастного шута и угодника, который мстит за любовницу-невесту, которую отняли у него, чтобы выдать её силою за конюха; которую он погреб, но ещё не забыл после многолетней, в шутовстве и в мщении проведенной жизни!

Этот характер, это чувство в натуре человеческой или, лучше, в натуре раба. Несчастный, он желает, чтобы и другие не были его счастливее, и радуется товарищу, в бедствии, хотя сердце его первоначально и не было чуждо — что я говорю? — было способно любви, и любви страстной, не угасшей ни со временем, ни с рабскою жизнью. Не отнимайте у него того, что ему было дороже жизни, не заставляйте его быть свидетелем её бесчестия, её преждевременной смерти и тоски — за конюхом, — Осип остался бы и верным слугою, и добрым мужем, и не находил бы наслаждения в мщении и в несчастьи других, ему подобных.

Характер управителя Петрова и привязанность его к господину, верность, ничем не потрясаемая, также в рабской натуре наших старинных, добрых и в страхе господском воспитанных управителей.

Сердиться должно не на автора! Иначе мы будем походить на детей, разбивающих зеркало, в котором видят они своё безобразие... Und doch!³⁴⁷

Ich erwerbe mir kein anderes Land,
Zum Vaterland,
Wäre mir auch frei die große Wahl!³⁴⁸

Но это доказывает только, что и эскимосы любят свою отчизну, что мы любим своих родителей, должны любить их в рубищах, и в парче, и в незаслуженном несчастье, и в оковах, законом и правосудием наложенных, везде и всегда!

Отечество!
Когда вздохнем в последний раз,
Сей вздох тебе же посвятится!..

ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ 1831 И 1836 гг.

1831 год

31 октября, Москва

<...> После обеда и за обедом у кн[язя] Вязем[ского] с Жуков[ским], с кн[язем] [Д. В]. Голиц[ыным] и с Денисом Давыдовым, который хвастался своим зверством и, вероятно, шарлатанил им, как подвигами наездника. И Жук[овский] слушал его со вниманием и каким-то одобрительным чувством! Один Вяземский чувствовал и говорил как европеец. — Я только чувствовал и молчал! Перед кем и для кого дал бы я волю своему негодованию? — Давыдов говорил, жестикулировал — о виселицах! Рассказывал свои визиты с войском в разоренных селах и видел в поляках одну подлость! — «Скорей! скорей! Я в лес хочу!»³⁴⁹ <...>

1836 год

14/28 марта. Париж

Опять новая книга! Удастся ли её кончить здесь же и когда? Предшествующую начал я в Тургеневе за 21 месяц пред сим. Будет ли и эта моей спутницей заволжской? Надеюсь опять дышать родным возду-

хом прежде двух лет разлуки. Судьба мыкает меня из края в край, не в пользу, ни мне, ни другим. Ум и сердце желают быть на месте, утомиться; а что-то неодолимо мчит меня от Колмогора до Неаполя, с берегов Сены и Дуная на Москву-реку, с Темзы на Волгу! Едва могу я дать отчет самому себе в побудительной причине странствий моих: прежде брат и хлопоты хозяйственные; теперь также брат, — но уже более для себя, нежели для него, — и устройство дел деревенских. Но сверх того в сем последнем странствии было и — дело отечественной истории. Я возвращусь в Россию с богатыми приобретениями, с сокровищами старой России о недавно и давно прошедшем быте её. Здесь и в Италии собрал я материалы её истории, я могу обогатить ими нашу словесность, могу дополнить (*les lacunes*) недостающее в нашей новейшей истории. Я трудился не для себя, не по одной прихоти, не из одного удовлетворения собственному любопытству. Я провёл здесь все лето и часть зимы в архивах; я хлопотал с библиотекарями в Ватикане, и в Лондоне, и во Флоренции. Есть видимый плод трудов моих: могу указать на него; могу быть издателем важных государственных бумаг, озарить светом истории тайны дипломатические, уличить интриги министров и людей государственных и придворных, доказать предательство и корыстолюбие знатных и даже — прекрасного пола. В вихре парижской зимы и в зефирах весны римской я жил — для России. Здешние дипломаты не помогали мне, соотчичи нередко чуждались; и вряд ли и те и другие сплетнями не вредили моим занятиям: но я в труде находил награду труда; в архивах иностранных — русскую старину; в донесениях чужеземных — пользу и выгоды России; от клеветы отличал истину, часто стыдился за русских, но, сравнивая своих с чужеземцами, Талейрана с Остерманом, одну эпоху с другою в возрастах народов, видел в законах, по коим растут, падают и гниют народы, а с ними и единицы — одно повторение, одно и то же. Посол-церемониймейстер Шетарди в П[етербурге] разве мене смешон к[нязя] Куракина при Наполеоне? Первого провела хитрая Елисавета, другая Ольга; князь Куракин был дипломатическою жертвою французского императора. Чья оскорбленная гордость народная не утешится, видя двор и деспотизм, и эгоизм Лудвига XIV? Кто не уживется со слабостями, с пороками своих, видя, что Тацит 17-го и 18-го века, St.-Simon, муж по уму государственный, выпускает из рук единственный прекрасный случай пособить бедам государственным, тяготевшим над последними годами царствования Лудвига XIV, со-

ветами внуку-наследнику и в первые две аудиенции толкует ему не о бедствиях народных, не о разврате двора, не о пакостях иезуитских, а — о правах и привилегиях герцогов и Перов! — У нас, по крайней мере, к[нязь] Димитрий Голицын ищет в смутах двора и в смене государей — средство к лучшему государственному устройству: — конечно немногие отозвались на глас патриота! пытки, кнут и плаха были уделом смелых патриотов, и они погибли вместе с их надеждами, погибли и для истории, для благодарного потомства; но спаслось хоть одно имя. Узнает ли Россия, кто сочувствовал тогда патриоту Голицыну? Может быть и прах Самсониевской ограды скрывает святых мучеников гражданской свободы? Может быть могила их не навсегда заросла травой; может быть зеленеющий кипарис осенит её своею тенью и луч бессмертия загорится на прахе их? <...>

III. ИЗ ПИСЕМ

Н. И. ТУРГЕНЕВУ

1.

25 июня 1808, Петербург

<...> Ничего более не желаю, как чтоб белая книга, которую ты взял отсюда, была к приезду твоему в Геттинген вся исписана³⁵⁰, так чтобы с новым постоянным местом твоего пребывания тебе надобно было завестись и новою белою книгою. Все твои мысли, все чувствования и ощущения, которые ты будешь в продолжение твоего странствия вверять ей, будут для тебя неисчерпаемым источником приятнейших воспоминаний и, след[ственно], удовольствий, а для друзей и братьев твоих — чистым, нелицемерным зеркалом души твоей. Читая её, они как будто бы снова сами с тобой будут путешествовать по тем же местам, которые ты проехал, и, если когда-нибудь случится и им быть там же, они им будут уже знакомы и сделаются для них гораздо интереснее. Когда судьба приведет мне опять пошататься по белу свету, я буду уже исправнее в записках своего журнала, и если со временем — *post varios casus, per tot discrimina rerum*³⁵¹ — мы когда-нибудь, когда и Сережа³⁵² уже отпутешествует, возвратимся восвояси и соберёмся все в прародительское наше село Тургенево или в Москву — нашу родину, то какое наслаждение сравнится с тем, которое мы будем иметь при чтении наших записок, и к которым присоединится и журнал брата, друга и благодетеля нашего Андрея!³⁵³ Он, верно, и там наслаждается нашею взаимною братскою любовью и доверенностью. <...>

2.

23 июля 1808. Москва

Вот уже другая неделя, любезнейший друг и брат Николаша, как я в Москве, и сегодня в ночь мы отправляемся с Сережей через Ахматово дней на шесть в Симбирск и Тургенево. Я с нетерпением желаю видеть прародительское наше достояние и узнать обо всем на месте.

Сегодня приехал оттуда Алип, и кажется, что он оставил все и всех в хорошем состоянии. Дай Бог, чтобы мы и никогда не были причиною несчастья тех, которые от нас зависят. Лучше самим терпеть недостаток и видеть в изобилии добрых и трудолюбивых крестьян своих, нежели себя в изобилии, а в недостатке других. Трудно описать, с каким ощущением всматривался я в Москву, в её окрестности и в те места, которые были свидетелями юношеских моих горестей и радостей жизни. Многих не нашел. <...> Жуковский ещё более мне полюбился, и я дружбу его почитаю лучшим даром Промысла. По талантам, по душе и по сердцу — редкий человек и меня любит столько же, сколько я его. Мерзлякова не видал: он в деревне. Вчера был у Карамзина в деревне: восхищался его образом жизни, его семейственным счастьем, наконец — его Историей³⁵⁴. Я ещё ни на русском, ни на других языках ничего подобного не читал тем отрывкам, которые он прочел мне из своей книги. Какая критика, какие исследования, какой исторический ум, и какой простой, но сильный и часто красноречивый слог! Он превзошел себя. Скажи это Шлецеру³⁵⁵.

Открытия его в русской истории, собрание его редких и совсем неизвестных рукописей удивит его и покажет ему, что, кроме его, никто бы не мог написать такой полной истории, ибо никто этого не собрал. Какой порядок в расположении и как он умел воспользоваться летописями! В этом отношении его можно сравнить только со швейцаром Миллером, который часто занимается мелочами; но сии мелочи не важны — для иноземцев, но важны и дороги для швейцар. Оттого Карамзин не забывает ничего в примечаниях и помещает в них целые тирады и примечательные пиесы, которые без того могли бы потеряться для любителей истории. От сего самого течение в слог и самое повествование нимало не терпят. О древних монетах русских и об определении истинной цены гривне, куне, мордкам и пр[очему] никто не такую верностию сказать не может, как он, потому что он отыскал рукопись, в которой означено, сколько в какое время гривна имела других монет русских в себе и т. д.³⁵⁶ <...>

3.

Ноябрь 1808. Петербург

<...> Я был в больших хлопотах по случаю возвращения М[ихаила] М[ихайловича] Сперанского, который, как уверяют, хочет делать боль-

шие перемены в Комиссии³⁵⁷. Я не знал, на ком все это обрушится, и ожидал и для себя неприятного. Однако ж, кажется, я твердо на своем месте; два раза был у Спер[анского] по должности; получил от него поручение, и, кажется, он хорошего обо мне мнения, и я ничего не проиграю с ним. Но за других отвечать нельзя. Только теперь я с утра до вечера занят комисскими работами и чувствую всю тяжесть быть законодателем! Дай Бог, чтобы хоть одну часть обработать получше, чтобы не стыдно было перед франц[узами] и пруссаками. <...>

4.

2 ноября 1809. Петербург

<...> Когда мы, наконец, все соберёмся под одну кровлю, наши книги составят прекрасную и редкую библиотеку. Моими книгами пользуется даже императрица [Елизавета Алексеевна]. На сих днях удалось мне доставить ей такую книгу, которой нигде нельзя найти было. Впрочем, это мое единственное утешение, и книги мои приносят мне даже пользу по службе. Я работаю по таким частям, для которых материалы только у меня есть. Карамзин пишет свою Историю; я с ним часто переписываюсь, и связь наша утверждается более и более³⁵⁸. Здесь выходит много оригинальных трагедий и переводов; но, кроме Озерова, все дурны. Державин написал «Ирода и Мариамну», перевел с нем[ецкого] Расинову «Федру», все скверно, и пр. и пр. <...>

5.

9 апреля 1826. Петербург

<...> Я нашел здесь Карамзина в опасной болезни, но которая может продлиться. Все семейство доказывает мне истинную дружбу; но, глядя на него, я часто и о своем горе забываю. У него *fièvre lente*³⁵⁹, и он кашляет, и материя идет из него. Ему присоветовали климат Флоренции, и государь показал себя в сем случае достойным Александра, который как друга любил его. Думают, что он даст ему средства жить в чужих краях — и корабль для путешествия. Семейство не знает всей опасности; я ежедневно и весь день с ними. Он исчезает для здешнего

мира; но ещё думает кончить в чужих краях 12-й том. Здесь умер бы он скорее. Там жизнь его может продлиться. <...>

6.

15/27 января 1827. Дрезден

<...> Описание твоей жизни ещё более успокоило меня и особенно чтение поэтов, возвышающих, укрепляющих душу. Для тебя это не новое; но к поэзии жизни прибавится поэзия вымышленная. Жуковский уверен, что ты переносишь своё положение твердо и поэтически и участь свою считаешь ниже души своей. У кого была главная, сильная мысль, порожденная сердцем, т. е. любовью к человечеству, тот не может быть несчастлив и в неудаче; ибо сильная мысль, как сильная любовь, наполняет всего человека — и мы любим и неверную любовницу и в отсутствии, ибо твоя тебе верна. И по сию пору России одно нужно прежде всего: уничтожение рабства. После все прочие к сему приложатся. Теперь точно легче в России, где много благонамеренных людей, хотя ложных мнений о рабстве, невежества в сем отношении ещё больше. Это мы видим и по здешним русским, как слугам, так и господам. Точно: ни снисходительным, ни строгим, словом справедливым, быть нельзя. Прежде бывшие отношения мешают всему, портят все, и нельзя ничего взыскать не только на настоящем, но и на бывшем рабе: он имеет на все готовое извинение в бывших противоестественных и противонравственных его отношениях, и если он сам и молчит, то не менее говорит помещичья совесть, у иных не дремлющая. Когда подумаю о той атмосфере, в которой мы теперь живем, и о той независимости духа, которая меня теперь наполняет, то радуюсь и ещё более духом возвышаюсь. <...>

7.

14/26 июня 1827. Париж

<...> У меня здесь твои «Мысли о рабстве», кажется, черновой проект³⁶⁰. Но теперь ты мог многое обдумать или придумать. На что нам лишать себя средств быть полезными, когда силы ума и души ещё нас не

оставили? Перенесись мысленно в 1850 год и далее. И что останется от нашего бедствия? Память добрых и беспристрастных и чистое почтение к твоей жизни, и к твоему бедствию, и к твоим правилам. Прибавь к этому ещё деятельность для России, для главной мысли твоего сердца, для цели всей твоей жизни — деятельность вне России при непрерывных ударах рока — и определи сам цену сей деятельности в сию эпоху твоей жизни и в виду неблагодарных, или невежд, или эгоистов всякого цвета и наименования. Если хочешь, то я пришлю тебе копию с твоей черновой записки, кажется, о крепостном состоянии в России. Право, положение твое прекрасно, высоко, но не выше души твоей. Подумай, как бы положить венец гражданский выше венца мученического, который думали положить на тебя. Оно и пригодиться может: если не теперь, то позднее. *Nichts hoffen und doch wollen, das ist der Mann*³⁶¹. Ты сам избрал этот девиз. Оправдывай его и теперь и до конца жизни. <...>

8.

4/16 августа 1827. Дрезден

<...> Я забыл сказать тебе, что вчера в первый раз после Петербурга прочел я статью твою «Нечто о крепостном состоянии в России»³⁶² и нашел в ней столько примечательного, полезного по нашему делу, что намерен переписать здесь или в Лейпциге копию и дать Жук[овскому], означив год сочинения: [1]819, в дек[абре]. Вероятно, это та статья, кот[орую] ты представлял Гос[ударю] через гр[афа] Милорадовича. Некоторые места должны убедить других в чистоте твоих намерений и согласны с тем, что ты говоришь в своём оправдании. Досадно, что я прежде не вспомнил их; но время не пропало. Беспристрастным должна понравиться и твоя умеренность и твое суждение о помещиках и о причинах вреда для них рабства. Тут ясно виден и твой политический образ мыслей относительно России. А бумага писана в самый пыл твоего участия в тайн[ых] общ[ествах] — и этот пыл — холод. <...> Я ещё с большим правом буду упрекать следственную комиссию, что не отобрала бумаг твоих, из коих бы увидела иные правила, иные убеждения, а не те, которые она тебе приписывает³⁶³. И самым ультра нашим не противно было бы твое «Нечто о крепостн[ом] сост[оянии] в Рос[сии]». Ты объясняешь, не осуждаешь. Предлагаешь улучшения, не ниспровержения. Для нас эта бумага сокровище; она может ещё пойти

в дело и для России. Милый брат, сохрани себя и жизнь свою. Она, право, не нам принадлежит. «До нас ли?» Вспомни эти милые слова милого С[ережи] в письме из Царьграда³⁶⁴ и береги себя, не для себя, даже и не для нас, даже и не для России, а для исполнения долга, для жизни, которая дана нам не для нас, не на минуту, а для других посредством нас и для вечности посредством временной жизни; ты поймешь меня. Храни себя, как бы, где бы и когда бы ни послужило бытие твое в пользу других, отдаленных или близких; нужды нет, что бытие твое не ознаменуется свидетельством истории или журнала; оно запишется в книгу животную, в книгу отчета за всех нас и не пропадет ни для тебя, ни для нас, ни для России, ни для людей, так как не пропадет ни голос соловья, ни вздох, ни грусть нашего сердца, ни влас главы нашей. «Все в жизни к великому средству», — сказал наш брат Жуковский³⁶⁵; и твое одиночество, и моя любовь к тебе, и память о С[ереже], и его могила, и наша жизнь в виду этой могилы, — все не для этой минутной жизни, но для нас и для других посредством нас, и для вечности. <...>

9.

27 августа/8 сентября 1827. Лейпциг

<...> Жуковский жалеет, что меня не было с ним у Гёте. Он был необыкновенно любезен и как отец с ним³⁶⁶. Жуковскому хотелось, чтобы я разделил эти минуты с ним; ибо он говорит, что Гёте и Шиллер образовали его, с ними вместе он рос, а мужался с нами, Тургеневыми, и душевное и умственное образование получал с нами, начиная с брата Андрея; что только в чужих краях укрепились душа его, между прочим и твоими письмами, и что здесь началось европейское его образование, и я жалею, что не был с ним в Веймаре, хотя и многого бы лишился, что приобрел в Лейпциге; но Гёте — незаменим. <...>

10.

24 сентября / 6 октября 1827. Лозанна

<...> Он [Лагарп] читал мне письмо Александра, которое ещё при Павле писал он ему с Новосильцовым, коего он тогда отправил к Ла-

гарпу³⁶⁷. В этом письме Александр ясно и сильно и с чувством говорит Лагарпу о желании его сердца: дать конституционное устройство России; о том, как он страдает, видя правление Павла, военные игрушки, злоупотребления власти и кредита временщиков; о намерении его сделать, со временем, невозможным деспотизм в России; для чего дружбою и единством видов соединился он с кн[язем] Чарторижским, его другом, коего он хвалит очень, с Новосильцовым, гр[афом] Строгановым и гр[афом] Кочубеем. <...> Оно писано в 1797 г. из Гатчины на двух полулистах почтовых. Александр надеялся со временем, устроив судьбу России и дав ей конституцию, уклониться от правления и кончить жизнь частным человеком и не в России. Он с силою говорит о деспотизме, о переводе книг, ими избранных для распространения просвещения, о недостатке в людях и в средствах и посылал Новосильцова для совещания с Лагарпом. Я читал и другие письма, уже по восшествии на престол писанные, и все делают честь сердцу и правилам Александра. <...> Государь раза два в неделю хаживал к нему вечером, заставлял часто его в шлафроке и говорил иногда о трудностях правления и раз сказал: «Я бы желал броситься в Неву, так тяжело и грустно мне». — «Отчего же?» — спросил Лагарп. «Я узнал, — отвечал Александр, — что в Сибири умерло с голоду несколько тысяч, и не могу добиться ни от кого, несколько дней уже, объяснений по сему делу». Лагарп воспользовался сим случаем, чтобы представить ему снова о необходимости учредить министерство и ответственность министров. Он был главною сему причиною. Я это и прежде знал по его бумагам. Он хранит ещё нераспечатанное письмо Александра к первому консулу Наполеону, которое вручил ему Александр — и вот по какому случаю: когда Лагарп отправлялся из Парижа в Петербург³⁶⁸, то Фуше призвал его и начал ему говорить о том, как бы он мог быть полезен для установления доброго согласия между Александром и Наполеоном. Лагарп отвечал, что он готов содействовать, если Франция будет умеренна в своих сношениях с Россиею. Фуше тотчас предложил ему ехать с ним в St. Cloud³⁶⁹ к первому консулу. Но Лагарп отвечал, что не поедет, разве по приказанию. «Почему?» — «Потому что, когда я искал убежища от гонения швейцаров во Франции, то, хотя и нашел его, — но Наполеон осыпал меня упреками, и я после сего к нему добровольно идти не могу; но готов быть полезен двум державам, если они хотят действовать не только для своего блага, но и для блага человечества, — и отвечаю за чувства и характер Алексан-

дра». Ему выдали паспорт. Он все пересказал Александру, и, отъезжая из Петербурга, Александр в его комнате написал письмо к Наполеону, прочел его Лагарпу и отдал. В сем письме Александр предлагает Наполеону идти к одной цели и доверяет, мимо министров, сноситься обо всем с Лагарпом. Но Лагарп сказал Александру, что отдаст письмо только в таком случае, если найдет, что Наполеон хочет добра; ибо тогда уже начинал он действовать деспотически: разогнал трибунат и пр., и, возвратившись в Париж³⁷⁰, хотя Наполеон и догадывался, что у Лагарпа были к нему поручения, не отдал письма и сохранил его до сего дня. Это не сделал бы честолюбец или эгоист. Это факты, а не слова. У меня часто навертывались слезы, говоря с Лагарпом, и у него также. А над письмом Александра, о благе для России, мы оба плакали, и я минуты две не мог продолжать чтения. <...> Забыл важное в биографии Лагарпа: он раза два долго говорил с Екатериной³⁷¹, и раз — когда говорили о посылке ею войска против французов — случайно она спросила его о сем мнении: он сказал откровенно, что союзников разобьют, что ей довольно дела с турками и с поляками — и войска не посланы. Узнали о свидании дипломаты, догадались и гнали везде, даже и после в Париже, Лагарпа за совет; но нас он спас, по крайней мере, от убытка 50 тыс. корпуса, а может быть и от беславия. <...>

11.

24 сентября / 6 октября 1827. 11 час. вечера. Лозанна

<...> Он [Лагарп] мне читал письмо своё к государю, в 1820 г. писанное³⁷²; сильно и дельно убеждал не вмешиваться в чужие дела, не останавливать хода народов к их политическому устройству, не ездить в Пест, где тогда думали, что будет конгресс; не окружаться иностранными дипломатами и думать о внутреннем устройстве России, об улучшении судебной части, законодательства — и тем оправдать первые надежды России и людей благонамеренных. Он от слез едва мог продолжать письмо; от слез любви к государю-человеку, который 30 лет не скучал такими письмами, сидя на самодержавном престоле. Он объяснил мне революцию швейцарскую³⁷³, в коей участвовал, и следствия оной. Только бернские аристократы потерпели, т. е. лишились несправедливо завлажденных прав; народ ожил и теперь благо-

денствует от разделения земель и от легких налогов. О тебе говорил под конец с глубоким чувством и просил дать знать в случае, если бы в участи нашей последовала перемена. <...>

12.

27 сентября / 9 октября 1827. Женева

<...> Напрасно ты думаешь, что я не с того же пункта смотрю на твое дело, как ты. Почти с того же; и дело само по себе меня мало занимает: лишь бы довелось жить вместе. Оправдание пред беспристрастными и пред потомством несомненно; а что нам до других? <...>

Меня радует созерцание, как иногда истина и над испорченными дикими торжествует. <...> Оставь нас вместе и везде, где быть пожелаем, — и я обещаю тебе забыть дело, во всем смысле этого слова. Потомство его не забудет. Промысл о всех вообще и каждом в особенности этого не допустит. Он возбудит или совесть несправедливого обвинителя, или негодование непричастного в обвинении. <...>

13.

5/17 октября 1827. Париж

<...> Вечер провёл у Гизо. Он так бодр и твёрд, что я ни малейшей разницы не нашел в нем с тем, как он был прежде. Говорили много о Бонштетене и Лагарпе. Он судит их справедливо и беспристрастно. О Лагарпе говорит, что, несмотря на его посредственность, два раза он спас Швейцарию: в первый раз революцией, в другой — уговорив Александра оставить её так, как она теперь³⁷⁴; но прибавляет, что хорошо, что далее не пустили его действовать; ибо он зашёл бы Бог знает куда по неопределительности желаний своих и руководимый другими. Счастлив, что и с неблистательными способностями, но честностию характера и правил был два раза благодетелем отечества и в самодержцѣ отдаленного Севера посеял семена, кои принесли плод, по крайней мере, Гельвеции, если не вполне России³⁷⁵. Впрочем, кто знает? Может быть, и для России не совсем пропали простые

уроки нравственности и правоты государственной, кои он, как умел, старался вкоренить в сердце Александра, открытое тогда всем впечатлениям добра. О последствиях сего воспитания и поздних сношений Лагарпа с государем мы будем в состоянии лучше судить, когда прочтём их переписку: правду выводить на свет время. О бароне Штейне Гизо говорил с великим уважением: он почитает его главою лучших либералов в Германии. <...>

14.

9/21 октября 1827. Париж

<...> Он [Каподистрия] ясно и откровенно представил мне своё святое дело³⁷⁶, свои надежды, свои опасения и отношения к разным державам, особливо к Англии и России, а Франция следует одному впечатлению с Россиею. Удастся или не удастся — теперь его роль прекрасна: он отказался от России для отечества, где найдет труд, и нищету, и интриги. Он сегодня или завтра уедет чрез Швейцарию, из которой желал бы для внутренней полиции иметь три тысячи солдат. Об этом желании я не от него слышал; но для этого нужны деньги. Он похудел и совершенно сед. Он завален делами, и важными государственными, ибо уже, как президент, хлопочет у трёх держав за Грецию, — и мелкими, ибо все обращаются к нему с проектами и претензиями. <...>

15.

14/26 октября 1827. Париж

<...> Нас вело и ведет Провидение стезей непостижимой; но я вижу благость и в самом бедствии. Мы должны были многое постигнуть, чего без сего опыта и без сего удаления из России, конечно бы, с такою силою, с таким убеждением, не постигнули. Вот пример хотя в безделице; вчера сообщили мне «Сына Отечества» несколько книжек и за весь год «[Русского] инвалида». Я давно не читал русских журналов: не умею выразить, что я чувствовал, пробегая листы сих

репрезентантов нашей словесности, нашей администрации, нашей политической, моральной и литературной жизни! Я и жалел и краснел, но всего менее досадовал. Мне было все это так чуждо: и Булгарина распри с Вяземским и Воейковым <...> и все сии ничтожные хлопоты о ничтожном <...> — все это произвело на меня неизъяснимо чуждое по сию пору впечатление, и я уже не страдал, как прежде, не сокрушался и не досадовал, а чувствовал почти только одно: что я сему хаосу бесстыдства, беспорядка и беззакония непричастен. Чувствовал это так сильно, что благодарил Бога за то, что я был далек и душевно, и помышлением, и умом — и пространством. К этой же категории должен причислить и литературу, самую, так сказать, внешнюю сторону оной. Что это за варварство? А я и сам ещё только во Франции! Но здесь, по крайней мере, наблюдается наружная пристойность. Булгарин герой! Шишкову ещё подличают³⁷⁷; стало быть, ничто не переменялось и никого ещё не переменяли. И те, в коих желал бы принимать участие, возбуждают жалость по категории, в которую их возводят. На одного отставленного плута десять новых с новыми средствами к взяткам, и юстиция высшая — в руках жандармов! Это не досада, не тяжёлое чувство, а более род какого-то удивления, непривычки к сему, хотя сам чувствую, что не имею никакого права отвыкнуть от того, в чем сам погружен был и что было 30 лет перед глазами непрерывно и во всех ужасах существенности! Но полно. Будет и там лучше, как и в судьбе нашей! <...>

16.

16/28 ноября 1827. Париж

<...> Ободрительное общество³⁷⁸, по предметам занятий своих, имело для меня мало привлекательного, ибо я не могу судить об успехах в искусстве проделывать ушко в иголке или в делании колес на мельницу; но не могу без некоторой зависти, смешанной, однако же, с космополитическою радостью об успехах политического просвещения, видеть деятельность сих частных обществ, заменяющих медленную и всегда расточительную, убыточную деятельность правительства. Существование сих обществ свидетельствует бытие некоторой свободы гражданской, и там, где их больше, там больше и свободы.

Отсутствие оных означает противное, и верх деспотизма есть гонение на участие частных людей, частных обществ в улучшениях, в усовершенствованиях, до всего государства касающихся. Я никогда не забуду важности, с какою говорил гр[аф] Сергей П[етрович] Румянцев, возлелеянный французами 18-го века в царствование Екатерины, об «Арзамасе» невинном. Но и арзамасская шутка была при Александре и принадлежит уже к другой эпохе. Впрочем, страх частной деятельности, частных усилий к общему благу принадлежит характеру правления, а не личному государей; ибо и Траян запрещал учреждение небольшой компании в маленьком азиатском городке для восстановления бань, поставляя в причину, «что всякое общество, всякий союз, имеющий в виду частные интересы, противны империи», хотя при Траяне империя уже отдыхала от ужасов тиранства и писал Тацит!³⁷⁹ Но зло было не в нем, а в натуре его власти. А мы должны хранить, беречь сию власть, как надежду! Она одна может исцелить у нас язву рабства. <...>

17.

13/25 декабря 1827. Париж

<...> Конечно, я предпочитаю общество Гизо, Р[ойе-]Коляра самому блестящему большому свету и не пожертвую ни одним часом у Талейрана — нашим русским раутам и вечеринкам; но и у Гуд[ови]ча я провожу с час без скуки: это в моей натуре или, лучше, в привычках всей моей жизни, в натуру обратившихся и изменившихся в том только, что я и без сих последних фривольных обществ легко обойтись могу и в самых дамских знакомствах ищу Св[ечи]ных³⁸⁰ или, по крайней мере, умной Дино³⁸¹, предпочтительно пред просто светскими женщинами. Если в моих письмах есть иногда признаки негодования или ажитаций по твоему делу, то это разве тогда только, когда отвечаю тебе и о тебе пишу другим, и тогда страдаю более за тех, кои не спешат очистить себя от пятна за тебя, и досадную на это, как досадную на просто моральное уродство наше на Руси. Я бы, может быть, сильнее негодовал или, по крайней мере, также и за другого; ибо тогда я бы не обязан был, как христианин, прощать врагам своим; теперь же ношу в сердце высокое чувство религии и не променяю судьбы своей

на блудовскую³⁸²; это говорю от чистого сердца и с благодарностию к Промыслу. Я иногда желаю обращать на себя внимание для того, чтобы приучить себя к размышлению о самом себе и не вдаваться в прежний вихрь житейский, который не совместен с достоинством моего теперешнего положения. Сегодня ещё зашел я поутру на минуту к Св[ечи]ной, и она повторила мне то, что я тебе только о себе сказать могу: что так называемые несчастья даны были мне за прежние кой-какие добрые делишки мои, что я сими несчастьями очистился несколько, и она вчуже радовалась им; ибо, кажется, любит меня искренно. Я бы желал, чтобы ты слышал слова её; а она видит меня почти ежедневно, и я с нею говорю открытою душою. Не только у меня нет тех ажитаций, о коих ты говоришь; но я должен вработывать себя (это выражение твое мне понравилось) в некоторые размышления о жизни и о ничтожности её прелестей; ибо легко увлекаюсь минутою и сими ничтожными прелестями. <...>

18.

3/15 января 1828. Париж

<...> Сегодня слушал Вильмена³⁸³ <...> Он был красноречив сегодня, ибо говорил о рабстве, о христианстве, о цели уголовных наказаний и о смертной казни. Монтескье везде сиял как предшественник и первый указатель истин юридических и политических. Многие теперь превзошли его; но он, как Фарос, стоит между прошедшим и настоящим, освещая и то и другое. <...> Он нападал на гр[афа] Мейстера как на главного защитника смертной казни; ибо палач, в системе его, est la clé de la voûte, т. е. de la voûte sociale³⁸⁴, как гр[аф] Мейстер его называет³⁸⁵. <...> Похвалив Екатерину Великую за её человеколюбивые законы, не мог не кольнуть похвалою её — самих русских: Catherine II plus humaine, que son siècle, que son peuple³⁸⁶. Я зашел к Гизо и пожаловался на Вильмена, сказав дамам, что народ наш человеколюбивее нашего законодательства и самих французов, что государи наши любили иногда хвастать перед чужеземцами человеколюбием законов своих; но не смягчали кнута, который ужаснее смертной казни; что, между тем как на place de Grève³⁸⁷ нанимаются дорогою ценою окна и места для парижского прекрасного пола в день казни и вся площадь

покрыта разноцветными шляпками, — русские женщины ужасаются и не смертной казни и простой народ идет на Лобное место или на Девичье поле бросить наказанному несколько копеек и поднести ему вина, покрыть его рубищем. В ком же более человеколюбия? Если бы я умел хорошо писать по-французски, я бы написал статью о сем, не показывая, что я русский. Но спасибо, что вообще о рабстве говорил хорошо. Оно сохраняло жизнь в древности, и оттого и название *servare* — спасать; ибо спасало от смерти того, которого жизнь была в руках победителя; и у нас оттуда же слово: рабство — от работы, на которую терявший право на жизнь — осуждался. <...>

19.

7/19 сентября 1828. Эдинбург

<...> Сейчас за обедом сказал мне возвратившийся сюда десятидневный товарищ мой, что Бенкендорф умер, а кн[язь] Меншиков тяжело ранен и принужден был сдать команду Воронцову³⁸⁸. Мне более жаль последнего, если правительство его лишится. О Б[енкендорфе] я вздохнул, но память его для нас не священна, а только памятна. Он был более невежа, нежели преступный исполнитель, и при светской образованности не имел понятия о правосудии и законе. Я видел его слезы, но видел и загрубелое невежество. Бог простит его жандармские поступки, если невежество было точно единственной причиною оных. И мы не должны питать к нему чувства злобы: и его не стало, и он умер не на так называемом поле чести, а от заразной болезни. Жаль Меншикова; но авось оправится. Я побежал в клуб и просмотрел уже и газеты от 17-го. Видно, Шумла дорого нам стоила. <...>

20.

27 июня 1831. Москва

Чаад[аев] здесь и желает меня видеть; он уже и к другим начал выходить, был у Пушк[иных] и объявил, что желает себе быть несколько

в свете. Одни приписывают его отшельничество глубокой меланхолии, но Мудров уверял меня, что ничего не бывало, что одно благочестие и отвращение от света и занятия религиозные причиною его дикости, и хвалил его чрезмерно. <...>

21.

2 июля 1831. Москва

Был я у П[этра] Я[ковлевича] Чаадаева]. Нашел его весьма изменившимся: постарел, похудел и почти весь оплешивел. Мы с ним до свидания списались, и тебя тронула бы записка его искренней к нам дружбою. Он удивился, что я к нему не еду, и говорил об этом другим. Двумя словами я всё объяснил ему. Он обнял меня нежно и в первое же свидание отдал мне часть своего сочинения, в роде Мейстера и Ламенне и очень хорошо написанное по-французски³⁸⁹. Повел в свой кабинет и показал твой портрет между людьми, для него любезнейшими: импер[атором] Алек[сандром] и папою. На другой стороне один Сережа³⁹⁰. Обнимал меня нежно; говорил о своём плохом здоровье, о геморрое и просил быть чаще с ним. Сначала я ничего не заметил, что бы могло оправдать мнение тех, кои полагают его слишком задумчивым; но после я увидал, что одна мысль, религиозная, — о коей он и пишет — слишком исключительно занимает его и что он почитает себя слишком больным и слабым, хотя, впрочем, точно он на вид очень похудел. Чувствуя, вероятно, что ему нужно рассеяние, начал он выезжать и обещал навещать многих приятелей ежедневно в Англ[ийском] клубе, куда и я с ним в первый раз приехал; но не остается позже 10 часов, опасаясь простуды. Книг у него много, и все в роде религиозном: немецкие, и англ[ийские], и франц[узские]. Брат его здесь³⁹¹, и он, кажется, с ним обедает. Он обещал сначала со мною обедать на даче, где будут Дмит[риев], и Салтык[ов], и Вяз[емский]. Но вчера опять раздумал и не поедет; зовет, однако ж, почаще к себе, что я и исполню тем охотнее, что и предмет его размышлений и книги, кои он предпочитает, и мне были известны, и мы во многом сходно думаем, хотя главной мысли его о религии я и не разделяю³⁹². <...>

22.

10 июля 1831. Москва

Обедал у нас Чаадаев и Вяземский. Я часто вижу первого для того, чтобы развлечь его: он, конечно, ментально болен, но, кажется, рассеяние и деликатное обхождение с его слабостями может помочь ему. Он воображает, что болезнь его, и именно открытый геморрой, делают его кандидатом смерти; оттого худеет и имеет вид совершенного, но скороспелого старика, худ, плешив, с впалыми глазами, и беспрестанно говорит о своем изнеможении. В первый день заставил я его открыть окно и после находил его часто с открытыми окнами. Он ежедневно в Англ[ийском] клобе; обедать там не решается, а только проводит вечер. Не с кем ему отвести душу сердечным разговором о предметах, кои занимают ум, душу и время его, т. е. высшими думами о религии и о церкви, а система его точь-в-точь гр[афа] Мейстера, модифицированная чтением немецких писателей. Он давал мне прочесть одну тетрадь, и я нашел много хорошего и для других нового, хотя, впрочем, я и не разделяю мнений его³⁹³. Он много и внимательно прочел, и я в его библиотеке неожиданно встретил книги, кои не думал найти здесь, но все большею частию религиозные. Эти общие идеи не мешают ему слишком исключительно заниматься собою — и в этом-то, кажется, и грех его и пункт, опасный для его болезни. Все говорит о себе, ухаживает за самим собою; также опрятен до педантичности; мне показалось, что в этом есть какой-то эгоизм и самолюбие; последнее оскорблено было невниманием к его странностям, к его отшельничеству. Следствием чего была болезнь его ментальная, усилившаяся в разлуке со светом и, может быть, физическим расслаблением. Он желает возвратиться в свет, начал с клоба, но заговаривает часто и о других знакомствах и показывает желание выезжать. Умерен в пище, но думает уже, что ничего не ест, а за обедом съел более меня (я осторожен от жара и после расстроенного желудка); беспрестанно наблюдает за собою и желает обращать внимание других <...>

23.

26 сентября 1831. Москва

<...> На прошедшей неделе мы обедали в Англ[ийском] клобе, где он [Чаадаев], хотя и заказал блюда для своих, но и в разговоре и в са-

мом обеде, как и другие, участвовал, а после мы и заспорили и крепко о достоинстве стихов Пушкина и других, кои здесь во всю неделю читались всеми, — «На взятие Варшавы» и «Послание клеветникам России». Мы немного нападали на Чаадаева за его мнение о стихах...³⁹⁴ Ал. Пушкин точно сделан биографом Петра I и с хорошим окладом, но ни он, ни Жук[овский] мне об этом не пишут, а слышу здесь от других. Ему открыты архивы о Петре, и это не одно сходство будет у него с Вольтером. Участь Петра Великого иметь историками первых поэтов нации в их время. <...>

24.

30 июля / 12 августа 1832. Мюнхен

<...> Есть тебе и ещё несколько бессмертных строк о тебе. Александр Пушкин не мог издать одной части своего «Онегина», где он описывает путешествие его по России, возмущение 1825 года и упоминает, между прочим, и о тебе:

Одну Россию в мире видя,
Преследуя свой идеал,
Хромой Тургенев им внимал
И, плети рабства ненавида,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян³⁹⁵.

В этой части у него есть прелестные характеристики русских и России, но она останется надолго под спудом. Он читал мне в Москве только отрывки. <...>

25.

20 сентября / 2 октября 1832. Венеция

<...> Твое заключение о Пушкине справедливо: в нем точно есть ещё варварство, и Вяз[емский] очень гонял его в Москве за Польшу; но в стихах о тебе я этого не вижу³⁹⁶, и вообще в его мнении о тебе

много справедливого. Он только варвар в отношении к П[ольше]. Как поэт, думая, что без патриотизма, как он его понимает, нельзя быть поэтом, и для поэзии не хочет выходить из своего варварства. Стихи его «Клеветникам России» доказывают, как он сей вопрос понимает. Я только в одном Вяз[емском] заметил справедливый взгляд и на эту поэзию, и на весь этот нравственно-политический мир (или — безнравственно)³⁹⁷. Слышал споры их, но сам молчал, ибо Пушк[ин] начал обвинять Вяз[емского], оправдывая себя; а я страдал за обоих, ибо люблю обоих. Жук[овский] — иное дело: он ошибается исторически и умом: душа его точно святая. У нас была сильная сшибка в Ганновере накануне разлуки³⁹⁸; но его не должно трогать с сей стороны: он страдает и физически и морально и от того, что видит и слышит в его стихах о Польше — тот же смысл. Но все это слова. Я бы спросил его, что бы он подумал о себе, если бы энтузиазм его к героизму кровопролития был личным свидетелем того, чего стоит нам и им это героизм? Я делаюсь врагом Поэзии, когда она не святое дело, не человечество защищает и превозносит. Жук[овский] криво видит вещи, потому что во многом не просвещен. Но на деле он свят, и жизнь его вся из благих дел. Желаю, чтобы стихи его, исключая прежних, только словом, а не делом оставались: впрочем, он не пишет. Просвещение европейское, которое каким-то чутьем у нас ненавидят, — великое, важнейшее дело: ясное доказательство сему — Жук[овский] и Пушкин. Последний всё постиг, кроме этого. <...>

26.

31 января / 12 февраля 1837. Петербург

<...> Я провёл почти двое суток у кровати Пушкина, — он ранен в 4^{1/2} пополудни 27 января, а скончался 29-го в 2^{3/4} пополудни, в день рождения Жуковского, который теперь для его семейства Ангелом Хранителем. Он, Велгурский, Вяземский и я не отходили от страдальца: Арндт, Спасский, друг его, и доктор Даль облегчали последние минуты его. Жена, за которую дрались, в ужасном положении. Она невинна, разве одно кокетство омрачило её душу и теперь страшит её воспоминаниями. Дело давно началось, но успокоено

было тогда же. Ещё в Москве слышал я, что Пушкин и его приятели получили анонимное письмо, в коем говорили, что он после Нар[ышкина] первый рогоносец. На душе писавшего или писавшей его — развязка трагедии. С тех пор он не мог успокоиться, хотя я никогда, иначе как вместе с его антагонистом, не примечал чувства, его волновавшего. Думали, что свадьба Геккерна с его свояченицей (коей сестру, т. е. Пушкиной, вероятно он любил) должна была успокоить Пушкина; но вышло противное. Впрочем, d'Archias расскажет тебе всё; но не перескажет тебе нашего горя, ибо он не понимает его. В Пу[шкине] лишились мы великого Поэта, который готовился быть и хорошим историком. Я видался с ним почти ежедневно; он был сосед мой, и жалею, что не записывал всего, что от него слышал. Никто не льстил так моему самолюбию; для себя, а не для других постараюсь вспомнить слова, кои он мне говаривал, и все, что он сказал мне о некоторых письмах моих, кои уже были переписаны для печати в 5-й книжке Журнала его. В первый день дуэли послал он к государю доктора Арндта просить за себя и за его секунданта Данзаса (полковника) прощения. Государь написал карандашом записку след[ующего] содержания à реу ргès и велел Арндту прочесть ему записку и возвратить себе: «Если Бог не приведет нам свидеться на этом свете, то прими мое прощение и совет исполнить долг христ[ианский]: исповедайся и причастись; а о жене и о детях (у него два мальчика и две дочери) не беспокойся: они будут моими детьми, и я беру их на своё попечение». — Мальчики записаны теперь же в пажеский корпус, а жене будет пенсия, если добрый Жук[овский] не устроит чего лучшего. Сочинения Пушкина на казенный счет будут напечатаны, и сумма отдаётся детям в рост. Завтра отпевают его и повезут, по его желанию, хоронить в псковскую деревню отца, где он жил сосланный. Отец в Москве, и я описывал каждую минуту Пушкина страдания и смерти, дабы ему доставлено было всё, что есть утешительного для отца в этой потере. <...>

Вчера народ так толпился, исключая аристократов, коих не было ни у гроба, ни во время страдания, что полиция не хотела, чтобы отпевали в Ис[а]аки[евском] соборе, а приказала вынести тело в полночь в Конюшенную церковь, что мы, немногие, и сделали, других не впускали. Публика ожесточена против Геккерна, и опасаются, что выбьют у него окна. Вероятно, его вышлют после суда. Вот приглашенный билет. Иду на отпевание. <...>

С. И. ТУРГЕНЕВУ**27.***30 февраля 1816. Петербург*

<...> Вчера Карамзин читал нам покорение Новгорода и ещё раз своё предисловие³⁹⁹. Право, нет равного ему историка между живыми, да и между мертвыми равных немного; и это я говорю беспристрастно.

Его Историю ни с какою сравнить нельзя, потому что он приножил её к России, т. е. она изымалась из материалов исторических, совершенно свой особенный национальный характер имеющих. Не только это будет истинное начало нашей литературы, но История его послужит нам краеугольным камнем для православия, народного воспитания, монархического управления и, Бог даст, русской возможной конституции. Она объяснит нам понятия о России, или, лучше, даст нам оных. Мы узнаем, что мы были, как переходили до настоящего status quo и чем мы можем быть, не прибегая к насильственным преобразованиям. <...> Великий Иоанн Грозный, в первой половине жизни своей мудрый, добрый, увлекаемый добродетелями героя — Адашева, во второй же великий по государственной мудрости и делам своим, но истинно Грозный тиран, какого ни один народ не имел ни в древности, ни в наше время — этот Иоанн представлен им с величайшей верностью и точно русским, а не римским тираном. И этот Карамзин не член русской Академии⁴⁰⁰! Зато вот биография и эпитафия нашей Академии. Карамзин не был членом её! <...>

28.*31 октября 1816. Петербург*

<...> Он [Н. И. Тургенев] возвратился сюда в цветущем состоянии здоровья и с либеральными идеями⁴⁰¹, которые желал бы немедленно употребить в пользу Отечества. Но над бедным Отечеством столько уже было операций всякого рода, особливо в последнее время,

что новому оператору надобно быть ещё осторожнее, ибо одно уже прикосновение к больному месту весьма чувствительно⁴⁰². К тому же надобно не только знать, где и что болит, но и иметь верное средство к облегчению или совершенному излечению болезни. Тщетные покушения только что могут растравить рану. Но во всяком случае теория, на прекрасных человеколюбивых началах основанная, может быть полезна, особливо в течение времени, ибо желание применить сии начала с пользою для России должно заставить узнать её; хотя это и весьма трудно у нас, ибо из одних дел, в высшие правительственные места поступающих, не скоро узнать недостатки существующего; надобно жить, то есть терпеть от правительства, на самом месте страдания, т. е. внутри России, и потом ещё служить там же и, наконец, когда надобно будет генерализировать, выбирать лучшие средства к исправлению. <...>

29.

21 мая 1820. Петербург

<...> Третьего дня гр[аф] Воронцов говорил с государем об известном деле; прочел ему краткую записку, содержащую наше предположение⁴⁰³, и получил совершенное одобрение и благодарность. Долго говорено с ним. Вчера же гр[аф] Воронцов, кн[язь] Меншиков и приехавший вчера из Варшавы кн[язь] Вяземский подписали бумагу, и гр[аф] Вор[онцов] с кн[язем] Меншиковым повезли её с согласия государя к гр[афу] Кочубею. Будет или нет — но голос подан, и дворянство останется без пятна, или, по крайней мере, без укоризны, что не решилось сделать первого шагу. Сегодня подпишется Николай за себя и за тебя. Он же будет и главным делопроизводителем. В сем деле, по словам Вяземского: за начинающего Бог. <...>

30.

21 июня 1820. Петербург

<...> Между тем как ты наблюдал рачительные действия рабства, мы воевали против его защитников⁴⁰⁴, и мысли наши во многом были

сходны, ибо и мы предлагали частное, постепенное освобождение, которое бы не только подготовило всеобщее, но и повлекло к оному необходимою силою вещей, *la force des choses*. Попытки и покушения наши не совсем останутся тщетными, и если не пойдут по нашим следам, которых мы протоптать не успели, то не устроятся первого опыта. Православие наше этому не мешает, так как и ничему доброму и прямо государственному, и с пользою всегда смешано быть может. Это есть стихия, *ingrédient*⁴⁰⁵, ко многому служащая. Даже иногда отзывается чем-то конституционным. За что же оставлять Россию навсегда? Чем она согрешила, потому что над ней творятся погрешения? Неужели должно оставлять друга в несчастии и бежать от него, чтобы не слышать стонов и воплей его? Ах, они издалека, кажется, ещё слышнее и доходят прямо к сердцу. Москва помнит тургеневские богадельни. Зачем же оставлять расслабленное правительство? Разве Петр Тургенев отчаивался в спасении отечества, укоряя Гришку во лжи и грозно умоляя его отречься от России и царства⁴⁰⁶. И мы будем дондеже есмы умолять соотчичей отречься от рабства. И делом, и словом будем друзьями народа. <...>

В. А. ЖУКОВСКОМУ

31.

7 сентября 1831. Москва

<...> Я чувствую ежедневно более, что ни душе, ни уму, ни даже сердцу моему нет выгоды оставаться в России, что, жертвуя ими, — я не приношу никакой пользы так называемой службе или государству⁴⁰⁷ и теперь понимаю лучше Карамзина, который не хотел войти в систему управления, предвидя бесполезность свою по своему одиночеству в составе оной; что я, при теперешнем обо мне мнении правительства, и частной пользы принести не могу, а себе повредить могу навсегда; что мне надобно избирать или сенаторское ничтожество в Москве, ибо под начальство по-прежнему я теперь идти не могу, да и к кому? — или деятельность в пользу некоторых частей

управления там, где действительность сия возможна для меня, то есть там, где открыты для всего удобные и богатые средства и где бы я мог утолить со временем и тоску мою по могиле Серезиной; что там, в Германии, готова всего себя посвятить не литературе и не бесплодным занятиям какого-то чужеземного соглядатайства, но богадельням, но училищам и университетам, но больницам, но всему, что к какому-нибудь усовершенствованию полезного или к новому знакомству с полезным вести может. Так действовал я и прежде: пусть укажут столицу или городок, где бы я был и не осмотрел училища или тюрьмы и не достал бы описания оных, если где оно было; а навещая юдоли плача или колыбели просвещения, — я не о салонах московских думал, где теперь истощаю запас воспоминаний своих о Рекамье и Вальтер-Скотте. Пусть изберут гр[афа] Строгонова (Сергея), тебя, кн[язя] А. Н. Голицына или даже на низшей меня ступени гражданской иерархии стоящего, но не враждебного ни мне, ни моему чувству человека, и я готов быть его европейским соглядатаем и доносить обо всем, что не укроется от моего энциклопедического взгляда. Лишь бы польза, надежда пользы, отдаленная надежда на отдаленную пользу, лишь бы не в тунейдстве для России жить там, где жизнь сноснее, чем в тунейдной Москве. <...>

32.

30 апреля / 12 мая 1842. Париж

<...> Ты знаешь уже, чем мы заняты; в России и здесь только и толку об указе крестьянском⁴⁰⁸. Я не спал ночь от радости. Дело великое, святое! Нет нужды, что начало кажется незначашим. Мы и этого и не могли добиться от [Александра] Благословенного — и разлетелись как прах с его благословения; а теперь и первый подстрекатель прежнего кн[язь] Меншиков⁴⁰⁹ — против нового дела, и сила Божия в немощах совершается! т. е. в Льве Перовском, хотя уверяют, что главный подстрекатель — Киселев⁴¹⁰. Здешные русские большею частию против, но есть и за. И брат ожил и в восхищении! Я уже писал, чтобы готовили проекты контракта для моих двух деревенок, и с ума схожу от досады, что продал Тургеневу и Жуковку! Как бы теперь спокойно мог устроить себе приют под Москвой и на Волге, с людь-

ми вольными и с воспоминаниями прошедшего, которые передал бы потомкам, если и не потомству. Но Бог судил иначе! Да судит Он же и тех, кои лишили меня счастья осчастливить милых ближних и дать пример, увлечь за собою и ближних по неволе, кои этого теперь не сделают!

Если бы не сия досада за прежнее, то мое сердце совершенно бы успокоилось; и теперь, после прочтения указа, оно как бы переворотилось в пользу правительства в лице Николая I. Он примирит многих этим делом или хотя немногих, но лучших, остальные после увидят и свою пользу и благо страждущего человечества. Будут вспышки, затруднения, но они были бы и страшнее и без сего начала, и началось бы не правительством. Кто мог это предвидеть? Кто ожидал этого от него? Я писал к Аржев[итинову], что если нужно, то поспешу в Россию; но он, не зная ещё о сем, сам сюда собирался в этом году. Не знаю, как он откликнется. — Теперь все адъютанты и Уваровы залиберальничают, и уже в «Москвитянине» пропущена статья какого-то Посошкова из 17-го столетия о крестьянах⁴¹¹, самая вольная, удивившая и испугавшая московских запоздалых и даже либералов; и пропущена с одобрения П[етер]бурга; видно, Уваров пронюхал уже намерение государя и теперь запоет акафисты эмансипации. <...>

33.

10/22 июля 1844. Киссинген

<...> Ты все полагаешь, что брат хочет для себя оправдаться; но едва ли мне не более его хочется издать его записки⁴¹². Я не жертва его и не буду жертвою его оправдания, а если я жертва, то гнусного беззакония: пусть же и отвечают беззаконники и между ними гос[ударь] п[ервы]й, потому что он влиянием на судей, и именно на к[нязя] Лопух[ина], губил нас и своими о нас мнениями до суда предварял, ободрял судей: я это знаю. Я желаю, чтобы видели, что мы — брат и я, все равно, что погубили не только невинного гражданина, но и полезного, коего лишили быть честью и пользою для России, — и в проектах брата это увидят если не современные нам слепцы, то будущие зрячие и немногие теперь. Как же и для чего от этого отказаться? Свер[беев] думает, что гос[ударь] по первому впе-

чатлению, которое во многих хорошо и ясно, поймет дело; но потом забудет и поступит противно сему самому верному и ясному взгляду или инстинкту: ибо в нем нет ничего иного: он темный человек, да ещё и самодержец — и никто ему не перечит. Да и нас же он не любит. Какая на него надежда — одно разве будущее, неизбежное бедствие, потеря дочери⁴¹³, возродит его, но он уже ходит на парады, занимается касками, и все опять придет в свой порядок или прежний хаос, в коем гаснут все ощущения благотворные, все мелькающие искры света сквозь тьму не образованного юридического логикой рассудка. Как доверить ему судьбу и честь свою? Судьбу и честь своего имени в потомстве; у всякого оно будет и у нас также. Простить похрис[тиански] — иное дело; но простить со вредом тем, коих просветить можешь, — это опять нехорошо. А просвещать должно, иначе и из твоего питомца путного не выйдет, если он читать будет одни бездушные формулы Сперанского, а не прочтет его же богатую идеями записку, в записках брата⁴¹⁴, а без них он не прочтет и не узнает Спер[анского]. Ты не обращаешь на пользу таких книг довольно внимания, а оно важно, право, важно. — Ты все поэтическими глазами смотришь на государя, а в нем и хорошего-то — одни фразы. <...> Он во всем и со всем фразер и актер: я и здесь узнал многое о сем... В делах — ничего кроме жестокого варварства и отсутствия всякого продолжительного высокого чувства: он рисует, когда говорит с вами. Я, кажется, давно разгадал его. И любовь к русскому в нем — одна любовь к русскому варварству. Я от него чувство какого-то нравственного отдаления чувствовал бы без моего несчастья. Детей любит, но как? Не хочу сравнивать... Жену любит, но ещё хуже! Словом — пошлая проза, когда не хуже.

Не только не благородно и не братски поступил бы я, требуя скрытия мемуар[ов]; я просил брата смягчить о Бл[удове], он смягчил, и личностей нет, но поступок человека-чиновника выставлен во всей его гнусности⁴¹⁵, *sine ira*⁴¹⁶, то тем сильнее, как рассказ Пеллико⁴¹⁷. Клевета или правда о России дойдет и без того до всех, и в этом ты разделяешь общий русский предрассудок: не сердись, но это пятно прирожденного и воспитанного патриотизма — варварства. Правда — польза от истины: вот главное, а не баловство вечное избалованных и возлелеянных потворством или молчанием шалунов-злодеев, русские ли они, или шотландцы, или камчадалы. <...> Ради Бога, милый, перестань злиться на Кюстина⁴¹⁸; он презрителен, но

ты не за то на него сердисься, иначе бы ты и на Вигеля, развратного утеснителя раскольников и униатов, и определившего его по духовн[ому] ведомству Бл[удова] сердился⁴¹⁹. Ты сердисься, как дитя на зеркало: Кюстин для нас — полезен, заслужил народную благодарность. Он раздражил нашу мертвечину: и за то уж спасибо; если не пробудил к лучшей жизни, если останемся при одном раздражении — не его вина, а нашего одервенения. Кто бы ни указал нам на пятна — очистим их, воспользуемся. Дурно судит о народе, не проник во все тайны рабского его положения, — может быть; но кто в этом положении, тот не вправе требовать и справедливости; тот виноват, кто терпит то, что с ним делается. Так думал И. Миллер. Другое дело — кто виноват и в этой вине народной? Опять те, кои не хотят, чтобы их сердили, любящие покой для себя, хотя бы этот покой для других был — могильным гниением. Когда пробудители не добрые и просвещенные люди, каков брат, тогда они или якобинцы на троне или Робеспьеры: все равно! <...>

II. А. ВЯЗЕМСКОМУ

34.

18 сентября 1818. Петербург

<...> Брат возвратился из деревни и тебе кланяется⁴²⁰. Он привел так в действо либерализм свой: уничтожил барщину и посадил на оброк мужиков наших, уменьшил чрез то доходы наши. Но поступил справедливо, следовательно, и согласно с нашею пользою. <...>

А ты что делаешь, ленивец? Пишешь прелестные описания тайников природы⁴²¹, да и думаешь этим от нас отделаться? А прогроз: я украд у тебя это выражение и вставил его в библейскую речь, которую завтра в Таврическом дворце скажу в многочисленном собрании⁴²². В ней есть эпизоды и для арзамасцев. По поводу негров и по случаю земли их, то есть Африки, говорю о свободе и о рабстве, которого христианская религия не терпит и везде истребляет. Есть и другие пассажи арзамасские. <...>

35.

11 декабря 1818. Петербург

<...> «Здесь все для души», — сказал он [Карамзин] в четверг бездушной Академии⁴²³, и голос его отдался в душе арзамасцев, которых заслонял широкопузый Шаховской с тщедушною братиею. Это было торжество не Академии, но Арзамаса, ибо почетный гусь наш, казалось, отделялся от лестных собратий своих, как век Периклов и Александров отделяются от века Лудвига Благочестивого и Батыева. Все было внимание, и он не произносил речи, но, кажется, как детей, наставлял своих слушателей с чувством, которое отзывалось в душах наших и оживляло лица. <...> Другой, услышав слово симпатия, может быть, единственное не русское во всей речи, уходя говорил: «В российской Академии — французские слова! Вот до чего мы дожили!» Но, впрочем, большинство на стороне Арзамаса. Даже и сенаторы слушали с умилением. Я сделал только одно замечание. Не помню, по какому поводу Карамзин сказал: «Ибо и власть самодержавцев имеет свои пределы» или что-то подобное⁴²⁴. В Европе это почли бы *un lieu commun*, пошлою истиною; у нас, — верно, дерзости, которую вслух говорить опасно. Со временем *on citera cela*⁴²⁵ между характеристическими чертами нашего времени, беременного будущим. <...>

Кстати, о цензуре: сегодня получил я наконец и прочел с жадностью и негодованием брошюру Стурдзы: “*Sur l'état actuel de l'Allemagne*”⁴²⁶, которая в пятидесяти экземплярах напечатана в Ахене, роздана всем иностранным министрам и прислана сюда некоторым только избранным⁴²⁷. Английские журналы давно оценили её столько, сколько полуофициальные мнения могут быть оцениваемы в журналах. По прочтении второй половины этой книжки меня так и обдало инквизицией, хотя и нигде безбожное сие слово не упоминается. Но дух её может зародиться в началах, коими руководствуется автор. И какое невежество относительно главного предмета, о котором распространяется добрый Стурдза, — университетов немецких! И следовательно, какая дерзость, нашему брошюрному времени свойственная, говорить о том, чего не знаешь; осуждать то, чего не мог исследовать во всех многообразных одного отношения; писать приговор тысячелетним

установлениям, коих отблеск отражается во всех умах европейских; предлагать перемены, коих существо не определено самим предлага-телем, ибо я не называю мыслию, ещё менее определительною мыс-лию, предложение “de calmer, épurer par degrés l’effervescence des idées religieuses”⁴²⁸ или установление d’un institut national germanique⁴²⁹, которого обязанностью было бы “d’occuper une foule de têtes plus désœuvrées qu’immorales; épurer la langue (это хоть бы Шишкову!) et faire des progrès aux sciences et aux arts; rehausser le pouvoir fédéral et lui assurer insensiblement une influence légitime sur l’esprit public”⁴³⁰ Кто составит институт сей? Какие силы дадут ему перевес над мыслящими и, следовательно, недремлющими умами Германии? Кто будет одушев-лять сие национальное заведение в противоборстве его с истинными национальными университетами, под сению немецкой разнообразицы расцветшими? Добрый, пламенный Стурдза! Зачем увлекаешься ты за пределы той самой христианской терпимости, которую сам пропове-дуешь и которая терпит ереси в своей первой догматической книге! Нужна вся моя вера в честность и в чистоту его намерений, чтобы не поколебаться в мнении о его характере при чтении сей брошю-ры, в которой, впрочем, есть и замечания справедливые. Но от них она будет опаснее для наших фанатиков, судящих все по слухам и на слухах основывающих мнения свои о вещах, людях, установлениях и проч. Une absurdité répétée avec persévérance devient presque une vérité pour le vulgaire⁴³¹, а наши простолюдины не в простом народе. Hinc illae lacrimae!⁴³² Я собираюсь писать к Стурдзе, но для полного, ясного опровержения нужны средства времени, то есть досуг. Таланта почти не нужно, car je ferai parler les faits⁴³³, и вот почему я бы решился на сие состязание, если бы... но hinc illae lacrimae. <...>

36.

2 апреля 1819. Петербург

<...> Что сказать о поступке фанатика Занда?⁴³⁴ Если не толпа народа, которая сбежалась на крик умерщвленного и открыла тем преступника, принудила его сознаться немедленно в преступлении и вонзить тот же кинжал и в свою грудь; но если он шел точно на верную смерть, то обвинять ли его или жалеть о нем должно, и не

принадлежит ли он к категории доминиканцев, которые за мнения жарят лютеран и евреев?

Паскаль давно сказал: "Toute opinion peut être préférée à la vie, don't l'amour parait si fort et si naturel"⁴³⁵. — Зачем было дразнить злую собаку? Ярость производит бешенство. Vous verrez que nous allons payer les pots cassés⁴³⁶. Пользуясь сим случаем, и последний свет, курящийся и редко вспыхивающий, гасильники наши потушат. <...>

37.

26 августа 1819. Петербург

<...> Из Царского Села свез я ночью в Павловское Пушкина. Мы разбудили Жуковского. Пушкин начал представлять обезьяну и собачью комедию и тешил нас до двух часов утра. <...> Прислал ли я тебе «Деревню» Пушкина? Есть сильные и прелестные стихи, но и преувеличения насчет псковского хамства. <...>

Михаил Орлов говорил речь в киевском Библейском обществе, и брат сию минуту получил её для «[Русского] инвалида»⁴³⁷. Прочту и скажу своё мнение. Он рассматривает это общество в смысле либерального установления.

Вечер

Я прочел речь его. Он предлагает соединить взаимное обучение с библейскими обществами и радуется, что в то же самое время, когда Евангелие переведено на русский язык, в России введены ланкастерские школы. Он видит в сем особенный Промысл Божий, но корифеи нашего общества не воспользуются сим случаем и не могут воспользоваться, ибо сим нарушилась бы простая цель Библейского общества — раздача Библии. Нам ближе было бы соединиться с другими обществами, как то с миссионерами во всех родах, но мы содействуем друг другу издаലെка, стремимся к одной высокой цели. Но всякий своим проложенным путем идет к ней, и если хотя на шаг отойдем от прямой дороги, то заплутаемся. Лучшее в М. Орлове есть страсть его к благу отечества. Она сберегает в нем душу его, благородную и

возвышенную. Но недостаток в учебном образовании везде заметен: вот школа аббата Николя!⁴³⁸ Ум и сердце в нем свои, а ученье, то есть недостатки в оном, принадлежат образу воспитания. Я не говорю уже об учености, а желал бы только, чтобы учились в публичных школах писать методически. Охота к учению придет, а с нею и сведения, и даже мысли, но надобно уметь выражать их. Второе необходимое условие хорошей школы есть — литература учености. Надобно, чтобы ученик, оставляющий училище, знал, где он, в случае нужды или страсти к учению, может найти все для него нужное. Этого-то и не знают наши аббаты для нашего времени. И лучшие из них остановились на столетии Лудовика XV, и новый век с его необъятными завоеваниями в области мыслящей силы для них не начинался. Германские и английские сокровища учености для них не существуют, и они принуждены защищаться от них, как от язвы, ибо сражаются в сем случае *pro aris et focus*⁴³⁹. Их товаров никто покупать не станет. Их лучше уверить, что Кант, исполненный благоговения к Существо существ, — безбожник, нежели понять его философию и разделять с ним восторги души, изливающейся и в собственных порывах, и в воспоминаниях поэзии Галлера.

38.

10 сентября 1819. Петербург

<...> Если успею, то сообщу тебе копию с моего письма к Орлову. Я отдаю справедливость его чувству, которое изливается из прекрасной души. Везде ищет оно пользы отечества, везде мечтает о возможном благе его. Я бы держал его близ государя, но держал бы на привязи, ибо в нем нет ничего обдуманного, а опыт доказал уже нам, какой успех от незрелых планов, от желания обратить в детство все, что сверкнет в голове, не озаренной светильником государственных познаний и наблюдений. Разве Новосильцов не был мечтатель с сильными средствами приводить мечты в исполнение⁴⁴⁰? Что за нужды, сам ли он мечтал или другие за него! Разве не пользовался он своим всемогуществом на чреде высокой? И что же оставил по себе? Память добрых начинаний, благородных побуждений, но уродливые планы

народного просвещения, уродливые учебные и ученые институты, которыми в своё время либералы так же восхищались, как ты теперь — соединением ланкастерских школ с Библейским обществом. Stat sua cuique dies⁴⁴¹ и в этом случае. Разве Спер[анский]?.. До побуждений мне дела нет. Я говорю об одних средствах. Нет, пусть служит Орлов некоторое время внутри России, пусть узнает её лучше нас — и тогда, если сохранит жар к добру, пусть приедет сюда согреть оледенелые члены членов Государственного совета et comp.⁴⁴² <...>

39.

12 ноября 1819. Петербург

<...> Когда-то придется быть издателем твоих избранных мест, ибо всех сподвал никакая цензура да и отсутствие цензуры не пропустят. Между тем беснующийся Пушкин печатает уже свои мелочи, как уверяют меня книгопродавцы, ибо его мельком вижу только в театре, куда он заглядывает в свободное от зверей время. В прочем же жизнь его проходит у приема билетов, по которым пускают смотреть привезенных сюда зверей, между коими тигр есть самый смиренный. Он влюбился в приемщицу билетов и сделался её cavalier servant⁴⁴³; наблюдает между тем природу зверей и замечает оттенки от скотов, которых смотри gratis⁴⁴⁴. <...>

40.

19 ноября 1819. Петербург

<...> Поговорил бы с тобою о той точке зрения, с которой я смотрю на Библейские общества в России, и о пользе, чуждой их цели, которую они приносят у нас⁴⁴⁵, но для этого надобно собрать мысли и факта. Результаты не довольно очевидны, чтобы убедить тебя одним намёком оных. Не с той стороны надобно у нас нападать на сии общества. Они будут иметь отдаленные действия на церковь, а вместе с тем и на государство, если не противопоставится à ce protestantisme en action⁴⁴⁶ оплот, который бы, не удерживая в границах мыслящей

силы, возбужденной или, лучше, пробужденной в народе чтением поэтов, историков и законодателей в одной книге, привел бы в порядок и в возможную ясность то, что способно к принятию порядка и ясности, а остальное поручил бы вере, без которой не обойдешься. Библейские общества сливают религии. В смысле всеобщего филантропизма эта мысль обольстительна; но в смысле государственном она вредна и допущена быть не может. Вот для чего нужны катехизисы, то есть положительные догматы, которые бы удерживали библейскую беспредельность. Хороших у нас ещё нет, но и везде были они поздним явлением. Оттого стражи церкви запрещали вход в Библию без провожатых, то есть без комментариев и без проповедников. Но мы не посоветовались с опытностью веков и народов: поспешили печатать, ибо Библию нужно было только перепечатать, а катехизис написать. Большая часть моих товарищей ещё не одумались, но у меня давно гребтит на совести — недостаток в народном хорошем катехизисе, и давно бы предложил о сем. Но кто его напишет? Я не вижу и не предвижу автора. Те, кои теперь возьмут на себя сие дело, не исполнят его как должно, а поведут нас к новым расколам, и по своему невежеству, и по угодничеству. В одном я уверен: нам не время быть протестантами. Мы скороспелки легких умов, как сказал справедливо историограф. А стоит только со вниманием прочесть историю первых лет реформации, чтобы увидеть ясно, что более всего способствовало первым успехам её. Народное чтение Библии более утвердить оную, нежели все насмешки и сильные нападения на папское владычество. *Sapienti sat*⁴⁴⁷!

Хотели узнать причину, почему папа опасается (папа и политика его не умирают) Библии и бьёт в набат противу употребления оной, — и подрывли основания самой церкви, которая есть закон положительный, между тем как Библия есть только закон нравственный, всеобщий источник законов частных и положительных. <...>

41.

7 января 1820. Петербург

<...> Есть обстоятельства, и в монархических государствах они встречаются чаще, когда истинные герои добродетели *doivent s'en*

alle à petit bruit⁴⁴⁸, и в сем будет все их величие! Для этого нужно верить бессмертию души или любить отечество, как любовницу. Просто умереть можно и для славы, но умереть, et mourir tout entire⁴⁴⁹, можно только из любви, под каким бы она видом ни являлась, то есть для первоклассной страсти, которой слава, честолюбие и прочее — только слабые отблески. Не знаю, любили ли так римляне своё отечество, но подданные тирана Ивана Васильевича любили так Россию, когда шли с детьми и женами под исступленные топоры его. Иначе я их не хочу и воображать себе.

А propos: завтра историограф читает в Академии отрывок IX тома и ему подносится благодарная медаль⁴⁵⁰. Он этого не знает и узнает только тогда, когда увидит её на блюде...

42.

Первая половина февраля 1820. Петербург

Благодарю за письмо от [6 февраля]. Оно и меня, и братьев сердечно порадовало и пришло в такую минуту, когда мы занимались сродным сему предметом, или, лучше, приводили в исполнение до некоторой степени твои предположения⁴⁵¹. Скоро начнутся прения о сем⁴⁵², и я стараюсь подкрепить себя указом Петра Великого, который начинается: «Обычай в России есть продавать людей, как скотов»⁴⁵³ и пр. Он велел Сенату заняться придуманием средств к искоренению сего обычая. С тех пор законодательство не шло вперед по сей части. По крайней мере, нам не должно идти назад через сто лет после Петра I. Но большинство голосов не будет в нашу пользу. Я это предчувствую. Уже многие наохотились противодействовать и делом, и словом благим намерениям высшего правительства. Но написанного и топором самовластия они не вырубят. По крайней мере, имя наше спасется в летописях либерализма. Впрочем, я и в существенной пользе от сих прений не отчаиваюсь. Голос человеколюбия и вечного правосудия не исчезнет в пустынном воздухе. Будут отголоски, которые если не в настоящем, то в неотдаленном будущем отзовутся. Во всяком случае, ты прав, что в сем случае «за начинающего Бог»!

43.

21 апреля 1820. Петербург

<...> Пушкин прочитал мне письмо к тебе, и я увидел, что он едва намекнул о беде, в которую попался и из которой спасен моим добрым гением и добрыми приятелями⁴⁵⁴. Но этот предмет не для переписки.

Твои замечания о иезуитском деле полусправедливы⁴⁵⁵. И я на них сердит не столько за то, что они делали, как за то, чего они не делали, имея 20.000 душ, дома и библиотеки. Какие средства для просвещения, а они забавлялись над шизматиками⁴⁵⁶, еретиками и жидами! Разве мы в XVI веке? Собственность их была собственностью государства, ибо их сохранили в России при всеобщем уничтожении ордена на известных условиях, которые ясно изрекла Екатерина. Они не исполнили оных и потеряли право на средства, кои им предоставлены были. Иезуиты, как частные лица, собственности не имели и по законам ордена не могли иметь. Впрочем, средства, но не цель, изменились. Иезуитов, то есть тех же средств к достижению цели, не существует в России, но цель — польза церкви католической и богоугодных заведений — осталась неприкосновенною. Государь велел отправить их и дать им все нужное на дорогу, не только до границы, но и далее, и все исполнится с возможною в подобных случаях либеральностью. В самое то время, как у нас невидимо собиралась над ними гроза, грянул гром на них и в Гишпании и разразил их вместе с инквизициею. <...>

44.

5 мая 1820. Петербург

<...> Участь Пушкина решена. Она завтра отправляется курьером к Инзову и останется при нём⁴⁵⁷. Мы постараемся отобрать от него поэму, проч[итаем] и предадим бессмертию, то есть тиснению⁴⁵⁸. Он стал тише и даже скромнее et, pour ne pas se compromettre⁴⁵⁹, даже и меня в публике избегает. <...>

45.

11 августа 1820. Петербург

<...> Я читаю теперь рукопись, единственную для биографии, особливо для внутренней жизни Екатерины. Храповицкий описывал ежедневные происшествия и, будучи ежедневно и беспрестанно при ней и пользуясь её доверенностью, а что ещё важнее и доверенностью её Захара [Зотова], записывал *ipsissima verba*⁴⁶⁰ все, что видел и слышал с рабскою и почти с лакейскою верностью⁴⁶¹. Но так как он был употреблен и в важных делах, то в записках его вижу я зародыши мыслей Екатерины, из коих после вышли трактаты, война, законы. Журнал ежедневный и *nulla dies sine linea*⁴⁶², и оттого есть связь в происшествиях; право, почти история, но, конечно, прекрасные материалы к оной: характеристики людей, ею начертанные; анекдоты, изображающие нравы века и двора того времени. Сколько живых ещё подлецов, сколько подлецов уже мёртвых, но бессмертных по милости сих записок. Есть и о Державине любопытная черта⁴⁶³. Я нашел два раза имя отца моего в истории мартинистов⁴⁶⁴. Это наслаждение для русского, особливо для меня, ибо я вчера читал рукопись с князем [А. Н.] Голицыным, который много помнит, многого был свидетелем и поверяет своё тем, что читал; но писаное все верно. История любимца [А. М. Дмитриева-]Мамонова или его падения вся тут⁴⁶⁵. Многие скрыли стыд свой в гробе, но если дело истории изводить на свет правду, то они пожелали бы зарыть с собою эти записки. <...>

46.

20 сентября 1820. Петербург

Вчера получил твое письмо от 9 сентября⁴⁶⁶. Недостает у меня русского сердца, чтобы разделять польское негодование с тех пор, как получен указ о четырех с пятисот. Это погрузит Россию в новое уныние и тысячи в отчаяние. Где взять рекрут? Я не постигаю, кого отдадут наши крестьяне, и кто не в нашем положении? Если бы можно было деньгами откупиться, я продал бы последнюю книгу,

чтобы спасти хотя одного отца семейства, ибо других не имеем для отдачи. Если бы я чувствовал необходимость сей меры, то не смел бы роптать и на Провидение. Она необходима потому только, что кадры наши неизмеримы. Не могу думать без болезни о сем всеобщем бедствии. Я точно стражду, как бы поразило меня личное несчастье. Раны прошедшего года ещё не зажили. Я хлопотал о спасении одного рекрута, который оставил кучу детей, а теперь осиротеют другие; но, право, общие бедствия для меня так же чувствительны, как и наши. Я не думаю уже о последствиях ежегодного сильного набора для всего государства. Крестьянская наша промышленность никогда не оживится, пока предприимчивость будет замерзать от неизвестности будущего. <...>

47.

6 октября 1820. Петербург

<...> А я при первом случае буду действовать, то есть говорить и писать, что думаю и чувствую, полагая, что бездействие есть преступление, которое многие прикрывают границами своих обязанностей. Я не buttoшник; однако же, если режут на улице, и под моими окнами, разве я не должен бежать на помощь и взбудоражить, если нужно, весь город, чтобы спасти жертву; а когда режут здравый смысл, святую нравственность и более всего — самую религию, то как же не вступить и по убеждению, и по долгу? Или предать все священное и прекрасное в руки фарисеев и разбойников и, отходя, умыть руки пред народом и правительством? Нам только положительным образом можно действовать, и это положительное — отрицательно. Мешать злу — есть у нас одно средство делать добро. Остается ещё выбирать вернейшее и важнейшее. Вот отчего часто я нерешителен; ибо, когда со всею силою существенности представится мне рекрутское бедствие⁴⁶⁷, и я средства не имею воззвать во услышание властям предержащим о миллионе, который погрузится в печаль и уныние от сей операции над государством, то зло, которое отзовется только невежеством нашего потомства, для меня уже не так чувствительно, и я будущим жертвую настоящему, без всякой пользы для того и другого. <...>

48.

20 октября 1820. Петербург

Тебе одному.

В понедельник поутру весь Семеновский полк, исключая двух-или трехсот солдат, оставшихся в казармах, посажен в крепость⁴⁶⁸. Они шли спокойно и без оружия, в одних шинелях, мимо нашего дома. Я спросил у них: «Куда вы?» — «В крепость». — «Зачем?» — «Под арест», — «За что?» — «За Шварца». Ночью первая рота посажена уже была под арест. Они требовали, чтобы освободили их от Шварца. Васильчиков, Милорадович, Потемкин — все уговаривали их успокоиться и возвратиться в казармы, но они спокойно повторяли своё требование. Орлов наряжен был с полком и явился перед безоружным Семеновским строем. Они говорили: «Мы не бунтовщики, мы умрем за государя и за офицеров. Но не хотим Шварца, ибо он — мучитель и действует вопреки повелениям государя; бьет, тиранит, вырывает с мясом усы, заставляет солдат друг другу плевать в лицо и по воскресеньям, поутру, когда государь хочет, чтобы ходили к обеду, он посылает на ученье». Первая рота ещё ночью посажена была или в крепость, или в Михайловский манеж под арест. Поутру, когда угрозы главных начальников и просьба офицеров не могли на полк подействовать и по отрешении прилагаемым у сего приказом Шварца, они объявили, что рады служить с Бистромом, но что без головы, то есть без первой роты, выстроиться не могут. «Подайте нам голову, и мы выстроимся; мы умрем за государя и за офицеров, но терпеть унижения от Шварца не можем: мы и прежде по команде на него жаловались». Между тем Шварц скрылся и возвратился только к вечеру, как мне сказывали. В Военном совете, куда приглашен был и граф Кочубей, положили отправить их в Свеаборгскую и Кексгольмскую крепости, а первый батальон оставить здесь. Вчера, в виду публики, они спокойно, без караула, с своими офицерами сели на паровые судна и отправились из Петропавловской крепости в Кронштадт. Первый батальон остался в крепости. К государю отправлены уже с сим известием два фельдъегеря⁴⁶⁹. Сегодня едет Чаадаев. Отзывы солдат тронули до слёз многих генералов. Они обещали без караула смирно сидеть в казематах и сдержали слово. Несмотря на то, что не

было места даже сидеть и что одни стояли, другие сидели попеременно, они не выходили за дверь, говоря, что «мы дали слово не выходить». Даже кантонисты полка прибежали в крепость. Все шли с покорностью. Я не буду описывать тебе все, что говорено было, но сообщая только главный результат. Скажи об этом Новосильцову и ещё немногим; но с тем чтобы не дошло до великого князя, что это сведение от меня, и будь гораздо осторожнее. Я не могу думать о сём без внутреннего движения и сострадания о сих людях. По какому закону судить их? Должны ли они быть жертвою так называемой государственной политики, или в строгой справедливости и им не должно отказывать, если они прежде по команде просили, *si se fait peut être constaté*⁴⁷⁰? Я уверен, что государь быстрее и вернее своих генералов рассудит; но надобно, чтобы истина была ему во всем блеске открыта; надобно, чтобы первые происшествия объяснены были строго и верно: жаловались ли солдаты, кому? — Это решит вопрос о вине или невинности их. Они вышли без оружия и не хотели обратиться к оному. <...>

49.

1 декабря 1820. Петербург

<...> Я двух минут не имею свободных. Весь город бранит меня за то, что я не стерпел терпеливо гласного обвинения во лжи Комиссии законов министром юстиции и жаловался председателю⁴⁷¹. Но город не знает ещё подробностей, совершенно меня оправдывающих, и при сем том тот же город утверждает, что я дело сделал, что не стерпел сего срама и отвечал, как благородному человеку прилично. Вот как было дело: по прочтении известного проекта о непродаже людей без земли⁴⁷² министру юстиции померещилось, что Комиссия законов в бумаге, мною подписанной и перед глазами всех лежавшей, ложно ссылается на указ несуществующий, чего Комиссии и в ум не приходило. Он раза два или три вслух и громко повторил: «Комиссия лжет!» Все оглянулись на меня, как на репрезентанта Комиссии, подписавшего сию бумагу. Я вышел из залы собрания, пошёл в канцелярию и принес по начальству жалобу Оленину⁴⁷³. Он отклонил от себя и сказал мне, что я обижен как член совета Комиссии, а не как чинов-

ник канцелярии, и сказал мне: «подите и жалуйтесь князю Лопухину». Я пошёл и по окончании чтения, а не прерывая одного исполнил приказание начальства и принес председателю жалобу на министра юстиции. Он нашел слова его неприличными и что-то проговорил в осуждение министра юстиции. Когда сей начал перебивать слова мои, то я отвечал ему, что не с ним говорю, а жалуюсь на него председателю. После, через полчаса, министр юстиции подошел ко мне при всех и сначала начал отпираться от сказанных им слов, а потом признался, уверяя, что он не на Комиссию, а на графа Милорадовича метил и что-то подобное. Брат и я сказали ему, что того, что он сказал, благородный человек ни говорить, ни слушать не может. Он отошел и сел на своё место. Вот история дела, но последняя половина к обвинению моему, по порядку службы, не относится. Где же моя вина, как нарушителя порядка в заседании Государственного совета? Я надеюсь быть оправданным, если государю будут подробности дела известны. Но ты не говори никому о сём без крайней нужды. Разве можно и должно будет оправдать меня, сказав, что я не нарушал порядка и жаловался по начальству. Последнее заседание было ещё шумнее, и объяснение наше сильно и убедительно, но личность моя не терпела, а торжествовала⁴⁷⁴. <...>

50.

15 декабря 1820. Петербург

<...> Радищева ценсура не пропустит, но пропустит... точку⁴⁷⁵. Впрочем, честь приложена, а от избытка в оной Тимковский избавит. Жаль, что у нас примеры редки даже и патриотической дерзости, и мы принуждены хвататься за безграмотных Радищевых. Mais puisqu'ils a'existent pas, il faut les inventer⁴⁷⁶. <...>

Напрасно тянет тебя сюда. Выпалка моя в Совете⁴⁷⁷ остервенила против меня всех противомышленников наших более для того, что они сердятся за победу, одержанную здравым смыслом над невежеством и корыстолюбием, хотя плодов победы и не видно, ибо все остается по-старому, и люди, по словам Петра I, продаются, как скоты⁴⁷⁸. Но расшевелили живую рану отечества, и залечить её необходимо нужно будет. <...>

51.

26 января 1821. Петербург

<...> В Черниговской губернии и в некоторых местах Смоленской — голод. Мужики едят желуди и пухнут. Послан из Москвы сенатор Гермес с миллионом. Но примечательно, что в Смоленской губернии хлеб не дороже 16 рублей, следовательно, голод от бедности, а не от большого недостатка в хлебе. <...>

В Университетском пансионе у Кавелина был pendant⁴⁷⁹ к тому, что случилось à l'Ecole de droit⁴⁸⁰ в Париже. Ученики требовали перемены учителей, именно в географии и русской словесности. Прибили и выгнали одного из старых, и многие разбирают детей своих. Кавелин не нашелся и напал, кажется, на невинного или по крайней мере на менее виновного, по одному только его имени: это брат поэта Пушкина⁴⁸¹. Его выгнали из Пансиона, но товарищи вступились за него. Когда Кавелин сказал ученикам: «Знаете ли, что я имею право вас высечь?» — «Вы имеете силу, а не право», — отвечали они, и это самые малолетние; большие к ним присоединились. Пансион может разрушиться. <...>

Опоздалые и напуганные видят и в этих детских шалостях die Zeichen der Zeit⁴⁸², впрочем, вряд ли и к нашим шалунам нельзя применить того, что Пизо говорит о французских в новой своей книге. И наши жаждут света и сидят смирно, когда удовлетворяют требованиям ума их. <...>

52.

16 февраля 1821. Петербург

<...> Везде пробивается зелень конституционного порядка. Она выживет гниль самовластия и в самой закоснелой почве. Это — эпоха человечества, подобная той, которая возникла от новой, прекрасной религии за 1800 лет. Семена разлетелись с шумом и с бурями; заброшены и там, где мы их теперь и приметить не можем; но и теперь

Томящейся душе невидимое зримо⁴⁸³!

И сколько по белу свету сих томящихся душ! Кто их знает? Не нам, не нам, Господи, но хоть детям нашим!

Ты себя не обидел в параллели с Жуковским и Батюшковым⁴⁸⁴, но есть и справедливое нечто. Только не надобно на Жуковского смотреть из одной только точки зрения, с которой ты на него смотришь, — гражданского песнопевца. У него все для души: душа его в таланте его, и талант в душе. Лишь бы она только не выдохнулась! Но её бережет дружба, самая нежная и для тебя невидимая. Я её узнал, и все мои надежды на Жуковского оживают. В нем ещё будет прок. Он не пропадет ни для друзей, ни для России. <...>

Сюда приехал Ермолов. Я еще не мог видеть его. Начнет тонить с министрами и греметь о своей славе, от которой ни Грузии, ни России не легче. Корпус его тяготеет над бедными жителями Грузии, и мирное, хотя и продолжительное, действие гражданской образованности не действует там, а только одна сила военная все ломит и все давит. Все расчислено для мишурного блеска личной славы главного начальника, если все сии похождения с полудикими могут упрочить славу. Граждане, а с ними и гражданственность не процветают; им душно. <...>

53.

23 марта 1821. Петербург

<...> Между тем в Москве и здесь читают прокламацию Ипсиланти⁴⁸⁵, которая, вероятно, уже у тебя есть. Какое прекрасное бессмертие, если оно ему достанется! Тем прекраснее и блистательнее, что о нем можно с древними сказать: “In laminatis fulget honoribus”⁴⁸⁶, между тем как все славы вокруг его меркнули или меркнут прошедшим или настоящим. Отечество, вера, чистое побуждение — все тут или быть может! За начинающего Бог, да и Бог право славный! <...>

Пиемонтские новости тебе уже верно известны⁴⁸⁷. Что-то узнаем на будущей неделе? Прошедшее раздражается ежечасно, и новорожденные растут не по дням, а по часам. <...>

54.

26 апреля 1821. Петербург

<...> Пушкин писал недавно к Гнедичу в стихах и в прозе⁴⁸⁸. Он непременно хочет иметь не один талант Байрона, но и бурные качества

его и огорчает отца язвительным от него отступничеством. Между тем кончил поэму «Кавказский пленник». Скоро пришлет для печати. <...>

55.

12 августа 1821. Петербург

<...> Ожидают войны, а я все что-то думаю о мире⁴⁸⁹. Но теперь сердце как-то обратилось к грекам. Они потеряли последнего заступника в бароне Строганове и в миссии. С каким чувством смотрели они на отплывающий корабль его? Вот предмет для поэта русского. Байрон Андреевич, перенесись в Перу⁴⁹⁰ и скажи нам греческую быль! Представь греков на берегу, с молитвою, которую можно наполнить и православием, и славными для нас и для них воспоминаниями. Право: ты или Пушкин! Не позволяй перебивать у себя: вперед такого случая не будет. <...>

56.

3 октября 1822. Петербург

<...> Замечания твои об анахронизмах Пушкина почти справедливы⁴⁹¹. Но я соглашусь, однако ж, скорее пустить их в поэму, чем в историю; ибо там искажать, хотя и украшением, ещё менее позволено, а нам нужны герои.

«Si Dieu n'existait pas il faudrait l'inventer»⁴⁹².

То же должны делать мы с великим людьми, и Кутузов, coûte que coûte⁴⁹³, должен быть полубогом России. Иначе где вам взять вдохновения для будущих поэм и дифирамбов! Без своих не обойдешься, Регулы⁴⁹⁴ надоели и в отечестве, и во Франции. <...>

57.

15 июня 1823. Петербург

<...> О Пушкине вот как было. Зная политику и опасения сильных сего мира, следовательно и Вор[онцова], я не хотел говорить ему, а

сказал Нессельроде в виде сомнения, у кого он должен быть: у Воронцова или Инзова. Граф Н[ессельроде] утвердил первого, а я посоветовал ему сказать о сем Воронцову. Сказано — сделано. Я после и сам два раза говорил Воронцову, истолковал ему Пушкина и что нужно для его спасения. Кажется, это пойдет на лад⁴⁹⁵. Меценат, климат, море, исторические воспоминания — все есть; за талантом дело не станет, лишь бы не захлебнулся. Впрочем, я одного боюсь: тебя послали в Варшаву, откуда тебя выслали⁴⁹⁶; Батюшкова — в Италию — с ума сошел⁴⁹⁷; что-то будет с Пушкиным? <...>

58.

25 сентября 1823. Петербург

<...> Я в грязи, но и грязь не оставила на мне по сие время пятен. Не отвечаю за будущее, зная слабость человеческую и видев опыты оной и на лучших меня, но буду беречься и в этом даю и тебе и дружбе обещание; дружбе и тогда, когда бы друзей ни одного не осталось. Я не имел счастья жить в твоей чистой атмосфере, то есть с средствами личной независимости, но не провонял и на Фонтанке и остался чистым арзамасцем, не изменил ни одному. А что досталось мне почти от каждого? Где некогда мой Жуковский? О других не упоминаю. Что сделали со мною арзамасцы ветхого завета, то есть и друзья, и товарищи брата Андрея? С старшим, можно сказать, с первым другом его сердца, теперь состязаюсь и доказываю, что он взяточник, губитель крестьян, а на меня наводит перед здешними властями тень карбонаризма за то, что снял цепи (*à la letter*⁴⁹⁸) с несчастных невинно-угнетенных, и в лицо говорил, вслух ему и сподвижникам его голую, страшную правду⁴⁹⁹. Все лето провозился, и точно — в грязи, и почти все с старыми приятелями; видел во многих хуже грязи — равнодушие. Если я хотя раз уступил или власти, несправедливо действующей, или уважениям *du qu'en dira-t-on*⁵⁰⁰, или даже скуке надоедать своими непрерывными настояниями в делах по службе, мне чуждых, но по сердцу на мне и на совести моей лежавших, то я готов заплатить за сей раз ещё новым опытом неостоянства или обмана в дружбе, то есть самым тяжёлым в моих летах нравственным наказанием. <...>

59.

21 мая 1824. Петербург

<...> Давно не был я так счастлив, как теперь, и этим чувством обязан Карамзиным. Я снова ощутил веру в людей, давно во мне погасшую. Я не воображал, чтобы можно было меня так любить, как Карамзины меня любят.

О случившемся со мною теперь одно слово. Я — жертва лжи и клеветы самой гнусной, почти невероятной⁵⁰¹. Тебе признался бы я во всем; но говорю искренно, что и тени правды нет во всех обвинениях, митрополитом формально, лично государю, на меня особенно принесенных. Я уверен, что истина восторжествует и, может быть, очень скоро. Наши иезуиты неискусны и, в радости торжества своего, забывают и самые обыкновенные правила интриги. <...>

60.

3 июня 1824. Петербург

<...> Жуковский узнал о смерти Байрона⁵⁰², имея на руках русского сумасшедшего поэта⁵⁰³. Байрон умер вполовину давно уже для поэзии, ибо последние его сочинения ниже его репутации, но смерть его в виду возрождающейся Греции, конечно, завидная и поэтическая. Пушкин, верно, схватит момент сей и воспользуется случаем.

Я не знаю ещё, когда приеду в Москву. Между нами: моя участь не решена ещё. Государь велел министру финансов⁵⁰⁴ прислать указ о сохранении мне всего жалованья, и другой, сказывают, дан о квартире, но «не о хлебе едином жив будет человек». Я могу остаться только на условиях чести и с полным блеском невинности. Чёрная клевета не должна радоваться своею жертвою, когда клевета признана клеветою. Бесперывно она варит яд, который должен отравить меня или, по крайней мере, обессилить надолго. Новые выдумки хуже старых. Один голос публики весь за меня, но это вряд ли не более повредит мне. <...>

61.

26 февраля 1825. Петербург

<...> Два раза уже слышал «Цыган» Пушкина и два раза восхищался ими. Не мне одному кажется, что это лучшее его произведение. С брата, который читает их наизусть, взял автор честное слово, что он списывать ни для кого не будет; иначе бы я тебя побаловал и прислал бы тебе «Цыган» его вместо крепкого бульона на тощий, если уже не больной, желудок. Боратынский прислал мне свою «Эду»⁵⁰⁵. Прекрасная повесть!..

62.

28 апреля 1825. Петербург

<...> Похвалив талант Пушкина, я не меньше, особливо с некоторого времени, чувствую омерзение к лицу его. В нем нет никакого благородства. По душе он для меня хуже Булгарина. Этот поляк безмозглый, да и только; чего от него требовать, и почему Карамзин должен быть для него священ? Чем более возвышает он собою Россию, тем более должен бесить польского паяца. Но Пушкин учился читать по страницам Карамзина, но Пушкин плакал, и не раз, за столом его, но Карамзин за него рыцарствовал. Я ни слова не сказал о Карамзине, просветителе России в некотором смысле; ибо Пушкин щеголяет не русским чувством и думает, что сердце у него не лежит к России. Ему хочется быть и в этом Байроном, но и Байрон имел друзей в Англии; он любил Мура, а Пушкин поднял руку на отца по крови и на отца-Карамзина⁵⁰⁶. Все это между нами совершенно: вырвалось из души, которой не вижу ни в стихах, ни в душе Пушкина. <...>

63.

4 мая 1825. Петербург

<...> Пушкин написал вторую часть «Онегина», которую сегодня буду слушать. Гнев мой на него смягчился, ибо я узнал, что стихи, за

кои я на него сердился, написаны за пять или шесть лет пред сим, если не прежде⁵⁰⁷. Пришло его сравнение в стихах Байрона с графом Хвостовым: прелесть! <...>

64.

8 мая 1825. Петербург

<...> Вчера слушал у княгини Голицыной (Измайловой) комедию Грибоедова. Всем вам досталось⁵⁰⁸. Много остроты в некоторых стихах, особливо в негодовании Чацкого, но пьеса нехороша и интрига подлая. Есть сатирические черты и верные портреты московских оригиналов, но нет комедии. <...>

65.

28 мая 1825. Петербург

<...> Теперь уже, верно, ты получил «Полярную звезду»? Каков Бестужев⁵⁰⁹? Смешнее прошлогоднего. Строки о Грибоедове прелестны. И, описав наше ничтожество, уверяет, что вряд ли журналы наши уступают иностранным и что немцы живут одним Ольдекопом: далее нельзя. Из французских журналов назвал он сносным только один, и именно несносный своею мелочною литературою, своими бездушными исчислениями всех мелкотравчатых авторов во всех языках. Но наши звездочеты и литераторы-журналисты знают, кому покадить. Здесь скажет словцо-другое Булгарин, там «Revue» впишет в число светил северных. И я должен был прочесть этот приговор немцам в такую минуту, когда предо мною лежат классические их журналы с глубокомысленными и блистательными рассуждениями о всех предметах словесности и просвещения вообще. Не успеваю выписывать то, что поражает меня истиною, тонкостью и смелостью замечаний, и радуюсь заранее, что подышу скоро тамошней атмосферой. Я бы мог указать ему на любую журнальную немецкую статью, в которой больше ума и даже вкуса, нежели во всех отечественных наших бреднях и хвастовствах. Приговор, который Бестужев делает Полевому, можно

справедливее отнести к приговаривающему: «Неровный слог, самоуверенность в суждениях» и пр., и пр. Но разве слог его, то есть Бестужева, только неровен? Это галиматья двойная, в которой, однако же, иногда есть что-то похожее на мысль или даже на правду. Впрочем, нельзя не сказать и спасибо вообще за эту книжку: в стихах и в прозе много есть прекрасного. Номенклатура участников блистательная: отрывки Пушкина, несколько страниц Жуковского⁵¹⁰, твой третий куплет из стихов «Гр[афиня] Черныш[евым]», Боратынский, Глинка, проза другого Бестужева⁵¹¹, анекдот о Петре I⁵¹², стихи Козлова и Нечаева — украсили бы и европейский журнал, и, наконец, — басни наших ветеранов!⁵¹³ Я очень доволен стихами Нечаева: они полны мыслей и чувства. Язык чистый и благозвучный, как говорят наши профессора. Сколько из благодарности за письмо издателей, столько и за экземпляры подаренные я отвечал им похвалою вообще за издание, сказав, что «Звезда» их становится с каждым годом блистательнее; что надобно желать, чтобы она долго ещё разливала приятный свет свой на горизонте нашей словесности, и что немерцающая слава трёх звездочек (И. И. Дмитриев) и некоторых других светил верною порукою в успехе и прочее. Личных комплиментов не мог послать; хотя уважаю Рылеева, как автора и человека, но пиеса Бестужева сковала мне руки, взорвав досадою за немцев и даже за французских журналистов. <...>

66.

*21–22 мая/2–3 июня 1830. Париж.
2 июня*

<...> Поблагодари Дельвига за журнал⁵¹⁴. Право, давно не читал такой занимательной газеты. В ней столько оригинальных статей; твои, Пушкина, Дельвига и другие можно прочесть и перечесть, хотя во многом я и не согласен с тобою. Как много знаете вы о нас, европейцах! как умно многое судите или как дельно по крайней мере о многом намекаете! «Газета» Дельвига — петербургский “Globe”. Кто таков Киреевский? Пришлите мне скорее его обозрение в «Деннице»⁵¹⁵. Не сын ли он приятельницы Жуковского⁵¹⁶? Не он ли будет жить или уже живет в Мюнхене⁵¹⁷? Высылайте его скорее в Европу: дайте ему дозреть! Я уже люблю его за Новикова⁵¹⁸ и сообщил бы ему записку Ка-

рамзина о нём и о больной его дочери⁵¹⁹, если бы мой архив был со мною. Я всегда досадовал, что никто в истории нашего просвещения ни слова не сказал о Новикове, а он точно и просветитель, и мученик. Вольные типографии им созданы в России, хотя вольного в них были только одни шрифты, а не то, что ими печаталось. Но он прожился и прожил других на них. Не забудьте и Походяшина, и типографии Лопухина и их товарищей. Новиков был часто их орудием и употреблял и их как орудие. Переспросите у Дмитриева, как хаживали поэты и литераторы-переводчики к Новикову и получали не одно одобрение. Впоследствии дарил несчастных он чем только мог — слезою⁵²⁰. Я видел его в нищете, видел его прежде, при выпуске из крепости Павлом, в бороде. Россия или её словесные представители не должны забывать этой бороды <...> Эти случаи принадлежат истории, ибо образуют, характеризуют эпоху и принадлежат именно к истории нашей словесности. Замечательно и то, что сколько ни хлопотали мы о вознаграждении Новикова, он умер сам и оставил дочь и, кажется, сына без куска хлеба, с ужасною болезнью, следствием мученических страданий отца и шестилетнего сиротства её. Ещё раз спасибо Киреевскому, хотя в мнении о втором цензурном уставе я и не согласен с ним⁵²¹ <...> Ещё раз: присылайте Киреевского, в лицах или в «деннице». Я прочту ему и переписку нашу о двенадцатом томе «Истории государства Российского», которой сообщить не могу.

На сих днях я нарочно познакомился на бале у Орлеанского с молодым St.-Priest, чтобы предложить ему перевод статьи твоей о Фонвизине⁵²². Он берется обеими руками, и сегодня мы свидимся, чтобы переговорить о ней. Он отдает её в “Revue Française” для Гизо, которому я давно обещал и на сих днях подтвердил обещание прислать статью твою о русской литературе вообще, и твое введение к Фонвизину может заменить её. Жаль, что подробности статьи о московских журналах⁵²³ не могут быть любопытны и даже понятны для здешних читателей, но и в статье о Фонвизине сделал бы я кой-какие перемены, хотя в слоге. Ты слишком вольничаешь; ты уже не письма ко мне пишешь и должен говорить и договаривать и особенно не слишком щеголять смелостью выражений. Конечно, «смелым Бог владеет», и я в твоём слоге люблю самые недостатки, неправильности его, но публика составлена не из приятелей, и не все угадают тебя. Мысли твои об официальной нашей поэзии так верны и справедливы, и, вероятно, ты сказал бы ещё более, если бы не обязан был восхищаться с Киреевским превосходством

ценсурного устава. Двор в нашей поэзии отразился ещё более, нежели блеск оружия: ты говоришь противное, но перечитай Державина, которого я недавно прочел от доски до доски в Лондоне. Чем более видел в нём великого поэта, тем более мерзился мне в нём русский царедворец, пока, наконец, не стошнилось мне от описания его семейственного препровождения времени с Пленирой, с которой он искал в голове не мыслей, а...⁵²⁴ <...> Весь тогдашний век отразился в этой строфе Державина. Хвалебное же направление нашей литературы заметно даже — в ком бы ты думал? — и в тебе, хотя ты часто и цветами колешь, но я не смею приводить доказательств. Твою пиесу надобно не только перевести, но для иностранцев объяснить и примечаниями. В ней точно много ума и правды и, следовательно, беспристрастия. Я заметил только в одном месте какое-то непонятное в тебе пристрастие к русскому дворянскому воспитанию (стр. 134). Впрочем, твоя похвала так неопределятельна, и я не знаю, хвалишь ли ты или бранишь, говоря, что воспитание действовало более в народном смысле. Где же этот смысл, да ещё и народный? И почему нынешнее воспитание более отвлеченное? Вся эта фраза отличается той темнотою, которую иногда встречаю в твоём слоге. Но тут есть и несправедливость, неблагодарность, несогласная с твоим сердцем и, конечно, с твоим мнением. Неужели Вяземский искренно думает, что коренное основание воспитания — в Часослове, и сожалеет о детях другого поколения, учившихся по Лафонтену? Впоследствии ты сам себе противоречишь. Мы встретились с тобою в цитате. Недавно прочел я здесь всё путешествие Карамзина, и слова: Главное дело быть людьми, а не славянами⁵²⁵ — так поразили, обрадовали меня, что я выписал все в письме к брату и жалею, что не могу теперь отыскать в его письмах ответа его. Эти слова, в молодости Карамзиным сказанные (я нашел их в его путешествии), доказывают (по-вашему надобно бы сказать: обличают), что ум его угадывал прекрасное, ибо тогда ещё и в Европе немногие так думали, и лакейский патриотизм господствовал. Жаль, что это же чувство не выразилось и в его «Истории»: там он иногда несправедлив и к массам, и к индивидуумам и судит некоторые исторические явления не своею душою, но по впечатлениям внешним, посторонним, ему чуждым. Не хочу приводить доказательств, но русская история не оправдывает прекрасной, истинно христианской, в душе Карамзина почерпнутой мысли: главное быть людьми. <...> Нет! Кто знает Карамзина только по его «Истории» — не знает его! Если бы я был писатель, имел «красноречие души», я бы, за-

крыв его «Историю», написал его биографию со слов его, с его физиогномии, со всей его прекрасной жизни, с ангельской, добродушной его улыбки и эпитафией взял бы слова: «Главное дело быть людьми». Пожалуйста, не толкуйте меня криво: я люблю Карамзина ежедневно более. Согласите это с моим мнением о его «Истории». Но ты не дописал карамзинского текста. Он, помнится, прибавляет: «Что хорошо для людей вообще, то не может быть дурно для русских»⁵²⁶. Как ты думаешь об этом, мой милый Кутейкин? примени это золотое правило к твоему пристрастию к Часослову.

3 июня

Вчера провёл я с St.-Priest часа два в разговоре о нашей словесности, о политике, о планах новых его сочинений, и он взял Дельвигову «Газету», чтобы перевести для Гизо статью твою и дочесть остальное. Я указал ему и на другие статьи твои и Пушкина, кои познакомят его с нашею новейшею литературою или, по крайней мере, с журналистскою. Он почти все читал, что вышло. <...>

Я почти дал слово Рекамье: приехать к ней в Dieppe в то время, как там будет Шатобриан. На сих днях провели мы с ним часа два в жарком разговоре о политических следствиях протестантизма. В новом своем сочинении о французской истории, которое издаст, вероятно, в конце года⁵²⁷, он утверждает, вопреки почти общего мнения, что протестантизм не благоприятствует представительному образу правления, что во всей Германии протестантской нет сего правления, и что английская конституция изобретена и образована во время католицизма. Эту мысль развивает он в своей истории, почитая её новою. Увидим, не переменит ли он отчасти своё мнение по прочтении того, чего ты читать не будешь, и для того лучше помолчать. Поверишь ли, что вчера, наедине с Рекамье, вспоминая слова и размышления Шатобриана, я заслушался её, может быть, более, нежели его. Она и душою, и образованным умом все постигает. А жизнь, обращение её с лучшими умнейшими людьми её века познакомили её с каждою новою идеею, почти с каждою новою формою, в которой отливались идеи века. Ей ничто не чуждо, а там, где, как часто случается, душа источник мысли, например в сфере религии, там я ей более верю, нежели автору «Духа христианства»; и она разобрала его мнения, его исторические парадоксы умом просвещенным, хотя и не совсем сво-

бодным от уз церковных, то есть от закоснелых догматов римской церкви, но я видел, что ум и душа доступны в ней и понятиям высшей сердечной, духовной религии, религии не для людей на земле, но для людей бесплотных готовимой, готовимой не здесь, но там, где и вера не нужна, кольми паче церковь, где будет духовный дуализм не человека с натурой, но человека с Творцом её. Эта мысль, это мнение не исключает необходимости привести в этой ненадежной бездне, привести ум не только в послушание веры, по слову апостола, но даже и в послушание церкви, по слову графов мейстеров всех исповеданий; и в сем смысле я согласен, не помню с кем, а кажется, с Мейстером же, что догмат есть: *une vérité loi*⁵²⁸.

67.

9/21 сентября 1832. Венеция

<...> Возвратился сей час из-под виноградной беседки, где втроём беседовал с Шел[лингом] и женою его (она умная и милая женщина и понимает мужа). Я, можно сказать, дослушал его лекцию, от конца которой уехал из Минхена: какая простота с глубокомыслием! И как всё теперь ясно в голове философа немецкого, который 15 лет не писал или не печатал ничего, а всё обдумывал!⁵²⁹ Авось, и в моей прояснится. Вероятно, в Минхен заеду на возвратном пути из Италии, если Шел[линг] там будет в то время профессорствовать. Я чувствую, что к наукам я ближе, нежели к искусствам. <...>

68.

12/24 декабря 1832. Рим

<...> «Последний день Помпеи» Брюллова привлекает ежедневно толпу зрителей: в этой картине много таланта и науки. С этим художником можно рассуждать о его искусстве, и он читает Плиния и просит дать ему Goethe's Farbenlehre⁵³⁰, чтобы написать пожар и молнию: это меня порадовало... Он написал мой портрет так сходно, что гр[афиня] Гурьева хотела заговорить с ним, то есть с портретом. Кстати, о нашей красавице-посланнице: статуя её во Флоренции, резца

Бартолоцци, превосходная сходством и отделкою. Тот же художник должен был для меня делать бюст Жуковского...

Кипренский, Бруни — также отличаются между своими и чужими. Завтра здесь рождается И[исус] Х[ристос], и мы едем в Сикстинову капеллу смотреть служение самого папы, что здесь бывает только два или три раза в год; обыкновенно не он, а ему служат. Я уже два раза видел это служение в капелле Сикс[тинской] и два раза в церемонии в самом храме Петра. Любопытно всматриваться в физиогномии кардиналов; но лица орденских генералов значительнее. Пение напоминает Бортнянского; древность некоторых мелодий теряется в первых веках христианства, а новейшее прелестно, как музыка Россини и Генделя. Я обходил недавно катакомбы первых христиан и мучеников и от гробов их набрал земли и каменных обломков. Возвращаясь от сих памятников древнего, среднего и нового Рима, я читаю Шатобриана, Гиббона, Тасса и Беля-Стендаля. Ежедневно беру рано поутру итал[ьянского] уроки. <...>

69.

19 декабря 1832/2 января 1833. Рим

<...> В воскресенье (30 декабря) представлялись мы св[ятому] папе⁵³¹ в Ватикане. Граф Гурьев возил к нему трёх князей Юлицыных (Серг[ея] Мих[айловича], его племянника⁵³² и князя Фед[ора] Фед[оровича]) и меня. Раза два уже предвещал он его о том, кто мы, и казалось, что папа и секретарь-кардинал Бернетти вспомнили меня по прежней должности; но при предоставлении его святейшество назвал меня московским губернатором, а я, засмотревшись на его крещенные туфли, забыл подойти к руке; но товарищи мои подходили, хотя он держал руки в рукавах своего белого шлафрока и одернул руку; но они успели поцеловать её. Я видел его уже несколько раз в церемониях и в служении, в Сикстиновой капелле и в храме предшественника его, Св[ятого] Петра, но теперь видел вблизи и слышал его («стоял близёхонько к нему»). Он очень добродушен и живет просто, по-монашески, как жил в Камальдильском монастыре своем, который и теперь часто навещает. Лицо умное, не всегда бритое и затабаченное. Ручки также не очень чисты. Кабинет не большой: на одном столе бумаги и портфель его; другой завален книгами; украшений

никаких нет. Как монах он не может в спальне своей иметь зеркала, и когда собирался в Квиринальском дворце перейти спать в другую комнату, то зеркала в ней завесили. Мы поговорили о Москве, о её возрождении из пепла, и, провожаемые камергером-попом, сошли к кардиналу статс-секретарю Бернетти, где нашли толпу придворных генералов, монахов, кардиналов, и опять речь зашла о Москве и о Петербурге; наши столицы ему известны по посольству его. Он из числа не попов кардиналов; лицо умное и пышное! — так, как я воображал себе кн[язя] Никиту Ив[ановича] Панина; пурпуровая ряса возвышала розовый цвет лица; взгляд довольно проницательный. <...>

70.

12/24 марта 1833. Неаполь

<...> Печальнее самой наготы и бедности для меня великолепие дворцов и загородных вилл, кои настроил здесь бывший король. Недавно был я за три часа от Неаполя — в Казерте: этот дворец огромностию уступает, как меня уверяли, разве только одному Эскуриялу. К нему пристроено бедное местечко, наполненное нищими и солдатами. Он возвышается на необозримой равнине, голыми скалами вдали, а вблизи прелестным садом, водопадами и виноградниками окруженной. Все пусто, никто не живет в этих мраморах, никто, кроме заезжих странников, не входит в замок по самой великолепной лестнице в Италии. Золото и фрески сияют в огромных залах, с горы отдаленной катится водопад и освежает прохладой мраморные гроты в своем течении. Вода проведена за несколько миль чрез знаменитый Мадалонский акведук, перекинутый с одной горы на другую, за несколько миль от Казерты. Этот водопровод в три этажа с арками огромное всего, что римляне созидали в сем роде. Я смотрел на эту громаду с каким-то благоговейным чувством, ибо видел в ней не одну безумную роскошь, но и пользу для окрестных жителей, нуждающихся в хорошей пресной воде. Напротив, на пустую Казерту смотрел с негодованием: тот же король построил ещё два дворца, также никем не обитаемые! Какой контраст с окружающею нищетою! Один умный неаполитанец, любящий и знающий своё отечество, уверял меня, однако ж, что прежде было хуже, что теперь нищеты менее, что самые лазароны⁵³³ начинают уже

привыкать к менее бесприютной жизни, к обуви, к платью, что промышленность усиливается, что, кроме запоздалых во всем аристократов, принцев, графов и пр., кои здесь сохранили только одни титулы, без всяких существенных преимуществ (ибо равны с лазарониями перед законом), во всех классах приметно какое-то движение к лучшему, какие-то успехи в гражданственности, приметна какая-то предприимчивость в промыслах всякого рода, в торговле. Глядя на этот обнищавший, во многом запоздалый народ, все ещё можно сказать слово Галилея: "E pur si muove!"⁵³⁴; этим едва приметным, но действительным движением обязаны неаполитанцы уничтожению феодализма и Наполеонову кодексу, здесь с немногими изменениями удержанному: равенство перед законом для всех классов, гласность в суде и в расправе, в судах соединение прав присяжных (jury) с судебными в лице судей, — вот элементы, из коих при лучшей администрации, при лучшей системе финансов может возникнуть будущее благосостояние народа, в котором почти столько же внутренней жизни, как и неистощаемости в земле его, où l'oranger fleurit sous un ciel toujours pur⁵³⁵!..

Как жалею я, что не удалось побывать в Сицилии! Неаполь все ещё принадлежит чем-то к Европе, и даже климатом; но в Сицилии уже во всем другой характер: и в сочных африканских растениях, и в архитектуре. Там сливаются исторические эпохи разных народов и, следовательно, разных характеров: сарацине с норманнами, греки с римлянами, гишпанцы с итальянцами. Говорят, что физиогномия старинных норманнских церквей напоминает некоторые из наших старых киевских, на кои норманны, или варяги, положили печать свою. Не хотелось бы возвращаться в Италию, а если принудят снова к страннической жизни, то Сицилией заключу позднюю осень мое бродяжничество. <...>

71.

27 апреля / 9 мая 1833. Неаполь

<...> Но вот что я желал бы, чтобы знали: я надеялся устроить брата женитьбою⁵³⁶ и, увидев его раз неодиноким, сдать его судьбе и жене на руки, и возвратиться в Москву и в симбирские деревни на житье, и года в два раз ездить к брату на свидание; он не любит Парижа и теперь уже оставил его, следовательно, я навещал бы его в провинции и, успо-

коенный его житьем-бытьем и надеждою свидания, я снова возвратился бы в отечество: эта мысль пленяла меня и успокоивала; но брат не женился ещё, а о позволении ехать во Фр[анцию] и думать вы не велите: итак, полно! Буду жить в Женеве летом или где в горах Швейцарии, но в Италию вряд ли и зимой возвращусь. Нет пищи для ума и для души. Я не антикварий, не живописец и не поп: здесь нечего делать.

Благодарю Ив[ана] Ив[ановича] Дмитр[иева] за ответ на мой счет; но он несколько и тронул и огорчил меня. Я говорил с ним о Баланшах и Шатобрианах для того, что иногда казалось мне, что ему приятно слушать мои о них рассказы, а не хвастаясь их знакомством; мне всегда приятно было проводить с ним московские мои досуги; ибо ни Шатобрианы, ни Рекамье — и даже те, в беседе коих находил я ещё более, нежели в парижских салонах, не отучили меня ни от Москвы, ни от старых, закоренелых во мне навыков к русской старине, к русской поэзии, словом, к России, коей Ив[ан] Ив[анович] этакий классический представитель; напротив, я часто опасался наскучить ему тем, что для него не имеет исторического или индивидуального интереса, и я полагал хранение устам моим сколько мог; если же иногда предпочитал или только находил столько же удовольствия и в беседах «красных девушек», то это по старой же привычке, тебе, мой милый Асмодей⁵³⁷, столь понятной. С ними иногда удавалось мне забывать, хоть на секунду, что скоро полвека стукнет и отзовется не только на сердце, но и на уме; я «ловил день», а иногда и минуту, ибо обманывал себя, сколько мог, мыслию, что я ещё не чужд радостям молодой жизни. В серьезные минуты, в тишине уединения или одиночества, я себя этим не обманываю, и нет нужды меня разочаровывать. Поблагодари его и за желание мне возвратиться на службу России. Что принесу я службе? Энциклопедический запас сведений, впечатлений, может быть, и идей; но все-таки в итоге *in toto — nihil!*⁵³⁸ А между тем лишу себя права на единственное утешение, что не служа служу... <...>

72.

9/21 июля 1833. Женева

<...> Нагрузили коляску <...> простились с хозяевами, кои все в слезах провожали доброго педагога-поэта⁵³⁹: «он дружбу и любовь во

всех странах нашел». Точно можно это сказать о Жуковском. Если бы можно было ему в чем-нибудь завидовать, то я бы позавидовал ему в этом более, нежели таланту его. И няньки и дети плачут по нём. На любимой прогулке его вдоль по берегу столпы означены его именем: потомки наши придут отыскивать эти русские каракульки и с гордостью укажут их соотечам Грея и Песталоцци или, призадумавшись, прочтут в его воспоминание эпитафию из его элегии, переменив один стих: «дарил несчастных он — и не одной слезою!» В Вене, отобедав и отдохнув, пошли мы к собору, на кладбище, с коего вид на все озеро и на эти громады, кои Жуковский назвал гробами вселенной. В виду их огромные памятники на могилах показались бы ещё более тщетными: может быть, оттого на этом кладбище маленькие столбики, чёрные камни, менее, нежели в пол-аршина, с простыми евангельскими надписями, с именем, часто с означением только одних первых букв имени и фамилии, — и ни одного пышного монумента! Бог своих отыщет, а если другие и запоздают на страшный суд, то не беда для них. <...>

Кстати, о смерти: он [Лагарп] вспомнил, что в этом году потерял он трёх незабвенных приятелей — б[арона] Штейна, Каподистрия, аббата Грегуара, коего почитает одним из добродушнейших и благороднейших людей Франции. Кстати, о Штейне: Лагарп давал мне часа на два переписку Штейна с бар[оном] Гагерном, которая наделала недавно так много шума и соблазна якобы в Германии. Гагерн напечатал все письма к нему Штейна с 1813 до 1831 года включительно, т. е. до кончины его. Обо всем и обо всех говорит он откровенно, резко, словом — по-своему; не щадит никого: особливо достается Меттер[ниху], Гарденбергу, Шатобриану, над коим часто трунит, особливо в последнее время. Но есть строки, страницы бессмертные; виден Лютер аристократии, в одно время все и всем жертвующий для пользы масс и удерживающий достоинство своего старинного рода. <...>

73.

21 июля / 2 августа 1833. Женева

<...> Слышу, что наша Академия задала истор[ическую] задачу: подробную историю Золотой Орды (коренной отчизны моей) в

России⁵⁴⁰. Но как и где отыскать её? Татары для России не то, что арабы для Гишпаний. Они не учнее нас были и не привели из Азии с собою историографов. Там завоеватели и покоренные были народы не только грамотные, но и исторические: и те и другие писали историю. Победы монголов “*caient vate sacro*”⁵⁴¹, и только в печерской келье продолжатели Нестора, «не мудрствуя лукаво», вносили в книгу судеб России её бедствия и унижения. По сию пору ни в одной из отраслей монгольского поколения не найдено истории Кончака; кое-где разбросаны незначашие факты, из коих ничего целого составить нельзя. Только тот народ имеет историю, кто оной достоин, а монголы только громили нас и оставили нам в наследство счёты, кн[язя] Юсупова и некоторые дурные навыки. Провидение, кажется, бережет историю только для тех, кои приобщают и свою лепту к общей массе блага человеческого: те, кои просто губят, не освежая землю, исчезают с лица её без славы, “*auf dass die Völker nicht meinen, Gewalt reiche hin zum Ruhm*”⁵⁴², — говорит где-то Иоанн Мюллер. Лучше бы ограничить эту задачу влиянием татар на Россию: тогда точно можно бы было озадачить наших русских татар; но — *exempla sunt odiosa*⁵⁴³!..

Пустите меня в Париж: я издам Ватиканские акты в подлинниках и в переводе⁵⁴⁴. Как жалею я часто о времени, потерянном на древности славянские и варяжские, коими набивал я себе голову в Геттингене, Вене и в Венгрии. Они мне не пошли впрок и сделали из меня только шарлатана учености. — “*L’homme de tout savoir*”⁵⁴⁵! Для чего не остаться бы с цветами, для коих поехал в Геттинген! Но Гофман был ленив, а Шлецер полюбил меня, и я бросил цветы и принялся за Нестора и за варягов. И сам бы я отцвел не так скоро с цветами: недавно кто-то заметил, что натуралисты и долговечнее и добрее. <...>

Он [Лерминье] не колдун по учености, но отгадчик, и ушёл далеко от самого себя с 1830 года, то есть с того времени, как он открыл юридический курс в Париже, в одно время с Cuvier, Вильмем и Guizot. <...> С тех пор талант его не созрел, но зреет; в слогe он несколько исправился; но главной мысли, системы нет никакой, хотя в “*Philosophie du droit*”⁵⁴⁶ он и умствует и нападает на своего учителя Кузена за эклектизм его, т. е. за отсутствие всякой системы. Но в этой же «Философии права» он доказал, что сам он не имеет хорошего понятия о философии, уверяя, что скоро возникнет

из недр французского общества национальная философия; как же философия — наука наук — может быть национальной? Таким образом, и математика захочет быть национальной! Довольно бед было и от национальных религий, от римской церкви, от англиканской, от русского Бога; Лерминье не замечает, что, созидая национальную философию, он идет по одному пути с Стурдзой, который некогда хлопотал о том, чтобы физике и химии учили по Священному писанию⁵⁴⁷. От этой доктрины до Мейстера и инквизиции только один шаг. Лерминье ужаснулся бы такого соседства; но разве философия не так же универсальна, как и религия? Истины её должны принадлежать всем и каждому; космополитизм должен быть неотъемлемым её характером. Если называют иногда, по авторам, философию Платона и других — греческою, философию Декарта — французскою, то это только для означения происхождения оной, а иногда и характера народного; но именно сия-то национальность, сия индивидуальность и не согласна с истинною философиею, которая выше сект и систем, а уделяет каждой из них более или менее от живой воды своей, все народы напояющей. Но каждая индивидуальность есть отступление от источника, так как и... Sapienti sat. Все эти фразы Лерминье и других суть только следствие ложно понимаемого патриотизма, а во французах какого-то народного хвастовства, которое всегда и везде есть остаток варварства: это шишковизм в философии. — Эти замечания напоминают мне подобные, коими возражал я часто Жуковскому, коему полюбилась идея желающих ввести Бога в гражданское законодательство, т. е. Мейстеров, Бональдов, Галлеравнука и пр. Он думает, что уложение без Бога, Code Athée⁵⁴⁸, ведет ко всем ужасам безбожия. Но как же поставить христианский эпиграф к кодексу, в коем глава о собственности совершенно противна евангельскому правилу: отдай все нищим; или как согласить в уголовном уложении степени наказаний с другою христианскою заповедью: подставлять правую щеку тому, кто тебя ударит в левую? Если законы должны быть согласны с текстами нашего христианского учения, то и администрация финансов потребует того же. Куда это заведет нас? Нет, законы гражданские — для граждан, закон Хр[иста] — для людей. Он действует свыше, всё проникая, всех располагая к высшему гражданству; но в земский суд его вносить не должно, ибо он дар Неба и должен жить и действовать в сердцах, и чрез них — на судей и на правителей. <...>

74.

2/14 августа 1833. Женева

<...> Сегодня на почте отдали мне и пакет с письмом твоим от 16 мая и с Спер[анского] брошюрами⁵⁴⁹, которой оригинал — разумеется, первой половины — *in extenso*⁵⁵⁰ и с подробностями, из Сенатского и Комисского архива взятыми, хранится у меня с 1810 г., с копиею оригинальных документов, весьма любопытных. Моя записка писана по его же поручению. Спасибо и за брошюру о выставке. О первом труде не хочу много толковать, ибо опасюсь кривых толков. Дело совершенно трудное: в этом нет спора. Но если оно ни к чему не поведет, то Бог с ним. Если мы вздумаем, совершив сей подвиг, отдыхать и все ещё оглядываться назад, то я желал бы Омара, а не Юстиниана этой массе законов. Что ни говорите, а нам более, нежели другим народам нужна кодификация, ибо при рассмотрении старых законов, при составлении нового уложения открываются недостатки старого, особливо тогда, когда, по необходимости и по примеру законодательства и хода его у всех народов, мы, составляя своё, будем пользоваться просвещенною опытностью других. Кодификация возрождает вопросы о главных началах законодательства, а свод, успокоивая совесть трудностию совершенного подвига, отдаляет нас от цели, т. е. от улучшений, и сближает нас с старым, заставляет любить старое, не одно хорошее, но и несовершенное, но пагубное. Когда составляли начала (*principia*), писали проекты, то прибегали к существующим у других народов началам и находили там адвокатов, гласность в судах. Наказ комиссии Екатерины, одно теоретическое, впрочем, всем известное правило: «без суда никто да не накажется» — сделали более пользы существенной, более образовали, просветили совесть судей и правителей, чем 20 раз перепечатанные Судебники и Уложения... В Англии, где судьи так хороши, законодательство так дурно оттого, что всегда, до Брума и Пиля, держались коренного государственного обычая не переменять законов, не делать кодификаций и не вводить новых элементов в старый хаос, а продолжали хаос порядком. Чувствую выгоды иметь в одной систематической массе старые законы и говорю о своде то же, что кто-то сказал о Наполеоновом кодексе: «Il peut avoir ses défauts, mais il est...»⁵⁵¹ Теперешний

свод не может и не должен быть основанием будущего законодательства, но только частию материалов одного, в кои должна войти иная жизнь, по иным формам. Иначе законодательство наше останется, по словам великого поэта:

A mighty darkness
Filling the seat of Power⁵⁵² <...>

Странный ход нашего законодательства: в 1803 году мы бентамизировали, в 1833 баконизируем, и в чем же? В том именно, в чем Бентам выше Бакона; несмотря на это мы должны сказать и о законодательстве: “e pur si muove”. Доказательство — этот самый свод! Нашелся наконец Тезей для этого лабиринта! Но довершит ли он подвиг его? <...> Ещё раз спасибо за эту брошюру: она воскресила во мне воспоминания, не успокаивающие совесть чиновника прежней комиссии, но заставила снова подумать о важнейшем деле в России после народного просвещения, заставила прочесть снова афоризмы Бакона, кои были в Англии долго моею ручною книгою <...>

75.

Начало сентября 1833. Женева

<...> По всей вероятности, через месяц или более я буду свободен, и главное дело в жизни брата решится⁵⁵³. Он не будет один, и мое присутствие будет ему только приятно, но он и без меня будет находить, с кем разделять жизнь. Затруднения — и большие — только в возможности, по его положению, совершить гражданские акты, ибо законы на сей случай очень строги, а подкупить здесь ни попов, ни гражданских чиновников нельзя.

Новый рекрутский набор, исполнив сердце мое неизъяснимым чувством горечи и досады, которое вы также, может быть, за *aigreur*⁵⁵⁴ примете, хотя я и прежде, в России, всегда негодовал за это легкое средство истощать Россию, — напомнил мне мою вторую в жизни обязанность — к крестьянам моим. Хоть не предвижу в моем присутствии большой для них пользы, но все-таки могу облегчить их в чем бы то ни было, или отстранить какую-нибудь повинность, или замол-

вить за них слово. Для сего единственно желал бы приехать в Россию, но так как к набору уже я не успею, то хотя вскоре после. <...>

76.

24 октября 1834. Петербург

<...> Пушкин вчера навестил меня. Поэма его о наводнении превосходна, но исчерчена и потому не печатается. Пугачевщина уже напечатана и выходит⁵⁵⁵. <...>

77.

24 октября 1836. Москва

<...> Вечеру Свербеев, Орлов, Чаадаев спорили у меня так, что голова моя, и без того опустевшая, сильнее разболелась. Что же ты ни слова о статье Чаадаева?⁵⁵⁶ Боратынский пишет опровержение⁵⁵⁷. Здесь остервенение продолжается, и паче молва бывает. <...>

78.

26 октября 1836. Москва

<...> Письмо твоё о письме многим чрезвычайно понравилось⁵⁵⁸, я читал его и Чаадаеву, который называет тебя русским отпечатком XVIII столетия; я выражаю мысль его по-своему, и мне многое в нем понравилось; но с досадою увидел я после святой терпимости — равнодушие. Ты все этим изгадил, ибо терпимость есть фенелоновская добродетель, а равнодушие — ад эгоиста. Ежедневно, с утра до шумного вечера (который проводят у меня в сильном и громогласном споре Чаадаев, Орлов, Свербеев, Павлов и прочие), оглашаем прениями собственными и сообщаемыми из других салонов об этой филиппике. Я ещё не очень здоров и не буду повторять все, что слышу, но вот ответ репрезентанта XVIII столетия в России — И. И. Дмитриева, коему вчера сообщил я твои письма (от 12 и 19 октября): «С большою

благодарностию возвращаю вашему превосходительству две грамотки нашего умницы. Жаль только, что по связному почерку его — бегло, вопреки моему нетерпению, и даже не все мог разобрать. Но очень разобрал и понял, что зрелость духовная, то есть ум и душа, есть терпимость или равнодушие. Эта мысль заставила меня улыбнуться от удовольствия. Я очень люблю Вяземского, а прочтя это, как будто с ним сроднился и полюбил ещё более». Вот как отозвалось в душе доброго эгоиста твое падение с терпимости на равнодушие! Это торжество для Чаадаева! Но твоя мысль ясно отсвечивается во всей фразе твоей, и явно противоречит ей твоя не у места поставленная амплификация выражений: равнодушие! <...>

Вчера, перебирая бумаги, я нашел книгу с 386 письмами и записками Н. М. Карамзина ко мне, которую я везде вожу с собою. Мне пришлось на мысль напечатать сии письма и записки особо: в них из эпохи 1803–1809 годов много любопытного и в отношении к российской истории, а для меня и в последних всё важно и свято; во мне разгорелась в чистое пламя любви к нему непотухавшая никогда искра в сердце. Испроси заранее позволение у Екатерины Андреевны, а я сам ей говорить о сём буду. Нужны будут от издателя или от меня комментарии, но и в сих комментариях может быть интерес для публики⁵⁵⁹. Есть строки прекрасные, как душа его. Тебе из этого собрания ничего не дам; разве ты напиши сам статью об этих письмах, прочитав их, для своей книжки. <...>

79.

30 октября 1836. Москва

(Изорви). Я видел сегодня Чаадаева и нашёл его спокойным по советам, но встревоженным по своему положению⁵⁶⁰. У него отобрали вчера все бумаги; вспомнив, что у писца и у одной дамы оставались ещё какие-то две статьи его, он вытребовал и куда-то доставил их официально. Очень хлопочет о том, что ему не возвратят бумаг, в коих, вероятно, найдут более оправдательного, чем обвинительного. Общие бреды — и только! Он сказал, что с бумагами взяли у него и портрет мой, Брюллова, с известною надписью: «Без боязни обличаху», из летописей Авраамия Палицына об осаде Сергиева монастыря, слова летописца о

Плещееве и предке моём, Петре Тургеневе, кои «без боязни обличаху» Гришку Отрепьева в самозванстве⁵⁶¹. Если спросят, то объясните. <...>

80.

1 ноября 1836. Москва

<...> Я совершенно согласен с тобою во мнении о Ч[аадаева]⁵⁶² и, узнав по приезде из Симбирска, что он отдал в печать (и уже было напечатано) письмо его, прочитав его, долго не видался с ним и при первом свидании я так сильно напал на него за суетность авторского самолюбия, что он не на шутку на меня рассердился и долго у меня не был. Он навестил меня больного, и споры продолжались с ним, и весьма жаркие. Только он жалок, но сохраняет довольно sang-froid⁵⁶³ и принял объявленное ему решение о его помешательстве с чувством признательности и растроган. <...>

81.

9 ноября 1836. Москва

Вчера, после завтрака у приходского попа и нескольких именинных визитов, был я у Чаадаева и нашел его довольно твердым, хотя образ наказания и сильно поразил и возмутил душу его. Он надеется, что отобранные бумаги содействуют к его оправданию или, по крайней мере, к отстранению того мнения, которое, слышно, имеют о нём в Петербурге. Он уже давно своих мнений сам не имеет и изменил их существенно, и я это заметил во многом и удивился появлению письма, столь обильного бреднями. Но чего же опасаться, если все особливо приятели его, так сильно восстали на него? <...>

82.

30 апреля 1837. Москва

<...> Я обратился вспять в чтении бумаг здешнего архива и вчера перелистывал депеши Кантемира. Какой умный и оригинальный

слог! Как бы много не только для истории, но и для эпистолярных образцов можно взять из него! Например, сообщая о предположениях двора и парижской публики, кто заменит кардинала Флери, и упоминая о трёх кандидатах и о их партиях, он говорит об одном из них: «За кардинала Тенсина заступает женский пол при дворе и вся иезуитская ватага». Из донесений других министров русских можно бы заимствовать характеристические черты в другом роде; например, суждения барича-раба князя Барятинского о первых действиях на престоле Лудвига XVI. Как-то принимала их, то есть суждения своих министров, в то время, до французской революции, умная и опередившая не свой, а наш век Екатерина? Сначала, до указа, воспетого Капнистом, и послы подписывались в реляциях рабами⁵⁶⁴. Как ни говорите, а в бессмертной Екатерине было в самом деле что-то бессмертное, и Пушкин недаром любил её <...>

83.

19/31 марта 1838. Париж

<...> Им [польским поэтам] можно писать о падении Варшавы, но лежачих бить не должно. Да, во мне тихо горит такое чувство, чувство более сродное душе Жуковского, с коим и никакое мщенье ужиться не может, а торжество над слабыми и подавно ему чуждо. — Как же оно может одушевлять Жуковского? Что же это, если не ошибка в самом себе, не следствие дурной привычки обманывать, морочить самого себя? Разве ты не был согласен со мною в Москве, в Чернышевом переулке, стоя у своего камина, после богомерзкого, отвратительного хвастовства, чтобы не сказать сильнее, Д[ениса] Д[авыдова], когда ты так сильно, благородно и возвышенно нападал на Пушкина и так сладко примирял меня с твоим салоном, из коего я хотел уйти, наслышавшись Д[ениса] Д[авыдова]⁵⁶⁵. — С тех пор я не переменился. Люблю Россию, люблю поэзию; но люблю и человечество, люблю истину выше всего — скорее соглашусь других обманывать, нежели самого себя; а вы не хотите других обманывать и позволяете себе самих себя обманывать, ко вреду любящих вас. <...>

84.

5/17 июня 1839. Киссинген

<...> С Жуковским провёл я несколько приятных, задушевных минут, но только минут; они повеяли на меня прежним сердечным счастьем, прежнюю сердечную дружбою. Этому способствовал и его новый перевод Греевой элегии гекзаметрами, которую он продиктовал мне и подарил оригинал руки его, на английском оригинале написанный. Я почти прослезился, когда он сказал мне, что так как первый посвящён был брату Андрею, то второй, через сорок лет, хочет он посвятить мне⁵⁶⁶. Мы пережили многое и многих, но не дружбу: она неприкосновенна, по крайней мере, в моей душе, и, выше мнений и отношений враждебных света, недоступна никакому постороннему влиянию. Соприкосновения Жуковского с чуждыми мне и часто враждебными элементами не повредили верному и постоянному чувству. Пусть другие осуждают его за то, что он жмёт окровавленную руку Блудова: я вижу в этом одну лень ума или сон души, а не равнодушие; и в отсутствии я сердился на него за многое; встреча примиряет с ним, ибо многое объясняет. Я люблю его и за великого князя, в коем вижу что-то доброе, сердечное, человеческое, и меня что-то влечет к нему. Я должен удерживать это влечение и буду стараться реже с ним встречаться, ибо это несовместно с моим положением, с достоинством оскорбленного во всех отношениях: гражданских и семейственных. <...>

85.

20 февраля 1840. Москва

<...> Здесь очень скучно и душно. Умные люди сделались православными; Чаадаев живет за Красными воротами; балы редки; многих баловников не знаю. <...> Одно рассеяние — Тюремный замок и Архив, где вчера Малиновский любезничал со мною и осыпал меня приветствиями и услужливыми предложениями. Четверо уже для меня выписывают. Какие сокровища! Не знаю, с чего начать: всё любопытно! Как умна была Екатерина и как безграмотна! Но и король-

философ немногим перещеголял её в орфографии. Фредерик II не умел или не хотел писать правильно своего имени. Как они друг другу фимиаминичали! За «наказ» он её ставит выше Солонов и Ликургов; она его — выше Александра за победы. Но сама она называет свою бессмертную компиляцию просто компиляцией, большею частию из других выписанной и ей не принадлежащей. <...>

86.

28 марта 1840. Москва

<...> Третьего дня был в Историческом обществе. Погодин читал рассуждение о древней России: как она сложилась и после разломилась, чтобы опять сложиться; в его новом взгляде есть что-то дельное, но наш Michelet пишет хуже французского: не позволено о России писать почти не по-русски и, говоря об элементах политических, коими установилась, определилась судьба великого или, по крайней мере, огромного государства-отечества, употреблять выражения площадные, сравнения, недостойные возвышенности предмета, и профессору перед публикой являться в шлафроке салонного разговора. Гёте и запросто всегда выходил в сюртуке к своим посетителям. <...>

Здесь я чем больше в лес, тем больше дров нахожу, но куда деваться с ними? И часть своего архива разобрал; всего увезти нельзя, а пятидесятишестилетнему старцу трудно возвращаться снова на родину, для него с каждым годом пустеющую. Как меня ни кормят здесь русской стариною, а я всё в лес смотрю, а из лесу опять позывает на родимую сторону. Волею и неволею я принадлежу России, её истории, её внутренней жизни, её коммеражам, её порокам и бедствиям, её славе и доблести. Я весь русский, но... Не могу продолжать письма. <...>

87.

8 апреля 1840. Москва

Дело вот как было: барон д'Андре, помнится, на вечеринке у Го-генлоге спрашивает меня, правда ли, что Лермонтов в известной

строфе своей бранит французов вообще или только одного убийцу Пушкина, что Барант желал бы знать от меня правду. Я отвечал, что не помню, а справлюсь; на другой же день встретил я Лермонтова и на третий получил от него копию со строфы; через день или два, кажется, на вечеринке или на бале уже у самого Баранта, я хотел показать эту строфу Андре; но он прежде сам подошёл ко мне и сказал, что дело уже сделано, что Барант позвал на бал Лермонтова, убедившись, что он не думал поносить французскую нацию. Следовательно, я не ввозил Лермонтова к Баранту, не успел даже и оправдать его и был вызван к одной справке, к изъяснению моего мнения самим Барантом чрез барона д'Андре. *Voici la vérité, toute la vérité et rien que la vérité*⁵⁶⁷. Прошу тебя и себя и других переуверить, если, паче чаяния, вы думаете иначе. Пред истинною благоговеющий и говеющий Тургенев. <...>

88.

7/19 ноября 1841. Париж

<...> Здешние русские, да и не они одни, только и толкуют, что о секретном комитете, учрежденном в Петербурге для принятия мер к освобождению от рабства наших негров. Называют членами: Канкрин, Киселева, Любецкого, Гана, Чернышева, Меншикова, графа Фридриха Палена, графа Протасова, князя Васильчикова. Уверяют даже, что и мнения членов уже известны; что Меншиков, Васильчиков, Чернышев против уничтожения рабства; Киселев и прочие — за⁵⁶⁸. Так ли? Если этот секрет в таком же секрете и для тех, о коих идет дело, то не дай Бог! У меня на сердце одна дельная бумага о сем предмете, русским, долго и беспрестанно о сем помышлявшим, написанная. В ней много дельного; историческая часть любопытна; проект приведения в действие предварительных мер — уважительный. Как ты думаешь: послать ли? Кому? Вверить ли совершенно или привезти самому и от себя подать? Автору я ничего не говорил, но ты угадаешь его. Для этого можно и с большими ногами пуститься, и в распутицу. Пойдет ли в дело? Уверяют, что граф [А. Ф.] Орлов также против эмансипации. Не откликнешься ли поскорее? Право, не честолюбие, не личные расчеты в виду, но одна польза масс. <...>

89.

31 октября 1842. Москва

Вчера получил твои письма и книгу с попутчиком, и когда же? — Возвратившись из канцелярии гражданского губернатора, где наконец успел доказать и открыть документ полицейский, что protégé мой с Воробьёвых гор отдан фальшиво в рекруты; и сказано о нем, что он без отца и матери, а отец ежедневно у меня и плачет по сыне. Авось спасём! Вот тебе практичный ответ! <...> Нет времени отвечать, но очень больно и грустно за себя и за тебя⁵⁶⁹. Я — фарисей, но мой порок не должен тебя авторизировать, смеяться над каторжными и ставить их всех в одну теорию: ты — не Блудов⁵⁷⁰. Если бы было ещё десять Газов, то их не достало бы для одних Воробьёвых гор в воскресенье. Он, Гааз, ещё недавно спас два семейства; мне ничего или мало удастся. Знаешь ли, что меня мучило именно в тот день, как я получил твои письма? Я два воскресенья, от лени и боли в ноге, не был на Воробьёвых горах, и моих protégés, и, право, не пьяниц, а трезвых, повели в Сибирь. Им и на еду, особливо с детьми (или и они пьяницы, а детей много, и каждое воскресенье?), не хватает до Владимира. Грех тебе! <...>

90.

20 марта 1843. Москва

<...> Вчера были мы (19 марта) в Девичьем монастыре, служили обедню и панихиду по М. Орлове и плакали: Чаадаев, Киреевская, милая и с другою грустью Свербеева, княгиня Шаховская и несколько им благодетельствованных женщин, рыдавших над памятником, где слова: «Подписавший условия при вшествии в Париж» — принадлежат истории. Меня поразило слово в поминовении: «Болярина Михаила», потому что здесь, как слышно, болярин-цензор (boyard qui se croit Bayard⁵⁷¹), не пропустив статьи Шевырёва, назвал Михаила Орлова каторжным в противность манифесту, коим запрещено подличать и ругать обвинённых, а он и обвинен не был. <...>

91.

7 октября 1845. Москва

<...> Он Т[ютчев] написал статью для государя (об общей политике)⁵⁷² — грёзы неосновательные и противные прежним его убеждениям — за полтора года, а эти грёзы переводятся (se transforment) в угрозы Европе, и Фальмерайер («Аугсбургские ведомости») принимает их, как и многие немцы, за существенные мнения нашей политики или дипломатики. Европа или Германия, если не страшится, то не любит нас за это, и все это не грёзами кончится, а отклонением от нас Германии, страхом Австрии, а мы держим слишком миллион войска: sapienti sat! И это точно так! И грёзы выдавать за дело тем, кому так легко собирать с России войско, не должно, особливо, когда эти грёзы за полтора года не грезились. Вот смысл моего замечания и моей искренней досады, совсем не в духе парижских журналов, а в духе простого патриотизма, христианского расположения к людям индивидуально и к массам. Вы в чаду, сбились с дороги и ничего не видите в тумане и привыкли к нему, как и я некогда. Извинительно, но указывать на прямой путь не грех. <...> В идеях мы во многом сходны, но в средствах достижения цели расходимся.

О религии также. Я первый осуждал громко, даже и в Париже, религию герцогини Роган и даже Свечиной, прямо в глаза, в сонме попов и всего предместья, и именно называя это нехристианством; а укорял за то, что забыли, что, собирая с русских крестьян христианские деньги, должно не для французских употреблять их, хотя мы все братья о Христе, но Св[ятый] Павел учит нас положительным обязанностям к своим. <...>

И. И. ДМИТРИЕВУ

92.

16 декабря 1818. Петербург

<...> Он [Вяземский] утешает и забавляет меня исправною и оригинальною перепискою. Еженедельно получаем мы друг от друга письма, в которых, как говорит поэт, вся душа слышна. Ни с кем так охотно не предаешься искренности, как с ним. Он возбуждает мысли

и угадывает их или, лучше сказать, ловит на лету. Ум его обратился теперь, кажется, к предметам важным. Состязание партий о делах государственных во Франции питает его и заставляет делать наблюдения, от которых, может быть, и Гальяни бы не отрёкся. Даже и в стихотворениях его приметно то же направление ума, которое может погасить обыкновенный талант, но образовать человека для государства. Впрочем, он, кажется, скучает прозою варшавской жизни⁵⁷³; но где же поэзия в жизни после первых лет молодости, если она не сохранилась в душе поэта? Я не разумею под поэтом только того, кто пишет стихи. Могут быть поэты в душе и в жизни, но не в книгах. <...>

93.

23 июля 1820. Петербург

<...> Слышали ли о происшествии в Неаполе⁵⁷⁴? Один батальон решил участь государства, и военная сила, которая доселе была всегда орудием единовластия, делается в другой раз виновницею конституционного правления. Вероятно, и в Сардинии пример сей не останется без подражания. В австрийской Италии босняки и сербы, вероятно, не захотят быть квилогами⁵⁷⁵. Но давно уже новейшая история избрала своим эпиграфом два стиха Шиллера:

И границы всех земель изменяются,
И старые формы разрушаются⁵⁷⁶. <...>

К. С. СЕРБИНОВИЧУ

94.

2/14 ноября 1835. Париж

<...> Я писал сначала целые тетради писем отсюда, из Рима и Лондона; но все это останется, вероятно, без употребления; а теперь как-то не хочется снова приняться за описание всего, что вижу и слышу в европейских салонах; да я же теперь почти исключительно занят старой

Россией; нахожу сокровища исторические в библиотеках и в архивах, не успеваю прочитывать того, что со временем должно быть главным источником нашей истории со времен Петра Великого. Должен спешить, ибо срок моего здесь пребывания слишком краток, судя по массе, которую я прочесть, пересмотреть и привести в порядок должен.

Это дело достойно бы было вашего просвещенного трудолюбия и вашего умения в хаос вносить порядок. Сколько ни увлекают меня сии занятия, но, по старой привычке, я не оставляю и света, и литературных коммеражей; бываю в заседаниях академии наук, встречаюсь с учеными и с писачками всякого рода; присутствую при суждении любопытных процессов, коими полна теперь Франция, и едва успеваю вносить сухим реестром в мой журнал явления нравственного и политического мира. <...>

Слышу о каких-то диковинках нашей литературы; а здесь встречаю, хотя и редко, жертву его: Бальзака. На днях вышла ещё какая-то книга его⁵⁷⁷; в Бальзаке много ума и воображения, но и странностей: он заглядывает в самые сокровенные, едва приметные для других, щелки человеческого сердца и нашей искони прокаженной натуры. Он физиолог и анатом души: его ли вина, что душа часто без души? а кое-где ещё и с крепостными душами? (что хуже всякого бездушия). <...>

А. И. НЕФЕДЬЕВОЙ

95.

28 января 1837. Петербург

<...> Вот как было дело: вы знаете, что в начале зимы Пушкин получил письма, и с ним и другие, его приятели, в коих ругались над ним и над его женою. Он сначала полагал, что барон Геккерн, побочный сын голландского министра Геккерна, служащий в Кавал[ергардском] полку и называвшийся прежде усыновления Дантесом, писал сии письма, и, ревнуя его к жене своей, вызвал его на дуэль; потом, узнав, что Дантес хотел жениться — а после женился — на сестре жены его, он написал к секунданту Геккерна, д'Аршияку, секретарю франц[узского] посольства, письмо, в коем объявлял, что уже не хочет драться с Дантесом и при-

знает его благородным человеком (д'Аршияк показывал мне письмо Пушкина). С некоторого времени он, кажется, начал опять подозревать и беситься на Дантеса, и 3-го дня, в самый тот день как я видел его два раза веселого, он написал ругательное письмо к Геккерну, отцу, коего выражений я не смею повторять вам. Нечего было делать отцу после такого письма. Вчера назначен был дуэль за Комендантской дачей на Черной речке между Дантесом, ныне Геккерном. Пушкин встретил на улице Данзаса, полковника, брата обер-прокурора, кот[орый] живал прежде в Москве, повез его к себе на дачу и только там уже показал ему письмо, писанное им к отцу Геккерна; Данзас не мог отказать быть секундантом; он и д'Аршияк, который был секундантом Геккерна, очистили снег, приготовили место, и в двадцати шагах Пушкин и Геккерн стрелялись. Сперва выстрелил Геккерн и попал Пушкину прямо в живот; пуля прошла всё тело, но остановилась за кожей, так что доктора могли её ощупать. Он упал, Геккерн бросился к нему на помощь, но он привстал и сказал, что хочет стрелять. Секундант подал ему пистолет, и он выстрелил в Геккерна; бросил на воздух пистолет и что-то вскричал. Геккерн ранен в руку, которую держал у пояса: это спасло его от подобной раны, какая у Пушкина. Пуля пробила ему руку, но не тронула кости, и рана не опасна. Отец его прислал заранее для него карету, — он и Пушкин приехали каждый в саних, и секундант Геккерна не мог отыскать ни одного хирурга, — Геккерн уступил свою карету Пушкину; надлежало разрывать снег и ломать забор, чтобы подвести её туда, где лежал Пушкин, не чувствуя, впрочем, опасности и сильной болезни от раны и полагая сначала, что он ранен в ляжку; дорогой в карете шутил он с Данзасом; его привезли домой; жена и сестра жены, Александрина, были в беспокойстве; но только одна Александрина знала о письме его к отцу Геккерна: он закричал твердым и сильным голосом, чтобы жена не входила в кабинет его, где его положили, и ей сказали, что он ранен в ногу. Послали за Арндтом; но прежде был уже у раненого приятель его, искусный доктор Спасский; нечего было оперировать; надлежало было оставить рану без операции; хотя пулю и легко вырезать: но это без пользы усилило бы течение крови. Кишки не тронуты; но внутри перерваны кровавые нервы, и рану объявили смертельной. Пушкин сам сказал доктору, что он надеется прожить дня два, просил Арндта съездить к государю и попросить у него прощения секунданту Данзасу, коего подхватил он на дороге, и себе самому; государь прислал к нему Арндта сказать, что если он исповедуется и причастится, то ему это

будет очень приятно и что он простит его. Пушкин обрадовался, послал за священником, и он приобщился после исповеди. Священник уверяет, что он доволен его чувствами. Пушкин продиктовал записку о частных долгах своих Данзасу и подписал её слабою рукою. Государь велел сказать ему, что он не оставит жены и детей его; это его обрадовало и успокоило. Когда ему сказали, что бывали случаи, что и от таких ран оживали, то он махнул рукою, в знак сомнения. Иногда, но редко подзывает к себе жену и сказал ей: «Будь спокойна, ты невинна в этом». Кн[ягиня] Вяземская и тетка Загряжская, и сестра Александра не отходят от жены; я провёл там до 4-го часа утра с Жуков[ским], гр[афом] Велгурским и Данзасом; но к нему входит только один Данзас. Сегодня в 8-м часу Данзас велел сказать мне, что «все хуже да хуже». Вчера он мало страдал от раны; тошнило, но слегка; он забывался, но ненадолго. Теперь я иду к нему и уведомлю вас о последующем. Прошу вас дать прочесть только письмо это И. И. Дмитриеву и Свербееву.

96.

29 января 1837. Петербург

<...> Вчера в течение вечера как казалось, что Пушкину хотя едва-едва легче; какая-то слабая надежда рождалась в сердце более, нежели в уме. Арндт не надеялся и говорил, что спасение было бы чудом; он мало страдал, ибо ему помогали маслом; сегодня в 4 часа утра послали за Арндтом спросить, поставить ли пиявки ещё раз; касторовое масло не действует и на низ не было. Сегодня выпустили в комнату жену, но он не знает, что она близ его кушетки, и недавно спросил, при ней, у Данзаса: думает ли он, что он сегодня умрет, прибавив: «Я думаю, по крайней мере желаю. Сегодня мне спокойнее, и я рад, что меня оставляют в покое; вчера мне не давали покоя». <...>

1 час

Пушкин слабее и слабее. Касторовое масло не действует. Надежды нет. За час начался холод в членах. Смерть быстро приближается; но умирающий сильно не страдает; он покойнее. Жена подле него, она беспрестанно берет его [так!] за руку. Александрина плачет, но ещё на

ногах. Жена — сила любви дает ей веру — когда уже нет надежды! — Она повторяет ему: *Tu vivras*⁵⁷⁸!! <...>

97.

30 января 1837. Петербург

<...> Вчера отслужили мы первую панихиду по Пушкине в 8 час[ов] вечера. Жена рвалась в своей комнате; она иногда в тихой, безмолвной, иногда в каком-то исступлении горести. Когда обмывали его, я рассмотрел рану его, по-видимому, ничтожную. Государь назначает пенсию жене его, берет двух сыновей в пажеский корпус; со временем сделает, вероятно, что-нибудь и для двух малолетних же дочерей. Я спешу на панихиду. Сегодня день ангела Жуковского: он и для Пушкина был тем же, чем для всех друзей своих. <...>

Пушкина будут отпевать в понедельник; но ещё не знают, здесь ли или в псковской деревне его предадут его земле. Лучше бы здесь, в виду многочисленной публики, друзей и почитателей его. Деревня может быть продана, и кто позаботится о памятнике незабвенного поэта! <...>

98.

1 февраля 1837. Петербург

<...> Народ во все дни до поздней ночи толпился и приходил ко гробу его; везде толки и злоба на Геккерна. Полиция, кажется, опасается, чтобы в доме Геккерна-отца, где живёт и сын его, не выбиты были окна или чтобы чего не произошло при выносе и отпевании; ибо вместо Исаакиевского собора, назначенного, как увидите в билете, для отпевания, велено отпевать его в Конюшенной церкви и вчера ввечеру перестали уже пускать народ ко гробу, и мы в полночь, только родные, друзья и ближние, перевезли тело его из дома в эту церковь. В 11 часов будет отпевание и потом перевезут его в монастырь, за 4 версты от его деревни, где он желал покоем — до радостного утра! Я расскажу вам слово, которое, несмотря на мою привязанность к Пушкину и на моё искреннее уважение к его гению, очень понра-

вилось мне. Когда Жуковский представлял государю записку о семействе Пушкина, то, сказав всё, что у него было на сердце, он прибавил *à peu près*⁵⁷⁹ так: «Для себя же, государь, я прошу той же милости, какою я уже воспользовался при кончине Карамзина: позвольте мне так же, как и тогда, написать указы о том, что Вы повелеть изволите для Пушкина» (Жуковский писал докладную записку и указы о пенсии Карамзину и семейству его). На это Государь отвечал Жуковскому: «Ты видишь, что я делаю всё, что можно для Пушкина и для семейства его и на все согласен, но в одном только не могу согласиться с тобою: это в том, чтобы ты написал указы, как о Карамзине. Есть разница: ты видишь, что мы насилу довели его до смерти христианской (разумея, вероятно, совет государя исповедаться и причаститься), а Карамзин умирал, как ангел». Конечно, так: государь не мог vychвалять жизнь Пушкина, умершего на поединке и отданного им под военный суд, но он отдал должное славе русской, олицетворившейся в Пушкине.

Студенты желали в мундирах быть на отпевании; их не допустят, вероятно. Также и многие департаменты: напр[имер] Духовных дел иностр[анных] исповеданий.

Одна так называемая знать наша, или высшая аристократия, не отдала последней почести Гению Русскому: она толкует, следуя моде, о народности и пр[очем], а почти никто из высших чинов двора, из генерал-адъют[антов] и пр[очих] не пришёл ко гробу П[ушкина]. Но они, болтая по-французски, по своей русской безграмотности и не вправе печалиться о такой потере, которой оценить не могут. <...>

Жена в ужасном положении; но иногда плачет. С каким нежным попечением он о ней, в последние два дни, заботился, скрывая от неё свои страдания. Вскрытие нижней части показало, что у него раздроблено было ребро.

Сегодня, ещё прежде дуэли, назначена и в афишках объявлена была для бенефиса Каратыгина пьеса из Пушкина: «Скупой рыцарь», сцены из Ченстовой трагикомедии. Каратыгин, по случаю отпевания Пушкина, отложил бенефис до завтра, но пьесы этой играть не будет! — вероятно, опасаются излишнего энтузиасма...

Вчера, входя в комнату, где стоял гроб, первые слова, кои поразили меня при слушании псалтыря, который читали над усопшим, были следующие: «Правду твою не скрыв в сердце твоём». — Эти слова заключают в себе всю загадку и причину его смерти; то есть то, что он почитал правдою, что для него, для сердца его казалось обидою, он

не скрыл в себе, не укротил в себе, а высказал в ужасных и грозных выражениях своему противнику — и погиб! <...>

99.

9 февраля 1837. Петербург

<...> 3 февр[аля] в полночь мы отправились из Конюшенной церкви с телом Пушкина в путь; я с почталоном в кибитке позади тела; жандармский капитан впереди одного. Дядька покойного желал также проводить остатки своего доброго барина к последнему его жилищу, куда недавно возил он же и тело его матери; он стал на дрогах, кои везли ящик с телом, и не покидал его до самой могилы. Ночью проехали мы Софию, Гатчину, к утру 4 февраля были уже в Луге, за 140 верст от П[етер]бурга, а к 9 часам вечера того же дня уже во Пскове. <...> На другой день, 5 февраля, на рассвете, поехали мы опять в Святогорский монастырь; могилу ещё рыли; моим гробокопателям помогали крестьяне Пушкина, узнавшие, что гроб прибыл туда; между тем как мы пели последнюю панихиду в церкви, могила была готова для принятия ящика с гробом — и часу в 7-м утра мы опустили его в землю. Я взял несколько горстей сырой земли и несколько сухих ветвей растущего близ могилы дерева для друзей и для себя, а для вдовы — просвиру, которую и отдал ей вчера лично. Простившись с архимандритом <...> и осмотрев древнюю церковь и окрестности живописные монастыря, на горах или пригорках стоящего, я отправился обратно в Тригорское; оттуда с дочерью хозяйки, милою, умною и пригожею, я съездил в деревню Пушкина, за $\frac{1}{4}$ часа по дороге от них, а прямо и ближе, осмотрел домик, сад, гульбище и две любимые сосны поэта, кои для русских будут то же, что дерево Тасса над Ватиканом для Италии и для всей Европы; поговорил с дворником, с людьми дворовыми, кои желают достаться с деревнею на часть детям покойного, полюбовался окрестностями; они прелестны, как сказывают, летом, и два озера близ самого сада украшают их. Здесь-то поэт принимал впечатления природы и предавался своей богатой фантазии; здесь-то видел и описывал он сельские нравы соседей и находил краски и материалы для своих вымыслов, столь натуральных и верных и согласных с прозою и с поэзиею сельской жизни в России. <...>

А. Я. БУЛГАКОВУ**100.***2/14 марта 1839. Париж*

<...> Жаль Сперанского⁵⁸⁰! Он совершил много полезного для России! Но с душою более независимою и более возвышенною он свершил бы ещё более. <...> Несмотря на то, потомство более, нежели мы сами, будет благодарно ему не столько за совершение многотрудного и многотомного подвига в своде законов, сколько за учреждение Совета⁵⁸¹, за контроль — хотя Хитрово и не в силах постигнуть и исполнить мысли законодателя, и за мысль об ответственности министров, которая таится в общем учреждении министерства. Он любил труд и никогда не хвастал им. В нем были зародыши лучшего будущего, но страх иудеев и фарисеев нашего времени не допускал их развитие... Он не понял роли своей ни прежде, ни после ссылки, не понял и Александра, который, после его сибирских и пензенских испытаний⁵⁸², предлагал ему всего себя, а он — искал Аракчеева, который обнял его — военными поселениями и удушил его в своих объятиях для Александра и, следовательно, для России. Мир праху его! Я давно простил ему слабодушие его в важном для меня случае: он знал невинность брата, доказывал мне её сам и — молчал там, где молчать было — преступление⁵⁸³. Да кто же не молчал, кроме Жуковского! Да и тот давно замолк, хотя не по тем же причинам, но по лени, всем нам сродной. Сперанский трудился и в труде находил пищу и славу; сотрудники его были ничтожны и более мешали, чем помогали ему. <...>

К. С. СЕРБИНОВИЧУ**101.***9 марта 1840. Москва*

<...> Я опять роюсь в здешнем архиве и живу с Екатериной II, Фридрихом II, Иосифом II, Генрихом Прусским, Потемкиным, Безбород-

ко, а ещё какие сокровища! какая свежая и блистательная история! Без сего архива невозможно писать истории Екатерины, России, Европы! Сколько в нем истинных, сколько искренних причин и зародышей великих и важных происшествий XVIII столетия. Какая честь для дельцов того времени и сколько апологий можно бы составить для важнейших дипломатических и исторических вопросов! Напр[имер] о Польше, о французской революции. Я не знаю, как могли с этими материалами расстаться петербургские дельцы, кои должны часто руководствоваться указаниями прошедшего? На многое, если не на всё, можно найти совет и вразумление в debataх Екатерины с европейскими державами, в совещаниях её с Безбородко, Потемкиным, Румянцевым... И какой урок в её записках для делопроизводителей и для государственных расходчиков! Как она дорожила казною, несмотря на свои слабости, между коими я не смею ставить славолюбия, ибо привыкаю в нем видеть пользу России. Хорошо бы прислать сюда депутатов от каждого министерства, выписать все, что по каждому полезного находится в сей народной сокровищнице.

Я ежедневно работаю там от 10 до 4 час[ов]; весною буду заезжать в архив и после обеда. Одно воскресенье отнимают у меня Воробьёвские горы — виды прелестные, но картина существенности печальная! <...>

А. Я. БУЛГАКОВУ

102.

1/13 октября 1840. Париж

<...> Сегодня Ж[уковский] уезжает из Дюссельдорфа в Россию, но без невесты. Устроив дела свои в П[етер]бурге, он возвратится к ней и к счастью супружества и проживет с нами на Рейне⁵⁸⁴, под небом Шиллера и Гёте⁵⁸⁵, три года: между тем приготовят ему приют в Лифляндском его замке. Пора ему было — мечту всей жизни обратить в существенность. Он говаривал: «в жизни много прекрасного и без счастья»⁵⁸⁶, теперь узнает его лицом к лицу. Подруга его, кажется, искренно любит его и достойна быть его подругою — quand même⁵⁸⁷...

Он сохранил всего себя лучше нас. Во дворце девство сохранил еси! и целость нравственную. Я нашел его моложе себя, а он годом старше. Я почувствовал, что моя дружба к нему также осталась цельною — и ожила во всей юношеской силе и святости. Благословил бы его, если бы рука моя умела сложить персты по православию, и вместо того поцеловал ему руку за то, что он наконец дал себе счастье единственное, высочайшее, если оно — счастье! <...>

103.

14/26 мая 1844. Шанрозе

<...> Что ты ничего не напишешь о важных событиях в России? На сих днях у нас сердце дрогнуло от радости, когда прочли в «Дебатах», что вышел указ о том, чтобы не бить солдат без суда! Вы пишете о концертах и певицах, а об этом ни слова! О равнодушные! Нет! — русские заграничные сильнее любят отечество вас, запоздалых домоседов! — Не могу добиться ни от кого — будет ли жел[езная] дорога из М[осквы] в П[етербург]⁵⁸⁸? Начата ли? Куда доводят новые шоссе? <...>

IV. ПРИЛОЖЕНИЕ

РЕЧЬ В ДРУЖЕСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ОБЩЕСТВЕ

Я уверен, что главная цель всех словесных наук есть образование нравственного характера; следовательно, также цель и нашего собрания. Какой легчайший способ для достижения сей цели? По моему мнению, подражание людям отменной добродетели. Это самое побудило меня представить вам живую картину. Я не возьму её из пространной галереи протекших веков, я не стану описывать ни Сократов, ни Тимолеонов, ни Фокионов, ни Аристидов: на что нам представлять отдаленные предметы, если, к счастью нашего отечества, и теперь, когда пороки господствуют повсюду, и теперь есть мужи, достойные пера Плутархова! Не восхищает ли это каждого верного сына отечества? Но прежде, нежели я выговорю имя, приносящее столько чести нашему времени, позвольте сказать мне несколько слов о том, что есть истинное величие великого? Вселенная из опыта многих веков подтверждает, что оно познается из преодоления бесчисленных препятствий, из мужественных перенесений гонений и бедствий, производимых злобою, из презрения всякой награды, богатства и почестей. Теперь посмотрим на прошедшие и нынешние времена с сей точки. Фокионы и Милтиады были в республиках; каждый шаг их виден был народу, в руках которого награда и триумфы; они делали все для его благоденствия и в ту же самую минуту наслаждались уже плодами трудов своих, они делали все для своего счастья, потому что они сами имели те же права, то же состояние, такую же нужду в помощи другого, как и все. Нынешний Милтиад трудится для одного человека, который самую добродетель хочет иметь в плену своем и думает, что она сотворена быть его рабою. Прежде дарования раскрывались публично, теперь нужен особенный благоприятный свет, чтоб их увидеть; прежде судила их народная польза, теперь каприз сильнейших. Прежде великие поддерживаемы были всеобщим благоговением, теперь убиваются они завистью.

Из этой параллели видно, что ныне быть великим человеком гораздо труднее, нежели прежде, что строгость и постоянство добродетели гораздо простительнее и свободнее в республиках, нежели в самодержавных государствах, и, следовательно, наш Суворов, жертвовавший столько раз своею жизнью, сохранивший в самых изгнаниях своих этот удивительный патриотизм, более всех Фемистоклов

и Аннибалов; сии последние также претерпевали гонения, но терпеть гонения от всего непостоянного народа гораздо сноснее, нежели от одного человека; то же можно сказать и о других великих людях, прославившихся мирными добродетелями.

Я намерен описать вам Лопухина, хвалить его я не буду; я опишу добро деятельного, похваляю любовь к человечеству, и это составит похвалу Лопухина.

Главные отличия добродетельного человека: справедливость, кротость, любовь к отечеству. Один пример его справедливости послужит для нас убедительным великим уроком⁵⁸⁹.

Кротость состоит в том, чтобы мы, не чувствуя собственных своих достоинств, не только отдавали каждому должное, но и были бы снисходительны к благим намерениям; или поднять упдающего или ободрить тех, которые открывают нам ревность и любовь свою к добру, но, будучи отягчены тяжкими оковами или несчастья или даже обстоятельств, не в силах сбросить их. Под кротостью разумеется и скромность. Кто этого не видит в Лопухине? В обхождении со всеми он весел, приятен, забавен; самый безумный похвалит его, и похвала безумного не очернит его в глазах всех мудрецов света. Любовь к человечеству состоит во всем и вся, тайно и явно, благодарить людям, то есть исполняя верно возложенные на нас звания отечества; все свои мысли, старания устремлять к счастью людей. Любить их значит быть к ним справедливу, быть к себе справедливу, быть справедливу в рассуждении обязанностей к Богу! Кто этого не видит в его сочинениях, в проектах, подаваемых им покойному государю, в которых вместе блистает любовь к человечеству, прозорливость и твердость мужа, не устрашающегося царей.

Великость души своей показал он в то время, когда жил в забвении, жил с девяностолетним отцом своим, подозреваем, оклеветан, жил и не жаловался на судьбу свою; но благословлял десницу, карающую его⁵⁹⁰!

Будучи в случае, пользуясь отличными милостями покойного государя, не только не искал почестей и обогащения, но ещё отвергал их; а принимал на себя важные должности единственно для того, чтоб больше иметь случая, больше иметь средств делать добро людям.

Описывать благие, великие дела его я не буду; не протекло ещё двух недель, как он оправдал в глазах государя, в глазах целого Сената, невинного, исторгнул его из мрачной темницы, в которую вверен

он был рукою сильного невежды, и тем спас драгоценнейшее — честь его и целое его семейство.

Из великого множества других примеров его человеколюбия представил я вам этот не потому, что он выразительнее прочих, но потому, что новее.

Но на что много говорить о его благодеяниях. Есть ли один из нас, который бы не был лично одолжен им?

Если взять всю его жизнь с молодых лет до нынешнего времени, не найдем ни одного дня, в который бы он не сделал доброго дела, и все это по большей части тайно, словом, жизнь его есть цепь благодеяний! Душа его, кажется, дышит только для счастья своих ближних; когда ты лишаешься бодрости, и дом твой унывает при виде стольких несправедливостей и ужасов, унижающих человечество, когда ты готов роптать на небо и на себя самого, — тогда проводи с ним несколько минут, и ты будешь спокойнее и добрее!

Вот легкий отпечаток добродетелей Лопухина. — Какую кисть надобно иметь, чтоб написать портрет его!

Когда дух Лопухина воспарит к предвечному отцу своему, то осиротевшие друзья его напишут на камне, который будет покрывать почтенный прах его:

Tout citoyen perdit un défenseur,
Tout malheureux un frère,
Tout honnête homme un ami⁵⁹¹.

Что принадлежит для меня: Tout ce que je veux dire après ma mort, c'est que sur la pierre qui couvrira ma tombe, on grave profondément ces mots: Il obtint les bontés de Lopouchine⁵⁹².

23 марта 1801

ЗАСЛУГИ КАРАМЗИНА, ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ И ИСТОРИЧЕСКОГО ПИСАТЕЛЯ

И в Германии с уважением отзываются о первом и величайшем Историке России. Геерен называет его русским Ливием. К нему не оказывается несправедливым и новейший судья бессмертного его

творения. Между тем необходимость требует оценить подробнее пользу, какую принес Карамзин истории как науке глубоким исследованием древности и критическим употреблением памятников. Карамзин сохранил все, что нашлось в наших летописях драгоценного: каждую черту героя древнего времени, постоянное мужество наших пастырей душ — просветителей народа, некогда смелых заступников оного у трона; полное наше гражданское и церковное законодательство и каждый отголосок славы из времен древнейшей России.

Иностранные ученые не могли настоящим образом определить, на какую степень возвысился наш равно образцовый писатель как историк и как хранитель отечественных преданий. Доныне единственный в слоге, Карамзин, с благоразумным выбором, соблюл также и мелкие исторические события в той великой и верной картине, где изобразил он нашу феодальную систему и ужасы междоусобия. Употребленный на сие труд скрыт в искусстве изображения. Кто без предубеждения читал предшественников Карамзина, тот знает, что его труду предшествовал хаос. Иностранец, не вполне обзревший материалы, служащие к составлению истории Российского государства, никак не может совершенно измерить пути, пройденного нашим изыскателем, одаренным взглядом ясным и проникательным. Потому немецкий критик обыкновенно довольствуется тем, что скажет своё мнение только о первом томе помянутой Истории, ибо предуготовительные к ней труды принадлежат большею частию иностранным и особенно немецким ученым.

Так и рецензент в «Лейпцигской литературной газете» отдает преимущество первой части как богатой плодом многостороннего чтения и изыскания по всем частям исторических сведений. Однако ж мы не думаем, чтобы следующие части были беднее в изысканиях; скорее мы признаем в них, относительно эпох исторического повествования и самых предметов, не менее обильную реку исторических источников, из коих сочинитель умел счастливо почерпать.

В первой части представлена древняя Россия, по древним историкам и географам, от Геродота до Аммиана Марцеллина, и по скандинавским и германским хронографам, до Киево-Печерского светоносца во мраке древнего севера, Нестора. Здесь русский историк должен был, если только хотел выйти из лабиринта темной древности, следо-

вать иностранным путеводителям и при разнообразных показаниях германских и византийских летописей вопрошать новых исторических критиков: Шлецера, Тунманна, Маннерта, также и наших академиков: Байера, Лерберга, Круга. Путь был освещен. Карамзин, собирая плоды чужих и собственных усилий, распределил группы народов, существовавшие при самом рождении Российского государства, и начертал абрис театра их подвигов, с чрезвычайно редкою доньше, даже в Германии, ясностью.

Но в следующих частях наш историк проходит по темному пути без путеводителя. Если уже во времена Тацита в Финском севере мерцает свет, то лучи его опять погасают на другой стороне нашего горизонта. Там, в продолжение столетий, как бы не существующие для истории, пребывают финны в первоначальном своем ничтожестве, тогда как здесь, в непрерывной смене орд, один народ вытесняет другого, к ужасу современников и к утомлению летописателя и читателей. Русский бытописатель первый осветил сей хаос племен уцов, половцев, маджаров и печенегов. Он открыл нам почти неведомую могилу прошедшего и стал блюстителем мгновенной славы Ельца и древнего величия Киева и Новгорода.

Без сомнения, Шлецер, творец критического обозрения северной истории⁵⁹³, с благородною завистью прочитал бы первые главы «Истории государства Российского». Конечно, они написаны также при помощи и его прозорливой критики, но в такой степени совершенства, какой Шлецер не мог ожидать от своих непосредственных последователей.

Однако ж заслуга Карамзина как самоизыскателя доньше мало признана иностранцами. Ещё не довольно было легковерного незнания некоторых журналистов. При молчании наших литераторов, не ответствовавших на многие будто бы критики, и добросовестные немцы, коих характеристическая черта есть какое-то прямое участие в общих успехах просвещения и науки, должны были и немцы, наши и всей Европы учителя в исторической критике, быть введены в заблуждение переводчиком Карамзина и в сочинении сего славного историка найти анахронизм, который был бы доказательством грубого незнания, даже и у каждого неисторика.

Критик в «Лейпцигской литературной газете», конечно, не подумал о том, что переводчик мог ошибиться, превратно передавая на немецкий язык самое простое и употребительное выражение: он слагает его

ошибку на сочинителя и, веря этому, имеет некоторое право предполагать, что подобные промахи оригинала могут встречаться и часто.

В переводе так значитися осуждаемое рецензентом место, в главе «О состоянии древней России» (стр. 191 и след.): «Если славяне не имели никаких писаных законов, то оные могли быть у варяго-русов в 9-м и 10-м столетиях, ибо в их древнем отечестве, Скандинавии, употребление рунических писмен было известно до Рождества Христова»⁵⁹⁴.

Для сличения мы приведем слова Карамзина, ч. 1, стр. 238, глава десятая, в статье «О гражданских законах» сказано: «Трудно вообразить, чтобы одно словесное предание хранило сии уставы в народной памяти. Ежели не славяне, то по крайней мере варяги российские могли иметь в IX и X веке законы писанные: ибо в древнем отечестве их, в Скандинавии, употребление рунических писмен было известно до времен христианства (505)»⁵⁹⁵.

Сие выражение, «до времен христианства», находится после слов: «в древнем отечестве их, в Скандинавии» и уже само собою поясняет слова историка. Он именно хотел сказать, что употребление рунических писмен было известно варягам и скандинавам до времен христианства в Скандинавии, а не вообще до Рождества Христова, как понял эти слова переводчик, конечно, не прочитав примечаний к сему тексту, где автор выражается ещё определительнее об эпохе столь важного явления в северной истории. В сих примечаниях сказано: «(505) См. выше, Коммент. 97. Саксон Грамматик уверяет, что датский король Фротон обнародовал, за несколько веков до введения христианства в Скандинавии, законы воинские и гражданские (см. Маллет. *Historie de Dannemarc*, т. I, глава 8). Сии краткие уставы, или правила, по словам Далина, были вырезываемы на дереве (*Gesch. Des Schved. R.*, т. I, стр. 151). Хотя Саксон не может быть надежным порукою истины, и Далин говорит единственно по догадке, но вероятно ли, чтобы древние скандинавы, исписывая рунами гробы и камни, не употребляли их для начертания законов, которые служат основанием гражданских обществ?»⁵⁹⁶

В примечании 97-м, на которое указывает предыдущее, сказано на стр. 58: «Рунами именуются старые письмена скандинавские. Ученые долго спорили о их древности. По крайней мере известно, что сии буквы употреблялись в Скандинавии уже около VII или VIII века; их находят ещё на памятниках и гробах языческих, хотя, кроме сих над-

писей, не имеем иных древних и важных для истории монументов рунических (см. в Шлецер Север. Ист. Von der Schreibkunst in Norden). Жители Далекарлии доныне употребляют рунические знаки (см. Далинову Gesch[ichte] des Schwed. R., т. I, стр. 180)⁵⁹⁷.

Здесь Карамзин ясно говорит, что рунические письма употреблялись в Скандинавии уже около 7 или 8 столетия, следовательно: не до Рождества Христова, как написано в немецком переводе. История государства Российского явилась уже в 1816 году, и Карамзину не могли быть известны новейшие изыскания о скандинавских древностях.

Видим, с какою добросовестностью писал наш историограф. Можем ли мы после сего слагать на его счет ошибки, какими наполнили свои переводы «Истории государства Российского» переводчики в Германии, Франции, Италии?

Если бы немцы могли читать нашего историка в оригинале, они убедились бы, что одно из желаний Шлецера — их и нашего учителя — наконец исполнено и что у нас есть «история нашего удивительного государства, написанная с основательностью Маскова, вкусом Робертсона, откровенностью Гианнони и прелестью Вольтера».

Исполнилось и другое желание Шлецера: Александр читал историческое сочинение Карамзина. При имени сего монарха русское сердце чувствует себя проникнутым любовью к тому, кто любил Карамзина, чья дружба была славою и счастьем сердца, оставшегося ей верным до последнего своего биения.

1827

[О П. Б. КОЗЛОВСКОМ]

И вне Отечества нас может утешать
Воспоминание минувших дней Архивских.

Так пародировали мы когда-то на чужбине с незабвенным Козловским стихи старейшего друга его и товарища по Московскому Архиву, Андрея Т[ургенева]:

И в самых горестях нас может утешать
Воспоминание минувших дней блаженных^{598!!}

Теперь друзья опять вместе, и мы, оставшиеся, скажем о них словами друга, их пережившего:

Не говори с тоской: их нет!
Но с благодарностию: были⁵⁹⁹...

Я любил Козловского с моего детства, встречался с ним и мыслил вслух везде: в Лондоне, в Эмсе⁶⁰⁰, на берегах холодной и гранитной Невы — в виду мрачной крепости⁶⁰¹: везде встречались, и мысли наши и сердца бились одним чувством к человечеству, к России.

Не смею, потому что не вправе — оценить в Козловском его гения в математике, в языкознании, в каком-то врожденном ему европеизме; но радуюсь тем, что сердце мое всегда поминало его и угадывало, что мы часто вторили друг другу в чувствах наших — вслух, в нашем соучастии к людям, в нашем сострадании к их слабостям, в нашем негодовании к их гнусным утеснителям... ("Tremblez! Vous êtes immortels"⁶⁰²).

Мир праху твоему, добрый Козловский! Да прикроются твои слабости, во грехах рожденному человечеству свойственные, твоими добрыми делами, в последние дни твоего земного поприща совершенными, постоянным порывом твоего сердца ко благу твоих ближних. Есть место на земле, где не забудут твоего сердца спасенные твоими заступлениями⁶⁰³: мы напомним тебя первыми и едва ли не единственными стихами твоей ранней молодости, в первые дни века и Александра:

Как часто в горести, в напасти
Несчастный, — слабый человек,
В минуты мрачной, буйной страсти
Проступком омрачает век!..
Судьи холодно рассуждают,
Рассудком сердце обвиняют:
Но Ты на троне: «Он прощен!»⁶⁰⁴

Сей голос поэзии сердца отозвался и в последнем твоём вздохе. — Прости.

30 марта / 11 апреля 1842, в Париже

Н. И. ТУРГЕНЕВ

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

О СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ И О СУДАХ ПОЛИЦЕЙСКИХ В РОССИИ

Глас вопиющего в пустыни:
уготовайте путь Господень,
правы сотворите стези Бога нашего.

Ис. XL, 3

ПРЕДИСЛОВИЕ

Все преобразования, все реформы вообще бывают двоякого рода. Влияние одних ограничивается сферой материальной, вещественной; другие непосредственным действием своим проникают в высшие сферы нравственного быта людей. Конечно, влияние первых распространяется иногда далее той цели, для коей они были в самом начале предприняты, — так как польза даже просто материальная часто производит выгодное действие в нравственном отношении. Не менее того отличительный характер обоего рода преобразований ясно существует и ясно отражается в прямых, непосредственных последствиях их. Так, например, здоровое преобразование тарифа, утверждающее свободу торговли и обмена товаров, есть, по самому существу своему, реформа материальная; между тем как здоровое преобразование учения народного, учебной части в государстве, есть реформа нравственная, моральная. И то и другое полезно и благотворно; но каждое в своем роде, в своей сфере. Различие состоит в степени важности и превосходства двух родов, двух сфер.

С тех пор, как Россия сделалась очевидным для всех театром различных реформ и преобразований, т. е. со времен Петра I-го, мы находим, что сии реформы были вообще реформы материальные. Они, без сомнения, имели свою пользу; но нельзя не согласиться, что, принимая в уважение всеобъемлемость, резкость, крутость сих реформ, влияние их было весьма незначительно на нравственное развитие русского народа⁶⁰⁵.

После Петра до времен Екатерины II-й какой-то дикий мрак объ-
ял Россию⁶⁰⁶, и за исключением некоторых военных происшествий,
ознаменовавших царствования Анны и императрицы Елисаветы⁶⁰⁷,

грустная мысль останавливается только на одном отрадном событии сего последнего царствования, на учреждении Московского университета⁶⁰⁸. Это учреждение в полном смысле можно назвать нравственной реформой. Сей же императрице Елизавете подобала бы великая честь и слава в истории за уничтожение смертной казни⁶⁰⁹, если бы благое и прямо религиозное намерение её оправдалось впоследствии на опыте⁶¹⁰. К несчастью, от кнута, от плетей, от произвольных палок и розог в России умирает гораздо более людей, нежели где-либо от законных смертных приговоров.

Самая значительная, самая важная реформа царствования Екатерины II, «Учреждение губерний»⁶¹¹, будучи вследствие материального установления различных присутственных мест и ведомств, реформой материальною, имело вместе с сим характер решительно нравственный, моральный. Уже одно устройство собраний и совещаний дворянских должно было иметь и действительно имело благотворительное нравственное действие.

Учреждение губерний было заимствовано от остзейских губерний. Оно, конечно, могло бы быть более усовершенствовано, более приспособлено к русскому быту, и даже в намерениях и предначертаниях самой императрицы было много хорошего, полезного, не вошедшего в окончательное начертание сего важного узаконения. Это мы знаем теперь из жизнеописания единственного её советника в сем деле, графа Сиверса⁶¹², одного из самых замечательнейших государственных людей России. Излишне было бы далее распространяться о действии, которое имело в России учреждение губерний, о влиянии сей реформы на гражданское развитие если не всего русского народа, по крайней мере, некоторых классов оного. Все мыслящие в России вполне это знают и чувствуют. Впрочем, ещё доселе Россия живет этим узаконением Екатерины.

Царствование императора Александра I-го, озаренное славою столь необычайною и вместе столь же чистою, не представляет, к глубокому сожалению нашему, всех тех благотворных преобразований, коих все любящие Россию от него ожидали и желанием коих была наполнена собственная его великая и благая душа. Независимо от преобразований и нововведений материального рода, кои, конечно, имели свою пользу и даже окончательно и посредственно свое влияние на нравственное развитие народа, реформы прямо нравственного, морального рода ограничиваются весьма немногим и именно: прекращени-

ем обычая дарить крестьян дворянам; — это самая лучшая и важная реформа; и потом различными учреждениями по учебной части, увеличением числа университетов и училищ; и, наконец, освобождением, довольно, впрочем, плохим, крестьян остзейских губерний.

Одна из замечательных реформ сего царствования — едва ли не самая замечательная — состояла в учреждении министерств⁶¹³. Нет сомнения, что во многих отношениях новый порядок упрочил более правильности в течении и производстве дел. Но вместе с тем, сколько пустых форм, сколько излишних, ни к чему не ведущих переписок, записок, бумаг всякого рода появилось в делопроизводстве с сим учреждением! Сколько скромных и более или менее соответствовавших практическим потребностям присутственных мест обращено в многосложные департаменты и даже в министерства, и все сие без нужды, без пользы, и следовательно, ко вреду, по крайней мере, финансов. Г-н Сперанский⁶¹⁴ в одной записке говорит, что если бы 1812-й год нашел Россию при старом устройстве государственного управления, то государство не могло бы преодолеть всех препятствий по управлению, и что если оно их преодолело, то этим Россия обязана учреждению министерств. Надобно иметь необычайную веру в силу и действие реформ на бумаге и реформ в самых бумагах, чтобы дойти до такого заключения. Мы этой веры не имеем. И если бы посреди бесчисленных проектов и предположений г-на Сперанского ему удалось, например, основать гласное и словесное судопроизводство или отстранить, или только умерить телесные наказания, коими так богат, даже для женщин, свод законов; если бы даже он подумал об учреждении простых полицейских судов вроде тех, какие мы здесь предлагаем; то имя его вернее перешло бы к потомству; слава его была бы прочнее. Бумажные памятники недолговечны. Но нет! Все реформы, возникшие в голове его, — душа в них не участвовала — были реформы материального рода, все без исключения: от учреждения министерств до его пышного проекта общего государственного уложения, в котором изъяснено в подробности, как бумаги восходят и нисходят от одних мест и лиц к другим, и где едва в двух словах упоминается об освобождении крестьян!

Материальные реформы могут учредить только материальный порядок. Для жизни народа, для развития его нравственного и гражданского, преобразования должны быть согреты истинною христианскою любовью к людям, верою в высокое предназначение челове-

ка, глубоким уважением к его личности, к его душе бессмертной. И здесь, при мысли о таких преобразованиях, кои из души преобразователя прямо переходят в душу народа, мы невольно вспоминаем об этой важнейшей из всех реформ, об освобождении крестьян, твердо предпринятом Александром II. Все наши слова были бы бессильны для изъяснения того, что мы чувствуем при мысли об этом великом и святом предприятии, и нам остается вспомнить Вильберфорса⁶¹⁵, который, дожив до окончательного и полного освобождения негров, умирая, произнес молитву Симеона: «Ныне отпускаеши раба твоего, владыко, по глаголу твоему, с миром...»⁶¹⁶.

Такой реформы, призывающей к человеческой жизни несколько миллионов людей, обновляющей обширнейшее государство в Европе, достаточно, чтобы прославить какое бы то ни было царствование, и прославить самую чистую, неувядаемую, святою славою! Важность всех прочих реформ, сколь бы они ни были необходимы, бледнеет и ослабляется в сравнении с сею коренною и всеобъемлющею, все проникающею реформою. Не менее того преобразователь главного не может оставаться равнодушным к преобразованиям второстепенным. И так мы видим появление проектов по разным частям государственного правления. Печатая наши мысли о судебных преобразованиях, мы упомянем здесь только о том, что нам известно о приготовляемых реформах по сей части.

Общее мнение в России с нетерпением ожидает перемен в судопроизводстве. Места и лица, занимающиеся в России составлением и редакциею законов, решились удовлетворить всеобщему желанию.

Дабы достойным образом соответствовать сему всеобщему желанию, столь настойчиво изъясленному всей Россиею, надлежало бы, кажется, подумать о преобразовании и судебного порядка вообще, и самых мест судебных; потому что все это гнило, бесполое и не отвечает самым скромным требованиям здравого, порядочного судопроизводства. Между тем мы видим, что сочинители или редакторы нового проекта преобразования судебного из тысячи зол избрали одно зло, конечно, весьма великое и весьма пагубное, но при всем том только одно, оставляя неприкосновенными множество иных зол. Это избранное в жертву зло можно означить общим названием *судебной проволочки*.

Мы имеем пред глазами «Журнал о главных началах, принятых соединенными департаментами гражданским и законов, при рас-

смотрении проекта нового устава гражданского судопроизводства». 36 заседаний было посвящено для рассмотрения сих начал. И если бы можно было допустить, что русское гражданское судопроизводство не требует никаких других преобразований, как сокращения времени в ходе дел, отстранения проволоочки; то конечно, «принятые начала» можно было бы признать удовлетворительными, хотя и не вполне. Но разве это судопроизводство терпит только от проволоочки, от множества инстанций, от неопределительности в различных постановлениях; от уродливого формализма, от бесконечной переписки? Нет! Оно все, с начала до конца, никуда не годится. Зачем довольствоваться отстранением одного зла, зла, повторяю, весьма великого, и не подумать о полном и стройном учреждении всего судебного порядка? Теперешний порядок в России, в главных и основных частях своих, существует со времен Екатерины, т. е. около ста лет. С тех пор во всех государствах европейских последовало множество преобразований в судах и в судопроизводстве. Даже Англия, столь постоянно придерживающаяся всего старого и не жертвующая оным без крайней, очевидной необходимости, решилась сделать в сем отношении важные перемены. Неужели и для России не настало, наконец, время приступить к подобным преобразованиям? Кто возьмет на себя утверждать, что потребность, необходимость преобразований в России менее чувствительна, нежели сколько она была в других землях?

Рассматривая, к какому роду может быть отнесена сия реформа, к роду реформ материальных или к роду реформ нравственных, моральных, мы не можем не признать, что все действие и влияние её ограничится сферою материальною. Влияния нравственного мы никакого не предвидим. И подлинно! Вы сокращаете судебные инстанции от 8 или 10 и более до двух; вы отстраняете множество пустых, неудобных форм, затрудняющих до бесконечности ход дел судебных. Это, без сомнения, весьма хорошо и весьма полезно. Но все в сей реформе ограничится тем, что дела будут производиться *скорее*. Но будут ли они производиться лучше, даст ли реформа какие-либо гарантии, что дела будут решаемы с большею справедливостью, с большим беспристрастием, с лучшим пониманием права и закона? Взятки, конечно, будет менее, но только потому, что будет менее инстанций и менее проволоочки, а не потому, что труднее будет их брать.

Итак, сокращение времени в ходе дел и уменьшение издержек по судебным искам — вот все, чего можно надеяться от нового преоб-

разования. Никакого нравственного влияния тут быть не может. Того ли Россия ожидает от законодателя?

Между тем, и при сей ограниченной сфере действия, мы встречаем в «принятых началах» некоторые ереси, кои нам кажутся неприступными.

Так, например, мы читаем на странице 4 журнала:

«Обращение от системы письменной к словесной было бы не что иное, как стремление к невозможному восстановлению первобытной простоты отношений, которая может существовать только при первоначальном образовании государств».

Что это? Для нас слова сии совершенно непонятны. Неужели все европейские государства, где принято вполне словесное судопроизводство, обратились «к первобытной простоте отношений, к первоначальному образованию государств»? Конечно, соединенным департаментам не безызвестно преобладание словесного судопроизводства над письменным во всем образованном мире.

Сии самые департаменты смягчаются, однако же, впоследствии, в своем беспощадном осуждении словесного судопроизводства, замечая, что:

«Полное господство одного письменного производства принадлежит, без всякого сомнения, к самым очевидным недостаткам настоящего порядка и причинам медленности в ходе дел и развития формализма».

И далее, что:

«Словесным порядком могут быть обсуждаемы такие только гражданские дела, кои по простоте своей не требуют письменного изложения; напротив, дела, разрешение коих требует или подробного обсуждения письменных документов: крепостей, договоров и т. п., или же составления и сличения различных счетов и расчетов, должны по необходимости подлежать порядку письменному. По мнению соединенных департаментов введение в гражданские дела системы чисто словесной было бы не только неудобно, но и невозможно».

Но если словесное судопроизводство «невозможно», то, как же дела производятся во всей Европе, где введено судопроизводство словесное?

Вот изъяснение сей загадки:

«Известно, говорят департаменты, что и в тех государствах, где словесная система получила более развития, судоговорение не есть

правило исключительное, и в делах многосложных назначается письменное приготовление, или так называемая инструкция дела...».

Такое изъяснение невозможности словесного судопроизводства неудовлетворительно. Впрочем, нельзя понять, что разумеют департаменты, говоря, что «в делах многосложных назначается письменное приготовление, инструкция дела». Кто назначает это приготовление? Кто его исполняет?

По всем сим неясным, неверным, неловким суждениям департаментов о словесном судопроизводстве можно заключить, что они не дали сами себе точного отчета: в чем именно состоит сущность такого производства.

Ни в каком деле без письма, без бумаг обойтись нельзя. Никто в этом не сомневается. Всякого рода дела, и многосложные и малосложные, когда они поручаются истцом или ответчиком адвокатам, необходимо рассматриваются сими последними в их кабинете по бумагам, по документам, кои они получают. Во Франции это рассмотрение, прежде всего поручается обыкновенно особенным адвокатам, называемым *avoués*⁶¹⁷, кои приготавливают дела, но обыкновенно не предстают сами пред суд[ом] для судоговорения (*plaidoyer*⁶¹⁸). Сия последняя обязанность лежит исключительно на настоящих адвокатах (*avocats*), которые со своей стороны рассматривают уже приготовленное первыми дело и приступают к судоговорению в трибунале. Во время судоговорения адвокат также представляет, смотря на надобности, письменные документы, ссылается на оные, толкует их. Кроме сего, тяжущиеся могут представлять судьям записки по своему делу, консультации адвокатов и пр. и пр. Все это делается просто, само собой, и никогда никто не *назначает* никакого письменного приготовления.

Когда адвокаты предстают пред суд[ом] для судоговорения, то они должны уже знать все подробности дела, о коем они намереваются говорить. Как они узнают, изучают эти подробности, это зависит от принятых в различных государствах обычаев и узаконений. Во Франции закон учредил особого рода правоведов, *avoués*, коих главное дело состоит в приготовлении дел к судоговорению. Иногда сии *avoués*, особливо в провинциальных городах, сами предстают пред суд[ом] для судоговорения. В Париже они имеют на то полное право, но никогда сим не пользуются. В Англии таких *avoués* не существует; но есть другого рода законники, кои употребляются на предваритель-

ное исследование дел. Впрочем, сами адвокаты необходимо должны ознакомиться с делом, дабы быть в состоянии говорить о нем пред судом. Что в предварительном рассмотрении может иногда быть много письма, много бумаг, записок, консультаций, это неоспоримо; но выгода словесного судопроизводства состоит в том, что, когда дело представлено пред судей, тогда все совершается словесно. Изложение иска, представление ответа, аргументы в пользу той и другой стороны, истолкование закона — все это делается словесно. Судьи слушают и решают по тому, что они слышали. Тут нет места и повода к проволочке, к подаче дополнительных прошений, и, следовательно, к потере времени для отстранения проволочки, для рассмотрения сих прошений и пр., и пр.

Один русский правовед, бывший обер-секретарём в сенате, побывав впервые в одном из гражданских судов в Париже, не мог надивиться простоте и успешности хода дел. «Несколько дел, — говорил он, — было решено в одно заседание. Некоторые дела оканчивались весьма скоро. Один адвокат изъяснял дело. Другой, противной стороны, отвечал ему. Суд немедленно постановлял и объявлял решение. Сколько хлопот, сколько проволочки встречаются у нас и такие самые простые дела, — продолжал бывший обер-секретарь! — Явились бы прошения, записки по делу, последовало бы надлежащее рассмотрение записок и дела судьями; потом постановление решения суда и, наконец, исполнение со всеми бесчисленными околичностями!».

В заключение заметим, что, если бы соединенные департаменты взяли на себя труд узнать в точности, в чем именно состоит метода словесного производства, как сие последнее совершается на самом деле там, где оно существует; то, конечно, они пришли бы совсем к иным заключениям и не удовольствовались бы, так сказать, мимоходным замечанием, что «словесная система *может* иметь *более* применения в *сокращенном* порядке судопроизводства».

За 40 лет пред сим я слышал в Государственном совете от некоторых членов различные ереси. Один, впрочем, весьма почтенный и опытный по своей части моряк, говорил, что адвокаты ни к чему иному не служат, как к запутыванию дел, и что не только не надобно их вводить там, где их нет, но следует отменить там, где они существуют. Другой — этот был некогда генерал-прокурором! — серьезно утверждал в общем собрании Государственного совета, что все то, что не по-

зволено законом, должно быть почитаемо запрещенным. И когда ему ответили, что истина, всеми принятая, состоит именно в противном заключении, то ответ вызывал только с его стороны улыбку сожаления к непониманию отвечающих. Несмотря на это, я думаю, что тогдашний Государственный совет пришёл бы к иным заключениям насчет словесного судопроизводства, нежели заключения соединенных департаментов, в их журнале изложенные. Мордвиновы, Потockие, Солтыковы, Кочубей⁶¹⁹ не подписали бы такого журнала.

Между тем, мы должны сказать, что в рассматриваемом нами журнале есть истинно светлая сторона, которой предлагаемая материальная реформа как будто касается до области реформ моральных. Но этот свет так бледен, что мы не можем вполне верить безошибочности нашего взгляда. Тут дело идет об уничтожении канцелярской тайны. Заключение состоит в следующем:

«Посему соединенные департаменты признали необходимым, чтобы и при докладе дела, и при всяком действии суда, относящемся до проверки доказательств, имели право присутствовать не только тяжущиеся, но и другие посторонние лица».

Прежде всего, заметим: что должно понимать под «действием, относящимся до проверки доказательств»?

Сии ли действия только должны совершаться в присутствии посторонних лиц? и какие иные действия суда не могут допускать сего присутствия?

Что вообще значит это заключение? можно ли по оному полагать, что судопроизводство будет гласное? Если так, то почему не сказать сего ясно, прямо, твердо, вместо того, чтобы робко, как бы нехотя, поднять пред публикой уголок завесы, скрывающей действия правосудия? «нельзя, говорит пословица, иметь дверь затворенною и отверзенною в одно и то же время». А здесь именно заметно что-то похожее на желание и отворить, и вместе затворить двери суда для публики.

Как бы то ни было, мы с радостью принимаем это заключение соединенных департаментов, по крайней мере, как первый шаг к введению настоящей гласности судопроизводства в России.

Мы сказали выше, что некоторые материальные реформы могут иногда окончательно, посредственно иметь влияние нравственное до некоторой степени. Такое, без сомнения, благотворное действие мы встречаем в некоторых мерах правительства, из коих мы

укажем, например, на уничтожение кантонистов⁶²⁰. По первому взгляду эта мера покажется чисто материальной. Но подумайте о принципии, из коего проистекла эта мера. Этот принципий признает, что бедный сирота, никому не принадлежащий, должен, по крайней мере, принадлежать самому себе и не должен с самых малых лет быть обрезаем почти на полувексовую военную службу. Родственники и матери этих сирот, как и сами сироты, не восходя к основному принципу, поймут всю справедливость такой реформы; оказанное им благодеяние согреет их сердце, а все, что согревает сердце, улучшает его.

Дарованное право удельным крестьянам переходить из своего состояния в другое по их выбору, будучи тоже простою распорядительною мерою, реформою материальною, должно иметь и нравственное влияние на сих крестьян, особливо, если благое намерение императора не встретит затруднений в исполнении.

Существующие правила о рекрутской повинности в государственных имуществax должны также, кроме их очевидной пользы, иметь выгодное нравственное влияние на крестьян. Видя заботливость начальства об облегчении для них самой тяжелой из всех повинностей, чувствуя сие облегчение, они поймут, что и о них иногда заботятся и заботятся с пользою. Такое понимание дает им более надежды на дальнейшие улучшения и более твердости переносить, что есть трудного в их теперешнем быту.

Упомянув здесь о реформе, к последнему царствованию относящейся, мы не можем умолчать об одном достопамятном преобразовании, совершившемся, конечно, вне России, но властью и действием русского правительства. Мы разумеем здесь гражданское и политическое преобразование Валахии и Молдавии⁶²¹. Это преобразование, воззвавшее народ к новой жизни, было в одно время и нравственною и материальною реформою, благотворные последствия которой показали, что твердая воля, соединенная с просвещенным умом и возвышенною душою, может сделать для блага людей и вместе для чести и славы правительства.

Самая важная из всех сих уже совершившихся реформ есть, неоспоримо, уничтожение, хотя ещё и не повсеместное, военных поселений. Огромное благодеяние, оказанное бывшим поселенцам сей мерою, так важно в нравственном отношении, что сия реформа должна быть почитаема преимущественно моральною реформою.

Нравственный быт сих людей изменился ещё более, нежели их быт материальный.

Наконец, мы должны упомянуть если не о реформе, то, по крайней мере, о перемене, которую мы заметили в наружном или, точнее сказать, в уличном порядке в С[анкт]-Петербурге. Мы не знаем, были ли сделаны какие-нибудь новые предписания и распоряжения в сем отношении. Но дело в том, что петербургская уличная полиция совершенно изменилась к лучшему в сравнении с прежними временами и даже в сравнении с тем, что и по сию пору мы видим в других городах, например, в Москве. На улицах петербургских, и особенно при разъездах из театров и т. п., все как-то тихо, чинно, не кричат, не бранятся, будочники не толкают, не бьют мужиков и извозчиков, говорят с ними по-человечески; в церквях, в праздничные дни, кварталных и полицейских не видно: они остаются на улице. Одним словом: успех очевидный и решительный, и можно смело сказать, что петербургские будочники опередили многих наших помещиков и чиновников на пути гражданственности.

Все, что мы сказали доселе, имеет целью показать, что преобразования и реформы вообще необходимо имеют двоякий характер: одни характер материальный, другие характер моральный, нравственный. Посему и действие сих преобразований бывает двоякое: материальное и нравственное. Иногда одна и та же реформа имеет и тот, и другой характер. Иногда случайное, посредственное влияние реформы переходит из одной сферы в другую, из материальной в нравственную. Польза может заключаться в реформах обоего рода. Но род пользы различен. Нет сомнения, что полезно мести и чистить улицы. Полезно и учреждать училища. Но одна польза отлична от другой, по мере как все материальное отлично от всего нравственного, духовного.

Мы не входим в рассмотрение степени пользы в реформах обоего рода. Иногда простая материальная польза так важна, что берет первенство между всеми потребностями жизни вообще. Например, снабжение чистою, здоровою водою местности, где хорошей воды прежде не было, может быть предпочтено заведению училища. То, на что мы указываем, это двоякий характер всех реформ вообще: материальный и нравственный. Распознать тот или другой характер в какой-либо данной реформе весьма полезно и необходимо для здоровой оценки сей реформы. Простой, здравый смысл говорит, что мы должны сами

прежде всего знать, что мы делаем. Недостаточно совершать преобразования; надлежит притом знать: какое действие произведут наши преобразования и будет ли сие действие соответствовать цели, которой мы достичь желаем. Всего нужнее для преобразователя быть уверену, что известная реформа может произвести только известное действие, и не надеяться, что какая-нибудь реформа чисто материальная может произвести действие нравственное. Без сего можно легко придти к заключению, к которому пришёл г-н Сперанский: что бумажная реформа может спасти государство!

Повторяем: мы не оцениаем степени пользы каждой реформы того или другого рода. Всякая реформа, материальная или нравственная, может быть более или менее полезна, каждая в своем роде. Мы указываем только на различие сих родов; и только в сем смысле даем преимущество реформам нравственного рода пред реформами материальными.

Предлагаемое нами преобразование судопроизводства должно быть отнесено к роду реформ моральных, нравственных. Это явствует из участия, которое мы предоставляем народу в судопроизводстве введением суда присяжных; это следует из гласности и словесности судопроизводства. Такие преобразования, обращаемые к умственным и душевным силам народа, должны необходимо иметь влияние моральное. Предпринимая изложение нашей реформы, мы имели в виду именно сию цель. Мы желали преобразования нравственного, морального.

Но избрав по нашему свободному выбору и усмотрению род нашего преобразования, т. е. желая облечь оное в характер нравственный, а не материальный, мы не можем сказать ничего более как только, что предлагаемое нами преобразование должно иметь моральное, нравственное влияние на народ, независимо от влияния вещественного, материального, которое для нас не имеет той же важности, как первое.

Что ж касается до степени пользы, которую может заключать в себе наше предложение, т. е. до внутреннего, существенного достоинства оно, об этом мы судить не можем. Все, что мы можем сказать, состоит в том, что, по-нашему убеждению, предложение наше удобно-исполнительно.

*Париж, 16 января 1860,
Н. Тургенев*

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ОБЪЯСНЕНИЯ

Приступая к изложению моих мыслей о судебном устройстве в России, я предварительно прошу читателя подумать внимательно о всей важности сего предмета и о необходимости очевидной решительных преобразований и улучшений по сей части. Если встретятся такие читатели, которые находят теперешний порядок вещей в сем отношении хорошим и достаточным, то я попрошу их не обременять себя дальнейшим чтением того, что я здесь пишу. Многие, однако же, скажут, вероятно, что перемены нужны, но что сии перемены должны исходить от начал ныне существующего судопроизводства и быть сообразны теперешнему характеру законодательства. Такое мнение, неоспоримо, весьма благоразумно. Беда только в том, что оно слишком неопределенно, не имеет никакой практической значительности, и, в сущности своей, есть не что иное, как одна из тех фраз, на коих в свете, особенно в России, обыкновенно останавливается легкомыслие и эгоизм. «Соблюдать законы», «определять хороших судей и губернаторов», «покровительствовать торговлю и промышленность, науки и искусства» — все эти пошлые изречения, коими люди обманывают и других и самих себя, давно уже оценены по их достоинству всеми здравомыслящими и холодными наблюдателями. Спросите этих господ, столь чинно и так свысока рассуждающих о предметах, кои удивляют их или смелостью, или необычайностью и коими они сами весьма мало занимались, спросите, в чем же, по их мнению, могут состоять эти реформы, коих необходимость признается и с их стороны; — и ответ докажет вам, что фраза не есть аргумент.

Конечно, легкомыслие суждений о каком бы то ни было плане, неосновательность в оценке какой бы то ни было меры, являя ненадежность судей и ценителей, нимало не доказывают превосходства сего плана и сей меры. Предлагаемое нами должно защищать само себя. Польза или бесполезность нашей реформы должна открыться из свойства и характера её, из её сущности, а не из поверхностных и бесплодных разглагольствований. Желая отстранить пустословие, мы усердно призываем внимание людей добросовестных и хотя несколько сведущих в сих предметах. Одним словом, мы желаем, чтобы *серьезно* предлагаемое нами было столь же *серьезно* рассмотрено и обсуждено. Нам кажется, что на это мы имеем право.

В самом начале мы не обинуясь скажем, что предложение наше, по-видимому, резко, радикально. Приложить суд присяжных ко всему русскому судопроизводству — какое огромное преобразование! Какая смелая мысль! Как не изумить всей России таким предложением! Мы находим весьма естественными все сии и подобные восклицания. Мы просим только терпения и размышления. Или многолетнее и беспрерывное *корпение* над одною и тою же мыслью обессилило в нас способность рассуждать, или, *имея веру* в мысль нашу, мы докажем людям хладнокровным и здравомыслящим, что она не так неосновательна, не так неистова, не так всеразрушительна, как некоторые могут думать; что она, напротив того, устраивая одну из главных отраслей государственного правления, должна иметь решительное влияние не успех образованности народной.

«Мы верим в мысль нашу», сказали мы. И может ли это быть иначе? За 35 лет, когда я находился на службе в Государственном совете⁶²² и производил дела гражданские и уголовные, я имел случай узнать русское судопроизводство — чего не подозревают, может быть, те, кои вообще в моих предложениях видят одну теорию. — Судопроизводство уголовное обратило на себя мое особенное внимание⁶²³. Начав мои занятия по сему предмету общим изложением системы суда присяжных, я был приведен к составлению для России нового устава судопроизводства уголовного. Посреди сих занятий возникла эта мысль о приложении суда присяжных к русскому судопроизводству. Чем далее я продолжал мою работу, тем сильнее становилось мое убеждение, что суд присяжных есть не только лучшее, но едва ли не единственное средство основать что-либо здравого и плодотворного в России в сем отношении. Оставив на время главную мою работу, я пристально занялся изложением сей мысли. Из сего вышла записка, в которой я объяснил как главную идею, так и некоторые подробности устройства судов с присяжными. Участь сей записки была та же, как участь многих других моих записок — она осталась в моем портфеле. Но с того времени и поныне я не переставал думать о сем предмете. Невольный досуг, коим я пользовался, в течение более 30 лет⁶²⁴, позволял мне следовать за тем, что происходило в различных землях касательно судопроизводства и суда присяжных.

Когда обстоятельства привели меня в необходимость сделать известною всю мою жизнь, всю мою деятельность гражданскую, я опять

обратился к моей мысли о суде присяжных и изъяснил мой план с некоторыми подробностями⁶²⁵.

Одним словом, я не переставал думать о сем проекте в продолжение всей моей жизни, и теперь, приближаясь к концу её, я более, нежели когда-либо, убежден, что эта мысль заключает в себе много полезного для России. Вот почему я верю в эту мысль.

НЕОБХОДИМОСТЬ КОРЕННОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

Приступим теперь к самому делу.

Мы предполагаем, что необходимость преобразования русско-го судопроизводства вообще признана со всех сторон и что вопрос состоит в том, к какому преобразованию и каким способом следует приступить.

Обращаясь к существующему порядку вещей, мы едва ли найдем какие-либо основные начала, какие-либо коренные установления, на коих можно было бы соорудить новое здание. То, что должно впредь существовать, должно быть сотворено. Никакие усовершенствования теперь существующего не могут иметь успеха. В русском законодательстве есть только семена здорового судопроизводства, и мы не преминем означить оных в свое время, семена, брошенные Екатериною II-ю и принесшие, к сожалению, мало плодов.

Означить характер русского законодательства вообще весьма трудно. Первые законы, известные России, носят, очевидно, отпечаток норманский, скандинавский. Это первобытное законодательство усвоило России, между прочим, и благотворное учреждение присяжных. Даже в «Судебнике» мы находим его⁶²⁶. Присяжные предавали суду. Присяжные и судили, так как это и по сию пору делается в Англии, где есть *большое жюри*, отдающее под суд, и обыкновенное, которое судит и решает. Присяжные назывались целовальниками, вследствие того, что, присягая, они целовали крест и Евангелие. Многое на сем свете искажается и превращается, как в делах, так и в словах. Но едва ли найдется более странное искажение и превращение смысла какого-либо слова, как то, которое постигло название присяжных. Кого называют теперь в России целовальником⁶²⁷?

Если бы первобытное судебное законодательство в России продолжало развиваться естественным порядком, то, вероятно, оно походило бы теперь на законодательство тех земель, кои, как, например,

Англия, не приняли римского права. Но со времени Петра I-го всякое развитие прежнего судебного порядка сделалось невозможным. С тех пор русское законодательство наполнилось заимствованиями из законодательств различных земель, заимствованиями частными, случайными и особливо нисколько не систематическими, так что оно не представляет теперь никакого отличительного и логического характера.

И подлинно, какой характер может быть присвоен законодательству, по коему, в уголовном процессе нет защиты, между тем как во всех латинских законодательствах защита столь же необходима для полного процесса, как обвинение и приговор?

Недостаток системы и характера является во многих других несообразностях русского законодательства. Так, например, в делах уголовных процесс людей податного состояния оканчивается, с согласием губернатора, в уголовной палате, т. е. во второй инстанции, между тем, как в делах гражданских процесс, превышающий 500 р[ублей], переходит в Сенат и далее. Неужели причина этому подлинно та, как изъяснил один русский остряк, что душа человеческая оценилась прежде ниже 500 р[ублей]?

Нельзя также не упомянуть об одной несообразности, которой нет ничего подобного ни в каком ином законодательстве. Это бесчисленное множество инстанций, чрез которые может проходить процесс гражданский, если он превышает 500 р[ублей], и уголовный, если он касается лица, не к податному состоянию принадлежащего. Сих инстанций можно исчислить до 8 или 9 и даже, в некоторых делах, более.

Такой недостаток решительного характера в русском законодательстве, многие очевидные несообразности, до коих мы только слегка коснулись, и, всего более, отсутствие всякой системы в новейших постановлениях, все сие не позволяет думать о возможности вывести, так сказать, новое устройство из старого, привить новый плод к старому дереву. Необходимо решиться начать с самого начала, т. е. с оснований, и создать новый порядок сообразно сим основаниям.

СВОЙСТВО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

Здесь представляется самый важный вопрос: какой характер следует усвоить новым основаниям законодательства: характер латин-

ский или англо-саксонский? Иными словами: следует ли основать правосудие на судьях или на присяжных?

Судя, сколь, впрочем, это возможно, по характеру различных мер и преобразований, предпринятых русским правительством в новейшие времена, между коими мы особенно укажем на учреждение министерств; вспоминая различные проекты гражданского и уголовного уложения, кои от времени до времени были рассматриваемы в Государственном совете; — мы, кажется, безошибочно можем заключить, что русское правительство ищет примеров в тех государствах, кои приняли римское право, предпочтительно пред теми, в коих вкоренился дух англо-саксонский. Эта склонность весьма естественна, ибо в землях первого рода весь гражданский порядок представляет образ положительный, систематический и по тому самому привлекает свою ясностью и последовательностью; между тем как в других землях, именно в Англии, весьма многое основывается на так называемом *общем законе* (Common Law), которого никто ясно определить не может, одним словом, на предании.

По сему направлению русского правительства можно ожидать, что, желая приступить к новому устройству судопроизводства, оно предпочтет искать примеров во Франции, где, действительно, сия отрасль судебного законодательства весьма правильно, весьма систематически, одним словом, весьма хорошо образована. Итак, новое устройство правосудия будет основано на судьях, а не на присяжных.

Вследствие сего, вероятно, будет предположено учредить два рода судов: суды первой и суды второй инстанции, поставив над ними главный суд апелляционный, который будет судить не о сущности дел, но только о законности хода дел, о правильности приложения закона, и, в случае ошибочного производства, предоставлять вторичное решение дела новому суду.

В каждом из судов будут находиться прокуроры.

При таком порядке вещей судопроизводство может быть словесное и гласное, что, конечно, было бы величайшим успехом в сем отношении.

Нет сомнения, что такое устройство было бы неоценимым улучшением в сравнении с тем, что теперь существует. Но, основывая, таким образом, судопроизводство на судьях, мы невольно приходим к вопросу: где же законы, где кодекс, коим эти судьи должны руководствоваться?

«Наше судебное законодательство, — говорил мне недавно один умный французский правовед, занимающий место прокурора, — наше законодательство так ясно, определено, так хорошо, что человек с весьма посредственными способностями может быть хорошим судьёю».

Не имея, как мы действительно не имеем, такого законодательства, что будут делать наши судьи, число коих, заметим мимоходом, будет огромное в сем предполагаемом устройстве? Как они будут судить? чем руководствоваться? на чем, кратко и ясно для всех, основывать свои решения?

Если вы допустите, что судьи будут иметь право основывать решения свои не только на законе, но и на совести, тогда вы разрушите в самом основании всю систему вашего устройства. Судьи должны и могут только судить по закону; судить по внутреннему убеждению совести может быть принадлежностью одних только присяжных.

Не имея ясного и систематического законодательства, не имея достаточного числа людей, сведущих в правоведении, коими наполнить все судейские места, не имея, одним словом, *науки*, не лучше ли обратиться к *совести* народной, к совести людей, избранных во всякой местности, из всех состояний, на короткое время, для вершения встречающихся в сей местности дел, под руководством судьи и надзором прокурора?

В науке может быть недостаток. В совести никогда. Без науки народы могут существовать. Без совести никакое человеческое общество двух дней прожить не может.

И подлинно! В чем состоят цель правосудия?

Возникает тяжба между двумя лицами по гражданскому делу. Цель правосудия есть: дать тяжущимся по возможности самую справедливую расправу.

Совершается преступление. Цель правосудия есть: наказать преступника, отстраняя всякую напасть от лиц невинных.

Теперь мы спрашиваем: где сия цель имеет наиболее вероятностей быть достигнута: в суде, состоящем из трёх или пяти судей, коих ответственность, по сему самому, рассеивается между несколькими лицами, судей, кои приобретают, конечно, непрерывностью занятий некоторую опытность, но вместе и некоторое равнодушие, судей, кои, не имея пред глазами ясного и полного кодекса, будут необходимо прибегать к собственному усмотрению дела, судей, наконец,

кои, по скромному положению их, не могут представлять и никогда не будут представлять достаточных условий ни независимости, ни образования, — или в суде, состоящем, конечно, не из записных правоведов, но из людей, отличнейших в каждой местности, избранных своими согражданами, утвержденных тяжущимся и подсудимым, из людей, призываемых на короткое время к исполнению их должности и возвращающихся немедленно в среду общества, из коего они вышли?

Все вероятности клонятся к тому, что в сем последнем случае законодатель упрочит для правосудия наибольшее количество беспристрастия и здравого смысла. Остается наука, опытность. Скажут, что судьи, посвящая себя исключительно суждению дел, по тому самому могут судить и решать лучше, нежели люди, призываемые каждый раз для решения одного или нескольких дел. На сие мы, указывая на опыт, заметим, что в России весьма часто и везде встречаются люди, кои, по крайней мере, столько же, как записные судьи, знают и законы, и судопроизводство. Сверх того мы укажем на существующее. Мы упомянули выше о семенах здравого судопроизводства, таящихся в русском законодательстве. Здесь мы находим одно из сих семян. Во всех судах законы наши допускают заседателей, избираемых для участия в суждении и решении дел. С некоторого времени, сколько нам известно, даже и председатели назначаются не правительством, а выборами.

Впрочем, то, что может недоставать сим временным судьям в знании законов, может быть дополнено *наставлением* судьи, коего обязанностью будет представить пред глаза присяжных все относящиеся до рассматриваемого дела законы, и по требованию их изъяснять оные.

Итак, сокращая изложенное выше, скажем, что, принимая в соображение недостаток полного систематического уложения (кодекса), равно как и недостаток в людях, коими можно было бы надежно наполнить все многочисленные судебские места в различных судах, когда не участвуют в них присяжные;

находя, что русское законодательство допускает уже временных и выборных судей в виде заседателей и даже председателей;

убеждаясь, что временные и выборные судьи представляют несравненно более условий беспристрастия и силы здравого смысла, нежели многочисленные судьи, представляющие в свою пользу одну

только вероятность бóльшей опытности, неразлучной с бóльшим равнодушием и невниманием;

полагая, что недостаток законных сведений в присяжных может быть дополнен знанием и *наставлением* судьи, равно как и надзором прокурора;

принимая в соображение, что с участием присяжных число судей будет весьма ограничено, ибо в каждом суде будет только один судья, и что посему выбор судей надежных делается гораздо легче, — мы утвердительно заключаем, что в России несравненно лучше основывать судопроизводство на совести, нежели на науке, на присяжных, нежели на судьях.

Разбирая установление суда присяжных само по себе, в отвлеченности от всякого приложения, а priori, оно, конечно, порождает некоторые сомнения, не соответствующие всем требованиям строгой последовательности. Поручать дела, часто весьма сложные, запутанные, требующие для удовлетворительного разрешения и особенных сведений, и некоторой опытности, поручать их людям, не имеющим ни сей опытности, ни, может быть, сих сведений, конечно, не есть верх мудрости человеческой. Ученый и опытный судья, коего независимость обеспечивается или его высоким званием или выбором, по-видимому, обещает более вероятностей правосудия разумного и твердого, особенно полезного для общества. При всем том мы видим, однако же, что народы самые образованные, дорожа им, твердо и постоянно сохраняют установление суда присяжных, заимствованное от народов варварских. И хорошо делают: несмотря на все несовершенства, это установление есть ещё самое лучшее в своем роде для всех народов. Мы не знаем, какая будущность ожидает образованность европейскую; но в теперешнем состоянии сей образованности, тщетно было бы искать заменить суд присяжных каким-либо иным учреждением, — так везде его находят удовлетворительным. Конечно, суд присяжных имел своих порицателей, особенно между немецкими учеными. Но утонченные разглагольствования некоторых педантов не могут иметь веса против убеждения всех народов вообще.

По делам гражданским ясное законодательство, хорошее устройство судов и судопроизводства, как, например, во Франции, удовлетворяя всем справедливым требованиям правосудия, может, конечно, сделать суд присяжных излишним, ненужным, бесполезным.

Но в делах уголовных суд присяжных равно полезен как там, где существует и полное, ясное уложение (кодекс), хорошо устроенные суды и судопроизводство, так и там, где законодательство представляет хаотическую массу законов, с судами, кой-как устроенными, и с плохим судопроизводством. Везде народы в суде присяжных видят не только обеспечение здравого правосудия, но также и, может быть, особенно, обеспечение личной безопасности и прав гражданских, — выгода, которая, скажем мимоходом, всегда как-то ускользает от внимания узкой науки германских противников суда присяжных.

И подлинно. Нельзя надивиться этой всемирной, так сказать, прилагательности суда присяжных. Наследованное от времен чисто варварских, это учреждение было тщательно сохранено теми землями, где развитие образованности человеческой совершалось с наибольшим успехом; до того, что, наконец, это *варварское* установление сделалось как бы вернейшим признаком образованности. Но, слившись, так сказать, с образованностью новейших народов, это здоровое и полное смысла учреждение нимало не утратило присущей ему благотворности: оно продолжает быть удобо-прилагаемым, как для народов отсталых, так и для народов, стоящих на высшей степени образованности европейской. Можно даже сказать, что вследствие его происхождения оно обещает ещё более пользы первым из сих народов, нежели последним. Во всяком случае, постановление, которое, возникнув в младенчестве общества, продолжает иметь свое благотворное действие во времена высшей образованности общественной, не может не быть полезным для тех земель, кои, как, например, Россия, находятся на средине поприща, ведущего от одной крайности до другой.

Принимая в соображение, с одной стороны, это неоценимое качество, этот отличительный характер суда присяжных, с другой, общественное состояние русского народа, невольно приходишь к заключению, что одно естественно и логически, само собою прилагается и *приходит* к другому; к заключению, что если бы не существовало суда присяжных, то надлежало бы его создать для России. Это было бы, впрочем, даровать ей то, что уже она некогда имела.

Прежде нежели идти далее в нашем изложении, скажем несколько слов о выборе присяжных.

О ВЫБОРЕ ПРИСЯЖНЫХ

В государственном управлении, как по судебной, так и по исполнительной части, нередко встречается необходимость иметь в каждой местности готовые списки людей почетных и надежных. Иногда списки требуются для составления списка присяжных; иногда назначаются по оним, для разрешения или приведения в исполнение некоторых финансовых мер, лица, наиболее обложенные податями и налогами (*les plus imposés* во Франции). В одной из искусственных конституций Сиэса⁶²⁸ эти списки играют весьма важную роль, служа, так сказать, основанием представительной системы, придуманной сим славным публицистом. Г-н Сперанский в проектах государственного образования⁶²⁹, составленных им по поручению и под глазами императора Александра I-го, принял мысль Сиэса. По его плану сии списки составлялись первоначально в сельском обществе, дополнялись в уезде, потом в губернии и образовывались окончательно в центре государственного управления.

Мы ограничиваемся здесь списком людей почетных или, лучше сказать, людей благонадежных, которые должны быть призываемы для исполнения должности присяжных.

Способы составления сего списка могут быть различные. Мы представляем один из самых простых.

Число присяжных будет сообразоваться с народонаселением.

В столицах число присяжных будет 1000. В губерниях от 400 до 200, смотря по пространству и народонаселению.

Составление сего списка будет возложено на исполнительное начальство в губернии. Здесь можно поручить исключительно сему начальству составление списка, под надзором прокурора, или поставить ему в обязанность требовать от уездов предварительных списков *надежных людей* в каждой местности. Но в сем случае списки уездные могут только служить руководством для губернатора, не стесняя его в окончательном составлении списка. Впрочем, очевидно, что губернатор обязан, по возможности, вносить в сей список надежнейших людей всех местностей*.

* Во Франции известное число присяжных для каждого департамента (губернии) распределяется советом префектуры между различными уездами (*cantons*) сообразно народонаселению. В каждом кантоне комиссия, составленная из мэров сельских обществ (*communes*), под председательством судьи мира,

Сей список возобновляется каждый год или каждые два года.

При открытии судебного заседания суд, по жребию, избирает из сего списка 36 лиц и вызывает избранных.

Список 36-ти назначенных по жребию присяжных должен быть сообщен подсудимому за 10 дней до открытия судебного заседания.

Может встретиться, что некоторые из сих 36-ти лиц будут уволены судом от исполнения должности присяжного. На сей случай следует постановить, что число присяжных не может никогда быть уменьшено более как до 30 человек.

Во Франции, сверх 36 лиц, избираемых для присутствия в суде, назначается вместе с сим 4 человека, для замены тех из присяжных, кои во время присутствия будут поставлены в невозможность продолжать исполнение их должности, по болезни или иначе. Сии *дополнительные* или подставные присяжные берутся из жителей того города, в коем находится суд, и назначаются судом из особого списка исключительно для присяжных, *дополнительных* предназначаемо-

составляет список присяжных, содержащий число имен, втрое более определенного для кантона. По сим, так сказать, предварительным спискам, комиссия, составляемая в супрефектуре или округе (*arrondissement*), под председательством супрефекта, избирает число присяжных, определенное для сего округа (*arrondissement*). Сия комиссия может увеличить или уменьшить, но не менее, как одною четвертью, предназначенное число для каждого кантона. Влияние прокурора на составление списка присяжных ограничивается советами отстранять таких людей, кои, не представляя законной причины к отстранению, не пользуются общим уважением.

Присяжные, имеющие жительство за 2 версты (*kilomètres*) от города, где бывает заседание, могут требовать вознаграждения: $2\frac{1}{2}$ франка за каждые 10 верст.

Французский закон, определяя в подробности, кто не может быть внесен в список присяжных, отстраняет, между прочим, безграмотных.

В Англии списки присяжных составляются в каждом приходе старостами церковными (*church-wardens*) и надзирателями над богоугодными или благотворительными заведениями, на основании податных списков, в коих означено, сколько каждый платит налогов. Сии приходские списки рассматриваются и дополняются комиссиею, составленною из судей мира (*justices of the peace*) того округа. Секретарь суда мира, заседающего каждые три месяца, составляет список для всего графства (губернии) и передает его шерифу, который назначает присяжных для каждого заседания. Шериф есть главный чиновник исполнительной власти в графстве. Он избирается ежегодно. Шериф может вызвать до 144 присяжных, из коих одни назначаются для первого периода заседания, другие для второго. — *Примеч. Н. И. Тургенева.*

го*. Таковое назначение 4-х присяжных сверх 36-ти неоспоримо требуется обстоятельствами.

Так как в России существует великое различие в правах и преимуществах состояний, то неминуемо представляется вопрос: следует ли допустить к исполнению должности присяжных людей без всякого различия их состояния или постановить, что дела, до дворян касающиеся, должны быть судимы исключительно присяжными из дворян; дела, до купцов касающиеся, присяжными из дворян и купцов; дела, до мещан и крестьян касающиеся, присяжными из всех состояний без различия. Предоставить суждение дел только тому классу, к которому принадлежит тяжущийся или подсудимый, так что крестьяне были бы судимы одними крестьянами, невозможно по очевидным причинам. Сей вопрос имеет только поверхностную, наружную важность. В сущности, он незначителен. Кроме того, что предписываемый образ составления списка присяжных заключает в себе достаточное ручательство хорошего выбора, тяжущийся и подсудимый будут иметь право отстранять известное число присяжных. Таким образом, нет, кажется, нужды особенно заботиться о сем предмете.

Другой вопрос, более важный, состоит в том: следует ли допускать к исполнению должности присяжных только людей, знающих грамоте, или и тех, кои ни читать, ни писать не умеют. Сколь ни желательно было бы отстранить от суда присяжных людей вовсе безграмотных, мы должны, однако ж, помнить, что чрез то были бы отстранены многие члены крестьянского состояния, в котором мы ежедневно встречаем примеры большого здравого смысла, сметливости, честности, сопровождаемые совершенным незнанием грамоте.

Наконец, мы полагаем, что обязанность отправлять должность присяжного должна распространяться на всех подданных вообще, с некоторыми исключениями. Таким образом, должны быть изъяты из сего правила лица духовного звания, равно как и находящиеся в военной службе. Что касается до чиновников по различным частям службы гражданской, то, за исключением чиновников исполнитель-

* Число сих присяжных — 200 в Париже и 50 в департаментах. Предварительный список дополнительных присяжных составляется мэрами и судьями мира. Из сего списка окружная комиссия избирает 50 присяжных. Из сих 50-ти председатель заседаний (assises) назначает по жребию четырех дополнительных присяжных для каждого заседания. — *Примеч. Н. И. Тургенева.*

ной власти, от коих особенно требуется строгое исполнение, а не истолкование и соображение, мы не видим причины отстранить, например, чиновников по части финансовой и особенно чиновников по учебной части. Впрочем, если особенные занятия тех или других могут им препятствовать приступить к исполнению должности присяжного, то судья, уважив их представления, может освободить их от сей обязанности.

Никто не может быть призван к исполнению должности присяжного более одного раза в три года.

ОБ УГОЛОВНОМ СЛЕДСТВИИ

То, что мы сказали доселе о суде присяжных, относится без различия как к уголовному, так и к гражданскому судопроизводству. Теперь, входя в дальнейшее изложение нашей мысли, мы должны отделить одно производство от другого. Мы начнем с судопроизводства уголовного.

Всякому уголовному суду необходимо предшествует уголовное следствие. Желая представить наше предложение в возможной полноте, мы должны здесь говорить о следствии.

По всему, что нам известно, производство уголовных следствий в России представляется ныне в более правильном виде, нежели как это было прежде. В столицах мы находим следственных приставов, кои действуют совокупно с частными приставами, руководствуясь, как мне сказал один из сих чиновников, XV-м томом свода законов.

Но какой просвещенный человек скажет, что теперешнее устройство по сей части удовлетворительно? Кто, положив руку на сердце, по чести и по совести возьмет на себя утверждать, что в уголовных следствиях пытка не существует, пытка, которой самое имя император Александр I желал видеть истребленным из языка русского?

Для нас, по крайней мере, нет никакого сомнения в том, что устройство уголовных следствий должно быть изменено совершенно, с самого начала до конца. И подлинно! Следствие есть самая существенная часть уголовного процесса. Оно служит, и одно оно может служить истинным, правильным основанием процесса. Оно даёт первое и решительное направление ходу дела. Все усилия законодателя должны быть устремлены к тому, чтобы следствие происходило, во-первых, правильно, а потом справедливо, честно, нравственно.

Всякая возможная ограда должны быть дана обвиняемому. Достичь истины есть, конечно, первая цель следствия. Но самая истина теряет свой священный характер, если она была достигнута средствами непозволительными, безнравственными.

Сущность реформы теперешнего порядка вещей в сем отношении состоит в двух следующих условиях:

1) Характер полицейский, столь очевидно усвоенный теперь уголовным следствием, должен быть совершенно отстранен. Следствия должны иметь характер судебный.

Это не пустая фраза. Мне случалось слышать, что при следствиях какой-нибудь мелкий чиновник уголовного ведомства останавливал иногда, в их скорых и вне-законных поступках, полицейских следователей. Идея законности весьма естественно свойственна более чиновнику судебной, нежели чиновнику полицейской части.

2) Следствия должны основываться, по возможности, исключительно на показаниях свидетелей. Следователь должен избегать обращаться допрос к обвиняемому. Во всяком случае, надлежит постановить правилом, что если обвиняемый решительно не хочет отвечать, то следователь не может принуждать его к сему каким бы то ни было образом.

При сем мы заметим, что у нас при следствии встречается весьма хорошее постановление, принимающее об обвиняемом свидетельство людей, кои его знают, его соседей: это повальный обыск, постановление, как будто намекающее, что истины надлежит искать не от обвиняемого, а от свидетелей*.

Между тем, до какой крайности довело законодателя это безотчетное, так сказать, болезненное стремление достичь признания как бы то ни было! Эта крайность в уголовном следствии состоит в так называемом *церковном или духовном увещании*. По нашему мнению, цер-

* По первобытному норманскому закону, как видно из истории, в случае преступления призывались 12 или 24 члена общины для представления свидетельства по делу или даже для обвинения. Эти люди назывались *recognitores*. По их свидетельству или обвинению судьи решали. Отсюда произошло большое или обвинительное жюри. Мало-помалу из сего же источника образовалось малое жюри. Сколько я помню, целовальники в судебнике весьма похожи на сих *recognitores* [присяжных (англ.)]. Говоря о повальном обыске, мы невольно вспоминаем о *попьяных*, также похожих на сих *recognitores*, кои, впрочем, быв уже известны норманнам в их собственной земле, призывались и для свидетельства в спорах о владении землею, как представители общины. — *Примеч. Н. И. Тургенева.*

ковное увещание есть настоящее богохульство: обращаться к самым священным и непроницаемым чувствам души человеческой и, если сии чувства не совсем ещё умерли в душе обвиняемого, то пользоваться сим для того, чтобы привести его, так сказать, к самоубийству, тогда как закоренелый в пороке остается неубежденным, — и все это делать во имя Бога всесправедливого и всемилосердного!

Для отстранения от следствий характера полицейского надлежит верить производство следствий, вместо следственных приставов и исправников, следственным судьям.

Мы изъяснили в особой записке мысль об устройстве полицейских судов в столицах. Так как многие дела, долженствующие подлежать ведомству сих судов, могут и должны кончаться отдачею обвиняемых под суд, то мы предполагали, что сим же полицейским судам можно верить и производство следствий. Мы не видим причины, почему то же учреждение не может быть распространено на губернии и на уезды.

Невозможность с точностью определить наперед, а priori, всех сих подробностей порядка судебного, ощутительна. Если бы по дальнейшему усмотрению или даже по опыту оказалось, что полицейские суды не могут в одно и то же время заниматься и суждением дел, к их ведению принадлежащих, и производством уголовных следствий, в таком случае, кроме судей полицейских, надлежит учредить судей следственных, и сих последних подчинить первым или прокурору.

Но откуда лучшее усмотрение или опыт не покажет неудобства того, что мы предлагаем, мы будем продолжать думать, что суды полицейские, как в столицах, так в губерниях и уездах, могут заниматься и суждением дел полицейских, и производством уголовных следствий.

Полицейский или следственный судья может приступить к произведению следствия по собственному усмотрению, по приносимой жалобе, по донесению полиции и, наконец, по предписанию прокурора*.

* В Англии, в случае скоропостижной или насильственной смерти, следствие начинается особым образом. Чиновник, под названием коронера (coroner) имеет обязанностью собрать присяжных, осмотреть мертвое тело вместе с ними; он призывает и допрашивает свидетелей, кои могут служить к открытию истины; изъясняет дело присяжным, кои решат, какою смертью умер покойный, можно ли кого подозревать в причинении смерти. Одним словом, цель сего исследова-

Взятие под стражу и задержание под арестом обвиняемого должно зависеть вообще от прокурора. Следственный судья может предписать только временное задержание, сообщив немедленно о сем прокурору, который, смотря по обстоятельствам, предписывает или освобождение, или окончательное задержание под стражею.

Надлежит постановить общим правилом, что задержанный под стражею должен непременно быть допрошен в течение 24 часов после задержания. В сем допросе обвиняемый может, по своему усмотрению, или дать объяснение, или объявить, что, не желая отвечать, он предпочитает начатие следствия.

При начатии следствия следственный судья призывает пред суд свидетелей, в числе коих мы разумеем и принесших жалобу, и агентов полиции, сделавших донесение.

Вопросы, обращаемые судьей как к обвиняемому, так и к свидетелям, должны быть ясны и просты. Сии вопросы, равно как и делаемые на них ответы, должны быть сколь возможно точно записываемы секретарем суда.

Прокурор или помощник прокурора, который заменит чиновника, известного теперь под непозволительным названием стряпчего, должен наблюдать за следствием или как обвинитель, если обвинение возникло от прокурора, или как блюститель закона, если дело возникло по частной жалобе.

Даже и по окончании следствия прокурор должен иметь право освободить обвиняемого. Но от кого должно зависеть предание его суду?

ния есть определить: от чего последовала смерть и есть ли кого подозревать в причинении оной?

Обычай постановил, что если коронер и его присяжные признают кого-либо виновным, тогда обвиняемый прямо предается малому суду присяжных, не переходя через большое жюри.

Сие учреждение известно в Англии с весьма старых времен и мало соответствует теперешнему порядку вещей, но сохраняется, как многое обветшалое в Англии сохраняется. В старину должность коронера имела гораздо более значительности.

Исследование коронера происходит, по возможности, в самом месте, где открылось преступление.

Иногда и присяжные по предложению судьи отправляются на место преступления для обозрения местности. Обыкновенно они довольствуются представляемыми им планами и описаниями. — *Примеч. Н. И. Тургенева.*

Здесь мы находим себя в некотором затруднении. В Англии эта власть принадлежит большому жюри (присяжным обвинительным — jury d'accusation)*. Во Франции — трибуналу, известному под названием камеры отдачи под суд (chambre des mises en accusation).

В России прибегнуть к учреждению большого жюри или присяжных обвинительных значило бы желать достигнуть вдруг, одним разом, до самых окончательных усовершенствований уголовного судопроизводства, желание тщетное и несоответствующее нашему намерению искать в предлагаемых реформах не совершенного, а только лучшего и удобоисполнительного. Последовать примеру Франции и учредить особое присутствие для окончательного решения дел о предании суду было бы отстраниться от простоты, несложности хода дел судебных, простоты, коей можно и даже, смотря по важности перемены, нами предлагаемой, должно жертвовать некоторыми, хотя, впрочем, значительными, выгодами. Принимая все сие в соображение, мы находим, что лучше будет верить власть как освобождения, так и предания суду обвиняемого исключительно прокурору.

* Обвинительные присяжные или большое жюри собирается при открытии судебного заседания. Оно должно состоять, по крайней мере, из 23 присяжных. Шериф их созывает по составленному им списку.

Передавая присяжным список дел, кои должны быть решены ими, судья изъясняет, что они не должны нимало решить о вине, но только о том, следует ли предать обвиняемого малому суду присяжных. Большое жюри слушает свидетелей только в пользу или со стороны обвинения. Обвиняемый не предстает пред суд большого жюри. Заседание сих присяжных не гласное. Решение имеет силу, когда 12 присяжных согласны. Оно объявляется в суде. Обыкновенно дела решаются весьма скоро. Заметим, что в Англии многое в сем учреждении не одобряется мнением просвещенных правоведов.

Обвинительный акт составляется обыкновенно секретарем большого суда присяжных, на основании документов, препровожденных к нему от судьи, рассматривавшего дело прежде. Иногда акт обвинительный составляется адвокатом, преследующим обвиняемого.

Таким образом, большое жюри судит о деле по сему обвинительному акту, что весьма справедливо, ибо люди, долженствующие решить предание суду, должны знать, в чем именно состоит обвинение. Во Франции, напротив того, обвинительный акт составляется после решения обвинительной камеры (chambre des mises en accusation); от чего происходит, что в сем акте прокурор даёт иногда обвинениям совсем другой вид, нежели тот, который приписывала ему обвинительная камера. Вообще обвинительные акты во Франции мало соответствуют достоинству и чистоте правосудия.

В Шотландии нет большого суда присяжных, кроме как по делам измены. — *Примеч. Н. И. Тургенева.*

Такая обширная власть, присвояемая прокурору, требует, чтобы обвиняемый имел возможную ограду против употребления оной во зло. Посему мы полагаем, что надлежит позволить ему иметь во время следствия избранного им самим советника или защитника, который должен иметь право, чрез судью, обращать вопросы к свидетелям.

Самое существо всякого следствия показывает, что оно может быть только словесное. На бумаге излагаются приказания судьи и прокурора, вопросы судьи и ответы обвиняемого и свидетелей. Замечания прокурора равномерно должны по его требованию быть вносимы в протокол.

Гласность, необходимое свойство всякого здорового судопроизводства, должна быть распространена и на следствия. Она будет лучшею оградой для обвиняемого, сильнейшим свидетельством честности и беспристрастия судьи и, наконец, вернейшим залогом законности для общества.

Конечно, встречаются случаи, когда тайна может способствовать успеху следствия, когда обвиняемые или их ближние могут воспользоваться гласностью для большего закрытия истины. Тогда отстранение гласности может быть полезно; но оно должно быть токмо исключением, и исключением весьма редким. Таким образом, можно предоставить судье право: отстранить гласность в производстве следствия, но не иначе как по требованию прокурора и с изложением письменно причин, побудивших его к сей мере. Высшее начальство должно особенно и строго наблюдать, чтобы судьи не употребляли такой власти во зло. Можно даже постановить, что следственный судья не может приступить к принятию сей меры иначе, как с разрешения губернского уголовного судьи*.

«Повальный обыск», как установление весьма здоровое и хорошее, может быть сохранен в новом устройстве следствий уголовных.

Окончив следствие, следственный судья составляет протокол о всем происшедшем. В сем протоколе, означив предмет обвинения, он помещает вопросы, обращенные им к подсудимому и к свидетелям, и ответы их, сии последние, сколь возможно, в собственных словах

* В Англии показания свидетелей при следствии, как и все производство, происходит гласно. Но судья может иногда отстранить публику. Сие обыкновенно бывает, когда показание свидетеля особенно важно, и когда свидетель сам желает представить его судье наедине. — *Примеч. Н. И. Тургенева.*

отвечавших. Следственный судья не дает собственного своего заключения по делу, ограничиваясь токмо подробным рассказом всего, что произошло во время следствия.

Помощник прокурора, со своей стороны, доносит о следствии своему начальству.

Протокол о следствии препровождается в губернский уголовный суд.

Означив в главных чертах сущность и свойства здорового производства уголовных следствий, мы заключим изложение наше о сем предмете, напомнив, что от дальнейшего усмотрения или от опыта будет зависеть, как мы сказали выше, определить: следует ли вновь учреждаемым полицейским судам поручить и производство следствий, или учредить судей следственных. Покуда мы здесь соединяем и полицейское и следственное производство в одних руках полицейского судьи.

Мы полагаем, что в каждом уезде должен существовать один полицейский суд, за исключением столиц и больших городов, где необходимо иметь несколько.

В каждом полицейском суде будет один судья. Несколько чиновников, в качестве секретарей и протоколистов, будет в его распоряжении. В случае необходимости судья может иметь помощника, особенно по делам следственным.

Пока существуют чины, полицейский следственный судья должен пользоваться преимуществами 6-го класса*. Жалованье его должно быть совершенно достаточное.

* Говоря о судьях, как полицейских, так и уголовных, мы упоминаем о классе, в коем, по нашему усмотрению, они должны состоять. Это приводит нас к следующему размышлению.

По существующему в России чиноположению, на табели о рангах основанному, всякого рода места и должности могут быть занимаемы не иначе, как лицами, имеющими соответственный чин. Таким образом, те, кои служили недолго и живут в отставке с чином низших классов, необходимо отстраняются от должностей, требующих чинов высших. Такой порядок вещей совершенно несообразен с системою выборов дворянских, и потому было постановлено, что по сим выборам лица, имеющие какой бы то ни было низший чин, могут быть избираемы на высшие места, как-то на места предводителей, председателей, и притом с тем, что во время исполнения их должностей по выбору, лица сии пользуются преимуществами высших классов. Но правительство, даровав дворянству право избирать достойных, по его мнению, людей для исполнения важных должностей, несмотря на их недостаточный чин, не рассудило за благо

При каждом уездном полицейском суде должен быть определен прокурор, под названием помощника прокурора. Он будет подчинен прокурору губернскому.

ОБ УГОЛОВНЫХ СУДАХ

По окончании следствия дело переходит в уголовный суд или в уголовную палату.

Вот главные основания, на коих мы предполагаем устроить сии суды.

1) Уголовный суд должен состоять из одного судьи.

По мнению опытейших юрисконсультов, особливо в Англии, единственный судья представляет более вероятностей здравого правосудия, нежели несколько. Ответственность, сосредоточиваясь в лице одного судьи, заставит его рассматривать и судить дела с бóльшим вниманием, нежели когда сия ответственность разделяется между несколькими судьями. «Другие подписали — подписал и я!» Вот обыкновенное извинение ленивых и бездушных судей!

Мы не войдем здесь в дальнейшее исследование сего вопроса, о котором мы говорили в других местах. Мы только позволим себе рассказать здесь слышанное нами в Англии об одном из почтеннейших судей (Bailey⁶³⁰), которого я часто видал на судейском месте и кото-

присвоить и самому себе того же права. Между тем, правительство находится, в сем отношении, в тех же обстоятельствах, как и дворянство. Оно, равно как и дворянство, может найти полезным дать значительное или высокое в служебной иерархии место человеку, не имеющему соответствующего сему месту чина, но отличающемуся своими сведениями и способностями. Не странно ли видеть, что такой отличный человек может быть избран дворянством в должность председателя или председателя, но не может быть определен самим правительством к должности губернатора или директора какой-либо отрасли управления? Известно, что в России есть множество людей почтенных и способных, живущих в отставке, кои именно потому, что жили в отставке, приобрели или учением, или опытом различные сведения, коих иногда не имели времени приобрести лица, продолжительно служившие. По нашему мнению, весьма было бы и полезно и справедливо, если бы правительство решилось усвоить себе то же право, какое оно предоставило дворянству, и определять людей достойных ко всем местам, несмотря на их чин, предоставляя им соответственные занимаемой должности классные преимущества в продолжение их служения. Такая мера весьма облегчила бы для правительства выбор хороших судей при новом устройстве судебного. — *Примеч. Н. И. Тургенева.*

рый всегда внушал мне глубокое уважение. В уголовных процессах, когда он находил себя в необходимости произнести смертный приговор, он приступал к сему не иначе как проведя ночь в размышлении и, может быть, в молитве, желая после всего, что он видел и слышал, дать самому себе, пред Богом и пред совестью, строгий отчет в том, что он должен будет произнести на другой день. Так поступает честный судья, когда ответственность приговора лежит исключительно на нём одном.

2) Заседания суда должны быть не непрерывные, как это теперь существует в России, но периодические. В каждой трети года суд должен быть открыт для заседания в продолжение одного месяца.

Обращаясь к «Учреждению о губерниях» мы находим, что оно содержит в себе принципов периодичности, временности судебных заседаний⁶³¹. Вот ещё благое семя, брошенное в наш судебный быт великой императрицею.

Так как присутствие в суде и даже одно только пребывание в городе, где суд находится, может быть обременительно для присяжных, если заседание суда продолжится целый месяц; то для избежания сего, можно разделить месячное заседание на 2 периода, так что каждый присяжный будет присутствовать в продолжение только двух недель.

Если суд предвидит, что все дела, суду подлежащие, могут быть окончены в течение двух недель, то он ограничивается вызовом 36-ти присяжных. Если же дел представляется более, то суд может вызвать двойной комплект присяжных: одних к 1-му числу месяца, других — к 15-му.

Трёхмесячных заседаний в году, конечно, будет достаточно во всех губернских городах; но в столицах число судебных заседаний должно быть увеличено. Там, ограничив в самом начале судебные заседания двумя неделями, можно устроить периодические судебные заседания так, чтобы каждые два месяца или даже каждый месяц открывать новое заседание. Тогда число судей, прокуроров и чиновников в судах должно необходимо быть в столицах увеличено по соразмерности.

3) Кроме судьи необходимо иметь в каждом суде несколько секретарей, или протоколистов, или аудиторов для производства дел.

Мы укажем здесь на важность, которую могут приобрести сии должности секретарей и пр. Молодой человек, учившийся или в университете, или в школе правоведения, не может иметь на своем по-

прище лучшего случая усовершенствоваться в практическом законоведении. Правительство, усвоив сим лицам все возможные выгоды, как в отношении жалованья, так и в отношении общей почетности, составит, так сказать, рассадник молодых, опытных правоведов, между коими оно всегда найдет людей достойных для исполнения важной должности судьи.

4) При каждом уголовном суде находится прокурор, наблюдающий за правильным и законным течением дел.

Прокурор сверх сего преследует пред судом те проступки и преступления, по коим дела возникли или по донесению полиции, или по требованию самого прокурора.

Когда дело по окончании следствия поступает в уголовный суд, оно вносится протоколистом в реестр входящих дел. Судья с помощью своих секретарей рассматривает дело и составляет по оному записку, сколь возможно ясную и краткую, и приводит в подробности все законы, к сему делу относящиеся. Эта записка должна быть сообщена подсудимому, по крайней мере, за 10 дней до открытия заседания, дабы он мог в точности знать, в чем его обвиняют, и приготовить свою защиту и вызвать, если имеет, свидетелей в свою пользу. Разумеется, что в сих записках судья ограничивается верным изложением дела, не делая, со своей стороны, никакого заключения. В сих занятиях, сверх некоторых других весьма необременительных, суд проводит три первые месяца каждой трети года. Четвертый месяц назначается для заседания и решения дел.

Сия записка, судьей составленная, должна, по нашему предположению, служить обвинительным актом. Мы, конечно, предоставляем прокурору право преследовать обвиняемых пред судом; но мы не только не видим необходимости, но видим вред возложить на прокурора составление особенного обвинительного акта; он должен ограничивать свое преследование тем, что было обнаружено по следствию и что означено в записке судейской. Может быть, по дальнейшем соображении, будет найдено полезным подвергнуть и сии записки надзору, контролю прокурора, или, по крайней мере, предоставить прокурору право сообщать суду собственные его замечания, — замечания, о коих судья обязан будет упомянуть в записке, если он с прокурором не согласен.

Мы видели, что к каждому месячному заседанию суда является 36 присяжных.

При открытии заседания судья берет имена сих 36 присяжных и кладет их в урну. Это происходит в присутствии прокурора и в присутствии подсудимого. При каждом имени, вынимаемом из урны, судья спрашивает прокурора и подсудимого, принимают ли они назначенного жребием присяжного. Как прокурор, так и подсудимый могут каждый со своей стороны отвергать присяжных, имена коих вынимаются из урны, до тех пор, пока останется 12 присяжных. Тогда судья объявляет, что сии 12 человек должны судить предстоящее дело, и приводит их к присяге, по коей присягающие обещают судить без лицепрятия и по совести, призывая Бога всеведущего в свидетели искренности их обещания. Для каждого дела возобновляется тем же порядком назначение 12 присяжных.

Самое производство дела начинается прочтением записки, судом составленной*. Потом судья приступает к допросу подсудимого и свидетелей.

Так как, по нашему предположению, решение присяжных должно основываться особенно на убеждении, почерпаемом ими из показаний свидетелей, то посему надлежит, чтобы допрос самого подсудимого был весьма прост и краток. Судья не должен делать ему обманчивых вопросов, дабы чрез то ввести его в противоречие и потом воспользоваться сим противоречием для обвинения. Надлежит даже постановить судье в обязанность не настоять на ответах, когда подсудимый предпочитает не отвечать. Что касается до свидетелей, то судья может их допрашивать и передопрашивать по своему усмотре-

* В Англии и Америке производство дела в суде начинается тем, что адвокат обвиняющий изъясняет обвинение. В Шотландии приступают прямо к допросу свидетелей обвиняющей стороны, по той причине, что каждый из присяжных получает копию с обвинительного акта и потому вступительная речь обвинителя почитается излишней.

Скажем здесь несколько слов о существующем в Англии обычае спрашивать подсудимого в самом начале, виноват ли он или желает быть судим по закону. <Прежде спрашивали просто, виноват или не виноват. Но это форма, признанная несообразной с требованиями строгого беспристрастия, была недавно переменена, и теперь спрашивают, как означено выше. — *Примеч. Н. И. Тургенева.*> Если подсудимый объявит, что он виноват, то никакого производства не следует, и судья прилагает закон к сознанной вине. Вспоминая, что в одном из узаконений Петра I-го именно требуется, чтобы признание было *доказательно*, мы полагаем, что в случае признания судья должен сообразить, согласно ли оно с существом дела. — *Примеч. Н. И. Тургенева.*

нию. То же самое право предоставляется в отношении к свидетелям и подсудимому или его защитнику*.

По окончании допроса прокурор изъясняет свое мнение по делу и дает заключение о вине, приписываемой подсудимому.

* В Англии судья сам не допрашивает ни подсудимого, ни свидетелей. Закон английский имеет в виду сохранить всевозможное равновесие между обвинителем и обвиняемым. Когда судья сам допрашивает подсудимого, то он невольно может быть увлечен на сторону обвинения, и тогда он перестает быть беспристрастным судьей. Конечно, и в Англии судьи имеют право обращать вопросы и к подсудимому, и к свидетелям; но они делают это тогда только, когда подсудимые не имеют адвокатов, и вообще в пользу обвиняемых; или когда ответы неясны, неопределительны и необходимо требуют изъяснения или истолкования со стороны судьи. Так как в Англии судья записывает для себя показания свидетелей и основывается на оных в своем наставлении, то и для сего лучше, если сам судья не допрашивает, а только слушает показания.

В Англии существует судебная поговорка или поверие, что судья есть настоящий защитник подсудимого. Сия поговорка, вследствие нового закона, допускающего во всех случаях защитников, конечно, не имеет той значительности, какую она имела прежде. Скажем, однако же, что как ни странна такая поговорка может показаться вне Англии, мы, по всему, что мы видели в английских судах, можем засвидетельствовать, что она справедлива и соответствует тому, что бывает на самом деле.

При сем мы не можем не упомянуть о следующем обыкновении, существующем в английском судопроизводстве.

Как при следствии, так и пред судом, когда обвиняемый начинает делать объяснение и, различными сознаниями или самым признанием, обвинять самого себя, то судья напоминает ему, что все, что он говорит, будет впоследствии обращено в доказательство против него. Таким образом, судья предостерегает обвиняемого не вредить самому себе и чрез то как бы отвращает его от признания. Многие находят сие обыкновение несообразным с целью правосудия, которое ищет прежде всего истины и никогда не может отвергать собственного признания обвиняемого, если, впрочем, сие признание вероятно, правдоподобно, *доказательно*, как выражается один из уставов Петра I-го.

Наконец, мы считаем не излишним сказать здесь несколько слов о так называемом передопросе (cross-examination).

Право адвоката передопрашивать свидетеля противной стороны имеет особенную важность в английском судопроизводстве. Выслушав показания свидетеля противной стороны, адвокат обращает к нему различные вопросы, стараясь ими добиться до противоречия или ослабить значительность показания, или, наконец, поколебать, в совести присяжных, доверенность к свидетелю. Конечно, адвокаты употребляют иногда во зло сие право. Но вообще, как мы видали на опыте, передопрос свидетелей много способствует к обнаружению истины. К тому же, так как в Англии свидетели допрашиваются не судьей, а обвинителем или обвиняемым, то, допуская допрос одной стороны, естественно, представляется необходимость позволить допрос или передопрос и другой стороне.

После прокурора защитник или сам подсудимый излагает защиту или оправдание*.

После сего судья делает свое *наставление*** присяжным. В сем наставлении он изъясняет, прежде всего, в чем именно состоит преследуемое действие подсудимого, признает ли оно закон преступлением и каких доказательств требует закон для уличения подсудимого. Если судья находит, что закон рассматриваемого деяния подсудимого преступлением не признает, то он обязан объявить присяжным, что они не должны подсудимого признать виновным. Потом судья излагает, как возникло дело, каким образом было приступлено к следствию, как следствие было произведено, какие свидетели были допрашиваемы. Здесь он повторяет вкратце показания свидетелей при следствии, все, что происходило в суде пред их глазами, вопросы и ответы как подсудимого, так и свидетелей. После сего судья должен с большим тщанием истолковать присяжным, что, если они имеют хотя малейшее сомнение в виновности подсудимого, то они обязаны пред законом его немедленно оправдать. Наконец, судья должен изъяснить, сколько возможно, присяжным, какое наказание будет приложено по закону к вине, ими признанной, если они найдут подсудимого виновным.

Мы изъяснили в другом месте*** нелепость французского законодательства, предписывающего присяжным ограничиваться объявле-

Впрочем, право передопроса было необходимо тогда, когда закон по многим уголовным делам (felonies) не допускал формальной защиты. В сих обстоятельствах защита наиболее заключалась в сем передопросе.

Право передопроса в Англии неограниченно. В Америке можно передопрашивать только по обстоятельствам, прямо до дела касающимся. — *Примеч. Н. И. Тургенева.*

* В Англии последнее слово, последнее возражение принадлежит обвинителю. На его последнее изъяснение адвокат обвиняемого отвечать не может. Сего, конечно, одобрить нельзя. В Шотландии адвокат обвиняемого всегда говорит последний. То же во Франции и везде. Разумеется, что сам обвиняемый, и в Англии, может дать словесное объяснение даже по окончании всех речей и возражений. — *Примеч. Н. И. Тургенева.*

** Во французском судопроизводстве это называется просто: résumé, сокращенное изложение дела. Мы предпочитаем слово: *наставление*, которое в наших обстоятельствах более соответствует важности слов судьи, обращаемых к присяжным. Английское выражение: charge [напутствие судьи присяжным (англ.)] более похоже на наше. — *Примеч. Н. И. Тургенева.*

*** Поставляя в обязанность судье истолкование присяжным не только преступления, о коем они должны судить, но и закона, под который подходит сие

преступление, мы тем самым ставляем присяжных в возможность судить о роде и степени наказания, которое должно быть последствием их приговора. Таким образом, присяжные, по нашему предположению, имеют право и обязанность судить не только о вине, но, по возможности, и о наказании.

Понятия о праве присяжных судить не только о вине, но и о законе, были всегда весьма неясны, неполны, запутанны. Французское законодательство, резко и решительно отделив вину от закона (*le fait et le droit*) и предоставив присяжным судить только о вине... <В зале, где совещаются присяжные, прибитый к стене лист возвещает присяжным, что они не должны помышлять о последствиях, кои может иметь их приговор!! — *Примеч. Н. И. Тургенева*>... а судьям о законе, много способствовало сей запутанности. И теперь везде люди, рассуждающие о суде присяжных поверхностно, не входя в самую сущность сего установления, беспрестанно повторяют, что присяжные судят только о преступлении, т. е. было ли оно содеяно или нет.

Как и откуда возникло это мнение?

Самое происхождение, источник установления суда присяжных достаточно показывает, что сего разделения между виною и законом в начале существовать не могло. Оно возникло мало-помалу, вследствие несогласий, явившихся между судьями и присяжными, особливо в делах политических в прежние времена и в делах вольного книгопечатания в новейшие. В сих делах судьи, желая достигнуть обвинения и наказания подсудимых, старались ограничить право присяжных токмо суждением о содеянном поступке, о факте, т. е. признанием со стороны присяжных, что такой-то поступок был совершен, что такая-то книга была напечатана. Суждение же и решение о том: признанный поступок и напечатанная книга составляют ли действительно преступление, законом наказуемое, они предоставляли самим себе. Приписываемый подсудимому поступок, напечатанная им книга могли быть вовсе невинными; но присяжные не могли произнести приговора оправдательного, потому что судья предписывал им решить только то, был ли поступок содеян, была ли книга напечатана? Присяжные, естественно, отвечали, что поступок содеян, что книга напечатана. Тогда судья, основываясь на приговоре такой виновности, толкуя по-своему свойство вины, прилагал строжайшие наказания. История показывает, что присяжные часто боролись с судьями в таких случаях; но судьи в прежние времена имели более силы и влияния и употребляли оное во зло. Мало-помалу, с дальнейшим развитием общего английского законодательства, как судебного, так особенно и политического, вредная власть судей была ограничена, а власть присяжных увеличилась. Но вкоренившееся в умах понятие, что присяжные судят только о вине, а не о законе, продолжало ещё существовать и особенно высказывалось в преследованиях против проступков и преступлений по книгопечатанию в конце последнего столетия, когда политические обстоятельства Англии и всей Европы производили великое волнение в умах. Правительство преследовало многих политических писателей. Судьи, продолжая отделять вину от закона, требовали от присяжных ответа только на вопрос: книга напечатана ли? т. е. виновен ли автор в напечатании, и, получив ответ утвердительный, осуждали, на основании приговора присяжных, подсудимого к наказанию как преступника. Такие осуждения, в которых присяжные очевидно ничего не решали, кроме простого обстоятельства (факта), что книга напечатана, что не требовало никакого решения, ибо книга существовала, такие осуждения лучше всех доводов доказывали бессмысленность разделения вины от закона, и наконец, по предложению славного Фокса, был издан закон, коим было присяжным присвоено право по делам

кинопечатания судить и о вине, и о законе. Но самый сей закон, обеспечив в полной мере писателей, поистине, на самом деле ничего не постановил нового, так как присяжные, освобождаясь более и более от несправедливого влияния судей, приобрели уже неотъемлемое право судить и о вине, и вместе о законе, и судьи во всех делах неполитических не противились в сем присяжным.

Истина состоит в том, что если судьи и присяжные остаются, как сие теперь существует в Англии, каждый в пределах власти, ему принадлежащей, и обязанностей, на него возложенных, равно как и в пределах здравого смысла, истина в том, что присяжные не могут иначе судить как о вине и вместе о законе. Какой добросовестный человек согласится решить об участии своего ближнего, произнести над ним приговор, не зная, какое последствие будет иметь приговор сей? Собразно сей истине присяжные в Англии, имея в виду законное и добросовестное исполнение своего долга, не помышляя ни о каких теориях, всегда судят и о вине, и о законе. Впрочем, мы должны заметить, что давно уже многие английские правоведы провозглашали и доказывали право присяжных судить таким образом.

В некоторых штатах Северной Америки (Иллинойс, Коннектикут) закон определительно постановляет, что присяжные должны судить как о вине, так и о законе.

Во Франции, как мы видели, закон постановляет совершенно противное.

При всем глубоком уважении, коего заслуживают знаменитые законоведы, кои начертали новое французское законодательство, мы не можем не заметить, что если, побуждаемые чистою любовью к своей земле, к добру, к правосудию, они не преминули занять от Англии благое установление присяжных, то вместе с сим они, как видно, не постигнули вполне всей сущности суда присяжных. Это доказывается, между прочим, тем, что, приняв малый суд присяжных, они приняли и большой суд присяжных, который возможен только в Англии, при английском устройстве судов и управления. В Англии большой суд присяжных составляет часть следствия, а французы привыкли к совершенно иному образу следствий. Не менее того установление суда присяжных, несмотря на неискusstное приложение оного во Франции, было весьма благотворно для сего государства, что, заметим мимоходом, подтверждает изъявленное нами мнение о повсеместной удобоприлагаемости сего установления: здесь мы видим, что даже и недостаточное, искаженное приложение во Франции суда присяжных не преминуло иметь благотворного действия.

Как бы то ни было, новые французские законодатели, увлеченные, может быть, старыми формами судопроизводства, к коим они привыкли, понимая, может быть, ложно достоинство судьи, представили присяжным решение о вине, а судье о законе. Мы находим, однако же, что ошибка произошла едва ли от неведения. Известный юрисконсульт Тронше [Тронше Франсуа Дени (1726–1806) – французский политический деятель, юрисконсульт, адвокат, в декабре 1792 – январе 1793 гг. защитник на процессе Людовика XVI — *ред.*], один из защитников Людовика XVI, в рассуждениях по сему предмету, ссылаясь на свою сорокалетнюю опытность, называл эту теорию разделения вины от закона мечтанием, невозможным в приложении на деле.

Впоследствии большое жюри во Франции было отстранено. Предание суду было вверено особому отделению суда (*chambre des mises en accusation* [следственной палате — фр.]). Следствие было образовано особенными законами. Все это было весьма мало похоже на большое жюри и на следствие в Англии.

нием о совершении преступления, не помышляя о последствиях такого обвинения, т. е. не помышляя о том, что последует с подсудимым по их приговору! Разумеется, что французские присяжные вообще не исполняют сего предписания*.

После сего изъяснения судья приступает к поставлению вопросов, кои должны быть даны присяжным.

Этот предмет заслуживает особенного внимания законодателя. Цель, к которой он должен стремиться, есть та, чтобы вопросы были не только ясны и точны, но сколь возможно малочисленны. Во всех делах, для каждого главного обстоятельства дела, для каждого, так сказать, обвинительного пункта, будет сделан один вопрос: виноват или не виноват подсудимый?

На каждый из сих вопросов присяжные отвечают в одних и тех же словах: виноват или не виноват. Имея пред глазами ответы присяжных, судья, по нашему предположению, будет обязан определить истинный смысл и силу сих ответов и на сем основании произнести приговор относительно вины. Этот приговор должен быть письменный. Предоставляется судье дать его немедленно или, прервав заседание, составить его вне суда и, возвратившись на свое место, прочесть его всенародно. Мы полагаем, что устроить таким образом изложе-

Что касается до самого суда присяжных, то, принимая в уважение свойство и характер тогдашнего правительства во Франции, нельзя было ожидать, чтобы оно добровольно отказалось от чрезмерного влияния судей, им определяемых, влияния, которое усиливается предоставлением судьям исключительного права судить о законе. Правда, как мы выше заметили, что невозможное в исполнении плохо исполняется и что присяжные, не внимая предписаниям и увещаниям законодателя не думать о законе, думают о нем и часто, вопреки воле законодателя, тайком приносят в свои совещания маленькие карманные кодексы и стараются удостовериться о наказании.

В 1848 году в проекте о преобразовании судопроизводства, составленном одним из лучших французских законоведцев (Martin de Strasbourg) было предлагалось предоставить присяжным решение как о вине, так и о законе. — *Примеч. Н. И. Тургенева.*

* Однажды был предан суду человек, укравший на дороге с воза одну сухую рыбу. Присяжные, повинувшись на сей раз в точности предписанию закона и не помышляя о последствиях приговора, объявили, что подсудимый виноват. Но кража была совершена в сумерки или ночью и на большой дороге. А в сих случаях закон, уподобляя воровство разбоя, изрекает и соответственную казнь. Судья — тогда не было ещё во Франции «обстоятельств облегчительных» (circonstances atténuantes) — должен был осудить вора одной сухой рыбы, как разбойника, на несколько лет тяжелой работы (travaux forcés)! — *Примеч. Н. И. Тургенева.*

ние приговора удобнее, нежели допустить поставление присяжным бесчисленных вопросов, кои могут затруднить их решение. Конечно, в сем случае, великая власть предоставляется судье; но здесь опять мы напомним, что для простоты, ясности и несложности производства можно иногда делать некоторые пожертвования*. Впрочем, власть уголовного судьи по самой сущности своей должна быть обширна. Закон не может всего предвидеть; многое должно быть предоставлено усмотрению судьи. Посему-то, например, по французскому законодательству судья может действовать в некоторых случаях на основании *произвольной* власти, законом ему усвояемой (*pouvoir discrétionnaire*⁶³²).

Здесь возникает другой вопрос, относящийся более к самому законодательству, но столь тесно соединенный с судопроизводством, что мы не можем оставить его без внимания. Он состоит в том: следует ли позволить присяжным умерить строгость их приговора признанием, в пользу подсудимого, причин к уменьшению наказания или так называемых *обстоятельств облегчительных* (*circonstances atténuantes*)?

* В английском судопроизводстве не делается никаких вопросов присяжным. Присяжные, выслушав свидетелей, адвокатов и наставление судьи, удаляются для рассмотрения дела и дают свое решение одним словом — виноват или не виноват, за истца или за ответчика. Вековая опытность и обыкновение много облегчают дело присяжных. Таким образом, по вкоренившемуся обычаю присяжные имеют, между прочим, право в самом приговоре уменьшать вину и, например, вместо умышленного признать неумышленное убийство. При введении суда присяжных там, где он не существовал, невозможно определить предварительно законом всего того, что мало-помалу возникло из долговременного опыта. В таком случае, стремясь к главной цели, надлежит только стараться отвлечь препоны к достижению сей цели, определяя сколь возможно главные действия и судьи, и присяжных. Для сего мы почти нужным принять за правило поставление присяжным вопросов. Но наши вопросы не стесняют присяжных, не запутывают дела и служат только указанием, каким образом присяжные должны произнести свой приговор, указание, не излишнее для судьи и необходимое для присяжных, особенно, когда дело представляет несколько различных обвинений.

Разумеется, что присяжные в своих собственных рассуждениях о деле, для легчайшего исследования оного могут поставлять сами себе, посредством их председателя, вопросы и отвечать на оные. Это делается обыкновенно в делах сложных и затруднительных. Обсудив дело, согласившись между собою по всем обстоятельствам оного, присяжные пред судом дают один краткий ответ: виноват или нет.

Французское законодательство допускает поставление бесчисленных вопросов. Опыт показывает, что значительная часть апелляций возникает от поставления вопросов и что часто приговоры уничтожаются вследствие неправильного поставления сих вопросов. — *Примеч. Н. И. Тургенева.*

Это правило было введено во французское уголовное законодательство в 1832 году⁶³³, когда многое в сем законодательстве было усовершенствовано, улучшено и многое, очевидно дурное и безнравственное, было отстранено, как, например, обязанность доносить. Часто встречаются случаи, когда, по-видимому, присяжные неосновательно находят в деле такие *облегчительные обстоятельства*. Но это происходит обыкновенно не от того, что присяжные не умеют точно оценить преступления ясного и доказанного; но от того, что, разделяя весьма сильно распространившееся мнение об уничтожении смертной казни, присяжные, предвидя, что простой приговор их повлечет за собою смертную казнь, прибавляют к приговору мнение, что дело представляет *облегчительные обстоятельства*; вследствие чего судья обязан уменьшить наказание. Таким образом присяжные изъявляют только мнение свое против смертной казни.

Размышляя о различных видах, в коих преступление представляется обыкновенно, мы полагаем, что дать присяжным возможность смягчить строгость наказания значит отвечать требованиям здравого правосудия.

Во всяком случае, надлежит предоставить присяжным право присоединить к их приговору, что осуждаемый ими заслуживает милосердия державной власти*.

* В Англии присяжные, когда находят, что осуждаемый ими заслуживает некоторого облегчения в наказании, предоставляют его милосердию державной власти. Эта рекомендация, конечно, не обязывает ни к чему судью, но по утвердившемуся обычаю она всегда принимается в уважение и судьей, и правительством; тогда наказание облегчается или осужденный вовсе освобождается. Таким образом, сие обыкновение имеет вообще почти то же действие, как признание *облегчительных обстоятельств* во Франции. Впрочем, в Англии присяжные, как мы видели, могут сами признать вину в меньшей степени, вместо вины более важной. Когда осужденный сам прибегает к милосердию верховной власти, то министр внутренних дел совещается с судьей; иногда он даже делает исследование, не судебное, а частное, по делу, и часто милосердие правительства умеряет приговор. Заметим, что во Франции признание присяжными *облегчительных обстоятельств* обязывает судью убавить наказание одной или двумя степенями.

В Англии вообще не одобряют сего французского установления, находя, что чрез то присяжные признают иногда обвинение с *обстоятельствами облегчительными*, когда без оных они произнесли бы оправдание.

Присяжные в Англии прибавляют иногда к своим решениям, кроме рекомендации милосердию, некоторые замечания. Так, например, в одном деле судья изъяснил, что угрозы, в коих был обвиняем подсудимый, не составляют преступления по закону. Присяжные, по сему изъяснению, произнесли приговор

Если присяжные произнесли приговор оправдательный, тогда подсудимый немедленно освобождается, и никто не будет иметь права подвергнуть его вторично суду по тому же делу, сообразно везде принятому правилу: *non bis in idem*^{634*}.

Если приговор присяжных был обвинительный, тогда судья, по предполагаемой нами обязанности его определить настоящий смысл приговора присяжных, объясняет письменным приговором, в чем именно и до какой степени подсудимый был признан виновным. Вследствие сего прокурор, основываясь на объявленной и определенной судьей вине, требует приложения к ней изрекаемого законом наказания. Здесь судья обращается к подсудимому и предоставляет ему или защитнику его представить свои замечания касательно приложения закона. Выслушав и прокурора, и подсудимого, судья про-

оправдательный, но заметили, что они решают так, единственно соображаясь с законом, судьей истолкованным; но что поступок подсудимого был весьма предосудителен. Мы приводим сию подробность, дабы показать, как английские присяжные придерживаются закона и мнения судьи вопреки собственного их мнения. Они в сем случае находили, что подсудимый неправ, но видя, что закон не признает его поступка преступлением, они решили сообразно закону. Здесь нет того безусловного всемогущества, которое так часто, особенно во Франции, приписывают присяжным люди, плохо знающие дело.

Если присяжные во время их совещания желают спросить объяснения или совета от судьи, то, по допускаемому английским законом обычаю, они должны все предстать пред суд[ом], и судья отвечает им в присутствии обвиняемого или тяжущихся. Сверх сего, присяжные, по их желанию, могут получить копию с обвинительного акта и различные документы, приводимые в доказательство. В Шотландии они ничего не имеют, кроме обвинительного акта. Во время заседания присяжные часто записывают для себя замечания по делу.

Обыкновенно судья произносит приговор немедленно по решении присяжных. Но он имеет право отложить произнесение приговора на некоторое время по различным причинам, особенно, если он желает подробно обдумать приговор, увериться в настоящем смысле закона или посоветоваться с другими судьями. Иногда судья произносит приговор и откладывает исполнение, пока возникшее сомнение будет решено в совещании всех 15-ти судей Англии, составляющих верховное судилище, пред коих предстают и адвокаты по рассматриваемым делам. — *Примеч. Н. И. Тургенева.*

* В Шотландии присяжные могут, не произнося ни оправдательного, ни обвинительного приговора, объявить, что виновность подсудимого не доказана, “not proven”. И в сем случае освобождаемый от суда без наказания не может по тому же делу вторично быть предан суду впоследствии. Это обетшало и едва ли чем-либо оправдываемое узаконение весьма похоже на русское обыкновение *оставлять в подозрении*, Вальтер Скотт называл «not proven» a bastard verdict. — *Примеч. Н. И. Тургенева.*

износит окончательный приговор, и заключает оный объявлением подсудимому, что он может в течение трёх дней перенести дело на рассмотрение Верховного суда.

Может случиться, что по недоразумению или по какой бы то ни было ошибке присяжные произнесут приговор обвинительный, между тем как суд будет убежден в невинности подсудимого. Французское законодательство предвидит сей случай и даёт право суду отстранить сей приговор и предоставить дело решению других присяжных в следующем заседании. Мы полагаем, что такая власть, конечно, должна быть предоставлена судье для возможного предупреждения какой-нибудь великой несправедливости*.

Приговор 12-ти присяжных должен быть единогласный.

О ЕДИНОГЛАСИИ ПРИСЯЖНЫХ

Единогласие должно быть положено в основании истинного, настоящего суда присяжных.

О единогласии присяжных много было споров. Противники сего правила находят весьма несправедливым, даже смешным принуждать присяжных к единогласию некоторого рода пыткой: голодом и холодом. Мы никогда не слыхали, что какой-нибудь присяжный умер или с голода или с холода. Известно, что английское законодательство требует единогласия присяжных. Но если, как это иногда, хотя весьма редко, случается, присяжные никак не могут согласиться, то по истечении некоторого времени судья их распускает, и дело вновь предлагается решению иных присяжных.

Приняв и после отвергнув единогласие и признав правилом большинство голосов в решении присяжных, французское законодательство неоднократно из различных видов изменяло число голосов, необходимых для решения.

Суд присяжных был установлен во Франции в 1791 году, с большинством 10 из 12 голосов. Через несколько лет (V год республики) превосходство и выгоды правила единогласия обратили внимание тогдашних французских законодателей. Они приняли его. Но, не

* В Англии, если судья найдет, что в приговоре своем присяжные явно ошиблись, то он может это им заметить и требовать нового совещания. В Америке (Нью-Йорк) тоже; только если приговор был оправдательный, то судья обязан принять его. — *Примеч. Н. И. Тургенева.*

желая резким образом действовать против предрассудков тогдашней республики, ещё мало знакомой с предметами сего рода, они постановили, что единогласие требуется от присяжных только в продолжение 24 часов, по истечении коих присяжные могут решить по большинству голосов. Через год после сего новый закон постановил, что, если по прошествии 24 часов присяжные не могли согласиться, то это принимается за приговор оправдательный. Опыт оправдал правило единогласия: в продолжение 4-х лет в судебном округе Сенского департамента, было решено присяжными 1500 дел, и в сем числе только 9 дел было решено не единогласно.

Введенный в 1808 году кодекс уголовный многое изменил во французском законодательстве, не в выгодах правосудия, но исключительно в выгодах власти правительства. Отстранив существовавшее и опытом оправданное единогласие, сей кодекс принял большинство голосов, с тем, что если оно не превышает 7 против 5, то в таком случае дело решается судьями, кои принимают мнение или большинства, или меньшинства присяжных. Неминуемым следствием сего постановления было, что присяжные, желая избежать труда, с основательным и подробным рассмотрением дела сопряженного, равно как и нравственной ответственности какого бы то ни было приговора, часто разделялись в мнениях своих, таким образом, что решение предоставлялось судьям. Где же тут суд присяжных? Сие участие судей в приговоре присяжных было отстранено законом в 1831 году*.

* Мы почитаем не излишним означить здесь различные изменения, коим было подвергаемо во Франции правило большинства голосов присяжных.

1) Закон 1791 года 16 сентября. Учреждение суда присяжных. Приговор обвинительный должен быть произнесен 10-ю голосами из 12-ти.

2) Кодекс IV года Республики. То же. Сверх сего, если судьи единогласно признают, что присяжные ошиблись в сущности дела ко вреду подсудимого, то они призывают трёх присяжных прибавочных для совещания с 12, кои решили дело; и тогда большинство должно быть 12 из 15.

3) Закон V года республики, 16 фруктидора. Присяжные в продолжение 24 часов их совещания должны решить единогласно; по истечении сего времени они решат по большинству голосов.

4) Закон VI года, 8 фримера. Если по истечении 24 часов присяжные не согласны, то это приемлется за оправдание.

5) Уголовный кодекс 1808 года. Для произнесения приговора присяжных достаточно простого большинства (7 против 5), с тем, что если обвинение признано только 7-ми присяжными, то в таком случае решают судьи, принимая каждый из них мнение или большинства, или меньшинства присяжных.

Не прибегая к изложению правил вероятностей, по коим истина в приговоре может быть полная и достоверная тогда только, когда он произнесен единогласно, мы скажем, что единогласие есть единственное средство привести присяжных к внимательному разбору дела; а сие тщательное рассмотрение дела есть вернейший залог справедливости решения. С системою большинства голосов, большинство не обращает должного внимания к мнению меньшинства — и, таким образом, не бывает настоящего рассмотрения дела. В этом согласны почти все английские законоведы. Только изредка являются предложения, требующие принятия правила большинства голосов, и то, впрочем, только в делах гражданских.

6) Закон 1821 года, мая 25. В случае простого большинства мнение в пользу обвиняемого утверждается, если оно было принято большинством судей.

7) Закон 1831 года 4 марта. Большинство голосов против обвиняемого должно быть более 7-ми.

8) То же было принято при рассмотрении уголовного кодекса в 1832 году.

9) Закон 1835 года, 9 сентября. Система простого большинства голосов восстановлена с тем, что если приговор против обвиняемого был произнесен только 7-ю присяжными, то суд может приступить к совещанию, и если большинство судей полагает, что присяжные ошиблись и что подсудимый не виноват, то дело может быть отложено до следующего заседания.

10) Узаконение 1848 года, марта 8. Большинство голосов против обвиняемого должно быть более 8-ми.

11) Узаконение 1848 года, октября 12. Большинство, превышающее 7 голосов, должно быть достаточно.

12) Закон 1853 года, 9 июня. Простое большинство присяжных достаточно во всех случаях. Число голосов, составляющих сие большинство, не должно быть объявляемо. В случае приговора, противного обвиняемому, суд может предоставить дело решению другого суда присяжных; и, если сей второй приговор также противен обвиняемому, то суд произносит осуждение.

Окинув, таким образом, одним взглядом все сии столь противоположные одно другому постановления, нельзя не согласиться, что не усердие к правосудию руководствовало по большей части власть законодательную, но мелкие и недостойные соображения минутных выгод правителей, движимым личными и политическими страстями. Мне случилось быть свидетелем прений в Камере депутатов о вышеупомянутом законе 1835 года: министры как будто торговались с представителями народа о большей или меньшей возможности осуждать обвиняемых. Такие промахи Июльского правительства, повторяясь слишком часто, конечно, не увеличивали в мнении общем мысли о достоинстве его. Все благомыслящие люди смотрели на них с сожалением и негодованием, желая и ожидая более проницательности, более возвышенности, более прямоты в правительстве, вообще столь полезном, столь благотворном для Франции, для Европы и для образованности гражданской. — *Примеч. Н. И. Тургенева.*

Скажут, что один упрямый присяжный может стойкостью и непреклонностью своего мнения заставить других принять его мнение. Так, конечно. И это действительно иногда случается. Но заметим, что по самым свойствам сердца человеческого, такая стойкость, такая непреклонность, такое упрямство встретится в тех присяжных, кои клонятся к оправданию, а не к обвинению. Итак, беда будет по всем вероятностям состоять в том, что виновный избежит заслуженного наказания; но, конечно, не в том, что будет осужден невинный.

Итак, мы принимаем правило единогласия присяжных. Но вместе с сим, следуя примеру прежнего французского законодательства, полагаем, что если присяжные не согласятся в приговоре в течение 24 часов, то решение будет предоставлено определенному законом большинству голосов*.

О ВЕРХОВНОМ СУДЕ ПО ДЕЛАМ УГОЛОВНЫМ

По произнесении приговора уголовным судьёю, дело, как мы заметили выше, может быть перенесено в верховный апелляционный суд, который судит не о существовании самого дела, но только о правильности или неправильности хода дела и приложения закона. В суждение о правильном или неправильном приложении закона мы включаем и суждение о правильности или неправильности сделанного судьёю

* В Шотландии, где присяжные решают по большинству голосов, многие сведущие законоведы желают единогласия. Конечно, и в самой Англии встречаются правоведы, предпочитающие для решения большинство голосов, ссылаясь особенно на то, что при единогласии некоторые присяжные против воли бывают принуждены соглашаться с большинством. Но на сие им отвечают, что и при методе большинства иные присяжные могут быть увлечены дать согласие с большинством, вопреки собственному мнению. Общее мнение в Англии решительно в пользу единогласия. Некоторые правоведы предлагали не требовать единогласия для оправдания.

Для тех, кои предполагают, что необходимость единогласия влечет за собою более оправданий, нежели метода большинства, мы заметим, что по статистическим известиям открывается, что в Англии и в Америке, где закон требует единогласия присяжных, бывает более приговоров обвинительных, в сравнении с числом предаваемых суду, нежели во Франции, где присяжные решают по большинству голосов. Конечно, различие в числе обвинительных приговоров имеет основанием, в сем случае, и другие причины, кроме системы единогласия и большинства. Все, что мы здесь желаем пояснить, это то, что система единогласия не ведет к безнаказанности, как думают люди, мало знакомые с делом. — *Примеч. Н. И. Тургенева.*

истолкования и определения точного смысла приговора присяжных, так что если верховный суд найдет, что истолкование было недостаточно, несправедливо, ложно, то в таком случае он уничтожает приговор.

Во Франции эта часть судопроизводства вверена так называемому кассационному суду (*cour de cassation*). Это одно из счастливейших и полезнейших учреждений нового французского законодательства.

Если апелляционный суд находит ход дела и приложение закона правильным, он утверждает приговор уголовного суда и тогда следует исполнение по распоряжению прокурора. В противном случае он уничтожает сей приговор и передает дело для вторичного рассмотрения другому уголовному суду. Мы не будем входить далее в подробности, дабы определить теперь же, как дело должно быть решено окончательно в случае неоднократного разногласия между уголовными судами и судом апелляционным. Эти подробности могут быть определены во время исполнения предлагаемой реформы.

Во Франции кассационный суд имеет ту великую выгоду, что, будучи единственным судом сего рода, он сохраняет, по возможности, единство в ходе судопроизводства и в истолковании закона. В России, по обширному пространству государства, трудно было бы вверить все апелляционные дела одному суду. Теперь Сенат, которому в новом порядке вещей, более или менее, будут вверены дела сего рода, имеет свои департаменты в трёх различных местах: в С[анкт]-Петербурге, в Москве и в Варшаве. Мы слышали, что один из генерал-губернаторов Кавказского края требовал подобного учреждения сенатских департаментов и в сем крае. Это указывает на необходимость иметь, по крайней мере, 4 или 5 апелляционных судов. Г-н Сперанский в проектах своих предполагал учреждение департаментов судебного сената в нескольких городах империи.

Каким образом сии суды должны быть устроены, из кого они должны состоять, — все это нам представляется теперь совершенно невозможным для обсуждения и положительного определения: то, что, по нашему мнению, должно в сем отношении существовать, слишком не похоже на то, что теперь существует*. Скажем только, что места

* Мы не имеем намерения без нужды и без пользы критиковать то, что теперь существует. Но мы можем и должны указать на всю важность обсуждаемого нами предмета, представив мнение не наше, а одного из просвещеннейших и опытнейших русских государственных людей. Граф Кочубей, разговаривая од-

членов Верховного суда или Сената должны быть занимаемы людьми самыми опытными по судебной части. Положение их, касательно жалования, должно быть щедро обеспечено. Люди, посвящающие себя службе по судебной части, будут смотреть на сии почетные места, как на достойную награду за труды, понесенные в продолжение почти всей жизни*.

Мы неоднократно повторяли выше сего, что верховный суд сам не разбирает дел в их сущности, но рассматривает токмо и решает: ход дел был ли правильный и приложение закона справедливое.

В России, где по делам гражданским и по делам уголовным лиц неподатного состояния существует такое множество инстанций, может быть, покажется слишком резко ограничить уголовное судопроизводство одною или двумя инстанциями, считая таковою апелляционный суд. Но если кто возьмет на себя труд разобрать и обсудить сей предмет в подробностях и вникнуть особенно в то, каким образом теперешняя система действует и является на самом опыте, тот, вероятно, найдет, что множество инстанций, по крайней мере, бес-

нажды со мной об устройстве Сената, сказал мне: «Я объявил Государю, что нога моя не будет никогда в Сенате, пока он останется в настоящем его положении». Какой горестный и вместе многозначительный смысл заключают в себе эти слова одного из достойнейших людей в государстве! — *Примеч. Н. И. Тургенева.*

* Надлежит стремиться к тому, чтобы со временем члены верхних правительственных и судебных мест сами, по очереди, докладывали в своих департаментах и в общем собрании по делам, подлежащим их решению, сами составляли записки по сим делам, представляя оные на суждение своих сочленов, не давая, впрочем, как докладчики, собственного своего мнения. Это делается так во всей Европе. Г-н Лагарп в одной из записок, представленных им императору Александру I-му в начале его царствования, предлагал — немного рано — ввести этот порядок в Сенате. Теперь у нас докладывают секретари; они составляют и записки. Но, присваивая таким образом секретарям неизбежное влияние на ход дела, надлежало бы возложить на них и некоторую, хотя нравственную, ответственность усвоением им голоса совещательного, что также везде делается. Член-докладчик не дает при докладе никакого мнения, потому что он дает его после при решении. Докладчик-секретарь должен иметь право и обязанность объявить свое мнение голосом совещательным — так как голос решительный может принадлежать только членам присутствия, — уже и потому, что секретарь не есть, так сказать, одна машина пишущая и читающая. Он также должен рассуждать и обсуживать дело. Иначе доклад его, сухой и небрежный, мало будет способствовать объяснению дела. Самая обязанность дать свое мнение по делу заставит секретаря быть внимательнее в составлении доклада или записки. Члены присутствия, со своей стороны, зная мнение секретаря по делу, могут с большей верностью судить о его докладе. — *Примеч. Н. И. Тургенева.*

полезно. Мы идем далее и утверждаем, что оно решительно вредно, пагубно, и противно всем требованиям правосудия.

Во-первых, мы находим здесь тот же недостаток, какой мы заметили в назначении нескольких судей вместо одного: ответственность разделяется между тремя, четырьмя и т. д. инстанциями. Уголовная палата, занимаясь делом, знает, что оно будет рассматриваемо в Сенате. Сенат знает, что дело поступит в Государственный совет и т. д. Это сознание судьбы, что дело решается им не окончательно, естественно ослабляет в нем чувство ответственности и по тому самому уменьшает его внимание.

Во-вторых: на чем может быть основано предположение, что цель правосудия будет лучше достигнута, если дело, быв решено в одной инстанции, будет перенесено в другую, в третью, в четвертую? Если вероятности в пользу справедливого решения увеличиваются с числом судей и инстанций, то вероятности противного увеличиваются ещё в гораздо большей мере, по той простой причине, что вторая, третья, четвертая инстанция могут судить только по изложению дела на бумаге, не имея пред глазами ни подсудимого, ни свидетелей, на живом показании коих первое решение было основано.

Судить и решить об участии человека заочно, не имея его пред своими глазами, так несообразно со всеми правилами правосудия, так противно здравому смыслу, что одна только долговременная привычка и обыкновение позволяют смотреть на такой порядок вещей без содрогания.

Но судить о правильности хода дела, судить о справедливом и точном приложении закона, для сего не нужно иметь пред собою подсудимого и свидетелей. Здесь заочное производство не только возможно, но и весьма естественно и даже необходимо.

Впрочем, мы говорим здесь о неудобстве нескольких инстанций только для того, чтобы устранить сомнения тех, коих может изумить предположение решить дело в одной или двух инстанциях. Сие наше предположение естественно и логически следует из самого существа суда присяжных и не может быть предметом спора, коль скоро будет принят принцип сего суда присяжных: подле или выше суда присяжных не может существовать иной инстанции, кроме такой, которая исключительно судит только о правильности хода дела и приложения закона.

Здесь мы должны заметить, что кассационный суд во Франции, как то доказывает опыт, почти во всех поступающих на его рассмотрение делах может найти какой-нибудь повод к уничтожению приговора. Этого избежать невозможно и даже нежелательно: опытность и почетность членов кассационного суда служит достаточным ручательством, что власть, коею облекает их закон, не будет употреблена ими во зло, по крайней мере, по делам, исключительно до частных лиц касающимся.

В Англии приговор приводится в исполнение по предписанию самого судьи, произнесшего оный. Часто подсудимые прибегают к милосердию державной власти, и тогда дело рассматривается министром внутренних дел, иногда всеми 12 или 15 судьями Англии. Если правительство находит достаточно причин смягчить наказание, то министр сообщает о сем кому следует. В противном случае он объявляет, что приговор должен быть исполнен*.

* В Англии апелляции в настоящем смысле никогда не существовало и даже ныне, несмотря на перемену, в 1848 году предпринятую, не существует. Английские законы и судебные обычаи, конечно, представляют некоторые средства к уничтожению приговора, особенно по делам гражданским, в каком случае дело рассматривается другими присяжными; но все сии средства сопряжены с большими затруднениями и неудобствами. В делах уголовных самое обыкновенное средство для исправления или перемены приговора состоит в том, что судья, если он находит приговор не совсем справедливым, останавливает исполнение и представляет дело министру внутренних дел, и тогда обыкновенно наказание смягчается или вовсе отстраняется.

Но в сем случае, так, как и во всех других, где правительство действует по усвоенному ему праву умерять наказания или даровать полное помилование, подсудимый милуется или прощается, но нимало не оправдывается. Таким образом, как справедливо замечают многие английские правоведы, может быть прощен или помилован такой человек, который в апелляционном суде мог бы быть оправдан.

В делах гражданских есть более средств уничтожить приговор, нежели в уголовных. Некоторые правоведы требовали, чтобы, по крайней мере, подобные средства были предоставлены осужденным в делах уголовных. Но и в сем они не имели успеха. В исследовании по сему вопросу почти все судьи, представлявшие свое мнение, изъявили оное против права апелляции, утверждая, между прочим, что чрез то делопроизводство замедлилось бы чрезмерно и что присяжные, зная, что после их приговора возможна апелляция, будут рассматривать дела с меньшим вниманием.

В 1848 году был учрежден особый верховный суд, из пяти судей состоящий, который решит все сомнения или несогласия относительно истолкования закона. Но дела, поступающие на разрешение сего суда, вносятся в оный токмо судьей того суда, в коем дело было решено и по его благоусмотрению. В сем

Вот в главных чертах вся наша мысль о суде присяжных по делам уголовным. Мы, конечно, чувствуем все несовершенство нашего изложения. Человек с бóльшим искусством, с бóльшими дарованиями, конечно, умел бы представить сию мысль в несравненно лучшем виде и упрочить для неё более вероятностей успеха. Мы ссылаемся только на искренность и силу нашего убеждения. Тот, кто будет читать написанное нами без предвзвешивания против предлагаемого плана, с чистым желанием добра, откуда бы оно ни происходило и каким бы образом ни совершилось, дополнит и исправит, может быть, своим размышлением многое, что мы упустили или представили недостаточным образом. Но эта самая искренность нашего убеждения, на которую мы ссылаемся и которая соединена в нас с долговременным наблюдением, позволяет нам спросить каждого беспристрастного человека: не проще ли, не вернее ли поручить решение дел уголовных присяжным?

О СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ В ДЕЛАХ ГРАЖДАНСКИХ

Дела гражданские, по самому свойству своему, не представляют той степени необходимости суда присяжных, которая столь очевидна в делах уголовных. В сих последних страсти человека, который

случае судья отлагает исполнение приговора, присяжными данного. Тогда дело обсуждается гласно в сем верховном суде. Адвокаты для обвинения и оправдания представляют свои объяснения. Судьи решают возникший вопрос по большинству голосов: они могут или утвердить приговор, или уничтожить, или изменить, или, наконец, предоставить решение дела новому суду присяжных.

Мы должны заметить, что многие сведущие правоведы в Англии продолжают желать, чтобы право, предоставленное судье, переносить дело в верховный суд, было равномерно предоставлено и осужденному.

В Шотландии не существует даже и сего средства достигнуть до пересмотра дела. Там судья, если он находит приговор присяжных несправедливым, может только, остановив исполнение, дать возможность обратиться к милосердию державной власти. Единственным средством к уничтожению приговора остается право обратиться к Палате лордов.

В Северной Америке (Нью-Йорк), когда состоялся приговор оправдательный, обвиняющий прокурор может требовать, в известных, законом определенных случаях, нового суда, в продолжение 3-х дней. Если приговор был обвинительный, то подсудимый может также требовать нового суда, равномерно только в случаях, законом определенных. Апелляция против признания и определения вины, когда никакой закон не был нарушен, никогда не допускается. Это недавнее узаконение встретило много противоречия в Америке: многие отвергли право апелляции, основываясь на том, что чрез то уменьшается уважение к приговорам присяжных. — *Примеч. Н. И. Тургенева.*

должен судить о преступлении, действуют или ознаменовываются совсем иным образом, нежели страсти судьи, долженствующего решить тяжбу между двумя частными лицами. Здесь в особенности нужно беспристрастие; там умеренность, хладнокровие и строгость, смягчаемая милосердием. Очевидно, что в сем последнем случае участие людей независимых, призываемых для суждения только одного или нескольких дел и возвращающихся в среду общества, в коем они жили вместе с подсудимым и его ближними, обещает более правды в решении, нежели сколько может представлять даже и хороший судья, привыкший видеть пред собою людей более или менее виновных и едва ли не потерявший вовсе веру в невинность подсудимых. Посему-то во многих землях, где был введен суд присяжных, он ограничивался делами уголовными.

Во Франции дела гражданские продолжают быть рассматриваемы и решаемы судьями. Высокая степень совершенства в учреждении судопроизводства французского, существование кодекса, гласность, все это вместе делает, что там вообще находят теперешний порядок вещей удовлетворительным, и никто не думает о введении суда присяжных по делам гражданским.

В Англии суд присяжных распространяется как на дела уголовные, так и на гражданские. И там, напротив, никому не приходит в голову, отменив присяжных, поручить решение дел гражданских судьям.

В Шотландии присяжные решали только дела уголовные. Наконец, не ранее как в 1817 году, и в сей земле решение гражданских дел было также вверено присяжным. Этот пример земли, какова Шотландия, стоящей на столь высокой степени образованности, представляющей между правоведами, равно как и в других отраслях наук, столько людей знаменитых и заслуживающих общее уважение как публичным, так и частным характером, такой пример, по нашему мнению, много свидетельствует в пользу распространения суда присяжных на дела гражданские. Надлежит заметить, что сорокалетний опыт доказал, что сия реформа была весьма благотворна. Общее мнение вполне одобрило её.

Что касается до России, то мы не видим, почему, приняв суд присяжных для дел уголовных, следовало бы предоставить решение дел гражданских исключительно судьям.

Конечно, как мы изъяснили выше, говоря об уголовном судопроизводстве, и суды гражданские могут получить лучшее устройство:

число инстанций может быть уменьшено до двух или трёх, включая инстанцию верховного апелляционного суда; производство дел, вместо письменного, может быть словесное; гласность может дать значительное обеспечение в пользу доброго правосудия. Но мы повторим и здесь сделанные нами возражения. Где кодекс законов, по коему судьи будут судить; где взять надежных судей для наполнения всех судов, в коих должно будет определить по три или по пяти судей в каждом? Не вернее ли и здесь положиться на совесть и на здравый смысл людей почетных и благонадежных в каждой местности и призвать их для разбора и решения гражданских дел, под руководством судьи и надзором прокурора?

Назначение и избрание присяжных для гражданского суда будет происходить тем же порядком, как в суде уголовном.

Некоторые дела будут поступать в гражданский суд или в гражданскую палату из судов полицейских. Другие, в большем числе, будут возникать из подаваемых прошений в суд от частных лиц. Сии прошения, долженствующие содержать изложение дела, будут необходимо письменные. Кроме сих прошений, надлежит дозволить как истцу, так и ответчику представлять судье, прежде открытия заседания, краткие записки по их делу. Судья в течение трёх первых месяцев каждой трети года рассматривает и прошения истца, и возражения ответчика, равно как и записки, ими представленные, и составляет с помощью его секретарей записку для присяжных, в которой он изъясняет сущность дела и приводит с возможною точностью все законы, по коим дело может быть решено, не давая, впрочем, со своей стороны никакого заключения. При открытии заседания по сему делу судья читает сию записку присяжным, и если сии сочтут нужным требовать от судьи некоторых объяснений, то они должны иметь право обращаться к судье, и судья будет обязан дать им желаемые объяснения.

После сего судья обращается к истцу и ответчику или к их поверенным и требует от них словесного* изъяснения иска и ответа.

* Словесное судопроизводство в некоторой степени известно в России с давнего времени. Словесные суды были учреждены при Петре I и Екатерине I. Земские суды могли также производить дело *словесною* расправою. Впоследствии были учреждены торговые и коммерческие суды, в коих производство должно было быть словесное. Но мало-помалу к словесному примешалось письменное производство, и выгоды первого были весьма ограничены. — *Примеч. Н. И. Тургенева.*

Так как гражданские дела представляют много сложности и даже запутанности, то следует дозволить тяжущимся и их поверенным представлять их объяснения с помощью составленных ими записок.

После сих объяснений прокурор представляет суду словесно свое мнение по делу.

Тогда судья приступает к произнесению своего *наставления* присяжным. В сем наставлении, сколь возможно ясно и вразумительно, он излагает сущность дела, упоминает о доводах, приводимых как истцом, так и ответчиком, равно как и о мнении прокурора и, наконец, приводит и толкует законы, по коим дело может быть решено. Здесь судья обязан истолковать присяжным с особенною ясностью, какие последствия приговор их: *за истца* или *за ответчика* будет иметь для сих последних.

Мы настаиваем на необходимости и на значительности сего последнего истолкования тем более, что после долгого и внимательного рассмотрения мы были приведены к заключению, что решение присяжных должно ограничиваться только словами: *за истца* или *за ответчика*. Ограничиваясь таким ответом присяжных, мы тем самым возлагаем на судью важную обязанность вывести все законные последствия из такого приговора и изложить письменно сообразный с решением присяжных приговор, который должен входить в различные подробности, коих дело может требовать.

Допустить поставление нескольких вопросов присяжным в гражданском деле было бы обременить их различными подробностями, нимало не соответствующими их призванию. Это было бы отказаться от одной из существенных выгод суда присяжных, которая состоит в простоте и в ясном и кратком определении главной, коренной истины в процессе. Опытный и добросовестный судья всегда будет уметь дать настоящий смысл и настоящее значение приговору присяжных.

Разумеется, что если мы требуем поставления одного вопроса, то это только по каждому главному обстоятельству дела. Таким образом, если дело представляет несколько различных предметов для разрешения, то для каждого из оных должен быть сделан особенный вопрос. Например, по долговому иску может представиться какой-нибудь незаконный поступок со стороны истца или ответчика. Если это беззаконие независимо от справедливости или несправедливости самого иска, то судья может поставить особый вопрос о каждом из сих обстоятельств. Может также встретиться, что одно из главных

обстоятельств оказывается в пользу истца, другое в пользу ответчика. Очевидно, что по каждому из сих обстоятельств должен быть поставлен особый вопрос. Ответ присяжных будет дан в одни и тех же словах на каждый вопрос.

Заметим, что в английском гражданском судопроизводстве решение присяжных дается также только в словах: за истца или за ответчика.

Дела гражданские касаются иногда таких предметов, для разбора и решения коих необходимо иметь некоторые специальные, технические сведения. Это может встретиться, например, в тяжбах, возникающих по торговым и ремесленным предприятиям, в спорах между товарищами какой-нибудь фабрики, какого-нибудь рудокопного заведения и т. п. Если обе тяжущиеся стороны потребуют, чтобы дело их было разобрано и решено не обыкновенными присяжными, но людьми особенно сведущими в предметах тяжбы, тогда судья обязан назначить из списка присяжных, или даже и вне сего списка, 36 человек или менее и призвать их в суд для избрания из них, по обыкновенному порядку, 12-ти присяжных для решения дела.

Такое отступление от общего правила составлением особенного или специального суда присяжных должно быть предпринимаемо только в самых необходимых случаях.

О ВЕРХОВНОМ СУДЕ ПО ДЕЛАМ ГРАЖДАНСКИМ

По решении дела в суде гражданском или гражданской палате, дело может быть недовольною стороною перенесено в верховный апелляционный суд, в коем, как теперь в Сенате, будет отделение или департамент для дел гражданских.

Гражданский департамент верховного суда, также как и уголовный, ограничивается суждением о правильности хода дела и о справедливости в приложении закона. Равно как в делах уголовных, верховный суд рассматривает, было ли правильно и сообразно существу дела истолкование или определение судьей точного смысла приговора присяжных. Если департамент найдет, что ход дела был правильный и что оно решено сообразно законам, к оному относящимся, тогда решение гражданского суда по распоряжению прокурора приводится в исполнение. Если же суд встретит какую-либо неправильность в ходе дела, несоблюдение предписанных законом правил и форм, если он

найдет, что не те законы, на основании коих следовало решить дело, были приведены к оному, тогда он, уничтожая решение гражданского суда, передает дело на рассмотрение другого гражданского суда.

Теперь мы позволим себе обратиться к этим несчастным жертвам судебной проволоочки, которые в продолжение 10, 20 и более лет, как говорится, *ходят* по своим процессам, видя их решенными в их пользу в одной инстанции, против них в другой, и истощив 8 или 9 сих инстанций, обращаются, наконец, к Комиссии прошений, дабы добиться до нового рассмотрения дела или в Сенате, или в Совете, или иногда в нижних инстанциях. Что скажут сии изнуренные и часто разоренные искатели правосудия о предлагаемом здесь суде присяжных?

Вероятно, что одни только самые неугомонные крючкотворы, чувствующие всю непрочность, всю слабость своего права, предпочтут теперешний порядок вещей, дабы удобнее, как говорит пословица, «в мутной воде рыбу удить».

Означив устройство судов уголовных и гражданских, мы скажем несколько слов о прокурорах.

О ПРОКУРОРАХ

Учреждение прокуроров в России было весьма полезно и, как нам кажется, более, нежели какое-либо учреждение сего рода, соответствовало благим намерениям законодателя*.

* Главнейшая обязанность прокуроров в других землях, как, например, во Франции, состоит в преследовании пред судом лиц, преступивших закон. Вместе с сим они являются вообще в виде блюстителей закона, назначаемых от правительства; они наблюдают за должным исполнением закона и за правильным течением дел.

Все сии принадлежности должны быть предоставлены прокурорам и по нашему предположению.

Но существенное свойство обязанностей прокурора состоит особенно в надзоре, в контроле. Этот характер должности прокурорской, как нам кажется, особенно усвоится сим лицам нашим русским законодательством. Польза сего учреждения очевидна и неоспорима.

Конечно, в делах судебных надзор и контроль прокурора является самым необходимым условием правильного и успешного судопроизводства, хотя, впрочем, в некоторых землях, как, например, в Англии, таких прокуроров вовсе не существует. Но, признавая пользу сего учреждения по делам судебным, мы спрашиваем: почему русское правительство не признало за благо распространить приложения сего правила надзора и контроля на все отрасли государственного

управления, и именно на ход дел исполнительной части? Надзор и контроль везде полезны, хотя и не в равной степени. То, что делают прокуроры по судебной части, инспекторы могут, до некоторой степени, делать по части правительственной.

Дела правительственные сосредоточиваются в одном центре: в кабинете министра. При теперешнем порядке вещей министр узнает о течении дел в подведомственных ему местах единственно по донесениям подчиненных ему лиц. Но что удостоверяет его, что сии донесения совершенно соответствуют истине? К тому же одно из подчиненных ему лиц или мест может действовать, исполняя, впрочем, закон добросовестно, но по собственному своему усмотрению, одним образом, между тем как другое, столь же добросовестно, но также по своему усмотрению, действует иначе. Каким образом министр может основать единство в действии? Предписания его, последующие циркуляры, не могут всего изъяснить так, чтобы все поняли их одинаковым образом и действовали в соответствии. К тому же министр должен иметь достоверность, что и сии циркуляры должны быть поняты и приведены в исполнение согласно с его предположениями. Одним словом, для главного начальства недостаточно предписывать и получать донесения от исполнителей его предписаний. Оно должно знать, как дела на самом опыте производятся, и сие не только в таком или в таком месте, но во всей империи.

Конечно, и теперь существуют в России некоторые учреждения инспекторские. Почтовое ведомство имеет объездных офицеров; университеты посылают профессоров осматривать училища. Военное министерство имеет корпусных и других инспекторов. Иногда сенаторы и другие чиновники назначаются для осмотра, ревизии или губерний вообще, или некоторых мест в особенности. Но все это весьма недостаточно и только что указывает на необходимость дальнейшего развития сей отрасли государственного управления. Цель, к достижению которой надлежит стремиться, состоит в том, чтобы сосредоточить в министерствах все возможные сведения о ходе и производстве дел по всем частям государственного управления, о точном или плохом исполнении законов и постановлений, об усердии или нерадении чиновников, об их способностях и т. д.

Цель сия не иначе может быть достигнута, как посредством особенных инспекторов, посылаемых от министров ежегодно во все концы империи, каждый по своей части, и каждый в особенно назначенный для него округ. Исполнив инспекцию, инспекторы соединяются в министерстве. Каждый представляет собранные им сведения и замечания. Из сих сведений и замечаний составляется, под надзором министра, общее обозрение или отчет, по коему и правительство и общее мнение могут, по возможности, здраво и безошибочно судить о положении дел вообще. Обыкновенные представления к наградам всего приличнее могут быть предоставлены сему собранию инспекторов. В звание инспекторов надлежит определять опытейших чиновников по каждой части.

Во Франции, где вообще так называемая администрация устроена примерным образом, каждое министерство имеет своих постоянных инспекторов. Министерство военное назначает ежегодно несколько инспекторов для различных округов, где расположены войска, из тех генералов, кои по своим летам не могут продолжать действительной службы. В известное время они отправляются каждый в свой округ, на инспекцию. Возвращаясь, они сообщают в общем присутствии свои замечания и делают представления к наградам.

Ведению прокуроров должны подлежать как уголовные, так и гражданские дела, без различия.

Прокурору особенно присваивается власть взятия под стражу, освобождения, окончательного задержания и предания суду.

Ему предоставляется право требовать начатия следствий, если оные не были начаты иным образом в полицейском суде.

На нем лежит обязанность преследовать пред судом обвиняемых.

В каждой губернии будет один прокурор. Он должен иметь двух или трёх помощников в губернском городе, кои могут заменять его в присутствиях судов. Сверх сего при прокуроре будет находиться несколько секретарей.

В каждом уезде будет один помощник прокурора, имея при себе двух или более чиновников. Главнейшие из сих чиновников могут заменять помощника прокурора в случае необходимости.

В верховном апелляционном суде надлежит иметь обер-прокурора в каждом департаменте и сверх сего генерал-прокурора для общего собрания департаментов верховного суда, когда они соединяются для разрешения дел, по коим представляется разномыслие между департаментом гражданским или уголовным и двумя из судов гражданских и уголовных*.

В других министерствах инспекторы назначаются для постоянного исполнения своей должности. Министерство финансов, министерство народного просвещения и пр. имеют своих постоянных инспекторов. Они избираются из почетнейших чиновников по каждой части.

Одним словом, управление без постоянных инспекторов никогда не может быть удовлетворительно.

Мы не знаем, существуют ли в России постоянные инспекторы по сей столь важной отрасли управления, по управлению государственных имуществ и по уделам. Вероятно, что министерство государственных имуществ имеет что-нибудь подобное на инспекторство. В противном случае нельзя постигнуть, каким образом сие управление может совершаться. — *Примеч. Н. И. Тургенева.*

* Если уничтоженное верховным судом решение одного гражданского или уголовного суда, переданное на новое решение другого суда, будет повторено сим вторым судом в том же виде, как было дано первое решение, вопреки последовавшему уничтожению оного департаментом верховного суда; тогда дело не может вновь поступать на рассмотрение того же департамента, но должно быть предоставлено рассмотрению общего собрания департаментов верховного суда. Это может встретиться особенно вследствие неясности закона. Тогда державная власть, в случае, если дело не разрешится и в общем собрании, должна приступить к истолкованию закона. — *Примеч. Н. И. Тургенева.*

Генерал-прокурор должен иметь право, по своему усмотрению, участвовать лично во всех делах, вступающих в верховный суд, не только по общему собранию, но и по департаментам.

Генерал-прокурор и обер-прокуроры имеют при себе достаточное число делопроизводителей.

При верховном суде в особенности будет полезно иметь известное число молодых правоведов в качестве аудиторов. Они будут находиться при заседаниях суда и могут быть употребляемы как членами суда, так и генерал- и обер-прокурорами по их усмотрению. Таким образом, правительство может всегда иметь сведущих чиновников для наполнения ими мест по судебной части.

ОБ АДВОКАТАХ

В состав предлагаемого нами нового устройства судопроизводства, очевидно, входят адвокаты. У нас адвокатов нет. Есть только стряпчие, которые, как говорится, *ходят* по делам. Из этого класса людей нельзя надеяться извлечь порядочных адвокатов. По делам остзейских губерний, производящимся в Сенате, мы находим в С[анкт]-Петербурге людей весьма почтенных, сведущих, иногда настоящих юрисконсультов, коим вверяется ходатайство по сим делам. Сие обстоятельство не переменяет общего заключения, что адвокатов в России, кроме остзейских губерний, не существует.

Когда предлагаемая реформа будет принята и когда необходимость адвокатов будет очевидна, тогда начнут появляться и адвокаты. В университетах и в училище правоведения внимание юридических факультетов и профессоров законоведения будет обращено на представляющуюся потребность. Преподаватели науки будут знать, к чему они должны готовить своих слушателей. Студенты, посвящающие себя судебному поприщу, будут знать, что в самом начале ожидает их на сем поприще: звание адвоката должно быть первою степенью, иногда, для отличнейших, первою и последнею на сем достохвальном поприще. Соответственно сему профессора будут преподавать, а студенты изучать трудную науку правоведения.

Но с самого дня учреждения новых судов и нового судопроизводства нельзя ожидать, чтобы везде явилось достаточное число правоведов для исполнения того, что требуется от адвоката. Итак, в начале следует допустить, как в гражданских, так и в уголовных судах, в

качестве адвокатов всех тех лиц, кои будут избраны подсудимыми и тяжущимися.

Так как в делах уголовных случается, что подсудимый не может найти защитника, и так как, по новому устройству, всякий подсудимый должен непременно иметь пред судом защитника; то в таком случае судья сам назначает сего защитника, избирая его из секретарей или аудиторов суда или даже из среды общества, в коем всегда найдутся люди, готовые из усердия к правосудию, из сострадания к подсудимому, взять на себя труд защиты.

Но когда, по прошествии нескольких годов, будет найдено, что число молодых правоведов, учившихся в университетах и в школе правоведения, достаточно для соответствования всем потребностям судопроизводства, тогда класс адвокатов может быть устроен надлежащим образом. Некоторые права и преимущества, требуемые достоинством и почетностью их звания, должны быть им усвоены.

Но и в то время, когда будет существовать повсеместно устроенный класс адвокатов, должно предоставить подсудимому и тяжущимся право верить защите или ходатайство по делу даже и таким лицам, кои к классу адвокатов не принадлежат. Это отступление от общего правила будет, конечно, весьма редким исключением; но не менее того исключение необходимо, дабы дать подсудимому полную волю в избрании своего защитника и тяжущимся их ходатая.

В заключение да будет нам позволено представить на усмотрение всех мыслящих людей следующее замечание.

Скрывать зло, избегать говорить о нем, всегда бесполезно, иногда решительно вредно. Итак, осмелимся указать на столь пагубное и вместе столь гнусное зло лихоимства, взяток, которое, как кажется, нимало не уменьшается с успехами общей образованности в России. Если бы было какое-нибудь средство искоренить или, по крайней мере, умерить зло сие, то, конечно, всякое правительство давно уже прибегнуло бы к сему средству. Но такого средства, при теперешнем порядке вещей, не существует и существовать не может.

Мы спрашиваем: не найдется ли это средство само собою при новом устройстве судопроизводства?

Присяжные, от коих будет зависеть существенное решение всякого дела, гражданского и уголовного, по самому избранию и окончательному назначению их, будут недоступны к какому бы то ни было соблазну со стороны подсудимых и тяжущихся, непричастны ни к

какому лицеприятию. По крайней мере, все возможные вероятности позволяют нам ожидать сего.

Как, кажется, серьезно не подумать о предложении, обещающем исцеление от нравственной болезни, заражающей и губящей все, что ни есть священнейшего для всякого человеческого общества, заражающей и губящей Правосудие!

О НАКАЗАНИЯХ

Мне неоднократно случалось замечать, что в России встречается посреди общества гораздо более людей, имеющих некоторые познания в законах, нежели в других землях.

В Англии, где законы представляют огромную массу разных постановлений и узаконений и где к этой хаотической массе присоединяется ещё так называемый *общий закон* (common law), в Англии весьма понятно, что люди, не принадлежащие к сословию юрисконсультов, весьма мало обращают внимания на законодательство и при малейшей надобности прибегают к совету правоведа.

Во Франции общие понятия в законодательстве распространены несравненно более, по причине существования в сей земле полных уложений (кодексов) по каждой отрасли законодательства. Но и во Франции едва ли общие познания в законах столь распространены, как в России.

У нас на каждом шагу встречаются люди, которые более или менее смыслят что-нибудь в законах. Не говоря уже о чиновниках, кои в продолжение службы могут приобретать некоторые сведения в законодательстве, частные лица, помещики, живущие в своих имениях, купцы, фабриканты, мануфактуристы, по делам своим, имеют различные случаи ознакомиться с законами.

Это, очевидно, происходит от того, что у нас нет записных юрисконсультов, правоведа, адвокатов. Всякий, в случае надобности, не имея к кому обратиться для совета, чувствует необходимость знать сколько-нибудь сам, что́ должно делать. Может быть, система выборов, дворянских и купеческих, также содействует сему общему распространению кой-каких сведений в законодательстве. Это обстоятельство заслуживает некоторого уважения; ибо нельзя не желать, чтобы сведения, хотя и поверхностные, законов были сколь возможно распространены в обществе. Желательно, чтобы каждый мог, в

случае нужды, судить о законности или незаконности такого-то или такого-то действия или поступка. Прибегать беспрестанно и в самых простых обстоятельствах к совету адвокатов и правоведов не только убыточно, но может вести к бесполезному размножению тяжб и споров. Систематическое уложение, если бы Россия имела счастье получить его, распространило и развило бы в высокой степени рассеянные между людьми всех состояний понятия юридические вообще и сведения в законах в особенности. Тогда каждый мог бы быть, во многих случаях, собственным своим адвокатом.

Великое дело составления полного систематического уложения конечно, рано или поздно, должно быть предпринято. Если с одной стороны составление уложения гражданского требует великих и продолжительных трудов, то с другой — уложение уголовное может быть начертано с несравненно большею легкостью.

Мы не можем здесь войти в дальнейшее рассмотрение планов, по коим можно приступить к составлению гражданского уложения, исследовать, до какой степени, например, теперешний свод законов может служить основанием нового уложения, источником, из коего могут быть почерпнуты главнейшие постановления; каким образом, сокращая и сокращая содержащиеся в своде узаконения по одному и тому же предмету, возможно из целого тома извлечь несколько параграфов, кои в немногих словах содержали бы сущность тысячи различных указов и узаконений*.

Но мы почитаем нужным указать на свойства и характер, который должно иметь всякое здоровое уложение уголовное.

Характер уголовного уложения ознаменовывается наиболее родом и степенью наказаний, уложением изрекаемых.

О степени наказаний мы упомянем только мимоходом. Нам кажется, что некоторые законодательства во многих случаях, чрезмеру и безотчетливо, возвышают степень наказаний и тем самым порождают несоразмерность и неравенство в наказаниях по различным проступкам и преступлениям. Так, например, французское законодательство, которое мы находим вообще слишком строгим,

* Заметим при сем, что великий английский министр, сэр Роберт Пиль, приняв реформу уголовного законодательства, ограничился сокращением существовавших узаконений и извлечением из оных существенного, отстраняя все излишнее и повторяемое во многих постановлениях. — *Примеч. Н. И. Тургенева.*

несмотря на многое смягченное в нем с 1832 года, часто определяет более строгие наказания за маловажные упущения и ненаблюдения предписаний закона, нежели за деяния, достигающие до злодейства; человек, не сделавший в назначенное время предписанного объявления начальству при выдаче в свет напечатанной им книги; журналист, поместивший статью политическую, когда журнал его не должен говорить о политике, подвергаются несравненно строжайшему наказанию, нежели человек, изувечивший другого в драке. Что касается до строгости наказаний вообще, то опыт, по крайней мере, в тех землях, где существует суд присяжных, доказывает, что чем строже наказания, законом определяемые, тем более встречается оправдательных приговоров. Из достоверных документов следует, что в Англии число обвинительных приговоров увеличивалось по мере уменьшения строгости в наказаниях.

То, на что мы желаем обратить внимание всех мыслящих людей, это род, свойство наказаний, кои изрекает уголовное уложение.

В чем состоит, в чем должна состоять цель наказания?

Одни полагают, что пример наказания устрашает людей и тем удерживает их от преступления и что посему цель наказания состоит в устрашении для предупреждения преступлений.

Если бы пример наказания действительно удерживал людей от преступлений, то давно уже весь свет увидел и сознал бы удачное последствие сего намерения законодателя. Но с повторением примеров наказаний повторяются и преступления, и мы находим даже, что в прежние времена, когда наказания были гораздо строже и, следовательно, когда так называемое устрашение долженствовало быть действительнее, мы находим, что тогда и преступления были сопровождаемы большею жестокостью. В новейшие времена, напротив того, когда наказания были смягчены, мы видим, что и преступления смягчились, если позволено так выразиться, и что вообще, если преступления против собственности ближнего увеличиваются в числе своем, то число преступлений против лиц постепенно уменьшается. Это показывает, что преступления увеличиваются или уменьшаются совсем от иных причин, вовсе не зависящих от примера наказаний.

Впрочем, допустив, что пример наказания удерживает от преступлений, мы должны логически допустить также, что чем строже будет наказание, тем действительнее будет пример. Тогда логика доведет нас до самых безнравственных и безрассудных последствий.

Этого не довольно. Мнение, что наказание, служа примером, должно предупреждать преступления, иногда прямо ведет к явной несправедливости и даже к жестокости. Мне случалось однажды быть в суде, где лондонский рекордер (городовой судья) судил одного молодого человека за кражу карманного платка или кошелька. В обыкновенных обстоятельствах признанный виновным в таком проступке был бы приговорен к задержанию в смиренном доме на месяц или на два месяца. «Но так как в последнее время», — изъяснял рекордер в своем приговоре, — «кражи сего рода весьма умножились, то для примера и для устрашения подобных воров наказание должно быть усилено», и вследствие сего логического заключения сей судья приговорил молодого вора к 7-ми летней ссылке (транспортиции).

Не ясно ли, что в сем случае осужденный потерпел наказание не только за собственный его проступок, но и за проступки других воров, коим удалось избежать законной ответственности?

Таким образом, устрашение не может быть, вопреки здравому смыслу, целью наказания.

Другая теория о цели наказаний полагает, что наказание должно стремиться к исправлению преступника.

Эта теория мягче, человеколюбивее первой, но не менее недостаточна и неверна.

Сей цели наказания можно искать в устройстве тюрем, в коих заключенные могут быть наставляемы в различных нравственных и религиозных предметах, где они могут быть обучаемы различным ремеслам, где они могут работать и приобретать чрез то средства к содержанию себя по выходе из тюрьмы.

Но иметь целью исправление при определении законом рода и степени наказания, равно как и при применении закона, не может вести совершенно ни к чему. Сверх сего, каким образом законодатель может обеспечить или сделать вероятным исправление? Каким образом он может удостовериться, что исправление воспоследовало? Все это шатко, неверно и не позволяет останавливаться на сей второй теории.

Мнение, что целью наказания должно быть поставление преступника в невозможность вредить обществу, слишком неопределительно, недостаточно и не может служить руководством для законодателя. Что значит поставить человека в невозможность вредить обществу? Значит ли это, что его надлежит запереть в тюрьму на всю жизнь? Но

и в тюрьмах совершаются преступления. Одна только смертная казнь представляется как удовлетворительное, логическое последствие такой теории. Уже одна невозможность извлечь из неё каких-либо правил относительно соразмерности наказаний доказывает совершенную незначительность сей теории.

Теория о цели наказания, принятая теперь всеми криминалистами в Германии и замечательнейшими во Франции (как, например, Росси⁶³⁵), поставляет правилом, что наказание имеет целью восстановление общественного порядка, нарушенного преступлением, посредством должного возмездия за содеянное виновным.

Всякое противозаконное деяние нарушает порядок, без которого никакое общество существовать не может.

Всякое противозаконное деяние само собою призывает ответственность на виновного, как причина призывает действие.

Наказание, постигающее виновного, удовлетворяя нравственному чувству справедливости, тем самым восстанавливает, по возможности, нарушенный преступником общественный порядок.

Имея в виду сию цель, законодатель при определении наказания не будет увлечен к тем несообразностям и несправедливостям, кои неизбежны при желании достигнуть какой-либо иной цели, побочной, прикосновенной и часто невозможной.

Имея в виду преступление, он оценит вред, причиненный обществу. Но, вместе имея в виду неминуемое возмездие, коему должен быть подвержен преступник, он оценит степень его злоумышленности. Таким образом, степень общественного вреда и степень злоумышленности в причинении оного представляются законодателю в нераздельной совокупности и служат исключительно справедливым основанием определения наказания.

Судья в приговоре своем, держась сей теории, равномерно ограничится оценением токмо вины, о коей он судит, и злоумышленности того, кого он судит.

Таким образом, сия теория, по возможности, удовлетворяет главным требованиям правосудия.

Действие примера, состоящее в предупреждении преступлений посредством устрашения, если оно возможно; исправление осужденного посредством здраво устроенных тюрем; отлучение его от общества и поставление в невозможность более вредить ему — все это, до известной возможной степени, последует само собою за наказанием.

Мы нимало не отвергаем всех сих последствий наказания, поколику они возможны. Мы только утверждаем, что если законодатель и судья, не ограничиваясь целью восстановить нарушенный преступлением общественный порядок сообразным злоумышленности наказанием, будут особенно иметь в виду или предупреждение дальнейших преступлений, или исправление преступника, или какой-либо иной предмет, что тогда они, гоняясь за мечтами, отступают от самых простых правил справедливости и здравого смысла.

Теория или мнение о цели наказания, излагаемое нами, не ново. Уже Лейбниц⁶³⁶ и Кант⁶³⁷ означили и изъяснили оное; первый особенно весьма замечательным образом. В новейшие времена германская наука, столь глубокая и всеобъемлющая, выработала мысль сих высоких философов и основала её на твердом основании логики и здравого смысла.

Гениальный Бентам⁶³⁸, как должно думать, не знал сей теории. Он составил о наказаниях собственную свою теорию, на любимом его правиле *полезности* основанную. Она, как всё произведенное сим великим мыслителем, весьма замечательна, остроумна, привлекательна; но, несмотря на это, мне удалось однажды, вооружившись немецкою теорией, убедить одного из отличнейших почитателей Бентама в неосновательности теории утилитарной.

Зная, какую цель могут и должны иметь наказания, законодатель по простому здравому смыслу придет к заключению, что наказание не должно простирается далее, нежели как того требует возможное восстановление общественного порядка, преступлением нарушенного, и должное возмездие за доказанную злоумышленность преступника. Возмездие за содеянное преступление не есть мщение со стороны общества, но только удовлетворение, необходимо требуемое пользою общему. Таким образом, все чисто жестокое должно быть устранено от наказаний. Законодатель, изрекая наказание, должен ограничиваться, по возможности, самым меньшим количеством зла, причиняемого виновному. Коль скоро одно менее строгое наказание представляется достаточным для удовлетворения общества и для возмездия за умышленное преступление, тогда бесполезно, безрассудно, жестоко прибегать к наказанию более строгому.

Понятия о жестокости в наказаниях изменяются с изменением гражданского, политического и нравственного состояния обществ человеческих. В прежние времена, во времена невежества и грубо-

сти нравов, мы повсюду находим в обыкновении такие наказания, о коих одна мысль теперь нас ужасает. Мало-помалу законодатели образованнейших народов изучились и привыкли уважать, даже и в преступнике, неотъемлемое достоинство человека. Преступников заключают в тюрьму, казнят, вешают; — но не мучат и не проклинают их, не издеваются над ними, как их мучили, как их проклинали, как над ними издевались прежде.

Это приводит нас к замечанию, что наказания могут быть не только жестоки, но и унизительны, оскорбляя врожденное достоинство человека. Таковы суть вообще наказания телесные.

Ни по какой из упомянутых нами теорий не могут быть оправданы наказания телесные.

Если они должны предупреждать преступления устрашением, то вместе с сим они могут иметь оное действие. Люди, видя, чему они могут быть подвергнуты, или почувствуют негодование, ненависть к закону, или закоснеют в пороке, находя в лице страдальца собственное свое унижение, — и в том, и в другом случае пример телесных наказаний, вместо предупреждения, порождает новые преступления.

Они во многих случаях не отлучают виновного от общества. Когда же телесные наказания сопряжены с таковым отлучением, с ссылкой, с заточением, тогда они просто касаются пределов жестокости; ибо за исключением смертной казни, ссылка на поселение или заточение с работою должно быть высшею степенью справедливых наказаний в наше время. Такие наказания не должны быть соединяемы с наказаниями, так сказать, добавочными иного рода.

Телесные наказания ещё менее могут соответствовать теории исправления. Для исправления необходимо порождение в виновном чувства нравственного, чувства его человеческого достоинства, а сие — именно чувство подавляется наказанием унизительным.

Наконец, телесные наказания никак не могут согласоваться с теориею, нами принимаемою. По сей теории сохранение общественного порядка, следственно, благо общее, есть цель наказаний. Средство к достижению сей цели есть, конечно, возмездие, коему подвергается виновный. Но общество, состоя из людей в отдельности, из индивидуумов, не может желать бесполезного унижения членов сего самого общества, ибо, унижая их, оно само себя унижает. Таким образом, наказания унизительные не только не соответствуют требованиям нашей теории, но прямо ей противоречат.

Будучи противны всем ныне существующим понятиям о правосудии, телесные наказания только свидетельствуют о невежестве и грубости нравов не теперешнего времени, но времен прошедших, когда дикая сила была единственным орудием и управления, и правосудия, когда люди весьма мало отдавали сами себе отчет в нравственных предметах. Привычка и обыкновение укоренили зло, и теперь сии наказания суть не что иное, как безотчетное варварство!

Привычка и обыкновение! Многое, само по себе непостижимое, изъясняется этими двумя словами. На многое уродливое и ужасное люди смотрят хладнокровно потому только, что они *привыкли* смотреть на это. Многое уродливое и ужасное люди делают даже сами, потому единственно, что отцы их то же делали и что современники их продолжают то же делать. Вот, например, довольно печальное доказательство этой склонности в людях делать так, как делалось прежде. В царствование императора Александра I-го вышел однажды указ, осуждающий как излишнюю жестокость обезображение лица преступника. Но в заключении было только предписано не вырывать ноздрей. Немедленно возник вопрос: следует ли продолжать клеймить преступников? Казалось бы, по общепринятому в юриспруденции правилу, что сомнение в подобных случаях должно быть истолковано в пользу страждущего; казалось бы, что, принимая в уважение побудительные причины указа, решение сего вопроса долженствовало отстранить клеймо вместе с вырыванием ноздрей; — совсем нет! Истолкование состояло в том, что, так как в заключении указа говорится только о ноздрях, а не о клейме, то следует *по-прежнему* клеймить!

«По-прежнему» — эти слова все изъясняют; клеймили прежде — будем продолжать клеймить и впредь!

В России мы находим одну особенную причину, которая необходимо должна содействовать сохранению телесных наказаний. Высший класс народа, из которого правительство берет и судей и администраторов, не подлежит сим наказаниям. Естественно, что они не могут смотреть на сии наказания с той точки зрения, с какой смотрят люди, подверженные оным. Присоедините это обстоятельство к влиянию закоренелой привычки, и тогда вы не удивитесь, что тот класс народа, который один только судит и управляет, говорит и пишет, не много заботится о зле, которое до него не касается.

Мы отвергаем всякого рода телесные наказания, и отвергаем решительно и безусловно, потому что они унижительны и противны

врожденному и неотъемлемому достоинству человека. Этой причины для нас совершенно достаточно.

Но множество других причин, так сказать, вопиет против телесных наказаний.

Например: они необходимо соединены с неопределительностью, с произволом. Одно и то же число ударов кнутом, или плетью, или розгами действует различно на людей, смотря по их крепкому или слабому телосложению. Сверх сего многое зависит в нанесении ударов от произвола палача. Известно, что палач мог умертвить наказуемого одним или двумя ударами кнута*.

Другое обстоятельство, о котором мы упомянули выше, и которое свидетельствует против телесных наказаний, состоит в том, что, подавляя в людях чувство их человеческого достоинства, они приводят их до такой степени унижения, что в наказании они, наконец, видят только физическую боль. Такое расположение умов как будто вызывает законодателя к усилению более и более строгости и жестокости в наказаниях. Горе земле, где народ боится одной только физической боли!

Но главная из причин второстепенных и самое сильное опровержение состоит в бесполезности сих наказаний. И подлинно: многие из преступлений могут быть караемы тюремным заключением. Самые важнейшие могут найти достаточное возмездие в ссылке на поселение и в ссылке на каторжную работу. В первом случае, коль скоро преступление может быть наказано тюрьмою, бесполезно прибегать к розгам и к плетям. Во втором, если преступник ссылается на поселение или на каторгу, то бесполезно, сверх того, мучить его жестоким телесным наказанием.

Мы не возьмем на себя защищать смертную казнь. Но скажем не обинуясь, что мы решительно предпочитаем смертную казнь плетям и кнуту. В царствование императора Александра I-го Государственный совет, рассматривая проект уголовного уложения, одобрил введение смертной казни⁶³⁹, — очевидно для того, чтобы отстранить жестокие телесные наказания.

* Один почтенный и достойный прокурор рассказывал мне, что, говоря однажды с палачом о силе и действии ударов кнутом, палач сказал ему, что одним или двумя ударами можно умертвить человека. «Тебе случалось ли это?» — спросил прокурор. — «Эх, нет! батюшка. Ведь Бога надо бояться!» Это ответ — палача! — *Примеч. Н. И. Тургенева.*

Мне тяжело, мне душно писать то, что я здесь пишу; перо едва двигается в дрожащей руке. Но как быть? Надобно же напомнить о том, что делается около нас, чего мы не видим, о чем мы страшимся, избегаем и думать, но что не менее того совершается на самом деле. Скрепив сердце, я иду далее и решаюсь представить читателю моему следующее предположение:

Человек осужден на самое крайнее телесное наказание. Является хирург и говорит судьям: «Через несколько часов вы отдадите мне этого человека изуродованным, изувеченным, для излечения. Тело его будет изрыто ударами кнута или плетей. Кожа исчезнет. Куски мяса будут вырваны. Кости обнажены. Сердце и другие части состава человеческого могут быть повреждены и причинить смерть. Операция палача не верна и безотчетлива. Я предлагаю заменить её операцией хирургической. Скажите, сколько локтей кожи, сколько фунтов мяса должно быть вынуто из осужденного. Я исполню это с возможным искусством и осторожностью. Лечение будет удобнее и восстановление здоровья вероятнее и скорее».

Вы, судьи, вспыхнете от гнева и негодования при таком чудовищном предложении... Но опомнитесь, размыслите хладнокровно о самой сущности предложения и вы найдете, что хирург более филантроп, нежели вы.

Так, конечно! Предложение ужасно, отвратительно, чудовищно. Но какими же словами заклейте вы то наказание, которое превосходит бестолковой жестокостью даже и это чудовищное предложение? Конечно, мы не преступили пределов умеренности, называя телесные наказания безотчетным варварством!

«До нашествия татар русские знали побои только в драке»⁶⁴⁰, — заметил наш бессмертный историк. Четыре столетия прошло со времени освобождения России от ига татарского!!

Скажем, наконец, несколько слов о смертной казни. В последние времена возникло в некоторых землях весьма решительное мнение против смертной казни. Одни находят её несправедливою, другие, в осуждении её, основываются особенно на том, что лишая человека жизни, общество лишает себя возможности исправить ошибку свою в случае, если впоследствии будет доказана невинность казненного. И те и другие вообще восстают против смертной казни также и на том основании, что она поддерживает и усиливает в нравах наклонность к жестокости.

Первое из сих мнений кажется нам неосновательным. Мы не видим, почему общество, имея право наказания вообще, не имеет и права казнить смертью.

Второе мнение оправдывается, до некоторой степени, опытом. Как правильно и хорошо ни было бы устроено человеческое правосудие, как все человеческое, оно всегда будет несовершенно. От времени до времени мы видим, что даже и в тех землях, где подсудимые ограждены всем возможным покровительством закона, они бывают иногда осуждаемы безвинно. Если приговоренное наказание оставляло осужденного в живых, то дело, по возможности, поправлялось. Но если казнь была смертная, то ничто не могло поправить ужасной ошибки. Но здесь надлежит заметить, что такие *судебные ошибки* чрезвычайно редки там, где правосудие сопровождается и полною защитою, и полною гласностью, и мы не думаем, чтобы сей одной причины, в возможности несправедливого осуждения на смертную казнь состоящей, было достаточно для исключения сей казни из уголовного уложения.

Мнение, отстраняющее смертную казнь на том основании, что она поддерживает и усиливает в нравах народных расположение к жестокости, заслуживает, по нашему убеждению, несравненно более внимания. Сие вредное действие смертной казни неоспоримо. Во многих землях это было признано, и потому мы видим, что с некоторого времени смертная казнь совершается там внутри тюрем, в присутствии некоторых свидетелей и далеко от глаз этой бессмысленной толпы, которая с жадностью сбегается на место казни, как она сбегается на кулачный бой, на травлю быков или медведей и на всякое кровавое зрелище, удовлетворяющее неблагородным инстинктам сердца человеческого. Можно сказать, что смертная казнь, располагая, таким образом, к жестокости, в известной степени развращает народ. Уничтожение её, в сем смысле, и благотельно, и нравственно. Может быть люди, видя, что закон как будто страшится прибегнуть к сему крайнему средству казни, более почувствуют важность и, так сказать, святость жизни человеческой, и мысль о смертоубийстве, может быть, сделается для них ещё более ужасною и отвратительною. Тогда, вероятно, и преступления сего рода сделаются реже.

Говоря о смертной казни в отношении к пагубному её влиянию на нравы, мы не имеем ничего сказать об оной в отношении к лицу, которое ей подвергается: для несчастного, заслужившего казнь смерт-

ную, едва ли не лучше лишиться немедленно жизни, нежели влечить эту жизнь под бременем угрызений его совести.

Vert-Bois. 10 октября 1857

О СУДАХ ПОЛИЦЕЙСКИХ

Недавно мне случилось читать в одном французском журнале описание полицейских судов в Англии, и именно в Лондоне. Автор не ограничивается описанием, но советует учреждение подобных судов во Франции, особенно в Париже.

Имея некоторое понятие об устройстве судебной власти в Англии и во Франции, зная несходство и даже некоторую противоположность между образованием судов и судопроизводства в сих двух землях; соглашаясь, что французы не без причины гордятся систематическим учреждением своих судебных мест, между тем как англичане со своей стороны справедливо предпочитают простоту своего судопроизводства, столь несообразную с методизмом французского кодекса, но столь верную и столь благотворную на самом опыте; находя, что в сем случае, как во многих других, характер народный отражается более или менее в характере законодательства и, наконец, заключая по новейшим реформам, предпринятым в Англии, что если одно государство должно подражать другому, то, конечно, скорее Англия будет искать в сем отношении примеров во Франции, нежели Франция в Англии, — я удивился этому предложению француза занять что-либо относительно не только судопроизводства, но и самого устройства судов, у Англии. Но, вникнув поглубже в рассмотрение вопроса, я убедился, что предложение французского правоведа основательно и что устройство, особенно в Париже, полицейских судов, подобных лондонским, было бы, конечно, полезно.

В большом, многолюдном городе ежедневно случается множество происшествий, нарушающих общественный порядок и законы. От ничтожной ссоры до самого смертоубийства, все эти проступки и преступления должны быть прекращаемы и преследуемы установленными властями. Как происходит это прекращение и преследование в самом начале, т. е. немедленно после происшествия?

Во Франции некоторые противозаконные поступки, в сущности своей маловажные (*contraventions*⁶⁴¹), решаются судьей мира

(tribunal de simple police⁶⁴²)*. Но настоящие проступки и преступления, общественный порядок нарушающие, подлежат особенно ведению следственного судьи (juge d'instruction⁶⁴³). Преследование в сих случаях начинается обыкновенно протоколом (procès verbal), составленным жандармом или городовым сержантом, и обвиняемый препровождается к комиссару полицейскому и потом к прокурору. Сей последний не входит в сущность дела, а смотрит только, правильно ли было сделано задержание обвиняемого. В сем случае он отправляет его к следственному судье. В противном случае прокурор может его освободить. Следственный судья или освобождает, или дает приказ задержания (mandate de dépôt). Тогда начинается настоящее следствие (instruction). Если дело составляет проступок (délit), то следственный судья может прямо предать обвиняемого *исправительному суду* (police correctionnelle). Если дело состоит в преступлении (crime), тогда судья вместе с прокурором дают *приказ арестации* (mandat d'arrêt) и обвиняемый отправляется в *камеру обвинительную* (chambre des mises en accusation), которая или освобождает, или предает обвиняемого суду присяжных.

Производство во всех сих случаях не гласное, и обвиняемые или допрашиваемые не могут быть сопровождаемы и вспомоществуемы защитником или адвокатом. Вопросы судьи и ответы обвиняемого излагаются письменно и прилагаются к делу.

В Англии арестуемые полицейскими констеблями, равно как и те, на коих приносятся жалобы от частных лиц, предстают пред суд полицейского судьи.

В каждом съезде двора (station house) присутствует полицейский инспектор. Арестуемые лица констеблями (полицейскими агентами) представляются ему. Он имеет право задержать их под стражею. На съезде двора есть книга, в которую записывается имя каждого арестуемого.

* Ведение судьи мира (Juge de paix) распространяется на весьма многие и разнородные предметы. Главнейшие из сих последних суть: 1) Предупреждение тяжб посредством примирения несогласий между спорящими и готовящимися начать процесс. 2) Решение споров по различным требованиям, коих денежная стоимость не простирается далее определенной суммы. По суммам маловажным он решит окончательно. По другим спорящие могут апеллировать. 3) Штрафование от 1 до 15 франков, по разным полицейским упущениям. Сверх сего судья мира исполняет различные предписания прокурора, председатель в семейных советах (conseil de famille) и пр. В каждом уездном городе (chef lieu de canton) есть судья мира. — *Примеч. Н. И. Тургенева.*

стованного, имя приносящего жалобу или арестовавшего полицейского агента, проступок или преступление, по коему последовало задержание. Если арестованный был немедленно освобожден, то сие также записывается в книгу. Инспектор, препровождая арестованного в суд полицейский, представляет вместе копию со всего записанного. Протоколист суда вносит в свою книгу замечательнейшие обстоятельства дела. Пред судом спрашивают у обвиняемого его имя. Потом предстает обвинитель или полицейский агент, арестовавший обвиняемого, и в качестве свидетелей, дав присягу, изясняют дело. Так как английский закон не допускает свидетельства по слухам, т. е. свидетельства о том, о чем свидетель слышал, а чего он сам не видел; то судья легко полагает конец бесполезной болтовне свидетелей. По выслушании каждого из них, судья спрашивает у обвиняемого: что́ имеет он сказать о показании свидетеля. Часто обвиняемый или молчит, или отвечает отрицательно. Иногда обвиняемый или его адвокат начинает сам передопрашивать (cross-examine) свидетеля, вследствие чего обвинение иногда весьма ослабляется. Обыкновенно судья сам не допрашивает свидетелей, кроме случаев, когда обвиняемый сам не спрашивает или когда показания были неясны, неопределительны. Вообще судья требует пояснений в выгодах как обвинителя, так и обвиняемого, без различия. Большинство обвинений пред полицейскими судами состоит в пьянстве.

Полицейские суды рассматривают также различные споры, например, между хозяевами домов и их жильцами, между мастерами и их учениками. Задерживаемые за прошение милостыни также приводятся в полицейские суды. Часто бедные, умирающие с голода, обращаются к полицейским судьям, кои им и сами помогают и рекомендуют их различным благотворительным заведениям. Иногда некоторые лица обращаются к судье, прося совета по какому-нибудь обстоятельству, и судья всегда их выслушивает и по возможности удовлетворяет их желанию.

Дела по обвинениям, превышающим, касательно окончательного решения, власть полицейских судов, производятся тем же порядком. В начале делаются показания свидетелей. Обвиняемый может их передопрашивать, представлять своих свидетелей, иметь адвоката, что, однако же, редко бывает. Если судья находит обвинение основательным, то он посылает обвиняемого пред суд больших присяжных. В таком случае судья составляет особенный приказ для предания суду

(a warrant of commitment⁶⁴⁴). Производство всегда гласное и словесное. Обыкновенно дела решаются довольно скоро, гораздо скорее в сравнении с другими землями.

Судьи, полицейские в Лондоне, не стоя на той высокой степени иерархии, на которой находятся 15 судей Англии, пользуются не менее того общим уважением и доверием.

В 1839 году полицейские суды в Англии были вновь преобразованы. Они существуют теперь в различных городах. В Лондоне 11 судов; судьи получают жалованья от 1000 до 1200 ф[унтов] стер[лингов]. В должность судьи назначаются обыкновенно почтенные адвокаты. При каждом суде 2 судьи. Суд присутствует ежедневно от 10 до 4-х часов.

Из сего краткого изложения порядка вещей в двух государствах легко можно видеть, что производство английское гораздо проще французского, что оно идет скорее, не говоря уже о том, что условие гласности несравненно более обеспечивает личность обвиняемого.

В России французские следственные и английские полицейские судьи не заменяются теперь, как это было прежде, одним полицейским произволом. Ныне существуют в столицах, по городским частям, *следственные пристава*, кои действуют с частными приставами и руководствуются, как мне сказал один из сих чиновников, XV-м томом свода законов.

Может быть, сего устройства достаточно для сохранения, как бы то ни было, наружного порядка в городе. Но достаточно ли такого результата для правительства народолюбивого?

Все русское судопроизводство требует перемен и лучшего устройства. Судопроизводство полицейское не делает в сем отношении исключения из общего правила. Но если мы пристальнее рассмотрим в характер полицейского судопроизводства, то найдем, что кроме общих требований правосудия, коим оно долженствует соответствовать, оно должно, или, по крайней мере, может в особенности споспешествовать успехам нравственности народной, споспешествовать морализации масс, и сие если не более, то, конечно, легче, удобнее, нежели судопроизводство иного рода.

И подлинно! Тысячи людей в течение года проходят чрез следствия полицейские. Не все, подвергаемые следствию, бывают виновны; многие, виновные только в малой степени, заслуживают снисхождения и должны быть охранены в соразмерности. Видя себя пред

судом, они могут страшиться, робеть, *бояться*, по русской пословице, *судьи ещё более нежелли суда*; но спрашивается: могут ли они иметь доверие к судье, как обвиняемые во Франции и особенно в Англии? Откуда это доверие может возникнуть?

Вообразите, напротив того, что обвиняемый, представляясь суду, находит судью настоящего, правоведа, который допрашивает его тихо, терпеливо, честно, зная, что обвиняемый не есть уже осужденный; и что этот судья, в его присутствии, таким же законным образом допрашивает свидетелей как в пользу, так и против него; что кроме сего, он, обвиняемый, может пользоваться советом избранного им самим адвоката, и, наконец, — это всего важнее, — что все следствие происходит гласно... вообразите себе такое судопроизводство и скажите: останется ли оно без всякого благотворного влияния на ум и сердце не только подсудимых, но и целых масс народных?

Изложить предварительно во всех подробностях устройство полицейских судов и судопроизводство в оных было бы трудно, даже невозможно; для сего надлежит быть на месте, удостовериться не только в том, на каких основаниях должны по ныне существующим законам производиться теперь дела, предназначенные для сих судов, но и каким образом производство совершается действительно, на самом деле. Следствия уголовные, коими занимаются теперь следственные пристава, должны обратить на себя особенное внимание. Может быть, в начале нового порядка признано будет удобнее отделить эти следствия от ведения полицейских судов, хотя, впрочем, мы не видим к сему повода, если ведомство полицейских судов будет ограничиваться одним городом. Как бы то ни было, не входя в подробности образования полицейских судов, мы удовольствуемся здесь означением главных начал, на коих они могут быть устроены.

Прежде всего, мы заметим, что здесь дело идет исключительно о судопроизводстве, а не о законодательстве полицейском. Существующие законы будут оставаться в своей силе, но приложение сих законов будет вверено иным лицам и будет подвергнуто иным правилам. Только одной, конечно, важной перемены мы будем твердо и неукоснительно требовать в теперешних законах, и именно безусловного уничтожения телесных наказаний. Все возможные реформы в России, до чего бы они ни касались, никогда не будут иметь желаемого успеха, пока обыкновение, привычка будет позволять одному человеку бить другого потому единственно, что один одет по-европейски,

а другой — по-русски. Такая уродливая бессмыслица не может быть истреблена иначе, как если само законодательство войдет в пределы пристойности и человеколюбия и возвратит её достоинство личности каждого подданного и уважит даже и в преступнике святость бессмертной души человека. Итак, телесные наказания, по нашему непреодолимому убеждению, должны быть заменены денежною пеней, простым заключением в тюрьму и заключением с работою. В сей только мере новое устройство коснется до законодательства.

Приступая к устройству полицейских судов, надлежит определить так называемое *ведомство*, или, точнее сказать, ведение (*competence*) сих судов, т. е. пределы, до коих власть их должна распространяться, или иными словами: исчислить все дела, кои должны подлежать сему ведомству. То, что теперь существует в сем отношении, укажет на то, что должно быть вновь определено. Дела, кои подлежат теперь ведению следственных приставов, впредь будут подлежать ведению полицейских судов. Для производства следствий уголовных, может быть, нужно будет оставить следственных приставов на первое время в исключительном распоряжении полицейского судьи.

Обращаясь теперь к изложению существенных начал устройства полицейских судов, мы скажем, что предложения наши мы изложим кратко, не входя в доводы и доказательства истины и пользы сих предложений. Мнения наши о сих предметах суть результат многолетнего изучения и долгого размышления. Мы имели случай, в течение нашей жизни, неоднократно изъяснять наши убеждения и словесно, и письменно, и в печати. Впрочем, все, что мы предлагаем, давно уже перешло в убеждение сведущих в сем деле людей во всем свете.

Вот предлагаемые правила устройства полицейских судов:

1) Суд должен состоять из одного судьи.

Это правило, распространенное на все суды вообще, составляет вопрос ещё не решенный. Что касается до нас, то я в полной мере разделяю мнение, что лучше иметь во всяком суде одного судью, нежели трёх или пятерых, потому наиболее, что, сосредоточивая ответственность на одном лице, законодатель имеет более причин ожидать серьезного и добросовестного решения. Когда ответственность разделяется между многими, то она естественно становится легче для каждого.

Выбор правительством судей должен быть строгий и разборчивый. Теперь есть в России правоведы, из коих нетрудно будет избрать

человек десять для исполнения новоучрежденной судейской должности.

Покуда существуют в России чины, надлежит постановить, что назначаемый в судейскую должность будет пользоваться преимуществами VI-го класса, как сие бывает по выборам дворянства. Жалование судей должно быть достаточное.

Вместе с сим следует узаконить, что судья не может быть отставлен против своей воли иначе, как по изъявлению публично причин его отставки.

2) Производство должно быть словесное, а не письменное. Если встречаются ещё люди, кои предпочитают письменное производство словесному, то это особенно в тяжбах гражданских. В делах полицейских едва ли кто-либо будет защищать письменное производство. «Учреждение о губерниях» Екатерины II-ой, которое вместе с инструкцією для составления законов не довольно, кажется, обращает на себя внимание мыслящих людей в России, это «Учреждение» основанием «словесных судов» ответствовало истинному требованию судного порядка.

Письменное в полицейском судопроизводстве должно ограничиваться изложением на бумаге приказаania о взятии под стражу, о явке свидетелей. Конечно, секретарь суда должен вести протокол о ходе дела и записывать решение суда, которое, быв подписано судьёю, будет служить законным документом.

В чем бы ни состояло подлежащее решению суда дело, кто бы ни был истцом: полиция ли, обвиняющая ответчиков в нарушении порядка, частное ли лицо, ищущее удовлетворения, во всех случаях вообще рассмотрение дела должно происходить посредством допроса свидетелей. Как предстоящие суду лица, так и судья могут призывать свидетелей и никто не должен уклоняться от свидетельств по вызову суда.

Так как мы излагаем здесь только главные основания образований полицейских судов и производства дел в оных; то мы не входим в подробности сего предмета, кои могут быть изложены и определены без большого затруднения тогда, когда главные начала нового порядка будут приняты. Мы почитаем нужным, однако же, указать на одно обстоятельство, заслуживающее внимания по особенной прикосновенности своей к сим началам. Это обстоятельство состоит в вопросе: следует ли позволить обвиняемому пред полицейским судом иметь защитника?

Самое существо большей части дел, кои будут в ведении сих судов, необходимость краткости и скорости в делопроизводстве позволяют думать, что можно, без больших неудобств, обойтись без адвокатов. С другой стороны, встречаются такие случаи, в коих обвинение может быть и важно, и вместе весьма неопределенно, запутанно, и когда первые допросы и первые ответы обвиняемого могут иметь решительное влияние на судьбу его. В таких случаях в смущенном расположении духа обвиняемого, совет хладнокровного и опытного защитника может быть в выгодах не только обвиняемого, но и самого правосудия.

Мы видели выше, что во Франции адвокаты не допускаются к следствию.

В Англии обвиняемый может иметь адвоката пред полицейским судом, так же как и пред судом присяжных, хотя решения больших присяжных (*grand jury*, *jury d'accusation*) происходит без адвокатов.

Обращаясь к нашему вопросу, мы заметим, что существование судебных защитников, адвокатов не известно в России, не потому только, что у нас все производство письменное, но и по другим причинам, не требующим изъяснения. Конечно, когда вздумают приступить к лучшему устройству судебной части в России, то необходимо будет образовать класс или звание судебных защитников, адвокатов; но начать это образование с новым устройством одних полицейских судов было бы затруднительно, не ловко. Итак, хотя с сожалением, мы должны отказаться от мысли дать некоторую постороннюю помощь обвиняемым в полицейских судах. Ограничимся настоятельным требованием, чтобы допросы в сих судах были предпочтительно обращаемы к свидетелям, а не к обвиняемому, который не должен быть принуждаем отвечать, когда он предпочитает молчать. Все дело должно быть обнаружено показаниями свидетелей.

И здесь мы невольно коснулись до производства следствия вообще, предмет, принадлежащий к общему устройству судебного порядка, который остается вне теперешних наших предложений. Укажем только при сем случае на существенную важность, которая присваивается, в нашей мысли, лицу судьи. Успех нового учреждения будет особенно зависеть от выбора судей. Правительство должно будет составить для сих судей подробную инструкцию, в которой изъяснится сущность и характер полицейского суда, цель его учреждения, цель, не только в одном правосудии, но и в морализации масс народных

состоящая. В правилах для руководства судьи будет изъяснено, как он должен стараться избегать этой пошлой методы допроса, по коей ищут всеми средствами добиться до признания; как, напротив того, он обязан, оставляя в покое обвиняемого, если сей последний не хочет отвечать, обращаться к свидетелям и придти к заключению, основываясь единственно на показаниях сих свидетелей. Благонамеренный и хотя несколько образованный судья поймет мысль правительства, поймет важность своего призвания и не пощадит усилий достичь истины средствами кроткими, здравыми, *непристрастными**. Повторяем: от выбора судей, от инструкции, которая им будет дана, и от наблюдения за точным её исполнением зависит успех всей реформы, которая, начиная преобразование русского судопроизводства, должна положить решительный конец пытке, имя даже которой император Александр I желал видеть истребленным из русского языка!

Наконец, 3) судопроизводство в полицейских судах должно быть гласное, т. е. с открытыми для всех дверями и с возможностью печатать все происходящее в судах.

Мы только лишь произнесли слово: пытка. Повторим здесь мнение всех сведущих людей, всего образованного света, мнение, против коего давно уже замолкли голоса всех слепых и зрячих, умных и бестолковых любителей старины: оно состоит в том, что гласность, одна только гласность, и ничто иное, может вполне ответствовать справедливым требованиям правосудия, обеспечить личность обвиняемого и утвердить чувство и сознание безопасности в людях вообще, и что посему одна только гласность может истребить пытку и уверить людей, что пытка истреблена.

Правосудие и тайна — суть два слова, прямо противоречащие одно другому. Правое, как и все благое, не боится света.

Казнь бывает публичная, *торговая*, как говорится по-русски; а дорога, которая привела несчастного к этой казни, эта дорога закрыта для глаз смотрящих на казнь; — в России часто и для глаз самого страдальца! Какая жестокая несообразность!

1. *Примечание.* Предполагаемая реформа, состоящая в учреждении полицейских судов, имеет ту выгоду, что она может быть вве-

* В смысле теперешнего судебного языка допрос *пристрастный* значит допрос со страстью, т. е. со страхом, или, сказать просто, с побоями! Слово обыкновенно соответствует делу. — *Примеч. Н. И. Тургенева.*

дена в действие в малом размере, в виде опыта. Полицейские суды могут быть устроены сначала только в одной из столиц, в С[анкт]-Петербурге, под глазами правительства. Обвиняемым в тех проступках и преступлениях, кои будут подлежать ведению новых судов, можно предоставить на волю избрать или существующий ныне порядок судопроизводства, или предстать пред новый суд полицейский, с тем только, чтоб сей выбор был окончательный и решительный.

2. *Примечание.* Предполагая и надеясь, что скоро крепостному состоянию будет положен конец, мы напомним, что огромное число людей, получив гражданские права, будет совершать между собою всякого рода сделки, продавать, покупать, дарить, делать духовные завещания. Все споры между крепостными людьми, решаемые теперь владельцем, все проступки, преследуемые и наказываемые ныне безответною властью помещика, будут подлежать решению судов. Очевидно, что теперь существующих присутственных мест для совершения или свидетельствования различных сделок, купчих, завещаний; судов для решения дел полицейских, будет недостаточно. Надобно будет приступить к учреждению новых судов. Не полезно ли будет заранее учредить предлагаемые нами суды полицейские, кои во всяком случае могли бы служить образцом для дальнейшего устройства мест судебных?

Vert-Bois, 20 августа 1857

О СИЛЕ И ДЕЙСТВИИ РЕСКРИПТА 20 НОЯБРЯ 1857 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ РЕСКРИПТА И ОТНОШЕНИЯ МИНИСТРА

В высочайшем рескрипте на имя литовского генерал-губернатора⁶⁴⁵ от 20 ноября (2 декабря) касательно улучшения участи крестьян помещичьих и учреждения по сему предмету местных дворянских комиссий, между прочим, предписывается сим последним иметь в виду следующие основания:

Помещик сохраняет право собственности на всю землю, но крестьяне сохраняют свои усадьбы, кои могут быть приобретены ими в собственность посредством выкупа.

Сверх сего крестьяне пользуются известным количеством земли, достаточным как для их продовольствия, так и для удовлетворения их обязанностей пред правительством и помещиками.

В вознаграждение за сие пользование крестьяне обязаны или платить помещику оброк, или на него работать.

Дальнейшее развитие сих правил предоставляется местным комиссиям.

Отношение министра внутренних дел к литовскому генерал-губернатору от 21 ноября (3 декабря)⁶⁴⁶, упомянув, что местные губернские комиссии должны окончить дело в течение 6 месяцев и что главной комиссии назначается таковой же 6-месячный срок, содержит в себе, между прочим, следующее:

I. Общее правило

Освобождение крестьян должно состояться не вдруг. Для сего крестьяне будут вначале находиться во временном положении, оставаясь более или менее крепкими земле. Только впоследствии они решительно войдут в состояние свободных людей; когда правительство даст им право переходить из одной местности в другую. Срок существования такого временного положения не может простирается далее 12 лет (I).

II. Меры законодательные

1) Права свободного состояния и право на усадебную оседлость приобретаются крестьянами не прежде как по уплате следующей за сию усадьбу суммы (II, 2).

2) За исключением усадеб, вся остальная земля должна быть разделена на две части: земля помещичья и земля, предоставляемая крестьянам (II, 4).

3) Земля, однажды предоставленная для пользования крестьянам, никогда не может быть присоединена к землям помещичьим; она всегда должна оставаться в пользовании крестьян, в замену повинностей, работ и оброка, на них лежащих (II, 5).

4) Количество земли, отводимой крестьянам, определяется по условиям и обыкновениям каждой местности (II, 6).

5) Там, где существуют сельские общества, надлежит, нисколько не нарушая сего учреждения, сохранить каждому семейству право на известный пай земли, стараясь избегать частых перемен сих паев.

Там, где земля разделяется по дворам или на поселки, имеющие хозяев и батраков, надлежит упрочить сим последним постоянное жителство и определить правильные отношения их к хозяевам (II, 7).

6) Платеж помещикам повинностей работою, оброком денежным или натурою имеет место тогда только, когда крестьяне пользуются землею. В тех местностях, где крестьяне разделяются на хозяев и на батраков или работников без земли, сии последние обязаны работать не иначе как за плату (II, 8).

7) Как оброк, так равно повинности и личная работа, должны быть определены в точности сообразно количеству и качеству земли, предоставленной крестьянам в пользование (II, 9).

8) Повинности и личные работы, возлагаемые на крестьян, должны быть определены сообразно урочным положениям, кои должны быть составлены комиссиями в самом простом и практическом виде (II, 10).

9) В случае неисправности в платеже оброка помещик может требовать от неисправного плательщика личной работы; в случае неисправности в исполнении работы помещик имеет право лишить крестьянина того участка земли, который был ему дан в пользование.

III. Меры исполнительные

1) Земская полиция остается в руках помещика.

Крестьяне должны быть разделены на сельские общества.

Управление делами сельского общества, суд и расправа предоставляются мирским сходам, миру или сельским судам, составленным из крестьян под надзором и с утверждения помещика.

2) Для введения и исполнения нового устройства, равно как и для разбора споров между помещиками и крестьянами, можно учредить в каждом уезде особый суд, по примеру остзейских губерний (IV).

IV. Меры окончательные

По утверждении и введении в действо нового положения,

1) Уничтожается всякая продажа крестьян без земли, равно как и всякое отсуждение их от земли посредством дарственных записей и каким бы то образом ни было.

Равномерно запрещается перевод крестьян в другие местности без их согласия.

С другой стороны, крестьяне не будут иметь права прежде, нежели приобретут полную свободу, оставить место своего жительства без согласия помещика (V, 1).

2) Обращение крестьян в дворовых людей должно быть запрещено (V, 2).

3) Во все продолжение временного положения крестьян помещики будут иметь право, с общего согласия их с сельскими обществами, отдавать в рекруты тех из крестьян, кои окажутся виновными в каком-либо проступке или замечены по дурному поведению. Таковых они могут также предоставлять распоряжению правительства для перевода в другие губернии, но токмо по утверждении сей меры переселения особенными судами, кои будут учреждены в каждом уезде (V, 3).

4) Проекты, кои будут изложены в губернских комиссиях, должны, между прочим, содержать правила, коим надлежит следовать в исполнении рекрутской повинности. Назначение рекрутов должно принадлежать самим обществам, с согласия помещиков.

Вникая в точный смысл как высочайшего рескрипта, так и отношения министра внутренних дел, по высочайшему же повелению последовавшего, мы находим,

1) Что правительство постановляет целью предпринимаемых мер освобождение помещичьих крестьян от крепостного состояния.

2) Что для достижения сей цели, правительство поставляет крестьян предварительно в положение временное, которое не может продолжаться более 12 лет.

3) Что со вступлением в положение окончательное крестьяне будут иметь право собственности на их усадебную оседлость и право переходить из одной местности в другую.

4) И что, наконец, земли, кои должны быть окончательно отведены крестьянам для их пользования, в замену лежащих на них повинностей, не могут быть никогда присоединены к землям помещичьим.

Вот, в кратких словах, сущность и значение новых постановлений.

Постараемся теперь определить силу и последствия сих постановлений относительно как *временного* положения, в котором крестьяне будут находиться *более или менее крепкими земле*, так и положения окончательного, в котором они найдутся впоследствии.

О ВРЕМЕННОМ* ПОЛОЖЕНИИ КРЕСТЬЯН

И смысл и слова новых постановлений достаточно показывают, что это *временное* положение необходимо должно быть различно от *настоящего* положения крестьян. Иначе правительство не сотворило бы сего нового положения. Впрочем, сие различие нового, *временного* положения от доселе существовавшего, постоянного, доказывается некоторыми ясными и прямыми указаниями новых постановлений. Таким образом, мы находим в статье V, § 3, что в *продолжение временного положения* помещики будут иметь право отдавать крестьян в рекруты не иначе, как с согласия сельского общества⁶⁴⁷.

Сего ограничения, столь ясного, столь прямого, во власти помещика, доселе неограниченной, достаточно, чтобы доказать действительное изменение во взаимных правах и обязанностях помещиков и крестьян. Сии последние остаются ещё более или менее крепкими земле, т. е. не могут ещё переходить с одного места на другое, между тем как первые удерживают в руках своих власть полицейскую. Но прежний произвол не может уже более иметь места.

Таким образом, едва ли кто-либо возьмет на себя утверждать, что при новом временном положении крестьян помещики могут их продавать без земли, переводить с одного жительства на другое, как сие

* Мы не можем употребить здесь выражения: переходное состояние, находя, что именно в сем положении крестьяне лишены права перехода. — *Примеч. Н. И. Тургенева.*

делалось доселе, несмотря на общее мнение, что это было запрещено законом.

Конечно, мы находим в отношении министра внутренних дел, между прочим, что с введением нового порядка вещей уничтожается всякая продажа, дар и перевод крестьян, обращение их в дворовых людей. Но на сие мы заметим:

Во-первых: Что за сими словами отношения в том же § следуют слова, что «с другой стороны крестьяне не могут, прежде приобретения полной свободы, оставлять своего жительства без согласия помещиков»; — так что можно без всякой натяжки признать, что запрещение продажи и проч. условливается уже и при *временном* положении, запрещением перехода для крестьян. Иначе правительство условливало бы *будущее* изменение прав помещичьих *настоящим* лишением крестьян права на переход с одного места на другое.

Во-вторых: С введением нового порядка право или возможность продажи, перевода и обращения в дворовых исчезает само собою. Следовательно, отношение министра могло бы пройти сей предмет в совершенном молчании. Если же оно об уничтожении сего права, по введении нового порядка, упоминает, то это очевидно для большей определительности последствий сего порядка.

Впрочем, ни в каком случае и никаким образом невозможно предполагать, чтобы правительство, ограничивая и при *временном положении* право помещика в отдаче в рекруты, предоставило вместе с сим помещикам право продавать, дарить, переводить, брать во двор крестьян во все продолжение *временного* положения. Таких прав никакого русское правительство помещикам не давало: все эти так называемые права суть злоупотребления, и нимало не мудрено, что и теперь, излагая правила для нового порядка вещей, министр почел нужным ещё раз подтвердить, что в сем порядке нельзя уже будет никакими ухищрениями делать того, что делалось столь нагло, и столь притом противозаконно, доселе.

Доказав, таким образом, точными словами министра, что временное положение крестьян не есть продолжение доселе существовавшего положения их, но положение новое, в коем крестьяне не могут подлежать прежней неограниченной власти помещика, мы перейдем к дальнейшему обсуждению сего предмета и постараемся означить настоящий характер, сущность сего нового положения крестьян.

Такового означения мы можем искать в духе, или, как некогда говорили, в разуме новых постановлений, равно как и в прямых логических соображениях и заключениях.

Если в новом *временном* положении крестьяне остаются *более или менее* крепкими земле, то естественно, что они, вместе с сим, делаются *более или менее* свободными. Одно без другого идти не может. Если бы правительство не желало теперь же сделать их более или менее свободными, то оно не сделало бы их *более или менее* крепкими земле, не сотворило бы для них сего *временного* положения, а оставило бы их по-прежнему просто крепкими в полной мере, впредь до окончательной перемены в их бедственном состоянии. Сняв некоторую тяжесть с одной доски весов, оно тем самым дало более силы доске противоположной. Ещё, на сей противоположной доске, нет права перехода; но оно торжественно обещано и будет со временем содействовать справедливому равновесию.

Вникая далее в дух новых постановлений, мы убедимся, что они очевидно провозглашают личное освобождение крестьян. Это в особенности доказывается явным стремлением и заботливостью упрочить крестьянам, в замену их повинностей, достаточного количества земли и прямым изложением правила, что крестьяне, не имеющие земли, батраки, не обязаны работать иначе как за соответственную плату⁶⁴⁸ (II, 8).

Здесь возникает трогательный, сердечный вопрос: в какое положение новые меры поставляют малолетних детей, какая участь обрекается тем новорожденным младенцам, кои увидят свет Божий, в течение этого временного, для отцов их, положения?

Мы видели, что до окончательного введения нового порядка вещей крестьяне не могут переменять места своего жительства. Лишением только сего права перехода ограничивается теперь личная свобода крестьян. Это явствует из новых постановлений и из всех предположений правительства, в оных заключающихся. Мы весьма хорошо понимаем, что правительство, до водворения нового устройства, желало удержать крестьян при земле, ими теперь занимаемой, и предупредить множество затруднений и неудобств от права перехода, при теперешнем порядке вещей возникнуть могущих.

Но малолетние, но младенцы, — для них нет и не может быть права перехода. Следовательно, для них нет никакой причины ограничения в даровании полной личной свободы.

Я никогда не почитал весьма сильным и решительным средством уничтожения рабства этого средства начать освобождение с новорождаемых. Оно было только однажды, сколько мне известно, употреблено датским правительством в его колониях⁶⁴⁹. Несмотря на то, когда, по восшествии на престол императора Александра II, дошел до меня слух, что первую мерю после коронации будет освобождение всех, с сего времени рождающихся в крепостном сословии, то душа моя исполнилась самой живой радости, самого сладостного восхищения при мысли, что в новое царствование все новорожденные будут вступать в жизнь озаренные *светом истинным, просвещающим всякого человека, грядущего в мир* (Иоанн, I, 9). Бог да поможет ему, доброму и народолюбивому, освободить навсегда и младенцев и старцев, отцов и матерей! Когда и какому царю, какому смертному предстояло более великое, более достойное, более святое дело?

Означив, таким образом, отличительные черты нового, *временного* положения крестьян и показав, что будучи поставлены в сие положение, они приобретают некоторые обеспечения, несовместимые с прежним произволом помещичьей власти, мы приступим к исследованию и возможному определению сущности положения крестьян *окончательного*.

ОБ ОКОНЧАТЕЛЬНОМ ПОЛОЖЕНИИ КРЕСТЬЯН

Новые постановления провозглашают, что права свободного состояния и право на усадьбную оседлость приобретаются крестьянами по уплате следующей за усадьбы суммы.

Теперь положим, что одно известное селение совершило сию уплату. Приобретут ли крестьяне немедленно право перехода?

По содержанию I-ой статьи⁶⁵⁰ (общее правило) можно предполагать, что для приобретения сего права крестьяне должны будут ожидать особенного разрешения от правительства. Может быть, оно даст сие разрешение тогда только, когда в одной или в нескольких смежных губерниях новый порядок без исключения введен будет, для ограждения выгод особенно тех из помещиков, кои прежде других введут сей порядок.

Теперь положим, что в нескольких смежных губерниях, так сказать, в целом крае империи, новый порядок был приведен в действо в первых своих началах, т. е., что все помещичьи крестьяне, выкупом

или уступкою со стороны помещиков, приобрели в собственность свои усадьбы, и вместе с сим право перехода. Какими свойствами определится тогда *окончательное* положение крестьян?

Выше было показано: что

1. Крестьяне должны пользоваться достаточным количеством земли. (См. Рескрипт).

2. За исключением усадеб, вся земля должна быть разделена на две части: земля помещичья и земля крестьянская. (II, 4).

3. Земля крестьянская никогда не может быть присоединена к земле помещичьей. (II, 5).

4. Работа, оброк и вообще повинности крестьянские должны быть определены в точности сообразно количеству и качеству земли крестьянской (II, 9) и сообразно урочным положениям, которые должны быть составлены губернскими комиссиями в самом простом и удобоисполнительном виде. (II, 11).

5. Земская полиция предоставляется помещику. (III, 1).

6. Управление делами сельского общества, суд и расправа предоставляются мирским сходам, миру или сельским судам, составленным из крестьян под надзором и с утверждения помещика. (Id.).

7. Для введения и исполнения нового устройства, равно как и для разбора споров между помещиками и крестьянами, можно учредить в каждом уезде новый суд, по примеру остзейских губерний. (IV).

8. Запрещается продажа крестьян, дар, перевод и взятие во двор.

9. Губернские комиссии должны составить правила для исполнения рекрутской повинности. Назначение рекрут предоставляется обществу, с согласия помещика.

В сем состоят отличительные черты *окончательного* положения крестьян.

Вследствие сего крестьянин, уже свободный, будет иметь в собственном владении свою избу и усадьбу.

Он будет иметь право оставить место своего жительства и перейти в другое*.

Он будет обязан платить помещику за землю, кою он пользуется, или оброк, или подать натурою, или исполнять сию повинность лич-

* Здесь нужно будет определить, каким образом крестьянин может продать свою избу и усадьбу: с согласия общества? или помещика? или без согласия ни того, ни другого? — *Примеч. Н. И. Тургенева.*

ною работою. Во всех сих случаях обязанность крестьянина — платить или работать — должна быть предварительно определена в точности и сообразно количеству и качеству земли, ему предоставляемой.

По делам полицейской части крестьянин будет подлежать ведению помещика.

По делам с другими крестьянами суду мирскому, составленному из крестьян с утверждения помещика.

По делам с помещиком новому суду, который будет учрежден в уезде.

Вот в чем состоит новое гражданское положение, которое даруется новыми постановлениями бывшим доселе крепостным крестьянам. Благодеяние очевидно и имеет свою цену.

ПОЛОЖЕНИЕ ПОМЕЩИКА

Теперь постараемся определить положение, в которое поставляется помещик в отношении к крестьянам.

Помещик обязан принять от крестьянина выкупную сумму за усадьбу. Сумма должна соответствовать стоимости усадьбы.

Он обязан отвести в пользование крестьян половину всей земли, за исключением усадеб.

Касательно повинностей, оброка и работ, помещик обязан довольствоваться тою суммою или тем количеством работы, которые будут определены комиссиями.

В случае неисправности в платеже оброка и в исполнении работ помещик может лишить крестьянина предоставленной ему в пользование земли.

Назначение рекрут, предоставляемое сельским обществам, производится с согласия помещиков.

Назначение членов сельских судов происходит под надзором и с утверждения помещика.

Наконец, помещику предоставляется власть полицейская⁶⁵¹.

Здесь мы должны заметить, что сколь бы ни были неточны, неопределенны теперешние понятия о пределах власти полицейской, нельзя, однако же, предполагать, чтобы власть сия в руках помещика могла простираться далее как на самые мелкие неисправности, не довольно значительные для того, чтобы предавать виновных суду даже сельскому или уездному, и что сущность сей полицейской вла-

сти должна заключаться в праве предавать виновных суду. Нельзя не признать, что при новом положении крестьян одна только власть судебная может иметь право судить и изрекать наказания. Власть полицейская останется, таким образом, в пределах, кои ограничивают её во всех других европейских государствах, и именно в пределах права предупреждения проступков и преступлений, прекращения беспорядков и представления виновных пред суд.

ПРИМЕР ПРУССИИ

У нас не любят ссылок на примеры иностранных государств. Но в вопросе, коим мы здесь занимаемся, более нежели в каком-либо ином, не только примеры других земель могут быть поучительны, но даже ссылаться на сии примеры необходимо, по той простой причине, что в некоторых государствах европейских было уже предпринято и окончено все то, к чему теперь приступают в России.

Таким образом, мы не можем здесь не упомянуть, что, рассматривая взаимные отношения между помещиками и крестьянами, в каких они должны находиться по введении новых постановлений, мы находим в сем устройстве великое сходство с тем, которое существовало прежде в Пруссии, особливо со времени полного личного освобождения крестьян в 1807 году⁶⁵². Такое же или подобное разделение земель крестьянских и помещичьих; такое же или подобное определение повинностей. Только право перехода не имело в Пруссии той важности, которую оно имеет для наших крестьян: прусские земледельцы более ценили право оставаться на земле своей, с коей помещик не мог их сгонять. В других записках⁶⁵³ мы говорили о мерах прусского правительства в сем отношении, особенно о законе 1811 года⁶⁵⁴, коим часть земли была предоставлена в полную собственность крестьян, а остальная земля, коею они дотоле пользовались, отдана помещикам, как вознаграждение за часть, крестьянам предоставленную.

Конечно, как прежде, так и с 1807 до 1811 года, положение прусских крестьян было предпочтительнее положению наших крестьян⁶⁵⁵, так как в Пруссии и суды и управление находились в лучшем устройстве. Между тем, и там дело шло о различных повинностях крестьянских и даже о личной работе. Здесь-то мы и желаем указать на одно распоряжение, принятое в Пруссии относительно такой работы. Ко-

миссия, учрежденная тогда в Пруссии по сему предмету, заключала в себе, кроме двух опытнейших министров, одного известного своими высокими качествами чиновника, Штегемана⁶⁵⁶, и славного историка Нибура⁶⁵⁷. Барон Штейн⁶⁵⁸, бывший тогда первым министром и душою освобождения не только прусских крестьян, но и самой Пруссии, в одном из своих отношений к комиссии излагал, что надлежит всячески избегать обращать повинности крестьян в личную работу, по той простой причине, что всякая принужденная личная работа сопряжена с произволом и что вкоренившиеся привычки как помещиков, так и крестьян легко обратят такую повинность в прежнюю барщину. Мне весьма утешительно было видеть, что некоторые просвещенные и добрые русские помещики в проектах своих освобождения крестьян равномерно отстраняют повинность работы и по тем же причинам.

О ДРУГОМ СРЕДСТВЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ

Мы остановимся здесь в исследовании силы и действия новых постановлений. Но сии самые изыскания ведут нас к дальнейшим соображениям о том: необходимо или полезно ли будет ограничиться средствами освобождения, сими постановлениями указуемыми, и не возможно ли, рядом с сими средствами, указать на другие, предоставляя, впрочем, на волю обеих сторон, до коих сии меры касаются, избрать или первые или сии последние?

Здесь мы должны заметить, что хотя и желательно было бы остановиться на каком-либо одном средстве освобождения, т. е. на одних и тех же правилах и началах для всей империи; но при всем том мы не видим в сем тождестве никакой безусловной необходимости. Таким образом, мы полагаем, что не только можно, но даже и полезно будет допустить различного рода добровольные сделки между помещиками и крестьянами, лишь бы только они основывались на главных началах освобождения с надлежащею оседлостью. Мы особенно разумеем здесь средство добровольного выкупа крестьян с землею, посредством уплаты известной суммы или перевода ломбардного долга. Таким образом, одно только отличие иных средств освобождения от того, которое означается в рескрипте 20 ноября, не должно никого останавливать: лишь бы сии средства были сами по себе достойны одобрения.

В особых записках мы рассматривали различные средства освобождения⁶⁵⁹ и остановились на одном, которое, по нашему убеждению, есть самое простое, ясное и самое удобоисполнительное. Оно состоит в освобождении крестьян с частью занимаемой ими теперь земли.

Мы старались доказать, что личного освобождения крестьян недостаточно; что благо государства требует сотворения самостоятельного, крепкого сословия крестьянского; что заставить крестьян приобретать землю посредством выкупа значило бы поставить в самом начале сильные препоны развитию их благосостояния; что полное и ясное отделение земель крестьянских или общинных от земель помещичьих и ограничение всех различных отношений между помещиком и крестьянами одними добровольными сделками касательно найма остающихся за помещиком земель избавит и крестьян, и помещиков, и само правительство от столкновений между помещиками и крестьянами, столкновений, неизбежных при всяком ином средстве освобождения; что средство наделения крестьян известной частью земли может быть приложено ко всем местностям империи, причем одинаковость и равенство наделения найдется в пропорциональности отводимой части крестьянам к целому количеству земли того селения, в коем они имеют свое жительство.

Вместе с сим мы показали, что меры настоящего и окончательного освобождения крестьян в Европе являются не прежде как с 1789 года; что сии меры состояли в *личном* освобождении крестьян; что в 1811 году прусское правительство ввело и установило законом правило освобождения крестьян с землею безвозмездно и что с сего времени везде, где были предпринимаемы сего рода меры, личное освобождение было совершенно отстранено и освобождение с землею вообще принято. Таковое освобождение крестьян с землею совершилось в различных владениях германских и, наконец, в Австрии, и именно: в Венгрии, Богемии и Галиции⁶⁶⁰.

Почитая, таким образом, освобождение крестьян с землею самым благотворным средством устройства крестьянского сословия и находя, что с некоторого времени, т. е. с 1811 года, оно было употребляемо везде, где дело шло о сем важном вопросе, и что везде, даже и при самых неблагоприятных обстоятельствах, земли вообще, вследствие такого наделения крестьян землею, сильно возвы-

сились в своей ценности, — мы не можем не желать, и желать всеми силами души, чтобы русское правительство, рядом со средствами, уже одобренными им, поставило на вид и помещиков и крестьян и сие средство освобождения, предоставляя им избрать оное, если они того пожелают.

Сие средство, по нашему усмотрению, должно состоять:

В наделении крестьян $\frac{1}{3}$ частью всей помещичьей земли, за исключением лесов и вод, с тем, чтобы сия $\frac{1}{3}$ ни в каком случае не превышала 3 десятин на тягло.

Сия третья часть должна быть отведена, во всей своей целости, во владение не личное крестьян в особенности, но во владение всего сельского общества.

Другие две трети остающейся во владении помещика земли могут быть отдаваемы им в наймы крестьянам, по добровольным и обоюдным условиям.

К сему найму крестьяне приведены будут естественным образом, так как одной трети, им предоставляемой, не будет достаточно для их полного продовольствия.

Платеж за наем земли помещику от крестьян может быть поставлен или деньгами или натурой, т. е. произведениями земли; но отнюдь не работою личною или какими бы то ни было личными повинностями.

За исключением той ответственности, которая будет лежать на помещике в силу заключенного с крестьянами договора о найме земли, он освобождается от всякой иной ответственности в отношении к крестьянам, как пред ними, так и пред правительством.

Здесь мы укажем на возможность и на пользу устранения всяких прямых столкновений между помещиками и крестьянами посредством постановления, что даже и в найме земель помещик должен иметь сношение не с крестьянами лично, но с самим обществом сельским, которое, со своей стороны, будет обязано всем миром нанимать помещичью землю, распределяя оную по паям между крестьянами и ответственюя, также миром, в исправной плате помещику за наем всей земли.

Мы уверены, что многие помещики, особливо те, кои не живут обыкновенно в своих имениях, предпочтут такое устройство иным средствам освобождения.

О СЕЛЬСКИХ ОБЩЕСТВАХ

Скажем теперь несколько слов о сельских обществах.

Мы видим, что о сем предмете существуют различные мнения⁶⁶¹. Мы означим сущность двух крайних мнений. Одни находят даже и в теперешнем виде сельских обществ верх совершенства гражданского устройства. Другие, напротив того, видят в существовании сельских обществ и в неразлучном с ним общинном владении землею непреодолимую преграду всякого рода успехам в земледелии, в сельском хозяйстве и в благоденствии крестьян.

По нашему совершенно беспристрастному усмотрению, мы находим, что действительно общинное владение не благоприятствует успехам земледелия и, следственно, благосостоянию крестьян; что земля и труд человеческий, два единственные источника всех богатств на родных, должны находиться в таких условиях, чтобы возможность извлечь из земли все то, что она дать может, трудом самым деятельным, была очевидна, неоспорима. А такая возможность существует тогда только, когда земледелец может ожидать плодов от труда своего не только в недалекой, но и в отдаленной будущности, даже плодов для своего потомства. Такой возможности нет при общинном владении. Она существует в высшей степени только при владении землею как отдельною, личною собственностью, или при найме земли на многие годы.

Вот главная, великая, и, может быть, единственная невыгода существования сельских обществ. Но эта невыгода может быть до некоторой степени отстранена тем именно, что можно дать крестьянину право покупать землю на свое имя и владеть оной независимо от сельского общества, продолжая между тем быть членом оною. Можно также различными мерами упрочить состояние мелких поземельных владельцев. В сем случае сословие однодворцев могло бы служить основанием сего класса мелких независимых землевладельцев, если б, к сожалению, быт однодворческий⁶⁶² не был разрушен недавними постановлениями.

Что касается до выгод существования сельских обществ, то, отстраняя все социалистские бессмысленности, мы весьма высоко ценим то развитие умственное, которое мы находим в русском мужике и которое наипаче происходит от привычки рассуждать, говорить о своих делах, о делах общества на мирской сходке. Никогда русский

крестьянин не достиг бы до той степени способности к промышленности, если б он жил один, разъединенный со своими собратьями, и имел бы дело только с лицами, кои им повелевают, если б он никогда не рассуждал и только что повиновался.

Главнейшая же выгода существования сельских обществ, выгода, в настоящее время неоцененная, состоит в том, что оно очевидно и в сильной степени облегчает переход крестьян из крепостного в вольное состояние. Как правительство, так и помещики могут теперь иметь дело только с обществами, а не с каждым крестьянином в особенности. В Пруссии, где таких обществ не было, главнейшие причины продолжительности и затруднений в исполнении мер освобождения находились в том, что отношения помещиков должны были быть определены к каждому из крестьян в особенности. К тому же в Пруссии права и обязанности как крестьян, так и помещиков были различны в различных местностях вследствие разнородности в происхождении сих прав и обязанностей; между тем как в России сии права и обязанности одинаковы и по происхождению и по настоящему их виду во всей империи.

Конечно, теперешнее состояние сельских обществ весьма незначительно, по недостатку простора и возможности для самостоятельной деятельности. Это нимало не удивительно. Удивительно то, что этот призрак, если не действительность, сельского общества пережил ещё вековое закрепощение крестьян. Это делает честь русскому народу, как крестьянам, так и помещикам.

Общества сельские, как известно, весьма различны в числе своих членов. Говоря вообще, каждое селение составляет особенное общество. При окончательном устройстве сельских обществ, устройстве, коего необходимо требует благо общее, можно будет иметь в виду образование волостей (*communes*), состоящих из известного, довольно возвышенного числа жителей. В состав сих волостей войдут одно, если число людей соответствует требованию, или несколько сельских обществ, смотря по обстоятельствам. Основать прочное гражданское устройство государства возможно только на таковых волостях, коим можно дать более или менее равные пределы и одинаковое образование.

Общинное или коммунальное образование должно быть везде главным основанием образования государственного. К сожалению, в некоторых государствах европейских, если не во всех, за исклю-

чением Англии, сие-то важное и плодотворное учреждение только заметно и блеснит своим отсутствием. Несмотря на наклонность французского народа к централизации, все просвещенные люди во Франции чувствуют теперь пагубные последствия недостатка в крепком коммунальном устройстве.

Действие твердого коммунального образования мы находим в истории двух земель, совершенно противоположных в физическом, нравственном, гражданском и религиозном отношении. Это Англия и Индия. Завоевание норманнов, изменив столь многое, оставило неприкосновенной английскую или саксонскую общину, коммуна⁶⁶³. Это коммунальное устройство соделалось как бы залогом и корнем всего гражданского и политического образования английского народа.

В Индии одни завоеватели следовали за другими. Все изменялось: индийская коммуна, община осталась со своим вековым бытом. Это обстоятельство, может быть, облегчало завоевание для чуждого завоевателя; но оно вместе облегчало и участь покоренных народов, кои находили, по крайней мере, в родине, чего они лишались в отечестве.

Образование сельских обществ, как мы заметили выше, необходимо должно воспоследовать при введении нового порядка вещей, какими бы средствами сей порядок ни был произведен в действо. В сие образование должны войти суды, сельские и уездные, также места правительственные. Учреждение сих судов и сих мест должно быть предметом особого изложения. Мы напомним здесь только о двух обстоятельствах, кои, по нашему усмотрению, заслуживают особенного внимания.

1) В определении порядка для обсуждения и решения дел на мирских сходах надлежит стараться избегать всяких перемен, кои, будучи сами по себе весьма хороши, не соответствуют обыкновению и привычке наших крестьян. Например: известно, что теперь мир, обсудив какое бы то ни было дело, дает свое решение. «Мир приговорил, решил» — и только. А как решил: единогласно или по большинству голосов? Этого означить никому и в голову не приходит. Недовольные кричат на *мироедов*. Но, между тем, решение мира сохраняет свою силу. Если бы, для большей правильности в делопроизводстве, вздумали ввести решение по большинству голосов, следовательно, спрашивать каждого: какого он мнения, считать голоса и проч., то,

вероятно, характер и значительность мирских сходов изменилась бы совершенно или, лучше сказать, исказилась.

2) Теперь существует в России особенное управление для казенных крестьян, другое для удельных⁶⁶⁴. Вероятно, найдут нужным учредить ещё новое управление для крестьян, освобожденных от крепостного состояния. Эти особенные управления влекут за собою особенные суды. Все это теперь может быть неизбежно. Но с уничтожением крепостного состояния все люди подобного состояния будут более или менее равны между собою в правах своих. Посему надлежит иметь в виду, что на будущее время одни и те же правительственные места, одни и те же суды должны быть общими для всех, не только крестьян, но и для всего русского народа. Отдельные управления, эти, может быть, теперь необходимые опричины для многих классов российских подданных: для крестьян, для фабричных, для приписных к заводам и проч. и проч., все эти управления должны исчезнуть и слиться в одно управление государственное, и все русские подданные подлежать одним и тем же судам.

Несмотря на сие, принимая в рассуждение, что мы не дошли ещё до сего равенства всех пред законом, мы полагаем, что в теперешних обстоятельствах весьма полезно было бы умножить чиновников для особенных должностей и занятий, учредив новых *прокуроров*, по крайней мере, в продолжение *временного* положения крестьян, и возложить на них обязанность оберегать справедливые выгоды крестьян, кои таким образом обрели бы возможную защиту, в каждой местности или, по крайней мере, в губернии.

Мы указали, в другой записке, на пользу таких прокуроров или комиссаров в английских колониях, в продолжение подобного нашему *временного* положения освобождаемых негров⁶⁶⁵. Англия заняла сие учреждение от Испании. Известно, что если где-либо высшее правительство заботилось об участи негров, то это в испанских колониях, и сия заботливость являлась особенно в действии, по возможности благотворном, сих защитников беззащитных.

5 марта 1858

ВОПРОС ОСВОБОЖДЕНИЯ И ВОПРОС УПРАВЛЕНИЯ КРЕСТЬЯН

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Возникнувший вопрос освобождения крепостных крестьян не мог найти меня равнодушным к тому, что тогда происходило в России. В самом начале (в октябре 1857) я изложил некоторые соображения по сему предмету в статье под заглавием «Пора!»⁶⁶⁶. Сущность моего предположения состояла в наделении крестьян малой частью земли, ими теперь владеемой⁶⁶⁷.

В то же время я написал особую статью: «Об удельных имениях»⁶⁶⁸. Здесь я старался показать, что весьма было бы полезно, если бы правительство, остановившись на одном из известных способов освобождения с землею крепостных крестьян, приложило сей способ к государственным крестьянам, или, по крайней мере, к крестьянам удельным. Обсуждая способ освобождения, мною предлагаемый, я прямо и ясно сказал, что такое устройство крестьян удельных предлагается не столько для пользы сих крестьян, сколько для того, чтобы указать на опыте: каким образом может быть разрешен важный вопрос освобождения крестьян помещичьих.

Когда сделался мне известным рескрипт 20 ноября 1857 и последовавшие за оным отношения и циркуляры министра внутренних дел, то я, в виде большей ясности и определенности, почел не лишним извлечь как из рескрипта, так и из отношений и циркуляров главные распоряжения и предположения и, изложив их в некотором систематическом порядке, представить в кратких словах сущность предпринимаемых мер и объяснить, в каком положении должны находиться крестьяне и сами помещики в продолжение временного устройства крестьян, равно как и при окончательном их устройстве. Вместе с сим я и здесь указал на прежнее мое предположение о наделении крестьян некоторою частью земли, находя, что меры, правительством предписываемые, не могут препятствовать принятию сего предположения. Из сего вышла особая записка под заглавием: «О силе и действии рескрипта 20 ноября 1857» (5 марта 1858).

Около сего времени я написал письмо к редактору одного журнала (*Journal des Débats*), вызванное заключавшимся в оном известием,

что С[анкт]-Петербургская Академия наук предложила премию за начертание исторического рассказа о различных способах освобождения крестьян в различных государствах европейских. Это предложение Академии показалось мне не только излишним, но особенно, если могу так выразиться, несвоевременным. Если бы Академия поставила сей вопрос за 10 или за 20 лет пред сим, то это было бы весьма похвально и новая академическая задача могла бы с честью стать наряду с тою, которую, ещё в царствование Екатерины II, поставило Экономическое общество⁶⁶⁹: вместо одной можно было бы сказать две фразы в пользу либеральности русских ученых обществ и академий. Но теперь, когда вопрос освобождения был поставлен самим правительством, когда он завладел всеми умами, когда он расшевелил все самые сильные страсти души человеческой, теперь требовать от ученых людей исторических изысканий о постепенном развитии свободного состояния земледельцев в Европе, есть не что иное, как умышленное или неумышленное празднословие.

Знать, как освобождение совершилось в Европе, конечно, полезно и даже необходимо, приступая к освобождению крестьян в России. Но для сего нет никакой нужды сочинять новые программы; задавать новые задачи. Все, что можно было сказать о сим предмете, было уже сказано, и сказано со всеми подробностями. Обратившись просто к иностранной литературе, особенно к литературе немецкой, С[анкт]-Петербургская академия нашла бы задачу свою вполне уже разрешенной; и если бы, например, г-да Летте и Ренне вздумали послать в академию предисловие к их книге о поземельном законодательстве в Пруссии, то мы не видим, как она могла бы отказать им в обещанной награде; ибо это предисловие вполне отвечает на программу академии.

Здесь мы заметим, что, поместив мое письмо в журнале, один из г[оспо]д редакторов почел нужным изъяснить некоторые сомнения относительно безвозмездного наделения земель, ссылаясь на мои слова об Австрии и о Пруссии и поставляя меня как бы в противоречие с самим мною. Но почтенный г-н редактор потерял из виду, что, если в Австрии наделение было с вознаграждением помещиков, то в Пруссии оно было совершенно безвозмездно. Итак, противоречия с моей стороны тут не было. Я, конечно, мог бы определительнее и пространнее изъяснить методу освобождения в Пруссии, что и было сделано мною в других моих записках⁶⁷⁰, но колонны журнала не до-

вольно для сего обширны, и я должен был ограничиться самым кратким изложением дела.

В начале сего же 1858 года, найдя в «Колоколе» обширный и подробный проект освобождения крестьян с землею посредством выкупа⁶⁷¹, я почел нужным изложить на сей проект мои замечания и вместе представить мои собственные мнения по сему предмету⁶⁷². Находя выкупную сумму слишком огромною, я старался показать невозможность в исполнении сего плана. Вместе с сим, основываясь на исчислениях автора сего проекта, который, со своей стороны, принимал в руководство исчисления опекунских советов, я изъяснил, касательно вознаграждения, помещикам предоставляемого, что для сих последних было бы выгоднее уступить крестьянам безвозмездно малую часть земли, мною предполагаемую, нежели уступить 3 десятины на душу с вознаграждением по оценке опекунских советов, автором принимаемой.

Размышляя о естественных и неизбежных последствиях всякого освобождения, нельзя не прийти к заключению, что некоторые перемены необходимо должны воспоследовать по части правительственной и судебной в отношении не только освобождаемых людей, но и вообще всего класса народа, к коему сии люди принадлежат. Улучшение быта материального должно идти рядом с улучшением быта нравственного. В сем смысле не одно воспитание, не одни школы могут вести к желаемой цели. Ещё вернее, может быть, и, во всяком случае, несравненно скорее поведут к сей цели некоторые судебные учреждения, коим подчиняются массы народные. Между сими учреждениями мне представились самыми близкими к народу суды полицейские, кои могут иметь столь сильное и столь благотворное влияние на нравственность народную. Тысячи, десятки и сотни тысяч простых людей входят беспрестанно в столкновение с полицией. Между тем, на каких основаниях, какими законами, каким порядком законным полиция разбирает, судит, решит все встречающиеся беспорядки, все мелкие проступки, все более или менее противозаконные действия? С некоторого времени, конечно, дела полицейские совершаются с бóльшею правильностью, нежели прежде; при всем том нельзя не согласиться, что полицейский произвол по сию пору преобладает в сем отношении. Но какого нравственного добра можно ожидать от такого произвола? и какого благого действия на подлежащих ведомству полицейскому? Вместо того, если бы у нас существовали настоящие

полицейские суды с простым, но гласным судопроизводством, с судопроизводством, предписанным законами и ограждающим личность и достояние подсудимых; то нет сомнения, что такие суды и такое судопроизводство весьма благотельно действовали бы на нравственность масс народных, которые, увидев и убедясь, что и для них есть суд законный и защита законная, познали бы значение правого суда, значение справедливости и беспристрастия судебного; а такие убеждения неминуемо содействовали бы к улучшению их нравственности. Одним словом: полицейские суды были бы великим средством морализации народной. Введение таких судов представлялось мне тем более удобным, что вначале можно было бы учредить их только в столицах и, изведав на опыте и, так сказать, под глазами самого правительства выгоды и невыгоды, удобства и неудобства новых судов, приступить потом к окончательному устройству оных во всей империи. Руководимый сими соображениями, я составил особую записку «о судах полицейских»⁶⁷³.

От сей части судебного производства я перешел к целому, т. е. к устройству судебного производства вообще, и этот переход был для меня тем легче, что уже за 40 лет пред сим я занимался сим важным предметом и тогда уже излагал по оному мои соображения⁶⁷⁴. В то время я исправлял должность статс-секретаря в Государственном совете. Дела гражданские и уголовные проходили чрез мои руки. Нимало не удивительно, что сии занятия привели меня к желанию, сильному и постоянному, улучшения русского судопроизводства. Мысль о суде присяжных овладела мною. Я принялся за подробное изучение сего предмета и начал писать об том целую книгу. Занятия по службе не позволили мне окончить моего предприятия, и я ограничился кратким изложением статьи о введении суда присяжных в России. С того времени я никогда не переставал думать о сем предмете. Долгое пребывание в Англии позволило мне подробно узнать сущность суда присяжных. По поводу вопроса об освобождении крестьян в России, кончив статью о судах полицейских, я написал «Рассуждение о введении суда присяжных в России, как в делах уголовных, так и в делах гражданских».

В сем «Рассуждении» я имел в виду означить истинный характер и настоящую сущность суда присяжных. Не знаю, удалось ли мне это. Но я уверен, что всякий добросовестный и просвещенный человек, который возьмет на себя, конечно, не весьма легкий труд узнать и постигнуть этот характер и эту сущность суда присяжных в том виде,

как он существует в Англии и Америке (а не во Франции и не в Германии), я уверен, что всякий здравомыслящий человек неминуемо придет к заключению, что суд присяжных есть единственное средство сделать что-либо путного и здорового в России для улучшения русского судопроизводства. Если я не показал сего ясно и удовлетворительно в моем «Рассуждении», то это ничего не доказывает против моего убеждения: другие могут изъяснить и доказать эту истину, истину пользы суда присяжных для России, лучше и успешнее, нежели сколько я мог сделать. Но, повторяю, все, понимающие настоящие свойства и необходимые принадлежности суда присяжных, не могут не признать не только того, что сей суд может быть удобно приложен к русскому судопроизводству, но даже и того, что сей суд присяжных как бы нарочно был изобретен для России — так верно он соответствует духу и всему быту русского народа.

Все исчисленные мною выше сего статьи и записки, кроме двух последних (о полицейских судах и о суде присяжных), были напечатаны.

Во всех сих напечатанных статьях и записках я говорю о цели и о способах освобождения крестьян. До вопроса управления крестьянами после их освобождения я не касался.

Но если я доселе не трогал вопроса управления освобожденными крестьянами, то это не потому чтобы я терял из виду всю важность сего вопроса. Нет. Я всегда понимал и помнил, что неправильное, лживое разрешение сего вопроса может сделать ничтожным какое-бы то ни было освобождение. Только здоровым, справедливым управлением может осуществиться самое освобождение. Управление противного рода может поставить крестьян вольных в положение подобное или равное прежнему их положению. Дух и сила, сопротивляющиеся освобождению, не быв в состоянии отбросить оно, могут достичь своей цели управлением и поставить на своем, взять свое — как говорит простонародная пословица, которую я прошу позволения здесь привести — взять свое «не мытьем, так катаньем».

Итак, признавая всю важность вопроса управления, я, однако же, не касался до него, потому что я не хотел рядом с вопросом освобождения поставять другого. Лучше, по моему мнению, заняться наперед обсуждением одного предмета и потом приступить к другому. К тому же, по всему, что я мог знать о ходе дела освобождения, я не находил ещё никаких особых предположений об управлении кре-

стьян. Наконец, прошедшим летом, чрез публичные листы, я узнал о существовании некоторых проектов об управлении крестьянами по их освобождению. Тогда я немедленно занялся изложением моих соображений по сему предмету. Дабы дать более ясности и полноты моим предположениям, я почел нужным соединить оба вопроса: вопрос освобождения и вопрос управления, в одном рассуждении. Говоря о первом, я не мог избежать различных повторений того, что уже было сказано мною в других записках. Даже и в сем последнем моем рассуждении встречаются повторения во втором вопросе того, что уже сказано в первом. Но сих последних повторений я и не мог и не желал избежать.

Сим последним рассуждением «Вопрос освобождения и вопрос управления крестьян» я заключаю ряд моих различных статей по сему жизненному для России вопросу. Наступающий 1859-й год да узрит свободу наших добрых крестьян и истинную, беспримерную славу виновника великого и святого дела!

Примечание

Различные доходящие до меня отзывы и возражения касательно *безвозмездного* наделения крестьян землею поставляют меня в необходимость решительно пояснить мысль мою по сему предмету.

Приняв начало безвозмездности в вопросе освобождения крестьян с землей, я обращался к общему чувству, к общему понятию справедливости, беспристрастия. Я был и продолжаю быть убежден, что сие чувство и сие понятие вполне оправдывают безвозмездное наделение крестьян тою малою частью земли, которая назначается им в моем предположении. Не менее того я заметил, что со владением или собственностью земли соединялись для помещика не одни только права, но вместе и обязанности. Я заметил также, что права поземельного владения имеют одни и те же источники во всех государствах и что если найдутся в сем отношении какие-либо отличительные оттенки, то сии последние, касательно России, окажутся в пользу моего предположения.

Если бы я желал искать иных доводов в подкрепление моей мысли, то я мог бы обратиться к некоторым особенным соображениям, подобным тем, кои были делаемы в других государствах и именно в Пруссии. Так, например, я мог бы сослаться на *историческое* право

крестьян на землю, коего действительное и неразрушимое существование выведено так здраво, так справедливо г-м Самариным⁶⁷⁵ в статье его «Об устройстве крестьян», во 2-м номере 1858 [г.] «Сельского благоустройства» помещенной; я мог бы опереться на обязанность помещика предоставлять часть земли для продовольствия крестьян, обязанность, истекающая, между прочим, из предписания того закона, который запрещает помещику продавать земли свои далее известной степени, так, чтобы в селении оставалось не менее $4\frac{1}{2}$ десятин на душу; я мог бы, наконец, заметить, что помещики имеют право не на весь труд крепостного крестьянина, но только на часть сего труда, и привести в доказательство сего существующий порядок трёхдневной работы в неделю⁶⁷⁶. Таковые соображения, подкрепляя то, что я сказал об общих обязанностях помещиков: не сгонять крестьян с земли, кормить их во время голода и пр. и пр., весьма удовлетворительно показали бы неполноту, ограниченность прав помещика на землю и тем самым открыли бы некоторые права для крестьян. В таком положении вопроса уступка одной трети всей земли явилась бы, конечно, не великим, но, напротив, довольно легким пожертвованием со стороны помещика за приобретение полного, ничем не ограниченного права пользоваться остающимися за ним $\frac{2}{3}$ земли. Таков был ход освобождения с землею в Пруссии, и потому-то прусское правительство назвало, и назвало справедливо, выкупом то, что я называю наделением.

Но, повторяю, я предпочел обратиться к чувству и к понятию справедливости, беспристрастия. Я никак не хотел входить в изыскания: до какой степени крестьяне могут иметь совместное право, со своей стороны, на ту же или на занимаемую ими землю. Одним словом: я старался избегнуть всяких рассуждений, кои могли бы привести, хоть издалека, к заключению, более или менее похожему на то, на котором, как слышно, останавливаются некоторые крестьяне и именно: «Мы ваши, а земля-то наша!»

ВОПРОС ОСВОБОЖДЕНИЯ

Поставление вопроса

После достопамятных, великодушных изречений императора Александра II-го к дворянству в Москве⁶⁷⁷, в коих вниманис дворян-

ства было обращено на необходимость изменений в положении помещичьих крестьян, с приглашением заняться рассмотрением сего вопроса, и в коих, наконец, было замечено, что лучше произвести перемену сверху, нежели ожидать, чтобы разрешение началось снизу, — после сих изречений, откликнувшихся благословениями всех людей верующих в Бога и любящих правду, — после сих слов правительство русское решительно поставило вопрос освобождения крестьян рескриптом 20 ноября на имя литовского генерал-губернатора и отношениями и циркулярами министра внутренних дел.

Вследствие сего почти во всех губерниях были учреждены комитеты для обсуждения сего вопроса и для представления проектов нового крестьянского устройства.

Ни один из комитетов ещё не кончил своих занятий. По крайней мере, ничего в сем отношении не было обнародовано ни в России, ни в заграничных публичных листах, занимающихся сим предметом.

Между тем, в мнении общем начали проявляться различные воззрения и толки по сему предмету. Явилось несколько проектов, составленных для разрешения важного вопроса освобождения. Само правительство, в циркулярах министра внутренних дел и в постановлениях главной комиссии по сему вопросу, делает некоторые указания для успешного достижения цели освобождения.

Воззрения и толки о сем предмете, в мнении общем проявляющиеся, проекты, начертанные многими из помещиков, суждения в журналах, конечно, различны и иногда противоречат одни другим; но везде заметна одна главная черта: все вообще или почти все признают, что освобождение крестьян должно быть произведено в действо с наделением их землею, в большем или меньшем количестве. Итак, освобождение с землею принимается всеми; освобождение только личное отвергается и даже не обсуждается.

Это весьма утешительно и делает честь русскому здравому смыслу. Правительство в некоторой степени освятило сие начало поземельного наделения постановлением об усадьбах крестьянских.

К сожалению, одно только это начало поземельного наделения крестьян является ясным и определенным в общем мнении. Все дальнейшие начала освобождения по сию пору, так сказать, не выработались ещё, не образовались в уме и совести народа.

Скажут, что есть ещё кое-что ясного в общем мнении, по крайней мере, в общем мнении помещиков; это начало выкупа, т. е. денежно-

го вознаграждения за землю, предназначенную для крестьян. Невозможное в исполнении для нас, и ни для кого, никогда не может быть ясным. А такой выкуп, о котором говорится в некоторых проектах и коего желают столь многие помещики, совершенно невозможен, как будет изъяснено ниже.

Признав непреложным, коренным началом в сем вопросе *освобождение с землею*, постараемся пояснить дальнейшие начала и основания, на коих такое освобождение может быть приведено в действо.

В чем дело?

Освободить крестьян с землею.

Так как эта земля должна быть взята от помещиков, и взята, по нашему мнению, безвозмездно, то посему следует сколь возможно ограничить количество предоставляемой земли крестьянам. Мы предполагаем отвести крестьянам $\frac{1}{3}$ всей помещичьей земли, за исключением лесов, с тем, чтобы сия треть никогда не превышала трёх десятин на тягло⁶⁷⁸, и сию крестьянскую землю предоставить во владение сельского общества, а не каждого крестьянина лично.

Прибавим к сему, что если бы правительство, предоставляя $\frac{1}{3}$ земли крестьянам, признало за благо определить для помещиков некоторое вознаграждение, то оно может принять следующую меру финансовую, меру, которая не отяготит казначейства в сильной степени.

Половина помещичьих имений заложена в ломбарде. Капитал, по принятым оценкам в сих случаях, составляет 390 или 395 миллионов рублей серебром. Предоставляя $\frac{1}{3}$ помещичьей земли крестьянам, правительство уменьшит одною третьею долг помещика. Тут казна потеряет 132 мил[лиона] руб[лей] сер[ебром]. Владельцам же другой половины имений, не заложенных, правительство выдаст чистыми деньгами равную сей сумму, 132 мил[лиона] руб[лей] сер[ебром]. Сей капитал должен быть приобретен посредством займа.

Итак, весь выкупный капитал составит 264 мил[лиона] руб[лей] сер[ебром]. Прибавьте к этому 25 миллионов для вознаграждения некоторых мелкопоместных помещиков, в виде выкупа не крестьян их, а их земли, и все пожертвование казны составит около 300 мил[лионов] руб[лей] сер[ебром].

Но и это пожертвование может быть, хотя частью, вознаграждено обложением новою податью купеческих капиталов и домов

в городах, не говоря уже, что, превратив подушный оклад в налог поземельный, правительство может увеличить доход государственный.

Скажут, что такая мера слишком резка, что она коснется до лиц и до имений весьма в неравном размере, что оценка ломбардов не делает подробных различий между различными имениями, что содержание числа крестьян к количеству земли и что самое качество земли различны в различных местностях и пр. и пр. Все сии возражения и множество других, кои можно сделать, справедливы. Но всегда и везде законодатель находит себя в необходимости избирать из двух зол зло меньшее, из двух неудобств неудобство менее важное. Желая достигнуть более совершенства, более правильности в искомой мере, вы рискуете растеряться в бесплодных соображениях и исследованиях; желая удовлетворить всех и каждого, вы не удовлетворите никого и, будучи принуждены беспрестанно откладывать разрешение вопроса, вы, может быть, предоставите это разрешение слепому случаю, горькой необходимости! Многие, весьма многие предвидят и такой случай, и такую необходимость. Чувство нашего сердца отстраняет возможность подобной беды; но холодный рассудок говорит, что опасность существует.

Если я говорю так решительно, то это — Бог тому свидетель! — не от большой доверенности к собственному моему суждению. Напротив: трудно иметь более недоверчивости к собственным убеждениям, как я имею. Но этот вопрос освобождения крестьян был моею мыслью, моею душевною заботою в продолжение всей моей жизни. Я изучал его со всех сторон. Я старался подробно и обстоятельно узнать, как он был разрешаем в других землях, особенно в новейшие времена в Пруссии, Австрии, Польше, в английских и французских колониях. С тех пор как вопрос сей открылся в России, я, сколь возможно, пристально следил за проявляющимися в России мнениями по сему предмету.

Доброжелательство мое к крестьянам, конечно, беспредельно. Но это нимало не мешает мне видеть и уважать выгоды помещиков, ибо я убежден, что благо крестьян не может быть основано на разорении помещиков. Польза и выгоды первых и последних должны соответствовать одни другим и только на таких обоюдно-полезных основаниях может быть твердо созиждено благо общее, благо государственное. Дабы показать, что выгоды помещиков, в моем предположении,

охраняются, по крайней мере, столь же действительно, как выгоды крестьян, я сделаю один вопрос.

Согласившись в том, что освобождение крестьян, какими бы то ни было средствами, неизбежно и что остановить разрешения сего вопроса невозможно, — в чем могут и должны состоять выгоды помещиков по освобождении крестьян?

Очевидно, что главная, существенная выгода помещиков, с некоторыми редкими исключениями, будет состоять в том, чтобы освобождаемые крестьяне оставались на земле, на которой они доселе жили, дабы чрез то помещик имел средство обрабатывать или отдавать в наем свою землю. Это условие, условие продолжения жительства крестьян на прежних местах, есть самое главное, существенное условие, *conditio sine qua non*, благосостояния помещиков.

С уничтожением укрепления к земле чем иным, как не клочком этой самой земли, можете вы привязать крестьянина к его родине?

И здесь я осмелюсь сказать, что я не встречаю в русских помещиках того здравого смысла, той сметливости, тех возвышенных чувств, коими они отличаются, видя, что они спорят и толкуют об усадьбах! Их несомненные, очевидные выгоды ясно предписывают им уступить даром усадьбы крестьянам, дабы по возможности удержать их на месте их жительства. Эти же выгоды, здраво понимаемые, должны бы привести их и к уступке крестьянам части земли, сверх усадеб, кои, обеспечивая для крестьянина один, так сказать, ночлег, не представляют никаких средств к продовольствию.

Есть, конечно, возражение, против коего я не имею достаточных доводов и принужден обратиться к вышеупомянутой необходимости избрать из двух зол меньшее. Это возражение состоит в том, что наделение крестьян $\frac{1}{3}$ земли недостаточно для полного их продовольствия. Так, конечно. Но такое, хотя и недостаточное, наделение землею, поставляет, однако же, более или менее крестьян в возможность входить в добровольные, непринужденные сделки с помещиком касательно найма или обрабатывания остающихся у него $\frac{2}{3}$ земли, указывая при том крестьянам на необходимость сего найма или сего обрабатывания за плату. Если бы крестьяне остались вовсе без земли, то тогда они нашли бы себя в необходимости согласиться на всякие условия, предписываемые помещиком, или в необходимости сойти с земли его: и то и другое и несправедливо, и вредно для обеих сторон.

Освобождая таким образом крестьян с землею, следует подчинить их исключительно сельскому обществу. Власть полицейская помещика должна ограничиваться единственно правом, в случае беспорядков, арестовать крестьянина и представить его в сельский суд. В остзейских провинциях было предоставлено помещику право наказывать телесно крестьян⁶⁷⁹. Дать кому бы то ни было право сечь, по произволу, вольного человека, есть такая несообразность со всеми началами самой простой справедливости, которая не требует дальнейшего опровержения.

Помещик, по освобождении крестьян, будет или сам, посредством вольных работников, обрабатывать свою землю, или отдавать её внаем или всему обществу сельскому, или некоторым членам оною, или посторонним лицам. Может быть, в начале нового порядка полезно будет поощрять наем помещичьей земли всем обществом сельским. Во всяком случае, надлежит совершенно запретить платеж работою крестьянина. Плата должна быть денежная или продуктами земли. Плата работою слишком близка к барщине и, следственно, к произволу. Вообще надлежит, в определении отношений крестьян к помещикам, всячески избегать постановлений, похожих на постановления и обычаи прежнего времени. Из этих семян бывшего порядка вещей может вырасти впоследствии новое рабство. Годунов только укрепил крестьян земле⁶⁸⁰. Между тем, не прошло более ста лет, как, по словам указа Петра I-го Сенату, в России уже *продавали людей как скотов*⁶⁸¹.

По моему полному убеждению, нет лучшего ручательства против новых злоупотреблений, как отделить, сколь возможно решительнее, бывших крепостных людей от бывших их помещиков. Сии последние только могут выиграть от такого отделения. О сем будет говорить ниже.

Я упомянул о моей недоверчивости к собственным убеждениям. Такая недоверчивость, если б она не была в моем характере, то важность предмета, о котором я рассуждаю, внушила бы мне её. Если я продолжаю, не утратив сей недоверчивости, настоять на моем мнении, то это потому, что неудобства других предположений меня так сильно поражают, что я не могу, при всем моем желании, найти лучший исход из сего трудного вопроса, принять ни одного из сих предположений. Конечно, я могу видеть сучок в глазе другого, не замечая бревна в моем собственном. Об этом я не спорю. По крайней мере, пусть же укажут мне на непреодолимые препятствия в моем

предположении, каковые я нахожу в других. Вместо сих указаний и опровержений я не встречаю ничего, кроме какой-то для меня непостижимой беспечности, какого-то равнодушия даже и в людях благонамеренных, каких-то надежд на русское *авось* и *небось*! Недостает ещё обратиться к русскому *как-нибудь*! Между тем бедные русские мужики с беспримерной кротостью и долготерпением, и если с надеждою, то и со страхом и трепетом, ожидают и продолжают ожидать исхода из пленения Вавилонского. Мы не скажем: горе тем, кои явно противятся святому делу освобождения: мы не видим таких людей. Но горе равнодушным и бездушным, кои хладнокровно смотрят, хладнокровно разглагольствуют о происходящем теперь в России!

Дабы более изъяснить причины моей настойчивости на моем мнении, я обращаю внимание читателя на другие предположения касательно освобождения крестьян.

Соображения о выкупе

Все предположения, изъясняемые в составленных различными лицами проектах, из коих некоторые особенно замечательны по таланту сочинителей, по их обширным сведениям историческим, по практическому характеру, свидетельствующему об опытности, приобретенной в управлении крестьянами, все сии предположения об освобождении крестьян основываются на выкупе.

Одни предлагают выкуп самими крестьянами. Другие выкуп посредством правительства.

По мнению первых, земли, крестьянам предназначенные, должны быть подвергнуты местной оценке. Определенная таким образом цена должна быть выплачена крестьянами в течение от 30 до 40 лет.

Признаюсь, я не знаю, с какой стороны начать опровержение такой мысли: так она кажется мне странною и невозможною в исполнении.

Кто должен делать оценку? — Соседние помещики, говорит автор одного проекта о таком выкупе.

Кто отвечает за верность оценки? — Оценщики, говорит автор. Но согласятся ли соседние помещики быть оценщиками, зная, что они могут быть подвергнуты такой ответственности? Конечно, не согласятся. Итак, на первом шаге оценка является невозможною.

Далее: каким образом обеспечивается помещик в верном платеже со стороны крестьян выкупной суммы? Угрозою переселения крестьян в Сибирь.

Такое переселение в Сибирь может быть наказанием для крестьян, но нимало удовлетворением справедливых требований помещика.

Неудобоисполнительность такого плана, начертанного, впрочем, человеком весьма умным, опытным и особенно благонамеренным, очевидна, и мы ограничимся сим кратким опровержением, не упоминая о множестве хлопот и затруднений в произведении подобной оценки по всему пространству империи, о времени, которого потребует такая операция.

Принять выкуп со стороны крестьян общим правилом их освобождения, по нашему убеждению, несправедливо, вредно и противно благой цели, к коей мы стремимся.

Цель освобождения есть: сделать из крестьян крепостных крестьян вольных, самостоятельных, кои имели бы возможность существовать работою рук своих и пользоваться плодами своего труда, своей промышленности, своей бережливости. Иной цели в освобождении быть не может: в этом должны, наконец, убедиться те, кои, продолжая толковать об освобождении, продолжают вместе с сим разглагольствовать о каких-то направлениях, указаниях, понуждениях, ограничениях в свободе жизни и деятельности крестьянской, кои, одним словом, хотят вещей совершенно противоположных.

Означив цель освобождения, взглянем на положение, в коем очутится крестьянин, из крепостного сделавшийся вольным.

Положение крепостного мужика было, конечно, не таково, каким оно могло бы быть, судя по произволу, по неограниченности помещичьей власти и по незащитности крестьянина. Будучи крепостным человеком, русский мужик был, однако же, и хозяином в своем домашнем быту. Он работал не только на помещика, но и на самого себя, не говоря уже о крестьянах оброчных. Он обязан был заботиться о своей избе, о своем скоте, о своем загоне и т. д. Все сие сохраняло и поддерживало в нем способность думать, рассуждать, избирать средства для действия. Мирские сходы представляли ему случай изъяслять свой образ мыслей, слышать мнения других, опровергать или принимать оные. Но нельзя не согласиться, что при всем том вековая безусловная подчиненность, беспрекословное повиновение произволу господина не могли если не изгладить, то, по крайней мере, не

притупить всех тех способностей и качеств, кои свойственны человеку вольному.

В сем положении переход крестьян из крепостного состояния в вольное, как для пользы крестьян, так и для пользы помещика и для пользы государственной, должен быть облегчен для крестьянина всеми возможными средствами. Одним словом: освобождаемого крестьянина надлежит приучать к свободе, а не к неволе.

Обязанность выкупа, возлагаемая на крестьян, не только не соответствует сим весьма естественным и простым требованиям, но совершенно противна оным. Войдем в подробности.

По предположениям защитников выкупа, крестьянин должен получить достаточное количество земли для своего продовольствия. Вообще сие количество исчисляется ими в 3, 4 или 5 десятин на душу. За сии десятины крестьянин будет обязан выплатить помещику определенную по оценке сумму в продолжение 35 или 40 лет, вероятно, с процентами за суммы невыплаченные. По всем расчетам, о коих я мог или читать или слышать, оказывалось, что выкупная цена составляла не менее 8 или 10 руб[лей] сер[ебром] с души, платимых в продолжение 37 лет.

Землепашец вольный, искони владеющий собственною землею, может быть, согласился бы вступить в подобные условия, т.е. обязаться платить ежегодно по 10 руб[лей] сер[ебром] за 3 или 4 десятины, прилежащие к его полям, с тем, чтобы сия земля соделалась его собственностью по прошествии 37 лет. Но что возможно для искони вольного землепашца с устроенным хозяйством, то не равно возможно для только что освобожденного крепостного человека.

Получив в наделение для себя и своей семьи 10 или 15 десятин земли и будучи обязан вносить выкупную сумму, освобожденный крестьянин должен иметь свой скот и разные орудия земледельческие. Для сего нужны деньги, капитал. Где найдет он этот капитал? Прежде помещик, в собственных выгодах, помогал крестьянину. Теперь, будучи богат землею, но беден деньгами, новоосвобожденный не будет в состоянии извлечь из своего поземельного богатства соответственного дохода, необходимого для уплаты выкупной суммы. Прибавьте к тому различные невзгоды, так часто постигающие земледельцев: неурожаи, падеж скота, пожары и пр. Имея все сие в виду, можно ли с какой-либо достоверностью, с каким либо вероятием предполагать, что всеобщее освобождение крестьян может быть основано на методе выкупа с их стороны?

Отстраним все сии мечтания о выкупе со стороны крестьян и укажем ещё раз на необходимость облегчить для освобождаемых крестьян вступление в новое, свободное положение. Освобожденный крестьянин немедленно почувствует, что в новом его быту он должен надеяться исключительно на самого себя: этой заботы будет достаточно для новой его деятельности на просторе свободной жизни.

Конечно, найдутся и всегда находились такие крестьяне, кои могут откупиться с землею. Но это составляет исключение из общего правила. Таковые сделки, доселе весьма затруднительные в исполнении, без сомнения, должны быть облегчены законодателем и поощряемы правительством.

Во многих местах, как слышно, помещики желают условиться с крестьянами о переводе на сих последних долга опекунского совета с предоставлением им в полную собственность известного количества земли. Такие сделки были бы лучшим средством освобождения, будучи основаны на обоюдном согласии. Но, к сожалению, по сию пору, по крайней мере, сколько нам известно, опекунские советы не имеют разрешения от правительства допускать совершение таких сделок и перевод долга с помещика на крестьян.

Повторяем, что всякого рода добровольные сделки, к освобождению клонящиеся, должны быть не только допускаемы, но покровительствуемы, лишь бы только цель истинного освобождения была ими достигнута.

Скажем теперь несколько слов о выкупе посредством правительства.

Здесь представляются два средства. Одно состоит в том, что правительство, выплатив помещикам выкупную сумму, должно будет разложить сию сумму на освобожденных крестьян и в течение 35 или 40 лет покрыть, таким образом, свои издержки.

В таком случае мы найдём крестьян в той же невозможности уплатить выкупную сумму правительству, в каковой мы видели их при уплате помещикам.

Второе средство состоит в уплате от правительства помещикам выкупной суммы и в принятии всех издержек по сему предмету на свой счет, так что проценты и погашение, с сею уплатою сопряженные, должны пасть окончательно на общие государственные доходы.

Как в том, так и в другом случае капиталы, долженствующие служить для выкупа, могут быть приобретены, сотворены или посред-

ством займа за границу, или посредством особенных кредитных бумаг.

В сем-то капитале, потребном для выкупа, заключается вся важность, вся сущность сего вопроса.

Не касаясь нимало до самого начала, до принципия освобождения посредством выкупа самим правительством, соглашаясь даже в том, что сия метода может быть, в известных данных обстоятельствах, самой легкой в исполнении, мы должны, однако же, наперед удостовериться в возможности приложения сего начала на самом деле. К чему могут служить самые здравые, самые логические методы, когда они являются невозможными в приложении? Таким образом, остановившись на методе выкупа правительством, необходимо прежде всего узнать: до какой степени должна возвыситься выкупная сумма. Как бы то ни была превосходна метода выкупа, она ни к чему послужить не может, если выкупная сумма окажется столь огромной, что превзойдет все финансовые средства казначейства.

Какие указания находим мы в различных проектах относительно суммы выкупного капитала?

По одному, во многих отношениях весьма любопытному и замечательному проекту, в коем предполагается упрочить за крестьянами пахотными ту землю, которую они теперь на себя обрабатывают, а за оброчными всю землю, коею они пользуются, выкупный капитал исчисляется в 1 миллиард 50 мил[лионов] р[ублей] сер[ебром].

Если такая сумма будет приобретена правительством посредством заграничного займа, то она необходимо должна в сильной степени унизить ценность прежних долговых заграничных облигаций и тем самым возвысить проценты, кои русское правительство должно будет платить по новым займам сего рода. К тому же обязанность платить с такой огромной суммы какие бы то ни было ежегодные проценты и проценты на погашение чрезмерно отяготит казначейство.

Если же выкупный капитал будет сотворен посредством выпуска особенных кредитных бумаг, выдаваемых помещикам и приносящих проценты, то сии облигации необходимо вступят в обращение.

Но потребности обращения имеют свои пределы, кои означаются равенством цены монеты металлической с монетой бумажной. Сие равенство или сие равновесие едва ли уже и теперь в России существует, ибо за промен ассигнаций на серебро платится уже 2 % лаж⁶⁸². Итак, количество бумажных денег уже превышает теперь по-

требности обращения. Пустив в обращение новые миллионы и сотни миллионов ассигнаций или кредитных бумаг, вы не сотворяете новых ценностей, кои были бы представляемы вашими новыми кредитными бумагами. Сии последние необходимо войдут в совместничество со старыми, так что если, например, вся сумма бумажного обращения будет удвоена или утроена, то очевидно, что все вещи, на бумажные деньги покупаемые, удвоятся или утроятся в цене своей. Этого не довольно. Иногда чрезмерные выпуски бумажных денег не производят такого соразмерного и постепенного действия на цены: одна очевидность чрезмерного выпуска может вдруг произвести всеобщее банкротство.

Самые неопровергаемые и самые ясные начала политической экономики часто, однако же, не приемлются так называемыми людьми практическими и, например, в сем вопросе выкупа посредством кредитных бумаг они толкуют, что сии новые бумажные деньги будут достаточно обеспечены всеми выкупаемыми крестьянскими землями.

Ответ таким людям практическим найдется всего приличнее на практике, на опыте.

Революционная Франция изнемогала под бременем чрезмерного количества ассигнаций, между тем как правительство было богато так называемыми национальными имениями. Оно придумало выкупить ассигнации новыми бумагами (*mandats territoriaux*)⁶⁸³ и ценность сих последних обеспечить национальными имуществами. Обеспечение было, по-видимому, совершенно достаточное. Для усиления оного правительство постановило, что всякий, имеющий в своем распоряжении известное количество мандатов, может избрать любое национальное имение равной цены и, внося сумму в мандатах, немедленно вступить во владение имением. Трудно было бы придумать лучшее средство для поддержания кредитных билетов. Но на деле все оказалось иначе. Мандаты упали в цене своей, как упали ассигнации.

Посмотрим, что делается теперь на глазах наших в Австрии⁶⁸⁴, этой классической стране бумажных денег. Правительство, обременённое чрезмерным количеством бумажной монеты, борется с сею напастью твердо, мудро и, по возможности, успешно. Это правительство богато государственными имуществами. Но эти богатства, продолжая быть, по сущности своей, недвижимыми, не поддерживают, не возвышают курса бумажных денег. Они могут быть полезны в сем отношении тогда только, когда обращаются в деньги, т. е. когда отчужда-

ются, продаются правительством. Но продать всех сих имений вдруг или в непродолжительном времени невозможно. Правительство то передает оные иностранным капиталистам за наличные деньги, то банку в виде операций, к уменьшению количества бумажных денег клонящихся. В тех же видах оно продает построенные им самим железные дороги. Все сии весьма здравые и искусные меры австрийского правительства, может быть, приведут его к полному водворению в обращении звонкой монеты, к чему оно намерено приступить 1-го ноября сего года. Но все это не доказывает, чтобы огромные государственные имущества могли служить залогом, ручательством ценности огромной массы бумажных денег. Это доказывает совершенно противное.

Не говоря уже о непреложных законах монетного обращения, о потребностях оного, о равновесии, которое должно существовать между звонкой монетой и бумажными деньгами, мы ограничимся замечанием, что вообще недвижимая собственность тогда только может служить достаточным залогом денежных капиталов, когда она может быть легко и скоро обращается в деньги.

Из сего следует, что проект выкупа, основанного на займе или на выпуске кредитных бумаг, простирающихся за миллиард рублей серебром, совершенно невозможен в исполнении.

Те из помещиков, кои мечтают о сбыточности такого вознаграждения, не знают, что их неминуемо ожидало бы в случае принятия и исполнения подобного плана: полученные ими облигации превратились бы весьма в недолгое время в простые листы бумаги!

Что же после сего можем мы сказать о таких проектах, по коим выкупный капитал простирается до двух миллиардов руб[лей] сер[ебром] и, может быть, более?

Мы читали один проект сего рода, написанный Т-м губернским предводителем⁶⁸⁵. Изложение дела представлено весьма хорошо и с замечательным талантом. Но заключение являет такое исчисление выкупанного капитала⁶⁸⁶ для одной Т-й губернии, что, будучи приложено, в соразмерности, ко всем губерниям, оно доходит до выше означенных размеров. Мы слышали о таком же проекте в В-й губернии.

Показав очевидную невозможность в исполнении подобных предположений выкупа, нам остается упомянуть об одной мысли, если не о проекте, освобождения посредством выкупа. Сия мысль отличает-

ся особенным практическим пониманием дела. Она не входит ни в какие подробные исчисления и основывается на широких, ясных, простых началах, кои легко могут быть приложены в совершении великого дела освобождения. По сей мысли предполагается разделить всю империю на три полосы; для каждой полосы определить известную цену десятины земли; отвести крестьянам из помещичьей земли по 3 или по 4 десятины, и заплатить за сию землю помещикам по определенной цене. По сему предположению выкупный капитал простирается до 500 мил[лионов] руб[лей] сер[ебром].

Такая сумма, как нам кажется, слишком значительна. Я продолжаю думать, что и для правительства и для помещиков мое предположение, ограничивающееся пожертвованием 300 мил[лионов] за $\frac{1}{3}$ земли, выгоднее. Но если правительство решится на пожертвование 500 мил[лионов] и если помещики найдут это предположение для них более выгодным, то я порадуюсь за крестьян от всей души.

Сверх проектов и предположений, на выкупе основанных, мне известен один проект (г-на К.)⁶⁸⁷, который основывается на наделении крестьян $2\frac{1}{4}$ десятинами земли на душу с обязанностью платить помещику вечный оброк, равный obroку, платимому казенными крестьянами. Этот проект, замечательный по практическим знаниям автора и богатый историческими изысканиями, сделался довольно известным и, как я слышал, приобрел одобрение многих помещиков. Я читал его с большим участием и с великою пользою для меня собственно. Но результат всех предположений автора, после долгого колебания, показался мне неудовлетворительным. Как бы то ни было, но тут нет истинного, полного освобождения, подумал я. Я остался при этом заключении.

Наконец, пример австрийского правительства может привести к мысли: основать выкуп на совокупном действии крестьянина, правительства и самого помещика.

Австрийское правительство постановило, что работа, коею крестьяне были обязаны в отношении к помещику, должна быть исчислена на деньги;

что ценность работы в продолжение одного года, взятая в 20-тилетней сложности, должна составить капитал, назначенный служить возмездием помещику за уничтоженную работу крестьян;

что $\frac{1}{3}$ сего капитала должна быть уплачена крестьянином, $\frac{1}{3}$ правительством или той провинцией, в которой имение находится; по-

следняя же $\frac{1}{3}$ должна пасть на помещика, который таким образом теряет оную.

Все исчисления работ были производимы чиновниками правительства.

Крестьяне должны были платить в продолжение 20 лет следующие с них деньги прямо правительству. Они по большей части немедленно и сполна выплатили следующую с них $\frac{1}{3}$.

Правительство, присоединив к сумме крестьянской трети сумму трети, следуемой с его стороны, выдавало помещику облигацию, приносящую проценты, которую помещик мог немедленно продать на бирже. Курс сих провинциальных облигаций вообще равен курсу других государственных бумаг. В некоторых провинциях, именно в нижней Австрии, он гораздо выше бумаг правительственных.

Капитал, предоставленный в вознаграждение помещикам, должен быть выплачен посредством погашения облигаций по жребию.

Сии постановления австрийского правительства увенчались полным успехом в исполнении. Везде ценность земли вдвое увеличилась, не исключая и несчастной Галиции, которую сии постановления нашли посреди ужасных бедствий восстания крестьян против помещиков, восстания, если не внушенного, то, конечно, поддерживаемого постыдным и бесчеловечным вмешательством австрийского правительства⁶⁸⁸.

Революционные происшествия не позволили кончить сего дела прежде 1853 года. Но в сем году все меры, расчеты, исчисления были постановлены и приведены в исполнение. Суммы, следовавшие с крестьян с 1848 года и коих они дотоле не выплатили, вошли в окончательное исчисление, и помещики их не потеряли.

Для крестьян сия мера была весьма, весьма выгодна. Но и помещики не остались в убытке. Все довольны. Если встречались жалобы со стороны землевладельцев, то это только со стороны духовенства, которое, по новому положению, лишалось доходов от множества мелких повинностей, кои основывались на обычае, а не на ясных и законных сделках и условиях, и потому были уничтожены без всякого вознаграждения. Но во многих местах муниципальные начальства и сами крестьяне добровольно обязались платить по-прежнему духовенству некоторые повинности.

Если сия мера австрийского правительства приведет некоторых русских помещиков искать возможности приложения оной к России

и чрез то достигнуть подобного совокупного действия к выкупу: крестьян и правительства, то мы представим на их усмотрение следующие обстоятельства.

В Австрии* земля обрабатывается хозяевами, имеющими значительное количество оной, в виде ферм, хуторов. Полный хозяин имеет обыкновенно от 30 до 50 десятин. Половинный хозяин половину сего количества и т. д.

Сии хозяева были уже со времен Иосифа II⁶⁸⁹ владельцами земли, на коей жили, с некоторыми, однако же, ограничениями и с обязанностью работ на помещика. Ограничения в праве собственности состояли в том, что хозяин не мог отделить, продажей или иначе, никакой части земли без особенного разрешения. Это запрещение и доселе существует. Крестьянин мог свой хутор продать, завещать и т. д. Но заступающий его место входил во все его обязанности. Помещик, в случае неисправности крестьянина, мог удалить его с земли, с утверждения начальства, и тогда ферма отдавалась другому хозяину. Равномерно крестьяне подлежали ведомству помещика по правительственной и по судебной части. Управление крестьянами, т. е. назначение, распределение работ, надзор над оными и т. п. предоставлялось естественно помещику или его поверенному, управителю. Власть судебная была вверена судье, который назначался правительством, но по представлению помещика. В сем-то наипаче состояло право судебного ведомства помещика (*Patrimonial-Gerichtsbarkeit*). Крестьяне могли апеллировать на решения местного суда; но, например, в Богемии для всей земли существовал только один апелляционный суд (в Праге), что, конечно, было весьма невыгодно для крестьян.

Телесные наказания были прежде известны в Австрии. Они не могли превышать 24 ударов. Помещик не мог сам предписывать сих наказаний, кои определялись только судьею. Впрочем, сии наказания существовали более в законе, нежели на самом деле. Люди, проводившие всю жизнь в управлении имениями помещиков, уверяли меня, что они не могут привести ни одного примера употребления таких наказаний.

* По крайней мере, в Австрии собственно, и особливо в Богемии, которую я видел. Мне неизвестно устройство земледельческого хозяйства в других провинциях. — *Примеч. Н. И. Тургенева.*

Определение работ крестьянских было означено и истолковано законом с невероятными подробностями. Закон предписывал, в котором часу работник должен был закладывать своих лошадей и являться на работу, в котором часу прекращать оную; было даже предписано: как он должен везти различные тяжести, шагом или рысью, и пр. и пр.

Степень и количество работы крестьянской на помещика можно вообще определить тремя днями в неделю.

В таковом устройстве сельского порядка мы видим, что правительство, принимая окончательное освобождение, имело пред глазами ясные, достаточные данные: оно находило, с одной стороны, определенные, не изменяющиеся в пространстве своем, довольно значительные участки земли; с другой — земледельцев-хозяев, из коих каждый владел одним из сих участков. Работы, повинности, всякого рода обязанности сих крестьян к помещику были определены в малейших подробностях. Если встречались в договорах помещиков с хозяевами-земледельцами некоторые условия особенного рода, на особенных правах основанные, то и сии различия были ясно означены и определены. В таком порядке вещей нетрудно было исчислить и определить денежную ценность работ и повинностей и подвергнуть земледельца-хозяина уплате одной трети весьма умеренной выкупной суммы.

Конечно, кроме земледельцев-хозяев, представлялись простые работники, люди безземельные, кои проживали на земле помещичьей, питаясь трудом рук своих. Сии работники, число коих составляет более $\frac{1}{3}$ всего сельского народонаселения, за позволение жить на помещичьей земле были обязаны известною работою, обыкновенно от 13 до 26 дней в году. Но постановлениями 1849 года они были просто освобождены от работной повинности, без всякого вознаграждения помещику.

Я имею пред глазами несколько списков с тех актов, кои окончательно определили ценность работ и суммы вознаграждения помещику. В одном из сих списков я нахожу следующее:

Хозяин В. К. владеет количеством земли, состоящей из полей, лугов и леса, — 72 иох, что составляет более 50 десятин. Он обязан работать на помещика с двумя лошадьми 156 дней в году и без лошадей 26 дней. Сверх сего он обязан давать помещику известное число кур, яиц и определенное количество овса. Ценность всех сих работ и повинностей была исчислена в 45 гульденов в год (28 [рублей] [серебром]).

Таковое исчисление изъясняется тем, что правительство, предписав оценку работ и повинностей, поставило в обязанность оценщикам, чтобы они не оценили барщинной работы по цене работы вольной и чтобы ни в каком случае оценка первой не превышала одной трети цены последней. Посему оценщики ограничили свое исчисление работы одного дня с двумя лошадьми в 14 крейцеров (14 копеек) и одного дня без лошадей в 3 крейцера (3 копейки).

Из сей суммы — 45 гульденов — $\frac{1}{3}$ падала на помещика, $\frac{1}{3}$ — на правительство и одна, 15 гульденов, на крестьянина. Будучи взята в 20-тилетней сложности, сия последняя сумма составила 303 гульд[ена] 40 кр[ейцеров] (183 р[убля] с[еребром]).

Приняв в соображение все сии подробности австрийской меры освобождения, мне кажется, что невозможно помышлять о приложении сей методы к освобождению русских крестьян. К тому же, как мы видим, вознаграждение помещиков за утраченные работы и повинности крестьянские не весьма значительно. Настоящее вознаграждение, как в Австрии, так и везде, где подобные меры были предпринимаемы, особливо в Пруссии, где крестьяне были наделены землей безвозмездно, настоящее вознаграждение для помещиков нашлось само собой в возвысившейся ценности земли.

Что касается до капитала, употребленного австрийским правительством на выкуп, то оный простирается, как полагают, до 500 мил[лионов] гульденов (300 мил[лионов] р[ублей] с[еребром]). Барон Гакстгаузен⁶⁹⁰ говорил мне о 700 мил[лионах] гульденов.

В английских колониях, где выкуп касался только до работников, освобожденных без земли, и число коих было около 800 тысяч, выкупная сумма составила 20 мил[лионов] ф[унтов] ст[ерлингов] (120 мил[лионов] р[ублей] с[еребром]). Во французских колониях число негров и выкупный капитал были половиной менее. Таким образом, как в английских, так и во французских колониях выкупная сумма одного человека составляла около 160 р[ублей] с[еребром].

Те, кои помышляют о выкупе крепостных крестьян с землею, по какой бы то ни было оценке, видя, чего стоил выкуп в других землях, и вспомнив, что в России дело идет о 22 мил[лионах] обоего пола людей, конечно, убедятся в совершенной невозможности прибегнуть к подобному средству освобождения.

Обозрев, таким образом, различные способы освобождения посредством выкупа, мы остаемся убежденными, что ни один из сих

способов не обещает никакой возможности успешного исполнения, и мы принуждены обратиться к нашему предположению, основанному на освобождении крестьян с $\frac{1}{3}$ земли безвозмездно или с пожертвованием от казны 300 мил[лионов] р[ублей] сер[ебром]. Этот план, конечно, имеет свои неудобства и затруднения, но, по крайней мере, его можно исполнить. А что то́ или другое должно быть исполнено, и исполнено в непродолжительном времени, в сем, кажется, никто сомневаться не может. Такие вопросы не могут оставаться долго нерешенными.

Я настою на простоте, на ясности, на несложности моего предположения. Если бы я увидел план ещё менее сложный и более удобоисполнительный, я с радостью отказался бы от моего собственного.

Простота, несложность, ясность в планах освобождения везде полезны; но в России эти условия необходимы в самой высшей степени. В этом должны быть вполне убеждены все добросовестные люди, знающие и понимающие Россию.

Вовсе теряя из виду сие необходимое условие простоты, несложности в мерах освобождения, и в России толкуют об учреждении банков, кои должны облегчить или сделать возможным выкуп и крестьян, и земли их. Почтенный г-н Гакстаузен, коего мнения заслуживают особенного внимания и которого я много уважаю за его любовь к русским мужикам, говоря со мною о сем предмете, также упомянул о банках сельских или провинциальных. Финансовые вопросы мне не чужды⁶⁹¹. Но признаюсь: я не могу постигнуть, с чего следовало бы начать для учреждения банков, долженствующих служить орудием выкупа крестьян с землею, в государстве, где существует подушный оклад, где ещё не уничтожены винные откупа; там, где помышляют предоставить помещику сечь, по произволу, вольных крестьян; там, где крестьянин, осужденный на жестокое телесное наказание, на ссылку в Сибирь, на каторгу, не может апеллировать прежде исполнения над ним приговора; в государстве, где бумажные деньги начинают уже терять свое равновесие против звонкой монеты; где деревенские головы не могут обойтись без писарей и сенаторы без секретарей; там, где ещё не известно, какому суду и какой «расправе», какому управлению будут подлежать миллионы освобожденных крестьян, для коих предполагается учреждение сих банков!

Впрочем, по самой сущности, выкуп посредством таких фантастических банков неминуемо отлагает окончательное, полное осво-

бождение на многие лета, обыкновенно на 37 лет. Сие отлагательство имеет следующее значение для крестьянина: мы даруем тебе свободу, но ты будешь пользоваться ею не прежде 30 или 40 лет! Кто может позволить себе такую шутку? В других землях, и именно в Пруссии, в Саксонии и пр. и пр., конечно, были учреждены такие банки. Но кому они ссужали деньги? Земледельцам-хозяевам, имевшим уже в своем владении известное, довольно значительное количество земли и желавшим приобрести более. Земля их служила залогом банку. Но в России, вместо таких хозяев, вы встречаете миллионы мелких хозяев-мужиков, и там банки могут иметь дело разве только с целыми сельскими обществами. Что в России найдется несколько таких селений, кои могут занять капиталы, достаточные для выкупа, и выплатить их исправно, — в этом нет никакого сомнения, и это доказывается, впрочем, самым опытом. Но принять учреждение банков за одно из главных оснований освобождения — это не что иное, как мечта, и на первом шаге приведения её в действие опыт не замедлит разочаровать мечтателей.

Поставьте государство в такое положение, которое допускало бы водворение частного кредита, поставьте крестьянина, купца, дворянина в такие законные отношения, в коих каждый мог бы безопасно ссужать и был бы в невозможности не исполнять своих обязательств, и тогда приступайте к водворению общего кредита и кредита поземельного, если хотите*.

* Автор превосходных статей, о коих мы упоминаем ниже, ожидает многого, слишком многого, по нашему мнению, от поземельного кредита. Но вместе с сим он согласен в том, что самые важные преобразования должны предшествовать основанию сего кредита. Вот слова его: «...Pour avoir de l'argent, il faut un système de crédit foncier facile, étendu, à la portée de tous, répandant sur le sol cette pluie d'or, sans la quelle le travail le plus ardu ne saurait le rendre fertile.

Ici la question touche de près à la réorganisation de la justice et de l'administration, réorganisation sans la quelle le crédit foncier restera toujours une lettre morte». Le Nord. 18 августа 1858. [Для того, чтобы иметь деньги, необходима система необременительного земельного кредита, распространенная и доступная всем, проливающая на землю тот золотой дождь, без которого даже самый упорный труд не сделает ее урожайной. Этот вопрос здесь тесно связан с судебной и административной системами, без реформирования которых земельный кредит так и останется мертвой буквой — *фр.*].

Я недавно читал в сем же журнале, что комитет С[анкт]-П[етербургско]й губернии предлагает наделить крестьян каждого 10 десятинами земли и обязать 20-ю днями работы в год за каждую десятину. Между корреспондентами сего журнала есть, конечно, люди весьма знающие и добросовестные; но встреча-

Средства исполнения

Изъяснив сущность предлагаемой мною меры освобождения, я почитаю необходимым сказать несколько слов о способе исполнения.

Обыкновенно мы слышим, что дело столь важное не может быть исполнено иначе как постепенно, что окончательная мера освобождения должна быть предварительно приуготовлена разного рода другими мерами и т. п. Совет, конечно, весьма благоразумный. Вообще постепенность полезна в тех случаях, где она означается и доказывается явными требованиями обстоятельств дела, там, где она ведет к чему-нибудь, там особливо, где она возможна. Так, например, прусское правительство начало освобождение крестьян с освобождения личного, потом оно упрочило земельную собственность за крестьянами, на казенных землях живущими, и, наконец, уже предоставило крестьянам в полную собственность $\frac{1}{2}$ или $\frac{2}{3}$ земли помещицъей. Такая постепенность мер, совершавшихся в продолжение пяти лет, должна, конечно, быть всеми одобрена, тем более, что правительство предпринимало сию меру в самые бедственные времена для государства: в обыкновенных обстоятельствах прусское правительство, конечно, могло бы привести в исполнение все сии меры в одно и то же время.

Другие правительства также прибегали к мерам приуготовительным, к постепенности в разрешении вопроса освобождения. Так, например, английское правительство, решившись освободить негров в своих колониях, постановило для сего 9-и или 10-и-летний срок. Но здесь оказалось, что метода приуготовительности, постепенности не только ни к чему не послужила, но, напротив, представляла большие неудобства и очевидно препятствовала успешному окончанию дела; так что правительство нашлось в необходимости отказаться от сей методы и, согласно желанию самих владельцев, в пользу коих сии неловкие предосторожности были предприняты, предписать не-

ются и пустомели. Такое предложение, приписываемое С[анкт]-П[етер]б[ургско]му дворянству, может быть, проистекает от одного из сих последних. Желательно было бы по крайней мере знать: в чем изобретатели таких планов находят улучшение быта крестьянского. Они обязаны указать на сие улучшение, ибо, конечно, никто, ни с какими очками, не заметит сего улучшения в подобной перемене. — *Примеч. Н. И. Тургенева.*

медленное, окончательное освобождение гораздо прежде истечения предназначенного срока.

Французское правительство, в царствование Людовика Филиппа⁶⁹², подвинутое примером Англии, приступило также к чему-то похожему на освобождение негров в своих колониях⁶⁹³, где, заметим мимоходом, негры были уже однажды освобождены Конвентом⁶⁹⁴ и вновь обращены в рабство Наполеоном⁶⁹⁵. Но эта попытка *улучшения* негров подобными приуготовительными, постепенными мерами оказалась совершенно ничтожной в своих результатах. Негры остались рабами по-прежнему, пока революционное правительство в 1848 году, умев воспользоваться примером Англии, не освободило их без дальнейших околичностей, и не только освободило, но дало им равные права со всеми французами.

Австрийское правительство, в обыкновенные времена и в обыкновенных обстоятельствах, может быть, последовало бы в разрешении вопроса освобождения мнению или, справедливее сказать, предрасудку приуготовительности и постепенности. Но в 1848 и 49 году это правительство нашло себя в необходимости не приуготовлять, а действовать; обстоятельства не допускали утомительных приуготовительных мер, ни даже не менее утомительных и тщетных разглагольствований. Австрийское правительство решило дело одним разом, однажды навсегда, и полный успех увенчал мудрое и благое предприятие⁶⁹⁶.

Приуготовительные, постепенные меры бесполезны и вредны не только потому, что они отдаляют, без всякой пользы для кого бы то ни было, совершение предначатого дела; но особенно потому, что они, по обыкновенной неопределительности своей, могут возбудить и, конечно, возбуждают в совести и в воображении тех, коим они обещают свободу, множество сбивчивых, ложных понятий, множество ожиданий и мечтаний, коим не суждено иметь никакого выполнения. Порывы души человеческой к ожидаемому благу, даже к одному призраку блага, столь же сильны, как они произвольны; продолжающиеся надежды и ожидания не ослабляют, а, напротив, увеличивают стремление душевное. Этого не должно забывать особливо в таких землях, где мало пишут и ещё менее читают: отсутствие слова дает более простора воображению.

Между мерами приуготовительными могут быть такие, кои заключают в себе известные узаконения, некоторые постановления, клоня-

щиеся к окончательному, определенному, известному освобождению. Таким образом, датское правительство, желая приступить к освобождению негров в своих колониях, узаконило, что рождающиеся дети после известного срока должны быть вольными. Так же правительство английское начало освобождение постановлением, что негры не будут впредь рабами по-прежнему, но что до окончательного и полного их освобождения они должны находиться в положении, подобном тому, в коем находятся отдаваемые в ученье дети, почему это положение и было названо «ученичеством» (apprenticeship). Вместе с сим правительство учредило особенных прокуроров, кои должны были охранять интересы негров в новом их положении, когда власть их владельцев совершенно изменилась против прежнего. В остзейских провинциях были также приняты некоторые меры постепенности касательно права перехода крестьян от одного помещика к другому, так что на первое время крестьянин мог переходить только в уезде, потом в губернии.

Такие меры, всегда и везде оказавшиеся если не вредными, то, по крайней мере, совершенно бесполезными, имеют, однако же, то достоинство, что они ясно указывают на цель, к коей они стремятся, и потому могут возбудить нетерпеливость в ожидающих, но не могут внушать им обманчивых надежд и мечтаний.

Но что можем мы сказать о так называемых приуготовительных и постепенных мерах, кои ограничиваются собиранием справок, сведений, статистических известий, исследованиями о правах и обычаях жителей различных провинций, о качестве и количестве земель в различных местностях и пр. и пр. и пр.?

Между тем, мы беспрестанно слышим и читаем такие предложения и изъявления мнений. Одни указывают на различие почвы, на различие в обрабатывании земли, другие на различие крестьянина низовых, степных губерний от крестьян ярославских, владимирских и пр. «Как возможно, — говорят они, — освободить всех сих людей одинаковым образом? Необходимо в подробности узнать быт всех категорий крестьян всей империи. Начнем собирать справки, статистические и этнографические сведения и тогда...»

Но что же будет тогда? Собрав все справки, удостоверившись в точности, в справедливости, в полноте оных, вы узнаете... что? То, что вы уже и теперь знаете или, по крайней мере, должны знать.

Вы узнаете, что все исчисляемые вами различия существуют; вы узнаете даже подробно, в чем сии различия состоят. Но, узнав это,

разве вы решитесь начертать особенные уставы освобождения для каждой отличной от других местности? Кто возьмет на себя сказать, что крестьянин одной губернии должен быть освобожден одним образом, а крестьянин другой — другим образом? Свобода, настоящая свобода, всегда и везде одинакова. Рабство, может быть, конечно, различно. Но и рабство уравнилось во всех частях России: власть помещиков равна во всех губерниях. Как же хотеть различия в освобождении?

В том-то и состоит важность вопроса освобождения, что он должен быть поставлен прямо и решен просто, ясно, определительно для всех и каждого.

Вы хотите дать свободу крепостному человеку.

Итак, дайте ему свободу; но свободу настоящую, а не свободу с обязанностью обрабатывать несколько десятин земли на помещика, с угрозою произвольных телесных наказаний.

Вы хотите освобождения с землею?

Итак, дайте крестьянину клочок земли, самый малый, потому что вообще он не может приобрести его выкупом. Этот клочок будет несколько более там, где земли много, и менее там, где её мало. Но везде он будет недостаточен для полного продовольствия крестьянина. Эта недостаточность укажет крестьянину на необходимость искать продовольствия в найме земли помещицей, но в найме вольном, как следует вольному человеку. Равенство, невозможное в самом наделении, найдется в пропорциональности, предписываемой самою силою вещей и обстоятельств, коей никто преодолеть не может.

Австрийская империя представляет ещё более различия между крестьянами различных провинций: Австрии собственно, Галиции, Венгрии, Богемии, нежели сколько может существовать между русскими крестьянами разных губерний. В Пруссии крестьяне также отличаются одни от других: немцы-протестанты в Восточной Пруссии, немцы-католики в Вестфалии, славяне в Познани, славяне в Лаузице и т. д., конечно, не совсем похожи один на другого.

Но разве не один и тот же закон, не одно и то же правило освободило всех крестьян и в Австрии и в Пруссии?

Этот пример, конечно, должен бы умерить рвение наших охотников до справок и статистических сведений.

Отказавшись от всех сих тщетных и обманчивых средств, так называемых приуготовительных, отказавшись от методы постепенно-

сти, потребуется ещё много времени для приведения и самого простого, несложного и ясного положения в исполнение. Решившись предоставить какое бы то ни было количество земли крестьянам, надлежит отвести сию землю в их владение. По нашему предположению, $\frac{1}{3}$ земли помещичьей должна быть отведена во владение сельского общества. Сей отвод потребует, конечно, известного и довольно долгого времени.

Здесь правительство найдет, может быть, какие-нибудь средства для скорейшего окончания сего отвода*. В царствование Екатерины II, для поощрения землевладельцев в общем размежевании, правительство старалось побудить их к размежеванию добровольному. Для сего было постановлено, что там, где смежные владельцы размежуются полюбовно, правительство предоставит им в полную собственность казенные земли, смежные или между землями помещичьими заключающиеся, — распоряжение весьма здравое и характеризующее истинные понятия о пользе государственной, которые так часто проявляются в законодательстве великой императрицы.

Во всяком случае, допустив различного рода добровольные сделки между помещиками и крестьянами, надлежит постановить решительный срок, с течение коего сии сделки должны быть кончены. По истечении сего срока то положение, которое будет принято и объявлено самим правительством, должно неминуемо быть приведено в действие.

Есть, конечно, меры, которые должны быть приняты при освобождении крестьян. Но, будучи в сущности своей независимы от самого освобождения, сии меры не могут быть признаны мерами приуготовительными, хотя, конечно, весьма полезно было бы заняться иссле-

* Так, например, для поощрения к скорейшему окончанию отвода $\frac{1}{3}$ земли сельским обществам можно учредить премии в пользу тех помещиков, кои в известный срок, прежде других совершат окончательный отвод или полюбовно с крестьянами, или с утверждения власти правительственной. Кроме времени, более или менее продолжительного, премии будут сообразовываться и с важностью имений. Для помещиков, имения коих заложены в опекуном совете, премии выразятся более или менее значительною рассрочкою в платеже их долга. Для составления же премий помещикам, коих имения не заложены, можно отделить от суммы выкупного капитала (132 мил[лиона] руб[лей] сер[ебром]) 5 % и происходящие от такой меры 6 мил[лионов] руб[лей] сер[ебром] разделить на различные премии, кои будут выплачены за скорый отвод земли сельским обществам. — *Примеч. Н. И. Тургенева.*

дованием и определением оных заблаговременно. Здесь мы разумеем особенно обращение подушного оклада в налог поземельный, изменение в устройстве судебных и правительственных мест, в ведомство коих войдет столь огромное число новых подведомственных лиц.

Первоначальное предложение наше относительно крестьянского освобождения с землею основывалось на начале безвозмездного наделения крестьян землею. В других наших записках по сему предмету мы всегда исключительно держались сего начала.

Заметим прежде всего, что если бы предположение наше не встретило иного препятствия для принятия оно, как сие наделение безвозмездное, то, конечно, и в мнении общем, и в глазах народолюбивого правительства такое препятствие могло бы быть отстранено без затруднения определением известной суммы для вознаграждения помещиков, смотря по средствам казначейства. Но мы не могли и не желали поставить в самой заглавии нашего предположения сего начала вознаграждения, предпочитая освобождение с землею безвозмездно всем иным средствам освобождения.

Наше мнение о безвозмездности наделения крестьян землею имеет свои основания. Мы постараемся изъяснить их.

Прежде всего, мы сделаем вопрос: для кого мы предполагаем сие безвозмездное наделение землею?

Для крестьян, кои искони жили на этой земле, кои всегда ею пользовались, кои, преступною рукою Годунова, были прикованы к земле сей и из приписных и укрепленных земле, мало-помалу, различными притязаниями и несправедливостями, различными мерами правительства, не имевшими нимало в виду отяготить участь крестьян, одним словом, неисповедимыми для всех и особливо для самих крестьян непостигаемыми путями, были приведены в положение настоящих рабов, которых уже через сто лет после укрепления, по словам Петра I-го, продавали «как скотов» и которых продолжают и продавать, и переселять по-прежнему.

В таком положении вещей самые простые понятия справедливости и самые прямые внушения совести предписывают дать малую лепту за вековой труд, за вековые страдания труженикам и страдальцам. Мы полагаем, что этот голос справедливости и совести отзовется в разуме и в сердце русских помещиков и что они, одушевляемые любовью к общей матери всех нас, и крепостных и вольных, любо-

вью к России, искупят её святым пожертвованием от греха Годунова, столь тяжело на неё падшего.

Сего соображения, сей причины для нас в полной мере достаточно для оправдания начала безвозмездного наделения. Но кроме сих главных, решительных причин и соображений, существуют другие, коими оправдывается сие начало.

Не говоря уже о нравственном впечатлении, которое произведет на крестьян добровольная уступка земли со стороны помещиков, и о выгодном положении, в каковое она поставит помещиков в глазах России и всего образованного света, мы укажем на положительные, ощутительные выгоды, кои помещики найдут для самих себя от такого жертвования.

Выгоды помещиков всегда были сопряжены с выгодами крестьян. Но при крепостном праве сие тождество, сия нераздельность взаимных выгод не могла быть всегда и везде равно здраво понимаема землевладельцами и часто, как говорится, они рубили дерево, дабы скорее снять с него приносимый им плод; часто был жертвуем капитал для умножения дохода. В новом порядке вещей истина сей взаимности выгод помещика и вольного крестьянина явится несравненно яснее и очевиднее. Тогда более, нежели когда-либо, помещик убедится, что, желая или отдать внаем свою землю, или обрабатывать её посредством вольных работников, первым условием его выгод, первым условием хорошего и обильного дохода будет присутствие на месте или в соседстве зажиточных крестьян, которые могли бы нанимать его землю, или хороших, надежных работников, кои могли бы её обрабатывать. Таких зажиточных крестьян и хороших работников можно надеяться иметь тогда только, когда освобождение дает крестьянам возможность быть и зажиточными и хорошими работниками. Потребовать от крестьянина какой бы то ни было платы за предоставляемый ему клочок земли значило бы просто положить в самом начале преграду, во многих случаях непреодолимую, к достижению возможности быть и зажиточным и хорошим работником.

Скажут, что если вознаграждение затруднительно со стороны крестьян, то пусть само правительство даст сие вознаграждение. Но это правительство, откуда почерпает оно свои доходы? Конечно, при сборании налогов с народа, 22 миллиона крестьян составляют значительную часть в числе всех платящих оные. Следовательно, они, в

качестве обыкновенных плательщиков податей, будут подвергнуты и выплате помещичьего вознаграждения.

Наконец, если помещики будут рассчитывать стоимость земли по теперешним ценам, не принимая ни в какое соображение цен будущих, кои неминуемо возвысятся при открытии прав владения землею для всех состояний; то, конечно, они найдут, что такое пожертвование весьма значительно, и найдя сие, они, без сомнения, также найдут, что всякое вознаграждение со стороны правительства, ограничиваясь пределами возможности, будет для них недостаточно. Мы полагаем, что правительство не может употребить на вознаграждение помещикам более 300 мил[лионов] р[ублей] сер[ебром]. Пусть помещики исчислят, сколько каждый из них получит из сей суммы за $\frac{1}{3}$ земли своей. Они, может быть, тогда убедятся, что лучше будет и для них, и особенно для государства, отказаться от такого вознаграждения и великодушным бескорыстием покрыть стыд и срам вековой несправедливости.

Но, повторим, что на все возможные возражения против безвозмездности наделения существует этот главный ответ, на коем мы настояим с твердым убеждением, ответ неопровергаемый и в истине коего никто не может сомневаться; ответ: что стоимость земель, по освобождении, сильно возвысится. В сем-то возвышении ценности их земель помещики найдут неминуемое и справедливое вознаграждение. Опыт доказал это везде, где подобные меры освобождения совершались. Самый разительный пример представляет Галиция: страна сия была жертвою ужасных происшествий, и мера освобождения нашла её посреди всякого рода беспорядков. Но и там ценность земель удвоилась!

Пример, который всего ближе стоит к нашему предположению, это пример Пруссии. Там правительство предоставило крестьянам в полную собственность, безвозмездно, гораздо большую часть земли, нежели сколько мы предлагаем. В Пруссии было два рода крестьян: одни пользовались землею, на которой они жили, с правом наследственным (Erb-Bauern); другие жили на земле по условиям срочным (Lassbauern). Положение первых было более самостоятельно. Последние в быту своем более приближались к нашим крестьянам. И те и другие были обязаны работами и повинностями в пользу помещика. Правительство узаконило, что для освобождения крестьян от сих работ и повинностей они должны уступить часть занимаемой ими

земли помещику. Сию уступку закон назвал выкупом, каковым она была в самом деле. Наследственные крестьяне должны были уступить $\frac{1}{3}$, другие, срочные, $\frac{1}{2}$ занимаемой ими земли. Сверх того, закон предоставлял крестьянам на выбор: отдать помещику землю натурою или ценность оной деньгами.

Полный, решительный, опытом доказанный и теперь всеми признаваемый успех сего безвозмездного наделения крестьян землею служит твердою основой и оправданием нашего предположения.

Заметим, что никому не пришло в голову обвинять прусское правительство в нарушении *священных прав собственности*. Напротив того, мера была всеми одобрена и немедленно многие другие германские правительства, Саксония, Вюртемберг и пр. и пр. последовали примеру Пруссии.

Права собственности землевладельцев везде имеют они и те же источники и основания. Если есть особенные оттенки и различия, то несходство оказывается, относительно России, в пользу нашего предположения. Это изъясняется историческим развитием отношений крестьян к помещикам. Везде в Европе сии отношения имели первым основанием завоевание земли и покорение жителей завоевателям. Введение феодального права обратило в рабство побежденных. Победители вполне овладели и землею и людьми, на ней жившими. В России феодального права никогда не существовало, потому что не было завоевания. Напротив, русский народ сам сверг с себя иго завоевателей-татар и, — что особенно непостижимо, — покоренные магометане и впоследствии разные чухонцы и латыши, все вошли в ряды людей свободных, между тем, как православные русские крестьяне или, — как называли их татары, — христиане, соделались жертвою крепостного права!

Впрочем, не следует забывать, что если, с одной стороны, помещик уступает $\frac{1}{3}$ земли своей, то с другой он приобретает известные выгоды. В теперешнем положении вещей помещик не может сгонять крестьян с земли своей; он ответствен за исправный платеж налогов; он обязан кормить крестьян во время голода, строить им избы, когда они горят и пр., и пр. От всех сих обязанностей помещики вполне освободятся с введением нового порядка вещей.

Изложив, таким образом, мысль нашу о способе освобождения, который представляет наименее затруднений и неудобств в испол-

нении, мы обратимся ещё раз к тому самому основательному возражению, которое может быть сделано против сего способа, и именно, что одной трети земли для крестьянина недостаточно.

Мы изъяснили выше причины, побудившие нас остановиться на сей мере наделения. Здесь мы скажем, что может быть, и сами крестьяне найдут такое наделение недостаточным. Но мы уверены, что если освобождение будет полное, настоящее, если крестьяне найдут и почувствуют, что они действительно сделались людьми вольными, что плод труда их будет принадлежать исключительно им самим и что они будут вправе располагать им по своему благоусмотрению; если свобода работы и промышленности и для них будет открыта; если право и возможность искать работы и промысла везде беспрепятственно и им будут предоставлены; если, наконец, они получают право приобретать независимую земельную собственность на собственное свое имя; мы уверены, что при таких условиях освобождения освобождаемые вообще удовольствуются малым пространством земли, им предоставляемой, и примут благой дар с признательностью.

Конечно, если, кроме столь малого наделения землею, освобождение крестьян будет соединено с различными постановлениями, стеснительными для их деятельности, если они будут принуждены за пользование помещичьею землею в больших размерах платить помещику работою, т. е. скажем просто: исправлять барщину; если всякое действие в управлении сельского общества будет подвержено усмотрению и разрешению помещика; если, наконец, полицейская власть сего последнего будет простирается до розог; то при таких условиях наделение крестьян одною третью земли в их особенное владение останется тщетным: крестьяне не поймут такой меры освобождения с барщиною и с розгами и по тому самому не могут остаться довольными.

Об общинном и о личном владении

Между справедливыми правами вольного крестьянина мы упомянули о праве приобретать недвижимую собственность, землю. Это приводит нас к следующим соображениям:

Крестьяне в России пользуются и владеют землею не каждый лично, но целым обществом, которое распоряжат[ся] всею принадлежащею к обществу землею.

О начале общинности, на коем основывается в России сельское устройство, всегда, и особенно в последние времена, было много рассуждаемо. Мы нимало не намерены входить ни в какую полемику по сему предмету, почитая сей вопрос, в теперешнюю минуту, преждевременным. Вполне соглашаясь в том, что такое общинное владение составляет непреодолимую преграду к усовершенствованию земледелия, признавая, что везде образование крепкого, независимого и благоденствующего состояния земледельческого основывалось и основывается на личной поземельной собственности крестьян; мы находим, однако же, что общинный быт имел свои выгоды, выгоды не материальные, но не менее того заслуживающие уважения. Что случилось бы с бедным русским мужиком, если б в селениях не существовало мирских сходок, на коих он может так или сяк толковать, рассуждать, кое-что, хотя весьма немного, решить, определить? Мы уверены, что те особенные качества, коими отличается русский крестьянин: его здравый смысл, его сметливость, его внезапное искусство преодолевать встречающиеся затруднения имеют, в сильной степени, источником этот общинный быт, в котором он жил, несмотря на рабство. Сия-то жизнь общинная сохранила в нем те нравственные способности, кои он неминуемо утратил бы в своем беззащитном, безответном положении, если б он был разъединен со своими собратьями и принужден, отделенный от других, только молчать и повиноваться в своем одиночестве.

Как бы то ни было: общинное устройство существует и основывается теперь на обычае, на привычке. Мы должны принять его как действительный факт, коего теперь никто вдруг изменить не может. Но, кроме сего, мы находим, что общинное устройство селений может в сильной степени облегчить, ускорить освобождение крестьян, именно тем, что все меры, которые будут предприняты по сему предмету, могут и должны быть прилагаемы не к лицам, как сие происходило во всех других землях, но к целым селениям, к сельским обществам.

Итак, мы полагаем, что общинный порядок должен теперь остаться неприкосновенным, ненарушенным. Мы думаем даже, что на первое время по освобождении крестьян необходимо укрепить сей порядок вещей, дать ему большее развитие, но развитие соответственное прежнему духу общинного устройства, дабы чрез то, по возможности, сосредоточить и управление, и даже до известной степени суд и расправу в самих обществах, не обременяя сими делами высшего начальства.

Но из сего не следует, что мы желаем сохранить навсегда сей порядок вещей, с отстранением всякого иного устройства, и именно с отстранением начала отдельной, независимой, личной поземельной собственности для крестьян. Нет, конечно. Мы, напротив того, полагаем, что такое дробное, личное владение землею должно быть всячески покровительствуемо законом.

Не говоря о крестьянах, такие мелкие владельцы земли явятся уже сами собою, когда право владения землею, с освобождением, будет открыто для всех состояний. Нельзя не желать, чтобы их явилось сколько возможно более. Справедливость присоветует, может быть, включить в сей класс независимых землевладельцев тех из однодворцев, кои сего пожелают.

Мы скажем более: что же может помешать дозволить и крестьянам вообще, как освобожденным, так и казенным, вступать в сей класс независимых землевладельцев? Можно, кажется, даже допустить, чтобы крестьянин, оставаясь членом своего сельского общества, мог приобретать землю на свое имя независимо от общества и таким образом вступать в сей класс, продолжая, если он того желает, принадлежать к своему обществу.

Может быть, впоследствии признано будет, по крайней мере, в некоторых селениях, полезным положить конец общинному владению, разделив землю между наличными хозяевами. Сие необходимо должно быть предоставлено будущим временам.

Говоря о наделении крестьян $\frac{1}{3}$ земли, мы не упоминаем о крестьянских усадьбах, потому что этот вопрос был уже решен правительством. Усадьбы, по сему решению, должны быть выкуплены крестьянами. Относительно сего вопроса усадеб мы заметим только, что в некоторых малоземельных местностях помещики могут найти для себя выгодным включить усадьбную землю в наделение одною третью, которая будет отведена крестьянам. Такое исчисление крестьянской трети с включением земли усадьбной должно, по нашему мнению, быть допущено, разумеется, без всякого возмездия или выкупа со стороны крестьян за усадьбы.

Оканчивая здесь соображения наши по предмету освобождения, мы не можем не обратить внимания всех людей мыслящих на то правильное, стройное, величественное положение, в которое Россия, любезное наше отечество, будет поставлена сим преобразованием. Увеличение сил государственных, сил народных, обилие государственных доходов, приращение богатств народных, все сие неминуемо совершится по

непреложным законам событий в жизни народов, по коим известные причины всегда имеют свои известные последствия. Мы укажем также на впечатления, которые должно произвести сие преобразование на весь образованный мир и особенно на этот мир славянский, который живет одною верою с Россиею, одними надеждами и упованиями!

ПЕРЕЧЕНЬ

Теперь мы постараемся в кратких словах изложить перечень всех выше изъясненных предположений:

I.

Существовавшие доселе отношения между помещиками и крепостными крестьянами изменяются на следующих основаниях:

§ 1. Помещики могут заключать с крестьянами всякого рода сделки и условия об устройении и определении впредь взаимных между ними отношений, о наделении крестьян землею, об уплате со стороны сих последних выкупной суммы и т. п.

Так как между таковыми условиями некоторые могут касаться до перевода долга на крестьян заложенных в опекунских советах имений; то для сего правительство не замедлит издать особое положение, дозволяющее сим советам совершать такие переводы долга.

§ 2. Для совершения и представления правительству на утверждение добровольных договоров между помещиками и крестьянами полагается сроком 1 год, считая со дня обнародования сего постановления.

§ 3. По истечении сего срока все те имения, по коим никаких сделок и договоров не последовало, будут подлежать нижеследующему правилу и распределению.

§ 4. Во всех помещичьих имениях без исключения одна треть всей помещичьей земли, кроме лесов, должна быть отведена во владение сельского общества.

§ 5. Сия треть ни в каком случае не должна превышать количества 3-х десятин на тягло (или $1\frac{1}{5}$ на ревизскую душу).

§ 6. Там, где не существует сельских обществ, отводимая одна треть земли будет предоставлена во владение или в пользование бывших крепостных крестьян местности.

Правительство издаст особые правила касательно владения или пользования такою общественною землею, или раздела оной между крестьянами.

§ 7. Отвод земли в общинное владение крестьян должен быть произведен распоряжениями и чиновниками со стороны правительства, без участия крестьян.

§ 8. Постановления правительства о крестьянских усадьбах в полной мере сохраняют свою силу и действие.

§ 9. Земля, находящаяся под усадьбами, может быть, по желанию помещика, включена в количество одной трети земли, отводимой крестьянам, с тем, чтобы в таком случае крестьяне не были обязаны к заплате выкупной суммы за усадьбы.

§ 10. Для отвода $\frac{1}{3}$ земли помещичьей во владение сельских обществ постановляется сроком 1 год.

§ 11. По прошествии двух лет со дня обнародования сего постановления крепостное право помещиков в отношении крестьян прекращается.

§ 12. По прекращении крепостного права крестьяне будут подлежать исключительно общим государственным законам и особым уставам и учреждениям, кои будут по сему предмету изданы правительством.

Прибавление

§ 13. Одна треть долгов, лежащая на помещичьих имениях, заложенных в опекунских советах, принимается на счет казны, по тем самым расчетам, кои наблюдаются при залоге таковых имений.

§ 14. Соответственная сей трети долгов, принимаемых на счет казны, сумма и по тем же самым расчетам будет выплачена правительством чистыми деньгами и единовременно тем помещикам, коих имения не заложены в опекунских советах.

§ 15. 25 мил[лионов] руб[лей] сер[ебром] предназначаются для вспомоществования тем из мелкопоместных помещиков, в имении коих встретятся особенные затруднения при исполнении предписываемой меры.

В таких случаях надлежит оставить крестьян во владении предназначаемой им земли, заплатив помещику за остальную землю и причислив оную к казенному ведомству.

§ 16. Все сии суммы, как принимаемые правительством на свой счет, так и уплачиваемые чистыми деньгами помещикам, за $\frac{1}{3}$ отходящей из их владения земли, и, наконец, сумма, для вспомоществования мелкопоместных помещиков предназначаемая, не должны ни в каком случае превосходить 300 мил[лионов] руб[лей] сер[ебром]*.

Продолжение

§ 17. По введении нового устройства помещики совершенно и во всех отношениях освобождаются от всякого рода лежащих на них обязанностей относительно крестьян, по предметам платежа государственных налогов и податей, исполнения различных повинностей, продовольствия крестьян и пр. и пр.

§ 18. С уничтожением крепостного права дворовые люди, приписанные к селениям, могут, если пожелают, войти в сельское общество и пользоваться правами и исполнять обязанности наравне с другими членами сельского общества.

Дворовые люди, приписанные к домам, равно как и те, кои не войдут в состав сельских обществ, должны избрать род жизни припискою к городам, вступлением в мещанские общества и т. п.

Дворовые люди, не вступившие в состав сельского общества в продолжение одного года, остаются навсегда отделенными от сего общества.

ВОПРОС УПРАВЛЕНИЯ

Поставление вопроса

Предпринимая какое бы то ни было дело, надлежит прежде всего дать самому себе отчет, что мы намереваемся совершить, к чему

* Половина помещичьих имений заложена в опекунских советах за сумму, простирающуюся до 390 или 395 мил[лионов] руб[лей] сер[ебром].

Таким образом, казна примет на себя132 мил[лиона] руб[лей] сер[ебром].

Подобную сумму казна выплатит помещикам, коих имения не заложены132 мил[лиона] руб[лей] сер[ебром].

Пособия для мелкопоместных помещиков25 мил[лионов] руб[лей] сер[ебром].

Итого 289 мил[лионов] руб[лей] сер[ебром]. — *Примеч. Н. И. Тургенева.*

мы стремимся. Всякое действие должно иметь свою цель. Если предприятие такого рода, что оно не должно иметь никакой определенной цели, так, например, когда кто-нибудь приступает к занятию, как говорится, только для препровождения времени, когда кто-либо пускается в путешествие только для рассеяния; то в сих случаях самое бесцелье делается уже целью предприятия. К сему мы присовокупим, что чем предприятие важнее, тем определительнее должна быть цель, к коей оно стремится.

То, что мы здесь говорим, есть неопровергаемая истина, трюизм, как говорят англичане. Между тем, мы беспрестанно видим, что люди в действиях своих нимало не соображаются с простым правилом, на такой истине основанным.

Что может быть важнее для России, как дело освобождения крестьян, улучшения их быта? В сем вопросе более, нежели где-либо, необходимо дать себе точный отчет в том, чего мы хотим, к чему мы стремимся, и, определив таким образом цель, идти к ней прямо, неуклонно, совестно, по широкому пути здравого смысла, справедливости, нравственности, не теряясь в каких-то мелких, побочных тропинках, из коих исход неверен и кои могут привести нас к цели совершенно противной.

К сожалению, мы неоднократно могли убедиться, что правило сие мало наблюдается и что различные предположения по предмету освобождения часто отступают от цели, к коей они должны стремиться. Таковые отступления ещё более ощутительны в тех предположениях, кои имеют в виду образовать будущее устройство, будущее управление крестьян освобожденных. В общих постановлениях, в общих изложениях начал освобождения слова могут ещё соответствовать тому предназначению, которое приписывал им этот старый грешник Талейран^{*697}; но в постановлениях об управлении крестьян требуется более определенности, так как тут вместо общих разглагольствований надлежит ясно высказать, что и как следует сделать, как поступить в таком или в таком случае. Дабы показать, до какой степени в приложении начал освобождения или улучшения быта иные предположения отступают от провозглашенной цели, мы напомним, что некоторые из сих предположений дают помещику право сечь воль-

* La parole nous a été donnée pour cacher notre pensée. [Язык нам дан, чтобы скрывать наши мысли (*фр.*)]. — *Примеч. Н. И. Тургенева.*

ных людей без суда, по произволу; я читал даже в одном проекте, что сельский суд должен иметь право сечь крестьян, когда они подают недельные, ябеднические жалобы: за подачу в суд недельной просьбы — 20 ударов розгами. Вот улучшение быта!

Но, отстраняя сии крайности, мы укажем на множество таких рассуждений и предположений, кои ясно показывают, что цель, которую все принимают, не выработалась достаточным образом в уме многих, т. е. что они приступают к делу, не зная ясно, чего они хотят, не давая самим себе отчета в том, что они предпринимают. Так, например, один весьма умный человек, весьма благонамеренный и доказавший благородным действием свою благонамеренность по сему вопросу, между прочим, говорил мне: «Русский мужик не может обойтись без некоторого понуждения, и потому необходимо дать помещику власть принуждать его к работе». Не останавливаясь на сем столь обыкновенном, пошлом рассуждении: «с русским народом нельзя без... и пр., и пр., и пр.», я спрашиваю: но о чем дело? о свободе или о неволе? чего вы хотите? освобождения, улучшения быта или принуждения, по-прежнему или не по-прежнему, но все-таки принуждения, следственно, произвола с одной стороны и безответной покорности с другой?

В журнале “Le Nord” (22 июня 1858) помещены два проекта об управлении крестьян, кои в самом разительном виде оправдывают слова наши; и так как сопровождающие сии проекты замечания корреспондента сего журнала изъясняют мысль нашу гораздо лучше нежели как мы сами могли бы это сделать, то мы не будем далее распространяться здесь о сем предмете.

Итак, признав в вопросе улучшения быта крестьян, т. е. в вопросе их освобождения, целью не что иное, как улучшение и освобождение, мы должны в вопросе управления крестьянами, так сказать, осуществить цель сию.

Улучшить без освобождения невозможно. Итак, мы будем держаться сего последнего выражения.

Так точно как улучшение быта крестьянского отразится в их освобождении от крепостного права, так равно и начало сего самого освобождения должно необходимо отразиться в полной независимости крестьян от произвола помещика. Средины тут быть не может. Или свобода, или неволя. Нельзя, как говорит пословица, держать дверь в одно время и открытою и затворенною.

Свобода выражается и доказывается не чем иным, как независимостью, самобытностью. Вольный крестьянин должен быть независим от бывшего своего помещика. Это указывает нам на необходимость устранить, по возможности, все столкновения между помещиком и крестьянином и отделить их одного от другого во всех отношениях гражданской жизни. Никакой произвол не должен иметь места в сих отношениях, кои должны быть определяемы единственно правилом закона и обоюдного согласия.

Нам часто указывают на пользу и выгоду таких взаимных отношений между крестьянами и помещиками, кои, основываясь на некоторых особенных правах, сим последним присвоенных, выражаются в некотором покровительстве, патронатстве сильного над слабым, просвещенного — над непросвещенным, богатого — над убогим. Мы нимало не отрицаем пользы и выгод, от таких отношений произойти могущих. Мы настаиваем только на том, что подобные отношения, дабы быть истинно полезными, должны образовываться сами собою, силою вещей и обстоятельств. Законом таких благодетельных отношений установить невозможно. Совсем напротив: всякая попытка учредить такие отношения законом только затруднит непринужденное, естественное их появление и развитие, и если где и правá, и выгодные отношения существуют в одно и то же время, то это не значит, что последние происходят от первых.

Скажут, что во многих землях, где узы подданства уже не тяготили над крестьянином, помещик пользовался, однако же, некоторыми правами в управлении и в судопроизводстве (*Patrimonial-Gerichtsbarkeit*). Так, конечно. Но мы заметим, что права сии существовали тогда, когда крестьяне не были ещё вполне освобождены от работы и повинностей на помещика. Сверх сего в чем состояло главнейшее из прав сих, право судное? В представлении правительству на утверждение судьи, который должен был решать дела крестьянские. Помещик не мог судить крестьян и дел, между ними возникавших, ещё менее дел между крестьянами и им самим. Впрочем, все сии патримониальные права сами собою исчезали вместе с полным освобождением крестьян от работ и повинностей на помещика. Напомним также, что если там дело шло о власти судебной, у нас оно идет о произволе; если там настояли на привилегиях судьи, у нас настоят на привилегиях станового экзекутора, если не на привилегиях палача!

Мы не можем здесь не заметить, что многое неловкое и недостойное в предположениях и проектах, и именно сие предоставление помещику права наказывать вольных крестьян, очевидно заимствовано из учреждений остзейских губерний. По нашему мнению, нельзя избрать более печального, более пагубного примера, как сии учреждения. Не должно забывать, что в сих губерниях крепостное право возникло от завоевания. Иноземные, иноплеменные завоеватели основали в покоренной ими земле феодальное право, и притом в самом грубом, в самом жестоком виде. Не было и не могло быть там никакого сочувствия между властителями и покоренными. Когда, наконец, дело дошло до освобождения крестьян, то оказалось, что прежний феодальный произвол, прежняя феодальная неволя не могли не отразиться в новых учреждениях, тем более, что в составлении сих учреждений участвовали наиболее сами помещики. Конечно, образованность и просвещение высшего класса в сих губерниях привело их к сознанию неоспоримой уродливости существовавшего порядка, и сие сознание заставило многих из помещиков искать улучшения и даже обращаться для сего к правительству. Но действие сей образованности и сего просвещения останавливается, так сказать, на сем желании устранить существующее, на сей инициативе. В водворении нового порядка просвещение и образованность подчинились, по обыкновенному влиянию страстей человеческих, грубому, слепому чувству личных выгод, собственного интереса.

Сколь ни желательно было бы сохранить те патриархальные отношения, кои могут теперь существовать в хорошо устроенных помещичьих имениях между крестьянами и здравомыслящими, добросовестными владельцами; но мы повторим, что сохранение, продолжение таких отношений вне власти законодателя: они могут сохраниться только сами собою, по благорасположению помещиков к крестьянам и по доверенности, уважению, признательности крестьян к помещикам. Законы гражданские имеют свои пределы: направляя и определяя отношения материальные, они предоставляют другим законам, законам нравственным, духовным, направление чувств и мнений. Всякого рода такие права, выходящие из пределов общего гражданского закона, всегда будут соединены с произволом. Как ни рассуждайте, чего ни придумывайте, вы никогда не найдете такого учреждения, по коему помещик мог бы только действовать к общей пользе своей и крестьян. Конечно, полная, законом провозглашенная

независимость крестьянина может иметь некоторые неудобства для помещика. Но и здесь из двух зол: *произвольная власть* над человеком вольным и *неудобство* для человека, на высшей степени в гражданской жизни стоящего и имеющего несравненно более средств защищать самого себя, — из сих двух последнее зло есть меньшее и потому следует избрать его.

Таким образом, крестьяне должны быть отделены от помещиков и поставлены в совершенно независимое положение от них*.

Все, что можно предоставить помещику, должно ограничиваться правом арестовать крестьянина и представить его немедленно в сельский суд.

Нам кажется, что помещики, желающие сохранить более влияния на крестьян, более прав на их личность, не отдадут сами себе надлежащего отчета в том, чего они желают. Сношение с человеком вполне вольным несравненно легче, нежели с человеком полувольным. В первом случае могут развиваться взаимные отношения, на общих выгодах основанные и поддерживаемые благоволением одних и признательностью других. В последнем, сношения, будучи более или менее принужденные, могут обратиться в настоящие столкновения, кои обеим сторонам ничего, кроме вреда, принести не могут. Конечно, на первое время помещику покажется странным, не-

* L'opinion de beaucoup de Gouvernements provinciaux est qu'il faudrait procéder immédiatement à la séparation complète des deux classes sans passer par la période transitoire. Cette opinion deviendra générale sans aucun doute, plus encore lorsque les rapports obligatoires des paysans envers les propriétaires seront fixés par le nouveau règlement. Des tiraillements continuels, des mécontentements des deux parts, des altercations incessantes commenceront dès que la loi aura cru avoir tout fait pour les prévenir; et les efforts des tribunaux s'épuiseront dans des procédures infinies, fruit d'une demi-liberté qui n'aura satisfait personne. [Мнение большинства губернских комитетов заключается в том, что следует немедленно и без переходного периода полностью разделить два класса. Это мнение несомненно станет всеобщим еще раньше, чем взаимные обязательства крестьян и помещиков будут определены новым постановлением. Длительные перепалки, взаимное недовольство обеих сторон, беспрерывные ссоры начнутся с того момента, когда решат, что закон в состоянии сделать все для того, чтобы их предотвратить, и усилия судов исчерпаются в бесконечных процедурах — следствии полу-свободы, которая не удовлетворит никого — *фр.*].

Сии замечательные слова мы читаем в одной из статей, помещенных в журнале "Le Nord" 13–18 августа 1858. Светлая мысль, честное, прямое слово, широкий взгляд на важный вопрос освобождения суть отличительные черты сих статей. — *Примеч. Н. И. Тургенева.*

приятным видеть подле господского дома избы вольных крестьян. Но мало-помалу все к тому привыкнут, тем скорее, что привыкать к доброму, к справедливому гораздо легче, нежели к дурному и несправедливому. Посмотрите на эти замки, кои везде встречаются во Франции, окруженные избушками независимых крестьян. Прежде в сих замках жили землевладельцы с феодальным правом на своих соседей. Теперь обитатели замков подлежат одним законам с обитателями избушек; права и обязанности и тех и других одинаковы. Между тем, вы найдете, что везде мелкие владельцы уважают владельца замка, часто любят и уважают, потому что всякий владелец замка имеет тысячу средств и случаев быть полезным для своих соседей, случаев, в коих пожертвование богатого ничтожно, между тем как одолжение для бедного существенно.

Смотря на эту сельскую жизнь французских помещиков, видя их мирные, так сказать, дружелюбные, часто симпатические отношения к мелким владельцам, я воображал себе самого хорошего русского помещика посреди окружающих его крепостных крестьян и никогда не мог понять, как можно предпочесть положение последнего положению первых.

Пусть каждый добрый русский помещик, положив руку на сердце, спросит сам себя, перестанут ли любить меня крестьяне, сделавшись вольными? Нет, нет; эти крестьяне будут по-прежнему приходить на барский двор и за советом, и за *снадобыщем*, и за всеми сими мелкими одолжениями, кои теперь хорошие помещики расточают для крестьян своих.

Мы, впрочем, уверены, что наши помещики привыкнут со временем так, как привыкли французские помещики, жить посреди крестьян в самых хороших отношениях. Теперь во Франции самые значительные землевладельцы в каждой коммуне занимают обыкновенно места мэров, по избранию соседей своих. Часто дела исправляются товарищем мэра, и сам мэр имеет только почести своего звания. Мы находим в числе сельских мэров членов первых фамилий, как старой, так и новой аристократии. Можем ли мы не ожидать чего-нибудь подобного от здравого смысла и от возвышенности чувств русского дворянства? тем более, что во Франции новый порядок водворился революцією и насилием; у нас же, напротив того, этот порядок устанавливается благим и народолюбивым царем.

Поставив крестьян в независимое вполне положение от помещиков, может быть, на первые времена полезно будет предписать, чтобы все взаимные сношения помещиков и крестьян совершались посредством и именем всего сельского общества. Так, например, если помещик пожелает отдать внаем свою землю, то он должен условиться о сем с обществом; если даже помещик отдает внаем землю кому-либо из крестьян лично, то и тогда можно обязать общество ответственностью за одного из его членов. В найме помещиком работников для обрабатывания земли своей такое участие или вмешательство общества невозможно.

Но вмешательство общества в отношения между помещиком и крестьянами лично, в отдельности, не может быть поставлено правилом навсегда. Мало-помалу все сии отношения должны войти в пределы тех законных правил, кои существуют для взаимных отношений всех жителей в государстве.

Здесь мы почитаем нужным настоять на безусловном запрещении всякого рода платежа со стороны крестьян работою. Польза такого запрещения признается некоторыми русскими помещиками. Плата трудом или работою не есть зло само по себе; но это слишком похоже на другое, настоящее зло, на барщину. Допустив копию, вы откроете дверь и для оригинала. При такой работе произвол неизбежен; один необходимый надзор уже делает сие средство уплаты весьма неудобным. Если крестьянин не может платить деньгами, то ничто не мешает ему платить произведениями земли, продуктами.

Для окончательного пояснения сего вопроса полной независимости крестьян от помещиков посмотрим, в каком положении будет находиться сельское народонаселение при таком устройстве, в коем полицейская власть будет принадлежать помещику, когда старосты и судьи сельские, когда все мирские приговоры будут утверждаемы помещиком. Тогда власть помещика будет обширна, не такова, однако же, какова была прежде; сущность прежней его власти, конечно, сохранится в сильной степени, но того полного, безответственного произвола, который существовал прежде, не будет. В таком положении вещей помещик принужден будет, для исполнения своих желаний, прибегать к различным формам, к различным уловкам и натяжкам и тем самым, мало-помалу, он утратит то сочувствие, которое он, в собственных своих выгодах, имел прежде ко благу селения. Прежний произвол порождал некоторую нравственную

ответственность в совести помещика. Теперь сие чувство ответственности исчезнет. Тайны сердца человеческого неисповедимы: может случиться, что в нестройности, в неудаче нового порядка вещей иной помещик найдет оправдание прежнего произвола и, указывая на неудавшуюся перемену, будет превозносить выгоды прежних установлений. Наконец заметим, что сии огромные привилегии предоставляются и управителям в отсутствие помещиков. Известно, что такое управители!

Взглянем, с другой стороны, на крестьян, на сельское общество при подобном устройстве. Это общество не будет иметь никакой самостоятельности. Староста будет человеком не общества, а помещика. Какую ответственность может закон возложить на такого старосту, действия коего зависят не от него, а от помещика? А без ответственности какой успех может быть в управлении? Совещания на мирской сходке будут происходить в том же виде, в каком происходили доселе, ибо сии совещания будут подлежать утверждению помещика. Одним словом: жизни в таких обществах не будет. Чего же можно ожидать от такого устройства? Силы народа, нравственные и физические, будут парализованы в самом основании, и селения русские будут по-прежнему иметь вид той обычной закоснелости и того уныния, из коего, вероятно, желали исторгнуть их новым преобразованием. Будет новое погребение. Воскресения мы тут не видим... Разве не довольно в русской истории *одного* Юрьева дня⁶⁹⁸?

А когда правительство вздумает приступить к окончательному, стройному образованию управления государственного, где оно будет искать оснований для сего образования? Очевидно, что сии основания могут быть обретены исключительно в сельском устройстве. Но тщетно будет искать сего в безжизненной, лишенной всякой самостоятельности, слабой в образовании, ещё более слабой в действии, сельской общине. Это найдется только в общине, живущей собственной своею жизнью, действующей своим смыслом и своею силою.

Если есть что-нибудь ясного, твердого, положительного в русском быту, в русской жизни, то это сие сельское устройство, русская община, о которой можно много разглагольствовать, которую можно находить и вредною и бестолковою, но которая не менее того существует на самом деле, и существует собственно своею силою, существует так ясно и твердо, как не существует никакое иное государственное учреждение.

И сию-то общину сельскую, сие-то единственное учреждение, в коем отражается истинный смысл, истинная сила, истинная форма русской жизни, сие-то широкое, твердое основание всякого здравого гражданского устройства в России, вы хотите разрушить, уничтожить или, по крайней мере, ослабить до бесконечности, и все это чем вы заменяете? По сию пору мы ничего не видим, кроме полицейской, правительственной и судебной власти, присвояемой помещику, которая должна занять место сельской общины. Эта сельская община пережила вековое закрепощение крестьян, и пережила единственно потому, что ею мало занимался законодатель. Сила вещей и обстоятельств, так сказать, взяла свое, не находя прямых препятствий в действии своем. Не знаем, устоит ли община против законных предписаний и учреждений, кои ясно, определительно подрывают её в самых основаниях.

Устройство сельского общества

Изяснив мысль нашу о необходимости полного отделения крестьян от помещиков, мы приступим теперь к дальнейшим соображениям об управлении их.

Здесь в самом начале мы находим сельское общество. Сущность общинного устройства в России, утвержденного веками, состоит в общинном владении землею и в общинном решении всех дел сельских мирским сходом.

Всякое изменение, клонящееся к ослаблению устройства сельского общества, было бы вредно, особливо тогда, когда намереваются приступить к освобождению крестьян. Мы полагаем, напротив того, что теперешнее сельское устройство должно быть укреплено, развито усвоением сельским обществам большей самостоятельности, большего простора для действия. Особливо мы будем настоять на том, чтобы законодатель не входил теперь в подробности внутреннего порядка, по коему исполняются дела мирские. Будет время заняться сим предметом тогда, когда новый порядок, введенный освобождением крестьян, проявится указаниями опыта.

Таким образом, внутреннее устройство сельских обществ, избрание старост и десятских, решение всех до общества касающихся дел, одним словом, весь внутренний порядок останется в прежнем виде, на прежних основаниях.

Что касается до учреждения сельских судов или сельских расправ в обществах, о коих упоминается в различных предположениях об устройстве сих последних, равно как и в проектах, о коих мы говорили выше; то мы полагаем, что вообще учреждение таковых судов может быть полезно и даже, в некоторых случаях, необходимо. Но мы думаем, что об этом, по крайней мере, на первое время, могут всего лучше судить самые общества или волостные начальства. В мелких селениях учреждение сих судов может быть затруднительно. Итак, мы желали бы предоставить введение сих судов на благоусмотрение самих обществ. Не менее того полезно будет определить наперед основания, на коих сии суды должны быть устроены.

По одному из упоминаемых нами двух проектов сельский суд (расправа) должен состоять из старосты и двух добросовестных людей, избираемых обществом. Ведению суда будут подлежать мелкие проступки и, вероятно, различные споры между крестьянами, кои не могут быть решаемы всем миром. Сии основания, принимаемые проектом, просты и здравы. Мы только никак не можем принять предписываемых телесных наказаний, по причинам, кои были изложены нами в другом месте.

Не забудем, что не везде в России существуют сельские общества, на общинном и самостоятельном начале основанные. В некоторых местах сельское хозяйство не допускает подобного устройства. Нам кажется, что нет никакой необходимости в изложении теперь же особых правил для устройства сих отличающихся от большинства других местностей. Они войдут в состав предполагаемых волостей в том виде, в каком ныне существуют. Опыт покажет, какого рода изменения должны в сем отношении воспоследовать. Правительство, имея все средства судить о теперешнем быте сих местностей, может ограничиться одними указаниями на те перемены, кои должны быть исполнены впоследствии. Покуда волостное начальство, в сношениях с сими местностями, будет руководствоваться правилами существующего порядка в оных.

Желая сохранить сколь возможно то, что теперь существует касательно общинного сельского устройства, мы не знаем, до какой степени будет необходимо означить пределы крайнего раздробления сельских обществ, и потому мы предпочитаем предоставить таковое ограничение, относительно числа членов малейших обществ, волостному начальству, которое будет сообразовываться в сем случае с местными потребностями и обстоятельствами.

Устройство волости

Представив таким образом главные черты устройства сельских обществ, мы обратимся к рассмотрению устройства волостей, в состав коих должны входить сельские общества.

Но здесь мы должны прежде всего заняться разрешением сего важного вопроса: следует ли для освобождаемых помещичьих крестьян учредить особенное управление, подобное управлению казенными и удельными имениями?

Видя, что для различного рода крестьян существуют в России различные управления, многие находят весьма естественным учредить и для освобожденных помещичьих крестьян особенное управление.

В таком случае Россия представила бы странное, можно сказать, чудовищное зрелище земли, где 10 миллионов казенных крестьян, 1 мил[лион] удельных, 12 мил[лионов] бывших помещичьих, не говоря уже о крестьянах, приписанных к особнным ведомствам, — половина всего народонаселения, — управляются различными, для каждой категории отдельными уставами и властями!

Если бы сие разнообразие проистекало от каких-либо особенных свойств, качеств, нравов и обычаев подведомственных сим различным ведомствам жителей; если бы различие происходило от договоров, заключенных при присоединении какой-либо приобретенной провинции, от дарования правительством новым подданным обычных льгот, привилегий, преимуществ; если бы, наконец, разнородность в управлении была следствием условий, правительством заключенных с частными лицами, как сие случается при поселении иностранных колонистов; то такая пестрота в устройстве государственном была бы, по крайней мере, понятна и оправдывалась бы ненарушимостью сделанного обещания, святостью данного слова. Впрочем, такое многообразие в гражданской жизни может быть, и действительно бывает выгодно для тех, кои пользуются сими исключениями из общего правила, и можно с достоверностью предполагать, что они предпочтут оставаться в своем особенном быту, не желая войти в общий состав, под общий уровень.

Но, между тем, как сии опричники живут, как говорится, *на своих правах*, опричники-крестьяне различных ведомств живут на более или менее стесняющих их быт *обязанностях*!

И какую выгоду может иметь государство или правительство от сих различных ведомств, от сих более или менее затруднительных и

докучливых метод управления крестьянами, тогда как сии крестьяне все похожи один на другого, все имеют одинаковые нравы, обычаи, привычки, род жизни?

Не очевидно ли, напротив того, что такое многообразие в управлении должно причинять множество затруднений? Одно уже столкновение властей, существующих и действующих одна подле другой, должно производить немало хлопот и затруднений. В одном и том же деле могут оказаться прикосновенными крестьяне различных ведомств. Тогда вмешиваются в дело различные начальства, и от множества делателей дело совершается медленно и плохо.

Для чего же и для кого, спросим мы наконец, существует общее государственное управление?

Или оно пришло уже в такой упадок, в столь плохое положение, что начальства отдельных частей общего государственного управления стараются отстранить от него каждое свою особенную отрасль управления? Должны ли мы, одним словом, признать серьезным тот параграф устава аракеевских военных поселений⁶⁹, в коем, при исчислении льгот и преимуществ военных поселян, сказано, между прочим, что «они *освобождаются* от земского начальства»?

Но сверх сих неудобств и затруднений, встречаемых в предположении особенного управления освобожденными крестьянами, мы находим очевидную недостаточность:

С освобождением крестьян владение землею откроется несравненно в больших размерах, нежели как сие существовало доселе, для всех состояний. Купцы, мещане будут приобретать землю. Самые крестьяне начнут, может быть, покупать землю на свое имя и, оставляя сельские общества, селиться на ней, как независимые владельцы. Сего, конечно, и желать должно для образования со временем крепкого, самостоятельного класса мелких землевладельцев. Заметим мимоходом, что однодворцы являли уже собою образец такого независимого землевладельческого состояния, и находя, что перемены, постигшие их, ничем не оправдываются, мы заключаем, что они с пользою и для них самих, и для государства могут быть обращены в прежнее свое положение.

Все сии независимые землевладельцы, кои появятся при новом порядке вещей, не могут составлять сельских обществ, относительно коих исключительно делаются означенные предположения особенного управления. Столь же невозможно будет приписывать их к существующим сельским обществам. Какому же ведомству будут они

подлежать, как по платежу государственных налогов, так и по исправлению земских повинностей, повинности рекрутской и пр. и пр.?

Все сии неудобства, с одной стороны, и явная недостаточность, с другой, указывают на необходимость отказаться от всех этих чрезвычайно вредных, но ничего не значащих, ни к чему не ведущих сложностей и запутанностей в управлении государственным и признать начало всеобщего, одинакового способа управления везде, где или выгоды государственные, или самое положение вещей и обстоятельств не требуют особенных исключений.

Единство в управлении всеми крестьянами не только не может ни в каком случае быть противно выгодам государственным, но, напротив, соответствует оным, очевидно упрощая и облегчая дело управления.

Скажут, что различные крестьяне, как то казенные и удельные, находятся не в равных отношениях к своим особнным ведомствам; что крестьяне помещичьи, быв освобождены, очутятся с бывшими помещиками и с начальством в отношениях своего рода, не равных с отношениями казенных и удельных.

Это совершенно справедливо. Но войдите в подробное рассмотрение сих отношений, в чем они состоят, как совершаются, и вы увидите, что по самой сущности своей все сии отношения ограничиваются пределами самого сельского общества.

Рассмотрим наперед взаимные отношения освобожденных крестьян и помещиков.

Сии отношения будут касаться до исполнения обоюдных сделок и договоров, до условий о найме или обрабатывании земли, до исполнения известных определенных повинностей и вообще до сохранения порядка в селении.

Все сие происходит в пределах селения, сельского общества. В случае споров, тяжб между крестьянами и помещиком, так как и в случае беспорядков, дела или решаются миром и сельским судом, или идут далее законным порядком. Но в сем последнем случае, выходя из пределов сельского общества, сии дела подлежат уже ведению судов, равно независимых от сельских обществ, от волостей и от особенных ведомств и начальств. Таким образом, все исключительно, до общества касающееся, совершается в самом обществе.

Если мы обратим внимание на селения казенные и удельные, то мы ещё яснее увидим, что всё существенное и здесь совершается в самом обществе.

Таким образом, несмотря на различие отношений, кои различные крестьяне, казенные, удельные, бывшие помещицы, будут иметь каждый к своему особенному ведомству, все отношения их к сим ведомствам ограничиваются пределами сельского общества.

Что же может препятствовать подчинить все сии различные общества ведомству одной и той же волости?

Волостное управление будет видеть, в каждом сельском обществе без различия, одно моральное лицо и будет заведовать ими на общих для всех правилах. Оно будет делать им предписания для исполнения их обязанностей, зная притом, что сии предписания могут быть производимы в действо и обязанности исполняемы сообразно особенным правилам, в каждом из всех сих трёх родов обществ существующим, правилам, находящимся вне влияния и власти волостного начальства. Так, например, рекрутская повинность может быть исполняема не одинаковым образом во всех селениях. В таком случае волостное начальство будет сообразовываться с местными обычаями. Большая часть обязанностей крестьян, до платежа государственных налогов и исполнения повинностей касающихся, будет всегда одинакова для всех крестьян вообще и потому, в сих главнейших предметах управления, волостное начальство будет действовать вполне одинаковым образом для всех сельских обществ.

Для удобнейшего основания новых отношений сельских обществ с волостным начальством достаточно будет назначить от правительства одного комиссара в каждой волости, который, в случае затруднений, будет служить посредником между обществами и волостным начальством.

Впрочем, можно надеяться и ожидать, что мало-помалу, с дальнейшим развитием нового порядка, все крестьяне без различия будут иметь одинаковые права и одинаковые обязанности и что всякого рода особенные управления и ведомства будут упразднены.

Что касается до устройства волостного управления, надлежит, прежде всего, определить, на каком начале должно быть основано сие управление: на начале выборов или на начале непосредственного действия правительства. В России первое начало вообще охотно принимается. И в самом деле, когда выборы прилагаются к одному и тому же классу жителей, то они не представляют затруднений. Таким образом совершаются выборы между дворянами, между купцами, выборы в казенных имуществях и т. д. и не представляют никаких особенных неудобств.

Но здесь в состав волости, долженствующей заключать в себе от 10 до 15 тысяч жителей, войдут не только крестьяне, казенные, удельные, бывшие помещичьи, но некоторым образом и помещики. Казна и уделы, конечно, легко могут подчинить своих крестьян волостному ведомству; но помещики найдут, может быть, для себя невыгодным (пожалуй: обидным!) подлежать ведению волостного начальства, крестьянами избираемого. По сей-то, вероятно, причине один из двух проектов, о коих мы упоминаем, предлагает предоставить выбор волостного начальника дворянству из среды своей, предложение, весьма основательно опровергаемое корреспондентом журнала "Le Nord". По сему проекту предполагается также учредить волостную управу под председательством волостного старосты и сверх сего волостную думу или совет. Но и дума, и староста подчиняются начальнику волости.

Таким образом, мы на самом первом шаге встречаем вопрос, затруднительный в разрешении: из каких лиц должно состоять волостное управление: из лиц, избираемых крестьянами из среды своей, или из лиц, избираемых из среды своей дворянством?

Остановиться на средине между двумя крайностями, т. е. допустить выбор крестьянами членов волостного управления как из своей среды, так и из дворян едва ли будет удовлетворительным разрешением затруднения, и потому мы отстраним сей способ. Вероятно, впоследствии это будет более возможно.

С одной стороны, очевидно, что здесь элемент крестьянский без всякого сравнения превышает элемент дворянский: крестьян гораздо более в волости, нежели дворян.

С другой: права, преимущества, привилегии, усвоенные законами дворянству, ставят оное выше сословия крестьян в гражданской жизни. Сего обстоятельства нельзя оставить без уважения, особливо, когда дело идет об отношениях дворян не токмо к крестьянам казенным и удельным, но и к бывшим их крепостным крестьянам.

В таком положении вещей, если вы предполагаете отстранить затруднение, дав перевес в волости дворянскому элементу, то вы тем самым принесете в жертву элемент крестьянский. Для отвращения неудобства, впрочем, понятного и уважительного, вы совершите явную и пагубную несправедливость: из двух зол вы изберёте зло большее, а не меньшее.

Но нам кажется, что и здесь можно если не отвратить совершенно, то уменьшить неудобство, дав дворянам право и возможность, минуя волость, иметь в некоторых случаях свои сношения только с уездным

начальством, коему волость подчинена будет. Конечно, и тогда нельзя будет совершенно избежать некоторых сношений волости с помещиком. Например, во всех распоряжениях касательно платежа поземельного налога, исполнения некоторых повинностей, на все классы жителей распространяющихся, волостное начальство обязано будет обращать свои требования к помещику, равно как и к крестьянину. Но в подобных сношениях мы поистине не находим ничего затруднительного или неприятного для дворянства. У нас вообще уважение относится более к лицу, нежели к закону; повиновение оказывается скорее живому слову представителя закона, нежели мёртвому слову самого закона, и потому, между прочим, повиновение соображается с важностью требующего одного лица. В других землях достаточно прибить к стене печатное объявление, касательно наблюдения такого или такого предписания, и все его наблюдают; у нас надобно приставить будочника или даже квартального офицера, дабы иметь верный залог исполнения предписанного. Пора и у нас иметь более уважения к закону. Когда это уважение утвердится, тогда помещики не найдут ничего странного и неприличного в сношениях с крестьянами, в сельских и волостных начальствах присутствующими, и сие по той простой причине, что сии крестьяне исполняют не свою волю, а волю закона*.

Итак, мы полагаем, что крестьянский элемент должен иметь в волостном управлении неоспоримую, решительную самобытность, с надлежащею и справедливою подчиненностью начальству уездному.

Начало выборов, избирательности, при таковом разрешении вопроса, не может, кажется, быть оспариваемо. Это начало соответствует общим понятиям в сем отношении.

Если бы дело шло о разрешении того: лучше ли иметь выборного начальника волости из дворян или чиновника от правительства, то

* Один австрийский чиновник, говоря со мной о различных действиях нового порядка относительно крестьян, рассказывал, что князь Шварценберг, значительнейший помещик в Богемии, показал однажды австрийскому императору полученное им, в качестве землевладельца, циркулярное предписание от сельского старшины касательно исполнения какой-то общей для всех повинности. Этот старшина был прежде *подданным* князя Шварценберга. Сей последний, показывая сие предписание императору, нимало не жаловался на новое устройство и находил только забавным сие предписание, исполнив, впрочем, оное как следовало. Чиновник, рассказывавший мне этот анекдот, находил такую перемену в сношениях бывшего *подданного* (как называли прежде крестьян в Австрии) к его помещику также несколько забавною; но вместе с сим приводил оную как доказательство полного успеха нововведенного порядка. — *Примеч. Н. И. Тургенева.*

мы, без всяких околичностей, признали бы сей последний способ несравненно лучшим. Предоставить выборы дворянам, мы повторяем, значило бы вовсе подавить интересы крестьянского элемента.

Решившись водворить в волостном управлении элемент крестьянский, постановив, что волостной начальник или голова должен быть избираем крестьянами из крестьян, надлежит сообразоваться с сим началом и в избрании заседателей волостного управления.

Таким образом, волостное управление будет существовать, если не исключительно, то преимущественно для крестьян и для всех тех независимых землевладельцев, кои не принадлежат к дворянскому сословию и кои, участвуя в выборах голов и старшин или заседателей, могут быть сами избираемы на места сии.

Волостное управление должно оставаться в пределах власти правительственной или исполнительной, по крайней мере, сколь сие будет возможно по причине смешанности различных властей в мирском управлении сельских обществ, начало коего не может не отразиться частью и в волости. Собственно для разрешения споров и тяжб между самими крестьянами и даже между крестьянами и помещиками может быть определен мирный судья, как сие предполагается в одном из вышеупомянутых проектов. Мы только не можем согласиться в том, что судья мира должен быть избираем дворянством из дворян. Вообще выборы на места судейские имеют большие неудобства. Мы предпочитаем определение судей самим правительством. Потому и судья мира должен, по нашему мнению, быть определяем от правительства.

Мы не можем здесь войти в подробности и исчислить все предметы, кои должны подлежать ведению волостного управления по части исполнительной и ведению судьи мира по части судной. Сии предметы означены, впрочем, в одном из проектов, о коих мы упоминаем выше сего. Мы укажем только на пользу и даже на необходимость учредить в волости волостной совет, который будет иметь свои заседания один раз или два раза в год в продолжение 2-х или 3-х недель и который, приняв отчет в управлении волостью от головы, изъяснит мнение свое о правильности или неправильности действий волостного начальства и вообще о всех делах, до волости касающихся. Сие мнение будет представлено в уездное управление. Волостной совет в числе 25 или 30 человек избирается сельскими обществами. Голова и старшины могут быть призываемы в волостной совет для присутствия, но не имеют голоса в решении дел.

О законных принадлежностях властей в сельском обществе, в волости и в уезде

Из всех наших соображений не только о волостном управлении, но даже и о мирных судах, явствует, что мы нимало не предполагаем предписывать и узаконять для сих мест положительных, определенных форм и правил. Многое предоставляется здравому смыслу и добросовестности тех, кои будут в сих местах присутствовать. Такая неполнота, такое несовершенство в законных предначертаниях неизбежно при теперешних обстоятельствах наших крестьян. Хотеть подвергнуть их законным формам и формальностям, означить в подробности тесные пределы их деятельности в исполнении их должностей значило бы парализовать их добрую волю, их простой, здравый смысл, одним словом, значило бы обезоружить их в действии. Это все понимают и чувствуют. Потому и в вышеозначенных проектах мы видим то же стремление к достижению только возможной, практической цели и неизбежное смешение принадлежностей различных властей и ведомств.

Но сия неопределенность, сия смешанность должна, по нашему убеждению, иметь свои пределы. В означенных проектах эти пределы распространяются слишком далеко, и смешение и неопределенность заметны даже и в выражениях. Что значит слово: «расправа»? Должна ли она судить или управлять? Часто употребляют у нас выражение: «суд и расправа». Это значит, что одно и то же присутственное место или одно и то же лицо и судит, и управляет. Понятия о различии властей, будучи неопределенны в законах, остаются неопределенными и в понятиях, и самая эта неопределенность рождает и соответственные неопределенные слова. Действительно существуют только три власти: законодательная, правительственная или исполнительная и судебная. Одна даёт законы, другая управляет, третья судит. Сии две последние осуществляются в управлении и в суде. Но так как у нас часто одни и те же лица и судят, и управляют, то для означения такого действия явилось особое название: «расправа», означающее и то и другое, и по тому самому просто ни то, ни сё.

Означив неопределенность в словах, мы возвратимся к указанию настоящих пределов, до коих может простирается в управлении смешанность принадлежностей различных властей. Эти пределы не должны идти далее волости. В уезде надлежит уже ясно и положи-

тельно отделить одну власть от другой, управление от суда, и потому отказаться от выражений сбивчивых, неопределительных, каковы: «расправа», «управа», «приказ» и т. п.

В уезде, по нашему мнению, должно существовать уже настоящее управление, исключительно занимающееся не чем иным как собственно управлением. Даже часть финансовая должна быть отделена от сего управления и подлежать особому ведомству. Равномерно в уезде должен уже существовать настоящий суд, независимый от мест и лиц правительственных.

Заметим, что в таком устройстве является ответственность тому, что составляет существенный характер теперешнего быта народного. В сельском обществе все основывается на мирских сходках, кои действуют обычным порядком, не стесняемые никакими узаконениями и предписаниями, сообразно тому, как сие происходило доселе. В волости мы находим уже некоторое различие в действии. Совестный или мирный суд, учреждаемый в одной или двух и более волостях, имеет уже некоторые принадлежности, независимо от волостного управления. Наконец, в уезде образуется уже правильное гражданское устройство, с управлением по части правительственной, с судом по части судебной, и сии учреждения независимы одно от другого.

Прежде, нежели мы пойдем далее, мы должны заметить, что в проектах, на кои мы ссылаемся, учреждение расправ, уездной и губернской, имеет весьма благонамеренною целью облегчить водворение нового порядка. В полной мере одобряя благую цель, мы не можем, однако же, согласиться в средствах. Нам кажется, что для успешного водворения нового порядка полезнее было бы поставить особых чиновников исполнительной власти. Очевидно, что начальники уездов, упоминаемые в сих проектах, учреждаются с сию целью. Было бы гораздо проще и правильнее, оставив начальника уезда при его нормальных правительственных принадлежностях, назначить особенного чиновника, от губернатора зависящего, который наблюдал бы за успешным введением нового порядка. Ещё проще и легче бы возложить сию обязанность на прокуроров, дав им товарищей в уездах. Такие чиновники вообще могут действовать скорее, успешнее, нежели «расправы», кои, по самому коллегиальному составу своему, не могут избегнуть медленности и не представляют надлежащей ответственности.

Что ж касается до разбора и решения споров и тяжб между помещиками и крестьянами, вследствие нового порядка возникающих и предоставляемых «расправам», то мы решительно не видим никакой пользы отстранять ведение сих дел от обыкновенных судов. Можно и должно дать сим судам новое устройство, можно прибавить число судей и заседателей; но нет никакой нужды нарушать в сем случае правила раздельности властей и подле настоящих судов учреждать такие «расправы» с властью неопределенною.

Замечания о коммунальном устройстве

Изяснив мысль нашу об устройстве сельских обществ и волостей, указав на неудобство учреждения «расправ» для успешнейшего водворения нового порядка вещей, нам остается говорить об устройстве управления в уездах; но наперед мы бросим последний взгляд на это нравственное лицо, которое мы разумеем под именем волости, на то, чем, в нашем предположении, должна быть волость в общем составе государственном.

Во всех благоустроенных землях управление государственное имеет главным основанием коммуну, т. е. сельское общество, в нашем смысле волость (*commune, parish, Gemeinde*). Сего не довольно. Опыт неоспоримо доказывает, что чем правильнее, чем тверже, чем независимее устройство волостей, тем превосходнее и благотворнее общее государственное управление. Ничто не содействует сохранению общего устройства государственного, укреплению общего порядка, как твердое, более и менее независимое устройство коммунальное. Самые наши сельские общества не доказывают ли своим примером, этим призраком коммунального быта, что если есть что-либо твердого, долговечного в гражданском бытии народов, то это коммунальный быт в селениях?

Взглянем на другие земли. Англия была завоевана норманнами и подвергнута феодальному праву завоевателями. Но, к счастью, прежнее устройство английских коммун сохранилось, и на основании сего коммунального устройства более, нежели на чем-либо ином, развился великолепный порядок английского устройства государственного.

Иногда сии свойства прочности, долговечности коммунальных учреждений доходят до такой чрезмерности, что невольно заставляют усомниться в пользе сих учреждений. Такой пример мы видим в Индии, этой несчастной Индии, которой, как говорится,

нет житья ни от своих собственных варварских властителей, ни от просвещенных, христианских властителей европейских. В сей обреченной на чуждое владычество стране завоевания следовали за завоеваниями, все изменялось, все разрушалось; но индийская коммуна оставалась всегда таковою, каковою была искони, и бедный индиец, теряя даже понятие об отечестве, сохранил, по крайней мере, понятие о родине и имел ещё хотя что-нибудь, что он мог любить, чем мог дорожить.

Во всех частях Германии коммунальное устройство служит основанием государственному управлению, и степень совершенства сего последнего зависит от более или менее лучшего, независимого устройства коммун. В Пруссии особенно существует превосходное учреждение муниципальное для городов (*Städteordnung*). Оно было начертано под руководством сего великого государственного человека, барона Штейна, коему Пруссия обязана более, нежели кому-либо, своим славным перерождением. «Сие городское устройство, — замечает биограф сего министра, — послужило впоследствии образцом, по коему и в других германских землях старались в управлении городов восстановить более свободные формы и учреждения прежних времен».

В Австрии, с некоторого времени, правительство обратилось к централизации. Муниципальное и нераздельное с оным коммунальное устройство ослабло. Везде чиновники от правительства заменили чиновников муниципальных, коммунальных. Мы не можем судить о выгодах такой централизации в Австрии, потому что Австрия являет собою государство, совершенно отличное от всех государств европейских, и где самые неоспоримые истины государственного управления вообще, самые благодетельные учреждения оказываются или сомнительными, невозможными, или вредными для такой многоглавой и мозаичной империи. Скажем только, что если австрийское правительство не нашло силы в муниципальном устройстве, то оно, конечно, не найдет её в бюрократии, которой малейшая невыгода состоит в том, что она вчетверо дороже.

Во Франции существует и муниципальное, и коммунальное устройство. Но здесь, где торжество централизации простирается до того, что недавно один из министров предпринял ввести для всего государства один и тот же музыкальный диапазон, и где бюрократия служит для централизации столь сильною опорою, во Франции это устройство весьма слабо, весьма ограничено, не имеет никакой значительной

самостоятельности и независимости. Между тем, и сей один призрак коммунального устройства имеет свои неоспоримые выгоды*.

Обращаясь к России, мы должны искать этой коммуны, которой мы желаем, в сельском обществе. Но эти общества слишком раздроблены, слишком неравны между собою, и потому не могут быть образованы в виде прочных, крепких коммун. Одно уже раздробление коммун во Франции не допускает порядочного устройства. Мы не знаем: с умыслом или без умысла законодатели сотворили во Франции более 35 тысяч коммун. Очевидно, что одно уже таковое раздробление должно ослаблять весь быт коммунальный. Если б, даже и при теперешнем законодательстве, во Франции число коммун было втрое менее, то, вероятно, в них было бы более жизни и самостоятельности.

Итак, настоящую коммуну для России, такую, как мы себе воображаем, мы можем найти только в соединении нескольких сельских обществ в составе одного целого, под названием волости.

На устройстве сих-то волостей должно, по нашему убеждению и по свидетельству опыта, основываться общее государственное управление.

Таковое предназначение волости указывает на всю важность волостного устройства и волостного управления.

Здесь мы почитаем нужным заметить, что предоставляемое нами выше сего право дворянам, минуя волостное ведомство, обращаться прямо к уездному начальству, не может само по себе ослабить волостного устройства, если, впрочем, сие последнее будет поставлено в надлежащее положение. К тому же сим правом дворяне, может быть, не всегда будут пользоваться и мало-помалу сами собою от одного откажутся.

Об устройстве в уездах

Говоря об устройстве сельских обществ и волостей, мы вполне высказали мысль нашу. Относительно сих двух первых слоев общегосударственного управления, мнение наше твердо, положитель-

* Республиканская конституция Франции в 1848 году предоставила всем и каждому право участвовать в избрании и членов народного собрания, и самого президента республики. Мне случилось видеть, что члены коммунального совета в одном селении, дав свои голоса в выборе и представителей, и президента, в совещании своем признали нужным построить в селении будку, оцененную в 15 франков. И такой издержки избиратели представителей и президента не могли сделать без представления высшему начальству на утверждение! Кто-то однажды исчислил, что дабы получить позволение иметь лодку на реке, просьба прибрежного жителя должна пройти чрез 15 или 20 инстанций! — *Примеч. Н. И. Тургенева.*

но, определительно. В видах блага общего, блага государственного, мы не находим ничего лучшего, ничего более естественного, здорового, полезного, как сохранить, укрепить теперешний быт сельских обществ и устроить волости, в коих элемент крестьянский имел бы решительный перевес. Волостное управление должно, сверх сего, служить, в нашем предположении, главным основанием управления государственного. Условия сельского и волостного управления, нами изложенные, мы почитаем необходимыми условиями всякого здорового и полезного устройства. Мы уверены даже, что какого бы рода устройство управления ни было принято правительством в высших слоях: в уезде, в губернии, устройство сельское и волостное с нашими условиями может быть всегда удержано в полной своей силе.

Переходя к соображениям об устройстве управления в уезде, мы не можем излагать наших мнений ни с тою решительностью, ни с тою определительностью, с каковою мы излагали их доселе.

По нашему мнению, в уезде должно уже существовать правильное распределение властей и ведомств, как мы заметили сие выше. Устройство судов, в теперешнем их виде, не говоря уже о признанной вообще необходимости в их преобразовании, окажется очевидно недостаточным при новом порядке вещей, когда целые миллионы людей получают право обращаться к сим судам по делам своим.

Таким образом, для определения начал правильного управления в уезде, начал даже исключительно правительственных, надлежало бы вместе или предварительно говорить и об устройстве судов, судов, кои должны судить и ни в каком случае управлять. Но вопрос о судебном устройстве не может входить в теперешние наши соображения, тем более, что мы изложили мысли наши о сем предмете в двух особенных записках: одна о введении суда присяжных, другая об учреждении судов полицейских.

Сверх сего в уезде существуют дворянские собрания, дворянские выборы. Постановления и узаконения по сему предмету должны, конечно, более или менее измениться, с введением нового порядка.

Что касается до управления городов, то городское (муниципальное) положение также не может войти в пределы теперешних наших соображений. Мы заметим только, что, по выше упоминаемым проектам, полицейская власть в уезде и лицо, представляющее власть сию, городничий, подчиняются ведению начальника уезда.

Одним словом: говорив по возможности подробно и определенно об устройстве сельского общества и волости, мы не можем говорить с одинаковою подробностью об уезде, как потому, что мы не имеем достаточных данных, на коих мы могли бы основать наши соображения, так и потому, что управление уездное должно быть рассматриваемо и обсуждаемо в совокупности с устройством судебных мест и властей в уезде.

Таким образом, означив выше сего в общих словах мысль нашу о свойстве уездного управления, мы ограничимся здесь изъяснением того устройства, которое предполагается для уездов во втором из двух вышеупомянутых проектах.

I.

1. В каждом уезде поставляется начальник уезда. Он председательствует в уездной расправе, на которую особенно возлагается разбор споров и тяжб между помещиками и крестьянами.

2. Земский суд и городническое правление будут составлять впредь одно уездное управление, зависящее от начальника уезда.

3. Начальник уезда назначается от правительства. Он имеет права 5-го класса. Жалованья: 2000 руб[лей] сер[ебром].

4. Начальник уезда есть главный блюститель законов в уезде. Он наблюдает за точным исполнением как общих законов, так и постановлений, кои определяют будущие отношения между помещиками и крестьянами. Он зависит от гражданского губернатора.

II.

1. В каждой губернии, где будет введено новое учреждение касательно улучшения быта помещичьих крестьян, имеют быть учреждены:

а) Судьи мира, или совестные судьи.

б) Уездные расправы.

с) Губернская расправа.

2. Судьи мира избираются дворянами из дворян. Недовольные решением мирного судьи апеллируют в уездную расправу.

3. Уездная расправа состоит из начальника уезда и двух заседателей, из коих один избирается дворянами, другой крестьянами. Избрание сего последнего происходит в уездном городе особенными

депутатами, кои назначают пять кандидатов. Из сих губернатор избирает одного заседателя, который может принадлежать к какому бы то состоянию ни было.

4. Уездная расправа, не входя в рассмотрение дел гражданских и уголовных, подлежащих ведению обыкновенных судов, судит токмо о спорах и тяжбах, могущих возникнуть вследствие введения нового учреждения об улучшении быта крестьян, и кои были уже решены в первой инстанции судьей мира. Запрещается приносить жалобы прямо в уездную расправу.

5. Окончательное решение тяжб между помещиками и крестьянами предоставляется губернской расправе. В сей расправе заседают губернатор, губернский предводитель дворянства, председатель палаты государственных имуществ, губернский прокурор. Ведению её подлежат только следующие дела:

а) Тяжбы между помещиками и крестьянами по предметам, коих ценность не превышает 200 руб[лей] сер[ебром].

б) Тяжбы между помещиками и сельскими обществами по предметам, не превышающим в ценности 1000 руб[лей] сер[ебром].

Запрещается подавать жалобы прямо в губернскую расправу. Запрещается апеллировать на решение уездной расправы, согласное с решением совестного или мирного судьи.

В сем состоит сущность нового устройства по проекту, который мы находим в журнале "Le Nord" (22 июня 1858).

Мы здесь видим, что новое устройство управления в уезде имеет главную, даже единственную целью обеспечить, облегчить введение и утверждение нового порядка, освобождением крестьян вызываемого. Меры, для достижения сей цели определяемые, имеют весьма значительную последовательность и полноту. Главным орудием в исполнении роли и намерений правительства представляется начальник уезда, облеченный преимуществами одного из высших классов служебной иерархии с соответственным жалованьем. Споры и тяжбы по введению нового устройства разрешаются и оканчиваются почти на самом месте, в уезде и в губернии.

Если сие или подобное сему устройство уездного управления будет окончательно принято правительством, то нам остается только желать, и желать от всей души, полного успеха предприятию.

Но мы должны здесь повторить, что такое устройство уездного управления нимало не помешает принятию тех предположений

наших, кои мы изъяснили выше об управлении и составе сельских обществ и волостей. Устройство сих последних в том виде, как мы изложили оное, может без малейшего неудобства быть принято при устройстве уездов в смысле рассматриваемого нами проекта.

Сверх сего мы заметим, что рассматриваемый нами проект, учреждая думу или совет в волости, состоящий из депутатов от сельских обществ, не упоминает ни о чем подобном для уезда. Только один заседатель в уездной расправе избирается крестьянами, и притом не прямо, а посредством назначения кандидатов.

Мы, со своей стороны, полагаем, что в окончательном, нормальном устройстве уездного управления весьма полезно учредить особенный совет, избираемый жителями уезда и заседающий один или два раза в году, в продолжение двух или треть недель, для рассмотрения и решения различных дел по уезду. Таковой совет мы предлагаем и для волости.

Особенные указания

Наконец, мы не можем не указать на некоторые особенности постановления, кои имеют свою пользу. Так, например, необходимо, по нашему мнению, дать заседателям, от крестьян избираемым, более значительности, более весу, нежели сколько они имели доселе. В сем отношении надлежит сделать что-нибудь более серьезное теперь существующего. Известно, какую печальную роль заседатели от крестьян играют в местах присутственных. Обыкновенно их не пускают в присутствие, и они заседают в сенях! Мы недавно видели по газетам, что при устройстве вновь приобретенного края на реке Амуре начальникам сельским или волостным усвоятся права 9 или 8 класса. Для чего не сделать того же для наших добрых крестьян? Для чего их избранных не возвысить в глазах света и в их собственных? Покуда в России нет иного средства дать человеку надлежащий вес и должное значение, как присвоив ему преимущества одного из классов табели о рангах. В таких случаях существование чинов имеет свою неоспоримую пользу.

Равным образом мы укажем на необходимость устроить в уезде первые основания финансового управления. По сию пору государственные налоги большей частью вносятся самими жителями в казначейство. Такое первобытное устройство должно, наконец, быть

заменено иным, более соответственным выгодам и правительства, и плательщиков налогов. Необходимо будет учредить для взимания оных особенных собирателей. Сия необходимость окажется наиболее явною и очевидною, когда, с освобождением крестьян, должно будет заменить подушный оклад налогом поземельным. С освобождением и с правом перехода крестьян подушный оклад сделается невозможным. Сверх сего нужно будет тогда прибегнуть к новому средству обложения земель помещичьих. Для введения поземельного налога мы нимало не почитаем нужным прибегать к составлению какого бы то ни было кадастра. Это было бы и невозможно и бесполезно. Мы почитаем достаточным основать поземельный налог на распределении известной суммы налога на земли посредством самих жителей, под надзором местного начальства. Таким образом, взяв всю сумму подушного оклада во всем государстве, следует разделить её по губерниям. На каждую губернию упадет та сумма, которую теперь она платит в виде подушного оклада. В губернии сия сумма разложится на уезды тем же порядком. До сих пор раскладка будет сделана сначала самим правительством и потом губернским начальством.

Но в уезде раскладка по волостям должна уже совершиться с участием избираемых жителями раскладчиков. Сии последние будут вправе распределить следующую с уезда сумму, не останавливаясь на том, сколько волость платила доселе подушного оклада, но рассуждаясь с возможностью каждой волости платить более или менее, смотря по количеству и качеству земли. Определенная уездными раскладчиками сумма по каждой волости раскладывается такими же раскладчиками в каждом сельском обществе и на тех же правилах, т. е. смотря по количеству и качеству земли, состоящей во владении или в пользовании каждого лица.

Такое распределение поземельного налога, конечно, далеко от той степени совершенства, на которой может быть поставлено взимание сего налога даже и без кадастра. Но неравенство и другие невыгоды сего распределения, сколь бы они важны ни были, не могут превосходить всех очевидных невыгод подушного оклада. Мы даже уверены, что при сем несовершенстве такого взимания налог поземельный легко может принести более дохода, нежели оклад подушный. В сем последнем случае бедность одних не позволяет возвысить оклада для других, кои легко могли бы платить более.

Перечень

В заключение мы постараемся представить по вопросу управления такую же перечень наших соображений, какую мы сделали по вопросу освобождения крестьян.

I.

§ 1. По совершении отвода к обществам одной трети помещичьей земли, равно как и по утверждении правительством добровольных сделок, заключенных между помещиками и крестьянами, все бывшие крепостные крестьяне будут подлежать ведению сельских обществ исключительно.

§ 2. Все дела сельского общества рассматриваются и решаются на мирских сходах, по обычному порядку.

§ 3. Управление обществом возлагается на старосту, избираемого миром.

„ Староста имеет в своем распоряжении десятских, миром избираемых по существующему обычаю.

§ 4. Каждое сельское общество может, с утверждения начальства волостного, учредить особый суд для решения некоторых дел, споров и тяжб между крестьянами.

§ 5. Всякого рода сношение помещика с бывшими его крепостными крестьянами должно, впредь до отмены сего особенного постановления, происходить не иначе как посредством начальства сельского общества.

§ 6. Ответственность по условиям, заключаемым помещиком с крестьянами о найме или обрабатывании земли, тогда только падает на все сельское общество, когда сии условия были заключены с ведома и согласия общества.

§ 7. Плата со стороны крестьян по таковым условиям может быть определяема токмо деньгами или натуральными произведениями. Ни в каком случае не допускается плата личною работою.

§ 8. Полицийская власть помещика будет впредь ограничиваться правом: в случае каких бы то ни было беспорядков арестовать крестьянина и представить его в течение 24 часов в сельское общество.

II.

§ 9. Казенные и удельные имущества должны быть, по возможности, приведены, в отношении устройства сельских обществ, к тому же порядку, каковой предполагается здесь для бывших крестьян крепостных; так, чтобы и в казенных и удельных селениях управление и решение дел было предоставлено старосте и миру.

III.

§ 10. Несколько сельских обществ, казенных, удельных, бывших помещичьих без различия, имеющих от 10 до 15 тысяч жителей, составляют волость.

§ 11. Независимые землевладельцы, не принадлежащие ни к сельским обществам, ни к дворянскому сословию, войдут в состав волости и будут подлежать ведению волостного начальства.

Они будут участвовать во всех правах и обязанностях наравне с членами сельских обществ. Участие их в волостных выборах будет определено соответственно местным обстоятельствам.

§ 12. В сей класс независимых землевладельцев могут, если пожелают, вступать как бывшие однодворцы, так и вообще все крестьяне, к какому бы ведомству они ни принадлежали.

§ 13. В каждой волости учреждается волостное управление, состоящее из четырех членов, под председательством начальника волости или волостного головы.

§ 14. Начальник волости, равно как и члены волостного управления, избираются сельскими обществами или их представителями на известное число лет.

§ 15. Волостной голова пользуется во время исполнения своей должности правами 9 класса. Заседатели правами 10 класса.

§ 16. Помещик, имеющий какую-либо тягбу с бывшими своими крепостными крестьянами, может, если того сам пожелает, минуя волостное управление, обращаться прямо к уездному начальству.

В таких случаях уездное начальство обязано удовлетворять всем справедливым требованиям помещика.

§ 17. Каждый год или каждые 6 месяцев в волости собирается совет, из 20 до 30 членов состоящий, для рассмотрения дел волости, отчетов волостного управления и для представления уездному начальству

своего заключения по сим предметам. Сей совет может также делать представления, до общих польз волости касающиеся.

§ 18. Члены сего совета избираются сельскими обществами, смотря по народонаселению оных.

§ 19. Сии члены могут быть избираемы обществами из лиц всех состояний.

§ 20. По предметам налогов и повинностей, одинаковым образом распространяющихся на все сельские общества, казенные, удельные и бывшие помещичьи, волостное управление принимает и предписывает одинаковые для всех меры и распоряжения.

§ 21. По предметам, кои могут быть приводимы в исполнение различным образом, смотря по различию ведомств в сельских обществах, казенного, удельного, помещичьего, как-то по предмету рекрутской повинности и пр., волостное начальство сообразуется с особенными правилами и уставами, кои в сих обществах существовать будут, впредь до введения одинакового устройства во всех обществах сельских.

§ 22. Для облегчения сношений волостного начальства с сельскими обществами казенными, удельными и бывшими помещичьими, может быть поставлен особенный комиссар от правительства для одной или нескольких волостей.

§ 23. Для нескольких волостей, смотря по пространству и народонаселению, учреждается совестный судья, назначаемый от правительства, который сверх переносимых из сельских обществ на его решение дел может иметь в своем ведении другие дела, до известной степени важности простирающиеся.

ОБЩЕЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из всех мер улучшения быта или освобождения, помещичьих крестьян, как из тех, о коих мы говорили выше, так и из других, кои могут быть предложены, весьма полезно было бы избрать одну, какую бы то ни было, и, остановившись на оной, удостоверить всех и каждого, что вопрос освобождения будет решен сообразно сей избранной, определенной мере, а не иначе. Заключение или мнения различных комитетов, по сему предмету учрежденных, могут облегчить выбор такой меры, долженствующей привести вопрос к окончательному разрешению. Тогда внимание как существующих комитетов, так и внимание

всех мыслящих людей естественно устремилось бы на принятый и объявленный способ разрешения великого вопроса исключительно. Очевидно, что все дело будет в сильной степени упрощено, когда все усилия будут устремлены к одному и тому же предмету, к одной и той же мере, к одной и той же методе.

Положим, например, что будет избран тот способ улучшения быта крестьян, на который указывают циркуляры министра внутренних дел, способ, по коему, после выкупа крестьянских усадеб, половина помещичьей земли должны быть отведена в пользование крестьян, с тем, чтобы они исполняли для помещика известные, определенные повинности. В таком случае очевидно, что успеха должно будет искать преимущественно в надлежащем разрешении вопроса об управлении крестьян, в точном и ясном определении взаимных отношений их с помещиками. Если комитеты и вообще мыслящие люди обратят свое внимание исключительно на сей предмет управления, то можно ожидать, что они придут к удовлетворительным результатам скорее, нежели теперь, когда сие внимание направляется к столь различным, неопределенным предметам.

Положим далее, что между разными способами освобождения будет избран тот, который основывается на выкупе. Тогда надобно предпочтительно и прежде всего заняться изысканием, до какой степени может быть ограничена сумма, которая падет на каждого крестьянина и которую он будет обязан уплачивать ежегодно или помещику, или правительству. Потом возникнет вопрос: лучше ли будет продлить срок выкупа, вместо обыкновенно принимаемых 37 лет, на 50, 60 и более лет, дабы чрез то уменьшить сумму ежегодной уплаты. Наконец, необходимо будет определить, в каких отношениях крестьяне будут находиться как к помещикам, так и к правительству во все продолжение срока, для выплаты всей выкупной суммы определенного, т. е. решить, будут ли они вольными с самого начала или только тогда, когда вся выкупная сумма будет выплачена. Все сии вопросы довольно важны для того, чтобы обратить на себя исключительно все внимание и комитетов, и всех мыслящих людей.

Здесь, говоря о выкупе, мы представим на усмотрение людей, более опытных, следующее соображение.

При способе выкупа всегда предполагается оценка земель, для крестьян предназначаемых. Всякого рода оценка сопряжена с вели-

кими затруднениями. Мы спрашиваем: нельзя ли избежать оценки? Вот наш ответ:

Мы убеждены в том, что прежде, нежели решиться на принятие методы выкупа, надлежит предварительно и по возможности удостовериться, до каких размеров должен простираться весь выкупный капитал, предназначаемый для всех помещиков. Такое предварительное и, по крайней мере, приблизительное исчисление необходимо как при способе выкупа самими крестьянами, так и выкупа со стороны правительства. Употребив несколько лет на оценку, вы, может быть, придете к такому заключению, что исчисляемая вами выкупная сумма будет превосходить и силы крестьян уплатить оную, и средства казначейства. Не довольно желать такого выкупа, который удовлетворил бы вполне и помещиков, и крестьян, и казначейство, кто этого не желает? Но от желания до возможности удовлетворения оному весьма далеко.

Таким образом, независимо от того, будет ли принята или отстранена оценка, нельзя не решить предварительно и приблизительно, до какой суммы может простираться весь выкупный капитал, смотря по средствам крестьян или казначейства. Этот вопрос может быть решен только самим правительством. В определении суммы сего выкупного капитала состоит вся сущность методы выкупа.

Определив сумму всеобщего выкупа, останется только забота о равном, по возможности, разделении сей суммы между помещиками.

Нужно ли будет и для сего разделения прибегать к оценкам, дабы достигнуть если не цели полного удовлетворения, то цели пропорциональности в возмездии?

Вот настоящий вопрос касательно оценки. Принимая в соображение все затруднения повсеместных оценок и особливо долгое время, которое для сего потребуется, нам кажется, что лучше было бы распределить весь выкупный капитал по губерниям и предоставить помещикам разделить назначаемую сумму для каждой губернии между собою по их усмотрению и решению. Раздел по усмотрению самих помещиков будет, конечно, самым лучшим и самым простым средством их удовлетворения. Затруднения могут состоять особенно в распределении всего выкупного капитала между губерниями. Здесь, может быть, все данные, коими располагает правительство относительно числа душ, количества и качества отводимых крестьянам зе-

мель, будут не вполне достаточны. В таком случае, составив проект распределения, правительство может предоставить его на проверку всем губернским предводителям дворянства.

Наконец, если с принятием способа выкупа будет признано полезным учредить банки или какие бы то ни было кредитные установления, то и здесь, поставив на вид комитетов и людей специальных сию потребность, можно только облегчить успех таких предположений.

16-го октября 1858

О НОВОМ УСТРОЙСТВЕ КРЕСТЬЯН

ПРЕДИСЛОВИЕ

При обнародовании нового устройства крестьян мы желали дать самим себе подробный отчет в том, до какой степени план освобождения крестьян с землею, который был начертан нами⁷⁰⁰, согласуется с новым Положением, изданным при Манифесте 19 февраля, в каких распоряжениях и в какой мере он отступает от сего положения.

Рассмотрев и изучив новое Положение⁷⁰¹, мы убедились, что наш план оному не противен; т. е. что все предположения, в нашем плане содержащиеся, могут быть приняты и приложены на самом деле, по добровольному соглашению между помещиком и крестьянами, вследствие того простора, который предоставляется в сем Положении добровольным сделкам и соглашениям.

Посему, равно как и в оправдание собственных моих предположений по вопросу освобождения, кои, будучи основаны на малом поземельном наделе, приносят, по мнению редакционных комиссий, одно сословие в жертву другому, я решился излагаемые здесь соображения мои напечатать.

Если доводы мои покажутся некоторым помещикам достаточно уважительными для того, чтобы согласиться со мной в основных началах моего плана, то они могут просто прибегнуть к ст. 123-й Местного положения для 34-х губерний⁷⁰², по которой помещик может предложить крестьянам подарить им $\frac{1}{4}$ высшего надела, включая усадьбу; крестьяне же, приняв таковой дар, тем самым откажутся от всяких дальнейших наделов землею.

Что ж касается до мнения моего о малом поземельном наделе, то сии соображения показывают, что сами редакционные комиссии приведены были, вопреки предпосланным ими началам, искать исхода делу освобождения в наделах не полных, а ограниченных, недостаточных для предполагаемого обеспечения крестьян в их существовании. Они покажут также, что для крестьян и, как нам кажется, для дворян наш план представлял более выгод или, по крайней мере, более удобств, нежели план Редакционных комиссий.

Париж, 22 мая 1861.

Н. Тургенев

ИЗЛОЖЕНИЕ ВОПРОСА

Манифест освобождения обнародован. *Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости*, воспринимают свое действие. Честь и слава государю-освободителю!

Едва ли найдется в истории другой пример, где бы один человек сделал так много добра столь многим людям.

Личная свобода крестьян обеспечивается в новом Положении почти всеми средствами, коими можно было располагать в теперешнем положении законодательства и гражданского порядка в России.

Те, коих счастливая доля была участвовать в огромном труде составления нового Положения, приобрели полное право на признательность всех своих благомыслящих сограждан, и бремя негодования со стороны недоброжелательных и неразумных противников будет для них теперь — по успешном совершении великого и честного труда — конечно, весьма легко.

Отдавая, таким образом, чистосердечно полную справедливость важному и благотворному преобразованию, уже и теперь, в настоящем его виде, осуществляющему огромное, неоценимое добро, равно как и труду разумных и добросовестных деятелей в сем преобразовании, мы постараемся означить с некоторой определительностью силу и действие нового Положения о крестьянах.

Цель нового Положения состоит в следующем:

Освободить крестьян от крепостного права помещиков, предоставить им для обеспечения их существования известные наделы землею за определенную повинность и дать им средства к приобретению сих наделов в собственность, посредством выкупа.

Для достижения сей цели постановляется следующее:

Для всех крестьян вообще определяется известный надел землею, равняющийся, по возможности, тому, коим они пользовались доселе.

Сей поземельный надел предоставляется крестьянам в полное пользование.

За сие пользование крестьяне исполняют повинность или работою или деньгами (барщина и оброк).

Барщинная работа, значительно облегченная, определяется различными подробными постановлениями.

Оброк определяется положительно и сообразно количеству и качеству земель в различных местностях.

Крестьяне барщинные остаются на барщине и переходят на оброк не прежде 2 лет.

Оброчные крестьяне могут выкупать их полевой надел, но не иначе как с согласия помещика.

К выкупу своих усадеб крестьяне могут приступать и без согласия помещика. Сие право ограничивается отчасти тем, что помещик может от крестьян, желающих выкупить свои усадьбы, требовать в некоторых случаях и выкупа полевых наделов, кои, впрочем, по желанию крестьян могут быть уменьшены в своих размерах.

Сверх сих коренных начал, новое Положение содержит различные распоряжения и исключения из общих правил, с целью облегчить для крестьян улучшение их быта.

Так, между прочим, постановляется, что с согласия помещика барщинные крестьяне могут и прежде 2 лет переходить на оброк;

что, по истечении 9 лет, крестьяне могут с разрешения начальства отчуждать приобретенные ими земли, внося при том вырученные за оные деньги в уплату выкупной ссуды;

что общество может в некоторых случаях делить земли на подворные участки;

что крестьяне, уплатившие за себя выкупную ссуду и даже, в известных случаях и при известных условиях, не вполне уплатившие сию ссуду, могут выходить из сельского общества;

что выкупившие свои усадьбы могут по прошествии 9 лет отказаться от полевой земли.

Наконец, постановляется, что крестьяне, не выкупившие ни усадеб, ни полевых наделов, остаются *временнообязанными*. Крестьяне же, выкупившие свои наделы, входят в разряд *крестьян-собственников*, немедленно по совершении сделки. В некоторых случаях и выкупившие только свои усадьбы входят в сей разряд.

Вообще обширная возможность предоставляется в новом Положении помещикам и крестьянам совершать между собою всякого рода добровольные сделки касательно приобретения крестьянами полевых наделов.

Так как сих добровольных соглашений и сделок мы предугадывать не можем, то мы ограничимся изысканием только того действия и тех последствий, кои непосредственно должны проистекать от узаконяемого новым Положением выкупа крестьянами их полевых наделов, равно как и их усадеб.

Не входя в исчисление различных размеров как поземельного надела, так и оброка в различных местностях, мы предполагаем, что самый обыкновенный надел будет трёх-десятинный и оброк 9 руб[лей] с души.

Капитализируя 9-ти рублевый оброк из 6 %, капитал составит 150 руб[лей]. Полагая по $2\frac{1}{2}$ души на тягло, крестьянин со своим семейством должен будет заплатить 375 руб[лей] за надел свой. Конечно, он получит за сию сумму $7\frac{1}{2}$ десятин земли и неоспоримо или, по крайней мере, весьма вероятно, что сия земля будет стоить сих денег. Но много ли между 23 мил[лионами] найдется таких крестьян, кои будут в состоянии заплатить такую сумму, хотя и за равноценную сей сумме землю?

Итак, крестьяне должны будут прибегать к выкупу посредством содействия правительства.

Правительство в качестве уплаты выдает помещикам кредитные бумаги на $\frac{4}{5}$ (иногда на $\frac{3}{4}$) исчисленного по оброку выкупного капитала; за что крестьяне обязываются платить правительству 6 % и платить — в продолжение 49 лет.

Остальную $\frac{1}{5}$ или $\frac{1}{4}$ выкупного капитала, не вошедшую в сумму кредитной бумаги, крестьяне должны внести помещику чистыми деньгами.

Сколь, по-видимому, ни умеренна сия уплата чистыми деньгами, не менее того она составит при выше упомянутом оброке 75 р[ублей], кои обязывается уплатить тягловый крестьянин в самом начале, приступая к выкупу. При совершенном отсутствии у нас кредитных учреждений для крестьян, нет сомнения, что одна обязанность предварительного взноса такой суммы удержит множество крестьян от приступления к выкупу.

Таким образом, весьма трудно ожидать, чтобы большое число крестьян прибегло к сему средству выкупа, и сие тем более, что никакой выкуп полевых земель не может быть совершен без согласия на то помещика.

Самый вероятный исход из сего вопроса о наделении крестьян землею найдется наиболее в добровольных сделках между крестьянами и помещиками. К таковым сделкам должны будут привести как крестьян, так и самих помещиков, и их обоюдные выгоды, и обоюдные неудобства.

Выкуп усадеб для крестьян легче, нежели выкуп полевых земель, ибо для выкупа первых требуется менее денег, хотя и следует их упла-

тить немедленно. Но и в сем случае едва ли крестьяне поторопятся выкупать свои усадьбы, так как они не могут вполне располагать ими в продолжение 9 лет.

Предвидя все затруднения, сопряженные с выкупом крестьянами полных или высших полевых наделов, новое Положение представляет различные облегчительные средства для того, чтобы крестьяне могли вступать в разряд *собственников*, и для сего допускает выкуп полевой земли в уменьшенных размерах и доходит даже до того, что позволяет крестьянам отказаться от их наделов, если помещик *подарит* им только одну четверть земли *высшего* надела, включая усадьбу.

В некоторых известных случаях новое Положение позволяет даже крестьянам, выкупившим свои усадьбы, вовсе отказаться от полевой земли.

Такие распоряжения свидетельствуют, что правительство имело столь же здоровое, как и благотворное стремление облегчить всеми возможными средствами окончательное вступление крестьян в положение самостоятельных собственников, хотя бы то было с уменьшенным полевым наделом или даже с одною усадьбою. Мы повторяем, такое стремление и здраво, и благотворно. Не менее того, однако же, оно не вполне соответствует предположенной цели: освобождения крестьян с их поземельным наделом. Сия цель основывалась на том, что крестьяне вообще должны иметь такой надел землею, который обеспечивал бы их и в собственном продовольствии, и в возможности исполнить их повинности. Если бы достижение такой цели было возможно, то, без сомнения, подобное *освобождение с землею* было бы самым лучшим. Но сила вещей и обстоятельств превозмогает самые благие намерения, и мы видим, что новое Положение, отступая от предположенной цели, достижение коей является невозможным, ищет средств *освобождения с землею* именно в уменьшении требуемых наделов и доходит на сем пути до $\frac{1}{4}$ *высшего* надела и даже до освобождения с одними усадьбами, лишь бы достигнуть той главной, существенной цели возведения крестьян в качество независимых собственников.

Итак, заметив выше сего, что выкуп с полным или высшим наделом весьма затруднителен и не обещает большого успеха, т. е. что весьма немногие из крестьян воспользуются сим средством, и находя, что новое Положение представляет значительные средства к выкупу с на-

делом ограниченным или уменьшенным, мы должны заключить, что несравненно бóльшая часть крестьян, кои будут приступать к выкупу, предпочтет выкуп с уменьшенным наделом, т. е. с таким, который уже не будет им представлять достаточного обеспечения в возможности собственного продовольствия и в исполнении их обязанностей и повинностей.

НЕОБХОДИМОСТЬ НАДЕЛОВ ОГРАНИЧЕННЫХ

Такой окончательный исход вопроса о выкупе земли крестьянами был неизбежен. При сем желании своём оградить благосостояние крестьян упрочением за ними обычного их поземельного надела, новое Положение самою силою вещей было приведено к необходимости пожертвовать до некоторой, довольно важной степени сею целью, целью, впрочем, второстепенною, дабы чрез то достигнуть главной, существенной цели: создания сословия свободных земледельцев.

Но если это так, то мы просим позволения поставить следующий вопрос:

Если бы новое Положение, поставив себе главною целью: создать сословие самостоятельных земледельцев, крестьян-*собственников*, как это значит в тексте, удовлетворялось обеспечением их не обычным их наделом, но только наделом *возможным*, т. е. весьма ограниченным; то такая метода не облегчила ли бы всего дела, всего процесса освобождения? Остановившись на небольшом поземельном наделе, например, одной десятины на душу, с включением усадьбы, выкуп сделался бы несравненно удобнее и — что было бы весьма полезно для всех — вознаграждение помещиков за такой надел могло бы быть принято на счет казначейства.

«Мы не могли и думать об ограниченном или недостаточном наделе крестьян», — говорит г. Ростовцев⁷⁰³ в записке своей, представленной пред кончиною его государю*.

* Вот слова записки: «Потери для помещиков, если б они и произошли, будут только временными, потому что возвышение цен на остающиеся у помещиков земли с освобождением труда и дарованием крестьянам права приобретать поземельную собственность, быстро вознаградит потери дворянского сословия. Единственным способом совершенного устранения подобных временных потерь могло бы быть только скудное наделение крестьян землею, т. е. отнятие у них земель, которыми они всегда пользовались и которые обеспечивали их

Но что́ могут значить эти слова, что́ значат новые постановления о наделе *вышем* и *низем* крестьян, когда выкуп сих наделов зависит от воли помещика, а крестьянам предоставляется *право* только на выкупный надел самый ограниченный, т. е. на их усадьбы? Не очевидно ли, что вся операция освобождения с землею, выкуп наделов земельных не может совершиться иначе, как с согласия помещиков и, следственно, по обоюдному добровольному соглашению?

Возможность, удобность и польза добровольных сделок были бы равно действительны, равно сильны и при самом малом наделе. Разница состояла бы только в том, что крестьянин, получив малый однодесятинный надел с усадьбою, немедленно очутился бы и освобожденным, и собственником и, имея уже *свой угол*, мог бы с должною расчетливостью приступить к добровольным сделкам с помещиком о приобретении для себя более земли.

Если же на сие будет возражено, что прежде, нежели устроить и определить выкуп, следовало обеспечить крестьянина надлежащим наделом земли для его продовольствия, то на сие мы заметим, что ничто не мешало бы определить сии наделы в пользование так, как они определены в новом Положении, с обязанностью или работ или оброка, узаконив токмо, что крестьянин должен прежде всего получить в собственность его усадьбу при однодесятинном наделе. Наделения землею в пользование нельзя смешивать с выкупом. Новое Положение дает право крестьянам на известный определенный надел землею. Это право может быть за ними оставлено, исключив только из надела 1 десятину земли на душу с усадьбою. Новое Положение предоставляет крестьянам возможность выкупать их надел. Так как эта возможность зависит от воли помещика, то очевидно, что выкуп будет следствием добровольной сделки. А такие сделки, как сказано выше, не менее возможны и при методе освобождения с самым малым наделом.

существование; но это, очевидно, обратило бы их в батраков богатых земледельцев. Комиссия не могла и думать о подобном разрешении вопроса, считая, что такое принесение одного сословия в жертву временным интересам другого не соответствовало бы желанию самого дворянства улучшить быт своих крестьян».

«Не могли думать» — а могли и *должны были* сделать! — *Примеч. Н. И. Тургенева.*

ПЛАН ОСВОБОЖДЕНИЯ С МАЛЫМ НАДЕЛОМ

Между многими другими и мы имели свой план освобождения крестьян.

Начиная говорить о сем плане, мы желали бы уверить тех, кои будут читать сии строки, что мы не приписываем нашему плану никакой особенной важности и значительности и не имеем к нему ни малейшего пристрастия. В столь святом деле, каково есть освобождение русских крестьян, предпочитать свое мнение мнению других потому только, что оно наше, было бы грешно; а величаться и хвастаться таким простым планом, каков наш, было бы смешно. Не в мелком и ничего не значащем личном самолюбии ищем мы утешения и отрады: и то и другое мы уже нашли в Манифесте 19 февраля 1861 года, осуществившем мысль освобождения русских крестьян, мысль, которая более всего владела нами в продолжение всей нашей жизни.

Всегда, с самого начала упорение за крестьянами безвозмездно их усадеб представлялось и признавалось мною одним из главных условий их освобождения, условием *sine qua non*⁷⁰⁴. И уже за 40 лет пред сим я заявлял сие мнение тем благородным и благонамеренным людям, кои предпринимали тогда сделать пред императором Александром I самую серьезную попытку в пользу освобождения крестьян⁷⁰⁵. Впоследствии, занявшись изучением постановления о крестьянах, последовавшего в Пруссии в 1811 году⁷⁰⁶, я весьма естественно был приведен к мыслям, на коих основывается мой план. Всякий другой человек, занявшись этим делом, вероятно, был бы приведен к подобному заключению. Может быть, я занимался прусским положением с особенным участием, с особенною горячностью, потому что освобождения крестьян, так как и освобождения всей Пруссии, был главным виновником незабвенный Штейн, которого я знал коротко, любил и уважал от всей души.

Если бы те лица, кои составляли новое Положение, были издавна приготовлены к исследованию вопроса освобождения; если бы они могли подробнее узнать те действия, кои различные методы освобождения имели на самом опыте в других странах; если бы они могли иметь сношения и совещания с некоторыми из тех людей, кои были или главными деятелями, или разумными свидетелями освобождения; то предположения их как о наделах землею, так, в особен-

ности, о выкупе, были бы, вероятно, иные. Но этого не было и быть не могло, потому что вопрос освобождения был у нас поставлен почти неожиданно. Никто не был приготовлен к разрешению. Тут, если есть что-либо удивительного, то это столь скорое и успешное развитие сего вопроса в русской литературе, заслуги коей в сем отношении были весьма велики. Прусское законодательство не скрылось от её внимания. Превосходная статья г. Самарина⁷⁰⁷ (одного из членов Редакционных комиссий), помещенная в трёх номерах «Сельского благоустройства», весьма удовлетворительно и с отличным искусством изъясняет всю сущность сего постановления. Я сожалел только, что автор ограничился изложением прусского законодательства и не сделал никакого заключения о применении тех же начал в России. И так прусское законодательство было особенно и вполне известно Редакционным комиссиям, не менее, как и законы по сему предмету других земель. К сожалению, оно не проникло в их убеждения, и г. Ростовцев, когда в разговоре с ним о деле освобождения крестьян я ссылался на благодетельные последствия сего законодательства, сказал мне: «Что Пруссия? Это только две или три наши губернии!» — «Конечно, Пруссия была необширна в 1811 году и увеличилась только впоследствии. Но дело не в пространстве, а в принципах», — заметил я. Впрочем, г. Ростовцев, горячо и честно взявшийся за порученное ему дело и падший жертвою своего усердия, равно как и все другие защитники выкупа и больших наделов землею, желали лучшего. И я желал бы и больших наделов и выкупа, если бы постоянное и долговременное размышление, подкрепляемое свидетельством опыта, давно уже меня на сей счет не разочаровало!

Главные основания прусского положения о крестьянах 1811 года весьма просты и ясны: крестьянам предоставлялась в полную и безусловную собственность половина земли, ими занимаемой и обрабатываемой, за повинности в пользу помещика. Другую половину они обязывались уступить или возвратить помещику, и сия уступка должна была служить выкупом за повинности, коими крестьяне были обязаны помещику. Вместе с сим помещик, присоединив к своей земле половину земли крестьянской, освобождался со своей стороны от всех обязанностей к крестьянам в отношении содержания в надлежащем виде их домов и пр. и пр. Жилища крестьян, или, справедливее сказать, их усадьбы, оставались за ними без всякого вознаграждения в пользу помещика.

Притом крестьянам было предоставлено право вместо отвода половины земли помещику в натуре заплатить за оную деньгами, по определенной оценке; для чего правительство ссужало крестьянам взаимные нужные суммы.

Сии распоряжения касались до всех крестьян вообще, как до тех, кои жили на помещичьих землях по контрактам, т. е. имели только временное пользование землею, так и до наследственных, т. е. для тех, кои имели право передавать пользование своим наследникам; с тою разницею, что сии последние обязывались возвратить помещику не $\frac{1}{2}$, но только $\frac{1}{3}$ занимаемой ими земли.

Желяя следовать в точности прусскому положению, пришлось бы предоставить русским крестьянам одну половину, если не $\frac{2}{3}$ их надела землею, оставив за ними сверх того их усадьбы. Великий и превзошедший все ожидания успех прусского положения, коего я был свидетелем уже в начале 1824 года и который ещё более ознаменовался впоследствии, мог бы привести меня к таковому плану и для России. Но во главе всех моих предположений всегда было: оградить прежде всего личность русского крестьянина, в чем крестьяне прусские не имели столь же крайней необходимости; снять с них тяжёлое иго крепостного состояния, которого в Пруссии не было. И теперь для меня утешительно видеть, что Манифест 19 февраля и новое Положение наиболее благотворны именно этим, так сказать, воскресением русского крестьянина к новой, человеческой жизни.

Вместе с сим я находил, что земельные наделы различны в различных местностях и что в имениях оброчных обыкновенно наделов определенных не существует, крестьяне владе[ют] всею землею оброчного имения. Прибегать же к определению и измерению наделов для меня казалось просто страшным, будучи твердо убежден, что в России законоположения сего рода должны быть сколь возможно просты, несложны, удобоисполнимы и удобопонятны для всех и каждого. Редакционные комиссии, конечно, совершили этот гигантский труд определения и распределения наделов, с *вышшими и низшими* размерами; и, приняв правилом необходимость такого определения и распределения, конечно, было невозможно разрешить задачу точнее, справедливее, одним словом, лучше. Но самый этот успех Редакционных комиссий в разрешении трудной задачи подтвердил прежнее мое убеждение, что таких подробностей следовало бы избежать. И в моем плане, конечно, встречаются большие затруднения, именно,

в отводе крестьянам их малого надела. Но таких затруднений избежать невозможно, коль скоро признано будет необходимым дать крестьянам сколько-нибудь земли сверх их усадеб.

Не менее затруднительным казалось мне ввести некоторую пропорциональность наделов ко всему количеству земли, к селению принадлежащему. Тут опять явилась бы необходимость бесконечных исчислений, размежеваний, необходимость именно всего того, чего в России наипаче избегать должно.

Отстраняя, таким образом, те методы, кои были наиболее сложны и затруднительны в исполнении, я пришел, наконец, к заключению: предоставить крестьянам $\frac{1}{3}$ всей сельской земли в их собственность.

Но так как таковое наделение было бы необходимо сопряжено с великим неравенством наделов и часто с большим ущербом для помещиков; то я, не останавливаясь на определении *высших* и *низших* размеров (*minimum et maximum*), которое опять вовлекло бы исполнение в разные затруднения и неудобства, решился ограничить сию $\frac{1}{3}$ тремя десятинами на тягло или $1\frac{1}{5}$ десятины на душу, как *maximum*; так что там, где $\frac{1}{3}$ всей сельской земли не составит сего 3-х десятинного надела на тягло, крестьяне должны довольствоваться и меньшим количеством земли.

Надел, конечно, весьма ограниченный. Но мысль о преображении крепостного крестьянина в человека свободного превозмогла все другие мои соображения!

Отличительная черта прусского положения 1811 года есть безвозмездность крестьянского надела.

Полную справедливость безвозмездного надела землею крестьян я признавал всегда. Изучение хода крестьянского вопроса в Пруссии утвердило меня в сем убеждении. Когда в 1808 году дело шло в Пруссии о предоставлении в собственность земли крестьянам, на казенных землях живущим, государство было в самом бедственном положении и некоторые из занимавшихся сим делом лиц находили полезным и справедливым наложить на крестьян некоторый выкупный платеж. Министр Шроттер остановился и доказывал, что без[воз]мездное наделение крестьян землею, дав им возможность улучшить быт свой скорее и в более сильной мере, будет гораздо выгоднее не только для них, но и для самого государства. Первый министр Штейн согласился с Шроттером, изложив свои доводы в особой, краткой записке, отличающей-

ся, как и все, что истекало из пера его, здоровым, глубоким пониманием выгод государственных. Тогда же было решено и постановлено, что принципов безвозмездного наделения должен быть приложен и к крестьянам, на помещичьих землях живущим. В подкрепление сего правила безвозмездности славный историк Нибур вошел в исторические исследования о поземельном владении и доказал, что в начале земли, на коих живут крестьяне, принадлежали не кому другому, как самим крестьянам, и что это и не могло быть иначе. И у нас, когда журналы могли обсуждать вопрос сей, в одной статье «Сельского благоустройства» весьма основательно было доказано, что крестьяне, в точности, суть совладельцы земель, кои они обрабатывают.

При открытии вопроса освобождения в России общим мнением было признано, что наделение крестьян землею может совершиться не иначе как посредством выкупа. Так как выкуп не мог быть сделан на счет казны, то следовало, что выкуп падал на самих крестьян. Видя, таким образом, с одной стороны, всеобщее желание денежного вознаграждения в пользу помещиков за предоставляемую землю крестьянам; а с другой, отвергая безусловно всякий выкуп земли самими крестьянами, я пришёл к заключению, что несмотря на затруднительное положение финансов в теперешнее время, правительство наше может, однако же, взять на счет казны известный капитал для приведения в действие великой и — в финансовом отношении для казны весьма выгодной — меры освобождения, выдав помещикам известное умеренное вознаграждение за крестьянские земли. Изыскивая меру сего вознаграждения, я всего более должен был соображаться с выгодами казны, и основываясь на расчетах, по коим выдаются суммы под залог помещичьих имений, я пришёл к цифре 26 руб[лей] сер[ебром] за каждую десятину.

Сие возмездие, по моему плану, следовало к уплате чистыми деньгами только тем помещикам, коих имения не были в залоге. С заложенных в опекунских советах имений следовало сложить соразмерную часть долга. Вся выкупная сумма, как за заложенные, так и за незаложенные имения, составляла 264 мил[лиона] руб[лей] сер[ебром]; 36 миллионов предназначалось на покупку земель от мелкопоместных помещиков; причем крестьянам их оставлялась земля по общему правилу. Таким образом, весь капитал, падавший на казну, составлял 300 миллионов руб[лей] сер[ебром]. Так как заложенных в опекунских советах имений гораздо более, нежели незаложенных,

то на уплату владельцам сих последних потребовалось бы не более как сто миллионов чистыми деньгами, и заем, необходимый для сей уплаты и для заплаты за земли мелкопоместных помещиков, мог бы ограничиться суммою 150 миллион[ов] руб[лей] сер[ебром].

ВОЗРАЖЕНИЯ ПРОТИВ СЕГО ПЛАНА

Рассмотрим теперь в некоторых подробностях различные возражения, кои были делаемы против моего плана.

Первое состоит в том, что сей план, предоставляя крестьянам известную часть земель, принадлежащих помещикам, нарушает право собственности сих последних.

Итак, если сие возражение основательно, то прямодушный и известный строгой честностью король Фридрих Вильгельм III⁷⁰⁸, его столь же честный, как и гениальный министр Штейн, его знаменитый канцлер Гарденберг⁷⁰⁹, все их в различных отношениях знаменитые сотрудники: Шроттеры, Штегеман, Нибур и пр. и пр. и, наконец, все добросовестные люди не только в Пруссии, включая в их число огромное большинство самих помещиков, но и все просвещенные люди Германии и даже Европы, кои рукоплескали благому законоположению, — все они были нарушители «священных прав собственности»!!

Очевидно, что возражение при малейшем размышлении обращается в пустую фразу, а в России во что-то хуже пустой фразы, когда мы вспомним более нежели двухвековые страдания русского крепостного человека под незаслуженным и даже не законом, а более обычаем установленным игом рабства!

Нет! нет! император русский имел полное, неоспоримое право, доходящее до обязанности, и пред Богом, и пред собственной своей совестью, и пред совестью всех честных людей в мире уделить освобождаемым крестьянам часть той земли, которую отцы и прадеды их и они сами так долго орошали всегда своим потом и слишком часто своею кровью.

Но допустим на минуту основательность сего неосновательного, резко безнравственного возражения и положим, что правительство, объявив несколько раз, что земля принадлежит помещикам, не могло или не хотело прямо и просто даровать крестьянам части сей помещичьей земли. Что в сем случае оставалось сделать правительству?

Оно не могло и не хотело ограничиться личным освобождением крестьян, без земли и даже без усадеб. Это ясно и неоспоримо. Итак, оно могло обратиться только к средству выкупа. Но непосредственный, немедленный выкуп чрез добровольные ли сделки или на основании правил, правительством указанных, был, очевидно, невозможен, несбыточен. Таким образом, правительство принуждено было прибегнуть прежде всего, к обязательному наделу крестьян землею, обязательному как для помещиков, так и для крестьян. Отстраняя крестьян, на коих обязательность возлагается единственно в выгодах помещика, мы определим только обязательность надела в отношении к сему последнему. Что значит для него сей обязательный надел? Такой надел есть не что иное, как принудительное отчуждение части его земель, его «собственности», в пользование постоянное крестьян. Начало, принципов так называемого «священного права собственности» нарушается в сем случае точно так же, как и в первом случае, т. е. при даровании крестьянам части земли. Обстоятельство, что земля предоставляется крестьянам в пользование за повинность, т. е. за работу или за оброк, не опровергает нашего заключения, тем более, что и сия повинность не предоставляется ни на волю помещика, ни на добровольное соглашение его с крестьянами, а предопределяется законом.

Из сего следует, что возражение, на нарушении права собственности основанное, если оно будет допущено, равно должно быть прилагаемо и относимо как к нашему плану, так и к новому Положению о крестьянах, правительством изданному, и будет всегда прилагаться ко всем, каким бы то ни было постановлениям, основанным на освобождении крестьян с землею.

Другое возражение, которое было неизменно делаемо против моего плана, состоит в том, что крестьяне получают слишком мало земли.

Так, конечно. Но эту малую часть крестьяне получают даром! Если у крестьян будут средства, деньги, то они будут покупать для себя землю. В противном случае они будут её нанимать или сами наниматься в работу у помещиков по вольным ценам.

Если же правительство находит, что при таком ограниченном наделе и при таком вольном труде участь крестьянина не обеспечивается надлежащим образом, то ничто не мешало, как мы сказали выше, упрочив за крестьянами предлагаемый мною надел, оградить его

большим полевым наделом на тех же основаниях, какие приняты в новом Положении; т. е. так, чтобы крестьянин, получив предлагаемый мною надел, имел то же право на постоянное пользование или даже на выкуп надела, новым Положением устанавливаемого*.

Можно было бы идти далее и предоставить на выбор крестьян: или удовольствоваться моим малым наделом, или, отказавшись от одного, требовать большего, по новому Положению, надела. Это было бы для крестьян стеснительно; но, по крайней мере, таким постановлением отстранялся бы не только всякий повод к возражению, в ограниченности надела состоящему, но и то возражение, которое можно было предвидеть, на стеснении помещиков основанное.

Таким образом, возражение, на ограниченности наделов основанное, если бы оно было принято в уважение, могло быть отстранено теми самыми постановлениями, кои ныне узаконяются правительством.

Ещё одно возражение против моего плана состояло в том, что при теперешнем положении финансов было бы затруднительно для правительства употребить 300 миллионов руб[лей] сер[ебром] на дело освобождения.

Здесь мы не можем не заметить, что австрийское правительство, коего финансы уже и в 1849 году были в великом расстройстве, сумело тогда посвятить по крайней мере 500 миллион[ов] гульденов, т. е. более 300 мил[лионов] руб[лей] сер[ебром] на дело освобождения или, справедливее сказать, на упрочение за крестьянами их земель, между тем, как сей вопрос не представлял для Австрии той жизненной, все превышающей важности, каковую он представлял ныне для России; не говоря уже о том, что благодеяние распространялось в России на несравненно большее число людей.

Сверх сего, скорое и решительное устройство у нас самобытных крестьян и их вольного труда обещало в непродолжительном времени такого развития и усиления в промышленности и, следовательно, такого приращения в доходах государственных, что пожертвование со стороны правительства 300 мил[лионов] руб[лей] сер[ебром] обратилось бы, так сказать, в ссуду, и уплата сей ссуды косвенным об-

* Подобное дополнение к моему плану было уже предлагаемо. См. *Un dernier mot sur l'émancipation des serfs en Russie*. p. 74. Paris, 1860. [Последнее слово об освобождении рабов в России — *фр.*] — *Примеч. Н. И. Тургенева.*

разом последовала бы гораздо в менее продолжительный срок, нежели 49 лет, признаваемых необходимыми для погашения выкупных капиталов.

Сего недовольно. Пристальнее рассматривая дело, мы найдем, что правительство имеет уже в руках своих нужные суммы для уплаты процентов и для погашения не только 150 мил[лионов], кои следовало бы занять, но и всего капитала 300 мил[лионов] руб[лей] сер[ебром] и именно:

Принимая на себя выдачу помещикам банковых билетов и выкупных свидетельств, равно как и обязанность платить по оным следующие помещикам проценты, и определяя, что крестьяне будут вносить выкупные платежи прямо в казну, вместе с другими налогами, правительство весьма здраво предвидело, что по сим последним платежам неизбежно явятся недоимки. Для покрытия сих недоимок оно приготовило некоторые источники по управлению государственных имуществ, долженствующие приносить правительству известные суммы, кои, по словам г. Ростовцева, могут простираться до 15-ти мил[лионов] руб[лей] сер[ебром] ежегодно. Таких средств, конечно, было бы достаточно и для уплаты процентов по сделанному долгу, и для погашения оного.

Итак, исчисленные здесь возражения против моего плана не включают в себе ничего особенно уважительного. Но новое возражение может быть выведено из самого положения, коим устраивается крестьянское дело, и именно из того узаконения, по коему крестьяне обязываются принимать определенный для них надел земли и платить за оный работою или оброком; между тем как по моему плану крестьянин, получивший полагаемый мною надел, мог немедленно отказаться от всяких иных поземельных наделов.

Возражение было бы справедливо. Но мы в оправдание сошлемся на основное начало, которое, казалось нам, было вообще принято, оглашено торжественным изъяснением С[анкт]-Петербургского дворянства и, наконец, самым Манифестом 19-го февраля, и в том состоящее, что личность крестьянина не может подлежать никакому выкупу, следственно, никакому в пользу помещика налогу и что благородное российское дворянство вообще добровольно отказалось от всяких прав на личность крепостных людей.

Конечно, обязанность принимать землю в пользование имеет свои пределы, и по истечении 9 лет крестьяне будут вправе отказываться

от полевых наделов. Не менее того сия обязанность, хотя и временная, не согласна с постановленным и провозглашенным основным началом.

Мы весьма хорошо понимаем, что таковое отступление от принятого правила имеет свои причины: законодатель искал, по возможности, обеспечить владельцев в таких краях, где земли вообще весьма плохи и где их весьма много. В таких местностях наём и выкуп земли может быть весьма мало привлекателен для крестьян. Но нам кажется, что привязанность русского крестьянина, так как и всякого человека, к своей родной земле, на которой он доселе жил и которая его, дурно или хорошо, кормила; что привычка вообще привела бы крестьян к желанию и нанять, и приобрести землю, если, впрочем, цена не будет превышать действительной её стоимости. Нам кажется также, что и в сем случае крестьяне не оправдали бы тех опасений, кои возникли в мнении общем и выразились, наконец, в постановлениях законодателя.

Но если бы и встретились такие случаи, в коих крестьяне не захотели бы ни нанимать, ни выкупать своих полевых наделов даже и за самую умеренную плату, что, впрочем, может быть только весьма редким исключением; то справедливее и полезнее было бы, прежде всего, исследовать сии случаи и потом, исчислив и определив оные, предоставить владельцам некоторое возможное вознаграждение, справедливее и полезнее, нежели, провозгласив основным началом полное освобождение личности крестьянина, немедленно отступать от сего начала.

Другое возражение, которое может быть выведено из нового Положения против моего плана, состоит в том, что сей последний не говорит ни о каком содействии крестьянам в деле выкупа земель со стороны правительства. Возражение было бы справедливо; но, несмотря на сие, оно не довольно значительно для того, чтобы, основываясь на нем исключительно, отказаться от плана. Неужели русское казначейство дошло до такой крайности, что оно не в силах сделать того, что Австрия сделала в 1849 году⁷¹⁰, что Пруссия сделала в 1808 г.⁷¹¹, т. е. в годину самую бедственную её государственного бытия? Правительство, как мы видели, нашло до 15 мил[лионов] для покрытия ежегодных недоимок по делам выкупа. Посредством сбережений, не только по управлению государственных имуществ, но и по другим ведомствам, посредством продажи некоторых оброчных статей, даже

посредством займа иностранного или, наконец, посредством уплаты обыкновенными государственными 5-ти процентными билетами, казначейство, конечно, нашло бы возможность ссужать крестьянам нужные для выкупа деньги, и сие тем более, что при моем плане крестьяне требовали бы содействия правительства гораздо реже, нежели при новом Положении.

ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯН И ПОМЕЩИКОВ ПО СЕМУ ПЛАНУ И ПО НОВОМУ УСТРОЙСТВУ

Теперь да позволено нам будет сравнить то положение, в коем крестьянин нашелся бы, при его освобождении, по нашему плану, с тем, в коем он находит себя по новому устройству.

По обнаружении моего плана, в продолжение одного года крестьянин мог бы вступать во всякие полюбовные сделки с помещиком насчет приобретения земли и т. п.

Крестьяне могли бы решаться на сии сделки с тем большею отчетливостью, что они знали бы наперед, какой надел их ожидает, если они в такие сделки не вступят. Таким образом, они могли бы размыслить и обсудить, до какой степени для них выгоднее или заключить добровольный договор с помещиком, или ожидать надела землею, планом моим им предоставляемого.

В тех имениях, в коих по прошествии года таких сделок между помещиком и крестьянами заключено не будет, крестьяне получили бы $\frac{1}{3}$ всей сельской земли, включая и усадьбы, треть как по количеству, так и по качеству, но с тем, чтобы сия треть не превышала 3-х десятин на тягло или $1\frac{1}{5}$ дес[ятин] на душу.

По отводе сего надела, для чего при надлежащем тщании достаточно было бы одного года, крестьяне всех местностей делались совершенно независимыми от помещика и только по добровольным соглашениям могли или приобретать, или нанимать, или обрабатывать помещичью землю.

В таковом положении крестьян свободный переход их с одного места на другое не встречал бы иных препятствий, кроме тех, кои, будучи вне пределов всякого крестьянского устройства, зависят от других государственных узаконений, заключааясь в подушном окладе, в рекрутской повинности в теперешнем её виде. Таковая бóльшая

возможность переходить с одного места на другое необходима для основания настоящего вольного труда крестьян, в отношении коих все надежды действительного улучшения их быта сосредоточиваются наиболее в сем вольном труде.

Таким образом, крестьяне по прошествии только двух лет могли бы быть свободными, получив в личную собственность их усадьбы и в общественное владение остальную часть их надела.

По новому Положению состояние крестьян, как мы видели выше, будет следующее:

Все крестьяне вообще удерживают свои усадьбы и получают известный надел землею, для обеспечения их в продовольствии и в исполнении повинностей.

Крестьяне барщинные должны оставаться на барщине в продолжение 2-х лет. Конечно, барщина против прежнего облегчается в сильной степени. Через 2 года они переходят на оброк.

Крестьяне оброчные обязаны платить известный оброк, рассчитанный по количеству земли, кою они наделяются.

Крестьяне имеют право выкупать свои усадьбы.

К выкупу полевого надела крестьяне приступать могут не иначе как с согласия помещика.

Выкупный оброк вообще с некоторыми, может быть, исключениями равняется оброку обыкновенному, так что, например, капитализируя по 6 % 9-рублевый оброк, выйдет капитала 150 руб[лей] сер[ебром], а шестипроцентный выкупный платеж с оного составляет также 9 руб[лей] сер[ебром]. Сей выкупный платеж совершается в продолжение 49 лет.

Сии различные обязанности, налагаемые на крестьян: обязанность оброка или работы, обязанность платить выкупный оброк, продолжая привязывать их к общине, к земле, необходимо должны быть стеснительны для перехода их с одного места на другое и чрез то препятствовать основанию настоящего вольного труда.

Сравнивая состояние крестьян по моему плану и по новому Положению, мы найдем, что в сем последнем крестьяне находят ту выгоду, что они обеспечиваются достаточным, по возможности, наделением земли. Но мы изъяснили выше, что таковое обеспечение могло бы быть даровано крестьянам и при нашем плане. Что ж касается до выкупа земель крестьянами, то новое Положение едва ли представляет какие-либо особенные удобства или выгоды для крестьян против на-

шего плана, так как выкуп, завися от согласия помещика, превращается просто в добровольные сделки, моим планом равно принимаемые. Между тем очевидно, что относительно *вольного труда* наш план представляет для крестьян более возможности, более простора, нежели новое Положение.

Таким образом, мы не можем не заключить, что наш план был бы выгоднее для крестьян; выгоднее уже потому, что они получили бы небольшой свой надел безвозмездно.

От крестьян обращаясь к помещикам, мы не можем прийти столь прямо и просто и с тою же ясностью к заключению, что и для сих последних наш план равномерно выгоднее, нежели новое Положение. Не менее того мы представим некоторые соображения в подкрепление такового заключения.

По уничтожении крепостного права выгоды помещика, здраво понимаемые, могут состоять не в удержании каких-либо следов и оттенков прежнего крепостного состояния, отношений, истекающих из разрушенного порядка и напоминающих прежнюю неволю и прежнее полновластие; но, напротив того, в упрочении для крестьян возможно полной самостоятельности и независимости. Тут не может быть той *благой среды* (*juste milieu*⁷¹²), которая так привлекательна для людей, желающих избегать так называемых крайностей, ищущих её везде и во всем, и иногда даже между очевидным добром и очевидным злом, между очевидной правдой и очевидной ложью*. В отсутствие крепостного права для помещика гораздо выгоднее иметь дело с самостоятельным соседом, который или купит, или наймет его землю, или будет её обрабатывать по вольным ценам, нежели с полувольным, временно-обязанным, бывшим его крепостным крестьянином. Если бы неизбежные столкновения, кои будут встречаться между помещиками или крестьянами в продолжение сего переходного девятилетнего периода, могли совершенно прекратиться по прошествии сего срока и без дальнейших неудобств, не оставляя неприязненных следов, то отношения, свойственные лицам вполне независимым одно от другого, могли

* «Дважды два четыре», говорит А. «Дважды два шесть», говорит Б. «Не вдавайтесь в крайности; лучше держаться середины», восклицает С. «Дважды два не четыре и не шесть, а ровно пять!». — *Примеч. Н. И. Тургенева.*

бы ещё впоследствии водвориться между помещиками и крестьянами. Но, к сожалению и по всем вероятностям, сии столкновения, сии более или менее принужденные отношения между помещиком и крестьянином должны породить между ними некоторое взаимное недоброжелательство, взаимное раздражение, кои помешают — и, может быть, надолго — окончательному утверждению мира и благоволения между двумя сословиями, благоволения, столь необходимого для обоюдного их благосостояния.

Крестьяне смиренно покорялись всему при безответности и при полной несправности бывшего их крепостного состояния. Не то будет при полусвободе временнообязательного их состояния.

Идя далее в рассмотрении вопроса и ограничиваясь тем, что содержится в нашем плане, т. е. простым отводом крестьянам трёхдесятинного надела с усадьбами на тягло, и, отстраня всякие иные наделы, предназначенные для обеспечения крестьян в их существовании, мы спрашиваем: не лучше ли было бы для помещика отделить такой надел крестьянам немедленно и раз и навсегда и остаться, также немедленно, полным владельцем всей остальной сельской земли, нежели отводить гораздо более значительный надел землею, с правом или взимать известный оброк с крестьян, или получать выкупный платеж от правительства, имея притом в виду и уплату капитала по банковым билетам и свидетельствам? Нам кажется, что те помещики, кои сами занимаются своим сельским хозяйством, должны предпочесть всему иному скорую, окончательную, полную развязку их дела с крестьянами. В возможности свободно распоряжаться остальною, за малым наделом, землею помещичьею, они найдут более выгод, нежели в стеснительности переходного состояния крестьян или в уступке земли за выкуп, когда самое количество земли, в распоряжении помещика остающейся, значительно уменьшается.

Для тех помещиков, кои не живут в своих имениях и, следственно, не занимаются сами сельским хозяйством, продолжать получать почти прежний же оброк с крестьян за отведенные им по закону наделы может казаться выгоднее, нежели отделить им малый надел однажды навсегда и потом хлопотать об отдаче в наем остальной своей земли. Но здесь мы заметим, что и при больших, новым Положением узаконенных наделах, за помещиком всегда останется известное количество земли, об отдаче внаймы или об обрабатывании коей вольным трудом он также будет обязан хлопотать. Таким образом, хлопоты

неизбежны, как при малом, так и при большом наделе. Впрочем, отдать остальную землю внаем помещик может только тем же самым крестьянам, кои получили от него надел, если только они на то будут согласны. Отдать крестьянам посторонним будет невозможно, не подав повода к столкновениям и даже к сопротивлению со стороны тутошних крестьян, кои в притязаниях своих будут ссылаться на то, что платят сему же помещику оброк за их наделы. Принимая в соображение все сии обстоятельства, нельзя не заключить, что и для таких помещиков, отсутствующих из своих имений, было бы выгоднее, отделившись совершенно от крестьян малым, безвозмездным наделом, стать в возможность свободно располагать остальною сельскою землею без всякого препятствия и прекословия.

У нас говорят иногда об отдаче имений в аренду. Нам кажется, что сие средство получать доход с имений может быть с пользою и безопасностью употреблено тогда только, когда все отношения по владению или пользованию землями окончательно прекратятся между помещиками и крестьянами. Дотоле, особливо при так называемом переходном состоянии, прибегать к арендной методе будет совершенно невозможно.

Самая существенная и, в особенности, привлекательная выгода, представляемая для помещиков новым Положением, состоит в выручке, посредством выкупа, рано или поздно, капитальной суммы, в возмездие за крестьянские наделы. Но сия выручка будет необходимо зависеть от большей или меньшей уступчивости помещиков. Крестьяне вряд ли будут выкупать землю по дорогой цене. И так помещик, желающий выкупа, желающий выручить капитал, должен будет понизить цены. На такие низкие цены иные помещики, желающие иметь в более скором времени чистые деньги, конечно, согласятся, несмотря на то, что погашение билетов и свидетельств будет совершаться медленно. Но помещики расчетливые на низкие цены не согласятся, зная, что земли со временем будут возвышаться в ценах. Заметим мимоходом, что здесь усматриваем мы одно из многих затруднений методы выкупа и что 49-летний срок, полагаемый для окончательного освобождения крестьян с их землею, начинается токмо со времени сделки о выкупе; так что для тех крестьян, кои приступят к выкупу через 20 лет со дня сего, выкуп кончится с сего же дня чрез 69 лет и т. д., таким образом, всеобщий выкуп может не кончиться никогда.

Как бы то ни было, надежда выручить за уступленные земли ответственный капитал и существенна, и особенно привлекательна для помещиков. Но и по нашему плану помещики не остаются вовсе без возмездия: они получают 26 руб[лей] сер[ебром] за каждую десятину. Эта цена, для многих местностей, конечно, весьма недостаточная, будет, однако же, в некоторых местностях почти соответствовать полной стоимости земель. Впрочем, если цена не высока, то и количество земли, требуемое от помещиков, весьма ограничено, и если в странах, где земля хороша и дорога, сие вознаграждение помещиков наиболее скудно, то не следует забывать, что они удерживают за собой более сей хорошей и дорогой земли, нежели сколько оставляет за ними новое Положение, и при продаже сей земли впоследствии помещики выручат за оную, конечно, более, нежели сколько могут обещать им «банковые билеты» и «свидетельства».

Итак, принимая в соображение все те обстоятельства, в кои ставит помещиков новое Положение, и, настаивая особенно на первом из наших замечаний по сему предмету, касающемся до неопределительности взаимных отношений между помещиками и крестьянами не только в продолжение первых 9 лет, но и впоследствии, до самого выкупа земель крестьянами, мы, по совести, не можем признать, чтобы сие новое Положение было для помещиков выгоднее, нежели метода, нашим планом предлагаемая.

Для крестьян сия последняя, как мы показали, решительно выгоднее.

Что ж касается до выгод общих, государственных, то, по нашему глубокому убеждению, одна возможность основания настоящего *вольного труда*, покрывающая все недостатки нашего плана, заставляет нас держаться его более, нежели когда-либо.

Более, нежели когда-либо, я остаюсь также убежденным, что наделение крестьян землею должно быть для них безвозмездное. Если невозможно предоставить им достаточного количества земли, то надлежит дать им немного, но даром. Те из крестьян, кои будут иметь на то и охоту, и средства, будут покупать землю по вольным ценам. Если же сих средств не существует и для огромного большинства крестьян, вышедших из векового рабства, существовать не может, то позволение или даже право выкупать или, справедливее сказать, покупать землю, делу не поможет. Новое Положение ясно показывает,

что все главнейшие затруднения в желательном исполнении дела освобождения, все препятствия *вольному труду* проистекают наиболее от принятой методы выкупа*. Вольный труд всего дороже для крестьян, не говоря уже о выгодах его для государства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В самом начале мы заметили, что те, кои участвовали в составлении и начертании нового Положения, найдут для себя бремя негодования со стороны противников легким — теперь, когда успех увенчал их труд, столь же огромный, как и добросовестный. Но, намекнув на негодования, на сопротивления, проявлявшиеся, к сожалению, слишком резко и настойчиво во все продолжение обсуждения вопроса освобождения, — не могли ли мы тут же заметить, и заметить с некоторою доверчивостью, что всем сим спорам, всем недоразумениям, непониманиям, всем нападкам и клеветам, всем опасениям и страхам Манифест 19 февраля и самый устав положили решительный и счастливый конец?

* Известно, что в начале XIV столетия французский король Людовик X издал пышный указ об освобождении крестьян, который, однако же, не имел никакого действия и оставил народ в прежнем положении. Я нахожу в одном французском журнале, рассуждающем по-своему о Манифесте 19 февраля, следующие слова: «Un événement mémorable de l'histoire de France, l'ordonnance d'affranchissement des communes en 1315, offre beaucoup d'analogie avec l'ukase du 3 mars. Louis X se servait alors de termes bien plus énergiques que l'empereur de Russie: "Considérant que notre royaume est nommé le royaume des Franks, et voulant que véritablement la chose soit conforme au mot... avons ordonné que... tous les serfs puissent recevoir leur affranchissement à de bonnes et louables conditions... etc." ... On sait quel fut le résultat de cette ordonnance. La liberté paraissant mise à trop haut prix, personne n'en voulut profiter. C'est ce qui donna lieu à l'ordonnance qui parut quelques mois plus tard, où le roi ordonne "de tailler, autant qu'il sera possible, les sujets qui refusent de se racheter"». [Памятное в истории Франции событие — ордонанс 1315 г., освобождающий крестьянскую общину, — дает немало аналогий с указом 3 марта. Людовик X использовал тогда более сильные выражения, чем император России. «Учитывая, что наше королевство именуется королевством франков и желая, чтобы истинное положение вещей соответствовало бы слову, мы постановили, чтобы все рабы получили свободу при соответствующих условиях найма и т. д.». Известны последствия этого ордонанса. Свобода оказалась слишком дорогой, чтобы кто-то смог ей воспользоваться. Этот указ дал основание для ордонанса, появившегося несколько месяцев спустя, в котором король приказывал обложить максимальной пошлиной тех подданных, которые откажутся себя выкупать. — *фр.*] — *Примеч. Н. И. Тургенева.*

И подлинно: какой рассудок останется не убежденным, какое сердце нетронутым при чтении этого Манифеста, сего истинного благовестия освобождения? Он дышит чистым усердием к святому делу, любовью и благоволением к людям всех сословий.

А если этого не довольно, то пусть те, кои питают ещё некоторые сомнения, пусть взглянут они на непосредственный успех, коим увенчался славный подвиг государя-освободителя, т. е. на тот отголосок, коим провозглашение свободы отозвалось в душе освобожденного русского народа. Глубоко тронутый, глубоко обрадованный, он пребыл в каком-то благоговейном спокойствии, выражая и свое счастье, и свою признательность за неоценимое благодеяние с неизъяснимым достоинством, с разумною отчетливостью, со здоровым сознанием того, что для него сделано и что он сам делает.

Крестьяне русские всегда заслуживали свободы, потому уже, что они люди. Но если судьбами неисповедимыми они были лишены её и если трехвековое их закрепощение должно было породить различные уродливые предрассудки насчет их способности быть свободными, то теперь все следы сих бедовых предрассудков должны исчезнуть.

Поймут ли, наконец, и сами русские все это достоинство, все это величие русского простого человека? Авось, поймут! Но доселе они ни того, ни другого решительно не понимали. И прямым доказательством сему служит то, что в новом Положении, в Положении, сопровождающем Манифест, это *благовестие освобождения*, речь идет ещё о розгах!

Грустно, тяжело подумать, что из 20 членов Редакционных комиссий, людей по большей части образованных, просвещенных, на избрание коих указывало мнение общее, что из сих 20 человек нашлось более половины, кои думают, или, по крайней мере, думали, что с русским человеком без розог обойтись нельзя! Полагаем, что после свидетельств опыта, увидев, как народ принял, как понял и как оценил свое освобождение, ни одна рука не поднялась бы на написание розог в числе законных наказаний для таких людей.

Ещё несколько, немного лет — когда страсти успокоятся, когда умы просветлятся, когда люди будут научены самым опытом, — никто не будет жалеть минувшей старины; все, напротив того, будут удивляться, как такая чудовищная уродливость могла существовать так долго и как она не была уничтожена Петром I, Екатериною II, Александром I,

особенно после 1812 года. Останется в памяти народной воспоминание о вековом закреплении, как осталось воспоминание о вековом татарском иге. Для России это будет другой тяжёлый сон, от коего она пробудилась, так как пробудилась от первого. Для великого все велико: и зло, и добро. Россия пережила две бедовые эпохи, которые уморили бы иное государство. Испытав великое зло, да будет для неё отныне уделом столь же великое добро!

Как особенно не благодарить нам милосердное провидение за то, что великое дело освобождения совершается именно в нынешнее время, не позже, когда мы видим, что на другом краю света народ, справедливо гордившийся своим величием, своею гражданскою, политическою и религиозною образованностью, своею свободою, своими богатствами, — гибнет, и гибнет единственно от того, что основное законодательство сего народа, по какому-то роковому злосчастью, было заражено заразою рабства! Рабство, одно рабство, на наших глазах, губит народ Америки, не проживший ещё ста лет в своем обновленном быту и удививший уже, в это короткое время, весь свет своим беспримерным развитием, силою и могуществом, всеми успехами жизни народной и государственной. Дорого заплатит Америка и с нею, может быть, весь образованный свет за то, что сохранила в недрах своих это зло неправды и несправедливости*.

ОБ УПРАВЛЕНИИ В ОСОБЕННОСТИ

Преобразование всего быта 23 миллионов крепостных крестьян влекло за собою явную необходимость дальнейшего устройства управления сим многочисленным классом российских подданных. Сей предмет не входил, как видно, в состав занятий Редакционных комиссий, которые ограничились токмо установлением некоторых присутствий и назначением чиновников, необходимых для приведения нового Положения в надлежащее исполнение. Между тем проявлялись, однако же, некоторые проекты по части управления освобождаемыми крестьянами. Одни думали о назначении по всему пространству империи особых генерал-губернаторов, уездных

* Все высказанное нами здесь есть выражение первых впечатлений по получении Манифеста. — *Примеч. Н. И. Тургенева.*

начальников, уездных и губернских присутствий; другие об учреждении особого главного управления. Сия последняя мысль казалась весьма простою и естественною, так как в России существуют уже особые управления для имений удельных, для государственных имуществ и пр. и пр. Но таковое раздробление сил правительственных было бы очевидно сопряжено с самыми великими неудобствами. Выделив из общего государственного управления почти одну половину всего народонаселения и подчинив сию половину трем различным управлениям или министерствам, независимым одно от другого, общее государственное управление ограничивалось бы токмо другою половиною государства.

Рескрипт государя к достойному его брату в. кн. Константину Николаевичу⁷¹³ положил в этом отношении конец всем недоумениям, всем более или менее несбыточным предположениям. По сему рескрипту учреждается особый Комитет, который займется делами всех крестьян вообще.

Сия мысль сосредоточения устройства управления всех вообще крестьян в России, всего земледельческого класса, в одном месте может и должна быть обильна в благотворных последствиях.

Так как вопрос освобождения крестьян неразрывно связан с вопросом их управления, то мы не можем не сказать нашего мнения и по сему последнему предмету. Мы вполне знаем, что мнения и слова наши не могут иметь никакого действия на ход самых дел. Это не помешало нам, однако же, написать с дюжину брошюр, журнальных статей и писем, которые едва ли кто-нибудь читал, — и те, кои знают всю силу глубоких и искренних убеждений, особенно по предметам столь важным, каково есть святое дело освобождения крестьян, те не удивятся моей настойчивости и поймут, что я мог и должен был продолжать идти все тем же и тем же путем, хотя и без надежды дойти когда-либо до желанной цели.

Мы не знаем совершенно ничего о новом Комитете, кроме того, что он должен существовать. Планы, предположения, методы, начала и правила, какие сей Комитет принять может — все это для нас неизвестно. Итак, мы можем изложить только некоторые из наших желаний касательно сего Комитета, наши *pia desideria*.

Прежде всего, мы желаем, и желаем с надеждою, чтобы Комитет облек себя преимущественно в характер христианского человеколюбия, справедливости и благоволения в отношении к тем людям, коим

дозволяется теперь впервые дышать и действовать, как подобает свободным созданиям.

Несмотря на все доблестные качества простого русского народа, вековая неволя, вековая безграмотность не могли не оставить на нем самых печальных следов. Новое преобразование неминуемо повлечет за собою множество недоумений, непониманий, кривых толков и, наконец, беспорядков. Русские крестьяне достаточно показали и свое смирение, и свое долготерпение, как в продолжение их векового закрепощения, так особенно в четырехлетнее ожидание обещанного им блага и, наконец, — и это явление есть самое убедительное, — по обнаружении их освобождения, для того, чтобы всякий добросовестный человек мог и долженствовал быть уверен в их незлонамеренности при всех или при большей части таких, может быть, неизбежных беспорядков. По сию пору, т. е. при существовании крепостного права, одна сила, т. е. насилие могло сохранить необходимое для государства спокойствие. Толковать, вразумлять было невозможно; потому, что никогда и никого не было возможности убедить в справедливости рабства, в справедливости совершенного бесправия и т. д. Посему печально, но понятно, что у нас одни опасения возможных беспорядков вызывали немедленно самые строгие, бесчеловечные меры укрощения и даже только предупреждения. Теперь не то. Теперь вы можете с крестьянами рассуждать, можете их вразумлять; и если наше сельское духовенство, к сожалению, не в силах поучать и назидать своих прихожан, то предпишите ему, по крайней мере, просто читать по воскресеньям, в церквах, Манифест 19 февраля и будьте уверены, что чтение сего *благовестия* не останется без действия на крестьян, что оно тронет сердца их так, как на моих глазах оно тронуло сердце некоторых просто человеколюбивых иностранцев, и — что не портит дела — иностранных ученых, академиков, и как, наконец, оно тронуло до глубины мое собственное сердце.

Массы народные, конечно, не могут вполне и ясно понять и обнять нового устава, когда мы сами должны были прочесть новое Положение несколько раз и с большим вниманием, дабы ознакомиться с ним надлежащими образом. Литература наша, всегда стоявшая за святое дело освобождения, могла бы поспешить на помощь непонимающих, недоумевающих и сомневающихся; но едва ли цензура допустит такое пособие. Между тем крестьяне будут пребывать в прежнем недоумении, в прежних сомнениях и готовы будут слушать

и честных и нечестных толкователей и советников. Войдите в такое положение крестьянина: как он может различить советника честного от злонамеренного? Цензура отстраняет единственно советников честных, ибо другие не прибегают к гласности и их, т. е. людей злонамеренных, она отстранить не может. Итак, цензуюю вы отстраняете людей, могущих быть для крестьян весьма полезными, и предаете их в жертву людей нечестных и злонамеренных.

Мы особенно настаиваем на пользе и необходимости сего характера человеколюбия и благоволения в делах крестьянского управления, между прочим, и по той причине, что сей характер равно благодетелен в управлении людьми вообще, следственно, в государственном управлении. Нельзя же, поистине нельзя браться за управление людьми и вместе с тем питать к сим людям какую-то недоверчивость, как бы бояться их, подозревать в них или недоброжелательство, или неприязненность; одним словом, видеть в них каких-то илотов, всегда готовых на возмущение против установленных властей. И какая польза в этих страхах? Они ли спасут или могут спасти правителя? И спасти от чего? От призраков собственного его воображения, а не от действительной опасности, которой, может быть, вовсе не существует. Нет! Нет! Порядок общий, государственный, ограждается не мерами внушаемыми, или опасениями, или недоверчивостию к народу; он ограждается просто установленными законами, даже и самыми плохими, лишь бы сии законы были исполняемы, хотя мало-мальски порядочным и добросовестным образом. Россия не может похвастаться ни весьма хорошим гражданским, уголовным и полицейским законодательством, ни правильным судопроизводством и разумной администрацией; но между тем так называемый порядок общественный вообще везде существовал и не был нарушаем. И к сему-то народу, который и при таком законодательстве умел сохранить общий порядок и спокойствие, будут иметь недоверие, будут ожидать от него всякого рода беспорядков и неистовств и, для предупреждения оных, прибегать к мерам стеснительным для его жизни гражданской, для его развития, для его преуспевания, к средствам, не допускающим в нем собственного сознания и его человеческого достоинства, и того призвания, которое предназначено ему, так как и всем народам, по воле самого Провидения!

«Верьте в народ!» — скажем мы всем сильным земли, призванным управлять народами. Предоставьте ему все средства человеческого и

гражданского развития и укрощайте только тех, кои подлинно нарушают общественный порядок; укрощайте только тогда, когда они его действительно нарушают, а не прежде, по предположениям, подозрениям, доносам, клеветам и пр. пр., укрощайте, наконец, не сами — это не согласно с вашим призванием, — но посредством закона, законным порядком и в законных пределах.

Обращаясь к некоторым подробностям, мы укажем на необходимость издать для руководства крестьян сокращенные извлечения из местных положений. В немногих словах можно изъяснить то, что в особенности касается в каждой местности до крестьян барщинных и оброчных, до наделов землею, до усадеб и выкупа оных, до выкупа полевых наделов, до суммы оброков, выкупных ссуд и платежа по оным так, чтобы каждый крестьянин, где бы он ни находился, мог узнать, по крайней мере, в главных обстоятельствах: в какое положение он поставляется и каким образом может или выйти из оногo, или выкупить усадьбу и землю. Узнав из краткого «извлечения» главное, он может прибегнуть, для узнания всех подробностей, к подлинному «Положению». Такое «извлечение», не более как на двух или трёх страницах, может быть читано крестьянам на сходках и даже в церквях.

Ограничиваясь в изъяснении наших желаний только теми предметами, кои могут подлежать усмотрению Комитета без нарушения правил, в новом Положении содержащихся, или, по крайней мере, без решительного противодействия сим правилам, мы желали бы обратитъ благосклонное внимание Комитета на постановления, касающиеся до перехода крестьян с одного места на другое.

Вопрос о переходе крестьян во многих частях относится к управлению. Быв разрешен в главных началах самым уставом, он не престаёт подлежать в других случаях обсуждению, рассмотрению и решению власти правительственной, т. е. именно учрежденному для дальнейшего устройства и управления крестьян Комитету.

Важность сего вопроса столь же велика, как и очевидна. Право жить там, где кто хочет, право переменять местожительство, одним словом, право двигаться, ходить, переходить, уходить и возвращаться есть самая существенная принадлежность свободного человека. От права и возможности свободного перехода зависит более, нежели от чего иного, основание вольного труда, так что чем более существует возможности вольного перехода, тем более будет вольного труда.

Вольный труд не основывается одним устранением крепостного права. Иные причины, независимо от воли помещика, могут препятствовать основанию для крестьян вольного труда. Не одна крепостная зависимость мешает крестьянину оставить место своего жительства и идти искать работы в других местах, т. е. прибегать к вольному труду. Крестьяне могут быть прикрепленными к земле, даже и по уничтожении крепостного права, множеством других постановлений. Прикрепление же к земле, от чего бы оно ни происходило, несовместно с вольным трудом.

В настоящее время существуют различные препятствия для вольного перехода крестьян с одного места на другое.

Одни из сих препятствий тесно соединены с существующим порядком общинного владения землею.

Препятствия сего рода могут быть устранены ослаблением или совершенным устранением общинного начала в пользовании и во владении землею.

В сем отношении новое Положение сделало все, что только возможно было сделать. Оно дает средства для крестьян превращать общинное владение во владение участковое, т. е. разбивать общественную землю на участки личные.

Другие препятствия заключаются в постановлениях, независимых от крестьянского вопроса, и именно в постановлениях, касающихся подушного оклада и рекрутской повинности.

Мы сказали в других местах наше мнение о подушном окладе и о рекрутской повинности в теперешнем её виде.

Подушный оклад может быть весьма легко обращен в налог поземельный. Те же самые суммы, кои собираются теперь по губерниям, уездам и селениям, могут быть разложены в губерниях по уездам, в уездах по селениям, и, наконец, в селениях на каждую десятину земли так, что вся перемена будет заключаться в том, что в каждом селении сумма подушного оклада будет разложена на землю: каждый будет платить по числу владеемых им десятин земли; что и ныне частью так делается. Мы показали также, что впоследствии поземельный налог может быть без затруднения возвышен посредством более правильного взимания, смотря по качеству земель.

Относительно рекрутской повинности дело представляет несравненно более затруднений. Но и тут мы не видим: почему в России не прибегнуть к тем же методам, кои приняты в других государствах,

т. е. к конскрипции, подвергнув податные сословия, кои ныне исправляют повинность рекрутскую, обязанности жеребья в известный возраст. Тогда те из молодых людей, на коих не пал жеребий, оставались бы навсегда освобожденными от обязанности службы, могли бы вступить в брак и пр.

Наконец, третьего рода препятствия проистекают из самого нового Положения.

Главнейшие из сих препятствий происходят от обязанности для крестьян принимать поземельные наделы, платить за них оброк или работать, при выкупе же платить выкупный оброк в продолжение 49 лет.

Здесь мы не можем не заметить, что разница в производительности между трудом вольным и тем, который возможен при новом Положении, в продолжение 49 лет, должна составить, если бы возможно было её исчислить, огромную сумму, которую и крестьяне, и государство необходимо потеряют. Дали ли сами себе верный отчет в том, чего должна стоить метода выкупа государству, те, кои приняли сию методу?

Приняв методу больших наделов и выкупа, сих препятствий избежать было невозможно. Наделив крестьян большими наделами, установив выкуп, надлежало обеспечить помещиков в получении ими от крестьян и оброка, и работы; а при платеже выкупного оброка прямо в казну надлежало обеспечить казну. Сего обеспечения нельзя было искать не в чем ином, как в существующем обычае круговой поруки; причем общества сельские не могут соглашаться на выход крестьян, дабы не уменьшить числа обязанных общественными платежами. Впрочем, если бы круговой поруки и не существовало и обязанность платежей лежала лично на крестьянине, то и тогда он не мог бы пользоваться правом свободного перехода, покуда не уплатил всех выкупных оброков.

Было ли возможно умерить для крестьян в отдельности все те неблагоприятные для права перехода последствия, кои проистекают из круговой поруки? Нам кажется, что в сем отношении Редакционные комиссии сделали все, что только можно было сделать для облегчения отдельным крестьянам их выхода из сельского общества. Но это весьма немного.

Итак, крестьянин остается прикрепленным к земле или обязанностию работать и платить оброк до выкупа своей земли, и после вы-

купа в продолжение 49 лет. Прикрепление же к земле, как мы сказали выше, каково бы оно ни было, от чего бы ни происходило, с вольным, настоящим вольным трудом несовместно.

Если же нам напомнят, что крестьянин может, однако же, выйти из общества после 9 лет, отказавшись от всякого надела землею, то мы, заметив, что цена за приобретение такого печального права слишком высока, спросим: где же тут предполагаемое освобождение с землею?

Но кроме сих главных, коренных препятствий вольному труду и даже личной свободе крестьянина, входящих, так сказать, в систему нового Положения, оно представляет некоторые особенные, второстепенные неудобства, кои в сию систему необходимо не входят и по-становляются в видах чисто правительственных или полицейских.

Сии стеснительные постановления имеют источником странный, но весьма закоренелый предрассудок, в том состоящий, что русский человек необходимо должен быть к чему-нибудь приписан!

Дорого поплатилась Россия за этот предрассудок! Он был одною из причин введения и утверждения крепостного права. Покорив Россию, татары делали перепись народу, облагали его окладом. То же делали великие князья, цари и император Петр I. Его преемники только продолжали идти по проложенному пути. Делая перепись народу, властители хотели иметь всегда налицо тех, коих они облагали данью; а потому запрещали людям переменять место своего жительства, т. е. прикрепляли их к земле.

Пора бы нам образумиться и спросить самих себя: зачем же и ныне, в XIX столетии, по провозглашении освобождения крестьян, требовать, чтобы каждый из них был куда бы то ни было приписан? Какая в этом надобность, какая польза?

Делается ли это в видах государственного порядка? Но почему человек, никуда не приписанный, опаснее человека, приписанного куда-нибудь? Первый, в случае нарушения сего порядка, подвергается равной ответственности с сим последним, и подвергается оной там, где произошло нарушение.

Делается ли это в видах экономических, финансовых, для верного обеспечения государственных доходов? Так могли думать татары и даже великие князья и цари. Они «не ведали, что творят». Но уже и для Петра I было грешно основывать содержание армии на подушном окладе и смешивать притом в переписи холопов с крестьянами.

Ныне же нет и не может быть никакого удовлетворительного изъяснения для обычая приписывать и исчислять людей. Поголовный или подушный налог происходит от завоевания, когда завоеватель, покоряя народ, даровал людям жизнь и за этот дар требовал от них платы.

Теперь человек, ничем не владеющий, не должен подлежать никакому налогу, как это и действительно существует во всех порядочно устроенных землях. При этом человек ничем не остается, конечно, освобожденным от податей и налогов. Как потребитель, он платит косвенные налоги за то, что он потребляет: за пищу, коей питается, за одежду, которую носит, за жилище, в котором он живет. И при сем следует заметить, что сими косвенными налогами, при свободе, коей человек пользуется, он платит казне гораздо более, нежели сколько платит обязанный поголовным или подушным налогом в неволе или в полуволе, каковую сей налог предполагает.

Основываясь на сих соображениях, мы не можем не заметить, что многие постановления нового устройства относительно выхода крестьян из сельского общества и приема их в другое общество и стеснительны, и бесполезны. И те условия, кои неизбежны при методе выкупа, уже слишком обременительны для крестьян. Но если крестьянин их преодолел, если общество соглашается отпустить его, зачем сверх того требовать, чтобы крестьянин представил также свидетельство, доказывающее, что какое-нибудь другое сельское общество его к себе принимает? Пусть идет он, куда ему угодно. Идти куда кто хочет, жить где кто хочет есть, как мы сказали выше, первое из прав свободного человека, первое из условий человеческой свободы. Отпустив крестьянина, общество за него отвечает. Этого должно быть достаточно для всех разумных требований и обеспечений.

С сим предрассудком приписки тесно соединяется предрассудок паспортов. Освободиться от сего последнего не менее трудно и не менее было бы полезно, сколько от первого. Наконец, однако же, здравые идеи и на сей счет начинают не только проявляться, но и преодолевать идеи ошибочные. В земле, где по закону можно остановить всякого человека, спросить его паспорт или вид и арестовать его, если он такого вида не имеет, во Франции, было, наконец, принято, что англичане могут приезжать и прогуливаться во всей империи без каких бы то ни было паспортов. То же правило, как обещают, будет принято относительно Бельгии, Швейцарии и т. д. Железные

дороги поучительнее в сем отношении всех возможных доводов и соображений.

К чему служат паспорта? Для чего особенно требовать паспортов в России от русского крестьянина? Мужик приходит в город, работает, питается своею работою и возвращается домой или остается в городе. Если он не делает ничего противного законам, никто не должен его тревожить. Если же он нарушит закон, то подвергается ответственности, несмотря на то, имеет ли он какой-нибудь вид или не имеет. В городах и в деревнях бывают воры, живущие воровством, как ремеслом. В России, конечно, их не менее, нежели где-либо. Паспорта и виды препятствуют ли им воровать? Например, во Франции люди этого разряда обыкновенно имеют два или три паспорта. Лучше было бы таких промышленников ловить, нежели заботиться о том, чтобы они имели законные виды и паспорта.

А между тем, сколько хлопот, сколько убытков, сколько стеснительности влечет за собою для бедных людей необходимость получать и возобновлять сии свидетельства, кои ничего не свидетельствуют!

Мы полагаем, что Комитет, на который возложено устройство и управление крестьян, может сделать многое в облегчение крестьян, по крайней мере, по сим второстепенным затруднениям, в необходимости паспортов состоящим, и притом распространить свое благотворное участие не только на крестьян, освобожденных от крепостной зависимости, но на всех крестьян вообще: казенных, удельных и пр. и пр.

Мы не можем также не обратить внимания Комитета на образование волостей.

По новому Положению волости должны заключать в себе не более 300 душ.

Редакционные комиссии, имея в виду одних только освобождаемых крестьян, отделенных обыкновенно один от других землями крестьян иных ведомств, могли найти неудобным включить в волость большое число крестьян, например, две или три тысячи; хотя нам кажется, что принятая цифра, т. е. 300, слишком низка. Но ведение Комитета распространяется на всех крестьян вообще. Мы изъяснили в ином месте*, что в состав одной и той же волости могут

* См. «Вопрос освобождения и вопрос управления крестьян». — *Примеч. Н. И. Тургенева.*

входить равномерно как крестьяне освобождаемые, так и крестьяне других ведомств, казенные и удельные; что местное, муниципальное управление, будучи сосредоточено в волостях и устроено на здравых началах, может служить основанием, и основанием широким, твердым, всему государственному управлению, особенно тогда, когда помещики-дворяне, свыкнув с новым порядком, вступят как землевладельцы в состав волостей наравне со всеми прочими землевладельцами.

Самое значение, которое мы даем волостям по нашему плану, требует гораздо большей населенности, нежели то, которое определяется новым Положением. В краях тесно населенных волость должна заключать в себе, по нашему мнению, не менее 10 т[ысяч] жителей. В малонаселенных краях, конечно, нельзя требовать такого же числа. Мы не будем повторять здесь наших доводов относительно выгоды и пользы волостей многолюдных, в сравнении с волостями или коммунами малолюдными, и сошлемся на то, что мы прежде высказали о сем предмете.

Говоря о соединении в одну и ту же волость крестьян различного рода и принимая в соображение, что все крестьяне без исключения будут подлежать ведомству Комитета, мы не можем не представить на его благоусмотрение следующего обстоятельства:

Во многих казенных и, конечно, удельных селениях найдутся земли, превышающие самые высшие надель, какие обыкновенно предоставляются крестьянам. Сверх того, существуют в казенном владении особенные оброчные статьи. Все сии, в некотором смысле, излишние земли могут быть, по имеющимся сведениям в министерстве государственных имуществ и уделов, немедленно приведены в точную и определительную известность так, что можно будет знать: сколько таких земель существует по каждой губернии, по каждому уезду и даже по каждой волости. Почему не предназначить сих земель, когда они к сему удобны, для поселения тех из освобождаемых крестьян, кои будут сходиться с земель, ныне ими занимаемых? Сии земли могут быть предоставляемы им или по найму, или за выкуп. Некоторые крестьяне, встречая непреодолимые затруднения в выкупе ныне занимаемых ими земель, могли бы селиться на таковых казенных землях, нанимать оные или приобретать в собственность. Всеобщее освобождение могло бы, таким образом, быть облегчено и ускорено. Мы прибавим, что приняв сию меру, полезно было бы немедленно объявить,

в каких именно местностях, какие земли и в каком количестве могут быть предоставлены для поселения освобождаемых крестьян, дабы сии последние знали о сем, приступая к переговорам о сделках по их наделам.

Касательно поселения освобождаемых крестьян на казенных землях, мы находим, что новое Положение прибегает преимущественно к сему средству в отношении крестьян мелкопоместных владельцев. Мы заметили уже в ином месте, что полезнее было бы и для крестьян, и для мелкопоместных помещиков вознаградить сих последних за землю, а не за крестьян. Сравнивая обоюдные неудобства, нам кажется, что неудобств будет менее для помещика, получившего денежное вознаграждение, завестись новым хозяйством, нежели для крестьян переселяться на новые места. В пожертвовании же со стороны казны, в том и другом случае, едва ли будет значительная разница. Этот предмет, не касаясь коренных начал дела освобождения, также может подлежать обсуждению и разрешению Комитета.

Наконец, мы желали бы обратить внимание Комитета в пользу учреждения всеобщего по управлению его надзора посредством постоянных инспекторов.

Мы изъяснили в другом месте необходимость инспекторов во всяком управлении*.

Судя по свойству дела, возлагаемого на Комитет, ничто не может обещать более успеха сему делу, как учреждение постоянных инспекторов, из коих каждый будет иметь свой округ. В известное время все инспекторы должны соединяться в присутствии Комитета, который, рассматривая отчеты их, сличая оные один с другими, будет в состоянии обнять весь ход дела с возможной ясностью и безошибочностью.

По сию пору мы не видим, по новому Положению, иных орудий для действия, как губернские присутствия и мировые посредники, и сверх того, разумеется, все обыкновенные местные начальства. Но при таких средствах управления не существует никакого контроля, действие коего будет ограничиваться одними циркулярами, предписаниями и т. п. Следовать же за успешным ходом дела Комитет будет

* См. «О суде присяжных» в примечаниях. — *Примеч. Н. И. Тургенева.*

в состоянии не иначе, как посредством донесений от бесчисленных местных начальств. Единства в действии, сознательной отчетливости в том, что делается, тут быть не может. Вообще по переписке трудно толковать о делах значительных и многосложных. В один час личного разговора можно лучше кончить дело, нежели в продолжение пространной переписки. Сии-то именно инспекторы должны служить, так сказать, орудием разговора Комитета (*porte-voix*) не только с местными начальствами и властями, но даже с самими крестьянами. Вот наша мысль. Подробности представляются сами собой: инспекторы должны иметь надлежащие инструкции; они должны необходимо иметь довольно простора в их действии, дабы многое могло быть ими решено, исправлено и сделано на самом месте. Иногда одно здравое истолкование, простое вразумление, указание на истинный смысл и значение закона может положить конец ложным и опасным недоумениям, не говоря о злонамеренности, которой поистине в русском крестьянине вообще мы никак предполагать не можем. Но по мере усиления власти инспекторов должна быть увеличена и ясно определена их ответственность. К сожалению, этой-то ответственности, этого-то обеспечения спокойствия и безопасности общественной у нас и недостает: мы видим для народа угрозы, усмирения, укрощения, слишком часто кровавые и жестокие; но нигде не видим ответственности для чиновников, для исполнителей и законов, и предписаний правительственных. Когда и кого карает у нас закон за нарушение оного, за неправильное исполнение, за превышение власти, сим законом определяемой? Всякий чиновник, губернатор, исправник, становой, квартальный, генерал и флигель-адъютант, — все контролируются только своею совестью, все отвечают только перед Богом; все, при обстоятельствах необыкновенных, действуют токмо по внушениям минутных влияний и впечатлений, прибегают ко всем средствам, какие представляются наиболее действительными для их рассудка, для их опасений, для их встревоженных страстей, и если они когда-нибудь каются, то каются пред одним Богом, а не пред законом. В этой всеобщей у нас безответственности кроется великое нравственное и государственное зло. Ложные понятия многих даже добрых, но слабых людей способствуют сему злу. «Как погубить человека или за взятку, или за жестокость? Этим делу не поможешь. А у него жена, дети и пр. и пр.». Вот что слышно у нас беспрестанно. С таким всеобщим, редко извинительным, равнодушием к справедливости и к

правилу должной ответственности, конечно, мудрено ожидать правды в судах, умеренности и человеколюбия в управлении, точного, но [?.]тного и вполне законного исполнения особых поручений.

Ограничившись, как мы сказали выше, теми предметами, кои могут прямо подлежать действию Комитета, не касаясь главных, коренных начал нового Положения о крестьянах, мы не теряем, однако же, надежды, что Комитет найдет, может быть, какие-нибудь средства облегчить и ускорить даже и самый окончательный выкуп крестьянами их полевых наделов и их усадеб. Повторяем, нам неизвестны как намерения Комитета, так равно и план и объем его действий. Наша надежда основывается единственно на том, что государь, совершив главное и существенное в великом и святом деле, что великий князь, ревностно помогавший ему в сем деле, сумеют привести его к желаемому концу. Бог да благословит праведный их труд!

Париж, 22 мая 1861

КОММЕНТАРИИ

Данное издание, включающее сочинения братьев А. И. и Н. И. Тургеневых, имеет своей целью дать читателям представление о двух крупных представителях русской общественной мысли XIX в., чья жизнь, судьбы, место в русском обществе, идейные позиции были тесно переплетены. Объем их литературного наследия столь велик, что даже для своего относительно полного воспроизведения он потребовал бы многих томов. Перед публикаторами стояла непростая задача отбора текстов, дающих адекватное представление о личностном складе и творчестве публикуемых авторов. Это обусловило, в силу жанровой специфичности наследия А. И. Тургенева, фрагментарность в его воспроизведении. В целом, оно представлено публицистикой — его европейскими корреспонденциями, объединенными публикаторами под названием «Хроника русского». Они, как правило, публиковались при жизни автора. Раздел «Из писем» состоит из фрагментов и охватывает значительный период жизни А. И. Тургенева. Раздел «Дневники» включает фрагментарные тексты 1825–1826 гг., отдельные тексты 1823–1824, 1831 и 1836 гг. В «Приложение» включены образцы других литературных жанров его творчества.

Творчество Н. И. Тургенева представлено вышедшим за границы при жизни автора и никогда ранее не переиздававшимся циклом его брошюр, посвященных судебной реформе 1860-х гг. и отмене крепостного права (вопросу, более всего волновавшему его на протяжении всей жизни).

Составитель текстов А. И. Тургенева — Е. Л. Рудницкая; при составлении комментариев были использованы издания: *Тургенев А. И.* Хроника русского; Дневники (1825–1826). М.; Л., 1964 (подготовка М. И. Гиллельсона) и *Тургенев А.* Политическая проза. М., 1989 (составление, подготовка текста, вступительная статья и примечания А. Л. Осповата). Составители текстов Н. И. Тургенева — М. П. Мироненко и В. С. Парсамов, подготовка текстов — М. П. Мироненко, комментарий — В. С. Парсамова.

А. И. ТУРГЕНЕВ

1. ХРОНИКА РУССКОГО

1. Письмо из Дрездена (извлечение)

Впервые: *МТ.* 1827. Ч. XIII. № 1. Отд. IV, С. 90–98. Печатается по: *Изд. 1964.* С. 9–13.

Это и последующие дрезденские письма А. И. Тургенева — выдержки из его писем к П. А. Вяземскому, который предоставил их в распоряжение журнала. Ему же принадлежат заголовки, подзаголовки, вступительные краткие аннотации, предвещающие текст писем, и примечания, подписанные буквой «В».

- ¹ Имеется в виду барон Ф.-М. Гримм, который был посредником между Екатериной II и родственниками Вольтера при покупке императрицей библиотеки Вольтера (об этом см.: *Изд. 1964*, С. 149–150). За неутомимые странствования и обширную переписку друзья называли А. И. Тургенева «маленьким Гриммом».
- ² Ф. Экштейн издавал в Париже в 1826–1829 гг. журнал “Le Catholique”. Совместно с Мейстером, Бональдом и Баланшем Экштейн представлял так называемую теологическую школу во французской философии того времени. Выражая взгляды аристократических сословий, представители этого философского течения боролись с философами-эклектиками (Кузень, Ройе-Коллар, Жуффруа), отражавшими в своих философских построениях умеренно-либеральные тенденции французской буржуазии.
- ³ светотень (*фр.*).
- ⁴ “Revue Britannique” — французский журнал, основанный в 1825 г. Солнье (сыном). В этом журнале печатались переводы статей из английских журналов и произведения английской художественной литературы.
- ⁵ Профессор философии Эдинбургского университета Д. Стюарт был автором книги “*Outlines of Moral Philosophy*” (1793), переведенной в 1826 г. Жуффруа на французский язык. Будучи сторонником Лейбница, Д. Стюарт не признавал философии Канта. Вспоминая о том, что Д. Стюарт трунил над сочинениями Канта, А. И. Тургенев, по-видимому, имеет в виду переписку между Д. Стюартом и Т. Виргманом, опубликованную последним в “*Encyclopedia Londinensis*” (1823). В своих письмах Стюарт отклонял советы Виргмана об изучении философии Канта.
- ⁶ “Globe” (1824–1830) — оппозиционный журнал, в котором принимали участие П. Леру, Дюбуа, Минье, Жуффруа, Сент-Бев, Ремюза и др. Во время спора классиков с романтиками журнал выступал на стороне последних.
- ⁷ «Критика состоит в том, чтобы предчувствовать в настоящем приговоры грядущего. Она — пророчество и потому преимущественно современна» (*фр.*).
- ⁸ А. И. Тургенев имеет в виду многотомное издание сочинений Шатобриана, которое начало выходить в свет в Париже в 1826 г. В первом томе этого издания помещено обширное предисловие автора.
- ⁹ Далеко от башен румяных не было ни приятных плодов, ни источников чистых, ни свежей зелени, ни солнца, на которое можно было бы заглядеться. Указывали ль одному из изгнанников на равнины Баграды, он качал головой и восклицал вздыхая: «Гренада!» (*фр.*).
- ¹⁰ «Я стану любить тебя более славы и менее чести!» (*фр.*).
- ¹¹ Статьи Д. В. Дашкова «Русские паломники в Иерусалиме. Отрывок из путешествия по Греции и Палестине в 1820 году» и «Ещё несколько слов о серальской библиотеке», опубликованные в альманахе «Северные цветы на 1826 год», были, кроме того, выпущены двумя отдельными изданиями, которые А. И. Тургенев и переслал Шатобриану.

- ¹² Имеется в виду издание: The life of Napoleon Buonaparte, emperor of the French. With a preliminary view of the French Revolution. By the author of "Waverley", etc. Edinburgh, 1827. 9 vol. Перевод обширной рецензии французского критика (Ф***) из "Journal des Débats" на труд В. Скотта был напечатан в МТ (1827. Ч. XVI. Отд. I. С. 140–151, 318–332; 1828. Ч. XIX. С. 376–396, 501–529), равно как и отрывки из этого труда (1827. Ч. XVI. Отд. II. С. 38–46; Ч. XVII. Отд. I. С. 69–102).
- ¹³ Поэзия и Правда (*нем.*).
- ¹⁴ Воображение подобно источникам, которые льются только утром и в полдень иссыхают от солнечного зноя (*фр.*).
- ¹⁵ И. И. Козлов дебютировал на литературном поприще в возрасте 42 лет, когда он уже ослеп и был разбит параличом.
- ¹⁶ Подпись «Э. А.» — сокращение арзамасской клички А. И. Тургенева — Эолова Арфа.

II. Письмо из Дрездена

Впервые: МТ. 1827. Ч. XIII. Отд. IV. С. 162–165. Печатается по: Изд. 1964. С. 13–15.

- ¹⁷ О посещении А. И. Тургенева Ш.-Е.-К. Рекке и Х.-А. Тидге см.: Письма А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу. Лейпциг, 1872. С. 13–15. Указывая на авторство Рекке, А. И. Тургенев имеет в виду её сочинения: «Nachricht von des berühmigten Cagliostro Aufenthalt in Mitau und von dessen magischen Operationen». Berlin, 1787 (в том же году русский перевод); «Tagebuch einer Reise durch einen Theil Deutschlands und durch Italien». 4 Bände.

III. Письма из Дрездена

Впервые: МТ. 1827. Ч. XIII. Отд. IV. С. 341–350. Печатается по: Изд. 1964. С. 15–19.

- ¹⁸ Это примечание принадлежит издателю «Московского телеграфа» Н. А. Полевому. Он выполнил своё обещание, сделав иностранную библиографию постоянной частью библиографического отдела своего журнала.
- ¹⁹ А. И. Тургенев придавал большое значение изданию *résumés* (в данном случае — однотомные издания западных классиков) для широкого распространения просвещения и подробно изложил свою точку зрения в дневнике (см. Изд. 1964. С. 350–351).
- ²⁰ Речь идет о труде Ф.-Х.-А. Гасце "Geschichte der Lombardei" (Dresden, 1826–1828. 4 Bd.).

- 21 Во второй половине 1820-х гг. литератор А. Раббе выпускал отдельные книжками "Biographie universelle des contemporains". Одну из книжек этой серии, по-видимому, и имеет в виду А. И. Тургенев.
- 22 Речь идет о немецком историке Христиане Готлибе Гейне.
- 23 А. И. Тургенев имеет в виду П. А. Вяземского, автора статей «О жизни и сочинениях Озерова» (1817) и «Известие о жизни и стихотворениях И. И. Дмитриева» (1821).
- 24 интересом данной минуты (*фр.*)
- 25 Путешествие через Россию и в особенности по Кавказу, 1820–1824 (*фр.*)
- 26 «Три эпохи современной истории, или торговая, политическая и религиозная революции» (*фр.*)
- 27 Первые два тома воспоминаний М. Огинского "Mémoires de Michel Oginski sur la Pologne et les Polonais depuis 1788 jusqu'à la fin de 1815" (Paris, 1826–1827) вышли в свет в 1826 г. и были присланы А. И. Тургеневым Вяземскому (см. ОА. Т. III. С. 147).
- 28 Речь идет о книге стихов К. Деламина "Sept messéniennes nouvelles" (Paris, 1827). Двустипшие, приведенное А. И. Тургеневым, взято из первой элегии "Le départ" (р. 24). Пер.: «Какой аромат отчизны приносит этот свежий ветерок! Как прекрасна отчизна в тот миг, когда ее покидаешь!» (*фр.*).
- 29 К 1827 г. существовало две оперы с этим названием. Вероятно, А. И. Тургенев видел оперу "Pietro il Grande" композитора Н. Ваккаи, впервые поставленную в Парме в 1824 г.
- 30 А. И. Тургенев имеет в виду роман А. Ремюза «Ю Киао-ли, или двоюродные сестры». Предисловие автора к этому роману «Сравнение романов китайских с европейскими» было переведено Н. М. Рожалиным и напечатано в «Московском вестнике» (1827. Ч. III. № 9).
- 31 А. И. Тургенев описывает своё посещение литературного салона Т.-Э. Винкель в Дрездене. Винкель занималась литературой, живописью и музыкой, в 1817–1826 гг. вместе с писателем И.-Ф. Киндом издавала "Abendzeitung". Литературным знакомствам А. И. Тургенева в Дрездене посвящена специальная статья Александра Веселовского «В. А. Жуковский и А. И. Тургенев в литературных кружках Дрездена» (1826–1827 гг.) (*ЖМНП*. 1905. Ч. CCCLIX. № 5. Отд. 2. С. 159–183), в которой автор использовал и неопубликованные дневники А. И. Тургенева.
- 32 Дословно: «И тем, что он создаст, он обязан своей поэтической силе» (*нем.*).

IV. Иностранная переписка (извлечение)

Впервые: *МТ*. 1827. Ч. XV. Отд. IV. С. 67–73. Печатается по: *Изд. 1964*. С. 22–23.

Это извлечение из письма А. И. Тургенева к Вяземскому (см.: ОА. Т. III. С. 151–160).

- ³³ Надо думать, что отсутствие биографии Карамзина, написанной пером его литературных друзей, не является случайностью. В «Воспоминаниях литератора» А. Старчевский писал: «не могу объяснить себе, почему кн. Вяземский, долго живший в доме Карамзиных, близко знавший историографа и даже составивший программу вопросов для его биографии, изменил свое намерение и занялся биографией Фонвизина» (Исторический вестник. 1888. № 10. С. 125). По-видимому, написание биографии Карамзина не давало Вяземскому достаточного повода для выявления своего оппозиционного настроения. Если бы восстание декабристов увенчалось успехом, то Вяземский, по всей вероятности, написал бы монографию о Карамзине, доказывая, что торжество просвещения и свободы в России обязано деятельности Карамзина. В условиях николаевской реакции писать такую работу было невозможно, и Вяземский, отбросив в сторону вопросник о Карамзине, продолжал работать над книгой о Фонвизине.
- ³⁴ Рецензия на немецкий перевод восьми томов «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина из “Leipziger Literatur-Zeitung” (1827. № 22) за подписью L. L. Z. и ответ А. И. Тургенева на эту рецензию, помещенный в “Blätter für literarische Unterhaltung” (1827. № 156), были напечатаны на русском языке под заглавием «Спор в немецких журналах об “Истории государства Российского”» (МТ. Ч. XVIII. Отд. II. С. 207–220).
- ³⁵ В 1820-е гг. под псевдонимом «Лужницкий старец» печатались статьи редактора журнала «Вестник Европы» М. Т. Каченовского, в которых встречались выпады против Карамзина.
- ³⁶ Немецкий рецензент обвинял Карамзина в том, что последний в «Истории государства Российского» (т. 1, гл. 3) повторил известие немецкого средневекового хрониста Гельмольда («Хроника славян», кн. 1, гл. 2) о Винете, которая, следуя его описанию, находилась при впадении Одера в Балтийское море и затем погибла от наводнения. Последующие хроникеры развивали легенду о процветавшей Винете. Ещё в начале XIX в. некоторые историки признавали существование Винеты, в том числе и известный историк Иоганн Мюллер, который писал о гибели Винеты в труде “Vier und zwanzig Bücher Allgemeiner Geschichte” (Tübingen, 1810). Впервые сомнения в существовании Винеты были высказаны историком Румором в книге “Sammlung für Kunst und Historie” (Hamburg, 1816). Подробно этот вопрос исследован в магистерском диссертации Т. Н. Грановского «Волин, Иомсбург и Винета» (1845).

Хроника русского

Впервые: *Совр.* 1837. Т. V. Отд. II. С. 22–51. Без подписи. Печатается по: *Изд.* 1964. С. 99–111.

С конца ноября 1836 г. А. И. Тургенев находился в Петербурге, где часто встречался с Пушкиным, с которым вел «нескончаемые беседы»: «...мы с трудом кончаем одну тему разговора, в сущности, не заканчивая, то есть, не исчерпывая её никогда» (из письма А. И. Тургенева Е. А. Свербеевой от 21 декабря 1836 г. — Московский пушкинист: Сб. 1. М., 1927. С. 24–25). В это время шла подготовка т. V *Совр.* (первой книги за 1837 г.), вышедшего уже после кончины издателя журнала — в начале июня 1837 г. Как писал А. И. Тургенев Н. И. Тургеневу 31 января этого года, он дал в посмертный том *Совр.* «все мои письма, кои хотел напечатать Пушкин в нем» (*Фомин А. А. Новые материалы для биографии Пушкина: из Тургеневского архива // Пушкин и его современники. СПб., 1908. Вып. 6. С. 61. Оба материала А. И. Тургенева, увидевшие свет в этом томе, опубликованы: Изд. 1989).*

В этой корреспонденции А. И. Тургенев весьма подробно повествует о своих розысках в европейских архивах. Подробнее об этой стороне его деятельности см.: *Фейнберг И. Л. Незавершенные работы Пушкина. 6-е изд. М., 1976. С. 129–148; Мокроусова М. Б. А. И. Тургенев — собиратель источников по истории России // Советские архивы. 1974. № 4. С. 37–44.*

³⁷ А. И. Тургенев приехал в Рим 14/26 марта 1835 г. (см.: *Изд. 1964. С. 516).*

³⁸ См. о нём: разд. III, № 69.

³⁹ Буквально: общие деяния (*лат.*).

⁴⁰ Тридентский (XIX вселенский) собор продолжался — с перерывами — с 1545 по 1563 г. На нём были утверждены догматы о первородном грехе, о чистилище, а также о приоритете папской власти перед авторитетом вселенского собора.

⁴¹ Флорентийский (XVII вселенский) собор проходил в 1439–1442 гг. На нем была провозглашена уния западной и восточной церквей, навязанная византийскому императору Иоанну VIII Палеологу, который, не видя иной возможности спастись от турецкого нашествия, обратился к папе Евгению IV с просьбой об организации крестового похода в Малую Азию. Уния предусматривала признание главенства папской власти, а также филиокве — добавления к христианскому символу веры (которое утверждало, что Святой Дух исходит и от Бога-отца, и от Бога-сына), ранее отвергнутого православной церковью. Однако, собор восточных патриархов, состоявшийся в 1443 г. в Иерусалиме, снова отверг католическое понимание символа веры и отлучил всех приверженцев унии.

⁴² Имеется в виду Мария Стюарт.

⁴³ Четыре принципа галликанской церкви, провозглашенные в 1762 г., существенно ограничивали власть папы в пределах Франции. В конце XVII в. Людовик XIV отказался от них, но это была временная уступка.

⁴⁴ Орден бенедиктинцев, распущенный во время Великой французской революции, был воссоздан в 1833 г.; как и прежде, его члены посвящали себя историческим изысканиям.

- ⁴⁵ С. И. Тургенев умер в Париже 1/13 июня 1827 г.
- ⁴⁶ А. И. Тургенев приехал в Париж 14/26 мая 1835 г.
- ⁴⁷ В 1802–1805 гг. вышло в свет подготовленное Шлецером издание четырехтомной русской Начальной летописи.
- ⁴⁸ Об этом документе и его судьбе см.: *Фейнберг И. Л.* Указ. соч. С. 73–75.
- ⁴⁹ Об этом пребывании А. И. Тургенева в Лондоне см. «Отрывки из заграничной переписки», [2].
- ⁵⁰ 1) Первый отчет королевской парламентской комиссии по уголовному праву... 2) Отчет парламентской комиссии, назначенной для выяснения вопроса об упорядочении писаных законов по приказу короля... (*англ.*).
- ⁵¹ См. комм. к «Отрывкам из заграничной переписки», [2].
- ⁵² Н. М. Карамзин.
- ⁵³ Карл Фридрих, герцог Голштинский-Готторпский.
- ⁵⁴ Об этой записке Вестфалена — Виллардо см.: *Фейнберг И. Л.* Указ. соч. С. 145–146.
- ⁵⁵ «Дневник господина де Кате, адъютанта кавалерийского полка и дворянина при особе короля, по поводу москвитов, приехавших во Францию в 1668 году» (*фр.*).
- ⁵⁶ в двух лье от Бордо (*фр.*).
- ⁵⁷ «Бюллетень Французского исторического общества» (*фр.*).
- ⁵⁸ Усеченная цитата из «Горя от ума» (д. I, явл. 7).

Отрывки из заграничной переписки

В середине мая 1834 г. А. И. Тургенев вернулся на родину после двухлетнего отсутствия. В Москве на рубеже 1834–1835 гг. он сблизился с кругом литераторов, основавших новый журнал МН (см.: *Изд. 1964.* С. 475–476). В течение 1835 г. на страницах этого журнала появились три корреспонденции А. И. Тургенева, две из которых печатаются в настоящем издании.

[1].

Впервые: *МН.* 1835. Ч. IV. Октябрь. Кн. II. С. 624–633. Печатается по: *Изд. 1964.* С. 54–59.

- ⁵⁹ Пребыванию А. И. Тургенева в Париже, где жил тогда с семьей Н. И. Тургенева, предшествовали длительные хлопоты В. А. Жуковского. Ещё в конце 1834 г. Жуковский писал А. И. Тургеневу (из Петербурга в Москву): «Он [А. Н. Голицын] говорил об отъезде твоём за границу с графом Бенкендорфом, который объявил ему, что препятствия тебе ехать нет, но что на пребывание во Франции государь не соизволяет. Князь потом говорил о тебе и с самим государем. <...> Государь сказал князю, что ты можешь все, что соберешь полезного в тех местах, где будешь, сообщать прямо ему,

то есть князю. <...> Что же касается до Франции и до свидания с братом, то весьма вероятно, что тебе не будет отказано всякий раз, когда ты вздумаешь с ним повидаться и на то испросишь <...> позволение от государя» (ЛЖТ. С. 286). 3 июля 1835 г. Жуковский сообщал А. И. Тургеневу: «тебе позволено остаться в Париже, но с тем, чтобы не заживаться и выехать из него, как скоро кончишь дело». (Там же. С. 288.)

⁶⁰ А. И. Тургенев познакомился с мадам Рекамье 21 ноября/3 декабря 1825 г.

⁶¹ С. П. Свечина, в 1815 г. принявшая католичество и позже переселившаяся в Париж, содержала там салон, который посещали многие известные люди. Ещё в России А. И. Тургенева и Свечину связывали доверительные отношения («Это ангел, который осветит сарматскую твою темницу», — писал А. И. Тургенев Вяземскому 6 ноября 1818 г. в Варшаву — ОА. 1. С. 139), не прерывавшиеся в дальнейшем. «Как бы ни разнствовали мы в некоторых политических мнениях со Свечиной, — писал А. И. Тургенев Н. И. Тургеневу 17/29 декабря 1827 г., — но старая дружба и мнение её о рабстве, которое она ненавидит и почитает противным христианству, и государственной, и частной нравственности, — всегда нас сближают. В случае горя, мы всегда друг другу откликаемся: это первый признак дружбы» (Изд. 1872. С. 307).

⁶² Имеется в виду драма В. Гюго «Анжело», которую А. И. Тургенев смотрел 30 мая 1835 г.

⁶³ 1 июня 1835 г., как отмечено в дневнике А. И. Тургенева, в салоне мадам Рекамье актер Ш. Лафон прочел стихотворение К. Делавиня, написанное к открытию памятника П. Корнелию в Реймсе (сентябрь 1833 г.). См.: Изд. 1964. С. 513.

⁶⁴ «Немая из Португи» («Фенелла») — опера Д. Обера (либретто Э. Скриба и Ж. Делавиня), премьера которой состоялась в 1828 г.

⁶⁵ А. И. Тургенев весьма неточно излагает обстоятельства нашумевшего политического процесса. 5 мая 1835 г. в Париже открылся суд над участниками Лионского восстания (апрель 1834 г.), причем по королевскому указу — в нарушение хартии — дело слушалось в палате пэров. Для защиты подсудимые пригласили лиц, известных своими либеральными взглядами (в том числе и Ф.-Р. Ламенне), решив превратить процесс в политическую демонстрацию. После того как в начале первого заседания кандидатуры защитников были отвергнуты палатой, те опубликовали письмо, обличающее судей и восхваляющее обвиняемых. 20 мая 1835 г. палата пэров начала процесс уже против защитников: в ходе разбирательства выяснилось, что инициативная группа адвокатов подписала письмо и за многих своих коллег, не сомневаясь в их поддержке этой акции.

⁶⁶ Бывший аббат, затем бакалейщик Ф.-Ф. Шатель стремился реформировать католицизм в демократическом духе: он выступал против строго иерархической организации церкви, celibата, проповедовал в пользу

- женской эмансипации и т. д. Аббат Л.-Н. Озу был в то время ревностным адептом Шателя, но в 1839 г. вернулся в лоно официальной церкви.
- 67 Автором этой книги, вышедшей в 1835 г., был аббат Ж.-Ж. Гом.
- 68 С 1818 г. мадам Рекамье жила в аббатстве Аббеи-О-Буа. Шедевр Ф. Жерара — его портрет Рекамье.
- 69 Огромная брошюра — книга Ф.-Р. Ламенне «Слово верующего», явившаяся манифестом христианского социализма. В начале 1834 г. автор, уезжавший из Франции, прислал рукопись Ш. Сент-Беву, поручив ему следить за изданием (а также вносить исправления по своему усмотрению). 30 апреля 1834 г. книга вышла из печати.
- 70 Отцом Ж.-Ж.-А. Ампера был известный математик, физик и философ А.-М. Ампер.
- 71 Об этих лицах (и их салонах) см. *Изд. 1964. С. 513.*
- 72 Имеется в виду четырехтомное «Путешествие на Восток» А. де Ламартина, вышедшее в 1835 г. Последний том почти полностью был занят рассказом спутника Ламартина — араба Фатталы Саигира.
- 73 Бог и Природа: все в этих словах (*фр.*).
- 74 Дочь Ламартина, путешествовавшая с ним по Востоку, умерла в Бейруте 7 декабря 1832 г. Стихотворение на её смерть («Гефсимания, или Смерть Юлии») Ламартин опубликовал в т. 2 своего «Путешествия на Восток».
- 75 В 1833 г. английский парламент принял закон об отмене рабства в заморских колониях, на чем давно настаивали аболиционисты, возглавляемые У. Уильберфорсом (его соратник З. Маколей был губернатором в Сьерра-Леоне). По этому закону процесс эмансипации должен был продлиться семь лет (начиная с 1 августа 1834 г.); в виде вознаграждения рабовладельцы получали 20 миллионов фунтов стерлингов. Узнав о кончине Уильберфорса, А. И. Тургенев посвятил ему прочувствованные строки в письме П. А. Вяземскому от 20 июля/2 августа 1833 г. и, между прочим, заметил: «Если бы предложили избрать славу Веллингтона или Вильберфорса, я бы не задумался» (*АБТ. 6. С. 290*).
- 76 Имеется в виду историк и политический деятель Т.-Б. Маколей.
- 77 Первый русский атлас, состоявший из 19 карт, вышел в 1745 г.
- 78 С Ж. Кювье А. И. Тургенев познакомился осенью 1825 г. (см. его письмо Вяземскому от 29 октября/10 ноября 1825 г. из Парижа — *ОА. 3. С. 133*). Описание рабочих кабинетов Кювье см. в дневниковой записи А. И. Тургенева от 27 ноября/9 декабря 1825 г. — *Изд. 1964. С. 367*).
- 79 «О духе законов» — знаменитый трактат Ш. Монтескье (1748).
- 80 Корнаро — тиран, совсем не кроткий (*фр.*).
- 81 «Чаттертон» — драма А. де Виньи, премьера которой состоялась 12 февраля 1835 г. Судьбе английского поэта Томаса Чаттертона, покончившего с собой в восемнадцать лет, посвящен целый ряд произведений конца XVIII — начала XIX в.

- ⁸² «История Григория VII» А.-Ф. Вильмена была опубликована в 1873 г., уже после смерти автора.
- ⁸³ Имеются в виду «Лекции по французской литературе. Обзор XVIII столетия», изданные Вильменем в 1834–1838 гг. (4 т. в 5 кн.).
- ⁸⁴ остывшая лава (*фр.*).
- ⁸⁵ Описание лекций Вильмена в Сорбонне см., например, в письмах Н. И. Тургеневу от 29 ноября/11 декабря и 6/18 декабря 1827 г. (*Изд. 1872. С. 296–299, 308–311*).
- ⁸⁶ Доротея Дино де Курланд — жена племянника Талейрана. «Она была прекрасна, — писал А. И. Тургенев Н. И. Тургеневу 27 декабря/9 ноября 1827 г., — и теперь ещё в глазах огонь...» (*Изд. 1872. С. 246*).
- ⁸⁷ Когда читаешь Священное писание, то всегда идея величия соединяется с именем Вавилона, даже в анафемах пророков. Смотрите Иеремию (*фр.*).
- ⁸⁸ По-видимому, речь идет о графе Брельо, который при Наполеоне эмигрировал в Россию, где женился на А. П. Трубецкой (урожд. Левашовой). Графиня Брельо была хорошо известна в Москве (см.: *Вигель Ф. Ф. Записки. М., 1892. Ч. VI. С. 30*); А. И. Тургенев упоминает о ней в письме Вяземскому от 16 ноября 1836 г. из Москвы (*ОА. 3. С. 362*).
- ⁸⁹ Об этой стороне деятельности двух русских дипломатов в Париже см.: *Мазон А. Князь Элим // ЛН. Т. 31–32. С. 394–395*.
- ⁹⁰ О Минье см. «Письма из Дрездена», [2].
- ⁹¹ тень великого имени (*лат.*). Лукан. Фарсалия, I, 135.
- ⁹² Пятитомная «История Порт-Рояля» выходила в 1840–1859 гг.

[2].

Впервые: *МН. 1835. Ч. V. Нояб. Кн. II. С. 251–264*. Подпись: Эолова Арфа. Печатается по: *Изд. 1964. С. 59–66*.

- ⁹³ А. И. Тургенев находился в Англии в середине января–февраля 1826 г., с февраля 1828 по середину апреля 1829 г. и в январе–мае 1831 г.
- ⁹⁴ См. комм. 2 к «Отрывкам из заграничной переписки», [1].
- ⁹⁵ Каталог рукописей Лансдауна в Британском музее (*англ.*).
- ⁹⁶ Речь идет о муниципальной реформе 1835 г., согласно которой в 183 главных городах и местечках вводились мэрии и советы, избираемые всеми главами семейств, внесенными в податные списки. (Единственным исключением являлся Лондон).
- ⁹⁷ С немецким философом Г.-Г. Шубертом, автором «Истории души» (Штутгарт, 1830), А. И. Тургенев познакомился в Мюнхене в июле 1832 г.; их отношения возобновились во время второго пребывания Тургенева в баварской столице — в апреле 1834 г. (см.: *Вопросы философии. 1988. № 7. С. 157–162. ЛН. Т. 97. Кн. II. С. 73–85*).

- ⁹⁸ Имеется в виду состоявшийся в Гринвиче праздник, посвященный тридцатилетию со дня победы, одержанной Г. Нельсоном в морском сражении с французской эскадрой при Трафальгаре (1805).
- ⁹⁹ Согласно обычаю, восходящему к 1172 г., избиравшийся раз в два года венецианский дож, вступая в должность, совершал обряд «венчания с морем».
- ¹⁰⁰ А. И. Тургенев впервые побывал в Италии в сентябре 1832 — июне 1833 г. С тех пор он дважды надолго приезжал сюда: в ноябре 1833 — феврале 1834 г. и в марте—мае 1835 г.
- ¹⁰¹ Великая хартия вольностей (*Magna Charta libertatum*) — основополагающий документ английского государственного и гражданского права. Исторгнутая в 1215 г. у короля Иоанна Безземельного, великая хартия содержала важнейшие гарантии личной и политической свободы.
- ¹⁰² Имеются в виду Уильям Питт-старший и Уильям Питт-младший.
- ¹⁰³ Имеется в виду Благородный университетский пансион в Москве, в котором А. И. Тургенев учился в 1797–1800 гг.
- ¹⁰⁴ Имеется в виду метод взаимного (ланкастерского) обучения. См. *Изд. 1989. С. 101.*
- ¹⁰⁵ Имеется в виду неудавшееся покушение на французского короля Луи-Филиппа, предпринятое Ж. Фиески 16/28 июля 1835 г.
- ¹⁰⁶ «Исповедь» Руссо (*фр.*).
- ¹⁰⁷ О А. Ф. Коцебу см. Раздел II. № 61: *Изд. 1989.*
- ¹⁰⁸ «Нет, я более ни к чему не годен, я уже не умею говорить, — но не умею и молчать!» (*фр.*).
- ¹⁰⁹ Возможно, речь идет об издании «Естественной теологии» У. Пэйли с комментариями Г. Брума и Ч. Белла (Лондон, 1835. Т. 1–2).
- ¹¹⁰ в должности генерального прокурора Шотландии (*англ.*).
- ¹¹¹ «Как вы завтракаете <...> конечно, а ля фуршет, по-французски?» — «Как вам угодно» <...> «Вы получите омлет» (*фр.*).
- ¹¹² В изложении нарушена последовательность событий и допущены фактические ошибки. Ж. де Сталь написала письмо Наполеону в 1810 г., приехав из Швейцарии во Францию, чтобы наблюдать за изданием своей книги «О Германии»; письмо это было передано адресату через посредников. Что же касается Шатобриана, то, когда в апреле 1811 г. он представил текст своей речи Наполеону, она была запрещена для произнесения в Академии (Институте) и с тех пор распространялась в списках. Избранный в Академию за два месяца до того, Шатобриан был официально принят в неё только в 1816 г.
- ¹¹³ О книге Д. Босуэлла см. комм. к «Письмам из Дрездена» [3]: *Изд. 1989.*
- ¹¹⁴ Имеются в виду трактат Д. Гершеля «Предварительное рассуждение об изучении естественной философии» (1830) и книга Ф. Бэкона «Новый Органон».
- ¹¹⁵ См. комм. 1.

- ¹¹⁶ Test-act — закон, предоставлявший диссидентам (протестантам, не признаваемым господствовавшей англиканской церковью) гражданские и политические права (1828). Эмансипация католиков (уравнение в политических правах с остальным населением) произошла в 1829 г. Закон об избирательной реформе (1832) предусматривал перераспределение мест в парламенте в пользу новых крупных городов, ряда деревенских округов Шотландии, Уэльса и Ирландии.
- ¹¹⁷ Имеются в виду Записки Королевской академии наук Франции.
- ¹¹⁸ Там твердый гранит и известковые скалы таят окаменелости скелетов рыб (*фр.*).
- ¹¹⁹ Только одни лишь известковые горы представляют из себя настоящие музеи первобытного мира, т. е. допотопного (*фр.*).
- ¹²⁰ «Строфы, написанные на море» (*фр.*).
- ¹²¹ По завещанию Ш. Монтюана Французская академия ежегодно присуждала из его капитала премии за добродетель и премию «за полезнейшее для французского общества сочинение».
- ¹²² нынешних знаменитостей (*фр.*).
- ¹²³ Огромный процесс — см. комм. к «Отрывкам из заграничной переписки», [1]: Изд. 1989.
- ¹²⁴ Имеется в виду переиздание книги Э. де Ла Боэси «О добровольном рабстве», вышедшее в 1835 г. с предисловием Ф.-Р. Ламенне.
- ¹²⁵ за то, что она полна доброжелательности (*фр.*).
- ¹²⁶ Главы о пребывании Л.-Э. Лебрен в России содержатся в Т. 2–3 её «Воспоминаний» (Париж, 1835–1837).
- ¹²⁷ «Мемуаре Биньона о постепенном сближении морали и политики» (*фр.*).
- ¹²⁸ По желанию Наполеона, изъявленному в его завещании, Л. Биньон написал «Историю Франции с 18 брюмера до Тильзитского мира» (Париж. 1827–1838. Т. 1–7) и «Историю Франции с Тильзитского мира до 1812 года» (Париж. 1838. Т. 1–4).

Париж (Хроника русского)

29 декабря 1835 г., сообщая А. И. Тургеневу о впечатлении, произведенном его очередным письмом в дружеском кругу, П. А. Вяземский передавал общее мнение И. А. Крылова, А. С. Пушкина, В. Ф. Одоевского и др.: «Жаль, что нет журнала, куда бы выливать весь этот кипяток, сочный бульон из животрепещущей утробы настоящего!» (ОА. 3. С. 281). Менее чем через месяц, 19 января 1836 г., Вяземский писал А. И. Тургеневу: «Пушкину дано разрешение выдавать журнал. <...> Прошу принять это не только к сведению, но и к исполнению и писать свои субботние письма почище и получше; только с тем, что ты не последуешь русскому обычаю вышереченному, то есть «тех же щей, да пожиже»; нет, «тех же щей, да побольше», потому что мы намере-

ны расходовать тебя на здоровье журналу и читателям. Пушкин надеется на тебя» (там же. С. 286). Уже в первом томе *Совр.* появилась корреспонденция А. И. Тургенева, которая получила редакционное заглавие «Хроника русского», понравившееся автору и использовавшееся им в дальнейшем.

Впервые: *Совр.* 1836. Т. IV. С. 234–266. Без подписи. Печатается по: *Изд.* 1964. С. 83–99.

- ¹²⁹ В журнальном тексте опущено начало этого письма, где содержался восторженный отзыв о стихотворении Пушкина «На выздоровление Лукулла» — памфлете на министра народного просвещения С. С. Уварова (см. *Изд.* 1964. С. 516).
- ¹³⁰ И. И. Козлов посылал А. И. Тургеневу — через Вяземского — своё стихотворение «Возвращение крестоносца», посвященное далекому предку Шатобриана (см.: *ОА.* 3. С. 276). Ответ Шатобриана Козлову (от 5/17 декабря 1836 г.) см.: *ЛН.* Т. 33–34. С. 666–667.
- ¹³¹ После июльской революции 1830 г. Шатобриан, отказавшийся служить режиму Луи-Филиппа, попал в затруднительное материальное положение и был вынужден заранее продать право на публикацию своих мемуаров, которые завещал опубликовать посмертно.
- ¹³² На Веронском конгрессе 1822 г., в котором Шатобриан принимал участие как министр иностранных дел Франции, представители «Священного союза» договорились, что Франция направит свои войска в Испанию для оказания помощи королю Фердинанду VII в борьбе с повстанцами. Труд Шатобриана «Веронский конгресс» увидел свет в 1838 г.
- ¹³³ В 1836 г. Шатобриан опубликовал свой перевод поэмы Д. Мильтона «Потерянный рай», а также «Опыт об английской литературе» (т. 1–2), вышедший, однако, не в издательстве Ш. Лавока (издавшего Собрание сочинений Шатобриана в 1826–1831 гг.), что следует из контекста «Хроники».
- ¹³⁴ Имеется в виду приют Марии-Терезии, основанный в 1819 г. для призрения престарелых священнослужителей и неимущих пожилых женщин.
- ¹³⁵ Имеется в виду кн. «Христианство для светских людей, сочинение Фенелона» (Париж, 1836. Т. 1–6).
- ¹³⁶ После того как 14 февраля 1831 г. в церкви Сен-Жермен Л'Осеруа состоялось богослужение в память герцога Беррийского, заколотого Л. Лувелем в 1820 г., толпа разгромила здание церкви.
- ¹³⁷ К этому месту было дано редакционное примечание: «По поводу его последней поэмы “Jocelyn”» («Жослен»).
- ¹³⁸ «Осенние листья» — название сборника стихов В. Юго (1831).
- ¹³⁹ Православие — здесь: правоверное католичество.
- ¹⁴⁰ С 1833 г. Ламартин вёл активную политическую деятельность в палате депутатов.

- 141 Ламартин путешествовал по Востоку с мая 1832 по сентябрь 1833 г.
- 142 См. комм. к «Отрывкам из заграничной переписки», [1].
- 143 Имеется в виду П. С. Мещерский — обер-прокурор Святейшего Синода и председатель Библейского общества (секретарем которого А. И. Тургенев состоял в 1805–1822 гг.).
- 144 П. С. Балланш был автором труда «Опыты социальной палингенезии» (Париж. 1827–1829. Т. 1–2). Палингенезия — перерождение.
- 145 См. «Письма из Дрездена». [2]. Глобист — см. комм. к «Письмам из Дрездена», [1].
- 146 См. «Письма из Дрездена», [1] и комм.
- 147 о религиозных направлениях нашего века (*фр.*).
- 148 некто из всех (*лат.*).
- 149 Имеется в виду жена Луи-Филиппа Мария-Амелия и их дочери — Мария и Клементина.
- 150 Обе эти газеты, издававшиеся католическими крутами, были основаны в 1833 г.
- 151 Так А. И. Тургенев называет *Совр.*, о котором Вяземский высказался (в письме от 19 января 1836 г.): «род Quarterly Review <Ежеквартального обозрения>» (ОА. 3. С. 281).
- 152 Первый том книги «Европейский исторический конгресс» вышел в Париже в феврале 1836 г.; второй — в июле или начале августа того же года.
- 153 Имеется в виду польский литератор М. Чайковский (с 1832 г. проживавший во Франции и называвший себя «казаком»), который 20 ноября 1835 г. выступил на Историческом конгрессе в Париже с речью «Каково было влияние казаков на литературу Севера и Востока», где охарактеризовал «Слово о полку Игореве» как образец казачьей поэзии, а Бояна — как «хазарского поэта».
- 154 К этому месту было сделано редакционное примечание: «Эта та самая книга, о которой известие помещено во II томе «Современника», С. 247–266». Имеется в виду книга М. Маршана «Комментарий к Запискам Юлия Цезаря...» (Париж, 1836), текст которой был продиктован Наполеоном на острове Святой Елены, а также статья П. А. Вяземского «Наполеон и Юлий Цезарь».
- 155 Далее по цензурным причинам был исключен фрагмент о назначении А.-Г.-П. Баранта послом в Россию (см.: *Изд. 1964.* С. 516–517).
- 156 Ш.-Ж.-М. Лукас, с 1830 г. занимавший должность генерального инспектора тюрем, в 1836 г. был избран в Академию моральных и политических наук (нравственное отделение Института), входившую в состав Французской академии. О Лукасе и Токвиле А. И. Тургенев писал в «Хронике русского» (см.: *Изд. 1964.* С. 174–175).
- 157 Ш.-Ф. Лафон в начале XIX в. был придворным скрипачом императора Александра I.
- 158 «Игре любви и случая» (*фр.*).

- ¹⁵⁹ «Записки» герцогини д'Абрантес (1831–1835. Т. 1–18) охватывали периоды Революции, Империи и Реставрации.
- ¹⁶⁰ «Вечер у мадам Жоффрен» (*фр.*).
- ¹⁶¹ О выборах в Академию, состоявшихся 18 февраля 1836 г., см. в предшествующей «Хронике русского» (*Изд. 1964. С. 77*).
- ¹⁶² О знакомстве А. И. Тургенева и Бальзака см.: *Изд. 1964. С. 517*.
- ¹⁶³ «Он поступает так же, как Шатель» (*фр.*).
- ¹⁶⁴ См. «Отрывки из заграничной переписки», [1].
- ¹⁶⁵ «Господин Ламартин — пантеист, как и все поколение, к коему он принадлежит» (*фр.*).
- ¹⁶⁶ «Господин Ламартин возродил к новой жизни французскую поэзию; он её омолодил и обогатил. Он нашел гармоническое выражение тому глубокому религиозному и философскому унынию, которое подтачивает наше поколение. Мастер слова, он с огромным воодушевлением сделал литературный язык более гибким; он создал из него необозримые водные просторы, где каждая волна сверкает красками и отсветами» (*фр.*).
- ¹⁶⁷ «Стоны души» — поэтический сборник юриста А. Имберди (1835), открывавшийся письмом Ф.-Р. Ламенне автору.
- ¹⁶⁸ «Европа и Турция с 1829 по 1836 г.» (*фр.*).
- ¹⁶⁹ Имеется в виду русско-турецкая война 1828–1829 гг.
- ¹⁷⁰ В начале марта 1836 г. в Париже вышла анонимная брошюра «Открытия на Луне, сделанные с Мыса Доброй Надежды Гершелем-младшим <...> Сочинение американца из Нью-Йорка». В этом произведении утверждалось, что Гершелю удалось разглядеть в телескоп жителей Луны — гигантов, заросших шерстью. В *Совр.* (1836. Т. I. С. 256) П. Б. Козловский назвал эту брошюру «дерзкой наглостью какого-то шарлатана».
- ¹⁷¹ «Неизданная переписка Вольтера с Фридрихом II, с президентом де Броссом и т. д. и т. д.» (*фр.*). К этому месту было дано редакционное примечание: «Об этой книге также уже говорено в “Современнике”» (Т. III. С. 158–169, в статье «Вольтер». Указанная статья принадлежала Пушкину).
- ¹⁷² «Школа стариков» <...> «Непредвиденное пари» (*фр.*).
- ¹⁷³ Вероятно, имеется в виду т. н. французская церковь Ф. Шателя.
- ¹⁷⁴ о человеческом почтении (*фр.*).
- ¹⁷⁵ Герцог Броглио был женат на дочери Ж. де Сталь (см. комм. к «Отрывкам из заграничной переписки»), [1].
- ¹⁷⁶ богослужение с безвозмездным духовенством (*фр.*).
- ¹⁷⁷ Имеется в виду невестка Ж. де Сталь — жена её сына, барона О.-Л. де Сталь. Коппе (Копет) — замок в Швейцарии, где подолгу жила Ж. де Сталь. Гробницы — могилы Ж. Неккера и Ж. де Сталь, его дочери.
- ¹⁷⁸ См. «Отрывки из заграничной переписки», [1].
- ¹⁷⁹ Имеются в виду «Письма об Англии» О.-Л. де Сталья (1825).

- ¹⁸⁰ По завещанию мадам Рекамье её биографические записки были уничтожены; сохранившиеся фрагменты опубликованы в издании, подготовленном А. Ленорманом: «Воспоминания и переписка мадам Рекамье» (Париж. 1859. Т. 1–2).
- ¹⁸¹ Ж. де Сталь была изгнана Наполеоном из Парижа в 1803 г.; в 1811 г. та же участь постигла гостившую тогда в Коппе мадам Рекамье.
- ¹⁸² Речь идет о *Совр.*
- ¹⁸³ «Сеятель» — газета, издававшаяся протестантскими кругами в 1831–1850 гг. А. И. Тургенев высоко оценил её направление. На смерть А. И. Тургенева газета откликнулась прочувственным некрологом, написанном её издателем А. Люттеротом (1846. Т. XV. № 2. 14 янв. С. 13–15).
- ¹⁸⁴ Осенью 1836 г. поэма Ламартина «Жослен» была внесена в список книг, запрещенных католической церковью.
- ¹⁸⁵ Об этом сюжете см.: *Абеляр П.* История моих бедствий. М., 1959.
- ¹⁸⁶ Там было два или три стиха, которые следует запомнить (*фр.*).
- ¹⁸⁷ «Он жив, мадам, но не для вас». <...> приблизительно <...> «И ваш возлюбленный не может быть супругом!» <...> «Листья самых прекрасных лавров горьки» (*фр.*).
- ¹⁸⁸ где гости собирались невзначай (*фр.*).
- ¹⁸⁹ ...приблизительно (*фр.*). «Мне всегда казалось более приятным звание друга или, если ты не возмущишься, любовницы или наложницы» (лат.).
- ¹⁹⁰ в монастырь Аржантей (*фр.*).
- ¹⁹¹ «Поскольку Элоиза не может более быть женой Абеяра, ему не нужно больше быть мужчиной» (*фр.*).
- ¹⁹² буриме (*фр.*) — игра в слова.
- ¹⁹³ умозрительный (*фр.*).
- ¹⁹⁴ мрачный (*фр.*).
- ¹⁹⁵ министр (*фр.*).
- ¹⁹⁶ сверху донизу (*фр.*).
- ¹⁹⁷ настоятель палаты пэров (*фр.*).
- ¹⁹⁸ «друзей детства» (*фр.*).
- ¹⁹⁹ Несколько иначе сформулированный тезис содержится в трактате «О духе законов» (кн. XXIV, гл. I). См.: *Монтескье Ш.* Избранные произведения. М., 1955. С. 530.
- ²⁰⁰ «католическое учение» (*фр.*).
- ²⁰¹ Шизматик (схизматик) — раскольник; здесь — православный.
- ²⁰² «В Монтескье нет ничего католического» (*фр.*).
- ²⁰³ «Тише» — водевиль Э. Скриба (1836).
- ²⁰⁴ Цитата из оды Г. Р. Державина «Водопад» (1791–1794).
- ²⁰⁵ «Парижского мальчугана» (*фр.*).
- ²⁰⁶ зевака (*фр.*).
- ²⁰⁷ Часть Булонского леса; популярное место для прогулок.

- ²⁰⁸ «Гений христианства» — трактат Шатобриана (1802); фрагменты из него см. в кн.: Эстетика раннего французского романтизма. М., 1982. С. 94–220.
- ²⁰⁹ «Прекрасно начать “Гением христианства” и закончить Приютом святой Терезы» (*фр.*).
- ²¹⁰ Имеется в виду книга У. Чаннинга «Личность и творчество Джона Мильтона» (1828).
- ²¹¹ Социнианизм — рационалистическое течение в протестантизме; его адепты отвергали догмат о Троице и рассматривали Христа как человека, а не как Бога.
- ²¹² великий человек (*англ.*).
- ²¹³ «Хотя лишенный зренья, он видел свет» (*англ.*).
- ²¹⁴ «Защита английского народа» — трактат Д. Мильтона, где обосновывалась необходимость казни короля Карла I.
- ²¹⁵ взгляды (*нем.*).
- ²¹⁶ Имеется в виду книга У. Чаннинга «Разбор личности Наполеона Бонапарты...» (1828), где, признавая за Наполеоном военный гений, автор осуждает его как деспота.
- ²¹⁷ Члены ордена трапистов должны были придерживаться строгих правил поведения и соблюдать обет молчания.
- ²¹⁸ Этот трапист был в Москве в 1809 или в 1810 г. и разъезжал тогда по вечеринкам, балам и обедам в черном гусарском мундире с мертвой головой из серебра, выделанной на груди. Его полюбили за оригинальность, веселость и остроумие.
- ²¹⁹ Имеется в виду книга Шатобриана «Путешествие из Парижа в Иерусалим» (1811).
- ²²⁰ См. комм. к «Отрывкам из заграничной переписки», [1].
- ²²¹ См. комм. к «Отрывкам из заграничной переписки», [1].
- ²²² Цитата из «Оды на день восшествия на всероссийский престол императрицы Елизаветы Петровны» М. В. Ломоносова (1747).
- ²²³ Имеется в виду падение министерства герцога Броглио, составленного из членов партии доктринеров. Это произошло в начале 1836 г. из-за разногласий кабинета с министром финансов Ш. Гуманом, предложение которого о конверсии рент на 5 процентов впоследствии было поддержано палатой депутатов. “Est-ce clair? <Ясно это?>” — фраза из заявления Броглио в палате, из которого следовало, что кабинет не намерен осуществлять предложение Гумана. Об этом эпизоде А. И. Тургенев кратко упомянул в предшествующей «Хронике русского» (см.: *Изд. 1964*. С. 66–67).
- ²²⁴ Ф. Гизо, служивший секретарем Министерства внутренних дел в период Первой Реставрации, оставался на этом посту и во время Ста дней; когда же Наполеон сместил его (в мае 1815 г.), он распустил слух о том, что император мстил за отказ от присяги. После публичного опровержения

- этого слуха Гизо вынужден был удалиться в Гент (Ган), где находился бежавший из Франции Людовик XVIII.
- ²²⁵ См. «Письма из Дрездена», [2].
- ²²⁶ См. сходную оценку, данную в письме Вяземского А. И. Тургеневу от 11 февраля 1836 г. (ОА. 3. С. 296–297).
- ²²⁷ Ф. Гизо снова занимал министерскую должность в конце 1836–начале 1837 г.; с конца 1840 и до февраля 1848 г. он был министром иностранных дел и фактически руководил как внешней, так и внутренней политикой страны.
- ²²⁸ Имеется в виду брошюра А. Лёве-Веймара «Письмо министру 1828 г. о министре 1836 г.», являющаяся отдельным изданием статьи «Г-н Адольф Тьер» (1835); её автор был весьма скептически настроен по отношению к новому (с февраля 1836 г.) премьер-министру.
- ²²⁹ «И один за другим отстают...» — контаминированная цитата из «Идеалов» Шиллера.
- ²³⁰ Имеется в виду Королевский совет общественного образования.
- ²³¹ он также имеет шансы (*фр.*).
- ²³² Имеется в виду левая оппозиция.
- ²³³ «Это поколение принадлежит вам, и вы будете принадлежать ему ещё в течение десяти лет; но потом наступит очередь социальной партии <...> стать во главе» (*фр.*).
- ²³⁴ «Я приветствую социальную партию» (*фр.*).
- ²³⁵ вся социальная партия может разместиться на козетке (*фр.*).
- ²³⁶ что он еще более глубокий политик, чем великий поэт (*фр.*).
- ²³⁷ С февраля по декабрь 1848 г. Ламартин входил в состав Временного правительства Франции.
- ²³⁸ Поездка Ламартина в Петербург не состоялась.
- ²³⁹ А.-Ф.-П. Фаллу побывал в России летом 1836 г. (он — автор «Записок роялиста», опубликованных в Париже уже в 1925 г.).
- ²⁴⁰ «Коммерческая газета» издавалась в 1825–1860 гг. при департаменте внешней торговли Министерства финансов, где тогда служил П. А. Вяземский. «Могу по крайней мере похвалиться, что моя газета благовиднейшая из русских газет наружностью», — писал он А. И. Тургеневу 14 февраля 1836 г. (ОА. 3. С. 300).
- ²⁴¹ «Словарь коммерции и товаров Мак-Каллаха» (*фр.*).
- ²⁴² Имеется в виду «Всеобщий словарь торговли, естественной истории, искусств и ремесел» Ж. Савари де Брюлона, опубликованный в 1723 г. — после смерти автора.
- ²⁴³ «Ежедневника» (*фр.*).
- ²⁴⁴ «XVII век — это потерянный рай литературы» (*фр.*).
- ²⁴⁵ «по поводу пострижения мадам ла Вальер» (*фр.*).
- ²⁴⁶ разночинцах (*фр.*).

- ²⁴⁷ Цитата из проповеди Ж.-Б. Боссюэ в тексте *Совр.* приведена по-французски.
- ²⁴⁸ Цитаты из статьи «Боссюэ проповедник» в тексте *Совр.* приведена по-французски.
- ²⁴⁹ Ниже следует пересказ статьи, содержащей критический разбор книги Э. Лерминье «Этюды по истории и философии» (1836. Т. 1–2).
- ²⁵⁰ «Вы ошибаетесь, Паскаль» (*фр.*). В статье «Об обучении сравнительному праву», вошедшей в Т. 2 «Этюдов...», Лерминье полемизировал с Паскалем, утверждавшим, что человеку не дано до конца уразуметь понятия «справедливость» и «истина».
- ²⁵¹ ежеминутно соединяет его имя с именем Бэкона, Боссюета, Лейбница и принимает его слишком всерьёз (*фр.*).
- ²⁵² Цитаты из авторского предисловия к «Этюдам...» и критической статьи об этой книге в тексте *Совр.* приведены по-французски.
- ²⁵³ Цитата из статьи о Лерминье в тексте *Совр.* приведена по-французски.
- ²⁵⁴ Цитата из книги Лерминье в тексте *Совр.* приведена по-французски.
- ²⁵⁵ Все цитаты в этом абзаце, а также заключительная фраза самого А. И. Тургенева в тексте *Совр.* даны по-французски.
- ²⁵⁶ В тексте *Совр.*, по всей вероятности, опечатка; следует читать: Мюзар (см. *Изд. 1964. С. 73*).
- ²⁵⁷ высшая школа верховой езды (*фр.*).
- ²⁵⁸ «слабый и неусердный почитатель богов!» (*лат.*).

Отрывок из записной книжки путешественника

Впервые: *Совр.* 1837. Т. V. С. 294–310. Без подписи. Печатается по: *Изд. 1964. С. 113–118.*

- ²⁵⁹ См. *Изд. 1964. С. 119–110.*
- ²⁶⁰ Имеется в виду императрица Елизавета Алексеевна (жена Александра I), которая по матери, баденской маркграфине Амалии, приходилась племянницей веймарской герцогине Луизе.
- ²⁶¹ прожила, хорошо поступая (*лат.*).
- ²⁶² Букв.: язычество.
- ²⁶³ «Среди французских ученых он наиболее проникнут немецким духом» (*фр.*).
- ²⁶⁴ Цитата из оды Ф. Шиллера «К радости».
- ²⁶⁵ Цитата из баллады В. А. Жуковского «Двенадцать спящих дев» (посвящение).
- ²⁶⁶ Мала ты и незначительна между германских рек,
Но ты слышала много бессмертных песен (*нем.*).
- ²⁶⁷ Добро пожаловать (*лат.*).
- ²⁶⁸ Автор этого стихотворения, сохранившегося в архиве Гёте, неизвестен.

- ²⁶⁹ Без сомнения, много остается от великого имени. <...> ничего (лат.).
- ²⁷⁰ «Света, больше света» (нем.).
- ²⁷¹ О взаимоотношениях А. И. Тургенева и Вальтера Скотта см.: Изд. 1872. С. 396–400; Алексеев М. П. Русско-английские литературные связи (XVIII в. – первая половина XIX в.). М., 1985. С. 326–347.
- ²⁷² См. «Отрывки из заграничной переписки».
- ²⁷³ «Без передышки, без сомнения» (нем.).
- ²⁷⁴ От английских друзей немецкому мастеру (англ.).
- ²⁷⁵ Великим неизвестным (the great unknown) Вальтера Скотта называли по той причине, что долгое время он выпускал свои романы под псевдонимом «автор Уэверли». О публичном признании Вальтером Скоттом своего авторства А. И. Тургенев рассказал в одной из корреспонденций 1827 г. (см.: Изд. 1964. С. 20–22).
- ²⁷⁶ См. Изд. 1964. С. 118–119.
- ²⁷⁷ Имеется в виду Дружеское литературное общество, собиравшееся в Москве в 1801 г. Юный гений — Ан. И. Тургенев.
- ²⁷⁸ Имеется в виду перевод элегии Т. Грея «Сельское кладбище», посвященный Жуковским Ан. И. Тургеневу.
- ²⁷⁹ Цитата из стихотворения Жуковского «Тургеневу, в ответ на его послание» (1813).

Европейские корреспонденции. Хроника русского в Париже

В 1838 г. редактором *Совр.* стал П. А. Плетнев, который высоко ценил сотрудничество А. И. Тургенева в своем журнале. В 1838–1839 гг. здесь был напечатан целый ряд корреспонденций А. И. Тургенева под общим заголовком «Хроника русского в Париже», однако, между автором и издателем постоянно возникали трения — А. И. Тургенева, в частности, не удовлетворяла редакторская обработка его материалов. Отношения обострились в середине 1841 г., и хотя А. И. Тургенев (в письме Плетневу от 2/14 июля) согласился продолжать участие в *Совр.* (забывая «старые опечатки и недопечатки»), он объявил, что основной массив парижской корреспонденции, распоряжаться которой было поручено Е. А. и Д. Н. Свербеевым, желал бы видеть напечатанным в новом журнале «Москвитянин», «коего имя льстит моему московскому сердцу» (См.: Проскурина В. Ю. Неизданные письма А. И. Тургенева: (К истории публикации «Хроники русского» в «Современнике») // Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и языка. № 4. С. 337). По разным причинам сотрудничество А. И. Тургенева в «Москвитянине» началось только в 1845 г.; что же касается Плетнева, то на рубеже 1841–1842 гг. он опубликовал ещё две корреспонденции из цикла «Хроника русского в Париже». В настоящем издании печатается фрагмент, который оказался последним материалом А. И. Тургенева, увидевшим свет в *Совр.* (Появившаяся в Т. XXVIII *Совр.* за 1842 г. «Выписка из европейской переписки русского хрониканта», подпи-

санная привычным криптонимом Э. А., представляла собой отрывок из письма Н. И. Тургенева А. И. Тургеневу — см.: ОА. 4. С. 165–166).

Впервые: *Совр.* 1841. Т. XXV. Отд. I. С. 5–14. Подпись Э. А. Печатается по: *Изд.* 1964. С. 222–226.

²⁸⁰ Публикация упомянутого письма К. Н. Батюшкова А. И. Тургеневу неизвестна. Письмо Пушкина С. И. Тургеневу от 21 августа 1821 г. (из Кишинева) см.: *Пушкин.* Т. XIII. С. 31–32.

²⁸¹ Имеется в виду драма Шиллера «Мария Стюарт» (в переводе Лебрена). А. И. Тургенев ушёл после 3-го акта, где обе героини единственный раз находятся на сцене вместе.

²⁸² «Я нашёл в этой книге одну прекрасную страницу» (*фр.*).

²⁸³ В 1842 г. в Париже вышла книга Ж. Жубера «Мысли, опыты и максимы, а также его письма к друзьям» (Ч. 1–2), изданная племянником писателя П. де Рейналем. Первое издание «Мыслей» Жубера было осуществлено в 1838 г. Шатобрианом, который не пустил его в продажу, а роздал друзьям. Свой экземпляр этого издания (с дарственной надписью Шатобриана) А. И. Тургенев послал в Россию и очень дорожил им. В письме от 8/20 апреля 1839 г. он инструктировал А. Я. Булгакова: «...дай сперва прочесть Чаадаеву, но с тем только, чтобы он непременно возвратил её тебе. <...> Если Чаад[аев] не обещает через неделю или 10 дней возвратить, то не дай ему, а отошли прямо к сестре [А. И. Нефедьевой], ибо он не аккуратен в книгах, а для меня эта драгоценна» (РГАЛИ. Ф. 79. Оп. I. № 48. Л. 57 об.; ср. письмо тому же адресату от 24 ноября / 7 декабря 1838 г. — *Изд.* 1939. С. 220–221).

²⁸⁴ А. И. Тургенев познакомился со Стендалем в 1829 г.; в дальнейшем они часто встречались в Париже и Риме (см.: Мюллер-Кочеткова Т. В. Стендаль по материалам архива А. И. Тургенева // Учен. зап. Латвийского гос. ун-та, Рига. 1972. Т. 174).

²⁸⁵ «О подземном Риме» (*фр.*).

²⁸⁶ Далее А. И. Тургенев приводит текст письма Мальзерб, опущенный в настоящем издании.

²⁸⁷ в кассационном суде (*фр.*).

²⁸⁸ в королевском суде города Ренн (*фр.*).

²⁸⁹ См. комм. к корреспонденции «Париж (Хроника русского)».

²⁹⁰ «Господин Дюпень является верным представителем общественного мнения своей эпохи; но ему этого достаточно, и он не идет ни дальше, ни выше; у господина Гелло более высокие запросы; он более склонен искать причины событий, поэтому он не останавливается там, где останавливается общественное мнение его эпохи, как это делает господин Дюпень» (*фр.*).

²⁹¹ во дворце изящных искусств (*фр.*).

²⁹² на бульвар (фр.).

²⁹³ Герцог Энгиенский (Луи Антуан Анри де Бурбон) был расстрелян 21 марта 1804 г. по подозрению в участии в заговоре против Наполеона.

²⁹⁴ «Его недаром так зовут» (фр.).

²⁹⁵ «на досуге с достоинством» (лат.).

²⁹⁶ в Училище правоведения (фр.).

[Из неизданной «Хроники русского в Париже»]

В марте 1842 г. А. И. Тургенев прислал в Москву очередную порцию писем, которые летом оказались в распоряжении Плетнева. 17 августа Вяземский писал вернувшемуся в Москву А. И. Тургеневу: «Плетнев только что собрался было напечатать выписки из твоих писем для составления Хроники, но по случаю приезда твоего я дело остановил» (ОА. 4. С. 158). А. И. Тургенев, затребовавший себе подготовленные материалы, сначала усомнился в целесообразности их публикации (как утративших злободневность), затем отвлекся на другие дела, и в итоге возобновление «Хроники русского в Париже» в *Совр.* не состоялось (подробнее см.: *Проскурина В. Ю.* Указ. соч. С. 330–340). Выборки из писем А. И. Тургенева, составленные Плетневым и просмотренные автором, сохранились. В этой рукописи, уже готовой для печати, есть следующее предуведомление: «Письма корреспондента нашего, по непредвиденным обстоятельствам, позже обыкновенного дошли до редакции «Современника». В них по-прежнему все полно жизни и занимательности; все любопытное замечено; всегдашнее разнообразие; тот же свободный, отличающийся движением слог. Но эпоха рассказа промелькнула. Новые события заняли умы. Вот почему нашлись мы в необходимости, особенно в первых письмах, ограничиться выписками только того, что должно остаться в литературе или истории как звено между прошедшим и будущим. Редакция» (Ф. 309. № 1257. Л. 1).

Печатается по первой публикации: *Изд. 1989.* С. 122–124.

²⁹⁷ 14 декабря 1841 г. А. Мицкевич начал второй курс лекций о славянских литературах в Коллеж де Франс. С польским поэтом А. И. Тургенев познакомился 13 июня 1829 г. (см.: *Изд. 1964.* С. 464); в 1840–1844 гг. он был частым слушателем лекций о славянской литературе. В начале 1841 г. А. И. Тургенев рекомендовал Мицкевича министру просвещения Франции (и писателю) А. Ф. Вильменю для составления каталога славянских рукописей, хранившихся в Королевской библиотеке (см. письмо А. И. Тургенева Е. А. Свербеевой от 9 (21) февраля — *РА. 1896.* № 2. С. 201–202; *Зильберштейн И. С.* А. И. Тургенев — ходатай за Адама Мицкевича // *Изв. АН СССР. Отд. литературы и языка.* № 6. С. 544–546).

²⁹⁸ Текст второй лекции Мицкевича, прочитанной 21 декабря 1841 г., см.: Мицкевич А. Собр. соч.: В 5 т. М., 1954. Т. 4. С. 295–308.

²⁹⁹ Общество прений (*англ.*).

³⁰⁰ С конца 1830-х гг. в Англии дебатировался вопрос об отмене пошлин на ввоз хлеба. «Великая реформа» была произведена в 1846 г. и означала переход английской экономики от принципа протекционизма к фритредерству.

³⁰¹ В 1837–1841 гг. И. Деларош создал роспись дворца изящных искусств в Париже — «Собрание знаменитых художников средних веков и нового времени».

³⁰² премий Монтиона (*фр.*).

³⁰³ для светских людей (*фр.*).

II. ИЗ ДНЕВНИКОВ.

Дневниковые записи 1823–1824 гг.

[1].

Печатается по первой публикации: *Изд. 1989. С. 264.*

[2].

Впервые: Пугачев, 1962. С. 44–45. Печатается по: *Изд. 1989. С. 264–265.*

³⁰⁴ Имеется в виду Н. М. Карамзин.

Из дневников (1825–1826 гг.)

Дневники А. И. Тургенева являются частью обширного фонда братьев Тургеневых, поступившего в начале XX в. в Архив Академии наук в дар от Петра Николаевича Тургенева, сына Н. И. Тургенева.

Дневники А. И. Тургенева, которые он вел с 1825 по 1845 г., — документы первостепенного значения для изучения развития литературы и общественной мысли России и Западной Европы второй четверти XIX в.

Первая публ.: *Изд. 1964. Печатается по этому изд.: С. 283, 293–296, 298–300, 304–305, 312–313, 334–335, 350–351, 358, 363, 366–368, 370–371, 374–375, 379–380, 391–392, 398, 404, 407, 410–411, 422–425, 427–428, 431–438.*

³⁰⁵ «Не видеть бы мне никогда Витенберга, не читать бы книг» («Фауст» Марло?) (*англ.*). А. И. Тургенев приводит слова Фауста из произведения Кристофера Марло «Трагическая история доктора Фауста» (*Marlowe Ch. The best plays. London, 1947. P. 225.*)

- ³⁰⁶ «Если вопрошаешь памятник — оглянись!» (*лат.*). Это изречение архитектора Рена А. И. Тургенев неоднократно цитирует в своих дневниках.
- ³⁰⁷ А. И. Тургенев познакомился с Ф. Шеллингом в те годы, когда последний перерабатывал свою натурфилософскую систему, оказавшую большое влияние в мистико-религиозном направлении на Гегеля и других мыслителей в начале XIX в. В беседах с Тургеневым Шеллинг делился с ним планом своего курса в «форме мифологических исследований», с которым он выступил сначала в Мюнхене в 1831 г., а затем значительно позднее (в 1841 г.) в Берлинском университете, читая там лекции по философии откровения и мифологии. В виде книги этот курс был опубликован посмертно: *Schelling F. Die Philosophie der Mythologie und Offenbarung*. 1857. Помимо А. И. Тургенева, с Шеллингом были лично знакомы многие русские писатели и мыслители: П. Я. Чаадаев, Ф. И. Тютчев, братья И. В. и П. В. Киреевские, С. П. Шевырев и др. В России шеллингианская философия оказала значительное воздействие на мировоззрение любомудров. Однако, в пушкинском кругу философия Шеллинга вызывала скептическое отношение. «Я не дам шиллинга за всего вашего Шеллинга, не потому, что не уважаю его, — уважаю всякое действующее лицо в сфере умственной деятельности; но потому, что не понимаю его и слишком стар, чтоб учиться понимать. Ещё несколько лет потерпеть, и само собой сравняемся с ним в знании», — иронически писал 27 августа (ст. ст.) 1833 г. П. А. Вяземский А. И. Тургеневу (ОА. Т. III. С. 249).
- ³⁰⁸ Немецкий историк Бартольд Георг Нибур в начале 1820-х гг. ушёл в отставку с должности прусского посланника в Риме, которую он занимал с 1816 г. Его основной труд «*Römische Geschichte*», оказавший большое влияние на развитие исторической науки в Европе, выходил с 1811 по 1832 г.
- ³⁰⁹ В разговоре с вел. кн. Константином Павловичем А. И. Тургенев заступался за Ф. Н. Глинку, активного члена Союза благоденствия; как видно из их разговора, Ф. Н. Глинка был на сильном подозрении у властей.
- ³¹⁰ О личных встречах датского писателя Енса Баггесена с Н. М. Карамзиным и о сходных мотивах в их творчестве см. работу К. Тиандера «Лабиринт» Баггесена и «Письма русского путешественника» Карамзина. (К. Тиандер. Датско-русские исследования. СПб., 1912. Вып. 1. С. 1–82).
- ³¹¹ Сен-Мартина духовным трупом (*нем.*).
- ³¹² Глядя на человечество (*англ.*).
- ³¹³ На досуге и с достоинством (*лат.*).
- ³¹⁴ Господь наш — надежная крепость (*нем.*).
- ³¹⁵ Сияет незапятнанной честью (*лат.*).
- ³¹⁶ Как установлено М. Вишницером на основании дневника А. И. Тургенева, при свидании братьев Тургеневых со Штейном в Нассау разговор шел о политическом и социальном состоянии Европы и Америки. Штейн был озабочен падением влияния аристократии в Англии, хвалил Боливара

и называл «важным происшествием» освобождение Южной Америки от испанского господства (*Вишницер М.* Барон Штейн и Николай Иванович Тургенев // *Минувшие годы.* 1908. Вып. X. С. 276). Н. И. Тургенев знал Штейна с декабря 1813 г., стал его секретарем в Центральном административном совете, созданном Россией и Австрией для управления территориями, освобожденными от наполеоновского владычества. О совместной работе со Штейном Н. И. Тургенев писал в своем сочинении «Россия и Русские».

³¹⁷ О пребывании мадам де Сталь в России в 1812 г. см. статью С. Дурылина «Г-жа де Сталь и её русские отношения» (*ЛН.* Т. 33–34. М., 1939. С. 263–279). Судя по тексту дневника А. И. Тургенева, можно предполагать, что в 1812 г. он познакомился не только с Августом Шлегелем, но и с мадам де Сталь. Таким образом, имя Тургенева по-видимому, следует добавить к списку её русских знакомых, приведенному в статье С. Дурылина.

³¹⁸ После убийства Лувелем герцога Беррийского в феврале 1820 г. правительство Деказа пало, а Гизо вышел в отставку, отказавшись способствовать новому правительственному курсу, направленному на усиление феодальной реакции.

³¹⁹ Приблизительно (*фр.*).

³²⁰ первого наброска (*фр.*).

³²¹ Речь идёт о французском философе Викторе Кузене, который в 1820-е годы был видным представителем либеральной оппозиции. Нежелание Кузена знакомиться с братьями Тургеневыми объясняется провокационными слухами, которые распространили о них в Париже, по-видимому, агенты русского правительства.

³²² Или которые ему приписали (*фр.*).

³²³ В 1825 г. в Париже были изданы мемуары Лекена с предисловием Тальма, которые, по совету А. И. Тургенева, были переведены и напечатаны в *МТ* (1827. Ч. XVII. Отд. I. С. 5–23, 149–182).

³²⁴ «Лекен не имел учителя» (*фр.*).

³²⁵ «Гению нельзя научиться» (*фр.*).

³²⁶ Тальма рассказывал А. И. Тургеневу о премьере трагедии Легуве «Эпихарис и Нерон, или Заговор ради свободы», которая состоялась 4 февраля 1784 г. Ссылаясь на воспоминания современника, А. Дейч утверждает, что на этой премьере произошла дантонистская демонстрация, направленная против присутствовавшего на спектакле Робеспьера (см.: *Дейч А.* Тальма. «Молодая гвардия», М., 1934. С. 187).

³²⁷ «Это ужасно! Какая новость!.. Русский император умер!» (*фр.*).

³²⁸ Имеются в виду решения Государственного Совета.

³²⁹ Свидание Александра I с А. И. Тургеневым в Зимнем дворце состоялось по просьбе последнего. Сохранилось начало черновика письма А. И. Тургенева царю, из которого видно, что Александр Иванович, обеспокоенный ухудшением отношения самодержца к нему и братьям, решил

начистоту объясниться с монархом. Вот текст этого черновика: «Простите, гос[ударь], моей дерзости, но опасение, чтобы не укрепилось в вас мнение, от которого зависит участь всего нашего семейства, и скорый отъезд ваш, заставили меня прибегнуть к средству необыкновенному, в первый и, конечно, в последний раз в жизни.

Я умоляю вас — позволить предстать пред вами не столько с оправданием, сколько с чистосердечной исповедью. Ваше в[еличество], можете вы выслушать меня в полчаса и даже менее. Выслушайте, умоляю вас, и тогда накажите за теперешнюю дерзость, если найдете, что старшему в семействе, которое служило и служит вам с честью, не следовало прибегать к сему средству.

Есть ли вы спросите, какие причины заставляют меня некоторым образом оправдываться, тогда как никто гласно не обвинял нас. Именно негласность сих обвинений, глухие, по-видимому, незначашие и не определительные отзывы — и следствие сих отзывов, влияние их на службу нашу, смею сказать, на самые дела. Несколько минут неприказного объяснения лучше покажут правила наши, нежели догадки, основанные часто хотя и на вероятных, но не всегда справедливых донесениях. 20 лет тому назад я воспитывался в иностр[анном] университете; но первое образование получил в русском, под непосредственным надзором отца, которого и неприятели не укоряли в вольнодумстве. Братья также. — Пусть спросят у русских и иностранцев, какую память оставили мы по себе в чужих краях.

Возвратившись, я желал продолжать службу в иностранной коллегии; но повиновался воле отца и назначению Новосильцева, с вредом для службы; ибо кн. Чартор[ыжский] принял мой переход к Нов[осильцову] дурно — и лишил меня чина, который дал моему товарищу по университету и по службе.

У Нов[осильцова] служил и был употреблен по делам разного рода. Отклонял всегда разные предложения, наблюдая правило постоянства в службе. — Я не помню, чтобы начальство, невзирая на тогдашнюю неопытность мою и, тоже смею сказать, прямодушие, заметило меня в каком-либо предосудительном поступке; старался употребить в пользу сведения, приобретенные в чужих краях; тогда никто не думал ещё упрекать европейскою образованностью и щеголять, выслуживаться невежеством. — Я думал служить в духе правительства и не подвергнул себя ни малейшему нареканию по делам, несмотря, что тогда в словах был часто неосторожен, в чем признаюсь пред вами с радостью, вспоминая, что грехи юности, и то грехи словом, а не делом, вами с радостью же и прощены будут. Горе тому, кто в тогдашние мои лета не был грешен таким образом!

Новосильцова не покинул я и тогда, когда почти все его покинули, и думал с гордостью, что вы это заметите, государь. — Меня передали по

службе Сперанскому и кн. Лопухину. От первого ожидал себе неприятностей, не зная его и полагая, что до него доходили мои дерзкие суждения о его редакциях. Я же ему был совсем неизвестен и в первый раз в жизни увидел его тогда, как он уже был моим начальником. Но он употребил меня деятельно — хотя и не надолго. По неизвестным причинам мне показалось, что он со мною холоден, и я принял предложенное мне место при кн. Голицыне, сохранив комисионное и отказавшись от предложений гр. Разумовского, Гурьева и Дмитриева. Не для корысти сохранил я место в комиссии законов, но по собственному желанию начальников, и не желая отвыкнуть от части, по которой служил так долго и к которой несколько приготовился в самом университете» (Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 247. Ед. хр. 4. Л. 48–49).

Как видно из дневника А. И. Тургенева, Александр I в ответ на либерально-просветительскую исповедь своего собеседника сказал примирительно и уклончиво: «Кто старое помянет...» Это был обычный прием Александра I, не желавшего, несмотря на аракчеевский курс своей политики этих лет, обострять отношения с передовой частью дворянства: события царевубийства 11 марта 1801 г., в которых он сам принимал косвенное участие, были живы в его памяти, и, по-видимому, он опасался возможности их повторения.

³³⁰ англо-французского союза (*фр.*).

³³¹ под защитой (*фр.*).

³³² Шелкоткацкое производство Спитфильда было единственной отраслью английской промышленности, в которой рабочие добились в 1773 г. парламентского акта о регулировании заработной платы. В мае 1824 г. предприниматели подали в парламент петицию с просьбой аннулировать Спитфильдский акт, мотивируя свою просьбу тем, что судьи устанавливают одинаковый минимум зарплаты за ручной труд и за машинную работу, и стали переводить свои предприятия в другие районы страны, где имелись более дешевые рабочие руки. В июне 1824 г. Спитфильдский акт, несмотря на протесты и петиции рабочих, незначительным парламентским большинством был отменен, что привело к стачкам и разрушениям машин в шелкоткацкой промышленности, к пауперизации ремесленной аристократии и к победе машинного труда над ручным в этой отрасли производства.

³³³ Минье «История французской революции» (*фр.*).

³³⁴ Деспотизм истощает свои возможности своим успехом, и он пожирает своё будущее (*фр.*).

³³⁵ «История английской революции от восшествия на престол Карла I до реставрации Карла II» Гизо (*фр.*).

³³⁶ Король тот, кто справедливо правит своим народом, если он поступает иным способом, то он более не король (*фр.*).

- ³³⁷ Такова история древней Европы: феодальная знать, духовенство, королевская власть поочередно господствовали и вершили её судьбы. В XVII веке в Англии, в XVIII веке во Франции всякая борьба между этими тремя силами прекратилась; они уживались друг с другом (*фр.*).
- ³³⁸ Одновременно потребовала свободу, направленную против королевской власти; равенство, направленное против аристократии; права человеческого разума, направленные против духовенства. Тогда разразились революции (*фр.*).
- ³³⁹ Смелость человеческого духа (*фр.*).
- ³⁴⁰ В день взрыва только один факт сохранял свою реальность и мощь: обшая цивилизация страны (*фр.*).
- ³⁴¹ Встреча Пушкина с пасторами на квартире А. И. Тургенева может быть датирована июнем-декабрем 1817 г. Подробнее об этом см. статью С. Дуррылина «Пушкин и пасторы (Из забытых свидетельств о Пушкине // 30 дней, 1937, № 2. С. 83–86). В этой статье впервые была приведена выписка из дневника А. И. Тургенева об этой встрече. Иоанн Генрих Буссе (1763–1835) с 1785 по 1819 г. жил в Петербурге. Он был с 1785 г. директором Академической гимназии, с 1795 г. — адъюнктом Петербургской АН, с 1801 г. — пастором в церкви св. Екатерины на Васильевском острове. Мюральт — с 1810 г. пастор реформатской церкви и содержатель пансиона в Петербурге. Ласозе — по-видимому, тоже пастор.
- ³⁴² Речь идет о книге А. П. Куницына «Право естественное», которая по решению Главного управления училищ была конфискована и уничтожена. Выдержка из решения Главного управления училищ о книге А. П. Куницына приведена в книге Б. С. Мейлаха «Пушкин и его эпоха» (М., 1958. С. 70), где дается разбор лицейских курсов А. П. Куницына и выясняется их влияние на Пушкина и лицейстов его круга.
- ³⁴³ А. И. Тургенев имеет в виду третье французское издание (1822) труда Дестю де Траси «Комментарий к Духу законов Монтескье» (впервые напечатано в переводе на английский язык в 1811 г.), в котором английский парламентаризм был подвергнут резкой критике в духе социальной доктрины Руссо. Утверждая необходимость установления республиканского строя, автор отрицал американскую федеративную систему и видел в президентской власти возможный источник реставрации монархии. Демократическая доктрина Дестю де Траси, оказавшая громадное влияние на карбонарское движение, была воспринята и декабристами, главным образом, членами Южного общества. Свидетельство А. И. Тургенева об успехе труда Дестю де Траси в России, который был быстро раскуплен гвардейскими офицерами, подтверждается и показаниями М. Ф. Орлова на следствии. Об использовании декабристами взгляда Дестю де Траси на организацию верховной власти см.: *Семевский В. И.* Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909. С. 545–549; *Ланда С. С.* О некоторых особенностях формирования революционной идеологии

в России // Пушкин и его время. Исследования и материалы. Вып. 1. Л., 1962. С. 137–138, 167–168.

³⁴⁴ Осенью 1821 г. во время гонений правительства Александра I на передовых профессоров Петербургского университета подвергся преследованию Э.-Б. Раупах, читавший курс всеобщей истории. Подробные материалы по делу петербургских профессоров приведены в труде М. И. Сухомлинова «Исследования и статьи по русской литературе» (Т. 1. СПб., 1889. С. 271–397).

³⁴⁵ Э.-Б. Раупах был не только профессором истории, но и плодовитым писателем. Прожив много лет в России, он писал и драмы из русской жизни. А. И. Тургенев видел его драму “Die Leibeigenen, oder Isidor und Olga. Trauerspiel in fünf Akten” (Leipzig, 1826). Об этой драме Раупаха и о возможном её влиянии на первую редакцию юношеской драмы Белинского см. статью: Шор Р. К источникам «Дмитрия Калинина» (Драма Раупаха «Крепостные») // Венок Белинскому. Сб. под ред. Н. К. Пиксанова. М., 1924. С. 205–221.

³⁴⁶ Примеры отвратительны! (лат.).

³⁴⁷ И все-таки! (нем.).

³⁴⁸ Я не променял бы родину на любую другую страну, даже имея я вольный и большой выбор (нем.).

Дневниковые записи 1831 и 1836 гг.

1831 год

Впервые: Изд. 1964. С. 520–521. Печатается по: Изд. 1989. С. 275–276.

³⁴⁹ Цитата из поэмы Пушкина «Братья-разбойники».

1836 год

Впервые: Изд. 1964. С. 478–479. Печатается по: Изд. 1989. С. 276–277.

III. ИЗ ПИСЕМ

Из обширного эпистолярного наследия А. И. Тургенева (опубликованного далеко не полностью) для настоящего издания отобраны лишь некоторые фрагменты. Весь материал распределен на пять подразделов: четыре из них составляют письма, адресованные наиболее близким Тургеневу лицам – братьям, Жуковскому и Вяземскому; в заключительном подразделе печатаются письма, адресованные другим родственникам и друзьям А. И. Тургенева. Внутри каждого подраздела фрагменты располагаются в хронологическом порядке.

Н. И. Тургеневу

1.

Впервые: *АбТ*. 2. С. 359. Печатается по: *Изд. 1989*. С. 134.

Брат Николай был одним из основных корреспондентов А. И. Тургенева. В 1820–1840-х гг. часто случалось, что А. И. Тургенев писал брату ежедневно.

³⁵⁰ Дневники Н. И. Тургенева гёттингенского периода (1808–1811) см.: *АбТ*. 1. С. 123–397. Первую тетрадь А. И. Тургенев вручил брату 21 июня 1808 г. в Петербурге. См.: Там же. С. 125.

³⁵¹ после превратностей всех, через все испытанья (*лат.*).

³⁵² С. И. Тургенев.

³⁵³ О неизданных до сих пор журналах Ан. И. Тургенева см.: *Топоров В. Н.* «Дневник» Андрея Ивановича Тургенева — бесценный памятник русской культуры // Литературный процесс и развитие русской культуры XVIII–XX вв. Таллин, 1985. С. 86–91.

2.

Впервые: *АбТ*. 2. С. 362–363. Печатается по: *Изд. 1989*. С. 134–135.

³⁵⁴ 31 октября 1803 г. вышел указ о назначении Н. М. Карамзина придворным историографом. В начале 1805 г. он закончил работу над первым томом «Истории государства российского»; в 1805 — начале 1806 г. шла работа над вторым томом.

³⁵⁵ В письме от 7 (19) октября 1808 г. Н. И. Тургенев сообщал брату: «У Шлецера я был и пересказывал ему, что вы пишете об “Истории” Карамзина. Он все как будто не верит и беспрестанно говорит, что надобно скорее печатать и представить на суд публики» (*АбТ*. 1. С. 325).

³⁵⁶ См. *ИГР*. Кн. I. Ч. 1. Т. I. С. 76.

3.

Впервые: *АбТ*. 2. С. 374. Печатается по: *Изд. 1989*. С. 136.

³⁵⁷ В 1808 г. управляющим Комиссией составления законов, где служил А. И. Тургенев, стал М. М. Сперанский. Осенью этого года он находился в свите Александра I во время его встречи с Наполеоном в Эрфурте.

4.

Впервые: *АбТ*. 2. С. 402. Печатается по: *Изд. 1989*. С. 138–139.

- ³⁵⁸ А. И. Тургенев активно помогал Карамзину в розыске исторических материалов (см. письма Карамзина А. И. Тургеневу этого периода: Русская старина. 1899. № 1. С. 211–238; № 2. С. 463–480).

5.

Впервые: *Изд. 1872*. С. 1–2. Печатается по: *Изд. 1989*. С. 139.

- ³⁵⁹ медленная лихорадка (*фр.*).

6.

Впервые: *Изд. 1872*. С. 10–11. Печатается по: *Изд. 1989*. С. 139–140.

7.

Впервые: *Изд. 1872*. С. 38–39. Печатается по: *Изд. 1989*. С. 140.

- ³⁶⁰ Имеется в виду записка Н. И. Тургенева «Нечто о крепостном состоянии в России» (*АБТ*. 5. С. 416–433), составленная в 1819 г. по предложению петербургского генерал-губернатора М. А. Милорадовича для представления Александру I. О ней см.: *Семевский В. И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX вв. СПб., 1888. Т. I. С. 449–454; *Шебунин А. Н.* И. Тургенев. М., 1925. С. 68–72.

- ³⁶¹ Ни на что не надеяться и, однако, желать — вот что такое человек (*нем.*).

8.

Впервые: *Изд. 1872*. С. 72–76. Печатается по: *Изд. 1989*. С. 141–142.

- ³⁶² См. № 7 и комм. к нему.

- ³⁶³ «Читая отношение гр[афа] Нессельроде, я вижу, что меня обвиняют в государственной измене», — сообщал Н. И. Тургенев брату в письме из Эдинбурга от 27 апреля / 9 мая 1826 г. (*АБТ*. 6. С. 380). Сводку обвинений против Н. И. Тургенева см.: *Декабристы: Биографический справочник*. М., 1988. С. 326.

- ³⁶⁴ С. И. Тургенев служил в русской миссии в Константинополе с июня 1820-го по сентябрь 1821 г.

- ³⁶⁵ Цитата из стихотворения В. А. Жуковского «Теон и Эсхин» (1814).

9.

Впервые: *Изд. 1872*. С. 114. Печатается по: *Изд. 1989*. С. 142–143.

- ³⁶⁶ В. А. Жуковский, пробывший в Веймаре с 3 по 7 сентября 1827 г., в течение трёх дней (4–6 сентября) встречался с Гёте (см.: *Дурылин С. Н.* Указ. соч. С. 339–352).

10.

Впервые: *Изд. 1872.* С. 182–183, 186–188. Печатается по: *Изд. 1989.* С. 143–145.

- ³⁶⁷ Ф.-Ц. Лагарп, в 1784–1795 гг. воспитатель великих князей Александра и Константина Павловичей, с первым из них сохранил дружеские отношения и вел многолетнюю переписку. Письмо, которое он читал А. И. Тургеневу (от 27 сентября 1797 г.), см.: *Correspondance de Frédéric César de La Harpe et Alexandre Ier.* Neuchâtel, 1978. Т. 1. Р. 214–217.

- ³⁶⁸ Лагарп выехал из Парижа в Петербург в августе 1801 г.

- ³⁶⁹ Сен-Клу (*фр.*).

- ³⁷⁰ Лагарп вернулся в Париж в мае 1802 г.

- ³⁷¹ Об этом эпизоде, возможно, относящемся к 1793 г., см.: Сухомлинов М. И. Ф.-Ц. Лагарп, воспитатель Александра I. СПб., 1871. С. 48.

11.

Впервые: *Изд. 1872.* С. 188–189. Печатается по: *Изд. 1989.* С. 145.

- ³⁷² Письмо Лагарпа Александру I от 27 августа/8 сентября 1820 г. из Лозанны см.: *Correspondance de Frédéric César de La Harpe et Alexandre Ier.* Neuchâtel, 1980. Т. 3. Р. 462–468. Упоминаемый здесь конгресс Священного союза состоялся в Троппау (октябрь — декабрь 1820 г.).

- ³⁷³ В результате революции 1798 г. союз швейцарских кантонов (в котором преобладал Бернский кантон) был преобразован в унитарную Гельветическую республику, состоявшую из провинций. Лагарп был первым директором (в 1798–1799 гг.) этой республики, просуществовавшей до 1803 г.

12.

Впервые: *Изд. 1872.* С. 190–191. Печатается по: *Изд. 1989.* С. 145–146.

13.

Впервые: *Изд. 1872.* С. 222–223. Печатается по: *Изд. 1989.* С. 146.

- ³⁷⁴ На Венском конгрессе, завершившем войны европейских держав с наполеоновской Францией, актом от 20 марта 1815 г. было утверждено госу-

дарственное устройство Швейцарии как союза равноправных кантонов, а также объявлено о её нейтралитете. Лагарп присутствовал на конгрессе как представитель трёх кантонов, опасавшихся возможного закрепления доминирующей роли Берна. Как полагали современники, личная приязнь русского императора к своему бывшему наставнику во многом обеспечила желательный для Лагарпа исход дела.

- ³⁷⁵ Эту мысль позднее развил Н. И. Тургенев, который писал, что Лагарп, пользовавшийся поддержкой Александра I, был более полезен своему отечеству, чем России.

14.

Впервые: *Изд. 1872*. С. 224–225. Печатается по: *Изд. 1989*. С. 146–147.

- ³⁷⁶ 11 апреля 1827 г. народное собрание Греции, восставшей против турецкого владычества, избрало графа И. Каподистрию (в 1815–1822 гг. — статс-секретаря по иностранным делам при Александре I) президентом. Вскоре после провозглашения независимости Греции (в результате русско-турецкой войны 1828–1829 гг.), 9 октября 1831 г. Каподистрия был убит политическими противниками. Тургенев хорошо знал Каподистрию ещё по России (см.: *РА*. 1903. № 1. С. 57).

15.

Впервые: *Изд. 1872*. С. 229–230. Печатается по: *Изд. 1989*. С. 147–148.

- ³⁷⁷ А. С. Шишков в описываемое время занимал пост министра народного просвещения.

16.

Впервые: *Изд. 1872*. С. 285–286. Печатается по: *Изд. 1989*. С. 148–149.

- ³⁷⁸ Имеется в виду «Общество ободрения национальной промышленности», основанное в Париже в 1789 г.
- ³⁷⁹ Вольная реминисценция из письма Траяна Плинию Младшему (Письма Плиния Младшего. Кн. X. № 34).

17.

Впервые: *Изд. 1872*. С. 319–320. Печатается по: *Изд. 1989*. С. 151–152.

- ³⁸⁰ О С. П. Свечиной см. «Отрывки из заграничной переписки».

- ³⁸¹ См. там же.

- ³⁸² Д. Н. Блудов, в прошлом участник общества «Арзамас», был составителем Донесения следственной комиссии по делу о тайных обществах, и поэтому А. И. Тургенев считал его одним из участников судебной расправы над его братом Николаем. В 1827 г. Блудов был товарищем министра народного просвещения.

18.

Впервые: *Изд. 1872*. Печатается по: *Изд. 1989*. С. 152–153.

- ³⁸³ А.-Ф. Вильмень в это время читал в Сорбонне курс лекций о литературе XVIII в. (см. «Отрывки из заграничной переписки»).
- ³⁸⁴ замок свода [...] социального свода (*фр.*).
- ³⁸⁵ Местр Ж. де. Санктпетербургские вечера, беседа I.
- ³⁸⁶ Екатерина II более человечна, чем её век, чем её народ (*фр.*).
- ³⁸⁷ Гревской площади (*фр.*).

19.

Впервые: *Изд. 1872*. С. 590–591. Печатается по: *Изд. 1989*. С. 154–155.

- ³⁸⁸ Слух о смерти А. Х. Бенкендорфа был ложным. А. С. Меншиков получил ранение при осаде Варны.

20.

Впервые: *Истрин*. С. 20. Печатается по: *Изд. 1989*. С. 155.

21.

Впервые: *Истрин*. С. 20. Печатается по: *Изд. 1989*. С. 156.

- ³⁸⁹ П. Я. Чаадаев передал А. И. Тургеневу одно из своих «Философических писем».
- ³⁹⁰ Имеется в виду портрет С. И. Тургенева.
- ³⁹¹ М. Я. Чаадаев.
- ³⁹² Подразумевается, очевидно, чаадаевское толкование католицизма как основного цивилизаторского начала в западноевропейской жизни.

22.

Впервые: *Истрин*. С. 20–21. Печатается по: *Изд. 1989*. С. 156–157.

- ³⁹³ См. № 21.

23.

Впервые: *Истрин*. С. 21–22. Печатается по: *Изд. 1989*. С. 157–158.

- ³⁹⁴ «Вот, наконец, вы — национальный поэт», — писал Чаадаев Пушкину 18 сентября 1831 г., прочитав «Бородинскую годовщину» и «Клеветникам России» (Чаадаев П. Я. Полн. собр. соч. и избранные письма. Т. 2. М., 1991. С. 72). Что же касается А. И. Тургенева, то он не разделял восторгов Пушкина в связи с подавлением польского восстания (1830–1831) и не принимал его стихотворений, написанных на этот случай.

24.

Впервые: *Истрин*. С. 16–17. Печатается по: *Изд. 1989*. С. 158.

- ³⁹⁵ Строфа из т. н. X главы «Евгения Онегина». См. комм. к № 25.

25.

Впервые: *Истрин*. С. 18. Печатается по: *Изд. 1989*. С. 158–159.

- ³⁹⁶ В ответном письме (от 8/20 августа 1830 г. из Парижа) Н. И. Тургенев высказался весьма раздраженно: «...стихи о мне Пушкина заставили меня пожать плечами. Судьи, меня и других судившие, делали своё дело: дело варваров, лишенных всякого света гражданственности, сивилизации. Это в натуре вещей. Но вот являются другие судьи. Можно иметь талант для поэзии, много ума, воображения, и при всем том быть варваром. А Пушкин и все русские, конечно, варвары. У одного из них, у Ж[уковского], душа покрывает и заменяет неудобства свойственного русскому положению» (*Истрин*. С. 17). На основании реакции Н. И. Тургенева Ю. М. Лотман предполагает, что т. н. X глава «Евгения Онегина» «представляет собой текст, написанный от лица героя романа» (*Лотман Ю. М. О композиционной функции «Десятой главы» «Евгения Онегина» // Пушкинские чтения в Тарту. Таллинн, 1987. С. 6*).

- ³⁹⁷ Ср. № 83:

- ³⁹⁸ В июне 1832 г. А. И. Тургенев и Жуковский вместе выехали из России в Германию. 12 июля (по н. ст.) 1832 г. они расстались в Ганновере.

26.

Впервые: Пушкин и его современники. СПб., 1908. Вып. VI. С. 58–60. Публикация А. А. Фомина. Печатается по: *Изд. 1989*. С. 159–160.

С.И. Тургеневу

Письма под № 27–28 адресовались в Париж, где С. И. Тургенев состоял (с осени 1815 г.) по дипломатической части при командующем оккупационным корпусом М. С. Воронцове; письма под № 29–30 — в Константинополь, где младший Тургенев служил (с июня 1820 г.) в русской миссии.

27.

Впервые: *ДТ*. С. 12; Пугачев, 1962. С. 28–29. Печатается по: *Изд. 1989*. С. 161.

³⁹⁹ В феврале — марте 1816 г. Н. М. Карамзин приезжал в Петербург для представления первых восьми томов «Истории государства Российского» императору. О чтении отрывка, посвященного покорению Новгорода Иваном IV (из IX тома), в арзамасском кругу см.: *Эйдельман Н.* Последний летописец. М., 1983. С. 83–86.

⁴⁰⁰ Карамзин был избран в Российскую академию в 1818 г.

28.

Впервые: *Пугачев*. 1962. С. 72. Печатается по: *Изд. 1989*. С. 161–162.

⁴⁰¹ Н. И. Тургенев, в 1813–1816 гг. служивший за границей, вернулся в Россию в конце октября 1816 г. «Вблизи все представляется в своем настоящем виде; тиранство, варварство ограничивают взор», — писал он С. И. Тургеневу 12 (24) сентября 1816 г. из Берлина (*ДТ*. С. 199).

⁴⁰² Со своей стороны Н. И. Тургенев в письме С. И. Тургеневу от 29 октября 1816 г. упрекал А. И. Тургенева в отклонении от «истинных», т. е. либеральных, «правил» (*ДТ*. С. 200).

29.

Впервые: *ДТ*. С. 432. Печатается по: *Изд. 1989*. С. 162–163.

⁴⁰³ П. А. Вяземский ещё осенью 1818 г. выдвинул идею создания общества из высокопоставленных лиц для обсуждения крестьянской реформы. С. И. Тургенев, проезжавший через Варшаву в январе 1820 г., поддержал эту идею: вскоре Вяземский составил программу действий предполагаемого комитета, а Н. И. Тургенев — проект обращения к царю. Об этой несостоявшейся попытке открыть прения по крестьянскому вопросу см.: *ДТ*. С. 303–304, 431–434; *Лотман Ю. М.* П. А. Вяземский и движение декабристов // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та, 1960. Вып. 98. С. 67–72.

30.

Впервые: ДТ. С. 434–435. Печатается по: Изд. 1989. С. 163.

⁴⁰⁴ См. № 29.

⁴⁰⁵ составная часть (*фр.*).

⁴⁰⁶ Братья Тургеневы ошибочно считали своим предком боярина Петра Тургенева, который в 1606 г. «без боязни» обличал Лжедмитрия и был за это казнен (см.: Сказание Авраамия Палицына. М.–Л., 1955. С. 111). Ср. № 79.

В. А. Жуковскому

Большая часть писем А. И. Тургенева Жуковскому (их эпистолярный контакт длился сорок лет) до сих пор остаётся неопубликованной.

31.

Печатается по первой публикации: Изд. 1989. С. 166–167.

⁴⁰⁷ Летом — осенью 1831 г., во время приезда А. И. Тургенева в Россию, он обсуждал с друзьями возможность снова вступить в государственную службу (см. например, письмо Жуковского Николаю I от 22 июля: *Модзалевский Б. Л.* Жуковский и братья Тургеневы // Декабристы: Неизданные материалы и статьи. М., 1925. С. 152–154).

32.

Печатается по первой публикации: Изд. 1989. С. 167–168.

⁴⁰⁸ Указом от 2 апреля 1842 г. дворянству было предоставлено право заключать со своими крепостными договоры на отдачу им участков земли за определенные повинности.

⁴⁰⁹ См. № 29.

⁴¹⁰ «...Примерно с середины 1842 г., вскоре после крушения в Государственном совете проекта реформ крепостных отношений, над которым в течение нескольких лет работал, по личному заданию Николая I, министр государственных имуществ П. Д. Киселев, главным штабом по подготовке освобождения крестьян становится министерство внутренних дел. Новый шеф этого министерства Л. А. Перовский <...> пользовался репутацией активного антикрепостника, человека независимого и исключительно энергичного» (*Оксман Ю. Г.* И. С. Тургенев на службе в министерстве внутренних дел // Учен. зап. Саратовского гос. ун-та. 1957. Вып. филолог. Т. 56. С. 175–176).

- ⁴¹¹ Рукопись «Книги о скудости и богатстве» И. Т. Посошкова (законченной в 1724 г.) была обнаружена М. П. Погодиным в 1840 г. В 1842 г. в своем журнале «Москвитянин» (№ 3) он опубликовал статью «Крестьянин Иван Посошков, государственный муж времен Петра Великого»; тогда же «Книга о скудости и богатстве» вышла отдельным изданием (Сочинения Ивана Посошкова. М., 1842).

33.

Печатается по первой публикации: *Изд. 1989. С. 168–170.*

- ⁴¹² В письме из Франкфурта от 5 (17) июля 1844 г. (ответом на которое является данное письмо) В. А. Жуковский ещё раз повторил своё мнение о том, что Н. И. Тургеневу следует не издавать свои мемуары за границей, а послать их Николаю I. Кроме того, Жуковский опасался, что появление этой книги повредит А. И. Тургеневу (см. *ЛЖТ. С. 298–300*). Три тома книги Н. И. Тургенева «Россия и русские» вышли в свет уже после смерти А. И. Тургенева (Париж, 1847; на фр. яз.).
- ⁴¹³ Великая княгиня Александра Николаевна (младшая дочь императора) умерла 29 июня 1844 г.
- ⁴¹⁴ В первом томе «России и русских» были впервые опубликованы отрывки из «Введения к Уложению государственных законов» и «Размышления о государственном устройстве империи» (см. подробнее: *Валк С. Н. Законодательные проекты М. М. Сперанского в печати и в рукописях // Исторические записки. М., 1955. Т. 14. С. 464–472*). Не исключено, что рукописи Сперанского попали к Н. И. Тургеневу через брата, служившего под началом Сперанского.
- ⁴¹⁵ См. комм. к № 17.
- ⁴¹⁶ без гнева (*лат.*).
- ⁴¹⁷ Имеется в виду книга С. Пеллико «Мои темницы» (1832).
- ⁴¹⁸ Имеется в виду книга А. де Кюстина «Россия в 1839 году» (Париж, 1843. Т. 1–4), в которой содержались очень острые и даже злые суждения о стране и её устройстве.
- ⁴¹⁹ Ф. Ф. Вигель (известный своими гомосексуальными наклонностями) в 1829 г. занимал должности вице-директора, а затем и директора департамента иностранных исповеданий; Д. Н. Блудов в 1832–1838 гг. был министром внутренних дел.

II. А. Вяземскому

Близкие друзья, А. И. Тургенев и Вяземский в жизни редко встречались, и потому их переписка, заменявшая личные контакты, приобретала особо важное значение. «Ни с кем так охотно не предаешься искренности, как с ним», — писал А. И. Тургенев И. И. Дмитриеву (№ 92).

34.

Впервые: ОА. 1. С. 121–122. Печатается по: *Изд. 1989. С. 172–173.*

⁴²⁰ Имеется в виду Н. И. Тургенев.

⁴²¹ См.: ОА. 1. С. 114.

⁴²² С момента основания Библейского общества (в 1812 г.) А. И. Тургенев был его секретарем; речи А. И. Тургенева в Обществе И. И. Дмитриев называл «прекрасными произведениями искусного литератора» (РА. 1866. Стлб. 1085). О Библейском обществе в России см.: *Пытин А. Н.* Религиозные движения при Александре I. Пг., 1916. С. 3–293; *Вишленкова Е.* Забота о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX века. Саратов, 2002.

35.

Впервые: ОА. 1. С. 167–168. Печатается по: *Изд. 1989. С. 173–175.*

⁴²³ Речь Н. М. Карамзина в торжественном собрании Российской академии 5 декабря 1818 г. см.: *Сын отечества. 1819. Ч. 51. № 1. С. 3–22.*

⁴²⁴ См.: *Сын отечества. 1819. Ч. 51. № 1. С. 14.*

⁴²⁵ это будет упоминаться (*фр.*).

⁴²⁶ «О современном состоянии Германии» (*фр.*).

⁴²⁷ В основе брошюры А. С. Стурдзы «О современном состоянии Германии» лежала его записка, представленная Александру I. Как вспоминал позднее автор, она была вызвана его беспокойством относительно того, что «дух либерализма, пробудившийся во Франции с падением Наполеона, в то же время овладел университетами Германии, утвердив тайное сообщество с недовольными всех стран Европы» (Чтения в Обществе истории и древностей. М., 1864. Кн. II. С. 81). Оценку этой брошюры А. И. Тургеневым см. также в его письме Дмитриеву от 16 декабря 1819 г. (РА. 1866. Стлб. 644).

⁴²⁸ «успокоить, постепенно очистить брожение религиозных идей» (*фр.*).

⁴²⁹ общенационального германского института (*фр.*).

⁴³⁰ «занять делом массу умов не столь безнравственных, сколь праздных, очистить язык <...> обеспечить успехи наук и искусств, возвысить федеральную власть и нечувствительно обеспечить ей законное влияние на общественное мнение» (*фр.*).

⁴³¹ Упорно повторяемый вздор становится для черни чуть ли не безусловной истиной (*фр.*).

⁴³² Здесь: вот в чём подоплека! (*лат.*).

⁴³³ ибо за меня будут говорить факты (*фр.*).

36.

Впервые: ОА. 1. С. 209–210. Печатается по: *Изд. 1989. С. 176.*

⁴³⁴ 11 (23) марта 1819 г. К. Занд, бывший студент Эрлангенского университета, убил в Мангейме А.-Ф.-Ф. Коцебу, плодовитого немецкого писателя, который, состоя на русской службе, возбудил к себе ненависть немецкой молодежи своими ретроградными взглядами.

⁴³⁵ «Нет такого мнения, какое бы человек не оказался способен предпочесть жизни, любовь к которой кажется столь сильной и естественной» (*фр.*). Паскаль Б. Мысли, № 156.

⁴³⁶ Вы увидите, что мы заплатим за разбитые горшки (*фр.*).

37.

Впервые: ОА. 1. С. 295–297. Печатается по: *Изд. 1989. С. 177–179.*

⁴³⁷ Речь М. Ф. Орлова, произнесенную в Киевском библейском обществе 11 августа 1819 г, см.: Орлов М. Ф. Капитуляция Парижа: Политические сочинения. Письма. М., 1963. С. 45–52.

⁴³⁸ Первоначальное образование М. Ф. Орлов получил в петербургском пансионе аббата Д. К. Николя.

⁴³⁹ за алтари и очаги (*лат.*).

38.

Впервые: ОА. 1. С. 306–307. Печатается по: *Изд. 1989. С. 179.*

⁴⁴⁰ В начале XIX в. Н. Н. Новосильцов входил в состав «Негласного комитета», состоявшего из личных друзей Александра I.

⁴⁴¹ Каждому назначен свой день (*лат.*).

⁴⁴² и комп[ании] (*лат.*).

39.

Впервые: ОА. 1. С. 350. Печатается по: *Изд. 1989. С. 180.*

⁴⁴³ рыцарем (*фр.*).

⁴⁴⁴ бесплатно (*лат.*).

40.

Впервые: ОА. 1. С. 355–356. Печатается по: *Изд. 1989. С. 180–181.*

⁴⁴⁵ См. комм. к № 34 и № 37–38.

⁴⁴⁶ этому протестантизму в действии (*фр.*).

⁴⁴⁷ Умному достаточно! (*лат.*).

41.

Впервые: ОА. 2. С. 3–4. Печатается по: *Изд. 1989. С. 181–182.*

⁴⁴⁸ должны уйти потихоньку (*фр.*).

⁴⁴⁹ умереть целиком (*фр.*).

⁴⁵⁰ 8 января 1820 г. на годовичном заседании Академии Н. М. Карамзин читал отрывок из IX тома «Истории». «Историограф, в нескольких словах объяснив нам точку, с которой начиналось чтение истории Ивана Васильевича, приводил слушателей попеременно то в ужас, то в восхищение», — писал А. И. Тургенев Дмитриеву 9 января (РА. 1866. Стлб. 654).

42.

Впервые: ОА. 2. С. 20. Печатается по: *Изд. 1989. С. 182.*

⁴⁵¹ В письме от 6 февраля 1820 г. П.А. Вяземский развивал проект создания общества для обсуждения крестьянской реформы (ОА. 2. С. 14–17).

⁴⁵² См. № 49.

⁴⁵³ Имеется в виду указ от 15 апреля 1721 г., запрещавший продажу крепостных порознь. Этот указ, однако, не исполнялся.

43.

Впервые: ОА. 2. С. 35–36. Печатается по: *Изд. 1989. С. 182–183.*

⁴⁵⁴ Письмо А. С. Пушкина — П. А. Вяземскому (около 21 апреля 1820 г.) см.: Пушкин. XIII. С. 14–15. 19 апреля 1820 г. Н. М. Карамзин сообщал И. И. Дмитриеву о своем заступничестве за Пушкина, который, «служа под знаменами либералистов, написал и распустил» вольнолюбивые стихотворения (Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 286–287).

⁴⁵⁵ Письмо Вяземского от 4 апреля 1820 г. см.: ОА. 2. С. 33. 13 марта 1820 г. Александр I утвердил решение о высылке иезуитов из России и конфискации их имущества.

⁴⁵⁶ Т. е. схизматиками, раскольниками.

44.

Впервые: ОА. 2. С. 37. Печатается по: *Изд. 1989. С. 183.*

⁴⁵⁷ Подробнее см.: Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества Пушкина. М., 1951. Т. I. С. 209–217.

⁴⁵⁸ Поэма «Руслан и Людмила», изданная Н. И. Гнедичем с помощью В. А. Жуковского, вышла в свет в конце июля 1820 г.

⁴⁵⁹ и, чтобы не скомпрометировать себя (*фр.*).

45.

Впервые: ОА. 2. С. 45–46. Печатается по: *Изд. 1989*. С. 183–184.

⁴⁶⁰ в наиподлиннейших словах (*лат.*).

⁴⁶¹ Отдельное издание дневника секретаря Екатерины II (публиковавшего в 1821–1828 гг. в «Отечественных записках») см.: Дневник А. В. Храповицкого. 1782–1793. СПб., 1874.

⁴⁶² ни дня без строчки (*лат.*).

⁴⁶³ См.: Там же. С. 301, 392.

⁴⁶⁴ См.: Там же. С. 406, 412.

⁴⁶⁵ См.: Там же. С. 252–253, 291–294.

46.

Впервые: ОА. 2. С. 71–72. Печатается по: *Изд. 1989*. С. 184–185.

⁴⁶⁶ См.: ОА. 2. С. 63–65.

47.

Впервые: ОА. 2. С. 82–83. Печатается по: *Изд. 1989*. С. 186.

⁴⁶⁷ См. № 46.

48.

Впервые: ОА. 2. С. 90–91. Печатается по: *Изд. 1989*. С. 187–188.

⁴⁶⁸ Бунт Семеновского полка произошел 16–17 октября 1820 г.

⁴⁶⁹ Александр I в это время был на конгрессе Священного союза в Троппау.

⁴⁷⁰ если этот факт можно удостоверить? (*фр.*).

49.

Впервые: ОА. 2. С. 110–111. Печатается по: *Изд. 1989*. С. 189–190.

- ⁴⁷¹ Этот инцидент произошел на заседании Государственного Совета, председателем которого был Петр Васильевич Лопухин. Министром юстиции был в это время Д. И. Лобанов-Ростовский.
- ⁴⁷² Об обсуждении проекта этого закона (который не был принят в Государственном Совете) см.: *Семевский В. И.* Указ. соч. Т. 1. С. 467–776.
- ⁴⁷³ А. Н. Оленин был в это время статс-секретарем Комиссии составления законов — непосредственным начальником А. И. Тургенева.
- ⁴⁷⁴ См. письмо А. И. Тургенева Вяземскому от 8 декабря 1820 г. (ОА. 2. С. 119), а также его переписку с А. Н. Олениным в связи с этим эпизодом (Там же. С. 441–446).

50.

Впервые: ОА. 2. С. 122–123. Печатается по: *Изд. 1989.* С. 190.

- ⁴⁷⁵ Имеется в виду упоминание имени А. Н. Радищева в «Послании к Каченовскому» П. А. Вяземского, которое А. И. Тургенев получил накануне. Много позже, в 1868 г., автор вспомнил эти строки: «Говоря о зависти или вражде, сказал я: «И, обольщая ум Екатерины пылкой, // Она Радищева казнит почетной ссылкой» (ОА. 2. С. 449).
- ⁴⁷⁶ Но раз их нет, их надо выдумать (*фр.*).
- ⁴⁷⁷ См. № 49.
- ⁴⁷⁸ См. № 42.

51.

Впервые: ОА. 2. С. 146–147. Печатается по: *Изд. 1989.* С. 190–191.

- ⁴⁷⁹ Здесь: подобное (*фр.*).
- ⁴⁸⁰ в Школе права (*фр.*).
- ⁴⁸¹ Л. С. Пушкин.
- ⁴⁸² знаки времени (*нем.*).

52.

Впервые: ОА. 2. С. 163–164. Печатается по: *Изд. 1989.* С. 191–192.

- ⁴⁸³ Цитата из стихотворения В. А. Жуковского «К Филалету» (1808).
- ⁴⁸⁴ См. письмо П. А. Вяземского от начала февраля 1821 г.: ОА. 2. С. 155–156.

53.

Впервые: ОА. 2. С. 181. Печатается по: *Изд. 1989.* С. 192.

- ⁴⁸⁵ 24 февраля/8 марта 1821 г. А. К. Ипсиланти, генерал-майор русской службы и предводитель греческой этерии, опубликовал в Яссах прокламацию «В бой за веру и отечество» — призыв к восстанию против турецкого владычества. Вскоре отряд Ипсиланти перешел через Прут.
- ⁴⁸⁶ «Весь в медалях, сияет почестями» (*лат.*). Гораций, Оды, III.
- ⁴⁸⁷ 10 марта (по н. ст.) 1821 г. началась революция в Пьемонте.

54.

Впервые: ОА. 2. С. 187. Печатается по: *Изд. 1989. С. 193.*

- ⁴⁸⁸ Письмо Н. И. Гнедичу от 24 марта 1821 г. см.: Пушкин. XIII. С. 27–28.

55.

Впервые: ОА. 2. С. 198. Печатается по: *Изд. 1989. С. 193.*

- ⁴⁸⁹ В русском обществе ожидали, что греческое восстание (см. № 53) приведет к русско-турецкой войне. В августе 1821 г., после того как Турция отклонила ноту петербургского двора, в которой хотя и осуждалось восстание греков, но содержалось требование прекратить преследование православных, русская миссия в Турции в полном составе (во главе с послом Г. А. Строгановым) прибыла в Одессу.
- ⁴⁹⁰ Пера — резиденция русского посла в Турции.

56.

Впервые: ОА. 2. С. 275–276. Печатается по: *Изд. 1989. С. 194.*

- ⁴⁹¹ Имеется в виду статья П. А. Вяземского о «Кавказском пленнике» (Сын отечества. 1822. Ч. 82. № 49).
- ⁴⁹² «Если бы Бог не существовал, его надо было бы выдумать» (*фр.*).
- ⁴⁹³ во что бы то ни стало (*фр.*).
- ⁴⁹⁴ Имя Регула, римского военного деятеля, стало символом героя-мученика.

57.

Впервые: ОА. 2. С. 333–334. Печатается по: *Изд. 1989. С. 194.*

- ⁴⁹⁵ А. С. Пушкин отбыл из Кишинева в Одессу около 2 июля 1823 г. (см. *Цявловский М. А.* Указ. соч. Т. I. С. 390).
- ⁴⁹⁶ П. А. Вяземский был отстранен от службы в 1821 г.; с тех пор он жил в Москве.

⁴⁹⁷ К. Н. Батюшков был причислен к русской миссии в Неаполе в 1818 г.; в 1821 г. у него началось тяжёлое психическое заболевание.

58.

Впервые: ОА. 2. С. 351. Печатается по: *Изд. 1989*. С. 195.

⁴⁹⁸ буквально (*фр.*).

⁴⁹⁹ Имеется в виду М. Л. Магницкий — в то время попечитель Казанского университета, яростно искоренявший вольномыслие. Позднейшая ревизия выявила его крупные финансовые злоупотребления.

⁵⁰⁰ К мнению света (*фр.*).

59.

Впервые: ОА. 3. С. 46. Печатается по: *Изд. 1989*. С. 195–196.

⁵⁰¹ 17 мая 1824 г. А. И. Тургенев получил отставку.

60.

Впервые: ОА. 3. С. 51. Печатается по: *Изд. 1989*. С. 196.

⁵⁰² Дж. Байрон умер 19 апреля (по н. ст.) 1824 г. в греческом городе Миссолунги.

⁵⁰³ Имеется в виду К. Н. Батюшков, который с марта 1822-го по май 1824 г. находился в Петербурге.

⁵⁰⁴ Е. Ф. Канкрину.

61.

Впервые: ОА. 3. С. 99–100. Печатается по: *Изд. 1989*. С. 198.

⁵⁰⁵ «Эда» была напечатана в 1826 г., «Цыганы» — в 1827 г.

62.

Впервые: ОА. 3. С. 117. Печатается по: *Изд. 1989*. С. 199.

⁵⁰⁶ А. И. Тургенев был разгневан эпиграммами на «Историю государства Российского» — как написанными А. С. Пушкиным, так и ему приписывавшимися. См. письмо А. С. Пушкина — П. А. Вяземскому от 10 июля 1826 г. (Пушкин. XIII. С. 284), а также: Томашевский Б. В. Эпиграммы Пушкина

на Карамзина // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1956. Т. I. С. 208–215. Ср. № 63.

63.

Впервые: ОА. 3. С. 121. Печатается по: *Изд. 1989*. С. 199.

⁵⁰⁷ См. № 62.

64.

Впервые: ОА. 3. С. 123. Печатается по: *Изд. 1989*. С. 199.

⁵⁰⁸ Вам — т. е. москвичам.

65.

Впервые: ОА. 3. С. 123. Печатается по: *Изд. 1989*. С. 200–201.

⁵⁰⁹ Имеется в виду статья А. А. Бестужева «Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов» (Полярная звезда на 1825 г. СПб., 1824).

⁵¹⁰ В этом альманахе А. С. Пушкин был представлен отрывками из «Цыган» и «Братьев-разбойников», а также «Посланием к Алексееву»; В. А. Жуковский — «Отрывками из письма о Швейцарии».

⁵¹¹ Имеется в виду очерк Н. А. Бестужева «Гибралтар. Письма».

⁵¹² Имеется в виду «исторический анекдот» А. О. Корниловича «За Богом молитва, а за царем служба не пропадают».

⁵¹³ Имеется в виду басни И. А. Крылова «Ворона» и «Мельник», а также басня И. И. Дмитриева «Слепец, собака его и школьник».

66.

Впервые: ОА. 3. С. 200–205. Печатается по: *Изд. 1989*. С. 201–205.

⁵¹⁴ Имеется в виду «Литературная газета», издававшаяся А. А. Дельвигом и А. С. Пушкиным с начала 1830 г.

⁵¹⁵ Имеется в виду «Обозрение русской словесности 1829 года» И. В. Киреевского, опубликованное в альманахе М. А. Максимовича «Денница на 1830 год» (См.: Киреевский И. В. Критика и эстетика. М., 1979. С. 55–79).

⁵¹⁶ А. П. Елагиной.

⁵¹⁷ В июне 1830 г. И. В. и П. В. Киреевские слушали лекции в Мюнхенском университете.

⁵¹⁸ См.: *Киреевский И. В.* Критика и эстетика. С. 56–57.

⁵¹⁹ См.: *Карамзин*. С. 223–226.

⁵²⁰ Реминисценция из элегии «Сельское кладбище» Т. Грея в переводе Жуковского.

⁵²¹ См.: *Киреевский И. В.* Критика и эстетика. С. 55.

⁵²² Имеются в виду «Введение в жизнеописание Фон-Визина» (Литературная газета. 1830. № 2. 6 янв. С. 11–14; № 3. 11 янв. С. 21–22) и «Отрывок из жизнеописания Фон-Визина» (Там же. № 17, 22 марта. С. 133–134).

⁵²³ Имеется в виду статья Вяземского «О московских журналах» (Там же. 1830. № 8, 5 февр. С. 60–62).

⁵²⁴ Подразумевается строфа 10 оды Державина «Фелица» (1782).

⁵²⁵ *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 254.

⁵²⁶ Там же.

⁵²⁷ Имеются в виду «Исторические этюды» Шатобриана, вышедшие в 1831 г.

⁵²⁸ истина — закон (*фр.*). Местр Ж. де. Санкт-Петербургские вечера, беседа III.

67.

Впервые: *АБТ*. 6. С. 114. Печатается по: *Изд.* 1989. С. 206.

⁵²⁹ О взаимоотношениях А. И. Тургенева и немецкого философа см.: *Азадовский К. М., Основат А. Л.* А. И. Тургенев и Шеллинг // Вопросы философии. 1988. №7. С. 152–167.

68.

Впервые: *АБТ*. 6. С. 126–127. Печатается по: *Изд.* 1989. С. 207–208.

⁵³⁰ Учение Гёте о цвете (*нем.*).

69.

Впервые: *АБТ*. 6. С. 135–136. Печатается по: *Изд.* 1989. С. 208–209.

⁵³¹ Григорию XVI.

⁵³² Ф. А. Голицына.

70.

Впервые: *АБТ*. 6. С. 173–174. Печатается по: *Изд.* 1989. С. 210–212.

⁵³³ Лазарони — от «лаццарони» (неаполитанские нищие, босяки) (*итал.*) — в XVII–XIX вв. деклассированные, люмпен-пролетарские слои в Южной Италии.

⁵³⁴ «И все-таки она вертится!»

⁵³⁵ где померанец цветет под всегда ясным небом!.. (*фр.*).

71.

Впервые: *АбТ.* 6. С. 220–221. Печатается по: *Изд.* 1989. С. 212–213.

⁵³⁶ См. комм. 553.

⁵³⁷ Асмодей — арзамасское прозвище П. А. Вяземского.

⁵³⁸ в целом — ничего (*лат.*).

72.

Впервые: *АбТ.* 6. С. 252–254. Печатается по: *Изд.* 1989. С. 214–215.

⁵³⁹ Имеется в виду В. А. Жуковский.

73.

Впервые: *АбТ.* 6. с. 283–285. Печатается по: *Изд.* 1989. С. 115–117.

⁵⁴⁰ Подробнее см. в примеч. Н. К. Кульмана: *АбТ.* 6. С. 492.

⁵⁴¹ Здесь: «не имели святого певца» (*лат.*).

⁵⁴² «дабы народы не мнили, что одного насилия довольно для славы» (*нем.*).

⁵⁴³ обойдёмся без примеров!.. (*лат.*).

⁵⁴⁴ См. «Хронику русского» и преамбулу комм. к ней.

⁵⁴⁵ всезнайку (*фр.*).

⁵⁴⁶ «Философии права» (*фр.*).

⁵⁴⁷ О Лерминье см. также «Париж (Хроника русского)».

⁵⁴⁸ Атеистический кодекс (*фр.*).

74.

Впервые: *АбТ.* 6. С. 294–296. Печатается по: *Изд.* 1989. С. 217–219.

⁵⁴⁹ Имеются в виду приписывавшееся М. М. Сперанскому описание выставки российских произведений, открывшейся в Петербурге 11 мая 1833 г. и «Обозрение исторических сведений о Своде законов, составленное из актов, хранящихся во II Отделении собственной Е. И. В. канцелярии» (СПб., 1833).

⁵⁵⁰ без сокращений (*лат.*).

⁵⁵¹ «При всех имеющихся недостатках у него есть одно достоинство: он существует...» (*фр.*).

- ⁵⁵² Могущественная темнота,
занившая кресло власти (*англ.*).
Цитата из «Потерянного рая» Д. Мильтона (II, 349–350).

75.

Впервые: АБТ. 6. С. 332–333. Печатается по: Изд. 1989. С. 220.

- ⁵⁵³ Бракосочетание Н. И. Тургенева и К. Виарис состоялось в Женеве в середине октября 1833 г.
⁵⁵⁴ приступ желчности (*фр.*).

76.

Впервые: ОА. 3. С. 262. Печатается по: Изд. 1989. С. 220.

- ⁵⁵⁵ Речь идет о «петербургской повести «Медный всадник», публикация которой была отложена ввиду замечаний Николая I, ознакомившегося с рукописью, и «Истории Пугачевского бунта», вышедшей в конце 1834 г.

77.

Впервые: ОА. 3. С. 336. Печатается по: Изд. 1989. С. 220.

- ⁵⁵⁶ Имеется в виду «Философическое письмо» П. Я. Чаадаева (Телескоп. 1836. № 15).
⁵⁵⁷ 20 октября 1836 г. С. С. Уваров наложил запрет на любые публикации по поводу «Философического письма» (см.: Лемке М. К. Николаевские жандармы и литература 1826–1856 гг. 2-е изд. СПб., 1909. С. 415; ср. в письме А. И. Тургенева — П. А. Вяземскому от 29 октября 1836 г. — ОА. 3. С. 343). Было ли написано опровержение Е. А. Баратынского, неизвестно. Снятую цензурой из уже отпечатанной книжки МН (1836. Ч. II) статью А. С. Хомякова «Несколько слов о философическом письме...» см.: *Темпест Р.* Неизданная статья А. С. Хомякова // Символ. 1986. № 16. С. 121–134.

78.

Впервые: ОА. 3. С. 337–338. Печатается по: Изд. 1989. С. 221–222.

- ⁵⁵⁸ Это письмо П. А. Вяземского до сих пор не опубликовано.
⁵⁵⁹ Обращенные к нему письма Н. М. Карамзина А. И. Тургенев собрал и подготовил к печати, однако, его попытка издать их не увенчалась успехом из-за противодействия ближайшего окружения Николая I. См. поздней-

шую публикацию: Русская старина. 1899. № 1. С. 211–238; № 2. С. 463–480; № 3. С. 707–716; № 4. С. 225–238.

79.

Впервые: ОА. С. 343–344. Печатается по: *Изд. 1989. С. 222.*

⁵⁶⁰ 22 октября 1836 г. Чаадаев был объявлен сумасшедшим; 29 октября у него на квартире был произведён обыск.

⁵⁶¹ О Петре Тургеневе см. комм. 57 и 406. Гравированный портрет А. И. Тургенева с надписью «без боязни обличаху» позднее видел П. И. Бартенев (РА. 1903. № 6. С. 168).

80.

Впервые: ОА. З. С. 345–346. Печатается по: *Изд. 1989. С. 222.*

⁵⁶² См. № 78. Об отношении А. И. Тургенева к «Философическим письмам» см. также № 21 и комм. 43.

⁵⁶³ хладнокровия (*фр.*).

81.

Впервые: ОА. З. С. 354. Печатается по: *Изд. 1989. С. 223.*

82.

Впервые: ОА. 4. С. 13. Печатается по: *Изд. 1989. С. 223.*

⁵⁶⁴ Имеется в виду указ от 15 февраля 1786 г., в котором повелевалось под-
писывать прошения «не рабам, а верноподданным». См. «Оду на истре-
бление в России звания раба Екатериною Второю» В. В. Капниста.

83.

Впервые: *Изд. 1964. С. 519–520. Печатается по: Изд. 1989. С. 223–224.*

⁵⁶⁵ См. №№ 23, 25.

84.

Впервые: ОА. 4. С. 74. Печатается по: *Изд. 1989. С. 225.*

⁵⁶⁶ Ср. примеч. В. А. Жуковского при публикации второго перевода «Сельского кладбища» (*Совр.* 1839. Т. XVI. С. 216).

85.

Впервые: ОА. 4. С. 88–89. Печатается по: *Изд.* 1989. С. 225–226.

86.

Впервые: ОА. 4. С. 104–105. Печатается по: *Изд.* 1989. С. 226.

87.

Впервые: ОА. 4. С. 112–113. Печатается по: *Изд.* 1989. С. 226–227.

⁵⁶⁷ Вот правда, вся правда и ничего кроме правды (*фр.*). Подробнее см.: *Герштейн Э.* Дуэль Лермонтова с Барантом // *ЛН.* Т. 45–46. С. 389–432.

88.

Впервые: ОА. 4. С. 144–145. Печатается по: *Изд.* 1989. С. 227.

⁵⁶⁸ См. № 32.

89.

Впервые: ОА. 4. С. 186. Печатается по: *Изд.* 1989. С. 228.

⁵⁶⁹ См. письма Вяземского от октября 1842 г. (ОА. 4. С. 174–175, 180–181).

⁵⁷⁰ См. № 17, № 33.

90.

Впервые: ОА. 4. С. 232. Печатается по: *Изд.* 1989. С. 229.

⁵⁷¹ боярин, считающий себя Баярдом [т. е. рыцарем без страха и упрёка] (*фр.*).

91.

Впервые: ОА. 4. С. 243. Печатается по: *Изд.* 1989. С. 229–230.

⁵⁷² О несохранившейся докладной записке Ф. И. Тютчева, поданной Николаю I, см.: *Азадовский К. М., Осоват А. Л.* Тютчев в дневниках А. И. Тургенева // *ЛН.* Т. 97. Кн. 2. С. 68–69.

Письма разным лицам

И. И. Дмитриеву

После выхода в отставку с поста министра юстиции (в 1814) И. И. Дмитриев окончательно поселился в Москве. От А. И. Тургенева он регулярно получал информацию о столичных событиях.

92.

Впервые: *РА*. 1867. Стлб. 643–644. Печатается по: *Изд.* 1989. С. 223–224.

⁵⁷³ С января 1818 г. П. А. Вяземский служил в Варшаве в канцелярии имперского комиссара в Царстве Польском Н. Н. Новосильцова. Описание его поездки в Краков см.: *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1885. Т. IX. С. 51–61.

93.

Впервые: *РА*. 1867. Стлб. 656–657. Печатается по: *Изд.* 1989. С. 224–225.

⁵⁷⁴ В июле 1820 г. произошла революция в Неаполитанском королевстве, организованная тайным обществом карбонариев. Восставшие принудили короля провозгласить конституцию.

⁵⁷⁵ *Квироса* Антонио (1784–1841) — испанский генерал, принимавший участие в национальной войне против Наполеона. В 1815 г. пытался установить в Испании конституционное правление, за что был арестован, а в 1820 г. после освобождения поднял восстание в Кадиксе.

⁵⁷⁶ Цитата из стихотворения Шиллера «Начало нового века».

К. С. Сербиновичу

С историком и археографом К. С. Сербиновичем А. И. Тургенева связывали профессиональные интересы.

94.

Впервые: *Русская старина*. 1881. № 6. С. 201–202. Печатается по: *Изд.* 1989. С. 136–137.

⁵⁷⁷ IX том «Этюдов о нраве в XIX веке».

А. И. Нефедьевой

В письмах двоюродной сестре А. И. Тургенев подробно описал последние дни и часы жизни Пушкина. Ср. № 26, а также дневниковые записи А. И. Тургенева за этот период (А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 2. С. 175–180).

95–99.

Впервые: Пушкин и его современники. СПб., 1908. Вып. VI. С. 48–51, 51–52, 57, 65–67, 71–74. Публикация А. А. Фомина. Печатается по: *Изд. 1989.* С. 237–242.

⁵⁷⁸ Ты будешь жить! (*фр.*).

⁵⁷⁹ Приблизительно (*фр.*).

А. Я. Булгакову**100.**

Впервые: *Изд. 1939.* С. 224–225. Печатается по: *Изд. 1989.* С. 242–243.

⁵⁸⁰ М. М. Сперанский скончался 11 февраля 1839 г.

⁵⁸¹ Учреждение Государственного Совета произошло по инициативе М. М. Сперанского.

⁵⁸² В 1812 г. Сперанский был удален из столицы, и ко двору он вернулся только в 1821 г. В этом промежутке Сперанский, в частности, занимал должности пензенского и сибирского губернатора.

⁵⁸³ Сперанский входил в состав Следственной комиссии, осудившей Н. И. Тургенева.

К. С. Сербиновичу**101.**

Впервые: Русская старина. 1881. № 10. С. 341. Печатается по: *Изд. 1989.* С. 243.

А. Я. Булгакову**102.**

Впервые: *Изд. 1939.* С. 239. Печатается по: *Изд. 1989.* С. 244.

- 584 После женитьбы на Елизавете фон Рейтерн (в 1841) В. А. Жуковский поселился в Германии.
 585 Цитата из «Евгения Онегина» (гл. II, строфа IX).
 586 См. стихотворения «Теон и Эсхин», «Старцу Эверсу».
 587 все же... (*фр.*).

103.

Впервые: Изд. 1939. С. 277. Печатается по: Изд. 1989. С. 244.

- 588 Железная дорога между Петербургом и Москвой строилась в 1843–1851 гг.

IV. ПРИЛОЖЕНИЕ

Речь в Дружеском литературном обществе

Печатается по первой публикации: Изд. 1989. С. 248–250.

- 589 И. В. Лопухин, ближайший друг и советчик И. П. Тургенева, входивший вместе с ним в круг московских розенкрейцеров, был кумиром его детей. См. о нем во вступ. статье «Александр Иванович Тургенев» к настоящему изданию.
 590 Имеется в виду опала, которой подвергся И. В. Лопухин в 1792 г. в связи с арестом Н. И. Новикова и гонениями на масонов. Однако, в отличие от ряда своих друзей (и, в частности, от И. П. Тургенева, отправленного Екатериной II в его симбирское имение), Лопухин избежал ссылки.
 591 Всякий гражданин потерял защитника,
 Всякий несчастный — брата,
 Всякий честный человек — друга (*фр.*).
 592 Я хочу лишь, чтобы после моей смерти на моем надгробном камне были глубоко высечены слова: «Он удостоился благосклонности Лопухина» (*фр.*).

Заслуги Карамзина, исторического исследователя и исторического писателя

Впервые: МТ. 1827. Ч. XVIII. № 23. Отд. II. С. 214–220. Печатается по: Изд. 1989. С. 251–254.

В 1827 г. В «Лейпцигской литературной газете» (№ 22) появилась рецензия на немецкий перевод восьми томов «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. А. И. Тургенев откликнулся на неё заметкой, опубликованной в газете «Литературные листки» (*“Blätter für literarische Unterhaltung”*).

1827. № 156; подпись: L.L.Z.). В русском переводе оба текста были напечатаны в *МТ* под заглавием: «Спор в немецких журналах об «Истории государства Российского».

⁵⁹³ Имеется в виду труд А.-Л. Шлецера «Всеобщая Северная история» (1771).

⁵⁹⁴ Приведя эту цитату, искажающую смысл высказывания Карамзина, автор рецензии сопроводил её двумя вопросительными знаками и далее заключил: «Подобных промахов легко бы можно указать много, но ими очень мало уменьшается высокое достоинство книги» (*МТ*. 1827. Ч. XVIII. № 23. Отд. II. С. 212).

⁵⁹⁵ *ИГР*. Кн. I. Т. 1. С. 145.

⁵⁹⁶ Там же. Комм. к Т. 1. С. 138.

⁵⁹⁷ Там же. Комм. к Т. 1. С. 42.

[О П. Б. Козловском]

Впервые: *АБТ*. 2. С. 492–493. Печатается по: *Изд.* 1989. С. 255–256.

⁵⁹⁸ Строки из «Элегии» Ан. И. Тургенева (1802), которые А. И. Тургенев повторил всю жизнь.

⁵⁹⁹ Цитата из стихотворения В. А. Жуковского «Воспоминание» (1827).

⁶⁰⁰ Летом 1827 г., находясь в Эмсе, А. И. Тургенев и Козловский много беседовали о заочном осуждении Н. И. Тургенева по делу декабристов. 22 июля А. И. Тургенев писал брату в Лондон: «Он богат идеями и воспоминаниями и размышляет просто. Дело твое понимает прекрасно и здраво судит о нем <...> Только заключения его меня сердят; ибо он, вместо того, чтобы за суд нападать на судей, нападает на Россию вообще и на народ» (*Изд.* 1872. С. 52).

⁶⁰¹ Имеется в виду Петропавловская крепость.

⁶⁰² «Дрожите! Вы бессмертны» (*фр.*).

⁶⁰³ В последние годы жизни П. Б. Козловский служил при наместнике Царства Польского фельдмаршале И. Ф. Паскевиче. По воспоминаниям Ф. Ф. Скибицкого (в письме Вяземскому от 27 июня/6 июля 1869 г. из Варшавы), «маршал Паскевич называл князя Козловского «адвокатом проигранных дел» — в самом деле, если этот замечательный друг всего доброго и прекрасного брался что-то защищать, то не для того, чтобы удовлетворить честолюбие, но лишь для того, чтобы помочь чьему-то горю» (РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 3. № 54. Л. 31).

⁶⁰⁴ Цитата из стихотворения П. Б. Козловского «Чувствования россиянина при чтении милостивых манифестов, изданных Александром I 2-го апреля 1801 года» (Отд. изд. М., 1801).

Н. И. ТУРГЕНЕВ

О суде присяжных и о судах полицейских в России

Статья печатается по *РЗС* (1860. Ч. 4, тетр. 1), датируется самим автором 20 августа 1857 г. В ней Н. И. Тургенев обобщает результаты своего почти сорокалетнего изучения опыта судебных систем в странах Западной Европы и России. Необходимость публикации этой статьи, по словам автора, вызвана приближающейся крестьянской реформой, когда «огромное число людей, получив гражданские права», будет испытывать потребность в судебных решениях по множеству дел, и существующие суды не смогут с этим справиться. Противопоставляя материальные и моральные реформы, Тургенев считает, что без вторых, влияющих на сознание людей и повышающих нравственный уровень народа, первые не принесут желаемого результата. Относя реформу судопроизводства к «роду реформ моральных, нравственных», Тургенев считает ее первоочередной задачей введение гласности судопроизводства («Правосудие и тайна — суть два слова, прямо противоречащие одно другому»), а также введение суда присяжных, как формы участия народных представителей в судопроизводстве. Реформа суда тесно связана с реформой уголовного законодательства. Тургенев требует полной и немедленной отмены телесных наказаний. Эта проблема в глазах Тургенева выходит далеко за пределы отраслевой реформы и приобретает некий символический смысл, от которого зависит успех всех реформ. Без уважения к человеческой личности реформы, по мнению Тургенева, в России невозможны. Поэтому не случайно, что проблеме телесных наказаний он придает большее значение, чем проблеме смертной казни. Статья Тургенева содержит богатейший материал по истории становления правовых систем в странах Европы и в этом отношении сохраняет свое значение и по сей день.

В первой публикации данной работы Н. И. Тургенева (*РЗС*. Ч. 4, тетр. 1) авторские примечания были оформлены в виде отдельной главы в конце текста. Однако, в соответствии с принятыми в настоящее время правилами публикации источников и для удобства современного читателя эти примечания оформлены как подстрочные.

Эта работа Н. И. Тургенева печатается в России впервые.

⁶⁰⁵ Об отношении Н. И. Тургенева к Петру I и его реформам см. во вступительной статье.

⁶⁰⁶ Имеется в виду эпоха дворцовых переворотов (1725–1762).

⁶⁰⁷ *Анна Иоанновна* (1693–1740) — дочь царя Ивана Алексеевича, русская императрица (1730–1740); *Елизавета Петровна* (1709–1761) — русская императрица (1740–1761). Говоря о военных происшествиях, Н. И. Тур-

гениев имеет в виду русско-польскую (1733–1735), русско-турецкую (1735–1739), русско-шведскую (1741–1743), а также Семилетнюю (1756–1763) войны.

⁶⁰⁸ Московский университет был открыт по указу Елизаветы Петровны 25 января 1755 г. в день памяти святой мученицы Татианы Римской.

⁶⁰⁹ Почти с самого начала своего правления Елизавета стремилась отменить смертную казнь. В 1742 г. была отменена смертная казнь для лиц, не достигших 17 лет. 2 августа 1743 г. была отменена смертная казнь в армии, находящейся в Финляндии. 17 мая 1744 г. появился указ, согласно которому судам вменялось в обязанность присылать выносимые ими смертные приговоры на утверждение Сената. Сенат, со своей стороны, ссылаясь на невозможность по каждому случаю обращаться к императрице, просил заменить смертную казнь публичным наказанием кнутом, клеймением лица словом «вор» и отправкой в пожизненную каторгу. Это пожелание сенаторов было юридически оформлено указами 25 мая 1753 г. и 30 сентября 1754 г. (См.: *Таганцев Н. С.* Русское уголовное право. Часть общая. СПб., 1902. Т. 2. С. 973).

⁶¹⁰ Н. И. Тургенев намекает на казнь декабристов, состоявшуюся 27 июля 1826 г.

⁶¹¹ Имеется в виду важнейший в истории государственно-правовой мысли России документ «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи», утвержденный Екатериной II 7 ноября 1775 г. и положивший начало реформированию местных органов власти и упорядочению административно-территориального деления страны.

⁶¹² *Сиверс* Яков Ефимович (1731–1808) — граф (1797), выдающийся государственный деятель екатерининской эпохи, с 1764 г. новгородский губернатор, в 1776–1781 гг. генерал-губернатор (или наместник) новгородский, тверской и псковский, с 1781 г. в отставке по собственному прошению, с 1789 по 1794 г. — чрезвычайный и полномочный посол в Польше. В губернаторской должности проявил себя как энергичный практик, автор целого ряда проектов по преобразованию и управлению вверенного ему края. Многие из его предложений (увеличение количества губерний и уездов при сокращении их размеров, ряд новых мер по упорядочению межсословных отношений и т. д.) были включены Екатериной в «Учреждения для управления губерний». Для Тургенева немаловажным обстоятельством было то, что Сиверс в своей деятельности много внимания уделял крестьянскому вопросу, был сторонником наделения крестьян землей, защищал их интересы от произвола помещиков.

⁶¹³ Имеется в виду Манифест 25 июня 1811 г. об «Общем учреждении министерств».

⁶¹⁴ *Сперанский* Михаил Михайлович (1772–1839) — государственный и политический деятель, выходец из духовного сословия, окончил С.-Петербургскую духовную академию. С 1797 г. — на государственной

службе: директор департамента Министерства внутренних дел (1803–1807); статс-секретарь Александра I (с 1807); государственный секретарь (с 1810). Проявил себя как смелый реформатор, стремящийся придать российской монархии европейские черты, считал возможным соединение абсолютизма и законности. В 1812 г. был арестован и отправлен в ссылку. В 1816 г. возвращен на государственную службу в должности пензенского губернатора. С 1819 г. — генерал-губернатор Сибири; с 1838 г. — председатель департамента законов Государственного Совета. Тургенев, невзирая, по его словам, на «невысокие нравственные принципы» Сперанского, высоко ценил его государственный ум и был в курсе его реформаторских проектов, державшихся в тайне. В примечаниях к «России и русским» он писал: «Проект Сперанского мало известен в России. Я внимательно прочел его. В нем идет речь об учреждениях, которые могли бы привести Россию к правовому строю, к конституционной и представительной форме правления. Искренний слог проекта приятно удивляет любящего свою отчизну читателя. Вспоминая, что эта работа написана до 1812 года, нельзя не признать, что Сперанский был одним из самых передовых людей своего времени не только в России, но во всей континентальной Европе» (Россия и русские. С. 538). Однако, в эпоху подготовки Великих реформ реформаторские устремления Сперанского стали казаться Тургеневу недостаточными из-за своего бюрократизма, об этом в его статье идет речь ниже.

- ⁶¹⁵ *Вильберфорс* (Уильберфорс) (Wilberforce) Вильям (1759–1833) — английский государственный деятель, филантроп, прославившийся своей деятельностью по освобождению негров. В 1789 г. внес в нижнюю палату законопроект против торговли неграми, выступал против войны с Францией. В 1792 г. добился принятия закона, которым торговля неграми отменялась с 1795 г. Однако, из-за тяжелого международного положения закон так и не вступил в силу. Прошло еще немало времени, прежде чем Вильберфорс добился в 1807 г. принятия билля об отмене торговли неграми в британских владениях с 8 января 1808 г. Не прекращая свою борьбу с этим, его словами, «позором человечества», Вильберфорс пытался через обращения к Александру I, Фридриху-Вильгельму III и Талейрану добиться отмены работорговли. По его инициативе Каспри поставил вопрос о торговле неграми на обсуждение Венского конгресса. В результате была подписана декларация 7 февраля 1815 г. Подписавшие ее державы торжественно объявляли о неотложной необходимости скорейшего прекращения торгового неграми и обязывались принять общие меры для «полной и окончательной отмены зла, которое так долго опустошало Африку, унижало Европу и печалило человечество». Не останавливаясь на этом, Вильберфорс начал кампанию за полное уничтожения рабства. В 1823 г. благодаря его стараниям был принят билль о постепенной отмене рабовладения. Однако, потребовалось еще

десять лет для окончательного решения этой проблемы. 26 июля 1833 г. Вильберфорс, уже смертельно больной, услышал о согласии правительства принять закон об уничтожении рабства. На следующий день он умер с сознанием выполненного долга.

⁶¹⁶ Цитата из Евангелия от Луки (2, 29). Вильберфорс уподобляется святому Симеону, которому было обещано Святым духом, что он не умрет, не увидев Христа. Когда Симеон увидел в храме Младенца, принесенного туда родителями, он узнал в Нем Христа и произнес эту фразу.

⁶¹⁷ Стряпчий (*фр.*). Начиная с XIX в. в обязанности стряпчего во Франции входило составление процессуальных документов со стороны защиты, в отличие от адвоката, который защищал дело непосредственно в суде.

⁶¹⁸ Защитительная речь (*фр.*).

⁶¹⁹ Тургенев перечисляет членов Государственного Совета: *Мордвинов* Николай Семенович (1754–1845) — член Государственного Совета (1810–1812; 1816–1838), *Потоцкий* Северин Осипович (1762–1829) — член Государственного Совета (1810–1829), *Салтыков* Николай Иванович (1736–1816) — член Государственного Совета (1810–1816), с 1812 г. председатель Государственного Совета и Комитета министров, *Кочубей* Виктор Павлович (1768–1834), член Государственного Совета (1810–1838), с 1827 г. председатель Государственного Совета и Комитета министров.

⁶²⁰ Солдатские сыновья, с рождения зачисленные в военное ведомство. С образованием военных поселений к ним были причислены школы кантонистов, куда брали мальчиков от 5 до 18 лет. Институт кантонистов был отменен в 1856 г.

⁶²¹ Имеются в виду реформы в Дунайских княжествах, проводимые П. Д. Киселевым в 1829–1834 гг. Среди принятых им мер было введение конституции, т. н. Органического регламента (в Валахии в 1831 г., в Молдавии 1832 г.), действующей до 1859 г. Согласно Регламенту, власть господаря ограничивалась Общественным собранием, обладающим большими законодательными функциями. Господарь был главой исполнительной власти. Судебные органы отделялись от административных и имели собственную организацию. Натуральные повинности были заменены единым денежным налогом. Боярство было освобождено от налогов. Общественное собрание было лишено представительства и формировалось в основном из бояр.

⁶²² На службу в Государственный Совет в должности помощника статс-секретаря Н. И. Тургенев был зачислен в 1816 г. Поскольку он не признавал законность вынесенного ему приговора и официально находился в отпуске с 1824 г., он продолжал считать себя государственным служащим. Таким образом, к 1857 г. его служебный стаж, по мнению самого Тургенева, уже перевалил за сорок лет.

⁶²³ Этой проблеме посвящены ранние работы Н. И. Тургенева «Проект судебной реформы» (Архив гр. Мордвиновых. СПб., 1902. Т. 6; Теория уголовного права // Сын отечества. 1823. Т. 90; 1824. Т. 91; 94; 95).

- ⁶²⁴ Н. Тургенев провел в изгнании 31 год, с 10 июля 1826 г., когда ему был вынесен приговор «в каторжную работу вечно», до 15 мая 1857 г., когда высочайшим указом Сенату ему были возвращены все прежние права, кроме прав на прежнее имущество, а также прежние чины и ордена (См.: Декабристы. Биографический справочник. М., 1988. С.180).
- ⁶²⁵ Тургенев имеет в виду свою книгу «Россия и русские». Вопросам судебного законодательства посвящены третья глава второй части второго тома, а также отдельные места во второй части третьего тома.
- ⁶²⁶ Комментируя аналогичное место в «России и русских», А. Р. Курилкин пишет: «Речь идет о 38-й статье Судебника 1497 г., предписывавшей «дворскому» (глава дворцового персонала княжеских слуг), старосте и «лучшим людям» (верхушка посадского населения и черного крестьянства) участвовать в наместничьем суде. Рассматривать это как прообраз института присяжных заседателей нет оснований, по словам современного исследователя, здесь «следует говорить <...> о стремлении феодального правительства использовать в наместничьем суде представителей местной администрации <и др.>, превратив эти органы в одно из звеньев аппарата управления» (Судебники XV–XVI веков. М.; Л., 1952. С. 24, 78, комм. Л. В. Черепнина).
- ⁶²⁷ Тургенев имеет в виду изменение значения слова «целовальник» из первоначального «присяжной человек» (целующий крест) до более позднего «сиделец в питейном доме» (См.: *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1882. Т. 4. С. 577–578).
- ⁶²⁸ *Сийес* (Sieyès) Эммануэль-Жозеф (1748–1836) — французский политический деятель, публицист, социолог, автор знаменитых брошюр начала Французской революции: «Опыт о привилегиях», «Что есть третье сословие?..» и др., выражавших идеологию третьего сословия. Тургенев имеет в виду проект Сиейса по введению во Франции суда присяжных: «Отличительной чертой этого плана было положение о судах присяжных — как для гражданских, так и для уголовных дел, отбираемых из «выборных» списков «активных» граждан. Впоследствии эти списки должны были составляться в основном из юристов. Содержались в нем также и положения по организации полной судебной системы, причем была выражена приверженность принципу представительства, поскольку не только в каждом департаменте составлялись списки «выборных» для суда присяжных, но и «общенациональный верховный суд присяжных», призванный рассматривать преступления против государства, должен был отбираться среди депутатов Национального собрания» (*Аббат Сийес*. От Бурбонов к Бонапарту. СПб., 2003. С. 58–59).
- ⁶²⁹ Имеется в виду работа М. М. Сперанского «Введение к Уложению государственных законов» (1809. Раздел 5 «О разуме законов органических», параграф 2 «Порядок судный»).
- ⁶³⁰ Old Bailey — Центральный уголовный суд в Лондоне.

- ⁶³¹ Имеется в виду положение «Учреждений для управления губерний», по которому работа судов ограничивается тремя заседаниями в год: «первое от 8 числа генваря до страстной недели, второе после Троицына дни до 27 июня, а третье от 2 октября до 18 декабря» (*Законодательство*. Т. 5. С. 202–203).
- ⁶³² Дискреционные полномочия, обладая которыми, судья принимает решение на основании собственного убеждения.
- ⁶³³ Имеется в виду судебная реформа 1832 г. Закон 28 апреля отменил такие виды наказания, как выставление у позорного столба, наложение клейма, отсечение руки и т.д. Кроме того, смертная казнь в одиннадцати случаях, в которых она предусматривалась кодексом 1808 г., была заменена другими видами наказания. 2 июля присяжные получили право признавать наличие смягчающих вину обстоятельств.
- ⁶³⁴ Не дважды за одно (лат.).
- ⁶³⁵ *Росси* (Rossi) Пеллегрино Луиджи Одоардо (1787–1848) — итальянский и французский правовед, политэконом, государственный деятель. В 1812 г. профессор уголовного права в Болонье, оказывал поддержку неаполитанскому королю Мюрату, после прихода австрийцев и свержения Мюрата в 1815 г. вынужден был бежать сначала во Францию, потом в Женеву, где получил кафедру римского и уголовного права. В 1820 г. он был избран членом женеvского Большого совета. В 1832 г., представляя Женеву в союзном сейме, выработал проект конституции (*Pacte Rossi*). Был отправлен в Париж для ведения переговоров по вопросу об эмиграции. Там сблизился с Ф. Гизо и по его приглашению перешел на французскую службу, в 1833 г. получил кафедру политической экономии в Коллеж де Франс, в 1843 г. — кафедру государственного права на юридическом факультете в Парижском университете. В 1843 г. стал деканом этого факультета. В 1845 г. был послан в Рим для обсуждения проблем, связанных с деятельностью ордена иезуитов, в итоге был назначен послом Франции при папском дворе. Революция 1848 г. закрыла Росси путь во Францию, и он стал министром внутренних дел при папе Пие IX. Отличался консервативными взглядами. 15 ноября 1848 г. был убит республиканскими заговорщиками. Н.И. Тургенев имеет в виду его сочинение «*Traité de droit pénal*» (Paris, 1829).
- ⁶³⁶ *Лейбниц* (Leibniz) Готфрид Вильгельм (1646–1716) — великий немецкий философ, математик, физик, юрист, историк, языковед. Тургенев имеет в виду его «Трактат о праве...» (1667).
- ⁶³⁷ *Кант* (Kant) Иммануил (1724–1804) — немецкий философ, родоначальник немецкой классической философии. Учение о праве Кант изложил в работах: «Основы метафизики нравственности» (1785); «Критика практического разума» (1788); «К вечному миру» (1795) и «Метафизика нравов в двух частях» (1797).
- ⁶³⁸ *Бентам* (Bentham) Иеремия (1748–1832) — английский социолог, юрист, один из крупнейших теоретиков политического либерализма. Тургенев имеет в виду работу Бентама «Наказания и вознаграждения» (1811).

- ⁶³⁹ Имеется в виду Общее собрание Государственного совета 14 января 1824 г. по вопросу о смертной казни за политические преступления. Крупный русский правовед Н. С. Таганцев писал: «Два лица, адмирал Мордвинов и Шишков, опираясь на Указ 1754 г., а главным образом на слова Манифеста 1799 г. императора Павла I, доказывали, что смертная казнь отменена за все преступления, не исключая и политических, а потому полагали не упоминать в законе об этом наказании, но в случаях чрезвычайных — посягательства на жизнь государя, бунта и восстания народного — оставить произвольную казнь, определяемую по обстоятельствам дела. Но большинство членов (15 osób), опираясь: а) на буквальный текст Указов 1753 и 1754 гг., относящийся только к общим преступлениям, рассматривавшимся в общем порядке судопроизводства; б) на то, что в числе заменяющих смертную казнь по Указу 1753 г. наказаний было клеймение словом «вор», не употреблявшееся относительно государственных преступников, и в) на примеры из царствования императрицы Екатерины II, утверждали, что смертная казнь применяется к преступлениям государственным. Хотя эти рассуждения за неутверждением проекта прямого практического значения не имели, но мнение большинства в 1826 г. было принято Верховным судом по делу участников восстания 14 декабря 1825 г., когда пятеро главных участников были повешены» (*Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общая.* СПб., 1902. Т. 2. С. 975).
- ⁶⁴⁰ Неточная цитата из «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина: «Россиянин Ярославова века знал побои единственно в драке, иго Татарское ввело телесные наказания» (*Карамзин Н. М. История государства Российского.* Т. 5. Кн. 2. М., 1989. С. 217).
- ⁶⁴¹ нарушения (*фр.*).
- ⁶⁴² полицейский суд, налагающий штрафы (*фр.*).
- ⁶⁴³ следователь (*фр.*).
- ⁶⁴⁴ ордер на арест (*англ.*).

О силе и действии рескрипта 20 ноября 1857 года

Статья была опубликована анонимно в *РЗС* (Paris, 1859. Ч. 2. Тетр. 2) с датой 5 марта 1858 г. Статья посвящена анализу, а также возможным последствиям высочайшего рескрипта 1857 г. — первого официального документа, провозгласившего правительственный курс на отмену крепостного права. По мнению П. А. Зайончковского, «опубликование рескрипта Назимову имело большое политическое значение: гласная постановка вопроса об отмене крепостного права оказала большое влияние на усиление надежды крестьян получить волю, на оживление общественно-идейной борьбы вокруг предлагаемой реформы» (*Зайончковский 1960.* С. 87).

Как и в других своих статьях, посвященных крестьянскому вопросу, Н. И. Тургенев указывает на необходимость учитывать опыт отмены кре-

постного права в странах Западной Европы, в первую очередь в Пруссии и Австрии, а также на те правовые особенности, которые неизбежно возникнут в ходе отмены крепостного права. Важным обстоятельством для Тургенева является наличие переходного этапа между крепостным и свободным состоянием. Если для правительства важно, что на переходный период крестьяне еще не свободны, то для Тургенева важно, что они уже не рабы.

Эта работа Н. И. Тургенева печатается в России впервые.

⁶⁴⁵ Имеется в виду *Назимов* Владимир Иванович (1802–1874), государственный деятель, генерал от инфантерии (1859). В 1855–1863 гг. генерал-губернатор Северо-Западного края.

⁶⁴⁶ Имеется в виду «Отношение министра внутренних дел С. С. Ланского к виленскому военному, гродненскому и ковенскому генерал-губернатору В. И. Назимову (дополнительное отношение к высочайшему рескрипту об открытии комитетов в Виленской, Гродненской и Ковенской губерниях)» (См.: Сборник правительствующих распоряжений по устройству быта крестьян, вышедших из крепостной зависимости. Т. 1. СПб., 1861. С. 80–86). Этот документ, служивший дополнением к рескрипту от 20 ноября 1857 г., развивал и конкретизировал ряд его положений и фактически служил инструкцией для губернских комитетов при подготовке ими местных положений об освобождении крестьян. *Ланской* Сергей Степанович (1787–1862) — министр внутренних дел (1855–1861), граф (с 1861).

⁶⁴⁷ Имеется в виду следующее положение «Отношения» (V. 3): «Во все время переходного состояния помещикам предоставляется право сдавать нерадивых и порочных крестьян, по соглашению с обществом, в рекруты или отдавать в распоряжение правительства для переселения в другие губернии, но не иначе как с утверждения тех присутствий, кои будут по уездам образованы на основании нового положения» (*Конец крепостничества в России*. С. 91).

⁶⁴⁸ Точная формулировка этого положения следующая: «Отправлению натуральных повинностей и работ или плате оброка в пользу помещика могут подлежать только те крестьяне, кои наделены землею, в тех же местах, где крестьяне разделяются на хозяев и батраков или безземельных работников, сии последние не могут быть требуемы на работу иначе как за вознаграждение» (*Конец крепостничества*. С. 90).

⁶⁴⁹ 21 февраля 1702 г. датский король Фридрих IV издал указ, согласно которому крестьяне Зеландии, Лоланда, Фальстера и других островов освобождались от крепостной зависимости. В указе также говорилось, что «все родившиеся от крепостных после вступления на престол короля (т. е. с 25 августа 1699 г.), а равно и их потомки, освобождаются на вечные времена от крепостной зависимости и от прикрепления к месту рождения» (См.: *Лучицкий И. В.* Крестьяне и крестьянские реформы в Дании XII–XVIII вв. // Северный вестник. 1890. № 12. С. 137).

- ⁶⁵⁰ Первая статья «Отношения» гласит: «Уничтожение крепостной зависимости крестьян должно быть совершено не вдруг, а постепенно. Для этого крестьяне сначала должны быть в состоянии переходном, более или менее крепки земле, а потом уже в окончательном и свободном, когда правительство разрешит им переходы из одной местности в другую с надлежащими ограничениями и условиями. Для переходного состояния следует назначить определенный срок, по усмотрению губернских комитетов, не свыше 12-ти лет» (*Конец крепостничества*. С. 89).
- ⁶⁵¹ Статья 3 «Отношения» гласит: «Вотчинная полиция остается помещику. Крестьяне должны быть распределены на сельские общества. Заведование мирскими делами каждого общества и мирская расправа предоставляется мирским сходам или составленным из крестьян мирским судам под наблюдением и с утверждения помещиков» (*Конец крепостничества*. С. 90). Иными словами, помещикам предоставлялось право контроля над органами крестьянского самоуправления. Н. И. Тургенев же был обеспокоен не столько сферой компетенции, сколько объемом власти помещика. Поэтому далее он говорит о необходимости ее судебного ограничения.
- ⁶⁵² В Пруссии крепостное право было отменено эдиктом 9 октября 1807 г. под давлением Наполеона. Вынужденный характер этой отмены привел к тому, что реформа была проведена с максимальным учетом интересов прусских помещиков. И хотя отменялись личная зависимость крестьян от помещиков, сословные привилегии на владение землей и т.д., тем не менее помещик соединял в своем лице судебную, полицейскую и административную власть в пределах своей округи. Кроме того, земельные наделы крестьян отходили к помещикам. Лишенные средств к существованию, прусские крестьяне превращались в дешевую рабочую силу, почти полностью подвластную помещику.
- ⁶⁵³ Н. И. Тургенев имеет в виду свою брошюру «Пора» (1857).
- ⁶⁵⁴ Имеется в виду т.н. указ о регуляризации от 14 сентября 1811 г. в Пруссии, в силу которого крестьянин освобождался от всех повинностей и становился полным собственником своего земельного участка при условии отдать помещику треть земельных угодий. В брошюре «Пора!» Тургенев так характеризовал закон 1811 г.: «Одна из важнейших мер освобождения, едва ли не важнейшая по своей решительности, была предпринята в Пруссии в 1811 году. Барон Штейн, коему Пруссия после Бога всемогущего, обязана более, нежели кому своим перерождением, между различными преобразованиями в государстве положил главные основания к освобождению крестьян с землею <...>. Все совершилось порядочно и успешно, как сего заслуживал святой подвиг правительства. Земледельцы получили в собственность одни (наследственные *Erbbauern*) две трети, другие (срочные, *Laszbauern*) половину земли, за пользование коею они были прежде обязаны работами, и продолжали пользоваться остальной частью

посредством покупки или вольного найма. Крестьяне имели также право, удержав за собою отходящую к помещику $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{3}$ земли, заплатить за сии части деньгами. Теперь помещики и крестьяне благословляют благую меру правительства, и Пруссия совсем забыла, что вначале некоторые из недалновидных помещиков с сокрушением ожидали всеобщего разорения поземельных владельцев» (РЗС. 1858. Ч. 2. Тетр. 1. С. 16).

⁶⁵⁵ Положение прусских крестьян действительно было лучше, чем крестьян русских, находящихся в крепостной зависимости. Между тем, прусские крестьяне были едва ли не самыми бесправными крестьянами в Европе. Ставя в пример России именно прусский путь отмены крепостного права, Тургенев считал его наиболее реальным в российских условиях, где любые проекты крестьянской реформы встречали ожесточенное сопротивление знати.

⁶⁵⁶ *Штегеман* (Stegemann) Фридрих Август — прусский экономист и писатель.

⁶⁵⁷ *Нибур* (Niebuhr) Бартольд Георг (1776–1831) — знаменитый немецкий историк, основоположник научно-критического метода в изучении истории, автор «Римской истории» в 3 т. (1811–1832), в которой стремился путем критического анализа преданий об основании Рима восстановить исторически точную картину становления римской государственности.

⁶⁵⁸ *Штейн* (Stein) Генрих Фридрих Карл (1757–1831) — прусский государственный деятель, сторонник объединения Германии. Возглавив прусское правительство в 1807 г., приступил к реформам, однако уже на следующий год по настоянию Наполеона, боявшегося усиления Пруссии, отправленный в отставку, был вынужден покинуть Пруссию. В мае 1812 г. был приглашен Александром I на русскую службу. В 1813–1814 гг. Штейн руководил центральной комиссией по управлению освобожденными территориями Германии. Н. И. Тургенев служил под его началом и был высокого мнения о его государственных и человеческих качествах.

⁶⁵⁹ Отмена крепостного права всегда была для Н. И. Тургенева вопросом первостепенной важности. Наиболее ранними его выступлениями по этому поводу были записки «Нечто о барщине» (1818) (АБТ. Вып. 5. Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1816 — 1824 годы. Т. III. Пг., 1921. С. 403–409); «Нечто о крепостном состоянии» (1819) (Там же. С. 416–433). Много внимания проблеме крепостничества уделено в главном труде Н. И. Тургенева «Россия и русские» (1847). В предреформенное время по вопросу отмены крепостного права Н. И. Тургенев писал в работах: Пора! // РЗС, 1858. Ч. 2; Об устройстве удельных имений с целью уничтожения крепостного права // ГР. Вып. VI. London, 1859. (См. об этом Тарасова 63. С. 247–249).

⁶⁶⁰ Тургенев имеет в виду крестьянскую реформу императора Священной Римской империи Иосифа II. Указом от 1 ноября 1781 г. крепостное пра-

во было отменено в Богемии, Моравии и Силезии. 22 августа 1785 г. — в Венгрии. 16 июня 1786 г. в Галиции были наложены ограничения на барщину. Освобождая крестьян с земель, правительство Иосифа II брало их под опеку: «Личность крестьянина была поставлена под защиту фискала и вице-графа, которым совершенно в тех же выражениях, как и в немецких провинциях окружным начальникам, вменялось в обязанность надзирать за тем, притесняют ли помещики своих подданных» (*Митрофанов П.* Политическая деятельность Иосифа II. Ее сторонники и ее враги. (1780–1790). СПб., 1907. С. 563–564).

⁶⁶¹ В 1850-е гг. в русском обществе велись споры о крестьянской общине. Центром тяжести был вопрос о том, должна ли она быть сохранена или разрушена в ходе крестьянской реформы. Толчком к спорам послужила книга экономиста А. фон Гакстаузена «Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России» (1847), в которой доказывались преимущества славянской общины как хранительницы патриархальных отношений и средства предотвращения социальных потрясений: «Во всех государствах Западной Европы существуют предвестники социальной революции против богатства и собственности. Ее лозунг — уничтожение наследства и провозглашение прав каждого на равный участок земли. В России такая революция невозможна, так как эти мечты европейских революционеров уже имеют свое реальное осуществление в русской народной жизни» (*Гакстаузен А.* Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений в России. М., 1870. Т. 1. С. XIX). Эти мысли были подхвачены, с одной стороны, А. И. Герценом и Н. Г. Чернышевским, сделавшим акцент на социалистических элементах общины, а с другой — славянофилами И. Д. Беляевым, А. С. Хомяковым, Ю. Ф. Самариным, видевшими в общине самобытные основы русского общества. Противниками общины выступали в основном западники, во главе с Б. Н. Чичериным, доказывавшим, что русская община была искусственно создана правительством в фискальных целях. Позиция Н. И. Тургенева в этом вопросе отличалась самостоятельностью. Он не разделял социалистического пафоса поклонников общины, но в то же время считал, что община является важным фактором роста крестьянского самосознания и наиболее коротким путем перехода от рабского состояния к свободному. Это последнее обстоятельство заставляло его быть сторонником общины.

⁶⁶² Однودворцы — особая категория государственных крестьян, образованная из служилых людей по прибору и занимавшая промежуточное состояние между крестьянством и мелкопоместным дворянством. Такое непрочное социальное положение в XIX в. стало причиной быстрого размывания этой категории.

⁶⁶³ В результате норманнского завоевания Англии в 1066 г. в стране была установлена сильная королевская власть, и вся земля была объявлена соб-

ственностью короля. Англосаксонская община утратила свой свободный характер, но сохранила свою структуру. Закрепощение крестьян стало своего рода средством ее консервации. Старшина превратился в королевского чиновника, представителя центральной власти, а крестьяне-собственники фактически превратились в крепостных, отягченных барщиной и оброком.

⁶⁶⁴ Имеется в виду реформа П. Д. Киселева и другие постановления, изданные возглавляемым им в 1837–1856 гг. Министерством государственных имуществ, смысл которых был уподобить казенных и удельных «более, нежели было доселе, крестьянам помещичьим» (об отношении Н. И. Тургенева к реформе П. Д. Киселева см.: *Тарасова* 65. С. 171–175).

⁶⁶⁵ Тургенев отсылает читателя к своей брошюре «Пора!», где об отмене рабства в английских колониях говорится: «Английское правительство, движимое сильно распространившимся мнением общественным против рабства негров в английских колониях, решилось представить парламенту проект закона об уничтожении рабства с денежным вознаграждением мил[лион] ф[унтов] ст[ерлингов] в пользу владельцев, что и было принято парламентом без затруднения. Но не войдя в подробное рассмотрение вопроса и по тому самому придавая слишком много важности обыкновенным разглагольствованиям о постепенности, о необходимости мер приуготовительных и т.п., правительство не решилось исполнить благого дела одним разом. Оно придумало новое средство освобождения постепенного, которое состояло главнейшее в том, что бедные негры должны были оставаться в течение 9 или 10 лет, в зависимости от своих владельцев, зависимости подобной той, в которой находятся от мастеров малолетние дети, отдаваемые им в ученье. Потому это положение негров называлось apprenticeship [ученичество — *ред.*]. Права владельцев и обязанности работников были определены законом. Для наблюдения за точным исполнением сего закона и для ограждения негров от притеснений со стороны владельцев, правительство должно было назначить комиссаров» (*РЗС*. 1858. Ч. 2, тетр.1. С. 17).

Вопрос освобождения и вопрос управления крестьян

Статья печатается по *РЗС* (1859. Ч. 3, тетр. 1). Авторская датировка — 16 октября 1858 г. Автор анализирует известные ему проекты освобождения крестьян с землей за выкуп как в России, так и за границей. Отмечая неудовлетворительность каждого из них, Н. И. Тургенев ставит своей целью обосновать необходимость предоставления крестьянам трети помещичьих угодий, с тем, однако, чтобы надел каждого «тягла» не превышал 3–4 десятин. Освобождение должно совершиться на безвозмездной со стороны крестьян основе. Вместе с тем, допуская, что государство может компенсировать помещикам земельные и трудовые потери, он пытается наметить ряд мер по

изысканию средств на это. Во второй части статьи Тургенев касается вопросов местного самоуправления после отмены крепостного права. Вопросы юридического равенства для него всегда были важнее имущественных, поэтому его программа в этом вопросе отличается большей конкретностью. Считая волостное управление «главным основанием управления государственного», он настаивает на том, чтобы крестьяне не просто были представлены в нем, но и преобладали, что отражало бы реальную расстановку сил в деревне. Не менее важным моментом является принцип разделения властей, последовательно проведенный на всех уровнях.

Эта работа Н. И. Тургенева печатается в России впервые.

⁶⁶⁶ Статья «Пора!» опубликована в *РЗС*. 1858. Ч. 2. Тетр. 1.

⁶⁶⁷ О наделении крестьян землей и о размерах надела речь идет в последней (шестой) части статьи: «Освобождение с $\frac{1}{3}$ земли».

⁶⁶⁸ Н. И. Тургенев имеет в виду свою статью «Об устройстве удельных крестьян с целью уничтожения крепостного права» (*ГР*. 1859. Книжка 10).

⁶⁶⁹ Вольное экономическое общество было создано по инициативе Екатерины II в 1765 г. и просуществовало до 1919 г. В числе учредителей были крупные вельможи Г. Г. Орлов, Р. И. Воронцов и др. В 1765-1766 гг. Обществом был проведен конкурс на лучшее сочинение на тему: «Что полезнее для общества, — чтоб крестьянин имел в собственность землю или токмо движимое имение, сколь далеко его права на то или другое имение простирались должны?» Премия была присуждена французскому ученому Беарде де л'Абе, предлагавшему освободить крестьян и заменить подневольный труд на помещичьей земле арендой.

⁶⁷⁰ Тургенев имеет в виду брошюру «Пора!» и статью «О силе и действии рескрипта 2 ноября 1857 года» (см. комм. к статье «О силе и действии рескрипта»).

⁶⁷¹ Имеется в виду статья Н. П. Огарева «Еще об освобождении крестьян» (*К*. 1858. Л. 14. 1 мая). Автор предлагает проект, по которому «крестьяне будут выплачивать свой выкуп с землею опекуному совету в течение 37 лет».

⁶⁷² Тургенев отвечал Огареву в статье «Возражение на статью Колокола» (*К*. 1958. Л. 18. 1 июля), где заявил свой «протест против какого-то ни было выкупа со стороны крестьян».

⁶⁷³ См. с. наст. изд.

⁶⁷⁴ Н. И. Тургенев имеет в виду свою неопубликованную записку «Проект судебной реформы» (Архив гр. Мордвиновых. СПб., 1902. Т. 6).

⁶⁷⁵ *Самарин* Юрий Федорович (1819–1876) — публицист, критик, историк, общественный деятель, славянофил, член самарского губернского комитета по улучшению быта помещичьих крестьян (1858–1859) и член-эксперт Редакционных комиссий (1859–1860). Полное название статьи Самарина,

упоминаемой Н. И. Тургеневым, — «О теперешнем и будущем устройстве помещичьих крестьян в отношении юридическом и хозяйственном».

⁶⁷⁶ Такой порядок был введен 5 апреля 1797 г. Манифестом Павла I о трехдневной барщине.

⁶⁷⁷ Имеется в виду речь Александра II, произнесенная 30 марта 1856 г. перед московскими губернским и уездными предводителями дворянства: «Ноясьте слухи, что я хочу дать свободу крестьянам; это несправедливо, и вы можете сказать это всем направо и налево; но чувство, враждебное между крестьянами и их помещиками, к несчастью, существует, и от этого было уже несколько случаев неповиновения помещикам. Я убежден, что рано или поздно мы должны к этому прийти. Я думаю, что вы одного мнения со мною, следовательно, гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, нежели снизу» (*Конец крепостничества*. С. 85).

⁶⁷⁸ Размер надела, предлагаемого Н. И. Тургеневым, был значительно меньше прожиточного минимума. По расчету известного статистика конца XIX века Ю. Э. Янсона, минимальный душевой надел для черноземной полосы равнялся 5 десятинам. «При таком наделе, — писал Ю. Э. Янсон — почти не может быть за покрытием потребностей в кормовых средствах никаких избытков; на необходимые расходы для покупки соли, дегтя, на ремонт одежды и хозяйственных орудий, покупку лесного материала <...> и пр. не остается ничего, тем более на уплату податей». По данным, приводимым в записке управляющего Полтавским отделением дворянского банка Д. К. Квитка, этот минимум был даже выше и равнялся 6 десятинам (цит. по: *Зайончковский* 1960. С. 242–243). Тургенев сознательно шел на занижение крестьянского надела, чтобы стимулировать крестьян арендовать землю у помещиков и тем самым сохранить общее количество прежней запашки. В реальности крестьянские наделы после реформы в среднем оказались выше, чем советовал Тургенев, но ниже прожиточного минимума: «Из 10 049 800 ревизских душ 5,5 % получили надел менее 1 дес.; 13,2 % — от 1 до 2 дес.; 28,2 % — от 2 до 3 дес.; 26 % — от 3 до 4 дес.; 22,3 % — от 4 до 6 дес.; свыше 6 дес. получили надел 4,1 % и, наконец, свыше 10 дес. — 0,7 %. Таким образом, 95,2 % всех помещичьих крестьян получили надел меньше 6 десятин» (*Зайончковский* 1960. С. 242).

⁶⁷⁹ В 1816 г. Александр I издал «Положение о эстляндских крестьянах», в 1818 г. — «Положение о курляндских крестьянах» и в 1819 г. — «Положение о лифляндских крестьянах». Эти положения освобождали крестьян от крепостной зависимости при сохранении всей земли в руках помещиков. Крестьяне также были ограничены в свободе передвижения и выборе рода занятий. В руках помещика оставались полицейские и судебные функции.

⁶⁸⁰ Имеется в виду указ от 21 ноября 1597 г., согласно которому крестьяне, бежавшие от господ, «до нынешнего <...> году за пять лет» подлежали сыску, суду и возвращению «назад, где кто жил».

- ⁶⁸¹ Тургенев неоднократно в своих антикрепостнических выступлениях приводил слова Петра I, запрещающие «продавать людей, как скотов, чего во всем свете не водится, и от чего не малый вопль бывает» (Дневники Николая Ивановича Тургенева. Т. II. С. 222).
- ⁶⁸² Премия или прибавка, с которой производится обмен одного вида денег на другой.
- ⁶⁸³ Имеется в виду Декрет Учредительного собрания 2 ноября 1789 г., по которому имущество духовенства поступало «в распоряжение нации» для погашения государственного долга. Но для этого необходимо было обналичить капитал, достигающий 3 млрд ливров. Из них планировалось 400 млн пустить на уплату долга. В ожидании, пока имущество духовенства будет продано, правительство начало выпускать т.н. «земельные ассигнаты», стоимость которых полностью обеспечивалась. Первоначально они выпускались в крупных купюрах (1000 ливров) и были доступны только для состоятельных граждан. Однако, уже в следующем году они стали выпускаться мелкими купюрами и должны были приниматься в обмен на звонкую монету, что привело к их быстрому обесцениванию.
- ⁶⁸⁴ Имеется в виду деятельность австрийского министра финансов К. Л. Брука. Назначенный в 1855 г. на эту должность, он провел ряд мероприятий, позволивших существенно сократить бюджетный дефицит. Так, например, он пустил в продажу государственные железные дороги, уступил государственному банку часть государственного имущества на сумму 156 млн флоринов, подписал австро-германское монетное соглашение, подготовил отмену принудительного обменного курса кредитных билетов и т. д.
- ⁶⁸⁵ Имеется в виду *Унковский* Алексей Михайлович (1828–1893) — юрист и общественный деятель, с февраля 1857 по декабрь 1859 г. — предводитель дворянства Тверской губернии. В декабре 1857 г. Унковский представил Александру II записку об освобождении крестьян, в которой, идеализируя патриархальный характер отношений помещика и крестьян («наш великорусский крестьянин не испытывал никогда феодальной зависимости и бесприютного рабства»), доказывал неотъемлемое право крестьян на землю и предлагал освободить крестьян «*при наделе их необходимо нужным количеством усадебной, пахотной, луговой и выгонной земли и с вознаграждением за это помещика*» (*Конец крепостничества*. С. 100–101).
- ⁶⁸⁶ По расчетам Унковского, «стоимость выкупа земель в Тверской губернии не может простираться более 36 миллионов рублей серебром, с которых ежегодный платеж 5 % не может превышать 1 800 000 руб. сер., что составит не более 5 руб. сер. с души в год; а с тягла 12 руб. 50 коп. — самый легкий помещичий оброк» (*Конец крепостничества*. С. 107).
- ⁶⁸⁷ Имеется в виду «Записка об освобождении крестьян в России» К. Д. Каверина (1855). Это один из первых предреформенных проектов отме-

ны крепостного права получил широкую известность, несмотря на то, что «Записка» не была опубликована. Автор ее — *Кавелин* Константин Дмитриевич (1818–1885) — историк, юрист, публицист, общественный деятель либерального направления.

⁶⁸⁸ Имеется в виду крестьянское восстание в Галиции 1846 г., возможно, спровоцированное австрийской администрацией в ответ на предложение львовского сейма подготовить проект освобождения крестьян от крепостной зависимости.

⁶⁸⁹ *Иосиф II (Австрийский)* (1741–1790) — император Священной Римской империи (1765–1790), король Богемии и Венгрии, эрцгерцог Австрии, фактически править стал после смерти своей матери Марии Терезии. Проявил себя как выдающийся государственный деятель, просвещенный монарх, реформатор.

⁶⁹⁰ *Гакстгаузен* (Haxthausen) Август (1792–1866) — немецкий экономист. В 1843 г. при материальной поддержке русского правительства путешествовал по России с целью изучения аграрного строя. Результатом поездки стало трехтомное сочинение «Этюды о внутренних отношениях народной жизни и в особенности о земельных порядках России» (1847–1853), опубликованное на немецком и французском языках (русский перевод — 1870).

⁶⁹¹ Н. И. Тургенев был профессиональным экономистом. В 1818 г. он издал книгу «Опыт теории налогов».

⁶⁹² *Людовик Филипп I* (Луи-Филипп) (Louis-Philippe) (1773–1850) — представитель Орлеанской ветви династии Бурбонов, король Франции с 1830 по 1848 г. Официально, согласно конституции, именовался «король французов».

⁶⁹³ Во время правления Луи-Филиппа вопрос о рабстве в колониях неоднократно поднимался в парламенте. В июле 1832 г. был принят закон, облегчающий отпуск рабов на волю. В апреле 1833 г. свободным людям с черной кожей были предоставлены гражданские права в полном объеме. В июле 1843 г. был восстановлен закон, по которому всякий раб, вступивший на французскую землю, становится свободным, а в августе 1847 г. было регламентировано общее положение рабов с некоторым смягчением их участи. Однако, окончательная отмена рабства произошла 27 апреля 1848 г., уже после свержения Луи-Филиппа.

⁶⁹⁴ Национальный конвент провозгласил отмену рабства в феврале 1794 г.

⁶⁹⁵ Указ консула Наполеона Бонапарта о восстановлении рабства в колониях вышел 20 мая 1802 г. Однако во время Ста дней (29 марта 1815 г.) Наполеон провозгласил немедленную отмену работорговли.

⁶⁹⁶ В июле 1848 г. австрийский парламент провозгласил отмену феодальных повинностей. При этом личные сеньориальные права отменялись без вознаграждения, а права, связанные с землепользованием, подлежали выкупу.

- ⁶⁹⁷ *Талейран-Перигор* (Talleyrand-Périgord) Шарль Морис де (1754–1838) — французский политик и дипломат, министр иностранных дел при нескольких режимах, начиная с Директории и кончая правительством Луи-Филиппа.
- ⁶⁹⁸ День св. Георгия, отмечается два раза в году, 23 апреля и 26 ноября. С последней датой связывалось на Руси право крестьян переходить от одного землевладельца к другому. Судебник 1497 г. ограничил переход двухнедельным сроком (неделю до и неделю после Юрьева дня). Судебник 1550 г. подтвердил это положение. Однако, в 1580 г. стали вводиться т. н. заповедные лета, когда крестьяне не могли воспользоваться положенным им правом перехода. Борис Годунов при царе Федоре Иоанновиче в 1597 г. отменил это право. Этот указ Н. И. Тургенев считает началом крепостничества на Руси.
- ⁶⁹⁹ Военные поселения — вид воинской службы без отрыва от сельскохозяйственных работ, с целью сократить расходы на армию. Первый опыт военных поселений в России был предпринят в 1810 г., а систематически она начали вводиться с 1816 г. Несмотря на то, что идея военных поселений принадлежала Александру I, в общественном сознании они связывались с именем А. А. Аракчеева, их непосредственным организатором и начальником. Крестьяне, попавшие в военные поселения, оказывались под двойным гнетом: военным и крепостным, а специфические приемы работы Аракчеева делали их быт практически невыносимым. История военных поселений насчитывает немало мелких и крупных восстаний поселян против своего начальства.

О новом устройстве крестьян

Печатается по *РЗС* (1861. Часть V. Тетр. I).

В этой статье, датированной автором 22 мая 1861 г., Н. И. Тургенев подводит первые итоги реформы 19 февраля 1861 г. и намечает пути дальнейшего освобождения крестьян. Высоко оценивая сам факт отмены крепостного права и историческую роль Александра II как царя освободителя («Едва ли найдется в истории другой пример, где бы один человек сделал так много добра столь многим людям»), Тургенев вместе с тем останавливается на некоторых неприемлемых для него положениях реформы. Главным слабым местом он считает наличие переходного периода. Поскольку моральный аспект крепостного права для него всегда был превыше остальных («во главе всех моих предположений всегда было: оградить, прежде всего, личность русского крестьянина»), то он считает, что полного освобождения еще не произошло. Таким образом, все положения реформы, ограничивающие свободу крестьян (временнообязанное состояние, принудительный характер земельного выкупа, паспортный режим и т. д.), встречают его осуждение. Сопоставляя свой

план освобождения (бесплатное наделение крестьян землей, моментальное освобождение, выплата компенсации помещикам за счет правительства), изложенный в предшествующих записках, в первую очередь в «Вопросе освобождения и вопросе управления крестьян» с положениями крестьянской реформы 19 февраля, Тургенев приходит к выводу, что его предложения выгоднее для крестьян, а правительственные положения для помещиков.

Эта работа Н. И. Тургенева печатается в России впервые.

⁷⁰⁰ Свой план освобождения крестьян с землей Тургенев подробно изложил в статье «Вопрос освобождения и вопрос управления крестьян». (С. 382.)

⁷⁰¹ Новым Положением Н.И. Тургенев называет совокупность законодательных актов, сопровождавших публикацию Манифеста 19 февраля и конкретизирующих условия освобождения крестьян в зависимости от местных и др. особенностей. Всего было опубликовано 17 таких документов: 1) Общее положение. 2) Положение об устройстве дворовых. 3) Положение о выкупе. 4) Положение о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениях. 5) Правила о порядке приведения в действие Положений. 6) Местное положение о поземельном устройстве крестьян 29-ти великороссийских, трех новороссийских и двух белорусских губерний. 7) Местное положение о поземельном устройстве крестьян трех губерний, составляющих Левобережную Украину. 8.) Местное положение о поземельном устройстве крестьян трех губерний Правобережной Украины. 9) Местное положение о поземельном устройстве крестьян Литвы и части Белоруссии. 10) Дополнительные правила о крестьянах мелкопоместных владельцев. 11) Дополнительные правила о приписанных к частным горным заводам людях Министерства финансов. 12) Дополнительные правила о крестьянах, отбывающих работы на помещичьих фабриках. 13) Дополнительные правила о крестьянах и рабочих, отбывающих работы на Пермских частных горных заводах и соляных промыслах. 14) Дополнительные правила о крестьянах и дворовых людях Области войска донского. 15) Дополнительные правила о крестьянах и дворовых людях Ставропольской губернии. 16) Дополнительные правила о крестьянах и дворовых людях Сибири. 17) Правила о людях, вышедших из крепостной зависимости в Бессарабской области. Совокупность этих документов Тургенев называет новым Положением.

⁷⁰² В этой статье говорится: «В случае если помещик по добровольному соглашению с крестьянами, утвержденному установленным порядком, подарит обществу крестьян часть их надела, и если эта часть, заключая в себе усадебную оседлость крестьян, составляет вместе с оною не менее на каждую ревизскую душу одной четверти высшего, в степной же полосе указного размера надела, установленного для той местности, в коей находится имение, то крестьяне, получившие такой дар от помещика,

могут отказаться от обязательного пользования остальной частью своего надела, которая и поступает затем в полное распоряжение помещика» (*Законодательство*. Т. 7. С. 280).

- ⁷⁰³ *Ростовцев* Яков Иванович (1803–1860) — государственный деятель, в молодости принадлежал к Северному обществу декабристов, накануне восстания 14 декабря 1825 г. предупредил о нем Николая I, сделал стремительную военную карьеру. При Александре II вошел в состав Государственного Совета (27 марта 1855 г.), был назначен членом Секретного, а потом Главного комитета по крестьянскому делу. В должности председателя Редакционных комиссий сыграл ведущую роль в подготовке крестьянской реформы.

⁷⁰⁴ непереносимое условие (*лат.*).

- ⁷⁰⁵ Тургенев имеет в виду попытку Михаила Семеновича *Воронцова* (1782–1856) и Александра Сергеевича *Меньшикова* (1787–1869) организовать в 1820 г. общество по освобождению крестьян. Подробно об этом речь во втором томе книги Н. И. Тургенева «*Россия и русские*» (С. 252–253).

⁷⁰⁶ См. комм. к статье «О силе и действии рескрипта 2 ноября 1857 года».

⁷⁰⁷ См. комм. к статье «Вопрос освобождения и вопрос управления крестьян».

- ⁷⁰⁸ *Фридрих Вильгельм* (Friedrich Wilhelm) III (1770–1840) — прусский король (с 1797) из династии Гогенцоллернов, внучатый племянник Фридриха II Великого.

⁷⁰⁹ *Гарденберг* (Hardenberg) Карл (1750–1822) — князь, немецкий политический деятель, с 1810 г. государственный канцлер Пруссии, министр иностранных дел (1804–1806 и 1807). После удаления Штейна в 1808 г. продолжил его реформы.

⁷¹⁰ Тургенев имеет в виду полную отмену феодальных повинностей в Австрии летом 1849 г. Крестьяне освобождались сразу с землей, за выкуп, который был разделен на три части. «Одну треть должны были выплатить помещику сами крестьяне, уплату второй трети приняло правительство на себя, а последнюю треть должен был нести или потерять помещик» (*Пора!* С. 23).

⁷¹¹ См. комм. к статье «О силе и действии рескрипта 2 ноября 1857 года».

⁷¹² золотая середина (*фр.*).

⁷¹³ *Константин Николаевич* (1827–1892) — великий князь, второй сын императора Николая I, играл видную роль в подготовке и проведении Великих реформ (крестьянской и судебной). Тургенев имеет в виду рескрипт 19 февраля 1861 г., в котором царь назначил Константина Николаевича председателем вновь учрежденного Главного комитета об устройстве сельского состояния. В компетенцию этого комитета входили рассмотрение законопроектов, связанных с проведением крестьянской реформы в жизнь, разработка положений, а также вопросы управления освобожденными крестьянами.

Список сокращений

АбТ — Архив братьев Тургеневых. Вып. 1–6. СПб. — Пг., 1911–1921.

ВЕ — Вестник Европы.

Вяземский — Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика. М., 1984.

Взгляд — Взгляд на дела России. Leipzig, 1862.

ГР — Голоса из России.

ДТ — Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу. М. — Л., 1936.

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.

Зайончковский 1960 — Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. М., 1960.

Законодательство — Российское законодательство X–XX вев. Законодательство периода расцвета абсолютизма: т. 1–9. М., 1984–1991.

ИГР — Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 1–3. СПб., 1842.

Изд. 1872 — Письма А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу. Лейпциг, 1872.

Изд. 1939 — Письма А. И. Тургенева к Булгаковым. М., 1939.

Изд. 1964 — Тургенев А. И. Хроника русского; Дневники (1825–1826). М. — Л., 1964. Издание подготовил М. И. Гиллельсон.

Изд. 1989 — Тургенев А. Политическая проза. Составление, подготовка текста, вступительная статья и примечания А. Л. Осповата. М., 1989.

Истрин — Истрин В. Из документов архива братьев Тургеневых // ЖМНП. 1913. № 3.

К — Колокол. Газета А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Вольная русская типография. 1857–1867. Лондон — Женева. Факсимильное издание. Т. 1–10. М., 1962.

Карамзин — Карамзин Н. М. Неизданные сочинения и переписка. Ч. 1. СПб., 1832.

Конец крепостничества — Конец крепостничества в России. Письма, документы, мемуары, статьи. М., 1988.

ЛН — Литературное наследство.

МН — Московский наблюдатель.

МТ — Московский телеграф.

ОА — Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 1–5. СПб., 1899–1913.

ПЖТ — Письма В. А. Жуковского А. И. Тургеневу. М., 1895.

Пора! — Пора! // Русский заграничный сборник. Ч. 2, тетр. 1.

Пугачев, 1962 — Пугачев В. В. Из истории общественно-политической мысли начала XIX в. // Учен. зап. Горьковского гос. ун-та. Сер. историко-филологическая, 1962. Вып. 57.

Пугачев, 1963 — Пугачев В. В. А. И. Тургенев в 1825–1826 гг. // Ученые записки Горьковского гос. ун-та. Сер. историко-филологическая. 1963. Вып. 58.

Пушкин — Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 1–16. М. — Л., 1937–1949.

РА — Русский архив (журнал).

РЗС — Русский заграничный сборник. Берлин–Брюссель–Лейпциг–Лондон–Париж, 1858–1866.

Россия и русские — Тургенев Н. Россия и русские. Перевод с франц. яз. и статья С. В. Житомирской. Комментарий А. Р. Курилкина. М., 2001.

Совр. — Современник.

Тарасова 63 — Тарасова В. М. Декабрист Н. И. Тургенев — сотрудник «Колокола» // Проблемы изучения Герцена. М., 1963.

Тарасова 65 — Тарасова В. М. «Россия и русские» (Н. И. Тургенев о России 30–50-х годов XIX в.) // Ученые записки Марийского гос. пед. ин-та. Йошкар-Ола, 1965. Т. 28.

Ф. 309 — РО ИРЛИ. Ф. 309 (Тургеневых).

Ф. 501 — РГАЛИ. Ф. 501 (Тургеневых).

Шебунин 1925 — Шебунин А. Н. Н. И. Тургенев. М., <1925>.

Библиография

А. И. Тургенев

Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А. И. Тургеневым. СПб., 1841–1842. Т. 12.

Письма А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу. Лейпциг, 1872.

Архив братьев Тургеневых. СПб. — Пг., 1911–1921. Вып. 1–6.

Письма А. И. Тургенева к Булгаковым. Подготовка текста писем, вступ. статья и комм. А. А. Сабурова. М., 1939.

Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники (1825–1826 гг.). Изд. подготовил М. И. Гиллельсон. М.-Л., 1964.

Тургенев А. Политическая проза. Составление, подготовка текста, вступ. статья и примеч. А. Л. Осповата. М., 1989.

Н. И. Тургенев

Архив братьев Тургеневых. Вып. 1. Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1806–1811 года. Т. I. СПб., 1911.

Архив братьев Тургеневых. Вып. 3. Дневники Николая Ивановича Тургенева за 1811–1816 годы. Т. II. СПб., 1913.

Архив братьев Тургеневых. Вып. 5. Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1816–1824 годы. Т. II. Пг., 1921

Взгляд на дела России // Русский заграничный сборник. Лейпциг, 1862. Часть 5. Тетрадь 2.

Вопрос освобождения и вопрос управления крестьян // Русский заграничный сборник. Paris, 1859. Часть 3. Тетрадь 1.

О новом устройстве крестьян // Русский заграничный сборник. Leipzig, 1861. Часть 5. Тетрадь I.

О нравственном отношении России к Европе. Лейпциг, 1869.

О разноплеменности населения в русском государстве // Русский заграничный сборник. Paris, 1866. Часть 5. Тетрадь 3.

О силе и действии рескрипта 20 ноября 1857 года // Русский заграничный сборник. Paris, 1859. Часть 2. Тетрадь 2.

О суде присяжных и о судах полицейских в России // Русский заграничный сборник. Paris, 1860. Часть 4. Тетрадь 1.

Об устройстве удельных имений с целью уничтожения крепостного права // Голоса из России. London, 1859. Вып. VI.

Ответы: I. На IX главу книги «Граф Блудов и его время» г. Ковалевского. II. На статью «Русского инвалида» о сей книге. Paris, 1867.

О новом устройстве крестьян // Русский заграничный сборник. Leipzig, 1861. Часть 5. Тетрадь I.

Политика // Освободительное движение в России. Саратов, 1971. Вып. 1.

Пора! // Русский заграничный сборник. Paris, 1858. Ч. 2. Тетр. 1.

Россия и русские. М., 2001.

Сопоставление Англии и Франции // Освободительное движение в России. Саратов, 1971. Вып. 2.

Чего желать для России? Лейпциг, 1868.

Указатель имен

- Абель-Ремюза — см. Ремюза
Абеляр П. — 139, 140, 512
Абрантес Л.-А.-К. — 136, 511
Август II — 115
Адашев А. Ф. — 213
Аделунг Ф. П. — 113
Азадовский К. М. — 37, 543, 547
Александр I — 12, 15, 17–19, 21, 22, 24, 27, 28, 31, 32, 38, 51, 57, 61, 64, 66, 70, 72, 76, 100, 166, 177–181, 184, 196, 198–203, 207, 216, 227, 231, 232, 237, 270, 279, 280, 284, 304, 307, 331, 351, 352, 363, 463, 479, 510, 515, 521, 523, 525–529, 535, 536, 538, 554, 561, 565, 568
Александр II — 74, 75, 286, 371, 388, 482, 565, 566, 568, 570
Александр Великий — см. Александр Македонский
Александр Македонский — 161, 220, 259
Александра Николаевна, вел. кн. — 218, 534
Алексеев М. П. — 55, 516
Алип — 195
Альбертранди Я. Х. — 102, 103, 105, 106, 114
Амалия, маркграфиня Баденская — 151, 515
Аммиан Марцеллин — 276
Ампер А.-М. — 119, 505
Ампер Ж.-Ж.-А. — 119, 121, 123, 161, 505
Андре Ж.-М.-А. — 259, 260
Андреевский — 169
Анисова И. Л. — 17
Анна Австрийская — 148
Анна Иоанновна — 69, 70, 114, 283, 552
Аннибал — см. Ганнибал Барка
Ансело В. — 158
Аракчеев А. А. — 270, 568
Аржевитинов И. С. — 131, 217
Аристид — 273
Арндт Н. Ф. — 211, 212, 265, 266
Арно де А. — 123
Ассемани И.-С. — 104, 105
Баггесен Е. — 169, 550
Багезен — см. Баггесен Е.
Бадер К.-А. — 167
Байер Г.-З. (Т.-З.) — 277
Байрон Дж. — 95, 106, 152, 155, 163, 234, 237, 238, 239, 541
Бакон — см. Бэкон Ф.
Бакунин М. А. — 42
Баланш (Балланш) П.-С. — 117, 119, 123, 135, 154, 160–163, 248, 498, 510
Балугьянский М. А. — 18
Бальзак де О. — 38, 136, 264, 513
Банкс Дж. — 182
Бантыш-Каменский Н. Н. — 107, 164, 174
Барант А.-Г.-П. — 161, 260, 510
Баратынский Е. А. — 238, 240, 254, 545
Барро К.-Г.-О. — 144
Бартенев П. И. — 546
Бартолоцци Ф. — 245
Барятинский И. С. — 257, 545
Бассевиц Ч.-Г. — 114
Батый — 220
Батюшков К. Н. — 39, 157, 158, 234, 236, 237, 517, 541
Беарде де л'Абе — 566
Безбородко А. А. — 270, 271
Бек Август — 94, 99
Белинский В. Г. — 43, 525
Белке Ф.-В. — 153
Белл Ч. — 507

- Бель (Бейль) — см. Стендаль
 Бель Э. — 127, 133, 158
 Беляев И. Д. — 562
 Бенкендорф А. Х. — 31, 207, 530
 Бентам И. (Дж.) — 253, 349, 557
 Беранже П.-Ж. — 163
 Берк Э. — 129
 Бернард Святой Клервосский — 141
 Бернгард, герцог саксен-веймарский — 153
 Бернетти Т. — 101, 245, 246
 Беррийский герцог К.-Ф. — 509, 521
 Берье П.-А. — 143, 145
 Бестужев А. А. — 239, 240, 542
 Бестужев Н. А. — 240, 542
 Беттихер К.-А. — 25, 98
 Бешенковский Е. Б. — 54, 56
 Билинкис М. Я. — 54, 56
 Биньон Л.-П. — 132, 508
 Биньян Анн — 131
 Био Ж.-Б. — 172
 Бирон Э.-И. — 114, 115
 Бистром К. И. — 230
 Благой Д. Д. — 26
 Блан Л. — 41
 Блудов Д. Н. — 25, 26, 169, 218, 219, 261, 258, 530, 534
 Блюхер Г.-Л., кн. Вальштатт — 171
 Бовале П.-Ф. — 122
 Боеций — см. Ла Боэси де Э.
 Боливар С. — 520
 Бомбель де Л.-Ф. — 143
 Бомбель И. — 143
 Бональд де Л.-Г.-А — 88, 251, 498
 Бонстетень — см. Бонштетен К.-В.
 Бонштетен К.-В. — 129, 143, 154, 202
 Боратынский — см. Баратынский Е. А.
 Боровкова-Майкова М. С. — 26
 Бортнянский Д. С. — 245
 Боссе Э.-Г. — 97
 Боссюет — см. Боссюэ Ж.-Б.
 Боссюэ Ж.-Б. — 104, 146–149, 515
 Босуэлл (Босвелл) Дж. — 100, 128, 129, 509
 Бревер де Ж. — 137
 Бристоль — 181
 Бруглио (Бройль) А.-Ш. — 117, 122, 124, 137, 511, 513
 Брольи, герцог — см. Бруглио (Бройль) А.-Ш.
 Брольо (урожд. Левашова) А. П. — 122, 506
 Брольо, гр. — 122, 506
 Бросс де — см. Броссе Ш.
 Броссе Ш. — 137, 511
 Брук К. Л. — 566
 Брум Г. — 123, 125–129, 138, 252, 507
 Бруни Ф. А. — 170, 171, 245
 Брут Марк Юний — 50, 51, 52
 Брюллов К. П. — 244, 255
 Брюс Т., гр. Эльгин — 126
 Буйон де — 147
 Булгаков А. Я. — 5, 270, 271, 517
 Булгарин Ф. В. — 204, 238, 239
 Буле — 16
 Бурбоны — 56, 57
 Бурк — см. Берк Э.
 Буссе И.-Г. — 188, 524
 Бутервек Ф. — 92, 93
 Бэкон Ф. — 128, 129, 148, 149, 253, 507, 515
В. К. — 404
 Ваккаи Н. — 500
 Валк С. Н. — 534
 Валленштейн А. — 171
 Васильчиков И. В. — 230, 260
 Вашингтон Дж. — 128, 136
 Велгурский — см. Виельгорский М. Ю.
 Веллингтон А. У. — 130, 181
 Вельяминов А. А. — 96
 Верак (Веррак) де Ш. — 109, 116, 117
 Вергилий Публий Марон — 99
 Верженн де Ш.-Г. — 109, 116, 117

- Верне Г. (О.) — 123
Верне Л. — 123
Верньо П.-В. — 177
Веселовский А. — 500
Вестфален Г. Г. — 503
Виарис К. — 63, 545
Вибекинг фон К.-Ф. — 167
Вигель Ф. Ф. — 219, 506, 534
Виельгорский М. Ю. — 211, 266
Виланд К.-М. — 8, 151, 152, 153, 157
Виллардо — 503
Вильберфорс У. — 119, 120, 286, 505, 554, 555
Вильменн Ф. — см. Вильмень А.-Ф.
Вильмень А.-Ф. — 38, 121, 122, 131, 143, 145, 206, 250, 506, 518, 530
Винкель Т.-Э. — 98, 500
Виньи А. де — 505
Виргман Т. — 498
Висконти Л. — 160
Вишленкова Е. А. — 6, 18, 19, 21–23, 535
Вишницер М. — 520, 521
Воейков А. Ф. — 8, 204
Волконский С. Г. — 79
Волконский С. М. — 80
Вольтер (Мари Франсуа Аруэ) — 47, 48, 51, 52, 95, 99, 113, 122, 137, 143, 150, 210, 279, 498, 511
Воронцов А. Р. — 125
Воронцов М. С. — 28, 125, 168, 207, 214, 235, 236, 570
Воронцов Р. И. — 564
Воронцов С. Р. — 111, 125
Вортсворт У. — 152, 156, 163
Востоков А. Х. — 37, 125
Вутье — 94, 97
Вяземская В. Ф. — 266
Вяземский П. А. — 20, 25–31, 33, 38, 88, 123, 131, 156, 191, 204, 208–211, 214, 219, 242, 255, 262, 497, 500, 504, 505, 508–510, 514, 518, 520, 525, 532, 534, 536, 539–541, 543–545, 547, 548
Гааз Ф. П. (Ф.-И.) — 261
Гагерн Г.-Х.-Э. — 249
Газе — см. Гассе Ф.-Х.-А.
Гайдн И. — 163
Гакстаузен А. — 405, 406, 562, 567
Галилей Г. — 247
Галлам Г. — 129
Галлер А. — 37, 223
Галлер, внук — 251
Гальяни Ф. — 263
Гамба Ж.-Ф. — 94, 96
Ган — 144, 260
Ганнибал Барка — 273
Гарденберг К. — 249, 468, 570
Гассе Ф.-Х.-А. — 93, 95, 173, 499
Гегель Г.-Ф.-В. — 92
Геерен (Герен) А.-Г.-Л. — 11, 50, 95, 168, 275
Гейне Х.-Г. — 95, 500
Гейнрих IV — см. Генрих IV
Гейнрихс — 146
Геккерн де Беверваард Л.-Б. — 212, 264, 265, 267
Геккерн — см. также Дантес-Геккерн Ж.
Гелло (Гело) Ш.-Г. — 159, 517
Гело — см. Гелло Ш.-Г.
Гельмольд — 501
Гендель Г.-Ф. — 245
Геннадий, архим. — 269
Генрих IV — 110
Генрих Прусский — 270
Георг III — 55, 110, 124
Георг IV — 55, 126
Георг, принц-регент — см. Георг IV
Гервег Г. — 42
Гердер И.-Г. — 95, 98, 151, 152, 153, 155, 168
Гермес, московский сенатор — 233
Геродот — 121, 276
Герцен А. И. — 9, 43, 69, 71–73, 75, 562

- Гершель Дж. — 129, 137, 507, 511
 Гершензон М. О. — 48
 Герштейн Э. — 547
 Гете А. — 154, 156
 Гете И.-В. — 8, 37, 93–95, 98–100, 151–157, 167, 169, 174, 199, 244, 259, 271, 515, 543
 Гианнони — см. Джаннони П.
 Гиббон Э. — 245
 Гизо Ф.-П.-Г. — 38–40, 89, 92, 117, 121–123, 144, 145, 152, 161, 172, 176, 185, 186, 202, 203, 205, 206, 233, 241, 243, 250, 514, 521, 523, 557
 Гиллельсон М. И. — 16, 33, 34, 38, 40, 41, 44, 497
 Гино Э. — 162, 163
 Глинка Ф. Н. — 168, 240, 520
 Гнедич Н. И. — 234, 538, 540
 Гнейзенау А. — 171
 Гогенлоге — см. Гогенлоэ-Кирхберг Л.
 Гогенлоэ-Кирхберг Л. — 259
 Гогенцоллерны — 570
 Годунов Борис — 66, 69, 100, 393, 568
 Голанд — см. Фокс Г.
 Голицын А. Н. — 18, 19, 21, 120, 132, 184, 216, 228, 503, 523
 Голицын Д. В. — 191
 Голицын Д. М. — 193
 Голицын М. М. — 114
 Голицын С. М. — 245
 Голицын Ф. А. — 245, 543
 Голицын Ф. С. — 97, 170
 Голицын Ф. Ф. — 245
 Голицына (урожд. Измайлова) Е. И. — 239
 Головин И. М. — 97, 179
 Головкин Г. И. — 111, 113, 116
 Головкин Ю. А. — 179
 Голуховский Ю. — 167
 Гольдсмит О. — 184
 Гом Ж.-Ж. — 505
 Гомер — 51, 52, 135, 136, 252
 Гончарова (в замуж. Дантес) Е. Н. — 212, 264
 Гончарова (в замуж. Фризенгоф) А. Н. — 265, 266
 Гораций Флакк Квинт — 123, 130, 540
 Гордон П. — 106–107
 Гофман — 250
 Грановский Т. Н. — 501
 Гранпьер А. — 138
 Грегуар А. — 165, 249
 Грей Т. — 152, 249, 258, 516, 543
 Греч Н. И. — 169
 Грибоедов А. С. — 239
 Гривель Л.-Ж.-Ж. — 141
 Григорий VII — 121, 143
 Григорий XVI — 245, 543
 Гризи — 128
 Гримм Ф.-М. — 87, 498
 Гросул В. Я. — 21
 Гудович А. И. — 97, 205
 Гуман Ш. — 513
 Гумбольдт А.-Ф.-В., фон — 37, 104, 131, 154, 173, 176
 Гурьев Д. А. — 244, 245, 523
 Гурьев Н. Д. — 245
 Гурьева — 244
 Гюго В. — 120, 133, 136, 163, 504, 509
 д'Аршиак де О. — 212, 264, 265
 д'Аламбер (Даламбер) Ж.-Л. — 92
 д'Аламберт — см. д'Аламбер Ж.-Л.
 д'Андре — см. Андре Ж.-М.-А.
 д'Аршиак — см. д'Аршиак де О.
 Давыдов Д. В. — 33, 191, 257
 Давыдов М. А. — 28
 Далин У. (О.) — 278, 279
 Даль В. И. — 211, 556
 Даморо Л. — 118
 Данзас К. К. — 212, 265, 266
 Данте Алигьери — 158
 Дантес-Геккерн Ж. — 212, 264, 265, 267
 Дантон Ж.-Ж. — 177

- Дашков Д. В. — 25, 91, 498
Дежерандо Ж. — 38
Дейч А. — 521
Деказ Э. — 172, 521
Декарт Р. — 251
Делавинь Ж. — 504
Делавинь К. — 94, 96, 500
Деларош И. — 123, 163, 519
Дельвиг А. А. — 240, 242, 243, 542
Державин Г. Р. — 45, 196, 228, 242, 512, 543
Дестю де Траси — см. Трасси Дестю де А.-Л.-К.
Дефонтен Р. — 173
Джаннони П. — 279
Джеффри Ф. — 38, 128
Джонсон С. — 100, 128, 129
Дидеро — см. Дидро Д.
Дидро Д. — 150
Дидье Ш. — 158
Дино де Курланд Д. — 121, 205, 506
Диоклетиан — 150
Дмитриев И. И. — 7, 29, 96, 208, 240, 241, 248, 254, 262, 266, 500, 523, 534–536, 542, 548
Дмитриев С. С. — 43
Дмитриев-Мамонов А. М. — 228
Долгорукие — 112, 114
Доминикино (настоящее имя Доминико Цампъери) — 174
Дону (Daupou) П.-К.-Ф. — 106
Дорваль М. — 120
Друцкой-Любецкий Ф.-К. — 260
Дурылин С. Н. — 8, 521, 524, 528
Дюбуа П.-Ф. — 145, 498
Дюмурье Ш.-Ф. — 177
Дюпанлу Ф.-А. — 133, 135
Дюпен А.-М.-Ж. — 159, 517
Дюран — 162, 163
Дюшатель Ш.-М.-Т. — 108

Евгений IV — 502
Ейро де — 94, 96
Екатерина I — 97, 111, 113–115, 336
Екатерина II — 69, 70, 100, 104, 113, 117, 141, 201, 205, 206, 227, 228, 257, 258, 270, 271, 283, 284, 361, 412, 479, 530, 538, 550, 553, 558
Елагина А. П. — 240, 261, 542
Елизавета Алексеевна, имп. — 196, 515
Елизавета Петровна, имп. — 192, 283, 284, 552, 553
Елизавета Тюдор — 109
Ермолов А. П. — 96, 234

Жанвье — 145
Жанлис С.-Ф. Дюкре де Сен-Обен — 175
Жерамб де Ф. — 143
Жерар Ф. — 119, 505
Жирарден Марк — 119, 121, 135
Жихарев С. П. — 27, 171, 185
Жомар Э.-Ф. — 120
Жорж (настоящее имя М.-Ж. Веммер) — 137
Жубер Ж. — 158, 517
Жуковская Е. А. — 550
Жуковский В. А. — 8, 9, 24, 25, 33, 87, 94, 97, 99, 133, 152, 154, 156, 157, 164, 191, 195, 197, 198, 199, 210–212, 222, 234, 236, 237, 240, 245, 248, 249, 251, 257, 258, 266–268, 270, 271, 503–504, 515, 516, 525, 527, 528, 531, 533, 534, 538, 539, 542, 544, 547, 550, 557
Жуффруа Т.-С. — 498
Жюльен де Пари М.-А. — 38

Загряжская (урожд. Разумовская) Н. К. — 266
Зайончковский П. А. — 496, 558
Занд К. — 23, 221, 536
Зильберштейн И. С. — 518
Зорин А. — 18
Зотов Захар — 228

- Иван** Васильевич, царь — см. Иван Грозный
 Грозный
 Иван Грозный — 110, 213, 226, 536
 Игорь, князь — 100
 Имберди А. — 511
 Инзов И. Н. — 227, 236
 Иоанн VIII Палеолог — 104, 502
 Иоанн Безземельный — 507
 Иосиф II (Австрийский) — 270, 403, 561, 567
 Ипсиланти А. К. — 234, 540
 Истрин В. — 12, 16, 25, 33
- К.** — см. Кавелин К.Д.
 Кавелин Д. А. — 233
 Кавелин К. Д. — 401, 567
 Кадольвен де Э. — 137
 Кайсаров А. С. — 8, 9, 11, 15, 17, 578
 Кайсаров М. С. — 8, 9
 Калиостро (настоящее имя Джузеппе Бальзамо) — 94
 Кальяр А.-Б. — 116, 117
 Каменские — 164
 Каменский — см. Бантыш-Каменский Н. Н.
 Канель Альфред — 128
 Канинг (Каннинг) Дж. — 100, 133, 184
 Канкрин Е. Ф. — 237, 260, 543
 Кант И. — 88, 92, 167, 223, 349, 498, 557
 Кантемир А. Д. — 164
 Кантемир Д. К. — 112, 256
 Капнист В. В. — 164, 257
 Каподистрия И. А. — 164, 203, 249, 529
 Карамзин Н. М. — 7, 8, 14, 24–26, 35, 37, 93, 100, 101, 158, 164, 169, 171, 172, 181, 182, 184, 188, 189, 195, 196, 213, 215, 220, 226, 237, 238, 240, 243, 255, 268, 275–279, 501, 503, 519, 520, 526, 527, 532, 535, 536, 543, 545, 550, 558
 Карамзина Е. А. — 255
 Карамзины — 7, 172, 178, 237
 Каратыгин В. А. — 268
 Карголай (Керголе) Л.-Ф.-П. — 135
 Карл I, английский король — 185, 513, 523
 Карл II — 185, 523
 Карл XII — 126
 Карл Великий — 161
 Карл Фридрих — 114, 503
 Карл X — 128
 Каролина, королева неаполитанская — 161
 Каслри (Кестльри) Р.-С., маркиз Лондондерри, виконт — 56, 554
 Кастальян (Кастеллан) В.-Б. — 161
 Кастелян — см. Кастелян Ж.
 Кастелян Ж. — 136
 Кате де — 503
 Катон — 51
 Кауниц, княжна — 97
 Каченовский М. Т. — 49, 501
 Квитко Д. К. — 565
 Кер Ч.-Г.-Б. — 110
 Кёр П.-Л. — 110, 134, 137, 139, 150
 Керголай, гр. — см. Карголай (Керголе) Л.-Ф.-П.
 Кизеветтер А. А. — 27
 Кинд И.-Ф. — 94, 98, 500
 Кипренский О. А. — 245
 Киреевская — см. Елагина А. П.
 Киреевские — 242
 Киреевский И. В. — 41, 240, 241, 520, 542
 Киреевский П. В. — 520, 542
 Киселев П. Д. — 71, 216, 260, 533, 555, 563
 Клементина, дочь Луи-Филиппа — 510
 Клопшток Ф.-Г. — 171
 Ключевский В. О. — 7, 9, 10
 Кнебель фон К.-Л. — 151
 Княжнин Я. Б. — 164

- Козлов И. И. — 87, 91, 132, 135, 164, 240, 499, 509
Козловский П. Б. — 32, 279, 280, 511, 550
Кологривов, возможно, Д. М. — 179
Коновницын П. П. — 168
Констан Бенжамен — 38
Константин Николаевич, вел. кн. — 482, 570
Константин Павлович, вел. кн. — 30, 117, 168, 520, 528
Кончак — 250
Корнель П. — 118, 504
Корнилович А. О. — 542
Корреджио (Корреджо) (настоящее имя Антонио Аллегри) — 98, 174
Кох Х.-В. — 162
Коцебу А.-Ф. — 8, 127, 157, 507, 536
Кочубей В. П. — 164, 200, 214, 291, 330, 555
Крейтер Ф.-Д. — 151, 153
Крейтон А. А. — 181
Круг Ф. И. — 277
Крылов И. А. — 98, 164, 508, 542
Кузень В. — 89, 136, 145, 176, 250, 321, 498, 521
Кульман Н. К. — 544
Куммер — 120
Куницын А. П. — 17, 188, 524
Куракин А. Б. — 112, 190, 192
Курилкин А. Р. — 497, 556
Курций Марк — 51
Кутузов А. М. — 7
Кутузов М. И. — 7, 164, 235
Кэмпбелл (Кампбелл) Н. — 183
Кювье Г.-Л.-К. — 37, 95, 120–122, 131, 145, 148, 154, 156, 173, 250, 505
Кюстин де А. — 32, 218, 219, 534
Кюхельбекер В. К. — 49

Ла Бозси де Э. — 131, 508
ла Вальер де — см. Лавальер де Л. Ф.
Лаваль И. С. — 188, 189
Лавальер де Л. Ф. — 147, 148, 514
Лавока Ш. — 133, 509
Лагарп Ф.-Ц. — 199–203, 249, 331, 528, 529
Лагрене Ж.-Ж. — 183
Лакордер Ж.-Б.-А. — 133–135, 138, 139, 142
Ламартин А. де — 110, 118, 119, 133, 136, 138, 145, 505, 509–511, 514
Ламенне Ф.-Р. — 38, 88, 118, 119, 121, 131, 137, 149, 208, 504, 505, 511
Ланда С. С. — 524
Ланкастер — 110
Лансдаун У., гр. Шельберн — 109, 124, 508
Лансдаун Г., — 109, 123–126
Лансдовн — см. Лансдаун У., гр. Шельберн, а также Лансдаун Г.
Ланской С. С. — 559
Лаплас П.-С. — 173
Ларош И. — 123
Ларошфуко де Ф. — 147
Ласозе — 188, 524
Лафайет Ж.-П. — 129
Лафатер И.-К. — 8
Лафит Ж. — 128
Лафон Ш.-Ф. — 118, 504, 510
Лафон, жена Ш.-Ф. Лафона — 136
Лафонтен де Ж. — 242
Лебрэн Л.-Э. — 132
Лебрэн П.-А. — 131, 508, 517
Лёве-Веймар А. — 144, 514
Левенвольде Р. — 115
Легуве Г.-М.-Ж. — 521
Лейбниц Г.-В. — 148, 149, 349, 498, 515, 557
Лекен Г.-Л. — 176, 177, 521
Лемке М. К. — 545
Ленорман А. — 512
Ленорман Ш. — 162
Ленорман, племянница Рекамье — 160
Леонид — 51

- Лерберг А.-Х. — 277
 Лерминье Ж.-Л.-Э. — 43, 119, 144–145, 148–150, 250, 251, 515, 544
 Лермонтов М. Ю. — 259, 260
 Леру П. — 498
 Летте — 383
 Лефорт Ф. — 97
 Лжедмитрий I — 215, 256, 533
 Ливий Тит — 275
 Ликург — 259
 Линднер Ф.-В. — 100
 Лири — 115
 Лирий — см. Лири
 Лобанов-Ростовский Д. И. — 231, 539
 Ловиц (Лович) Ж. А. — 169
 Лодий П. Д. — 18
 Ломоносов М. В. — 513, 580
 Лонгинов М. Н. — 7
 Лопухин И. В. — 7, 9, 10, 241, 274, 275, 550
 Лопухин П. В. — 217, 231, 232, 523, 539
 Лорен (настоящее имя Клод де Желе) — 174
 Лотман Ю. М. — 7, 9, 531, 532
 Лоуэлл Г. — 63
 Лувель Л.-П. — 509, 521
 Лудвиг Благочестивый — см. Людовик IX Святой
 Лудвиг Филипп — см. Луи-Филипп
 Лудовик XIV — см. Людовик XIV
 Лудовик XV — см. Людовик XV
 Луиза, герцогиня веймарская — 123, 515
 Луи-Филипп — 160, 409, 507, 509, 510, 567, 568
 Лукан А. М. — 154, 506
 Лукас Ш.-Ж.-М. — 136, 510
 Лунин М. С. — 169
 Лучицкий И. В. — 559
 Любецкий — см. Друцкой-Любецкий Ф.-К.
 Людовик IX Святой — 220
 Людовик X — 479
 Людовик XIV — 104, 105, 115, 122, 123, 126, 135, 146–148, 159, 174, 185, 192, 502
 Людовик XV — 223
 Людовик XVI — 99, 120, 159, 257, 321
 Людовик XVIII — 176, 514
 Людовик-Филипп I см. — Луи-Филипп
 Лютер М. — 11, 122, 166, 167, 171, 188, 249
 Люттерот А. — 512
 Мабильон Ж. — 104
 Магницкий М. Л. — 31, 541
 Мазон А. — 506
 Макинтош Дж. — 128, 129, 138
 Макинтош Р. — 128, 129
 Мак-Каллах — см. Мак-Каллох Дж.-Р.
 Мак-Каллох Дж.-Р. — 146, 514
 Маколе см. Маколей З.
 Маколей (Макколей) Т.-Б. — 120, 505
 Маколей (Макколей) З. — 119, 120, 123
 Максима (Maxime) — 158
 Максимилиан I — 171
 Максимович М. А. — 542
 Малиновский А. Ф. — 258
 Маллет (Малле) П.-А. — 278
 Мальзерб (Malesherbes) К.-Г. — 159, 517
 Маннерт К. — 277
 Манштейн фон Х.-Г. — 113
 Манюэль Л.-П. — 144
 Марат Ж.-П. — 188
 Марет (Мааре) Б., герцог де Бассано — 123
 Марешал, лорд (настоящее имя Джордж Кейт) — 113
 Марино-Марини — 101, 102, 103, 113
 Мария Стюарт — 104

- Мария Терезия, австрийская эрцгерцогиня — 567
Мария Терезия, жена Людовика XIV — 148
Мария Феодоровна, вел. кн. — 109, 117
Мария, дочь Луи-Филиппа — 135, 510
Мария Амелия, жена Луи-Филиппа — 135, 510
Марк-Жирарден — см. Жирарден Марк
Маркс К. — 42
Марло К. — 519
Марс, мадемуазель — 118, 120, 121, 123, 137
Мартенс К. — 100
Маршан М. — 135, 510
Марше — 176
Масков И.-Я. — 279
Мейлах Б. С. — 524
Мейстер — см. Местр де Ж.
Мейстр — см. Местр де Ж.
Мельгунов Н. А. — 42
Меншиков А. Д. — 97, 111, 113, 114
Меншиков А. С. — 28, 207, 214, 216, 260, 530, 570
Меньшиков А. С. — см. Меншиков А. С.
Мерзляков А. Ф. — 8, 9, 157, 195
Мериме П. — 38, 162
Меррей Дж. — 88, 106
Местр де Ж. — 88, 206, 208, 209, 243, 251, 530, 543
Меттерних К. — 249
Мещерский П. С. — 134, 510
Мещерский Э. П. — 122, 506
Мизерикорд де ла Л. — 147
Миллер И. см. Мюллер И.
Милорадович М. А. — 198, 230, 232, 527
Мильтиад — 273
Мильтон Дж. — 133, 142, 513, 544
Мильчина В. А. — 63
Минье Ф.-О.-М. — 39, 40, 94, 99, 105, 117, 122, 124, 135, 184, 185, 498, 506, 523
Мирабо де О.-Г.-Р. — 177
Митрофанов П. — 562
Мицкевич А. — 162, 518, 519
Мишле Ж. — 259
Моден Г.-К.-Л. — 171
Модзалевский Б. Л. — 533
Мокроусова М. Б. — 502
Моле Л.-М. — 158, 161
Монмерке Л.-Ж.-Н. — 116, 117
Монтескье Ш.-Л., барон де Секонда — 120, 141, 185, 188, 206, 512
Монтион Ш. — 131, 508
Монфокон Б. — 104
Мордвинов Н. С. — 291, 555, 558
Моро Жоннес де А. — 109
Моцарт В.-А. — 163
Мудров М. Я. — 208
Мур Дж. — 128
Мур Т. — 128, 156, 238
Муравьев Н. М. — 26, 169
Мурр Георгий — см. Мур Дж.
Муррай — см. Меррей Дж. Мюзар
Мюллер (Миллер) И. — 95, 101, 129, 154, 171, 195, 219, 250, 501
Мюллер фон Ф. — 151-154
Мюллер-Кочеткова Т. — 517
Мюральт (Муральт) И. — 188, 524
Мюрат И. — 160, 161, 557
Мюрат М.-А.-К. — 160, 161
Мюссе — 150
Назимов В. И. — 559, 560
Наполеон Бонапарт — 18, 36, 47, 74, 77, 87, 119, 128, 132, 135, 139, 143, 154, 155, 158-161, 169, 171, 179, 185, 192, 200, 201, 409, 499, 507, 508, 513, 517, 548, 560, 567
Нарышкин Д. Л. — 212
Невзоров М. И. — 134
Невтон — см. Ньютон

- Неккер Ж. — 138, 511
 Нельсон Г. — 125, 507
 Нерон — 150, 176, 177
 Нессельроде К. В. — 167, 236, 527
 Нестор — 11, 90, 106, 250, 276
 Нефедьева А. И. — 264, 517, 549
 Нечаев С. Д. — 240
 Неш Дж. — 183
 Нибур Б.-Г. — 168, 375, 467, 468, 520, 561
 Николай I — 31, 32, 39, 66, 69, 71, 168, 180, 184, 212, 214, 216, 217, 218, 266–268, 532, 545, 570
 Николай — см. Николай I
 Николай — см. Тургенев Н. И.
 Николь К.-Е. — 177, 223, 536
 Николя Д. К. — 223, 536
 Никуличев Ю. — 7
 Нитманы А.-Ф. и Ф. — 146, 148, 149
 Новиков Н. И. — 6, 7, 9, 10, 13, 16, 35, 240, 241, 550
 Новосильцев (Новосильцов) Н. Н. — 17, 27, 30, 199, 200, 223, 231, 522, 536, 548
 Нурри А. — 118
 Ньютон И. — 51, 52

Обер Д. — 504
 Огарев Н. П. — 43, 564
 Огинский М. — 90, 94, 500
 Одоевский В. Ф. — 508
 Озеров В. А. — 96, 196
 Озу Л.-Н. — 118, 505
 Оксман Ю. Г. — 71, 533
 Оленин А. Н. — 231, 539
 Ольдекоп Е. И. — 239
 Омар — см. Гюмер
 Орлеанский герц. Фердинанд — 175, 241
 Орлов А. Г. — 170
 Орлов А. Ф. — 260
 Орлов Г. Г. — 564
 Орлов М. Ф. — 26, 58, 168, 169, 222–224, 254, 261, 524, 536, 564

 Осипова (урожд. Вындомская, по первому мужу Вульф) П. А. — 269
 Осповат А. Л. — 37, 93, 497, 543, 547
 Остерман А. И. — 111, 114–117, 192
 Отрепьев Григорий — см. Лжедмитрий I

Павел I — 7, 51, 62, 109, 117, 170, 179, 199, 200, 241, 565
 Павел Петрович, вел. кн. — см. Павел I
 Павлов Н. Ф. — 254
 Паги А. — 105
 Паже Ж.-П. — 144
 Пажес см. — Паже Ж.-П.
 Паке — 118
 Пакет — см. Паке
 Пакье Э. — 163
 Пален Ф. (Ф. П.) — 260
 Палицын А. — 255
 Паллас П.-С. — 95
 Пальфи, графиня — 97
 Панин Н. И. — 109, 116, 117, 246
 Парис А.-П. — 106, 117
 Парсамов В. С. — 83
 Пасек Я. — 162
 Паскаль Б. — 148, 162, 222, 515, 536
 Паскевич И. Ф. — 551
 Пасторе — 160
 Пеле де ла Лозер Прива Ж.-К. — 145
 Пеллико С. — 218, 534
 Перовский Л. А. — 71, 216
 Песталотти И.-Г. — 249
 Петр I — 50, 51, 52, 53, 66, 70, 94, 97, 100, 104, 106–108, 111–116, 122, 124, 126, 152, 170, 174, 210, 226, 232, 240, 264, 283, 298, 317, 318, 336, 393, 413, 479, 488, 552, 566
 Петр II — 114, 115
 Пий IX — 557
 Пикар Л.-Ф. — 97
 Пиль Р. — 252, 345
 Пиндар — 148, 149

- Питт-младший У. — 127, 507
Питт-старший У. — 127, 507
Платон — 134, 251
Плесси — 122
Плетнев П. А. — 45, 516, 518
Плиний младший — 244, 529
Плутарх — 273
Погодин М. П. — 259, 534
Полевой Н. А. — 95, 99, 101, 239, 499
Посошков И. Т. — 217, 534
Потемкин Г. А. — 112, 141, 270, 271
Потемкин П. И. — 112, 115
Потемкин Я. А. — 230
Потоцкий С. О. — 291, 555
Потоцкий С. С. — 28
Походяшин Г. М. — 241
Прадель де П.-М.-К. — 139–141
Предтеченский А. В. — 36
Пристлей (Пристли) Дж. — 185
Проскурина В. Ю. — 45, 516, 518
Протасов Н. А. — 260
Пугачев В. В. — 36, 37, 54, 56, 63, 71
Пушкин А. С. — 6, 33, 34, 39, 46, 135, 138, 158, 175, 188, 210–212, 222, 224, 227, 233–240, 243, 254, 257, 260, 264, 265–269, 502, 508, 509, 517, 524, 531, 536, 540–542
Пушкин В. Л. — 175
Пушкин Л.С. — 233, 539
Пушкин С. Л. — 34, 212
Пушкина (урожд. Гончарова, во втором браке Ланская) Н. Н. — 211, 212, 264–268
Пушкина Н. О. — 269
Пушкины — 207
Пыпин А. Н. — 18, 19, 24, 29, 535
Пэйли У. — 507

Раббе А. — 95, 500
Равиньян де Г.-Ф.-К. — 133
Радищев А. Н. — 27, 30, 232, 539
Разумовская Г. — 172
Разумовский Андр. К. — 179, 523
Райнальди К. — 105
Расин Ж.-Б. — 158, 196
Раумер Г.-В. — 168
Раупах Э.-Б. — 188, 189, 190, 525
Рафаэль Санти — 174
Рахель — см. Рашель
Рашель Э. — 158
Регул — 540
Реизов Б. Г. — 40, 517
Рейналь (Raynal) П.-Ш.-Д. — 158, 517
Рейтерн фон Г. — 156
Рейтерн фон Е. — см. Жуковская Е. А.
Рек — см. Рекке Ш.-Е.-К.
Рекамье Жюли — 32, 37, 38, 117, 119, 123, 132–135, 138, 160–162, 164, 175, 178, 180, 181, 184, 216, 242, 243, 248, 505, 512
Рекке Ш.-Е.-К. — 92, 94, 499
Ремюза Ж.-П.-А. — 94, 498, 500
Ренне — 383
Ренуар О. Ш. — 62
Ресегье де Ж. — 133
Ржевский Г. П. — 190
Риттер К. — 168
Рихтер И.-П.-Ф., известный под псевдонимом Жан-Поль — 174
Ришелье дю Плесси А.-Ж. — 122
Робертсон У. — 279
Робеспьер М.-М.-И. — 38, 40, 177, 188, 219
Роган, герцогиня — 262
Родзянко С. Е. — 8
Рожалин Н. М. — 500
Роже, академик — 141
Ройе-Колар А.-П. — 162, 189, 205
Ройе-Колар П.-П. — 162
Росси П.-Л.-О. — 135, 144, 348, 557
Россини Дж. — 245
Ростовцев Я. И. — 461, 464, 471, 570
Ростопчина Е. П. — 130
Рошет Р. — 121
Рудницкая Е. Л. — 27, 43
Румор К.-Ф.-Л. — 501

- Румянцев А. И. — 114
 Румянцев Н. П. — 109, 111, 116, 125, 171, 271
 Румянцев С. П. — 205
 Руссо Ж.-Ж. — 12, 47, 48, 58, 120, 507, 524
 Рылеев К. Ф. — 240
 Рюге А. — 42

 Сабран де Д. — 32
 Сабуров А. — 5
 Савари де Брюлон Ж. — 146, 514
 Саксон Грамматик — 278
 Саллюстий Гай Крисп — 149
 Салтыков М. А. — 208
 Салтыков Н. И. — 291, 555
 Самарин Ю. Ф. — 43, 388, 464, 564
 Санти, гр. — 153
 Сарториус Г. — 11, 50, 60, 584
 Сатин Н. М. — 42
 Саути Р. — 156
 Свербеев Д. Н. — 79, 82, 217, 254, 266, 516
 Свербеева Е. А. — 217, 261, 263, 502, 516, 518
 Свечин Н. С. — 179
 Свечина С. П. — 117, 123, 132, 181, 205, 206, 262, 504, 529
 Святой Фома — см. Фома Аквинский
 Святослав Игоревич, князь — 100
 Севинье де Ш. — 147
 Севинье Мари де Рабютен-Шанталь де, маркиза — 146
 Севиньи де, маркиз см. Севинье де Ш.
 Семевский В. И. — 28, 524, 527
 Сен-Мартен Л.-К. — 158, 169, 520
 Сенозон — 159
 Сен-При А. К. — 133, 241, 243
 Сен-Пьер Ж.-А.-Б. — 175
 Сен-Симон, герцог — 192
 Сен-Симон де Рувруа К.-А. — 41
 Сент-Бёв Ш.-О. — 38, 119, 122, 162, 498
 Сент-Олер де Бонуаль Л.-К. — 119
 Серафим, митроп. — 31
 Сербинович К. С. — 263, 270, 548
 Сеславин А. Н. — 179
 Сиверс Я. Е. — 284, 553
 Сиес (Сиэс) — см. Сийес Э.-Ж.
 Сийес Э.-Ж. — 127, 304, 556
 Сиркур де А. — 163
 Скибицкий Ф. Ф. — 551
 Скотт А. — 155
 Скотт Вальтер — 37, 87, 91, 95, 97, 151, 154, 155, 157, 216, 246, 325, 499, 516
 Скриб Э. — 141, 504, 512
 Смит А. — 11
 Смит С. — 128
 Смитсон Г. — 136
 Соколовский М. Н. — 107
 Сократ — 273
 Солнье (сын) — 498
 Солон — 259
 Спасский И. Т. — 211, 265
 Сперанский М. М. — 18, 169, 195, 196, 218, 224, 252, 270, 285, 292, 294, 304, 330, 523, 526, 534, 544, 549, 553, 556
 Спиноза Б. — 134
 Сталь де А.-Л.-Ж. — 127, 128, 129, 152, 172, 175, 507, 511, 512, 521
 Сталь де О.-Л. — 138, 511
 Сталь де, баронесса — 138, 511
 Станислав Август — 126, 141
 Старчевский А. В. — 501
 Стендаль (настоящее имя Анри-Мари Бейль) — 38, 133, 158, 245, 517
 Страхов П. И. — 122
 Строганов Г. А. — 179, 200, 235, 540
 Строганов С. Г. — 216
 Стурдза А. С. — 22, 23, 220, 221, 251, 535
 Стюарт Дюгальд — 87, 88, 89, 92, 498
 Стюарт Мария — 104, 502
 Суворов А. С. — 273

Сухомлинов М. И. — 525, 528

Сюар Ж.-Б.-А. — 113

Таганцев Н. С. — 553, 558

Талейран (Талейран-Перигор) Ш.-М. — 99, 121, 124, 129, 160, 192, 205, 423, 554, 568

Тальма Ф.-Ж. — 122, 123, 137, 141, 176, 177, 521

Тарасов Е. — 11, 17

Тасс — см. Тассо Торквато

Тассо Торквато — 245

Татищев П. А. — 7

Тацит Публий Корнелий — 192, 205, 277

Темпест Р. — 545

Тенсен де П.-Г. — 257

Тенсин — см. Тенсен де П.-Г.

Теренцио Мамиани дела Ровере — 42

Тиандер К.Ф. — 520

Тиводо — 127

Тидге Х.-А. — 92, 94, 499

Тимковский И. О. — 232

Тимолеон — 273

Тисо — 162, 163

Тоблер Г.-К. — 8

Токвиль А.-Ш.-Г.-К. — 135, 136, 163, 510

Токевиль — см. Токвиль А.-Ш.-Г.-К.

Толстой П. А. — 114, 115

Томашевский Б. В. — 541

Топоров В. Н. — 526

Траси — см. Трасси Дестю де А.-Л.-К.

Трасси Дестю де А.-Л.-К. — 188, 524

Траян — 205, 529

Тронше Ф.-Д. — 321

Трубецкой Н. Н. — 6, 7

Трубецкой Ю. Н. — 7

Тунманн (Тунман) И.-Э. — 277

Тургенев Андр. И. — 7–9, 47, 157, 194, 199, 236, 258, 279, 516, 526, 551

Тургенев И. П. — 6–8, 11, 16, 35, 550

Тургенев И. С. — 80

Тургенев Петр — 215, 256, 533

Тургенев П. Н. — 519

Тургенев С. И. — 7, 17, 26, 28, 32, 53, 60, 185, 194, 199, 208, 213, 503, 517, 526, 527, 530, 532

Тургеневы, братья — 8, 27–29, 42, 520, 521, 533

Тьер А. — 41, 119, 144

Тьерри (Тьерри) О. — 38

Тютчев Ф. И. — 171, 262, 519, 547

Тюфякин П. И. — 179

Уваров С. С. — 18, 25, 217, 509, 545

Уввар Г.-Ж. — 94, 96

Уильберфорс У. — см. Вильберфорс У.

Унковский К. М. — 566

Фалу — см. Фаллу А.-Ф.-П.

Фаллу А.-Ф.-П. — 145, 514

Фальмераьер Я.-Ф. — 262

Фаттала Саигир — 505

Федор Иоаннович — 66, 69, 568

Фейнберг И. Л. — 502

Фельдман Д. М. — 72

Фемистокл — 273

Фенелон Ф. де — 118, 141

Фердинанд VII — 509

Фиески Ж. — 507

Филарет, патриарх — 46

Фихте И.-Г. — 92, 168

Флери А. — 257

Фовицкий И. М. — 169

Фокион — 273

Фокс Г.-Р. — 128, 178, 321

Фома Аквинский — 165

Фомин А. А. — 502, 531, 549

Фонвизин Д. И. — 241

Фонтан де Л. — 158

Фориель К. — 38, 117, 121, 152

Фотий, архим. — 166

Фредерик II — см. Фридрих II

Фресину де Д.-А. — 163

Фресинус — см. Фресину де Д.-А.

- Фридрих II — 113, 137, 161, 171, 172, 259, 270, 511
 Фридрих IV — 559
 Фридрих Великий — см. Фридрих II
 Фридрих Прусский — см. Фридрих II
 Фридрих-Вильгельм III — 468, 554, 570
 Фроже — 123
 Фротон — 278
 Фуа М.-С. — 100, 175, 184, 185
 Фуше Ж. — 200
 Фюльберт — 139, 140
- Х**
 Хвостов Д. И. — 239
 Хитрово А. З. — 270
 Хомяков А. С. — 545, 562
 Храповицкий А. В. — 228, 538
 Христина, шведская королева — 156, 586
- Ц**
 Цезарь Юлий Гай — 51, 52, 161
 Цимбаева Е. Н. — 32
 Циркур — см. Сиркур де А.
 Цявловский М. А. — 538
- Ч**
 Чаадаев М. Я. — 208, 530
 Чаадаев П. Я. — 34, 35, 38, 171, 207–210, 230, 254–256, 258, 261, 517, 520, 530, 531, 545, 546
 Чайковский М. — 510
 Чаннинг (Чанинг) У. — 142, 143, 513
 Чарторижский А. — 200, 522
 Чаттертон Т. — 121, 505
 Ченст — см. Шенстон У.
 Черепнин Л. В. — 556
 Чернышев А. И. — 240, 260
 Чернышевский Н. Г. — 75, 562
 Чичагов П. В. — 179
 Чичерин Б. Н. — 562
 Чиямпи (Чампи) — 102, 103
- Ш**
 Шампольон-Фижаж Ж.-Ж. — 113, 117
 Шатель Ф.-Ф. — 118, 123, 504, 511
 Шатобриан Ф.-Р. — 32, 38, 87, 90, 91, 104, 117, 119, 127, 128, 131–135, 142, 143, 154, 158, 160–164, 175, 180, 181, 184, 242, 243, 245, 248, 249, 498, 507, 509, 513, 543
 Шаховская (урожд. Щербатова) Н. Д. — 261
 Шаховской А. А. — 220
 Шаховской Дм. — 46
 Шварц И. Г. — 6
 Шварц Ф. Е. — 230
 Шварценберг К.-Ф. — 438
 Шебунин А. Н. — 55, 60, 74, 75
 Шевырев С. П. — 261, 520
 Шекспир В. — 93, 95, 99, 126
 Шеллинг Ф.-В.-И. — 37, 92, 167–169, 174, 244, 520, 543
 Шеллинг, жена Ф.-В.-И. Шеллинга — 244
 Шенстон У. — 268
 Шереметьев Б. П. — 104
 Шерер И.-Б. — 106
 Шетарди И.-Ж.-Т. — 192
 Шиллер И.-К.-Ф. — 8, 93, 97, 98, 100, 151–153, 155, 157, 167, 174, 199, 263, 271, 514, 515, 517, 548
 Шишков А. С. — 48, 49, 204, 221, 529, 558
 Шлегель А.-В. — 15, 88, 172, 521
 Шлецер А.-Л. — 11–13, 15, 16, 17, 95, 106, 154, 173, 195, 250, 277, 279, 503, 526, 551
 Шор Р. И. — 525
 Шроттер — 466, 468
 Штегеман Ф.-А. — 375, 468, 561
 Штейн Г.-Ф.-К. — 39, 50, 77, 104, 171, 203, 249, 375, 443, 463, 466, 468, 520, 521, 560, 561, 570
 Штейн Лоренц — 41–43
 Шуберт Г.-Г. — 125, 506
 Шуберт Ф. И. — 120
 Шувалов Г. П. — 118, 122
 Шувалова — 181

Эйдельман Н. Я. — 25, 34, 532

Эймонтова Р. Г. — 43

Эйхгорн И. — 11

Экштейн Ф. — 38, 88, 135, 498

Элоиза — 139, 140, 512

Эльгин — см. Брюс Т., гр. Эльгин

Эме Мартен Л. — 134

Энгиенский герцог (Луи Антуан Анри де Бурбон) — 160, 518

Юлиан отступник (Флавий Клавдий Юлиан) — 150

Юм Д. — 113

Юстиниан Великий — 252

Юсупов Н. Б. — 250

Ягужинский П. И. — 111, 114

Якоби Ф.-Г. — 92, 100, 167

Яковенко С. Г. — 37

Янсон Ю. Э. — 565

Ярослав Мудрый — 558

Aimé Martin — см. Эме Мартен Л.

Auzou — см. Озу Л.-Н.

Barbara — 161

Barrot Odilon — см. Барро К.-Г.-О.

Bernardin de St.-Pierre — см. Сен-Пьер Ж.-А.-Б.

Breuvéry de J. — см. Бревери де Ж.

Brosse de — см. Броссе Ш.

Brun m-me — 143

Cadolvène de Ed. — см. Кадольвен де Э.

Campbell Neil — см. Кэмпбелл (Кампбелл) Н.

Claude Lorrain — см. Лорен

d'Abrantès, герцогиня — см. Абрантес, Л.-А.-К.

d'Archias — см. д'Аршиак де О.

Damoreau — см. Даморо Л.

Didier — см. Дидье Ш.

Dupanloup — см. Дюпанлу Ф.-А.

Dupin — см. Дюпен А.-М.-Ж.

Foy Генрих — см. Фуа М.-С.

Frédéric II — см. Фридрих II

Genlis — см. Жанлис С.-Ф. Дюкре де Сен-Обен

Guizot — см. Гизо Ф.

Janvier — см. Жанвье

Labouillerie — 145

Lebrun — см. Лебрен Л.-Э.

Lenormand — см. Ленорман, племянница Рекамье

Ligny de — 160

Mac'Culloch — см. Мак-Каллох Дж.-Р.

Makintosh James — см. Макинтош Дж.

Marchais — см. Марше

Mars — см. Марс

Martin de Strasbourg — 322

Michelet — см. Мишле Ж.

Moreau de Jones — см. Моро Жоннес де А.

Nourrit — см. Нурри А.

Paley — см. Пэйли У.

Plessy — см. Плесси

Récamiér — см. Рекамье Жюли

Rossi — см. Росси П.-Л.-О.

Senozon de — см. Сенозон

Smithson — см. Смитсон Г.

St. Aulaire — см. Сент-Олер де Бонуваль Л.-К.

St.-Priest — см. Сен-При А. К.

St.-Simon — см. Сен-Симон, герцог

Ste-Beuve — см. Сент-Бёв Ш.-О.

Vergniaud — см. Верньо П.-В.

Winkel — см. Винкель Т.-Э.

Содержание

Александр Иванович Тургенев	
<i>Е. Л. Рудницкая</i>	5

Николай Иванович Тургенев	
<i>В. С. Парсамов</i>	47

А.И. ТУРГЕНЕВ. ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ 85

I. Хроника русского.	87
------------------------------	----

I. Письмо из Дрездена (Извлечение)	87
--	----

II. Письмо из Дрездена (Извлечение).	92
--	----

III. Письма из Дрездена	94
-----------------------------------	----

IV. Иностранная переписка (Извлечение).	100
---	-----

Хроника русского.	101
---------------------------	-----

Отрывки из заграничной переписки.	117
---	-----

[1]	117
---------------	-----

[2]	123
---------------	-----

Париж. (Хроника русского)	132
-------------------------------------	-----

Отрывок из записной книжки путешественника	151
--	-----

Европейские корреспонденции.	
------------------------------	--

Хроника русского в Париже	157
-------------------------------------	-----

[Из неизданной «Хроники русского в Париже»].	162
--	-----

II. Из дневников	165
----------------------------	-----

Дневниковые записи 1823–1824 гг.	165
--	-----

Из дневников (1825–1826 гг.)	166
--	-----

Дневниковые записи 1831 и 1836 гг.	191
--	-----

III. Из писем	194
IV. Приложение	273
Речь в Дружеском литературном обществе	273
Заслуги Карамзина, исторического исследователя и исторического писателя	275
[О П. Б. Козловском]	279
Н.И. ТУРГЕНЕВ. ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ	281
О суде присяжных и о судах полицейских в России	283
О силе и действии рескрипта 20 ноября 1857 года	365
Вопрос освобождения и вопрос управления крестьян	382
О новом устройстве крестьян	456
КОММЕНТАРИИ	495
Список сокращений	571
Библиография	573
Указатель имен	575

Научное издание

*Библиотека отечественной общественной мысли
с древнейших времен до начала XX века*

Тургенев Александр Иванович
Тургенев Николай Иванович
Избранные труды

Ведущий редактор *Е. А. Кочанова*

Редактор *Н. В. Макаров*

Художественный редактор *А. К. Сорокин*

Художественное оформление *М. В. Минина*

Технический редактор *М. М. Ветрова*

Компьютерная верстка *Д. Г. Куприянова*

Корректор *Т. В. Стороженко*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 28.12.2009.

Формат 60×90 ¹/₁₆. Печать офсетная. Усл. печ. л. 37,0.

Тираж 1000 экз. Заказ 2129

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)

117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82.

Тел.: 334-81-87 (дирекция), 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

